

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

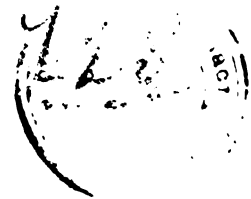
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 538.14

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

146
1720.
1863

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1863.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ.

ЯНВАРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. Н. ГЛАЗУНОВА

Digitized by Google

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ.

1933

2

728

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

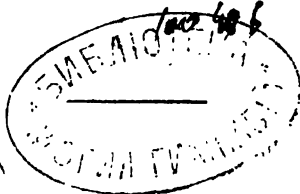
ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. КРАЕВСКИМЪ и С. ДУДЫШКИНЫМЪ.

146
ТОМЪ CXLVI.

700
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. Н. ГЛАЗУНОВА.

1863.

△
Pslav-531.14 (146)

Одобрено цензурою. Санктпетербургъ, 28 января 1863 года.

64-1

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1863.

Я Н В А Р Ъ.

	СТР.
СТИХОТВОРЕНИЕ: «На бѣлой отмели каспійскаго поморья»; А. Н. МАЙКОВА	1
РАЗСКАЗЫ Н. В. УШЕНСКАГО : 1) Лошадь; 2) Декаловъ: Вечеръ; 3) Ночь	2
ОТВЕРЖЕННЫЙ. Разсказъ. А. О. СУВОРИНА	20
ИЗЪ ПЕТРАРКИ. А. Н. МАЙКОВА	70
ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ. — Гроза. В. Н. НАВАРЬЕВА	71
ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ ЧИНОВНИКА. Гуслица. А. П. ОТОР- ЖЕНКО	82
УЧИТЕЛЬСКІЕ СОВѢТЫ И СЪѢЗДЫ. В. И. ВОДОВОЗОВА	145
ЕВГЕНІЯ. Разсказъ. Главы I—II. Е. САДЬЯНОВОЙ	167
ПУБЛИЦИСТЫ НОВАГО ВРЕМЕНИ. I. Ройе-Колларъ. В. Г. АВОЛЕНКО	202
МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ. Біографическій очеркъ. <i>Статья первая.</i> В. И. ПАМАНСКАГО	244
СЕМЕЙСТВО ТУРЕНИНЫХЪ. Повѣсть. ОЛЬГИ И^а	296

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ. Безхарактерность наша въ минувшемъ году. — Неудобства характерности и твердости направленій въ политикѣ и въ политической литературѣ. — Примеръ изъ австрійской жизни. — Авторъ «Молодой Россіи» — лучший другъ правительства. — Имѣютъ ли право партіи, воюющія во имя общества, подчинять себѣ общество и требовать отъ него, чтобъ оно рабски держалось одной изъ воюющихъ сторонъ? — Значеніе литературныхъ доносовъ и необходимость воздерживаться отъ безхарактерности впредь

до упроченія русской печати. — Наступившій годъ и его будущая практическая дѣятельность. — Благотворное вліяніе практической дѣятельности и превращенія, производимыя ею на прогрессистовъ и крѣпостниковъ. — Мнѣніе наше о томъ, какому наказанію слѣдовало бы подвергать юношей и студентовъ за ихъ политическія увлеченія. — Безхарактерность всей русской націи и неспособность ея къ твердымъ направленіямъ. — Какой изъ ввѣринныхъ образовъ наиболѣе соотвѣствуетъ русскому человѣку. — Сѣмена и всходы русскаго развитія. — Судебная самостоятельность и мировые сѣзды. — Заслуги земскаго отдѣла мин. вн. дѣлъ. — Отъ кого наиболѣе терпитъ наша самостоятельность и кому она наиболѣе обязана своими первыми опытами. — Могущество теоріи, вышедшей изъ практики. — Портретъ практическаго мирового посредника. — Какъ понимаютъ крестьяне слова: «другой воли не будетъ». — Нѣмецкіе крестьяне въ 1786 году. — Основательны ли опасенія насчетъ приближающагося 19 февраля нынѣшняго года. — Вопросъ о дворовыхъ людяхъ. — О собственныхъ земляхъ крестьянъ, купленныхъ на имя помѣщиковъ. — Порядокъ нынѣшняго рекрутскаго набора, установленный для временно-обязанныхъ крестьянъ. — Деспотизмъ общества надъ личностью по нашимъ законамъ и удары, наносимые ему судебнымъ преобразованиемъ. — Административный судъ и высылка лицъ изъ столицъ по распоряженію полиціи. — Преобразование тайной полиціи, предсказываемое «С.-Петербургскими Вѣдомостями». — Послѣдовавшее преобразование явной полиціи. — Существующіе способы для развѣдыванія полицейскихъ чиновъ. — Ходъ работъ въ судебно-преобразовательной комиссіи. — Имена лицъ, участвовавшихъ въ составленіи «Основныхъ положеній». — Общая характеристика будущаго года. — Послѣднія извѣстія. I

О ПРИЧИНАХЪ СЛАВНЫХЪ УСПѢХОВЪ ВЪ НѢКОТОРЫХЪ ДѢЛАХЪ. Н. В. АЛЬВЕРТИНИ. 1

О ЛИЦАХЪ, ОТВѢТСТВУЮЩИХЪ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ ЗА ПРЕСТУПЛЕНІЯ, СОВЕРШАЕМЫЯ ПЕЧАТНЫМЪ СЛОВОМЪ. Е. Е. АРСЕНЬЕВА 41

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 61

ПРИЛАГАЮТСЯ: 1) *Детъ нарижскія картини дамскихъ и мужскихъ модъ*; 2) о новыхъ русскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ *Д. Е. Кожанчикова*; 3) о новыхъ французскихъ книгахъ, продающихся въ магазинѣ г. *Дюфура*; 4) о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ магазинѣ г. *Бернарда*.

128

На бѣлой отмели каспійскаго поморья,
Работой ваторжной изнеможенъ, лежалъ
Пѣвецъ. Вокругъ песокъ; ни кустика, ни взгорья...
Лишь Каспій брызгами страдальца освѣжалъ,
Лишь Каспій вызывалъ пѣвца на пѣснопѣнье...
Вотъ въ сердцѣ узника забилося вдохновенье,
Задвигались уста, сверкнулъ потухшій взоръ,
Онъ руки къ родинѣ, какъ къ матери простеръ
И очи обратилъ съ молитвой жаркой къ Богу:
Но двое часовыхъ ужъ видать — быть грѣху!
И взводить ужъ курии, оставили ужъ ногу,
Готовясь выстрѣлить по первому стиху,
И въ крѣпости поднять военную тревогу...

А. МАЙКОВЪ.

1859.

РАЗСКАЗЫ.

III.

ЛОШАДЬ.

Въ селѣ Ивановѣ каждое утро раздавался церковный колоколъ, призывавшій прихожанъ на помины одного богатаго дворянина.

— Слава богу, кумъ, говорилъ однажды дьячокъ, сидя у себя въ домѣ съ мужикомъ, за полштофомъ водки: — сороѳоустъ конченъ, на мою часть досталось шесть рублей. Вонъ женѣ купилъ платокъ... У меня, кумъ, этого нѣтъ, чтобы я свою жену забылъ. Мы хоть иногда и ссоримся съ ней, а у насъ этихъ пустяковъ нѣтъ... Такъ, аль нѣтъ?

— Толковать еще! говорилъ пьяный мужикъ.

Жена дьячка стояла въ углу, показывала пономарихѣ платокъ и говорила:

— Право слово... какой нарядный... французскій, касандрицкій..

— У меня теперь вотъ что на умѣ, кумъ: лошадку купить; у Акимки Зановы знаешь лошадей?

— Мерина-то? знаю...

— Ну, такъ я его хочу купить; вѣдь лошадка ничего? Шесть серебра я получилъ, да своихъ приложу — авось и осилю. Лошадь она сморѣная; ну, да мы ее поправимъ... А у Акимы теперь нужда: онъ раздѣлился и, пожалуй, уступить... Жена! заключилъ дьячокъ: — давай-ко намъ съ кумомъ ужинать, да пора спать.

Послѣ ужина дьячокъ долго толковалъ спавшему подлѣ него на полу куму о лошади, о томъ, какой былъ обѣдъ на поминьяхъ и проч.

Въ самую полночь раздавался хриплый голосъ дьячка:

— Вдвѣлѣ люди, кумъ, ближе были къ Богу... Моисею явился Господь въ облакѣхъ; ну, а если бы, говорю, и пришлось купить мерина... цѣнадцать цѣлковыхъ я завсегда дамъ...

На другой день дьячокъ встрѣтилъ на улицѣ мужика Акима, ѣхавшаго въ телегѣ, остановилъ его и началъ:

— Здорово, Акимъ!

— Здорово, Семенычъ!

— Куда ѣдешь?

— Да къ куму за цѣпомъ... Вотъ тоже у Андрюхи надо взять пилу... строятся, братъ, хочу; вѣдь мы раздѣлились.

— Знаю, сказалъ дьячокъ:—какъ это у васъ теперича пойдеть въ одиночку-то?

— Какъ! отвѣчалъ мужикъ, плюнувъ съ телеги:— какъ, братецъ ты мой, ни пойдеть, все же много слободнѣй будетъ.

— Вѣстимо слободнѣе; покрайности ссоры не будетъ.

— Такъ-то... съ размышленіемъ сказалъ мужикъ.

— Что тамъ! Извѣстно слободнѣе теперича будетъ.

— Какъ же, братецъ ты мой! много слободнѣе.

— Толковать стать!.. А что, Акимъ, продай-ко мнѣ свою лошадь.

— Эту-то? что жъ? Пожадуй, купи. Мужикъ натянулъ веревочныя возжи, желая придать лошади приличный видъ, и повторилъ:— купи, пожалуй...

— А какъ цѣна?

— Да кто ее знаетъ!

— Вѣдь, небойсь, годъ-то великоньки, замѣтилъ дьячокъ, подходя къ мордѣ лошади.

— Лѣта! объ лѣтахъ не толкуй: три года лошади, хоть спроси... дитѣ лошадь...

— Лошадь битая...

— Знамо, лошадь безъ корму; какой она у насъ кормъ видѣть! Солома да солома... съ ней не разыграешься... А ты знаешь, какова ея мать была?

— Мать, лошадь была ничего... по заводу-то я маленько и тапучу; словно безъ корову лошади...

— Какой поровъ? Ты погляди ѣду; ѣзда сибирная...

— Ну, какъ цѣна-то?

Мужикъ поглядѣлъ на лошадь и сказалъ: шестнадцать серебра.

— Нѣтъ, Акимъ, нынѣ на ярмаркѣ за эту цѣну такую ли купишь! Вонъ Ефремъ далъ двѣнадцать серебра лошадь-то... запрягай хоть въ Москву.

— Что Ахремъ?... Авось я видѣлъ и его лошадь: лошадь безъ живота.

— Доброго здоровья! сказала нѣсколько подошедшихъ мужиковъ: — аль лошадь торгуешь?

— Торгую.

— Много просить?

— Да просить дорого: шестнадцать серебра.

— Лошадка—ничего... сказалъ одинъ мужикъ:—маловата немножко, да посбита, а то ничего — лошадь...

— Лошадѣнка — ничего...

— Эта лошадь — ничего... въ отъѣздъ пойдетъ: ишь у ней кожа-то, сказалъ одинъ, хватая въ горсть кожу: — не присохла къ ребрамъ...

— Не присохла, знамо! возразилъ Акимъ: — кожа добро!...

— А это знай, братъ, что лошадь ничего, замѣтилъ одинъ въ толпѣ:—если кожа не присохла къ ребру...

— Ну, что же, ребята? ладьте веселѣй!

— Да, что! Акимъ все дорожится.

— Да вѣдь какъ не дорожиться-то?

— Ну, Акимъ, отдавай за четырнадцать съ полтиной, и разговоръ весь... безобидно будетъ...

— То-то и есть, прибавилъ дьячокъ: — кто за нее больше дастъ? какъ бы побояхнѣй была... а поведи сейчасъ на торгъ, десяти рублей не дадутъ.

— Не дадутъ.

— Отдавай, Акимъ!

— Отдавай, дурашка... да за магарычомъ посылай... авось у тебя есть еще лошадь...

Наконецъ лошадь была куплена. Дьячокъ привелъ ее къ себѣ домой и поднесъ пріятелямъ водки.

Дьячокъ былъ большой знатокъ въ лошадяхъ: ему стоило только взглянуть на любую лошадь, чтобы опредѣлить, чего она

стѣнтъ, много ли на ней ѣздили, чѣмъ она испорчена и проч. А если дьячокъ покупалъ ее для себя, то, значить, это былъ конь безъ цѣны.

Купленная его лошадь была маленькая, шершавая, съ репейниками надо лбомъ и на гривѣ. Мужикъ никогда не кормилъ ее и какъ только откуда нибудь пріѣзжалъ на ней, то всегда бралъ хорошій кнутъ или шестъ и принимался отгонять ее отъ своего двора, будучи убѣжденъ, что лошадь, особенно голодная, сама обязана приискивать себѣ кормъ. Ей не было еще двухъ лѣтъ, какъ она ходила въ боронѣ; въ началѣ третьяго года она уже пахала, возила становыхъ, прикащиковъ, солдатъ, и даже одинъ разъ была въ Москвѣ; ей неоднократно приходилось возить огромные воза по грязи, отъ чего она спотыкалась и падала въ оглобляхъ, и за это ее стегали по головѣ и по глазамъ; вслѣдствіе всего этого, плечи ея были обожжены (обтерты) хомутами, на крестцѣ была лысина, выбитая палками. А отъ природы она была кроткая и сносная лошадь...

Черезъ мѣсяцъ послѣ упомянутой покупки нельзя было узнать лошади: дьячокъ такъ раскормилъ ее, что когда онъ проѣзжалъ по селу, всѣ встрѣчные останавливались и говорили:

— Какъ ты думаешь? Онъ теперь не возьметъ за нее ста рублей...

— Охотникъ навернется, отдастъ и больше... такихъ лошадей поискать...

Иногда дьячокъ нарочно останавливался среди мужиковъ, чтобы сильнѣе заинтересовать ихъ.

— Что, Семенычъ? Я тебѣ тогда еще говорилъ: покупай это добро...

— Лошадка, Богъ дастъ, ничего... отвѣчалъ дьячокъ, сдерживая горячившагося мерина...

— А вѣдь ты теперь дешево не отдашь его?

— Дешево, не дешево, говорили другіе мужики, боясь при дьячкѣ хвалить лошадь, чтобы не сглазить ее: — а цѣну, какую слѣдуетъ, возьметъ—и шабашъ!

— Былъ бы товаръ, а купецъ будетъ, возражалъ дьячокъ и пускалъ лошадь во всю рысь.

Наступила зима. Дьячокъ задумалъ везть на продажу въ губернію возъ хлѣба. Въ день отъѣзда онъ свилъ здоровыя завертки, вычинилъ шлею и отпустилъ въ хомутѣ упой. Послѣ обѣда онъ насыпалъ въ сани возъ ржи и былъ на-чуку, поговаривая съ своей женой о томъ, какъ она должна вести себя въ его отсутствіе.

При наступленіи ночи, дьячокъ вышелъ на улицу запрягать лошадь. На небѣ были звѣзды и ярко свѣтилъ мѣсяцъ; на дорогѣ скрипѣлъ снѣгъ подъ ногами прохожаго... Дьячокъ натянулъ супонь у хомута, ловко подхватилъ черезсѣдѣлень, завожжалъ лошадь и отошелъ всторону — полюбоваться упряжью: Оглоблей нельзя было пошевелинуть, дуга стояла крѣпко; но болѣе всего дьячка радовало большое брюхо лошади — признать, что лошадь сыта и нескоро протрясется. Онъ вообще любилъ утробистыхъ лошадей, какъ истинный хозяинъ.

Пришедши въ избу, дьячокъ обвязалъ платкомъ свой воротникъ и сказалъ женѣ:—Ну, все готово! Смотри же, карауль жеребенка, да не забудь поговорить свату Амеляну, чтобы онъ дугу-то принесъ, да цѣлковый рубль денегъ: молъ, докуда ждать?... ужъ и такъ два года прошло...

Дьячокъ простился съ женой и поѣхалъ.

Дьячиха думала, думала, стоя съ ночникомъ среди избы что ей теперь дѣлать? Она почувствовала себя какъ-то заново. Мужъ пріѣдетъ по-крайней-мѣрѣ черезъ недѣлю, и каково! она теперь совершенно свободна... Ей приходило въ голову послать вина купить и гостей зазвать, но все это наконецъ не понравилось ей — именно потому, что узнаютъ про это сосѣди. Она кончила на томъ, что рѣшилась пройти посидѣть къ кумѣ помомахѣ.

Дьячокъ ѣхалъ цѣлую ночь. При малѣйшей горѣ онъ слѣзалъ съ возу; при небольшомъ раскатѣ упирался руками въ сани, боясь, чтобы лошадь не ободрала себѣ ногъ оглоблями; онъ ни разу не стегнулъ ея кнутомъ. При видѣ силы и ловкости, съ которыми лошадь выхватывала изъ ухабовъ возъ, дьячка обнимало какое-то высокое чувство...

Дьячокъ благополучно съѣздилъ въ губернію. Возвращаясь домой, на второй уже станціи онъ замѣтилъ, что какіе-то два мѣщанина на парѣ лошадей слѣдятъ за нимъ. Дорога была старая, глухая; дьячокъ, какъ человѣкъ опытный, понялъ, что незнакомцы преслѣдуютъ его недаромъ... дѣло было къ вечеру.

— Эй, почтенный! заговорили мѣщане:—ты чей?

Пришла деревня, и дьячокъ поторопился въѣхать на постоянный дворъ. Онъ разсказалъ о мѣщанахъ дворнику, который ему хорошо былъ знакомъ.

— У насъ тутъ не очень покойно, говорилъ дворникъ:—на дняхъ у ямщика увели тройку лошадей — и слѣдъ простылъ.

Ночь прошла. Еще не разсвѣтало, а дьячокъ началъ сбираться въ дорогу.

— Повремени, Семенычъ, останавливалъ его дворникъ: — успѣешь... дай разсвѣтеть...

— На улицѣ скрипятъ сани... народъ поѣхалъ, сказалъ дьячокъ.

Стало свѣтлѣть; дворникъ все еще не пускалъ дьячка. Наконецъ разсвѣло совсѣмъ, и дьячокъ запрягъ лошадь.

Проѣхавъ деревню, дьячокъ оглянулся назадъ и увидалъ ту же самую пару, которая ѣхала за нимъ наканунѣ.

Онъ началъ постегивать лошадь; пара не отставала.

— Почтенный! крикнулъ одинъ мѣщанинъ:—нѣтъ ли табачку понюхать?

— Я не нюхаю.

Погоня продолжалась; отъ лошадей валилъ паръ; коренная лошадь мѣщанъ начала ужъ бить ногами сани дьячка... Онъ почувствовалъ, что дѣло его плохо и со всего плеча принялся погонять свою лошадь.

Минутъ пять продолжалась погоня; наконецъ фигуры мѣщанъ стали исчезать въ снѣжной пыли...

Дьячокъ проѣхалъ какую-то деревушку и свернулъ всторону, къ лѣсу... Часа черезъ полтора онъ былъ уже дома.

— Жена! ступай, отпрягай лошадь, сказалъ онъ, входя въ избу:—что-то мнѣ нездоровится...

Вскорѣ пришла со двора жена и сказала:

— Семенычъ! лошадь твоя такъ и упала въ оглоблихъ...

— Не замай ее! Она, должно, издохнетъ...

Но лошадь осталась жива и черезъ недѣлю опять поправилась.

Судьбѣ, однако, не угодно было помириться съ дьячкомъ. Въ одно утро дьячиха приблизилась къ печи и, дергая за рукавъ спавшаго дьячка, объявила, что его лошадь увели...

Послѣ долгихъ и тщетныхъ поисковъ дьячокъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на печи въ глубокой грусти, мысленно сравнивая себя съ многострадальнымъ Іовомъ...

Года черезъ два дьячокъ увидалъ свою лошадь въ городѣ на ярмаркѣ: ея ребра были наружи; у ней не было ни хвоста, ни гривы, и одинъ глазъ былъ вышибенъ... Какой-то мѣщанинъ торговалъ ее на шкуру...

Дьячокъ только могъ узнать, что эта лошадь долго была на станціонномъ дворѣ, гдѣ и кончила свою дѣятельность.

— Говори послѣднее слово, сколько? кричали мѣщане, заноса вверхъ руки.

— Сколько?

— Два съ полтиной!

— Три съ гривной!

— Хочешь ты, хватая за руку хозяина лошади, снимая шапку и взирая на небо, кричалъ одинъ мѣщанинъ:—хочешь два рубли шестьдесятъ пять?—и шабашъ! Авось я ее покупаю не на стойло, а на ножъ!...

— На ножъ, братъ? это первая лошадь! ну хочешь три?

— Сбавляй!

— Прибавляй... два семьдесятъ пять.

— Два семьдесятъ!

— Ладно! молись Богу!

Мѣщане стукнули по рукамъ и начали молиться. Вскорѣ лошадь была отведена въ стадо подобныхъ ей влячь, назначенныхъ, какъ выражались мѣщане, *на ножъ*...

По ярмаркѣ раздавались крики и руготня торгашей, стукъ ложекъ и чашекъ, и уныло пѣтый нищими Лазарь.

IV.

В Е Ч Е Р Ъ.

Была зима. Декаловъ, съ подвязанными ушами, исправно ходилъ въ училище, надѣвая на себя холодную свитеку и теплый картузь, который съ трудомъ стаскивалъ съ головы при встрѣчѣ съ учителями.

Смеркалось. Въ семинарской квартирѣ было темно; риторъ Пречистенскій скромно ѣлъ хлѣбъ близъ подмостокъ, на которыхъ разговаривали мальчишки про уроки и учителей; на лежанкѣ сидѣлъ философъ Семеновъ, товарищъ Дѣтищева; на печи и на полатахъ были тоже семинаристы, и между ними двое исключенныхъ, говорившихъ про мѣста и должности:

— Вотъ, говорятъ, въ селѣ Петровкахъ, каширскаго уѣзда, есть праздное, дьячковское... со взятіемъ...

— А то, мнѣ сказывали въ консисторіи, въ Зашиваловѣ есть мѣсто—во дворѣ... приходъ богатый... пять помѣщиковъ... одинъ, кажись, графъ какой-то...

Вошла хозяйка.

— Кто это на лежанкѣ?

Философъ молчалъ, а за него отвѣчали:

— Егоръ Антонычъ.

— Орловъ! сказала хозяйка: — что жъ, когда ты муку доставишь?

— Въ воскресенье, Марья Ивановна, схожу къ дядѣ...

— Что, одушникъ-то закрыли, что ль? спросила хозяйка, щупая рукой выше своей головы.

Въ это время отворилась дверь, кто-то вошелъ и тихо спросилъ:

— Старшій дома?

Всѣ замолкли.

— Суб-инспекторъ, суб-инспекторъ... по всей квартирѣ раздался шопотъ, и съ печи и съ кроватей посыпалъ народъ.

— Зажгите огонь, бѣгите за старшимъ...

Зажгли свѣчу; предъ суб-инспекторомъ стояло человѣкъ десять учениковъ, съ заспанными лицами; одинъ Пречистенскій, съ приглаженной головой, смѣло смотрѣлъ въ глаза суб-инспектору, отъ котораго исключенные, въ однихъ жилеткахъ, и философъ, застегивавшій сюртукъ, жались по угламъ.

— Гдѣ старшій и Дѣтищевъ? спросилъ суб-инспекторъ, садясь на табуретъ и опираясь на палку.

— Отлучились для свиданія съ родственниками.

— Скажите имъ, что, если они не перестанутъ ходить по трактирамъ, то я донесу на нихъ отцу ректору, объявилъ суб-инспекторъ и отнесся къ философу: — ты, Семеновъ, вчера, кажется, не былъ на моей лекціи герменевтики?

— Боленъ былъ, Николай Ивановичъ...

— Ты почти вовсе не учишься, да къ тому же имѣешь грубый нравъ... Мнѣ жаловались, что ты на-дняхъ разграбилъ черепеники въ харчевнѣ и вывихнулъ руку хозяйкѣ...

Хозяйка начала пробираться сквозь толпу, чтобы засвидѣтельствовать дѣйствительность происшествія, но суб-инспекторъ продолжалъ:

— Ходи чаще въ церковь и проси Бога о смягченіи своего характера... чтобы онъ изгналъ изъ тебя эту дурь... Ну, что же, вы ещё не опредѣлились? спросилъ онъ у исключенныхъ.

— Нѣтъ-съ... мы подали прошенія...

— Какая у васъ завтра лекція? спросилъ суб-инспекторъ Пречистенскаго.

— Древняя исторія.

— Ты приготовился?

— Приготовился-съ, покраснѣвъ, отвѣчалъ Пречистенскій.

— Скажи мнѣ: долго ли царствовалъ въ Греціи Баттъ Хромой?

Пречистенскій, прищуривъ одинъ глазъ, взглянулъ на потолокъ и отвѣчалъ:

— Отъ 550—526 г. до Р. Х.

— Хорошо! А какой царь предлагалъ матери племянниковъ Оципіона Африканскаго раздѣлить съ нимъ тронъ и она отказалась?

— Птоломей Шестой.

— Весьма хорошо! Старайся... Ну, проводите меня кто-нибудь до другой квартиры, заключилъ суб-инспекторъ, поднимаясь. Пречистенскій одѣлся въ тулупъ съ валыцкимъ воротникомъ и повелъ его изъ комнаты.

— Посвѣтите! свѣчку, свѣчку! заговорилъ народъ.

Оба исключенные подняли свѣчу до самаго потолка.

Какъ-только суб-инспекторъ скрылся, семинаристы встали по комнатамъ и заговорили:

— А пожалуй, заправду донесетъ на старшого... вѣдь каждый день въ трактирѣ... инспекторъ ужъ знаетъ, что онъ проигралъ въ бильярдъ общественную крупу...

— Что это суб-инспекторъ на васъ напалъ? спросили Семёнова исключенные.

— Пусть его! ложась на лежанку, проговорилъ философъ: — много нуждаюсь я! По мнѣ хоть завтра въ дѣятели...

Исключенные отправились на полаты.

Минутъ черезъ десять пришелъ Пречистенскій съ розовыми щеками отъ мороза; онъ сѣлъ за столъ и принялся списывать лекціи профессора, подъ заглавіемъ: «Убѣжденія оратора на сердце». Вокругъ него учили уроки мальчики, зажавъ свои уши.

Декаловъ сидѣлъ безъ книги и посматривалъ на товарища Орлова, который, облокотившись на греческую грамматику, ѣлъ лепешку; онъ ждалъ, пока Орловъ наѣстся, вытвердить урокъ

и позволить ему поучиться по его грамматикѣ; но Орловъ, поглядывая по сторонамъ, внутренне радовался, что Декалова завтра ожидаетъ гибкая лоза...

— Пречистенскій! крикнулъ съ лежанки философъ:—нѣтъ ли у тебя до завтра гривенника?

— Право, Егоръ Антонычъ, нѣту: нынче отцу послалъ письмо...

— Орловъ! говорилъ Декаловъ:— одолжи хоть катихизиса...

Орловъ помолчалъ и сказалъ:

— Я его въ сундукъ заперъ... •

На полатахъ исключенные шѣли: «Како не дивимся...»

Философъ сошелъ съ своего ложа, сѣлъ на скамью у стола и мрачно спросилъ мальчиковъ:

— Приготовили уроки?

— Нѣтъ, Егоръ Антонычъ.

— Что же вы дѣлали, пришедши изъ училища? Декаловъ! читай изъ катихизиса...

Декаловъ вышелъ изъ-за стола и сталъ среди комнаты (какъ этого требовала субординація).

— Какъ читается второй членъ символа вѣры?

Декаловъ въ замѣшательствѣ перебиралъ ключи, висѣвшіе у него подъ жилеткой, и ничего не отвѣчалъ.

— Эй, вы! приготовьте лозу! крикнулъ философъ ученикамъ.

— Егоръ Антонычъ, у меня книгъ нѣту, сказалъ Декаловъ.

— Кто жъ тебѣ будетъ покупать книги? а, что-ль? Эй, что же вы не несете?

— Лозы нѣту, Егоръ Антонычъ, крикнулъ одинъ мальчикъ, выльзая изъ-подъ печки:—кто-то унесъ...

Философъ подошелъ къ полатамъ и спросилъ:

— Ильинскій! пойдѣмъ, братъ, въ садъ, нарѣжемъ березовыхъ сучьевъ.

— Пойдемте...

Исключенный Ильинскій одѣлся въ худую свиту и отправился съ философомъ въ садъ.

На улицѣ была сильная мятель; въ саду съ пискомъ вертѣлся флюгеръ на банѣ... Философъ стоялъ по колѣни въ снѣгу передъ березой, на которой сидѣлъ исключенный, и собиралъ прутья.

— Ильинскій, какъ бы добыть денегъ?

— Завалить надо что-нибудь, отвѣчалъ Ильинскій.

- Да ужъ я назначаю свой тулупъ.
- Такъ надо идти къ Алёнкѣ; она дастъ рубля два.
- Хоть бы рубль дала!
- Дастъ больше... Вѣдь у вашего тулупа овчины молодая...
- Только ты ужъ самъ Алёнкѣ напиши росписку, а я постою на улицѣ; мнѣ не хочется срамиться...

Вскорѣ Ильинскій и Семеновъ пришли въ кухню, положили сучья въ печку для распариванія и, завязавъ узелъ въ тулупъ, ушли къ Алёнкѣ.

Мальчики поужинали съ Пречистенскимъ и легли спать.

Часовъ въ одиннадцать пришелъ старшой, а съ нимъ философы Дѣтищевъ и Семеновъ, держа на цѣпи овчарную собаку. Исклученные проснулись оба и слѣзли съ полатей.

- Гдѣ, гдѣ это вы добыли собаку?
- На улицѣ поймали.
- А вѣдь она не простой породы... А знаете ли что? ее можно заложить...

— Да я нарочно поймалъ ее, чтобы поправить свои обстоятельства, сказалъ Дѣтищевъ.

— Ее фельдфебель Тесаковъ приметъ...

Семинаристы съ часъ толковали про собаку, какъ старшой проигрался въ трактирѣ и пр., наконецъ, улегшись въ постели, завели такой разговоръ:

— А что, господа? говорятъ, купецъ Окороковъ, что зарѣзался, ходитъ ночью по домамъ...

— Я тоже слышалъ... Говорятъ, его видѣли третьяго-дня на волковой улицѣ... Роднымъ своимъ не даетъ покоя: каждую ночь громъ, шумъ...

Старшой поправилъ свою подушку и проговорилъ:

— Все глупости...

— Что, Петръ Петровичъ, вы не вѣрите? спросили всѣ въ одинъ голосъ и притихли, ожидая рѣшенія старшого, какъ богослова, знающаго все.

— Не вѣрю.

— Всѣ молчали.

— Но вѣдь, началъ Дѣтищевъ:—въ священномъ писаніи говорится, что тѣни умершихъ могутъ являться... Такъ аэндорская волшебница вызвала тѣнь Самуила.

— Вопросъ сомнительный... произнесъ старшой.

Въ это время какой-то изъ спавшихъ мальчиковъ крикнулъ на всю комнату...

Свѣчка погасла.

V.

Н О Ч Ъ.

Декалову снилось, что будто онъ никогда и не былъ въ училищѣ, а живетъ въ своемъ родномъ Кочергинѣ.

Весна. Онъ съ парнями въ ночномъ, на поповскомъ лугу...

Табунъ лошадей, фыркая, щиплетъ траву, а караульный съ шестомъ ходитъ вокругъ...

Мѣсяцъ плыветъ по чистому небу... ночь теплая... Парни лежатъ въ рядъ у межи, подложивъ подъ головы армяки, узды и пр. Жаворонокъ умолкъ...

Полночь... всѣ лошади лежать... утренняя заря обозначается яснѣе...

Парнямъ не спится... Человѣкъ восемь собрались идти къ рѣкѣ; они проходятъ спящій табунъ и начинаютъ спускаться подъ гору... Въ это время въ вышинѣ раздается утренняя, судорожно-радостная пѣсня жаворонка...

— А ужъ разсвѣтаетъ, ребята, говорятъ парни.

За ними по травѣ остаются слѣды отъ росы... Становится свѣтлѣе... По лугу завиднѣлись незабудки, синіе колокольчики, желтые баранчики, но за рѣкой темнѣли кусты и лѣса... Поднимается туманъ отъ рѣки, на поверхности которой плещется проснувшаяся рыба.

Уже свѣтло... Вдали на мельницѣ перекликаются пѣтухи... Въ прибрежныхъ кустахъ взапуски поютъ птицы: слышится и иволга, и малиновка, и громкія трели соловья...

Парни, съ пиками щавеля и баранчиковъ въ рукахъ, возвращаются къ проснувшемуся табуну, который усердно щиплетъ траву съ росой, и ложатся у межи. Дремлющій караульный стоитъ близъ колосающейся ржи...

Взошло солнце; по лугу тихо раздается бубенчикъ, а въ воздухѣ заливается жаворонокъ. Парни заснули... Спать съ ними и Декаловъ, но его слегка схватываетъ утренній холодъ... онъ хочетъ чѣмъ-нибудь одѣться...

Декаловъ проснулся; рядомъ лежавшій съ нимъ мальчикъ давно стаянулъ съ него тулупъ. Онъ придвинулся къ спинѣ товарища,

накрылся концомъ тулупа и началъ думать объ урокъ, котораго онъ не выучилъ съ вечера; ему представлялись страницы евангелия съ церковной печатью, клѣтки спряжений греческихъ глаголовъ, потомъ дневальный палачъ съ лозой—и Декаловъ въ ужасѣ тяжело вздыхалъ и, подавляя рыданія, говорилъ про себя: Господи! за что я страдаю? за что счастливѣе меня въ Кочергинѣ мой другъ Петька Лаврухинъ? Петя! ты теперь покойно спишь у своего отца и матери; а завтра пойдешь на улицу, изъ снѣгу сдѣлаешь себѣ домъ, человѣка, или подморозишь свою круглую ледянку и выйдешь съ нею на гору...

Декалову началъ рисоваться морозный день... Густой иней виситъ на деревьяхъ; посвистываютъ синицы на кустахъ... Среди огорода расчищенъ точокъ, на которомъ посыпано коношанное сѣмь и отъ силковъ проведена веревка среди уцѣлѣвшей глухой крапивы, занесенной снѣгомъ...

Въ избѣ Декалова, надъ окномъ, повѣшена клѣтка съ синицей; дьячокъ на полу строить сани, вбивая обухомъ копылья... его жена костью иглой вяжетъ чулокъ... кошка крадется къ синицѣ, но синица не трепещется болѣе... Декаловъ выносить ее на дворъ; дьячокъ говоритъ, что она околѣла отъ угару...

На сельской улицѣ ѣдутъ легкія сани-розвальни, въ которыхъ накорточкахъ сидятъ мужикъ и туго натягиваетъ возжи... сани раскатились и повернули назадъ шершавую лошадь...

Среди дороги, въ выброшенномъ мусорѣ, роются вороны, галки и собаки, а поодаль отъ нихъ гуляютъ два хохлатые голубя, принадлежащіе Петькѣ Лаврухину; напротивъ села, на бугрѣ, вязнетъ въ сугробахъ какой-то охотникъ съ ружьемъ...

На льду рѣки развивается красное пламя: мужики палятъ свинью, наваливая на нее солому, которая быстро превращается въ черный назолъ... У свиньи ссорились ноги и треснувъ отъ жару животъ... Мужикъ беретъ большой ножъ, крестится, и, минуту спустя, на солому вываливаются внутренности животнаго...

— Держи! подставляй! говоритъ мужикъ бабѣ съ рѣшетомъ.

— Прочь, адошныя! кричитъ баба на облицающихся собакъ.

Смеркается... идетъ мать... на горѣ катаются мужики, парни, дѣвки; у завалинны крестьянской избы раздается пѣсня:

Не тебя ль, моя полныя,
Въ полѣ вѣтромъ разнесло...

Парень катится съ дѣвкой въ бѣломъ полушубкѣ, дождь упрямая салазками...

Вьюга усиливается; въ полѣ зги не видать... проѣзжій мужикъ занесть унылую пѣсню... улица пустѣетъ...

Въ темной крестьянской избѣ, у печи, запустивъ носъ въ помол, чавкаетъ поросенокъ, а въ углу сидитъ мужикъ...

Въ дворовой избѣ горитъ огонь... старуха лежитъ на печи, жужить пряха... старикъ вяжетъ сѣть... егѣ лежитъ на намычкахъ... окна запущены снѣгомъ, но въ избѣ тепло и уютно... А на дворѣ стонетъ вьюга и рветъ ставни... разговариваютъ про мертвецовъ и колдуновъ, про то, какъ церковь обокрали, про явленные иконы, про заблудившихся и замерзшихъ въ дорогѣ... въ трубѣ злобно гудитъ вѣтеръ... двери заперты крѣпко... Случись кому-нибудь постучаться въ окно и попроситься ночевать, всѣхъ обниметъ ужасъ...

Съ улицы на крыльцѣ снѣгу навалило по колѣни...

— Акулина, пойдемъ съ тобой къ сосѣду! говоритъ хозяйская дочь работницѣ.

— Сапоги обуй! кричитъ мать изъ другой комнаты.

Дѣвушка и работница отворяютъ дверь и, жмурясь отъ пыли, вязнуть въ молодомъ снѣгу...

Раздается едва слышно благовѣстъ колокола (въ пульгу благовѣстятъ).

Какая пыль!

Путницы добираются до крыльца сосѣда и стучатся въ дверь.

На селѣ все глухо, мертво... не выкнетъ ни одна собака... А буря реветъ надъ домами и навѣваетъ сладкіе сны спящему въ теплѣ крестьянину...

Въ это время Декадовъ услышалъ благовѣстъ къ заутренѣ. Въ квартирѣ всѣ спали; но на столѣ уже горѣла свѣча: риторъ Пречистенскій, умытый, сидѣлъ за работой, списывая лекціи.

VI.

НА ПОСТОЯЛОМЪ ДВОРѢ.

Былъ теплый, іюльскій вечеръ.

Въ деревнѣ, въ Прудкахъ, на крыльцѣ постоялаго двора, сидѣли: два маленькіе гимназиста, недавно пріѣхавшіе на ноч-

легъ, ихъ вучеръ мужикъ и необыкновенной толщины дворникъ въ ситцевой рубахѣ.

Облокачиваясь на перила то одной рукой, то другой, дворникъ, повидимому, не зная, куда дѣваться отъ жару. Онъ смотрѣлъ вдаль и говорилъ:

— Нѣтъ, скажу вамъ: — пища скоромная много превосходитъ... а это старинные люди говорятъ грѣхъ!... Это только старинный — одно: — экземпляръ!...

Дворникъ, отдуваясь и едва передвигая ноги, пересѣлъ на другую лавочку противъ приѣзжихъ. Онъ утомленнымъ взглядомъ окинулъ деревенскую улицу, по которой едва-ли не съ самаго обѣда тихонько брелъ чей-то теленокъ, уцѣпился одной рукой за поясъ и спросилъ гимназистовъ:

— Чему же васъ учать?

— Во второмъ общемъ, началъ одинъ гимназистъ: — учать краткій катихизисъ, географію, ботанику...

— Еще, подхватилъ другой гимназистъ: — латинскій языкъ, алгебру...

— Довольно, однако... проговорилъ дворникъ.

— А вотъ, началъ первый гимназистъ: — у кадетовъ теперь на разводѣ уже не говорятъ: «рады стараться»...

— Что же?

— Да не говорятъ... а только музыка прогремить...

Дворникъ сажени на двѣ отпихнулъ всторону и пересѣлъ на лѣсенку у входа на крыльцо.

— Хозяинъ! а гдѣ веревка и безментъ? спросилъ какой-то мужикъ, появившійся въ воротахъ.

— Въ сараѣ, въ сараѣ, любезный, отвѣчалъ дворникъ.

Въ это время къ крыльцу подошелъ мѣщанинъ въ чуйкѣ нараспашку. Онъ подалъ дворнику руку, встрахнулъ волосами и прислонился къ периламъ.

— Скоромная пища, продолжалъ дворникъ: — гораздо лучше... Теперь мы натрескаемся, Господи благослови, этого луку... Однако и скоромной тоже не надо пренебрегать: напримѣръ, наступать заговены... какъ пообѣдалъ, ложись, да умирай... хоть Богу душу отдавай!...

— Ну, а какже, заговорилъ мѣщанинъ: — въ писаніи говорится: измождай себя...

— Это, къ примѣру, вотъ для чего, сказалъ дворникъ: — теперь мы ѣдимъ постную пищу: лукъ тамъ, горохъ... хорошо...

Да развѣ мы этимъ самымъ измощаемъ себя? Нѣтъ! мы сами себя постной пищей ни чуть не измощаемъ: а только одно: обожремся мы ею!...

Наступило молчаніе. Всѣ какъ-будто старались хорошенько понять объясненіе дворника, который самъ вдругъ призадумался.

Спустя немного, онъ продолжалъ:

— Тепереча мы насчетъ хлѣба... облаковенно взялъ, шваркнулъ его... А вѣдь это даръ божій... И подлинно: почему онъ названъ даромъ божіимъ? а потому, что онъ намъ дается за даромъ... а вѣдь это приготовленіе... Тепереча у насъ упалъ это кусокъ, свинья ли, корова ли, собака ли—тутъ это ѣдятъ, а мы не радѣемъ... Таперь смотри, какъ священникъ съ просфирою обращается въ церкви: всѣ эти крошки соберетъ куда слѣдуетъ... а мы это на полъ прямо!... (мужикъ и мѣщанинъ хотѣли вздохнуть)... Остановись! остановился бы, любезный! закричалъ дворникъ, увидавъ на дорогѣ ѣхавшаго извозчика: — постой, благодѣтель! пора на ночлегъ...

— Мнѣ до дому... пробормоталъ извозчикъ.

— А то ночевалъ бы...

Дворникъ съ одышкой пересѣлъ опять на лавку.

— Тепереча скажу насчетъ постной пищи; лужъ это...

— Что же срубъ-то возьмешь, что-ль? перебилъ мѣщанинъ.

— Сказалъ девять съ половиной, больше не дамъ! отвѣчалъ дворникъ.

— Давали десять...

— А давали—часъ добрый!... Куда ходилъ? ай куски сбиралъ? крикнулъ дворникъ проходившему мимо крыльца мужику.

— Домовыхъ скликалъ, отвѣчалъ мужикъ, не кланяясь.

— Много накликалъ?

Отвѣта не было.

— Ну, ладно! Теперь постная пища, продолжалъ дворникъ:— Эй, что вы не приберете голубенка-то? крикнулъ онъ, глядя въ сѣни: — вонъ изъ гнѣзда вывалился... а тамъ собака задушить... охъ, Господи!... Дворникъ зѣвнулъ. Недавно читалъ я книгу, какъ одна дѣвица Дарья смущала отрока Хризанфа... но ничего не могла сдѣлать, потому-что онъ (пишется тамъ) въ юныхъ лѣтахъ изучился какъ цѣломудрію, такъ и всему, что пріятно въ обществѣ... и долго не вкушалъ пищи... кольми паче взоромъ не удостоивалъ ея... (Дворникъ опять зѣвнулъ).

Что-то спать хочется... а спать вѣдь послѣ обѣда... Ну, чѣмъ же васъ кормятъ? спросилъ онъ гимназистовъ.

— Даютъ, щи, супъ, котлеты...

— И, къ примѣру, все это ничего?...

— Навсегда... иногда и драни всякой ѣѣшься...

— Ну, какъ же это экономъ не слѣдить за вами, чтобъ вы не ругали пищу?

— Иди ужинать! крикнуло въ окно женское лицо, что-то жевавшее.

— Что ѣсть-то?

— Лукъ!

— Ыщите безъ меня! (Окно закрылось).— Впрочемъ, оказалъ дворникъ, поднимаясь:—пойти хлебнуть ложки даѣ...

Минутъ черезъ десять онъ вышелъ опять на крыльцо съ кускомъ бѣлаго хлѣба, сѣлъ и продолжалъ:

— Тепереча нѣмецъ, англичанинъ... онъ ѣсть-себѣ въ пропорцію: у него назначенъ вотъ этотъ ломоть, онъ и ѣсть. Нѣтъ, Россію надо учить... тогда она по-п्राйней-мѣрѣ въ пятьдесятъ лѣтъ образуетъ себя...

Въ кухнѣ увидѣли мать, жена и свояченица дворника и вели слѣдующій разговоръ:

— Нонѣ цаловальникъ купилъ корову... Соротъ рублей далъ.

— Богачъ!

Молчаніе.

— Завтра сосѣди пироги пекутъ... работница приходила, надку просила...

— Ай у нихъ именины?

— Нѣтъ, сестра пріѣхала... востроглазая-то... Илина дѣвочка сказывала...

— Не слыхали, почему Оедулиха коленкоръ брала?

— Зовите Антипа Егорыча!...

Поднялось окно; одна женщина крикнула:

— Эй, иди щи ѣсть!

Давно смерклось. Гимназисты ложились спать на дворѣ въ повозкѣ, приказывая своему кучеру пораньше встать.

Дворникъ сидѣлъ въ своей комнатѣ на перинѣ и снималъ чулокъ: его жена въ углу развязывала на ногахъ подвязки; на столѣ горѣла свѣча.

— Неужели это одиннадцать часовъ? говорилъ дворникъ, глядя на стѣнные часы: нѣтъ ли ввасу?

— Вонъ на полу...

— Велѣтъ бы баню истопить, припадая къ кувшину, проговорилъ дворникъ.

— Отчего это у меня правый глазъ чешется?

— Ты нонѣ послѣ обѣда отдыхала?

— Отдыхала; а ты?

— Отдыхалъ... Ну, ложись... пора спать...

Въ комнатѣ сдѣлалось темно...

Н. Успенскій.

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

ОЧЕРКИ.

(М. А. Андреянову).

... Ооминъ кончилъ курсъ въ гимназiи и, послѣ надлежащаго экзамена, сдѣлался учителемъ въ моемъ родномъ уѣздномъ городкѣ. Городокъ былъ маленькій и дрянненькій, какъ почти всѣ наши уѣздные городки. Ооминъ попалъ сюда совершенно случайно, какъ все было случайно въ его странной, бурной жизни. Сынъ бѣдныхъ, но честныхъ, какъ говорится, родителей, жившихъ гдѣ-то ужасно далеко, онъ попалъ въ гимназiю, благодаря щедротамъ какого-то мецената. Меценатъ отпускалъ на него деньги, пока онъ былъ въ гимназiи, но какъ-скоро молодой человѣкъ, по окончанiи курса въ гимназiи, изъявилъ желанiе поступить въ университетъ, меценатъ уперся.

— Бѣдному человѣку, сказалъ онъ:— во всѣхъ сферахъ знанiя и жизни нужно довольствоваться малымъ. Можно приносить пользу отечеству и съ тѣмъ знанiями, которыя ты уже приобрѣлъ. Бѣдному человѣку особенно нужно стараться о пользѣ своего отечества, потому-что богатый вездѣ найдетъ мѣсто, а бѣдному только и мѣста, что въ отечествѣ...

Ооминъ утѣшился такою рѣчью и не очень жалѣлъ о университетѣ.

— Чтб, въ-самомъ-дѣлѣ, все учись, да учись! нужно и жизнью насладиться, сказалъ онъ самъ себѣ.

А наслаждаться жизнью, вкушать отъ всѣхъ ея сладостей ему приходилось на свое учительское жалованье, то-есть на четырнадцать рублей и пятьдесятъ девять копеекъ. Никогда не имѣвъ

у себя денегъ, онъ подумалъ, что учительское жалованье, при необыкновенной дешевизнѣ уѣздной жизни, невѣсть какое богатство—и сталъ отвѣдывать жизнь. А какой жизни можно было отвѣдать въ уѣздномъ городкѣ? Бросился-было онъ въ общество — тамъ поглядѣли на него свысока, особенно когда онъ было вздумалъ проповѣдовать какія-то идеи. До идей ли было уѣзднымъ чиновникамъ, которые и составляли собственно общество. Вздумалъ-было онъ приволочнуться за барышнями—носъ наклеили и поглядѣли не то что съ презрѣніемъ, а съ недоумѣніемъ какимъ-то: «Что, ты, молъ, братецъ мой, угорѣлъ что-ли? Поди проспись, любезный, и будь доволенъ тѣмъ, что принимаютъ тебя, а не гонять въ толчеи...» Итакъ, въ обществѣ Өоминау не посчастливилось—и онъ плюнулъ на него, и пересталъ заглядывать.

«Дай къ купцамъ толкнуся — богачи, черти! Облапошу какую-нибудь Матрену, или Явдоху—и возьму капиталецъ. Я же недуренъ собой, и манеры есть.» Толкнулся онъ къ купцамъ. Матрены и Явдохи, точно, масляно поглядывали на щеголеватого франтика и непрочь были связать свою судьбу съ нимъ неразрывными узами брака. Одна купеческая дочка просто на шею лезла, и разъ, когда Өоминъ уходилъ изъ дому ея родителей, нагнала его въ сѣняхъ и предложила тотчасъ же бѣжать въ пустыню, гдѣ бѣгутъ свѣтлые ручьи, птички поютъ, и избушка стоять въ темномъ лѣсу.

— Я-те, дурища, убѣгу... Я-те, подлая! слышался въ это время голосъ матери, слѣдившей неусыпно за созрѣвшей дочерью. Бѣлены ты, что ли, объѣлась, а? продолжала она, схвативъ за руку дочь. А ты тоже, голубчикъ, хорошъ — нечего сказать. За нашу хлѣбъ-соль онъ вонъ какіе козыри вздумалъ выдѣлывать. Видить, дѣвка на возрастѣ — чѣмъ бы внушить ей что, а онъ съ пути совращаетъ...

— Помилуйте, сударыня, отвѣчалъ со смѣхомъ Өоминъ:—а и такъ ей внушалъ...

— Что ты внушалъ, что?...

— А это самое и внушалъ, что, значить, должна она того и прочаго—продолжалъ онъ, пародируя купеческій языкъ...

— Чего это того и прочаго?

— А энтаго самаго, его же всяка тварь земная...

Купчиха наконецъ замѣтила, что надъ нею смѣются.

— Кондратьичъ, Кондратьичъ! закричала она благимъ матомъ.

— Подъ-ка сюда!...

— Желаю вамъ здравія и всякаго благоподучія, поторопился сказать Ооминъ и улизнулъ.

— Подъ-ка, подлая, я-те дурь-то выбью, продолжала кучиха, обращаясь къ своей дочери, и такъ дернула ее за рукавъ, что затрещало платье, и дочь вскрикнула: «ай, маменька, платье!...»

Ооминъ не кончилъ этимъ; онъ всталъ на фундаментъ и началъ глядѣть въ открытое окно. Кучиха какъ-только вошла, такъ и замѣтила его.

— Ахъ, ты подлецъ, подлецъ! закричала она. — Кондратьичъ, Кондратьичъ—ахъ ты оглохъ? Подъ, протури молодца-то...

— Какого? послышался лѣнивый голосъ изъ другой комнаты.

— Погляжу я на васъ, сударыня, началъ Ооминъ, приподнявъ шапку и корча уморительную физиономію—погляжу я на ваше необзираемое лицо и на тучное тѣло, и думаю: сколько бы вышло изъ васъ прекраснаго сала, еслибъ зарѣзать васъ, бросить потомъ въ чанъ и истопить...

— Кондратьичъ, Кондратьичъ! завопила кучиха—рѣзать хочеть... Батюшки!...

— Не ори, прорва—иду. И шаги супруга послышались. Ооминъ продолжалъ стоять у окна.

— Чтò тутъ такое? заговорилъ Кондратьичъ, поглядывая на жену и на учителя, спокойно улыбающагося. — Дочери гдѣ-то не было: видно платье поправляла.

— Да вонъ озорникъ-то, начала было кучиха.

— Позвольте, Иванъ Кондратьевичъ, перебилъ ее Ооминъ, заискивающимъ голосомъ:—позвольте съ вами объясниться...

— Да, что жъ вы тамъ стоите-то? Идите сюда... Въ окно совсѣмъ не годится говорить...

— Лѣшій! вскрикнула кучиха:—что ты говоришь?... Зачѣмъ ты зовешь его?

— Видите—ваша супруга ругается...

— Да какъ-же...

— Молчи, жена. Не твое дѣло тутъ...

— Какъ не мое дѣло?...

— Цыцъ, говорить тебѣ...

— Да онъ дочь-то нашу...

— Я говорю тебѣ, али нѣтъ? грозно вскричалъ купецъ.—Те-

бѣ я говорю, али нѣтъ? и онъ подступилъ къ ней. Жена тотчасъ же попятилась. Говорите, Иванъ Ивановичъ!

— Чортова сопѣлка, прошептала купчиха на мужа и отодвинулась, съ твердымъ, впрочемъ, намѣреніемъ вступить въ кровавый бой, при первой возможности, съ окаяннымъ училищкой.

— Видите въ чемъ дѣло, Иванъ Кондратьевичъ, началъ Ооминъ. — Я, простившись съ вами, просилъ у вашей супруги позволенія поцаловать ихъ ручку въ знакъ моего глубочайшаго уваженія къ вамъ, а онѣ вдругъ какъ окрысятся, да какъ начнутъ ругаться...

— Вреть, вреть, подлецъ! закричала купчиха... Насчетъ руки — я завсегда съ нашимъ почтеніемъ.

Купецъ только обернулся къ ней и такъ посмотрѣлъ, что у нея языкъ не повернулся продолжать далѣе.

— Охота вамъ, Иванъ Ивановичъ, сказалъ онъ, связываться съ глупой бабой. Еще руку вздумалъ цаловать у такой дуры... Плюнь ты на нее — и баста!...

— Помилуите, осмѣлюсь ли я плюнуть на вашу супругу?.. Помилуите...

— Ахъ, вреть, ахъ вреть онъ, Кондратьичъ, разорви Богъ мою утробу, вреть... Онъ дѣвку-то нашу...

— Чтò тамъ ты еще мелешь, прорва?

— Дѣвка-то наша, Кондратьичъ, выбѣжала къ нему въ сѣни и шутуется...

— Ну?...

— Увези, говоритъ, меня...

— А онъ?

— А онъ, извѣстно, совращаетъ ее, а только говорить — не говорить...

— Позови Дуняшку — я ей косу отрѣжу...

— Батюшка, Иванъ Кондратьичъ, пощади! завопила вдругъ купчиха. — Прости ты ее, глупую, потазай ее, а не губи... Охъ, не губи!...

— Какъ же это вы, Иванъ Ивановичъ, обратился-было купецъ къ окну — но Ивана Ивановича и слѣдъ простыл...

«И тутъ не удалось, подумалъ Ооминъ. По-крайней-мѣрѣ школьничалъ — старину вспомнилъ.» Въ гимназіи онъ, точно, былъ самымъ отъявленнымъ школьникомъ, и еслибъ не меценатъ, то, вѣроятно, ему пришлось бы плохо. Въ гимназіи былъ одинъ учитель, необыкновенно изобрѣтательный на наказанія. Онъ, на-

примѣръ, заливалъ ученикамъ чернила за губы и заставлялъ ихъ тамъ держать нѣсколько минутъ; ѣздилъ даже верхомъ на ученикахъ, хотя это, можетъ-быть, и покажется невѣроятнымъ. Оминъ сказалъ товарищамъ, что онъ удереть штуку съ учителемъ, и точно—удралъ. Не приготовивъ урока, онъ явился въ классъ. Учитель его вызвалъ. Передъ этимъ Оминъ подговорилъ одного ученика выйти изъ класса и не запирать, а только притворить дверь въ корридоръ. Ученикъ сдѣлалъ, а Оминъ смѣло сказалъ учителю, что урока не знаетъ и впредь учиться не намѣренъ.

— Какъ? закричалъ учитель.

— А такъ-съ. Вашъ предметъ мнѣ не нравится...

— А я, нравлюсь?

— И вы не нравитесь...

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Увѣрю васъ.

— А если я тебя объѣзжу?...

Объѣздить былъ техническій терминъ учителя...

— Дѣлайте, что хотите, а я учиться не стану...

— Ахъ ты, мерзавецъ, заговорилъ учитель, приподнимаясь съ каедръ. Дайте-ка мнѣ линейку.

Линейку подали.

— Подставляй спину!

Оминъ согнулся съ тѣмъ, чтобъ принять на свою спину ученаго педагога. Тотъ ударилъ его нѣсколько разъ линейкой по спинѣ и вспрыгнулъ на него.

— Вези, сказалъ онъ. Вотъ я тебѣ задамъ, я тебѣ нагрѣю бока-то...

Оминъ крѣпко ухватилъ руками ноги учителя, маленькаго человѣчка, и прямо бросился съ нимъ къ двери.

— Куда, куда? закричалъ учитель. Назадъ!

— Нѣтъ, врешь, братъ, не назадъ, а впередъ, сказалъ Оминъ, и побѣжалъ по корридору.

На встрѣчу какъ-разъ попался директоръ.

— Was ist das? проговорилъ онъ, и развелъ руками...

Эта штука стоила учителю перевода въ другую гимназію.

Возвращаясь къ прерванному разсказу.

На другой день призвалъ Омина къ себѣ штатный смотритель.

— На васъ есть жалоба, сказалъ онъ.

— На меня? съ удивленіемъ спросилъ Оминъ.

— Да. Вы оскорбили вчера вечером жену и дочь купца Кочегарова.

— Я? спросилъ Ооминъ.

— Конечно—вы; что вы удивляетесь и притворяетесь невиннымъ?

— Не притворяюсь я невиннымъ, а есть на самомъ дѣлѣ я воплощенная невинность. И Ооминъ сочинилъ такую исторію, и рассказывалъ ее съ такимъ юморомъ, что зритель хохоталъ до упаду, вовсе забывъ свое же постоянное правило, что съ подчиненными слѣдуетъ держать себя внушительно.

«Нужно обратиться къ горничнымъ», подумалъ Ооминъ—«тутъ дѣло выйдетъ вѣрнѣе.» Дѣло дѣйствительно вышло вѣрнѣе, но все-таки не удовлетворило его жаждѣ жизни и оставляло бездну свободнаго времени, дѣвать которое рѣшительно было некуда. Пробовалъ онъ заняться охотой и рыбной ловлей, но ни охота, ни рыбная ловля не могли долго тѣшить его. «Читать попробую», подумалъ онъ—и сунулся въ училищную библіотеку, про которую зритель часто говаривалъ, обращаясь къ учителямъ:

— Вотъ, господа, бездна премудрости-то. Еслибъ всѣ эти книги прочесть, какимъ бы знаменитымъ ученымъ сталъ. Обо всемъ бы даже писать могъ.

Довольно большой библіотечный шкафъ, въ-самомъ-дѣлѣ, былъ полонъ. Но все это были сочиненія старыя, съ примѣсю нѣсколькихъ коннозаводскихъ сочиненій на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ—даръ училищу отъ какого-то помѣщика, получившаго за это благодарность министра народнаго просвѣщенія. Коннозаводскими сочиненіями полна была вся верхняя полка. Потомъ шелъ многотомный Ертовъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, «Дамскій Журналъ» князя Шаликова, «Горквата Тассо» Кукольника, нѣсколько медицинскихъ книгъ, «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Современникъ» за одинъ годъ, Державинъ, Ломоносовъ, Крыловъ, Жуковский, старыя учебники по части математическихъ и естественныхъ наукъ, и проч. Лермонтова и Гоголя не было. Пушкинъ былъ въ старомъ изданіи, и то неполный—вмѣсто одиннадцати томовъ, всего восемь... Кромѣ министерскаго журнала и «Сенатскихъ Вѣдомостей», ничего училище не выписывало.

— Скучно однако, подумалъ Ооминъ, разсмотрѣвъ библіотеку. Но ничего—стану читать—даже Ертова прочту.

Мѣсяца три онъ, дѣйствительно, читалъ самымъ прилежнымъ

образомъ. Смотритель даже въ отчаяніе пришелъ оттого, что много книгъ взято, и нарушенъ, такимъ-образомъ, порядокъ въ библіотекѣ. Перечитавъ все, что можно было прочитать, онъ впалъ еще въ большую скуку. Съ мальчиками занимался онъ очень хорошо, не сѣкъ ихъ, не билъ, приобрѣлъ ихъ любовь: задумалъ даже приглашать ихъ къ себѣ на квартиру въ послѣ-обѣденное время,—но смотритель не позволилъ, на томъ основаніи, что безъ его начальническаго надзора учитель можетъ внушить возмутительныя мысли юнымъ гражданамъ.

«Тоска, тоска и тоска!... Фу, чортъ возьми да что жъ, наконецъ, дѣлать?»

«Тоска и злость! Отдулъ бы, выпоротъ бы все городское общество, не исключая дамъ и дѣвицъ. По-крайней-мѣрѣ потѣшился бы — посмотрѣлъ бы, какъ это дамы и дѣвицы вертѣтся бы стали.» И передъ нимъ нарисовалась сладострастная картина полуобнаженныхъ городскихъ дамъ и дѣвицъ, съ дрыгающими ногами.

— Эхъ, если бы деньги—задалъ бы я имъ фехтеру! восклицалъ Ѳоминъ. Но денегъ не было. Что дѣлать, что дѣлать?... Ѳоминъ даже похудѣлъ отъ безвыходной тоски.

— Стану школьничать, рѣшилъ онъ однажды, и сталъ школьничать самымъ отчаяннымъ образомъ, такъ что горожане и горожанки приходили въ отчаяніе.

— А, Петръ Петровичъ, здравствуйте, дорогой мой! говорилъ онъ, ударяя рукою со всею силою по плечу какого-нибудь кучины, подходя къ нему сзади.

— Ой, чортъ возьми, вскрикивалъ купецъ, хватаясь рукою за плечо и оборачиваясь къ Ѳомину.

— Ахъ, извините, говорилъ этотъ, приподнимая картузъ. Представьте, я васъ принялъ за одного моего знакомаго...

— Бываетъ, отвѣчалъ обыкновенно купецъ. Однако, рука-то у васъ того... тяжела... Настоящее желѣзо...

— Это у насъ въ роду ужъ такія руки. Отецъ мой разъ пожалъ одному пріятелю руку, въ минутѣ, знаете ли, особенной радости. Рука почернѣла, и пріятель умеръ черезъ два дня отъ антонова огня...

— Скажите...

— Да, увѣрю васъ...

Завязывался разговоръ на-полчаса—Ѳоминъ и былъ доволенъ.

Ходя по базару въ воскресные дни, Ѳоминъ обыкновенно всматривалъ какую-нибудь хорошенькую барышню и, слома голо-

ву, неся къ ней, восклицая: «Сестрица, голубчикъ, наконецъ-то ты прѣхала. Ангелочикъ мой, милая!»—И онъ обнималъ и цаловалъ дѣвушку до-тѣхъ-поръ, пока та не приходила въ себя отъ такихъ неожиданныхъ объятій и отталкивала съ гнѣвомъ непрощеннаго любезника.

— Извините, *mademoiselle*, говорилъ Ѳоминъ, дѣлая сконфуженную фizioномію и разшаркивался самымъ изящѣйшимъ образомъ. *Mille pardons, m-lle...* Я съ-часу-на-часъ жду сестру... Она такъ похожа на васъ... Пять лѣтъ я ея не видалъ. Я даже теперь не полною увѣренъ, что вы не сестра моя.

— Помилуйте, я—дочь судьи, проговорила барышня; какая же я ваша сестра? Я отстала въ лавкахъ отъ маменьки, и вотъ ищу ее...

— Позвольте васъ проводить и хоть этимъ загладить мой проступокъ.

— Благодарю—маменька вонъ у Бѣляевыхъ въ лавкѣ...

— Представьте однако, какое странное можетъ быть сходство!...

Ѳоминъ отправлялся опять ходить по базару и приставать съ разными нелѣпыми вопросами къ встрѣчнымъ чиновникамъ и купцамъ...

— Позвольте васъ спросить, говорилъ онъ, останавливая кого-нибудь...

— Чтѣ вамъ угодно?

— Видите... со мной случилась исторія, такая странная... Здѣсь такъ-много народу... Выйдемте пожалуйста изъ этой толпы.

— Но мнѣ некогда; я тороплюсь въ церковь.

— На одну минуту всего я прошу васъ... Конечно, божія служба... чтѣ можетъ быть выше божіей службы?... Но въ то же время, согласитесь, оказать ничтожную услугу человѣку... Не подумайте, что я хочу просить у васъ денегъ—нѣтъ; я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ.

— Но говорите здѣсь...

— Никакъ не могу.

И Ѳоминъ со страхомъ озирался кругомъ.

— Пойдемте, говорилъ остановленный господинъ, ожидая, въ-самомъ-дѣлѣ, услышать что-нибудь необыкновенное и думая про-себя: «будетъ чтѣ поразсказать дома—будетъ.»

Они выходили изъ толпы. Ѳоминъ молча велъ господина на другой край площади, гдѣ вовсе не было народу, и наконецъ останавливался.

— Здѣсь никого нѣтъ, говорилъ онъ. — Слава-богу... Видите... Я говорю вамъ это за великую тайну... пожалуйста никому ни слова.

— Будьте увѣрены.

— Нѣтъ, дайте мнѣ честное слово...

— Извольте — честное слово.

— Благодарю васъ. Я вижу, что вы благородный человѣкъ... Видите, въ чемъ дѣло, продолжалъ Оминъ таинственно: — Въ городѣ... вы извините меня пожалуйста... въ городѣ распространились слухи, что вы... что у васъ голова несовсѣмъ въ порядѣ...

Господинъ хватался за голову.

— Пуху нѣтъ ли на мнѣ? спрашивалъ онъ, снимая шапку.

— Нѣтъ; я говорю относительно внутреннего состава вашей головы...

— Я васъ не понимаю, однако...

— Извините, я принужденъ въ такомъ случаѣ говорить прямо. Въ городѣ распространились слухи, что вы очень глухи. Но я этому рѣшительно не вѣрю... Извините, что задержалъ васъ. Прощайте — и Оминъ быстро уходилъ...

А господинъ, придя домой, рассказывалъ этотъ случай женѣ.

— Остановилъ меня какой-то господинъ... Я будто и видѣлъ его гдѣ-то... и говоритъ, что въ городѣ такіе вотъ слухи...

— Это непременно засѣдатель уѣзднаго суда эти слухи пустилъ, подхватывала жена. — Ты съ нимъ въ контрахъ — вотъ онъ и пустилъ...

— Немудрено... Эдакая, вѣдь, скотина!...

И супруги дня два выдумывали, какими бы это средствами отомстить засѣдателю...

Въ церкви Оминъ выбиралъ обыкновенно такое мѣсто, съ котораго можно бы было пристально смотрѣть на какую-нибудь даму или дѣвицу, не поворачивая особенно голову восторону. Дама сначала конфузилась, потомъ становилось ей неловко, потомъ сердилась, и, случалось, выходила изъ церкви, подъ предлогомъ дурноты, унося въ свой душѣ глубокую ненависть къ школьнику Омину.

— Петръ Егорычъ! Петръ Егорычъ! Господинъ исправникъ! кричалъ однажды Оминъ вслѣдъ исправнику, который ѣхалъ на пролеткѣ, и, услышавъ, что зовутъ его, приказалъ кучеру остановиться.. Оминъ подошелъ и почтительно раскланялся.

— Что вамъ угодно? спросилъ исправникъ.

— Вы давно изъ дому? спросилъ Ѳоминъ.

— Вамъ что за дѣло?

— Повѣрьте, что еслибъ не было мнѣ дѣла, такъ не сталъ бы я васъ останавливать...

— Съ часъ будетъ, сказалъ исправникъ.

— Такъ и есть... вы, значитъ, не знаете, что у васъ тамъ дѣлается?

— Гдѣ?

— У васъ дома... Представьте: я сейчасъ проходилъ мимо вашего дома — тамъ собралась огромная толпа народа. Крики, шумъ... Ваша супруга бѣгаетъ по двору, съ распущенными волосами... Ужасъ, что такое... Я только могъ разобрать слова: «серебро украли, шкатулка съ деньгами пропала».

— Послушайте, вы не смутите? спросилъ исправникъ, поблѣднѣвъ какъ смерть.

— За кого вы меня принимаете? воскликнулъ Ѳоминъ. — Развѣ подобными вещами шутятъ?

— Живо домой! крикнулъ исправникъ кучеру, и пролетка понеслась по немощеной улицѣ.

Никакой толпы народа, никакого шума и крику, разумѣется, исправникъ не дашель и взбѣсился невообразимо. Тотчасъ же онъ полетѣлъ къ штатному смотрителю и требовалъ, чтобы тотъ донесъ директору о противузаконныхъ поступкахъ Ѳомина.

— Давно я самъ собираюсь, Петръ Егорычъ, задать острастку этому молодцу. На него чуть не каждый день жалобы. Вонъ дочь судьи поцаловалъ—говорить, будто она на сестру его похожа, а все вреть. Да наконецъ, еслибъ и точно сестру онъ свою встрѣтилъ, то бросаться къ ней сломя голову, согласитесь, неприлично. Во всемъ должна быть мѣра соблюдаема, самая строгая мѣра. Я ему ужъ дѣлалъ выговоръ, говорить: «Я близорукъ; надъ чтеніемъ, говорить, книгъ я зрѣніе потерялъ.»—Такъ купите, говорю, очки. «На какія, говорить, я суммы стану ихъ покупать?...» Дерзость такая и въ отвѣтахъ вездѣ.

— Онъ, просто, мерзавецъ! воскликнулъ исправникъ.

— Именно, испорченный въ корнѣ человѣкъ. Представьте, не далѣе, какъ вчера, мнѣ жаловалась на него почтенная Александра Петровна.

— Полковница? спросилъ исправникъ.

— Да, она. Вѣдь онъ ее какъ оконфузилъ при всей публи-

кѣ. На гуляньи, въ саду было дѣло. Вдругъ... тутъ, знаете, было много дамъ и кавалеровъ — вдругъ онъ подлетаетъ къ ней эдакимъ козыремъ и подаетъ ей грязный-прегрязный платокъ. «Вы, говоритъ, сударыня, обронить изволили.» Та, какъ взглянула на платокъ, такъ даже обомлѣла. «У меня, говоритъ, и горничныя такихъ платковъ не имѣютъ.» А онъ, знаете, съ эдакимъ нахальствомъ утверждаетъ, что самъ видѣлъ, какъ платокъ выскочилъ изъ ея кармана. «А что, говоритъ, касается до вашихъ горничныхъ, я не знаю, какіе платки онѣ имѣютъ, но знаю, что бѣдятъ онѣ у васъ въ скоромныя дни сухую селедку.» И что ему за дѣло, что бѣдятъ горничныя? Что ему за дѣло до другихъ? Вотъ-съ, какой это человѣкъ. Думаю донести—не знаю только, описывать ли мнѣ всѣ эти случаи, или какъ-нибудь въ общихъ чертахъ.

Исправникъ посовѣтовалъ донести въ общихъ чертахъ, что, молъ, г. Ооминъ внушаетъ всѣмъ возмутительныя мысли. Это будетъ и кратко, и сильно. Смотритель такъ и сдѣлалъ и получилъ отъ директора приказаніе строго слѣдить за г. Ооминымъ, сдѣлавъ ему на первый разъ выговоръ. Оомина это взбѣсило: «Погодите же, подумалъ онъ, я васъ посажу!»

Въ этотъ же день онъ отправился на лугъ, возлѣ рѣчки, гдѣ исправничиха имѣла обыкновеніе гулять. Завидѣвъ ее съ семействомъ, онъ пошелъ прямо къ нимъ на встрѣчу, сильно покачиваясь, будто пьяный. Встрѣтившись съ ней, онъ сильно покачнулся и толкнулъ ее. Исправничиха, конечно, взволновалась, и передала этотъ случай мужу. А Ооминъ, сдѣлавъ скандалъ, отправился къ смотрителю и просидѣлъ у него весь вечеръ совершеннымъ агнцемъ, прося убѣдительно, чтобъ смотритель поставилъ его на путь истинный, какъ отецъ. Смотритель развѣсилъ уши и толковалъ ему о почтеніи, смиреніи и послушаніи, какъ необходимыхъ качествахъ для молодаго человѣка.

— Чтò это съ вами случилось? спросилъ смотритель Оомина.— Признаться, я никогда не предполагалъ въ васъ и тѣни раскаянія.

— Отца видѣлъ во снѣ, сказалъ Ооминъ.—И явился онъ мнѣ такъ странно. Будто мы съ нимъ вмѣстѣ купаемся въ банѣ. Я сижу съ шайкой, вотъ этакъ, какъ вы, а онъ какъ я. Только онъ мнѣ и говоритъ: Генъ, говоритъ, вылей на меня шайку воды. Я, знаете, взялъ шайку и лью ему вотъ эдакъ. (Ооминъ всталъ съ мѣста и посыпалъ песку на голову смотрителя). А онъ вдругъ, какъ крикнетъ: «Вода эта, Генъ, подобна твоимъ дурачествамъ».

Молю Бога, чтобъ такъ же вышла дурь изъ головы твоей, какъ вода изъ этой пайки.» Я проснулся тутъ и рѣшился исправиться.

— Какіе, однако, чудесные сны бываютъ, сказалъ смотритель и поникъ головой.

— И замѣтите, сказалъ Оминъ, внутренно хохоча:—папенька мой былъ ужасно похожъ во снѣ на нашего законоучителя. А на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не похожъ на него...

— Удивительно, удивительно!!.. Вы скажите объ этомъ батюшкѣ; онъ вамъ предастъ наставленіе.

— Слушаю-съ... Я самъ вижу, что этотъ сонъ чудесный.

На другой день отъ исправника—записка къ смотрителю, въ которой разсказывается произведенный Оминымъ скандалъ.

— Неностично! воскликнулъ смотритель и призвалъ Омина.—Вы опять? обратился онъ къ нему.

— Что такое? спросилъ Оминъ.

— Да вотъ, читайте!

Оминъ прочиталъ и всплеснулъ руками.

— Это—клевета! воскликнулъ онъ:—гнусная клевета! Я вчера цѣлый вечеръ сидѣлъ у васъ—вы видѣли, пьянъ ли я былъ?

— Да, да.

— Наконецъ, я искренно раскаялся. Вы открыли мнѣ глаза на ту бездонную пропасть, въ которую я готовъ былъ впасть. Я слушалъ васъ, какъ сынъ; вы говорили мнѣ, какъ отецъ. Неужели я до того безчувственъ, что ваши слова, директорскій разговоръ и, наконецъ, этотъ ужасный сонъ не вразумили меня? Вѣдь я не камень, Платонъ Михайловичъ... И у Омина дрожалъ голосъ.

— Да, я вамъ вѣрю, проговорилъ смотритель:—но чѣмъ же объяснить мнѣ эту записку?

— Клеветой, воскликнулъ Оминъ трагически. —Исправникъ хочетъ меня погубить—вотъ и все. Я директору стану жаловаться; я васъ свидѣтелемъ поставлю—вы съумѣете защитить невиннаго...

— Нѣтъ, ужъ вы директору не жалуйтесь. Мы такъ это кончимъ. Предадимъ волѣ божіей этотъ случай!

— Слушаю-съ, сказалъ Оминъ.—Изъ вашего повиновенія я отнимѣ не выйду, вашъ совѣтъ мнѣ будетъ дороже всего...

«Я тебя утру, старая крыса!» подумалъ онъ въ то же время.

Не прошло недѣли послѣ этого случая, какъ исправникъ получилъ слѣдующее письмо:

«М. г. Петръ Егоровичъ! Глубоко уважая васъ, какъ человека, цѣня ваши семейныя добродѣтели—добродѣтели нѣжнаго отца и прекраснаго мужа, я не могу оставаться глухимъ къ гласу совѣсти, которая шепчетъ мнѣ постоянныя укоры, не могу не исполнить долга гражданина и христіанина въ отношеніи васъ. У меня есть знакомый, который... который, въ пьяномъ видѣ, мнѣ признавался... Сберегите, м. г., все свое мужество, которое такъ-часто и такъ-блестительно выказывали вы при возмущеніи крестьянъ противъ помѣщиковъ — сберегите это мужество, чтобъ услышать роковую вѣсть... Въ то время, когда вы увѣжаете въ уѣздъ для исполненія своихъ высокихъ обязанностей, супруга ваша бросается въ объятія, въ незаконныя объятія къ другому человеку, къ ничтожному пошляку, имя котораго позвольте мнѣ умолчать. Впрочемъ, зачѣмъ стану я молчать? Исполню ли я долгъ свой, умолчавъ имя презрѣннаго злодѣя? Нѣтъ, я скажу это имя... Но прежде позвольте вамъ сообщить, что сердце мое разрывается на части, видя и злодѣянія моего знакомаго, и невѣрность вашей почтенной супруги. Она уже въ лѣтахъ, имѣетъ дѣтей... Но я не могу продолжать. Перо вываливается изъ рукъ... Доказательства слишкомъ очевидны... Супруга ваша имѣетъ на спинѣ, ниже правой лопатки, бородавку въ горошину величиной... Имя злодѣя — Ѳоминъ, учитель здѣшняго уѣзднаго училища, извѣстный уже своею безнравственностью.

Вашъ доброжелатель.»

Г. Бородуевъ. 1852 г.

Прочитавъ письмо, исправникъ впалъ въ неописуемое нравственное состояніе. И недовѣріе къ письму, и гнѣвъ, и стыдъ, и ревность волновали его.

— Неужели, неужели? восклицалъ онъ, ходя быстрыми шагами по кабинету. Не можетъ быть... Ѳоминъ—да она ненавидитъ его, презираетъ его!... Стой!... А если это было лукавство съ ея стороны, а если она принимала его безъ меня?... Нужно людей спросить! Эй, кто тамъ? крикнулъ онъ.

Вошелъ лакей.

— Послушай, ты... ты знаешь учителя Ѳомина?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Врешь, мерзавецъ! крикнулъ исправникъ. Ты долженъ его знать... Зубы всѣ повыбью — говори!

— Я... ей-богу я не знаю... Если прикажете, я узнаю его!..

— Если прикажу?!... Я тебя, чортово рыло, на поселеніе пошлю, въ Сибирь!... Мерзавцы всѣ, скоты... Позови разсыльнаго!...

Вошелъ солдатикъ.

— Сидоренко! Ты знаешь, любезный, Оомина?... спросилъ исправникъ мягко.

— Хвомина?... Тое ще такіи мухортенькій?

— Какой мухортенькій, что такое мухортенькій?...

— Та ще-жъ мухортенькій такіи... Винъ въ училищу уче усе...

— Ну, да... въ училищѣ онъ...

— Сѣго знаю... Винъ добрый такой панъ...

— Врешь, подлець!... Какой онъ добрый? Кто тебѣ сказалъ, что онъ добрый?

— Та винъ мени на горилку разъ давъ двугривенникъ.

— А-а, протянулъ исправникъ, свирѣпѣя:—такъ ты съ него на водку взялъ? Какъ же ты смѣлъ?

— Та когда жъ винъ давъ.

— Значить, онъ бывалъ у меня...

— Та ни, не бувавъ!...

— За что жъ онъ тебѣ далъ?

— Сѣго казать не можно.

— Какъ? Отчего?

— Та такочки не можно, да усе...

— Говори сейчасъ!... Ну?... и исправникъ подступилъ къ нему съ кулаками.

Разсыльный, добрый такой хохликъ, и удивился и испугался.

— Та ще жъ виновать я, коли винъ дурнищами дѣлами занимается?...

— Пошелъ вонъ, скотъ!

Исправникъ совсѣмъ потерялся; всякое соображеніе, которыми онъ былъ такъ силенъ во время слѣдствій, оставило его. Несмотря на очевидность того, что слуги ничего не знали, онъ все-таки будто сомнѣвался и рѣшился еще разспросить горничную Оеню, которая вошла въ это время съ чаемъ.

Дрожащею рукою взявъ стаканъ съ подноса, онъ устремилъ на хорошенькую дѣвушку испытующій взглядъ.

— Барыня встала? спросилъ онъ.

— Встала, но не одѣвалась еще.

— Такъ... Погода-то нынче, кажется, хороша?...

Т. CXLVI. — Отд. I.

— Ничего-съ. Погода хорошая...

— Вѣтру сильнаго нѣтъ?

— Нѣтъ-съ, не вѣтрено.

— А учителя Оомина ты знаешь? спросилъ онъ вдругъ и впился глазами въ дѣвушку.

— Оомина? проговорила Оея, покраснѣвъ. — Нѣтъ-съ, Оомина я не знаю, я вотъ Синайскаго, Павла Николаевича—знаю.

— Когда барыня одѣнется, попроси ее ко мнѣ въ кабинетъ.

— Слушаю-съ.

Исправникъ опять предался размышленіямъ. «Не штука ли это чья нибудь, подумалъ онъ. Но кромѣ вѣдь Оомина на такую подлость никто не рѣшится. А тутъ очевидно, что не Оомина писалъ... Но онъ хвастался... онъ говорилъ объ этой бородавѣ... Господи, скандалъ-то, скандалъ-то какой!...»

Вошла исправница.

— Чтѣ тебѣ, мой другъ? спросила она.

— Мой другъ, съ укоромъ промывчалъ исправникъ. — А скажите пожалуйста, Надежда Петровна, отчего это про вашу бородавку на спинѣ всѣ говорятъ?

— Какую бородавку?... Чтѣ ты мелешь?...

— А про ту бородавку, которая у васъ ниже правой лопатки...

— Ты шутишь очень тупо... Важный порокъ бородавка...

— Онъ, точно, неважный, но зачѣмъ эту проклятую бородавку другимъ показывать?

— Другимъ?

— Конечно. Чего ты притворяешься? Чтѣ ты смотришь на меня овцой, а?

— Я овцой смотрю?...

— Да, овцой, или ягненкомъ, чортъ васъ разберетъ. А только я знаю то, что знаю.

— Я тебя, Петруша, не понимаю. Вородавка, овца, ягненокъ... Чтѣ съ тобой? Не снятилъ ли ты съ-ума?

— Я съ-ума спятить, я? Каково-съ! Да вы, сударыня, чорта ума лишите, ей-богу, лишите!... Да что я? Въ васъ самъ чортъ и сидитъ. Онъ, подлець, и орудуетъ вами, и на всѣ эти амуры подбиваетъ...

— Амуры?

— Ну да, ну да, сударыня. Отчего Оомину извѣстно про вашу бородавку?

— Послушай, ты шутишь?...

— Я шучу? Я, матушка, такъ шучу, что возьму вотъ васъ да и изволючаю...

— Нѣтъ, теперь я ясно вижу, что ты съ-ума сошелъ... Дѣти, дѣти! закричала исправница...

— Цыцъ! крикнулъ исправникъ.

— Дѣти, дѣти! продолжала она кричать. — Отецъ съ-ума сошелъ, идите сюда!...

— Пошла вонъ, крикнулъ исправникъ.

Вбѣжала дочь Полина, взрослая дѣвушка, и пятилѣтній сынъ.

— Что тутъ такое? спросила Полина.

— Ничего, ничего, заторопился сконфузившійся отецъ. — Идите, идите отсюда. Оставьте меня одного...

— Вы такъ встревожены, papà, не послать ли за докторомъ?

— Убирайтесь къ чорту! крикнулъ исправникъ. — Мучители вы эдакіе! Пошли сейчасъ, ну?

Онъ выпроводилъ ихъ изъ кабинета и заперся.

— Господи, господи! говорилъ исправникъ:—пошли мнѣ разумніе, пошли мнѣ просвѣтлѣніе мысли моей... Чувствую, что дуракъ я... Не такъ, не такъ должно было приступать къ изслѣдованію. А вѣдь старый я воробей—на мякинѣ трудно поймать меня... Какія преступленія открывалъ я... Въ самую бездну порока проникалъ я... А тутъ вотъ лошадью сталъ, клячей...

Вошелъ разсылный и подалъ ему записку...

— Отъ кого? спросилъ исправникъ.

— Казать не велѣно, вашескородіе.

— Какъ не велѣно, болванъ?

— А такочки не велѣно... Пріѣхавъ мужикъ верхомъ и сунувъ...

— Догнать его сейчасъ!...

— Та винъ вже ускакавъ, вашескородіе...

— Скотъ ты эдакой, рыло твое дурацкое! и исправникъ сунулъ ему въ зубы кулакомъ...

— Не можемъ знать... промямлилъ сконфуженный Сидоренко.

— Вонъ, убью! оралъ исправникъ.

Сидоренко вышелъ, думая про себя: «что се за чортъ такій, панъ!... Бѣлены винъ обтрескался, дурній!...»

Исправникъ рвалъ на себѣ волосы. Письмо было такого содержанія:

«Милостивый государь Петръ Егоровичъ. Будьте увѣрены, что самая пытка не вырветъ у меня признанія. Тайна умереть вмѣстѣ

со мною. Скрываться долѣе нечего. Я узналъ, что связь наша открыта вами. Все кончено!! Молю васъ не за себя, но за вашу супругу. Пощадите ее, простите ея увлеченіе!...

Вашъ покорнѣйшій слуга

Евгеній Ѳоминъ.»

— Не пойму, ей-богу ничего не пойму! говорилъ несчастный мужъ, овладѣваемый то отчаяніемъ, то бѣшенствомъ.— Это письмо было написано другою рукою.

— Лошадь запряги! крикнулъ онъ, и бросился къ смотрителю. Тамъ сидѣлъ Ѳоминъ. При входѣ исправника, онъ почтительно всталъ и раскланялся... Исправникъ позеленѣлъ отъ злости и проговорилъ смотрителю глухимъ голосомъ: «Платонъ Михайлычъ, на два слова!...»

Они ушли въ кабинетъ. Ѳоминъ потеръ себѣ руки и, лукаво улыбнувшись, сталъ что-то насвистывать... Черезъ полчаса смотритель вышелъ одинъ.

— Милостивый государь! строго обратился онъ къ Ѳомину.— Ваши шутки переходятъ всякія границы. Будьте увѣрены, что васъ накажутъ примѣрнымъ образомъ. Послѣдняя ваша выходка такова, что пахнетъ острогомъ...

— Я васъ не понимаю, проговорилъ Ѳоминъ.

— А вотъ сейчасъ вы поймете... Прочтите это письмо, и смотритель подастъ ему второе письмо.

— Это — не моя рука, сказалъ онъ, прочитавши:—и я тутъ ровно ничего не понимаю.

— Ну, а вотъ это? И смотритель подастъ ему первое письмо.

Пробѣжавъ и это письмо, онъ сказалъ:

— Я теперь ясно вижу, что г. исправникъ хочетъ погубить меня. Онъ даже письма подъ мою руку сочиняетъ...

— Какъ вы осмѣливаетесь говорить это?

— Я говорю потому такъ, что увѣренъ въ коварствѣ моего врага, и Ѳоминъ спряталъ письма въ боковой карманъ.

— Нѣтъ, ужъ письма-то вы подайте назадъ, сказалъ смотритель.

— Нѣтъ, ужъ извините, Платонъ Михайлычъ: писемъ я не отдамъ назадъ. Я представлю ихъ, вмѣстѣ съ прошеніемъ, къ директору и попрошу его заступничества. Я затѣю цѣлое дѣло. Г. исправника притянутъ въ судъ. Я не оставляю этого такъ, не оставляю. У насъ, слава-богу, есть судъ. Есть Богъ и государь, я всюду пойду... Г. исправникъ думаетъ, что я малень-

кій человѣкъ, такъ онъ можетъ играть со мною такія штуки. Ошибается!...

— Вы, кажется, говорите это серьезно?

— А вы, кажется, думаете, что я шучу?... Пора вамъ знать, что я не мальчикъ. Скажите вы это г. исправнику...

— Но, послушайте, Евгеній Алексѣичъ, началъ смотритель заискивающимъ тономъ: я обѣщалъ Петру Егорычу возвратить письма.

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ никакого...

— Но я васъ прошу... Я употреблю все свое вліяніе, чтобъ потушить это дѣло...

— Покорно васъ благодарю, но на этотъ разъ я не нуждаюсь въ вашемъ покровительствѣ. Я сейчасъ пойду въ училище, призову сюда господъ-учителей и попрошу ихъ быть свидѣтелями этого дѣла. (Нужно замѣтить, что квартира смотрителя была въ самомъ училищѣ).

— Такъ вы такъ-то обнаруживаете свое раскаяніе? сказалъ смотритель съ гнѣвомъ.

— Такъ-то, Платонъ Михайлычъ. Я благодарю судьбу, что она дала мнѣ въ руки г. исправника. А тамъ разберутъ, кто сочинялъ письма. Я убѣжденъ только въ одномъ, что никто не найдетъ ни малѣйшаго сходства между моею рукой и рукою писавшаго эти письма. А васъ лично я прошу обратить вниманіе на то обстоятельство, что почеркъ одного письма, именно неподписаннаго, очень-похожъ на вашъ почеркъ...

— Не можетъ быть, сказалъ смотритель, поблѣднѣвъ.

— Я не говорю, что вы писали это письмо, а что почеркъ похожъ, такъ я въ этомъ не виноватъ... Мою догадку я сообщу и г. директору... Прощайте. Мнѣ пора въ классъ.

— Куда вы? Погодите, погодите!... Петръ Егорычъ, Петръ Егорычъ! закричалъ онъ.

Исправникъ вошелъ какъ-то неловко...

— Евгеній Алексѣичъ, продолжалъ смотритель:—хочетъ дѣло затѣвать... Онъ не хочетъ отдавать писемъ, онъ даже васъ обвиняетъ въ сочиненіи ихъ...

— Я этого не утверждаю, сказалъ Ооминъ.—Я говорю объ этомъ въ видѣ догадки... Черезъ минуту я буду здѣсь съ господами учителями, которымъ прочту оба письма.

— Вы скандала хотите, заговорилъ исправникъ. — Я вамъ

честью клянусь, что письма эти я получилъ, что я съ-ума сходилъ все утро...

— До меня это не касается. Если вы сходили съ-ума, то для васъ же хуже. Всякій ребёнокъ увидѣлъ бы всю нелѣпость подобнаго обвиненія. Я не могу вѣрить, чтобъ въ ваши лѣта можно сомнѣваться въ вѣрности своей жены... Для меня ясна, какъ дважды-два, вся эта недостойная комедія, которую вдумали вы разыграть со мной!... Мальчикъ, молъ, дуракъ еще... Посмотримъ, кто изъ насъ умнѣй еще.

Смотритель и исправникъ рѣшительно потерялись. А Ѳоминъ взялся за шапку.

— Такъ какъ же, Платонъ Михайлычъ? сказалъ исправникъ, самъ не зная чѣмъ говорить, потому-что въ головѣ его происходила такая сумятица, что самъ чортъ ничего бы не разобралъ.

— А такъ, сказалъ уныло смотритель.—Я не понимаю Евгенія Алексѣича.

— А я васъ очень хорошо понимаю. Прощайте. Иду читать письма учителямъ.

— Погодите, погодите, закричалъ исправникъ, гнѣвно взглянувъ на смотрителя. — Кончите это дѣло. Разорвите письма, я готовъ все бросить. Поймите, что тутъ моя честь и честь жены моей замѣшаны.

— Нѣтъ, я не стану рвать писемъ...

— Евгеній Алексѣичъ, сказалъ смотритель ласково. Бросьте, ей-богу бросьте. Ну, чѣмъ тутъ вамъ за выгода... Будьте благороднымъ человѣкомъ. Ну, для меня это сдѣлайте.

Ѳоминъ насмѣшливо поглядѣлъ на смотрителя.

— Вы теперь и о благородствѣ заговорили, началъ онъ. — Не скажешь ли еще чего-нибудь о благородствѣ г. исправникъ.

— Я могу васъ только просить, сказалъ исправникъ.—Я тутъ ничѣмъ не виноватъ, согласитесь...

— Гм! сказалъ Ѳоминъ: — странно! Впрочемъ, господа, до пріятнаго свиданія — и онъ рѣшительно пошелъ.

Смотритель опять его остановилъ, опять начались просьбы. Ѳоминъ заставилъ ихъ просить себя самымъ заискивающимъ образомъ, насмѣялся вдоволь и надъ смотрителемъ, и надъ исправникомъ и согласился только на то, чтобъ не показывать никому писемъ.

— Да и то, прибавилъ онъ: — я только до-тѣхъ-поръ не стану

ихъ никому показывать, пока не разразится надъ моей бѣдной головой какая-нибудь новая ваша штука.

Оставшись наединѣ съ зрителемъ, исправникъ сердито поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Я долженъ васъ благодарить, Платонъ Михайлычъ, за это удовольствіе...

— Я же тутъ при чемъ?...

— Зачѣмъ вы отдавали ему письма? Кто васъ объ этомъ просилъ?

— Да сами же вы...

— Какъ самъ, помилуйте!... Я вамъ сказалъ только, чтобъ вы *показали* ихъ ему для улики... Да, впрочемъ, вы вѣдь ученые, чортъ бы васъ побралъ!... Въ такихъ дѣлахъ ни бѣльмеса не смыслите... Я-то, я-то какимъ пентюхомъ оказался, а?... Нѣтъ, нужно стараться удалить этого молодца изъ нашего города...

— Нужно, согласился зритель...

— При первой возможности нужно удалить...

— При первой...

— Вы наблюдайте за нимъ... Нельзя ли какъ-нибудь такъ это сдѣлать, чтобъ онъ разомъ очутился чортъ знаетъ гдѣ, а?... Время теперь удобное... Городничаго какъ-нибудь можно будетъ подструнить... Какъ вы думаете?...

— Это хорошо будетъ...

— Ужъ вы пожалуйста, чтобъ все это между нами...

— О, будьте спокойны, будьте спокойны...

Присшествіе это не огласилось, благодаря молчанію Оомина, который былъ въ восторгѣ, что оно кончилось такъ-блестательно и въ его пользу. Владѣя искусствомъ поддѣлываться подъ всѣ почерки, искусствомъ, которымъ онъ славился еще въ гимназіи, Ооминъ, узнавъ отъ горничной Оени про порокъ исправницы, написалъ вышеозначенныя два письма и отправилъ ихъ по назначенію, при посредствѣ полтинника, чрезъ одного знакомаго деревенскаго парня. Но онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ дѣло кончилось такъ хорошо. Онъ рассчитывалъ только на непріятности между мужемъ и женой—пусть, молъ, погрызутся—да на то еще, что, вмѣшавъ себя самого въ эту исторію, онъ будетъ имѣть возможность выставиться передъ зрителемъ жестоко-гонимымъ. Случай и вдохновеніе рѣшили дѣло иначе.

— Бородавка остается необъясненною, думалъ исправникъ, от-

правляясь домой. А я таки найду... живъ не хочу быть, если не найду я...

— Придетъ сегодня Оения—нахохочемся мы съ нею вдоволь, думалъ Ооминъ. А пока заняться бы проектами будущихъ шалостей, въ болѣе игривомъ родѣ...

— За грѣхи, видно, Господь наказалъ меня такимъ чиновникомъ, думалъ смотритель. Тридцать лѣтъ служу—еще не встрѣчалъ такого. Да ужь сбуду я его, непременно сбуду...

Судьба хотѣла такъ, что Ооминъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль ничего не могъ придумать, но зато одна минута вдохновенія—и каша заварилась. Ооминъ разослалъ любовныя письма къ разнымъ барынямъ, особенно молоденькимъ, тремъ дѣвушкамъ и двумъ старымъ дѣвицамъ-сестрамъ, жившимъ вмѣстѣ.

Плакида Тимофѣевна получила письмо утромъ, а Уляна Тимофѣевна въ обѣдъ.

Уляша, Уляша! кричала Плакида, прочитавъ первыя строки письма... Господи, что за рай такой, что за рай...

— Что вы, сестрица?

— Ахъ, Уляша, ахъ... письмо... читай... ахъ!... «Прекрасная Плакида»... Ахъ, это онъ льститъ мнѣ...

— Что вы, сестрица?.. Мы съ вами совершенно еще свѣжи.

— «Прекрасная Плакида! Я видѣлъ васъ и полюбилъ, а полюбивъ, сгорѣлъ желаніемъ насладиться...» Ахъ, это нельзя, это нельзя... Уляша, это съ его стороны слишкомъ дерзко...

— Отчего жъ сестрица, дерзко?.. Онъ—человѣкъ...

— Ахъ, ты такая прозаическая, Уляша... Нѣтъ, я могу любить только идеалъ.

— Чтожъ, сестрица, толку въ идеалѣ-то?...

— Ахъ, не серди меня. Слушай:

«Наслажденья... Въ объятіяхъ взаимныхъ мы забудемъ міръ и насладимся и выпьемъ чашу радостей до дна»... До дна—какая проза, Уляша: нужно бы сказать—до глубины... «Сегодня я рѣшилъ васъ видѣть, но судьба преслѣдуетъ меня, и я не могу къ вамъ явиться въ настоящемъ своемъ видѣ. Я пройду мимо васъ съ лоткомъ вишенъ, и если вы желаете меня видѣть, то зазовите къ себѣ...» Ахъ, какъ же это онъ такъ?.. Зачѣмъ онъ съ вишнями, зачѣмъ разнощикомъ?..

— Онъ говорить, сестрица, что судьба его преслѣдуетъ...

— Да, я знаю, я вѣрю... Но онъ могъ бы испанцемъ какимъ-нибудь, въ плащѣ...

— Ахъ, сестрица, вѣдь онъ, можетъ-быть, бѣденъ, а испанскій костюмъ дорогъ... Наконецъ, это было бы несообразно.

— У тебя, Уляша, все счеты, да расчеты, вся эта пошлая жизнь на умѣ.

— Нельзя, сестрица, безъ этого.

— Есть два рода душъ — одни созданы изъ чистаго эфира, другія—простыя души.

— Эти простыя-то, сестрица, изъ чего же созданы?

— Изъ чего? Изъ чего слѣдуетъ, изъ того и созданы... Мнѣ, однако, одѣться надо.

Съ часъ одѣвалась старая, глупая дѣва. Въ городѣ ее иначе и не называли, какъ Дура Тимофѣвна—разумѣтся, за глаза. Въ Бородуевѣ, впрочемъ, рѣдко кто назывался своимъ собственнымъ именемъ и фамиліей — у всѣхъ были клички. Казначая называли «сапогомъ Святополка Окаяннаго»; доктора—«анасомой», исправника—«кобелемъ», засѣдателя Александра Ивановича — «тряпкой».

— Разнощикъ, разнощикъ! закричала Уляша, вбѣгая въ спальню къ сестрѣ.

— Ахъ, ахъ, я не одѣта, не одѣта, запищала Плакида.

— Вишеньевъ, вишеньевъ!... Шпанскихъ вишеньевъ! раздавалось на улицѣ.

— Накиньте шаль, сестрица!..

— Давай шаль, шаль скорѣй, Малашка!

Пока накидывала Плакида шаль и смотрѣлась въ зеркало, разнощикъ прошелъ.

— Разнощикъ, разнощикъ! закричали обѣ сестры, высовываясь изъ окна.

Разнощикъ вернулся. Это былъ молодцоватый парень, въ красной рубахѣ, въ тяжелыхъ сапогахъ.

— Вишеньковъ, что-ли, вашей милости? спросилъ онъ, подходя къ окну.

— Да, да... «Это онъ, непременно онъ!... шептала Плакида сестрѣ, замирая отъ восторга.

— Сколько прикажете? спрашивалъ разнощикъ, становясь на одно колѣно и опуская лотодъ. Вишенья важныя, сударыня.

— Ахъ, ахъ, говорила Плакида, закидывая глаза... Ахъ, престыжный незнакомецъ!..

— Чего-съ? спросилъ разнощикъ.

— Какая нынче прекрасная погода!.. О, шеръ анжъ!..

— Жара точно-съ... Я инда взопрьлъ, сударыня... Ей-богу!..

— Сколько прикажете-то?.. И парень, приподнявъ шляпу, сталъ съ какимъ-то азартомъ чесать рукою у себя въ головѣ.

— Не онъ, не онъ, закричала Плакида благимъ матомъ и отбѣжала отъ окна.

— Уходи, разнощикъ, не надо! сказала Уляша. Не ты, не ты.

— Зачѣмъ же звали-то?.. Какъ не я?

— Не груби.

— Чего грубить?.. Я не грублю. Подзовутъ тоже, словно заправскія.

— Пошелъ вонъ, грубіянь! крикнула Плакида.

— Чего вонъ? Я—на улицѣ, стало-быть на своемъ мѣстѣ.

— Вишенье, спѣло-вишенье! раздавалось на другомъ концѣ улицы.

— Онъ, онъ! закричала Плакида. Пошелъ отъ окна, пошелъ! Ахъ онъ, ахъ онъ!

— Думаете, у того-то лучше... Ждите!.. Возьмите хоть малечко!.. Дешево отдамъ.

— Уляша, отгони его!.. Ахъ, это непременно онъ.

— Пошелъ вонъ! Отдавай даромъ—не возьмемъ... Слышишь... Пошелъ, пошелъ!

— Вишенье, спѣло вишенье, раздавалось ближе.

— Ну-же, возьмите! приставалъ разнощикъ.

— Ахъ, онъ убьетъ, убьетъ меня! воссаликала Плакида.

— Небось, не трону.—Разбойникъ я что-ли вамъ? Чудно!

— Люди, люди! закричала Уляша.

— И самъ уйду... Эдакія шпынды, довольно громко проговорилъ парень и ушелъ.

Другой разнощикъ въ это время подходилъ. Сестры опять уткнулись въ окно.

— Нѣтъ, это не онъ, застонала Плакида, и звать нечего. Это какой-то безобразный мужикъ, съ бородой.

— Вишенья, барышни, не угодно-ли, а? заговорилъ разнощикъ, останавливаясь.

— Не онъ, не онъ! стонала Плакида.

— Не надо, любезный, не надо!.. вторила Уляша.

— Ни одному чорту не надоть. Что это за напасть такая! прости, Господи... Право.

Уляша получила такое письмо:

«Милостивая государыня, Уляна Тимофеевна! Я давно имѣлъ намѣреніе сочетаться съ вами законнымъ бракомъ, но все какъ-то времени не было. Теперь я рѣшился наконецъ, но желать бы знать напередъ ваше мнѣніе обо мнѣ. Я пройду сегодня мимо васъ въ бѣлой соломенной фуражкѣ, парусинномъ пальто и пестрыхъ панталонахъ. Если вы меня одобрите—кивните головой.

Письмо это очень понравилось Уляшѣ, но за то Плакида пришла отъ него въ ужасъ и разъ сто все повторяла съ насмѣшкой и презрѣніемъ: «панталоны, панталоны... Что за нахаль!»

— Вѣдь не вамъ, сестрица, съ нимъ жить, вступалась Уляша. Для меня онъ и въ панталонахъ хорошъ... Отчего вотъ онъ не подписалъ своего имени—вотъ что меня удивляетъ.

Обѣ сестры ждали своихъ возлюбленныхъ, но до самого вечера ни господина въ штанахъ, ни разнощика съ вишенными не показывалось. Уляша утѣшала себя тѣмъ, что, вѣрно, ему что-нибудь помѣшало, такъ-какъ, очевидно, онъ—человѣкъ занятой. А Плакида приходила въ отчаяніе, что не позволяла втораго разнощика. «Ахъ, я несчастная, ахъ, я несчастная!» восклицала она. «Сама отъ себя счастье отняла... Можетъ, онъ нарочно такъ замаскировался... Несчастная я, несчастная!...» И она ломала себѣ руки.

Дочь судьи тоже получила письмо, самаго изящнаго содержанія, подписанное двумя буквами: А. М. «Я часто хожу мимо вашего дома—ваше сердце должно узнать меня.»—Такъ кончалось письмо. Вѣдая дѣвушка цѣлый день не отходила отъ окна, видѣла много народу, но сердце не указало ей на возлюбленнаго. «Можетъ-быть, завтра пройдетъ?» утѣшала она себя, и билось, сильно билось дѣвическое сердце, и работала молодая головка. Совершенно того же содержанія письма получили еще три барышни. И кто знаетъ, не доставилъ ли нашъ школьникъ этимъ дѣвушкамъ лучшихъ минутъ въ жизни? Не хранили ли онѣ эти письма на груди своей, и сладко занывала грудь. Не перечитывали ли онѣ эти письма черезъ нѣсколько лѣтъ, когда сдѣлались женами чиновниковъ, и самая пошлая проза со-дня-на-день затягивала ихъ въ себя и убивала самыя чистыя стремленія.

Жена непремѣннаго члена, получивъ письмо, въ которомъ онъ обѣщался пройти по улицѣ въ бѣломъ костюмѣ, цѣлый день про-

сидѣла у окна, воткнувъ въ грудь бѣлую розу, въ знакъ, въроятно, своей чистоты и невинности.

Послѣ обѣда мужъ легъ-было спать, а она опять сѣла къ окну, съ сладостной надеждой.

Вдругъ спальня отворилась, и мужъ появился на порогѣ, въ неописуемомъ костюмѣ.

— Маша, а Маша!

— Чего тебѣ?

— Я спать легъ...

— А мнѣ что за дѣло?...

— Ты развѣ не хочешь?

— Нѣтъ, не хочу.

— Да какъ же это ты нынче не хочешь? Вѣдь всегда спала.

— А нынче вотъ не стану.

— А то поди, усни!

— Убирайся!.. Что это, въ-самомъ-дѣлѣ, за тиранство такое?...

Каждый день спи.

— А у окна-то лучше, что-ли, сидѣть?

— Хочу сидѣть, и сижу... Видно, лучше...

— Да ты словно прилипла.

— Можетъ-быть и прилипла.

— А то усни... Спать хорошо послѣ обѣда.

— Ахъ, какой несносный... Говорять не хочу, не хочу, не хочу. Отстань! Это Богъ знаетъ что такое.

— Эхъ, какая ты, право!.. Никогда человѣку удовольствія не сдѣлаешь... И онъ ушелъ почесываясь.

Другія дамы были не менѣе взволнованы, не менѣе тянуло ихъ къ окнамъ. Только одна помѣщица Мимозина, ожирѣвшая молодая бабѣнка, получившая письмо вскорѣ послѣ обѣда, вовсе не заинтересовалась имъ. Распечатавъ его въ постели, на которую она завалилась соснуть маленько, она отдала его прочесть двѣнадцатилѣтнему сыну вслухъ. Сынъ сталъ читать и вдругъ остановился.

— Мамаша, дальше читать нельзя.

— Отчего?

— Неприлично, мамаша.

— Ты почему-жъ знаешь, что неприлично?

— А такое слово тутъ, мамаша.

— Ну-ка, дай сюда!

Мимозина прочитала неприличную фразу и была очень доволь-

на и ею, и невинностью своего сына. Фраза эта была: «О, дай мнѣ упиться на холмистыхъ грудяхъ твоихъ млекою наслажденья!»

— Какой подлець, подумала она: почему онъ знаетъ, какая у меня грудь? (Слово «подлець» она употребила въ ласкательномъ смыслѣ). Отдавъ сыну письмо, она приказала отнести его мужу, а сама тотчасъ уснула. Довольный вѣрностью своей жены, мужъ отправился къ ней въ спальню.

Жена засѣдателя Тряпки, прочитавъ письмо, тотчасъ же показала его мужу.

— Вызови его на дуэль! сказала она.

— Кого же я матушка вызову? Никто не подписался... сказалъ Тряпка унылымъ голосомъ, который образовался у него тотчасъ же послѣ свадьбы.

— Найди и вызови.

— Стану я искать? Еще въ солдаты пойдешь.

— Не хочешь—прекрасно! Такъ я сама его найду и полюблю.

— Какъ хочешь... Только я думаю, это пошутить кто-нибудь.

— Пошутить.—Это интересно слышать... Кто же смѣетъ шутить со мной? А? Кто смѣетъ, я спрашиваю—и жена стала наступать на мужа.

Вечеромъ Ооминъ прошелся по городу и, подходя къ окнамъ, у которыхъ сидѣли замирающія отъ волненія дамы, говорилъ: «Бѣдныя птички, это я сопкольничалъ.» Дамы догадывались въ чемъ штука, но дѣвицъ онъ пощадилъ.

Читатель можетъ тотчасъ же задать мнѣ два вопроса: какимъ-образомъ Ооминъ могъ разослать письма?—первый вопросъ, а второй: неужели всѣ бородуевскія дамы такъ легковѣрны и такъ легко поддаются соблазну?... Станные вопросы! Я не стану разрѣшать ихъ, потому-что милая читательница пойметъ меня и сообразитъ тотчасъ же, какъ можно доставить письма; милая читательница пойметъ волненіе бородуевскихъ дамъ, принявъ во вниманіе скуку и праздность нашихъ уѣздныхъ городковъ. А если милая читательница пойметъ меня, что мнѣ за дѣло до медвѣдей-читателей?...

Впередъ моя исторія!...

Все надоѣдаетъ въ мірѣ, надоѣли и шалости Оомину. Онъ почти совсѣмъ ихъ бросилъ послѣ послѣдней исторіи и посвятилъ себя окончательно женщинамъ, или, вѣрнѣе сказать, по-

святилъ себя любви. Мѣщаночка Маша особенно заинтересовала его своимъ блѣднымъ личикомъ, длинною косою, густыми рѣсницами, изъ-подъ которыхъ выглядывали голубые глаза. Скоро, безъ затрудненій, сошелся онъ съ нею. Дѣвушка отдалась любви, не раздумывая, словно не боялась она никакихъ осужденій, словно презирала людской судъ. Маша жила съ своею матерью одна-одиною и чуть не умирала съ голоду, сидя за шитьемъ и вышиваньемъ цѣлые дни и половину ночей. Всегда молчаливая, всегда грустная какая-то, она немного оживилась, полюбивъ Ѳомина. Любовь эта, а Маша истинно любила, была для нея словно долгомъ какимъ-то, а не страстнымъ наслаждениемъ, которое погружаетъ дѣвушку въ совершенное забытье.

— Ты меня не любишь, говорилъ ей часто Ѳоминъ, цалуя ея блѣдныя щеки.

— Нѣтъ, я люблю тебя, я очень тебя люблю.

— Отчего жъ ты такая грустная?

— Такъ. Жить мнѣ недолго... Маменька все говоритъ: «скоро, говоритъ, ты умрешь, Маша. У тебя, говоритъ, отцовская болѣзнь...»

— Не вѣрь ей, Маша. Ты еще долго проживешь...

— Нѣтъ, не проживу. Я рада, что съ тобой встрѣлась. А то сидишь, сидишь. Такъ и умерла бы... А теперь и смерть будетъ въ-счастье... Ты только до смерти не покидай меня. Батюшка умеръ на ходу—и я такъ умру. Я передъ смертью приду къ тебѣ, золотой мой...

«Любовь и смерть—два противоположные полюса, все равно, что огонь и ледъ», думалъ Ѳоминъ: «какъ она можетъ любить и думать о смерти? Какъ не оледенить въ ней дума о гробѣ сердца...»

Въ Машѣ, дѣйствительно, засѣла глубоко чахотка, и часто поцалуи прерывались удушливымъ кашлемъ. Ѳоминъ такъ и отпрянетъ, бывало, отъ нея, и страхомъ волновалось его молодое сердце.

— Погоди, это сейчасъ пройдетъ, говорила Маша. — Тебѣ, небось, гадко смотрѣть на меня?

— Нѣтъ, Маша, мнѣ страшно за тебя... Я тебѣ лекарства достану. Я съ докторомъ поговорю...

— Не нужно. Зачѣмъ тратить!... Вотъ и прошло совсѣмъ, говорила она, улыбаясь.—Дай, я поцалую тебя.

Ѳоминъ обнималъ ее.

— Ты въ Бога вѣришь? спросилъ онъ ее разъ.

— Въ Бога! повторила она.—Кто жъ въ Бога не вѣритъ?

— Есть такіе, что и не вѣрятъ.

Маша съ удивленіемъ поглядѣла на него.

— Какъ же это они такъ? спросила она.

— А такъ, не вѣрятъ, да и полно. И умирають, не причастившись, не исповѣдавшись.

— И хорошіе бываютъ люди?

— Всякіе бываютъ... Есть и хорошіе между ними.

— Чудно мнѣ это, сказала Маша и задумалась.

На другую ночь, какъ только вошла она къ нему, сейчасъ и спросила:

— Зачѣмъ ты меня вчера спрашивалъ: вѣрю я въ Бога, али нѣтъ?

— Такъ спросилъ...

— Нѣтъ, не такъ. Я цѣлый день все о словахъ твоихъ думала.

— Охота же тебѣ...

— Нѣтъ, погоди. Узнала я, или не узнала. Ты скажешь, если я отгадала?

— Скажу.

— Ну, хорошо. Ты вотъ что думалъ: какъ это она о смерти думаетъ, и точно умирать ей скоро, а ко мнѣ ходитъ. Вѣдь она грѣхъ тяжкій на душу беретъ.

Өоминъ опустилъ голову и покраснѣлъ.

— Угадала? спросила она весело.

— Нѣтъ, солгалъ онъ.

— Анъ угадала, анъ угадала, зарѣзвилась она.—Ты безпрѣмѣнно это думалъ. Голову даю на отсѣченье—думалъ ты. Вѣдь думалъ, ну же, скажи!.. И она смотрѣла ему въ глаза такъ весело, такъ задумешно-проницательно.

— Думалъ, сказалъ Өоминъ и спряталъ свое лицо у ней на плечѣ.

— Видишь, какая я; всѣ твои мысли отгадать могу, сказала она и опять запечалилась.

— О чемъ же ты опять загрустила?

— А все объ этомъ, ты не безаповайся обо мнѣ. Я во всемъ передъ смертью покаюсь; я и теперь утромъ, какъ домой приду, долго молюсь. Иной разъ даже слезы потекутъ. Ей-богу...

Өоминъ гладилъ ее по волосамъ, и ни одной грѣшной мысли не пришло ему въ голову.

— Я вѣдь не скрываюсь, продолжала Маша.—Маменька вѣдь все знаетъ...

— Знаетъ? спросилъ Өоминъ съ удивленіемъ.

— А то какже? Я какъ пришла отъ тебя, какъ деньги-то ты мнѣ далъ, такъ и отдала ихъ маменькѣ. Вотъ, говорю, маменька, пять цѣлковыхъ. «Откуда, говорить, ты ихъ взяла?» А я и говорю ей прямо. Все, говорю, равно: замужъ не выходить мнѣ, такъ безъ пользы умру. А маменька покачала только головой и деньги взяла.

— Я тебѣ сегодня еще денегъ дамъ, сказалъ Өоминъ. — Я жалованье получилъ.

— Хорошо. Маменька рада будетъ... А ты меня больше люби. Ты не гляди, что я кашляю, это ничего. А ты помни завсегда, какой отвѣтъ я передъ Господомъ должна держать... А знаешь, я еще все думаю, какъ это въ Бога не вѣрятъ хорошіе люди. Это, должно-быть, враки, что они хорошіе люди...

— Нѣтъ, это правда.

— Чудно, сказала она опять...—Ты чего такой скучный? Тебѣ не умирать, зачѣмъ грустить? Давай я тебѣ пѣсню сыграю... Өоминъ покачалъ головой.

— Чтò? Небось думаешь, гдѣ ей пѣсни играть, закашляется. Такъ?

Өоминъ молчалъ: ему было смертельно грустно.

— Ну, вотъ опять я отгадала... Ничего, я сыиграю. Я тихонечко...

— Не нужно, не нужно, сказалъ Өоминъ довольно рѣзко.

— Ну, давай, я поцалую тебя. Я безпремѣнно развеселю тебя. Мнѣ нынче хорошо такъ... И она задула свѣчку.

— Зачѣмъ ты? спросилъ Өоминъ.

— Такъ. Въ-потьмахъ лучше, сказала она нетвердымъ, сконфуженнымъ голосомъ, и Өоминъ почувствовалъ на своемъ лицѣ слезы дѣвушки...

— Ты плачешь? сказалъ онъ.

— А ты зачѣмъ меня не любишь? не то спросила, не то укорила она его сквозь слезы.

— Да кто же тебѣ это сказалъ? Я готовъ за тебя полжизни отдать.

— Нѣтъ, я такая хвора — ты не любишь меня, я надобла

тебѣ... А я готова мертвая ходить къ тебѣ... Вотъ какъ я люблю тебя, вотъ какъ...

Не прошло недѣли послѣ этого разговора, какъ Маша пришла къ нему съ заплаканными глазами. Онъ спросилъ, конечно, что такое съ нею?

— Дура я, расплакалась, сама не знаю чему.

Θоминъ сталъ настаивать, чтобъ она рассказала. Дѣвушка долго отпѣкивалась, и когда Θоминъ сталъ сердиться — она рассказала, запинаясь.

— Тятенька покойникъ, начала она, остался долженъ одному своему сродственнику пятьдесятъ цалковыхъ. Сродственникъ-то этотъ, Кузьма Терентьичъ, все терпѣлъ о сю пору. А теперя ему самому на что-то деньги до зарѣзу нужны. Вотъ онъ и пилить теперче маменьку — дня три ужъ пилить. А вчера пришелъ пьяный-распьяный, шумъ поднялъ, крикъ такой — «я, говорить, избу размечу всю — подавай мнѣ деньги. Нынче опять пьяный приходилъ — говорить, станетъ жаловаться, грозить домъ продать... Маменька въ такомъ горѣ, сердитая такая...

— Тебѣ, стало, матери жаль?

— Да, жаль — я и плачу.

— А вотъ и лжешь. Ты мои мысли отгадывала прежде, теперь я твои отгадаю.

— Нечего отгадывать, я все сказала...

— Нѣтъ, не все. Мать твоя разсердилась, и благо ты подвернулась подъ-руку, она и начала съ горя бранить тебя, пожалуй попрекнула тѣмъ, что вотъ ты съ голякомъ такимъ связалась, какъ я... Ну, и такъ далѣе...

Маша опустила голову и молчала.

— Ну, погоди, милая, я достану денегъ...

— Достанешь!... вскрикнула Маша радостно. — Голубчикъ мой, я твои пальчики всѣ разцалую... Я не говорила только тебѣ — маменька давно пилить меня. Просто, и не ходила бы дождой. Нужно ей зачѣмъ-то пятьдесятъ цалковыхъ, она и пилить меня.

— Ты говорила должна она...

— Да, она точно должна, только всего двадцать должна-то... Теперь я жалѣю, что сказала про тебя... не нужно было говорить.

— Ничего, достанемъ..

— Да вѣдь это много денегъ. Откуда ты ихъ достанешь... Тебѣ не откуда достать... Ахъ, я — дура, дура, продолжала она

черезъ минуту. — Зачѣмъ я тебѣ, дура, сказала про это? Ужъ равно бы...

— А еслибъ ты не сказала, я бы разсердился на тебя, потому-что я и безъ тебя зналъ все это.

— Зналъ? Какъ же могъ ты узнать? спросила она съ испугомъ.

— А ужъ это—мое дѣло. Я знаю больше, чѣмъ ты сказала, и сталъ бы еще больше любить тебя, еслибъ можно было больше любить...

Дѣвушка бросилась къ нему на шею и заплакала.

Оминъ узналъ еще утромъ отъ Акулины разсказанную Машей исторію, только съ нѣкоторыми дополненіями. Акулина эта была кухарка и вмѣстѣ-съ-тѣмъ сожительница приходскаго учителя Квашни, съ которымъ она жила уже лѣтъ двадцать и пользовалась общимъ уваженіемъ и почетомъ. Оминъ искренно полюбилъ ее за простоту и добросердечіе, а Акулина съ своей стороны принимала самое горячее участіе въ молодомъ учителѣ. Иногда они вмѣстѣ проводили по цѣлымъ часамъ, говорили вздоръ и дѣло. Оминъ у нея разспрашивалъ о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ. Акулина умѣла отвѣчать на всякій вопросъ здраво и разсудительно. Когда нечего было говорить, Акулина начинала говорить сказки, которыхъ Оминъ заслушивался. Разсказывала она ихъ мастерски. Выражалась она всегда какъ-то грубо; самый голосъ, казалось, былъ созданъ у нея вовсе не для выраженія нѣжныхъ чувствъ. Но подъ этой грубой оболочкой было пропастъ любви ко всѣмъ тѣмъ, которыхъ снѣдала нужда или горе, и она готова была всегда подѣлиться послѣднимъ грошомъ съ любезнымъ ей человѣкомъ.

— Мать-то ея, дуй ее горой, говорила Акулина: — и ничего бы женщина. Да ужъ горе-то ихъ велико, вотъ она и пилить дочь-то...

— Что жъ ты мнѣ давно объ этомъ не сказала?

— Ишь, дуй тѣ горой, чего захотѣлъ. Мнѣ-то зачѣмъ тутъ мѣшаться? Думала, дѣвка сама скажетъ, вѣдь языкъ-то есть у ней... Ну, опосля вижу это—птаха, молъ, она молчаливая такая, да забитая, гдѣ ей сказать? А живемъ-то вѣдь мы ђ-бокъ—такъ иной разъ все слышно, какъ она ругать-то начнетъ дочь. Ну, да и хожу я къ нимъ, такъ мнѣ оно и видно все это дѣло-то. Я было и захаживала около старухи-то, и такъ и эдакъ, знаешь, смиряла ее... Куда тебѣ? Ничего не подѣлаешь... Горе-то, дуй

ее горой, ужь больно озлило ее. Я-тѣ скажу, горе это хоть какого теперче человекѣ испортить. Вотъ что!... Ну, а деньжонки ей точно нужны, вотъ она и говорить безперечъ дочери: «ежели, говорить, онъ любить тебя, пушай женится...»

— Вонъ какъ!

— А ты думашь какъ? У насъ, дуй ихъ горой, всяко-то есть суконное рыло въ калашный рядъ тоже лѣзеть...

— Ну, а Маша что на это?...

— А что Маша? Извѣстно ревомъ реветъ. Зачѣмъ, говорить, жениться ему на мнѣ, коли я и такъ помру скоро. Ужь и жалъ мнѣ ее, птицы горемышной, до смерти жалъ... Такая молоденькая, Господь съ ней, а рузуму нѣсть числа... Хорошіе-то люди, говорятъ, Богу очень нужны... Ну, а тутъ вотъ этотъ сродственникъ подоспѣлъ—она и стала кавючить о деньгахъ-то... Подавай ты ей ихъ, да и только. Сродственникъ-то мать нилить, а мать—дочь, такъ вотъ крѣгомъ все и ходить... А тутъ доминикъ ей поправить надать, а то зиму-то не простоятъ... Въ печи-то и теперь топить нельзя... Э-эхъ, дуй ихъ горой—горя-то колько, какъ поглядишь... Радости-то тебѣ вотъ съ наперстокъ всего, а горе-то ушатами черпай... Гдѣ ты теперъ денегъ-то возьмешь?...

— Я достану...

— Дай Богъ. А то у меня возьми. Цалковыхъ двадцать есть у меня. Подъ старость себѣ собрала...

— Нѣтъ, зачѣмъ же?

— Коли не достанешь, беря... Мнѣ, дуй ихъ горой, я и безъ нихъ пробуду... А ужь мнѣ птаху эту, Машу-то, жалъ...

Өминъ думалъ достать у смотрителя, но тотъ клялся всѣми сватыми, что у него нѣтъ денегъ, а еслибъ онѣ были, то онъ одолжилъ бы съ удовольствіемъ. Тогда нашъ бѣднякъ отправился къ исправнику. Прямо объявивъ ему, зачѣмъ пришелъ, Өминъ сказалъ, что дастъ росписку, по которой исправникъ всегда можетъ получить свои деньги, конечно, не разомъ, но по частямъ.

— Если вы мнѣ дадите денегъ, я сейчасъ же разорву извѣстные вамъ записки.

— Что жъ, сказалъ исправникъ, вѣдь тѣ записки теперъ не имѣютъ никакой силы. Я рѣшительно не придаю имъ никакого значенія.

— Но согласитесь однако, что одно изъ писемъ заключаетъ фактъ.

— Да, знаю, знаю, перебилъ исправникъ: — но согласитесь,

что вы и безъ писемъ этихъ можете пустить про мою жену всякую сплетню...

— Я до-сихъ-поръ молчалъ, сказалъ Ѳоминъ.—А письма эти все-таки могутъ васъ скомпрометировать гораздо больше, чѣмъ изустная молва.

— Такъ, значить, если я вамъ не дамъ денегъ—вы станете ихъ показывать?

— Я этого не говорю.

— Согласитесь, что такой поступокъ съ вашей стороны будетъ безчестенъ.

— Знаю-съ. Но я руководствуюсь такимъ правиломъ, что съ людьми безчестными слѣдуетъ поступать такъ же...

— Вы дерзости говорите мнѣ...

— Ничуть. Вы знаете, что я говорю правду, а потому напрасно изволите обижаться. Вѣдь письмо, подписанное моимъ именемъ, написано вами. Это очевидно для слѣпаго даже. Вамъ, просто, хотѣлось отомстить мнѣ за тѣ маленькія непріятности, которыя сдѣлалъ я вамъ и вашей супругѣ. Вооружась, напри-мѣръ, неподписаннымъ письмомъ, вы могли бы очернить меня передъ директоромъ очень легко.

— Я васъ не понимаю, совершенно искренно сказалъ исправникъ.

— Полноте притворяться...

— Но клянусь вамъ честью...

— Я—не мальчикъ, не клянитесь... Вы могли бы сказать директору, что я распускаю самыя позорныя сплетни про вашу супругу, что вотъ вы получаете даже письма отъ незнакомыхъ людей, что я говорю даже про несуществующіе недостатки вашей супруги...

— Въ томъ-то и штука, что эти недостатки существуютъ, проговорилъ исправникъ.

— А, очень пріятно услышать это...

— То-есть... я не то хотѣлъ сказать...

— Это все равно, перебилъ его Ѳоминъ. — Директоръ не сталъ бы свидѣтельствовать вашу супругу. А я вамъ объявляю теперь, что если вы не дадите мнѣ денегъ, я вамъ надѣлаю тысячу непріятностей...

— Поглядимъ, поглядимъ. Надѣюсь, что вы сами за это поплотитесь...

— Мнѣ—все равно. Да впрочемъ, я такой искусникъ въ шту-

какъ подобнаго рода, что мнѣ рѣшительно ничего не сдѣлаютъ—развѣ переведутъ въ другой городъ. Ну, а это можетъ-быть еще лучше—все-таки переимѣна мѣста...

Исправникъ подумалъ съ минуту...

— Вы сказали, что письмо написано моею рукою?

— Да, сказалъ.

— Но это не можетъ быть. Я читалъ это письмо,—никакого сходства съ моею рукою я не замѣтилъ.

— Не угодно ли взглянуть? сказалъ Ѳоминъ, и, отойдя отъ исправника на два шага, онъ показалъ его ему, зорко вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдая за его движеніями.

— Вѣдь точно похожъ почеркъ, сказалъ онъ невольно.— Дайте мнѣ поддержать, получше разсмотрѣть...

Ѳоминъ улыбнулся, исправникъ потупился.

— Вы не глядите, что я молодъ, сказалъ Ѳоминъ: — чорта самъ проведу.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? спросилъ исправникъ и задумался.

Ѳоминъ взялся за шапку и сталъ вертѣть въ рукахъ свою тяжелую трость...

— Хорошо-съ, я вамъ дамъ, сказалъ исправникъ: — но не иначе, какъ за поручительствомъ вашего смотрителя...

— Покорно васъ благодарю. Съѣздитъ къ нему.

— Хорошо-съ, хорошо-съ... Я убѣжденъ, что послѣ этой услуги съ моей стороны, вы меня оставите въ покоѣ.

— Даю вамъ даже честное слово...

— А ваше правило, про которое вы давеча говорили?

— Въ отношеніи васъ я его забываю.

Въ этотъ же вечеръ, какъ только пришла Маша, Ѳоминъ отдалъ ей пятидесяти-рублевую.

— Какая хорошенькая бумажка, сказала Маша.

— Ты развѣ прежде никогда не видала?

— Нѣтъ. Погоди жъ, я сбѣгаю сейчасъ домой — отнесу ее матери, и ворочусь.

Она такъ и сдѣлала, и въ этотъ разъ была такъ весела, какъ никогда еще.

Маша со-дня-на-день худѣла; кашель чаще и чаще мучилъ ее; но съ-тѣхъ-поръ, какъ мать перестала пилить ее, она будто по-

веселѣла немного, хоть эта веселость была какая-то болѣзненная, странная. Она вовсе не заражала другихъ, а напротивъ, Оомину, на примѣръ, становилось тяжело и неловко отъ этой веселости. Тщательно скрывая это чувство, онъ, однако, не могъ иногда не выдать его. Маша сердилась и задумывалась.

— Маша, неужели тебѣ жить не хочется? спросилъ разъ ее молодой человѣкъ.

— Мнѣ-то?... Кому не хочется жить — ты скажи мнѣ... Всякому жить хочется. А что жъ дѣлать? Я привыкла ужъ — маменька вѣдь цѣлый годъ твердить одно и то же — умрешь, да умрешь. Ну, я и привыкла. А спервоначалу-то страшно было. Все бывало думаешь, какъ это въ гробъ тебя стануть класть, какъ понесутъ, со святыми упокой стануть пѣть... А тамъ и въ землю зароютъ. Все это мнѣ похороны бывало представлялись, особливо какъ спать ляжешь... Жутко станеть такъ...

— Да какъ же это тебѣ похороны представлялись? Вѣдь тогда ужъ человѣкъ ничего не чувствуетъ...

— Ну, а вотъ представлялись же. Какъ умираю я — и это представлялось. Матушка плачетъ, стоитъ... Акулина плачетъ. Волѣ никого нѣтъ. А тутъ ангелъ мнѣ все мерещился... Да ну ихъ!.. Вотъ еще была бѣда вспоминать это. Я еще проживу. Я цѣлый годъ еще проживу, а можетъ и совсѣмъ выздоровлю...

— Еслибы Господь далъ! сказалъ Ооминъ.

— Ты только люби меня, другъ мой, а-то я проживу. Я лекарство теперь стала принимать — мнѣ лучше. Она вдругъ закашлялась.

— Вотъ только этотъ кашель, сказала она, отдохнувъ. — Нѣтъ, не проживу я, чай, не проживу — и улыбалась она, и слезы блестѣли въ ея хорошенькихъ глазкахъ. — А еслибъ выздоровѣла я, продолжала она: — ты бы женился на мнѣ?

— Женился бы, совершенно искренно сказалъ Ооминъ: — Я и теперь готовъ жениться...

— Нѣтъ, теперь не надо. Зачѣмъ... А хорошо намъ было бы. Ужъ какъ бы я за тобой ходить стала, какъ бы стала беречь тебя! и она взяла его руки и стала цаловать ихъ.

— Полно, полно тебѣ, сказалъ онъ, стараясь отнять свои руки...

— Оставь, оставь. Можетъ въ послѣдній разъ мы съ тобой — почему знать?... Я вѣдь на ходу умру. Я и глаза твои разцалую, и голову. Не мѣшай мнѣ, золотой мой, не мѣшай!...

Въ обѣдъ на другой день Акулина прибѣжала къ Ѳомину.

— Иди къ своей-то, сказала она, отворачивая свое лицо.

— Что такое случилось?

— Вотъ, дуй тѣ горой, стану я тѣ рассказывать еще. Я домой забѣгу, и она вышла.

«Неужели она умираетъ!» подумалъ Ѳоминъ, и холодный потъ выступилъ на лбу его. — «Не можетъ быть—это такъ что-нибудь случилось.» Онъ видѣлъ, что ей недолго жить, но старался все-таки увѣрить себя, что она проживетъ хоть годъ, и теперь, когда наступала рѣшительная минута, онъ не находилъ въ себѣ ни твердости, чтобъ встрѣтить эту минуту, ни утѣшенія—ничего, кромѣ какого-то бессмысленнаго отчаянія и пришибающей тоски. Онъ шелъ сначала чуть не бѣгомъ, потомъ, когда домикъ Маши былъ уже въ двухъ шагахъ, онъ вдругъ остановился, перевелъ дыханіе и посмотрѣлъ по сторонамъ, словно ища какой-нибудь поддержки. У него тряслись колѣнки и грудь замирала чуть не до обморока. Онъ прислонился къ забору... Вышелъ священникъ изъ калитки.

— А, Евгеній Алексѣевичъ: — какъ поживаете?...

Ѳоминъ посмотрѣвъ на него спросилъ :

— Вы... отъ умирающей, сказалъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Да-съ, къ отцу міровъ, такъ-сказать, сопровождалъ, проговорилъ священникъ. — Отъ чахотки кончается. Что вы ко мнѣ никогда не зайдете ?

Ѳоминъ ни слова не отвѣчалъ и вошелъ въ калитку.

Маша сидѣла на постели, прислонившись спиною и головою къ подушкамъ, и пристально смотрѣла на дверь болѣзненно горѣвшими глазами.

— Что онъ нейдетъ? говорила она Матери, сидѣвшей на концѣ постели.

— Акулина за нимъ пошла, проговорила старуха, глубоко вздохнувъ.

Послышавъ шаги въ сѣняхъ, Маша выпрямилась, и лицо ея заблистало радостью.

— Здравствуй, сказала она вошедшему Ѳомину, который съ плачемъ бросился къ ней.

Старуха встала и отошла всторону.

— Вотъ, видишь, я умираю, мой милый, сказала Маша. — А

ты не плачь. Я сама хотѣла сегодня придти къ тебѣ, да ноги что-то не слушаются.

— Ты еще выздоровѣешь, сказалъ Ѳоминъ.

— Нѣтъ, я еще утромъ знала, что умру нынче. Я и за батюшкой ужъ посылала—я совсѣмъ готова... Прощай!... Сядь, поди сюда, со мной.

Ѳоминъ сѣлъ съ ней рядомъ. Она обняла его одной рукой и положила голову на плечо къ нему...

— Вотъ такъ и умру я, продолжала она.—Тебѣ не страшно, что обнявшись съ тобой умру я, а?...

— Нѣтъ.

— Ну, хорошо...

Вошла въ это время Акулина.

— Касатики, проговорила она, взглянувъ на постель.

— Не грѣшно ли, родимая, такъ-то имъ, шепнула старухамать Акулинѣ.

— И-ихъ, Ивановна, какой тутъ грѣхъ?... Словно пташки... У ней навернулись на глазахъ слезы. — Охъ, дуй ихъ горой! проговорила она, поднося конецъ платка къ глазамъ... Чтой-то ужъ слезлива-то какъ я стала, и начала она съ необыкновеннымъ усиліемъ сморкаться.

Маша замѣтила ее.

— Акулина ты пришла?...

— Пришла, касатка...

— Ну, вотъ, такъ и представлялось мнѣ. Маменька тутъ... Акулина тутъ... А ты—энтотъ ангелъ, прибавила она, тихо поцаловавъ его въ плечо...

Ѳоминъ заплакалъ.

— Не плачь... Почитай мнѣ евангеліе лучше.... Маменька, дайте вонъ энту книгу, чѣмъ на шкафѣ-то...

Книгу подали. Ѳоминъ отеръ глаза и раскрылъ наудачу книгу. Это былъ конецъ седьмой главы евангелія отъ Луки, гдѣ повѣствуется о грѣшницѣ, омывавшей своими слезами ноги Христа.

«Прощаются грѣхи ея многіе за то, что она много возлюбила; а кому мало прощается, тотъ мало любитъ. Ей же сказалъ: прощаются тебѣ грѣхи...» Ѳоминъ не могъ продолжать и зарыдалъ... Заплакала и Маша...

— Знаешь, чѣмъ, начала она: — хотѣла я сказать... Станетъ меня Господь спрашивать о тебѣ, объ имени твоёмъ — я не

скажу ему этого... Я одна виновата, одна. Пускай меня карать онъ...

— За что тебя, птаху, карать-то? выговорила Акулина, захлебываясь слезами, и корчилося ея доброе лицо.

— Прощай, милый, едва слышно говорила Маша, судорожно сжимая его плечо рукой.—Прощайте всѣ... всѣ... Господи...

Акулина выбѣжала въ сѣни, напрасно стараясь удержать слезы.

— Охъ, дуй васъ горой, повторяла она... Охъ, погибли на васъ нѣтъ... Такъ и текутъ, такъ и текутъ... Фу, ты Господи!... Охъ, лихоманка васъ забей проклятыхъ!... Пташка-то, а?...

Өоминъ до могилы проводилъ гробъ Маши и нѣсколько разъ смѣнялъ собою одного изъ крестьянъ, несшихъ гробъ. Когда поставили гробъ на краю могилы, чтобъ опустить въ нее на вѣкъ, зарыдалъ, какъ ребѣнокъ, молодой человекъ и обхватилъ его руками: «Погодите, братцы, погодите!» простоналъ онъ.

— Пустите, баринъ, говорили могильщики.—Батюшка ждетъ...

— Пускай его, заплачется, сказала Акулина, стоявшая тутъ же.—Пускай отъ сердца-то отлежится...—

— Нельзя, тѣтка... Чего ждать-то?... Зароемъ и баста...

— Успѣешь зарыть-то...

— Батюшка ждетъ...

— Дайте ему, сердечному, наглядѣться...

Однако его принуждены были просто оттащить. Акулина посадила его въ пролетку, выпрошенную ею у кого-то изъ купцовъ, и крикнула кучеру:

— Поѣзжай въ училище, въ приходское...

— Садись, Акулина, сюда же! сказалъ Өоминъ. Мѣсто есть...

— Ну, вотъ еще... Я и такъ дойду... Поѣзжай!

Похороны Маши возбудили многообразные толки въ городѣ, конечно, по отношенію къ Өомину. Почти каждая дама, торопясь предъявить декорумъ своей нравственности, разражалась противъ бѣдняги учителя укорами, обзывала нахальствомъ провожанье имъ гроба какой-то мѣщанки. Немного голосовъ раздавались въ его пользу, и между этими голосами громче всѣхъ былъ голосъ сентиментальной Плакиды Тимоѣевны. Узнавъ о смерти Маши и о любви ея, она хотѣла пойти поклониться ея тѣлу и непременно пошла бы, еслибъ не остановила ея благоразумная и практическая Ульяна Тимоѣевна. Когда же слышала она протяжное «со святыми упокой», когда показался гробъ противъ ея дома, когда она увидѣла блѣдное и разстроенное

лицо молодого человѣка, несчаго гробъ, Плакида Тимоѣевна заахала пронзительно и взывала на всю комнату, повторяя много разъ: «Они любили, любили... О, я несчастная, о, я несчастная!...»

— Сестрица, голубчикъ, не компрометируйте себя! умоляла Уляша, стараясь оттащить свою сестру отъ окна.

— Они любили, любили! кричала, не слушая совѣтовъ сестры, Плакида. О, я несчастная, о, я несчастная!

Отставной поручикъ Сукинскій, сидѣвшій очень часто безъ платья, когда прокучивалъ свой третной пенсіонъ, неистово хохоталъ надъ Ѳоминымъ, собравъ вокругъ себя писцовъ и столоначальниковъ земскаго суда.

— Я тысячу женщинъ перелюбилъ на своемъ вѣку, восклицалъ онъ—а не по одной не плакалъ. Согласитесь, что мужичиѣ плакать стыдно. Мужчина долженъ быть твердъ и непоколебимъ.

А слезы жаркія — орудье слабыхъ женъ!

Смотритель хотѣлъ-было доносить директору объ этомъ случаѣ, но потомъ разсудилъ, что это ужъ слишкомъ будетъ, да къ тому жъ онъ подалъ въ отставку, а потому усердіе его къ службѣ уменьшалось вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ приближался конецъ ея.

Приступаю къ описанію такого пассажа, что читатели навѣрно заподозрятъ меня въ сочинительствѣ и рѣшительно скажутъ, что я—великій враль и клеветникъ. Смиренно подчиняясь такому приговору, я долженъ, однако, сказать въ свое оправданіе, что нижеслѣдующій фактъ дѣйствительно совершился въ области уѣздной жизни, а не въ области моей фантази.

Былъ уже конецъ августа, но погода стояла не только прекрасная, но даже жаркая, что ясно доказывалось, между-прочимъ, тѣмъ, что не только мужчины, но и дамы еще купались. Да и купались не такъ, чтобъ окунуться разикъ въ водѣ, да и бѣжать оттуда, сломя голову, а, напротивъ, купались съ надлежащимъ-комфортомъ: плавали; плескались, выпрыгивали до пояса и потомъ снова погружались въ отрадныя струи.

Такъ, въ послѣднихъ числахъ августа, бородуевцы были глѣбоко, тяжело, ужасно оскорблены дерзостью все того же Ѳомина. Да и нельзя было не оскорбиться благовоспитаннымъ горожа-

намъ, потому-что Ѳоминъ сдѣлалъ поступокъ невѣроятный: онъ верхомъ на лошади проѣхалъ по городу въ костюмѣ праотца до грѣхопаденія. Правда, лошадь бѣжала, а не шла тихимъ шагомъ, но все-таки бородеувскія дамы и дѣвицы видѣли мужчину, такъ-сказать, въ натурѣ. Правда, что такъ-какъ рѣка была чуть не въ самомъ городѣ, то бородеувцы, поневолѣ, очень часто видѣли мужчинъ въ натурѣ, особенно мужиковъ, купавшихъ лошадей, но вѣдь то мужики; дамы, какъ извѣстно, не упадутъ въ обморокъ, если встрѣятъ мужиковъ не только безъ галстуковъ, но даже съ растегнутымъ воротомъ—но попробуй явиться въ такомъ видѣ цивилизованный мужчина?... Нѣтъ-съ, статья выйдетъ совсѣмъ другого рода.

Такъ бородеувцы, чиновные бородеувцы, были страшно оскорблены. Исправникъ разсвирѣпѣлъ, аки левъ, искій кого поглотить, и выразился очень справедливо, хотя нѣсколько рѣзко, что дочь его лишена теперь непорочности. Онъ собралъ къ себѣ, вслѣдствіе такого казуса, всѣ городскія власти, и изложилъ имъ кратко, но ярко это событіе. Нужно замѣтить, что исправникъ жилъ лучше всѣхъ въ городѣ и пользовался рѣшительнымъ вліяніемъ на всѣхъ.

— Да, сказалъ онъ, выдѣлывая яростные жесты—лишена...

— Ужъ будто и лишена? возразилъ исправляющій должность судьи, высоній, полный мужчина, въ уланскомъ сюртукѣ. Вы ужъ Петръ Егорычъ, черезчуръ. .

— Ничего не черезчуръ... Повѣрьте, что для дѣвицы, нравственно воспитанной въ благородномъ пенсіонѣ, вдали отъ всѣхъ соблазновъ и смутъ (чортъ его знаетъ, зачѣмъ это онъ употребилъ это послѣднее слово?), что-нибудь да значить увидѣть мужчину въ такомъ видѣ...

— Ничего не значить, отрубилъ исправляющій должность судьи.

— Какъ ничего, какъ ничего? напустился на него засѣдатель Гордюшкинъ. Какъ ничего, Николай Петровичъ?

— А такъ, ничего, да и все тутъ.

— Я послѣ этого и говорить не знаю чѣмъ. .

— И не говорите, а, просто, плюньте на это дѣло.

— Какъ плюнуть? закричалъ исправникъ.

— А вотъ какъ—и исправляющій должность судьи показать, какъ слѣдуетъ плюнуть.

— У васъ нѣтъ ни жены, ни дочерей, сказалъ городничій, такъ вамъ можно шутить.

— Зачѣмъ шутить? Возьмите, напимѣрь, во вниманіе дикихъ...

— Какихъ дикихъ? спросилъ Гордюшкинъ.

— А просто дикихъ. Вы, Петръ Егорычъ, Дюмонъ-Дюрвиля то, вѣрно, читали?

— Стану читать я тамъ всякаго выжигу! гордо произнесъ исправникъ.

— Нѣтъ-съ, онъ—не выжига, защитилъ Николай Петровичъ Дюмонъ-Дюрвиля. Онъ описываетъ, какъ—такъ дикіе-то ходятъ, и ничего...

— Да вѣдь—то дикіе, а мы развѣ дикіе? замѣтилъ секретарь уѣзднаго суда, до сего времени все молчавшій и одергивавшій то жилетку, то брюки.

— Именно, именно, закричали всѣ. Развѣ мы дикіе, развѣ мы дикіе? Нѣтъ, мы—не дикіе, мы—не дикіе!...

— Чтò, Николай Петровичъ, втесались? вѣско замѣтилъ городничій.

— Нисколько. Развѣ дикіе — не люди?

— Люди-съ, только не въ образѣ человѣческомъ, сказалъ опять секретарь.

— А въ какомъ же?

— Не въ человѣческомъ. А ужъ въ какомъ—это ихъ дѣло.

Николай Петровичъ искоса поглядѣлъ на секретаря и направился вонъ изъ кабинета, гдѣ происходило совѣщаніе.

— Вы куда жъ? спросили его.

— Въ гостинную, къ Марьѣ Павловнѣ.

— Погодите жъ — общими силами нужно обсудить происшествіе.

— По моему мнѣнію—предать его волѣ божіей...

— Ну, ужъ это—дудки, закричалъ исправникъ. Ѳоминъ и такъ у всѣхъ на шеѣ сидитъ. Штука-то эта—не первая...

— И не послѣдняя, повѣрьте, замѣтилъ Гордюшкинъ.

— Я, какъ начальникъ города, непременно долженъ донести, сказалъ городничій.

— Дѣлайте, чтò хотите — а я уйду.

И Николай Петровичъ отправился въ гостинную, гдѣ сидѣла исправничиха съ дочерью Полиной, той самой, которая, по словамъ своего папеньки, была лишена непорочности. Дѣвушка, какъ только увидѣла, что исправляющій должность судьи входитъ въ гостинную, тотчасъ же, съ легкостью птички, юрнула вонъ.

— Скажите, Николай Петровичъ, какой афронть! сказала Марья Павловна, здороваясь.

— Ничего-съ. Все это вздоръ—повѣрьте.

— Какъ вздоръ? Полинѣ теперь глазъ нельзя будетъ никуда показать.

— Это отчего?

— А какъ же вы думаете? Мужчина—и голый. Она сама говоритъ: «маменька, говорить, я теперь на мужчинъ глядѣть не могу. Я, говорить, такъ теперь и сгорю отъ стыда»...

— Эхъ, Марья Павловна, умная вы женщина, а говорите такое...

— Но, согласитесь, что Ооминъ—такой скотъ, какого еще земля не производила, сказала исправница, сильно польщенная тѣмъ, что назвали ее умной женщиной.

И съ этимъ же соглашусь. Ооминъ—просто шалунъ...

— Шалунъ?!... Кхе... Нѣтъ, ужъ извините, я съ вами не могу согласиться...

— Что же, не соглашайтесь!... Погода-то какая стоитъ—благодаря!...

Когда дѣло пошло о погодѣ, значить разговаривающихъ можно оставить совершенно въ покоѣ, что мы и сдѣлаемъ, и перенесемся снова въ кабинетъ, гдѣ было уже новое лицо, нашъ знакомый штатный смотритель. За нимъ посылалъ исправникъ.

— Каковъ-съ Ооминъ-то? Этимъ вопросомъ встрѣтилъ исправникъ смотрителя.

— Что дѣлать, господа, сказалъ смотритель. Просвѣщеніе обращается въ развращеніе. Хотя грустно это, а сознаться надобно.

— Нѣтъ, примѣръ-то каковъ-съ! продолжалъ исправникъ. Примѣръ-то каковъ!... Наставникъ-то юношества!...

— Что жъ, Петръ Егоровичъ, отъ него всего можно ожидать было. Кому онъ неизвѣстенъ съ самой безнравственной стороны? Кто изъ здѣсь присутствующихъ поручится, что завтра же не будетъ оскорбленъ этимъ нахаломъ или самъ, или кто-нибудь изъ семьи? Кто поручится, что, ложась спать съ пріятными мыслями, онъ на утро не будетъ пораженъ какой-нибудь гнусной картиной?...

— Вы—настоящій Цицеронъ, сказалъ городничій.

— Да, Панкратій Кондратьичъ, заговоришь. Онъ миѣ на шеѣ сидитъ, вотъ что-съ. Теперь, вотъ на дняхъ былъ у насъ

директоръ, какъ вамъ извѣстно—вѣдь остался доволенъ по его предмету, чрезвычайно доволенъ.

— Что вы?

— Не лгу-съ...

— Однако, это ужасно скверно, сказалъ исправникъ. Онъ, пожалуй, теперь возьметъ подъ свою защиту этого мерзавца.

— Возьметъ, сказалъ смотритель, непременно возьметъ.

— Господа, не беспокойтесь, сказалъ городничій. Тамъ у директора могутъ быть свои, такъ-сказать, ученые цѣли...

— Въ администраціи, замѣтилъ секретарь, ученые не годятся. Истинно-съ.

— О, кто жъ въ этомъ сомнѣвается? воскликнулъ исправникъ. Кто вѣрный служака?—простой человѣкъ... да, самый простой человѣкъ...

— Вы, господа, меня перебили, продолжалъ городничій. Выясню свою мысль: директоръ, говорю, могъ имѣть свои ученые цѣли. Но мы, господа, имѣемъ цѣли административныя... такъ сказать, спокойствіе и цѣлость государства!...

— И порядокъ, добавилъ Гордюшкинъ.

— И порядокъ—совершенно справедливо. Въ виду общественной безопасности и спокойствія, ученые цѣли, по разуму самихъ законовъ, должны быть всенепремѣнно устранены. Я, господа, имѣю уже въ головѣ проектъ доношенія и останавливаюсь только на одномъ. По моему мнѣнію, слѣдуетъ описать всѣ поступки Оомина.

— Непремѣнно, непременно, хоромъ закричалъ арсенагъ.

— Да-съ. Такъ вотъ-съ, одно обстоятельство меня нѣсколько смущаетъ. Ооминъ, какъ извѣстно, дѣлалъ самыя возмутительныя штуки надъ нашими женами и дочерьми, даже разсылалъ имъ любовныя письма.

— Скотъ! сказалъ исправникъ.

— Мерзавецъ! подтвердилъ Гордюшкинъ.

— Убийственный человѣкъ, произнесъ секретарь.

— Развратникъ и развратитель, добавилъ штатный.

— Совершенно согласенъ, господа, продолжалъ городничій. Такъ вотъ этотъ чунетъ меня и тревожитъ. Если мы напишемъ, что онъ производилъ эти штуки надъ *нашими* женами и дочерьми, то не скомпрометируемъ ли мы, господа, и себя, и наши семьи въ глазахъ начальства?

— Пожалуй, что и такъ, сказалъ исправникъ.

Гордюшкинъ и секретарь что-то промышляли...

— Я, господа, этого не думаю, сказалъ смотритель. Развѣ отъ разбойника можно уберечься? Развѣ ножъ убійцы не равно падаетъ и на человѣка благороднорожденнаго, и на послѣдняго нищаго. Развѣ свирѣпый волкъ станетъ разбирать вѣрнаго ли царскаго слугу ему растерзать, или хлѣбопашца-крестьянина?

Поднялся шумный споръ, кончившійся тѣмъ, что всѣ согласились съ мнѣніемъ городничаго. Смотритель, впрочемъ, остался при своемъ.

— Итакъ, господа, нужно написать, продолжалъ градоправитель, что всѣ таковыя скандалы онъ производилъ надъ мѣщанскими женами и дочерьми.

— А если это умалить его преступленія въ глазахъ начальства? замѣтилъ смотритель.

— Ничего-съ, продолжалъ городничій. Послѣдній его поступокъ далеко выходитъ изъ ряда случаевъ обыкновенныхъ...

— Въ лѣтописяхъ просвѣщенія поступокъ безпримѣрный, перебилъ смотритель.

— И въ лѣтописяхъ просвѣщенія поступокъ безпримѣрный... Очень-хорошо. Эту фразу нужно имѣть въ виду... Очень хорошая фраза. Итакъ, господа, означенный учитель долженъ подвергнуться всей строгости законовъ, и какъ нарушитель общественной нравственности, и паче всего, какъ человѣкъ злоумышленно посягавшій и неоднократно посягнувшій на злодѣяніе, безпримѣрное въ лѣтописяхъ отечественнаго просвѣщенія и въ исторіи отечественной администраціи.

— Теперь, господа, началъ смотритель, позвольте объявить вамъ, что я имѣлъ уже объясненіе съ виновнымъ.

— Какъ, ужели?—Что вы? это любопытно. Какъ же это вы молчали до-сихъ-поръ? слышались голоса.

— Да, господа, имѣлъ и наглостью его былъ крайне удивленъ. Приносить и оправданіе безпримѣрное, какъ безпримѣренъ и самый его поступокъ.

— Говорите! Пожалуйста говорите!

— Приходитъ ко мнѣ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, и смѣется. «Какой, говоритъ, странный случай со мною»...

— Странный, замѣтилъ злобно исправникъ, только странный!... Каковъ гусь!

— Я, конечно, продолжалъ смотритель, тотчасъ же сказалъ ему строго: милостивый государь, вы стоите теперь передъ

лицомъ начальника, и я прошу васъ отвѣчать мнѣ, что побудило васъ на такой поступокъ? А онъ съ явной насмѣшкой вытянулся предо мною, какъ солдатъ, склонилъ голову набокъ и однообразнымъ голосомъ отрапортовалъ: «Я, говоритъ, поѣхалъ купаться на кобылѣ, которую выпросилъ у знакомаго мужика. Пришла мнѣ охота выкупать лошадь. Сѣлъ я на нее верхомъ, раздѣвшись, вѣхалъ въ рѣку. Вдругъ лошадь бросилась изъ воды, я удержать ее не могъ, потому-что она была не взнуздана. Подходившіе купаться мальчишки гаркнули еще на нее, и она понесла меня... Соскочить пельзя было безъ того, чтобъ не расшибиться—вотъ я и поѣхалъ по городу!»

— Каково-съ, вскричалъ исправникъ.

— Оправданіе не правдоподобно, замѣтилъ секретарь.

— Но остроумно, добавилъ городничій.

— А донести все-таки нужно, необходимо! воскликнулъ исправникъ.

— Конечно, конечно...

— И тѣмъ необходимѣе, продолжалъ онъ, что Ѳоминъ смущаетъ спокойствіе города... Ба! воскликнулъ онъ вдругъ, ударя себя по лбу—еще одно обстоятельство...

Всѣ насторожили уши и вытянули лица.

— Очень важное обстоятельство. Онъ взялъ лошадь у знакомаго мужика. Хорошо. Замѣьте—у *знакомаго* мужика. Стало-быть, онъ ведетъ сношеніе съ мужиками...

— Те-те-те, перебилъ городничій, понимаю, понимаю...

— Поняли?... Возмутительныя мысли, значить, внушаетъ...

— Отлично! воскликнулъ Гордюшкинъ, словно просыпаясь отъ тяжелаго сна.

Къ чести бородуевцевъ я долженъ замѣтить, что между ними находились и такіе, которые вовсе не придавали криминальнаго значенія поступку Ѳомина и разсуждали объ немъ съ добродушіемъ и улыбкою. Бургомистръ даже обратился къ своей дочери съ цинической шуткой, отъ которой она вся вспыхнула и выбѣжала въ другую комнату, думая про себя: «ахъ, какой же этотъ тятенька, право!»

Черезъ два дня послѣ этого происшествія, мнѣ удалось подслушать такой разговоръ двухъ старухъ, выходившихъ отъ вечера.

— Слышала, Иванаовпа? сказала одна.

— Охъ, слышала, матушка. Соблазнъ!...

— Одинъ соблазнъ. Стоялъ этотъ человѣкъ на лошади, стоялъ, матушка, а лошадь дуетъ во весь опоръ, а онъ все стоитъ, не шелохнется, словно прикованный. Голый, какъ есть голый... Барыни и барышни видятъ и въ обморокъ падаютъ.

— Господи, страсти какія!

— Соблазнъ, одинъ соблазнъ... Падаютъ въ обморокъ, а онъ ѣдетъ... Ъхаль-ѣхаль и скрылся. Куда скрылся? неизвѣстно...

— Что же это такое, матушка?

— А ужъ видно то, Ивановна, что нашему глупому разуму и не по плечу. Чудеса, матушка, вездѣ... Теперича мы ѣдемъ съ тобой, а вдругъ земля надъ нами и провалится...

— Сохрани насъ, Господи, и помилуй!...

— Въ молитвѣ только и спасенье, Ивановна... А люди забыли Бога, вотъ онъ и посылаетъ такую паниду... Зайди чайку хлебнуть.

Легенда готова, подумалъ я.

Мнѣ остается объяснить, какимъ образомъ пришла Ѳоимину въ голову такая дурь, за которую его перевели въ другой городъ.

Послѣ смерти Маши, онъ нѣсколько дней ходилъ какъ полоумный, безъ мысли въ головѣ, съ какой-то тупоумной, какъ свинецъ, тяжелой тоской. Развлечься было не у кого, да и не чѣмъ. Знакомыхъ у него почти не было, кромѣ Квашни, да еще двухъ учителей—Синайскаго, получившаго образованіе въ семинаріи, и Медовикова, учителя русскаго языка, воспитанника педагогическаго института. Да и съ ними онъ сходилъ только для того, чтобъ поглумиться надъ ихъ недостатками, стравить Квашню съ Синайскимъ, Синайскаго съ Медовиковымъ и любоваться, какъ они начинали грызться между собою. Къ Квашнѣ, впрочемъ, онъ заходилъ иногда для того, чтобы поболтать съ Акулиною и отвѣдать наливкоу и настою, которыя приготовлялъ съ особенною любовью и съ большимъ искусствомъ самъ педагогъ. Эти наливки и настои хранились въ среднемъ и верхнихъ этажахъ шкафчика, ключи отъ которыхъ брала себѣ Акулина, отпуская своему сожителю по рюмкѣ до обѣда, да разъ въ мѣсяцъ позволяя ему напиться до положенія ризъ. Въ этотъ день къ приходскому учителю приходилъ обыкновенно Синайскій, Медовиковъ иногда, и Ѳоимъ, никогда ненапивавшійся. Акулина отпирала шкафчикъ, вынимала изъ него нѣсколько бутылокъ, съ такими надписями: Лондонъ, Сивадай, Назаретъ, Кана Галилейска, Тиверіадское Озеро, Парижъ и проч., и,

поставивъ ихъ на столъ, говорила обыкновенно: «жрите, дуй вась горой, покуда не обтрескастесь»... Попойка начиналась.

— Ну, господа, говорилъ Квашня, куда намъ отправиться? Въ многолюдный ли Лондонъ, въ Паризъ ли, сей Вавилонъ новый, въ Назаретъ ли?... Назаретъ мнѣ удался ничче; а потому не говорите: еще можетъ что быть доброе отъ Назарета!... А вотъ подлецъ англичанинъ подкузмилъ...

— Погрузимся лучше въ озеро Тиверіадское, замѣчалъ Синайскій, и обрѣтемъ на днѣ его восторги, ихъ же не испыталъ самъ знаменитый Лукуллъ...

Къ полночи Квашня, Синайскій и Медовиковъ были совсѣмъ пьяны. Послѣдній, имѣвшій свое небольшое состояніе, приносилъ обыкновенно съ собою бутылки три донскаго, котораго и распивалось въ заключеніе.

Пробуя отъ всѣхъ бутылокъ, Квашня и Синайскій, однаминки по семинаріи, затѣвали споръ, иногда о томъ, кого изъ нихъ больше поролъ, а иногда споръ, таиъ-сказать, философскій о томъ, кто самый мудрейшій изъ людей. Синайскій, преподававшій исторію и географію, стоялъ за Наполеона, а Квашня — за Соломона.

Вскорѣ послѣ смерти Маши, Ѳоминъ зашелъ какъ-то вечеромъ къ Квашнѣ и засталъ это тріо. Смѣяться и грустить — онъ былъ не расположенъ и сталъ пить такъ, какъ никогда еще не пилъ.

Разговоръ зашелъ объ удалствѣ между охмѣлѣвшими педагогами. Синайскій, осуждавшій Ѳомина; когда былъ въ трезвомъ видѣ, теперь хвалилъ его на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Герой, герой! восклицалъ онъ. Все можетъ сдѣлать, все!...

— Нѣтъ, не все! сказалъ Медовиковъ.

— Врешь—все! крикнулъ Квашня.. Ѳоминъ — душа... Съѣдимъ-съ въ Кану, а?...

— погоди, братъ, сказалъ Ѳоминъ; сильно охмѣлѣвъ. Я вотъ этого молодчика прежде осажу... Ты говоришь... не все я сдѣлаю?

— Говорю...

— Ну, а что жъ бы, напримѣръ, я не осмѣлился сдѣлать?...

— А... а... напримѣръ... проѣхать по городу голымъ...

— Проѣду, воскликнулъ Ѳоминъ... Хочешь пари?

— Хочу. Объ чемъ?

— Объ тридцати цалковикъ.

— Вольно много...

— Меньше, братъ, не стану. Мараться не стоитъ...

— Да ну, Медовиковъ, качай! подзадорилъ Синайскій...

— Идетъ! сказалъ Медовиковъ, протягивая Ѳомину руку.

— Ладно! сказалъ тотъ. Только я вѣдь знаю, что ты—свинья парадочная, а потому—деньги за-руки.

— Кому жъ?

— Акулинь. У меня денегъ нѣтъ—отдаю часы.

По утру, проспавшись, Ѳоминъ вспомнилъ о пари и назвалъ себя дуракомъ. «Однако жъ, дѣлать нечего, подумалъ онъ. Денегъ нѣтъ, за квартиру скоро платить... общество — плевать мнѣ на него... Авось сойdetъ... Директоръ за меня... качну! Дѣло вѣдь можетъ кончиться тѣмъ, что доставлю я этимъ дуракамъ чиновникамъ и помѣщикамъ разговора на цѣлую жизнь. Ей-богу доставлю. Черезъ двадцать лѣтъ станутъ вспоминать, и имя мое увѣковѣчится... А все-таки скверно, чортъ вовьми... Зайду къ Квашинѣ, хвачу для смѣлости... Голова трещить — кстати опохмѣлюсь...»

Читатель видѣлъ уже, что Ѳоминъ сдѣлалъ свое дѣло. Извѣстное намъ доношеніе не осталось также безъ послѣдствій: Ѳомина перевели въ другой городъ. Бумагу объ этомъ прочиталъ ему уже новый смотритель, Аениногенъ Ивановичъ Крестовоздвиженскій.

— Жаль, жаль, очень жаль, говорилъ Аениногенъ Ивановичъ, маленькій человѣчекъ, уже пожилой, съ сѣдоватымъ кокомъ, тщательно завитымъ, и съ добродушнымъ, но помятымъ лицомъ. Мнѣ было бы такъ пріятно съ вами служить, такъ пріятно!...

— Почему же вамъ было бы пріятно? спросилъ Ѳоминъ не безъ насмѣшки.

— Отъ директора слышалъ я о васъ, отъ директора... Прекрасный человѣкъ у насъ директоръ, прекрасный. Да, да... А просвѣщеніе-то, однако, идетъ быстрыми шагами, быстрыми, прибавилъ онъ неизвѣстно для чего.

Ѳоминъ поглядѣлъ на него и сталъ откланиваться...

— Не хотите ли водочки? сказалъ смотритель.

— Нѣтъ, покорию васъ благодарю.

— А то выпили бы. У меня славная водка, славная...

Въ сѣняхъ Ѳоминъ наткнулся на какую-то свѣжую, румяную женщину, лѣтъ двадцати-пяти, которую легко можно было принять за торничную.

— Милушка! произнесъ Ѳоминъ.

— Извините-съ, не на тоё напали-съ, отвѣчала женщина, обидѣвшись.

— Право?

— Да-съ, и она шмыгнула въ комнату.

— Кто она? подумаль Ѳоминъ, и идя мимо оконъ смотрительской квартиры, онъ заглянулъ въ нихъ.

Женщина притворилась, что смахиваетъ пыль съ подоконниковъ, а на самомъ дѣлѣ ей хотѣлось взглянуть на Ѳомина. Глаза ихъ встрѣтились, и женщина улыбнулась...

— Душка! сказалъ Ѳоминъ. Женщина отошла отъ окна. Спрошу у Акулины, подумаль онъ—она вѣрно ужъ знаетъ, кто это?... А впрочемъ... зачѣмъ мнѣ знать? Развѣ на всякій случай... Ну, господа бородеуевцы, держитесь — удеру я съ вами на прощанье какую-нибудь такую штуку, что вы еще обо мнѣ поговорите...

Акулина была очень огорчена, узнавъ о переводѣ Ѳомина, къ которому она сильно привязалась и полюбила словно сына.

— Ахъ, дуй-тѣ-раздуй-тѣ горой, говорила она—шалапутъ ты, шалапутъ... Чуяло мое сердечко, какъ еще спорилъ ты тогда съ этимъ училилишкой, что не одобровать тебѣ, моему агодкѣ. Вотъ—на мое и вышло. Дурилъ-то ужъ ты больно, и видно такъ на дуриностяхъ и свернуть тебѣ шею...

— Ты не знаешь, какая эта женщина у смотрителя? Онъ, какъ жется, холостой?

— А тебѣ зачѣмъ?

— Да такъ.

— Охъ, ты зелье, зелье... Машурочку-то али ужъ забылъ?... Ѳоминъ нахмурился.

— Ты вотъ сейчасъ подумала не вѣсть что, сказалъ онъ...

— Ну, ничего, ничего. Я вѣдь такъ это. Губъ-то ненадувай—итакъ знаю, что толсты... А у смотрителя-то ты, видно, пріятельницу его видѣлъ.

— Недурна, сказалъ Ѳоминъ.

— Одно слово—смотрительская... Носъ-то деретъ, что твоя госпожа. Тоже великатится. Я, молъ, не кухарка...

— Ты это по чему же знаешь?

— А ужъ знаю... Бѣлоручка, дуй ее горой, говорила Акулина съ злобою.

Все мы-ста съ Ѳиногеномъ Иванычемъ, да мы-ста... А что это мы-ста-то?... Думаетъ, коли смотритель, такъ ужъ не вѣсть ка-

кая птица — чуть не губернаторъ... Погоди, хвостъ-то еще подожмешь, родимая...

— Что это съ тобой, Акулина? Словно ты сердита на нее за что?

— А что мнѣ на нее сердчать? Такъ, говорю, дрянъ она женщина — вотъ и все тутъ. Ходила я тоже туда, къ нимъ-то—такая фуфуря, что на—поди!... Эхъ, голотяпа окаянная!... Все — мой Оиногей Иванычъ, мой Оиногей Иванычъ!... Дура, моля, ты—вотъ что! Да, ну ихъ! Ты когда ѣдешь-то?

— Черезъ недѣлю.

— Дѣд-смерти мнѣ тебя жалко. Я тебѣ на дорогу всего напеку, и денегъ ты у меня пожалуйста возьми. Послѣ приплешь, какъ будутъ. Кстати и вѣсточку о себѣ подашь...

— Я впередъ жалованье возьму...

— Чтò тамъ брать-то?... А прїѣдешь туда и голодать будешь. Нѣтъ, ужъ какъ ты тамъ хошь, а я тѣ всучу рублей пятнадцать. Ты мнѣ и поперечить не смѣй, а то живо разсерчаю... На могилу-то сходи къ Машѣ, какъ поѣдешь, безпремѣнно сходи. Душенька-то ея возрадуется тамъ на небеси... Эхъ, птаха, птаха она горькая!...

— Все сдѣлаю, все, говорилъ Ооминъ.

— То-то, все. Тебѣ все напомнить надоть. А то, вѣдь, ты словно махонькій. Право слово. Не дури ты на послѣдяхъ-то. Дуй ихъ горой всѣхъ!...

Черезъ недѣлю Ооминъ дѣйствительно ѣхалъ. Выѣхавъ за городъ, онъ встрѣтился съ возвращавшимся съ охоты Николаемъ Петровичемъ, съ которымъ онъ велъ шапочное знакомство.

— Куда вы? спросилъ тотъ.

— Въ изгнаніе, весело отвѣчалъ Ооминъ.

— Какъ же это на послѣдяхъ не подурили?

— Всему своя пора.

— Значить, возмужали?

— Возмужалъ.

— Ну, счастливый вамъ путь! Не поминайте насъ лихомъ!

А. СУВОРИНЪ.

ИЗЪ ПЕТРАРКИ.

Когда она вошла въ небесныя селенія,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ,
Въ благоговѣніи и тихомъ изумленіи,
Изъ глубины небесъ слетѣвши, окружилъ.
«Кто это?» шепотомъ другъ друга вопрошали —
«Давно ужъ изъ страны порока и печали
Не восходило къ намъ, въ сіяніи чистоты,
Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты»...

И, тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ;
Но, замедля шагъ, свой взоръ по временамъ,
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ —
И ждетъ, нду ли я за нею послѣдамъ...

А. МАЙКОВЪ.

ОЧЕРКИ СЪ НАТУРЫ.

ГРОЗА.

(Н. З. Лехтянскому).

Свѣжо преданіе, и вѣрится съ трудомъ!

«Горько отъ Умла».

Видимо оживала природа; сползъ остатокъ грязнаго снѣга; повѣяло теплымъ, ласкающимъ южнымъ вѣтромъ. Весеннее солнышко безъ мѣры, безъ счету сыпало золото на зеленѣющіе поля, на разбросанные по нимъ уединенные хутора и на растянутые до невозможности военныя поселенія, съ ихъ мѣловыми доминиками, печальными офицерскими квартирами, сѣрыми казаками подчиненныхъ и краеными воротниками властей. Заботливо ладить плугъ свой мирный хуторянинъ; его мысли въ полѣ, его сердце переполнено нѣмой, невыразимой радостью; не та доля военнаго поселенника: шумитъ полупьяный вахмистръ и, рисуясь, будто главнокомандующій, на тончей клячѣ своей, грозно загазываетъ собираться въ округъ, куда въ скоромъ времени ожидаютъ одного изъ главныхъ начальниковъ военныхъ поселеній. Лѣнливо, съ мрачными, голодными лицами, съ кускомъ черстваго хлѣба въ запасѣ, тянутся по дорогѣ къ округу толпы поселянъ готовить декорации къ пріѣзду важнаго сановника.

Утро. Тихой, ясной улыбкой озарена вся природа; ни одного облачка на голубомъ небѣ; самыя тупыя лица выражаютъ удовольствіе и, наводящее въ обыкновенное время уныніе, военное поселеніе имѣетъ чрезвычайно веселенькій видъ.

Все готово къ пріѣзду сановника; ослѣпительной бѣлизны домики, ворота, заборы, до того похожи другъ-на-друга, что

утомленный однообразіемъ глазъ видитъ одну бѣлую, невозмутимо-бѣлую полосу, не различая ничего больше. Ни жизни, ни малѣйшаго движенія не видно вдоль улицы, до такой степени длинной, что, кажется, мало человѣческой жизни, чтобы дойти до ея конца. Вся жизнь, все движеніе сосредоточивается на такъ-называемой Офицерской Улицѣ: экипажи съ поселенными чинами перегоняютъ другъ-друга; вахмистры скачутъ какъ-будто на пожаръ; штабные офицеры съ необычайной легкостью вбѣгаютъ на высокое крыльцо угольного дома казенной архитектуры, передъ которымъ стоитъ зеленый ящикъ и бѣлый, какъ гусь, кирасиръ. Далѣе, вдоль улицы, глядятъ изъ зелени офицерскіе домики, только-что выкрашенные и очень похожіе на конфеты въ розовыхъ и желтыхъ бумажкахъ; между ними отличается нѣкоторой роскошью домъ окружнаго командира Горленки, изъ оконъ котораго неумолкаемо раздается говоръ, смѣхъ и звуки польки, выбиваемые на фортепьянахъ руками одной изъ девяти дочерей его; нѣсколько подалѣе возвышается костелъ, съ лѣннымъ карнизомъ, вычурными статуями и угрюмымъ сторожемъ, по цѣлымъ днямъ сердито раскачивающимъ тяжелый языкъ костелнаго колокола. За костеломъ живетъ волостной командиръ Ракъ, преживой и преюріій старичекъ, страстный сѣкунъ, умѣвшій казаться до чрезвычайности дряхлымъ старичишкой при смотрахъ, производимыхъ сильными міра, что неоднократно спасало его сѣдую голову. Ракъ, какъ и большая часть стариковъ, имѣющихъ выгодное мѣсто, обладалъ красавицей женой, отличавшейся нѣсколько жидовскимъ типомъ и двумя прелестными малютками, всегда завитыми и распомаженными, какъ куклы. Противъ Рака, въ маленькомъ розовомъ домикѣ, съ однимъ такъ-называемымъ венеціанскимъ окномъ, помѣщался окружной инженеръ Зальцъ, страстный танцоръ: его ноги нетолько у себя въ квартирѣ, но и на улицѣ, постоянно выдѣлывали что-то въ родѣ пѣ мазурки. Офицерская Улица выходитъ на площадь, убитую мелкимъ камнемъ и, въ ожиданіи пріѣзда важной особы, усыпанную блѣдно-желтымъ пескомъ, съ соборомъ посрединѣ и съ высокой каланчею на углу. На верху каланчи развѣвался желтый флагъ—эмблема квартированія въ округѣ желтаго полка: окружной заранѣе рассчитывалъ на эффектъ, который произведетъ желтый, вьющійся въ воздухѣ, флагъ на ожидаемую власть. Рядомъ съ каланчею стоитъ пестрая корчма, украшенная вывѣской, на которой живописецъ, при всемъ стараніи изобразить

льва, изобразилъ собаку—что, впрочемъ, ни сколько не помѣшало хозяину корчмы держать хорошія вина, постоянно привлекавшія толпы любителей, и когда одинъ скучающій офицеръ говорилъ тоже скучающему до одуренія офицеру: «куда бы провалиться, душа моя?» другой непремѣнно отвѣчалъ: «провалимся подъ каланчу!»

Отъ каланчи внизъ къ рѣкѣ тянется и пестрѣть, вся въ колонахъ и террасахъ, Еврейская Улица, всегда оживленная снующими взадъ и впередъ евреями, ихъ родителями, съ головами, трясущимися отъ старости, и безчисленными дѣтьми, показывающими языкъ проходящимъ и проѣзжающимъ мимо людямъ. За мѣстечкомъ быстро бѣжитъ широкая, чудная рѣка, съ медленно двигающимися по ней ветхимъ паромомъ, загромажденнымъ телегами и волами; за рѣкой виднѣется военный госпиталь съ растянутыми и однообразными палатами, рѣдкими, чахлыми деревьями и дорожками, усыпанными пескомъ, съ прогуливающимися по нимъ больными, нарядившимися, по случаю смотра, въ совершенно новые колпаки и халаты.

Скоро полдень... Махальный стоитъ на холмѣ, за рѣкой; поселенные чины облеклись въ мундиры; звуки польки умолкли въ домѣ окружнаго; томительное, тревожное ожиданіе выражается на всѣхъ лицахъ... Ракъ начинаетъ уже прихрамывать и какъ-то особенно жалобно кашлять—явный прпзнакъ приближенія власти; Горленко вдругъ изъ великана превратился въ чловѣка средняго роста, и, виѣстѣ-съ-тѣмъ, полное, красное лицо его мгновенно утратило озарявшее его выраженіе доброты и чувства собственнаго достоинства.

Окружной Горленко принадлежалъ къ числу людей внушающихъ невольное уваженіе, и если не церемонился съ жидами, навязывая имъ за сходную цѣну для себя разнохарактерныя выѣски домашней работы, съ изображеніемъ львовъ и тигровъ, очень мало похожихъ на звѣрей этихъ; если и занимался равненіемъ жидовскихъ домиковъ, то все это, сказать правду, дѣлалъ для семейства—для своихъ милыхъ дѣточекъ.

Робѣтъ окружной, и только видъ весело вьющагося цвѣтнаго флага, ярко выкрашенныхъ крышъ и стѣнъ и всюду желтѣющаго песка, и всюду натканнаго кустарника нѣсколько ободриетъ его и вливаетъ въ душу сладкую надежду.

— Славное время Богъ далъ, покажемся на славу—говоритъ окружной поселенному инженеру, лицо котораго нѣсколько вытянулось, а ноги не выдѣлывали болѣе пѣ мазурки.

— Слава-богу! слава-богу! крестясь сказалъ инженеръ.

— Слава-богу! слава-богу!... тяжело кашляя, повторилъ Ракъ.

Вдругъ потемнѣлъ веселенькій видъ округа; потемнѣли яркія краски, потемнѣли лица поселенныхъ властей, потускнѣло золото на мундирахъ ихъ: солнце спряталось за тучу.

Туча замѣтно росла и чернѣла; море дождя висѣло надъ размаляваннымъ округомъ. Радуетса и молится мирный хуторянинъ—блѣднѣютъ поселенные чины...

Вотъ зашумѣли гордые тополи, заскрипѣли по стекламъ вѣтки акацій, стукнули въ окна передовыя, крупныя капли дождя; потемнѣло совсѣмъ; молнія разрѣзала мракъ; все дрогнуло отъ страшнаго, нѣсколько минутъ непрерывавшагося громоваго удара; дождь хлынулъ какъ рѣка: каланча съ цвѣтнымъ флагомъ, соборъ, разноцвѣтные офицерскіе домики, костель съ его вычурными статуями и сердитымъ сторожемъ, домъ полковаго командира съ зеленымъ ящикомъ—все пропало и скрылось за волновавшейся стѣной дождя.

— Быть худу, быть тутъ худу! вскричали поселенные чины, хватаясь за головы и скрываясь въ ближайшіе дома.

Гроза миновала, и стало такъ свѣтло и тихо, какъ-будто ея никогда и не было.

Въ какомъ-то оцѣпенѣніи взирали поселенные чины на разрушительные слѣды только-что миновавшей грозы: смиты долговременные, неусыпные труды; глина и краска совершенно сползли; фантастическіе заборы будто 10 лѣтъ тому назадъ сдѣланы; тамъ стоитъ домикъ наполовину розовый, наполовину бѣлый; другой, напротивъ, вмѣсто желтаго принялъ какой-то мраморный цвѣтъ; тротуары размыты, улицы покрылись грязью, и даже цвѣтной флагъ, надежда окружнаго Горленки, вмѣстѣ видъ какой-то ни къ чему негодной тряпки.

Понятно, такой видъ не могъ порадовать поселенныхъ чиновъ.

«Ѣдетъ! Ѣдетъ!... Ѣдетъ!... Его превосходительство извѣлтъ Ѣхать!» что есть силы кричить махальный, безъ всякаго милосердія работая палкой по всѣмъ частямъ худой, бракованной клячи.

Жиды первые увидали карету сановника и, пританывъ дыханіе, однимъ глазомъ, гдѣ-нибудь изъ щели, провожали ее до генеральскаго домика.

Тяжело закашлялъ волостной Ракъ и, въ то время, когда полковой командиръ съ большимъ шикомъ рапортовалъ сановнику,

онъ напрасно искалъ глазами окружнаго Горленку: увы! несчастный Горленко опоздалъ къ встрѣчѣ.

Сановникъ, недовольный тѣмъ, что не нашелъ окружнаго на мѣстѣ, едва кивнулъ волостному Раку и молча прошелъ осматривать полицію; тутъ набѣду попалась ему бѣдная кляча, на которой только-что примчался махальный; она тяжело дышала.

— Это что такое? спросилъ сановникъ, тыкая пальцемъ въ бѣдную клячу.

— Сорвалась, ваше превосходительство, нечаяннымъ образомъ, заикаясь отъ волненія, едва проговорилъ полицеймейстеръ, у котораго побѣлѣли губы.

— То-то, не сорвись ты у меня съ мѣста.

Сановникъ говорилъ «ты» не только всѣмъ своимъ подчиненнымъ, но даже ихъ супругамъ и дочерямъ.

— Ваше пррр... бойко началъ окружной Горленко.

— Совѣтую тебѣ больше спать, перебилъ сановникъ: кто спитъ, тотъ растетъ, а тебѣ еще много надобно вырасти. И говоря это, сановникъ измѣрялъ надменнымъ взглядомъ десяти-вершковый ростъ окружнаго.

Все предвѣщало бурю. Проѣзжая по улицамъ къ току, сановникъ высоко поднялъ плечи и громко выражалъ негодованіе на жалкое состояніе зоборовъ, стѣнъ и тротуаровъ, имѣвшихъ чрезвычайно кислый видъ.

— Попелъ!.. нерѣшительно произнесъ окружной, обращаясь къ своему кучеру.

— Шагомъ! скомандовалъ сановникъ, поражая Горленку молниеноснымъ взглядомъ.

Приѣхавши на токъ, взволнованный сановникъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на изумительно выровненные клады, немедленно приступилъ къ умолоту; самый тощенькій снопъ былъ поданъ съ клады. Сановникъ приказалъ перемѣнить—подали другой, еще болѣе тощій. Весь вскипѣвши отъ негодованія, сановникъ мигомъ очутился на кладѣ и, выбравши тамъ самый большой и тяжелый снопъ, со всего размаха грянулъ имъ внизъ и попалъ прямо въ волостнаго Рака, стоявшаго въ-струнѣ, съ рукою приложенной къ трехъ-угольной шляпѣ. Ракъ покатился въ одну сторону, его трехъ-уголка въ другую, а сановникъ, никакъ не ожидавшій такой трагической развязки, немедленно уѣхалъ на приготовленную ему квартиру и, запершись въ ней, строго приказалъ никого не пускать къ себѣ.

Наступившая ночь показалась вѣчностью для поселенныхъ чиновъ; не унывалъ только Ракъ и, спокойно укладывался спать, нѣсколько разъ прошепталъ старую, но не скажу чтобы мудрую, пословицу: «перемелется, мука будетъ».

Проснувшись на другой день, сановникъ прежде всего пожелалъ знать, въ какомъ положеніи здоровье несчастнаго Рака (сановникъ былъ весьма сострадателенъ и, при всей горячности своей, имѣлъ доброе сердце), а потомъ, облекшись въ полную форму, приступилъ къ продолженію смотра. Кинувъ бѣглый взглядъ на земледѣльческія орудія и пропустивъ мимо себя справа по одному плуги поселянъ, сановникъ поѣхалъ на шелковицу, и остался совершенно доволенъ, тѣмъ болѣе, что вокругъ нея, какимъ-то чудомъ, разрослась неизвѣстно откуда взявшаяся густая сирень, и признаковъ которой не было при прошлогоднемъ смотрѣ. Любуясь сиренью, сановникъ пришелъ въ такое доброе расположеніе духа, что даже обратился съ ласковымъ словомъ къ сторожу шелковичнаго заведенія, весьма честному на видъ старику.

— Чтò старина, хорошо ли принимается сирень? спросилъ сановникъ, потрепавши старика по плечу.

— А якъ-же? Заразъ принимается, якъ тилько проводимъ ваше превосходительство—брякнулъ правдивый малороссъ.

Догадавшись наконецъ, въ чемъ дѣло, сановникъ снова пришелъ въ неистовство и своей рукой выдергалъ воткнутые въ землю густые кусты сирени; потомъ, весь въ огнѣ, опрометью кинулся въ коляску, приказавъ везти себя въ волость Руликовского, стараго гусара, окончательно выжившаго изъ ума и къ тому же страстнаго собачника...

Сверхъ ожиданія Бахматовцы, селеніе, которымъ завѣдывалъ Руликовскій, сдѣлали на сановника самое выгодное впечатлѣніе—вѣроятно, благодаря тому счастливому обстоятельству, что дождь, смывшій всѣ труды и приготовления въ округѣ, благоразумно обошелъ Бахматовцы.

Утро было такъ-хорошо, какъ-только можетъ быть оно послѣ сильной грозы. Цвѣтные заборы играли красками и узорами, тротуары желѣли пескомъ; а поселенные домики, бѣлые какъ снѣгъ, улыбаясь выглядывали изъ выстроившихся впереди ихъ гордыхъ тополей; къ тому же манежная ѣзда, которую сановникъ вздумалъ сдѣлать командѣ нижнихъ чиновъ, на бракованныхъ лошадяхъ, содержимыхъ для развѣздовъ, шла какъ-нельзя-

болѣе удачно: обыкновенно тощіе и жалкіе на видъ брыкиры были весьма жирны, смотрѣли очень весело, и даже нѣкоторые изъ нихъ покушались сбивать своихъ всадниковъ. Такое цвѣтущее состояніе ихъ можетъ-быть объяснено тѣмъ, что ихъ цѣлый годъ не выводили изъ конюшни, а для разѣздовъ употреблялись лошади поселянъ.

— Часто ли вы на нихъ ѣздите? спросилъ сановникъ, обращаясь къ Руликовскому.

— Ежеминутно, ваше прррев... ежеминутно!...

— Люблю за это! и гоняете, и лошади сыты, похвалилъ сановникъ.

— Экое счастье Руликовскому, удивительное счастье! вотъ уже справедливо сказано: дуракамъ счастье!—въ лютой зависти твердили товарищи счастливаго Руликовскаго, въ почтительномъ отдаленіи двигаясь за его превосходительствомъ.

— Спасибо, старикъ, спасибо! Ты меня понялъ; я вижу что ты совершенно постигъ, чего я требую — съ нѣкоторой торжественностью произнесъ сановникъ по окончаніи смотра, продолжая дѣлать видъ, что не примѣчаетъ плачевныхъ фізіономій убитаго Горленки и Рака.

— Все бы хорошо, все бы въ порядкѣ, продолжалъ сановникъ: худо только, что ты собачникъ великій. До меня дошли слухи, что у тебя полсотни собакъ... полсотни на казенномъ хлѣбѣ... вотъ что худо!

— Ваше превосходительство... Ей-богу, ни одной не держу; даже собаченка была одна подружейная, и ту сбылъ!—почтительно увѣрилъ Руликовскій, захлебываясь отъ удовольствія.—А вотъ ваше превосходительство... мой родной братецъ, что на Воляни живетъ, вотъ тотъ такъ охотникъ! Вѣрите-ли, ваше превосходительство, десять душъ крестьянъ отдавъ за одну собаку... Ей-ей... ваше превосходительство... Ей-богу!.. Насъ, вѣроятно, смѣшали съ братцемъ.

— Это что такое у тебя—тамъ, направо, за строеніе?—перебилъ сановникъ, знавшій болтливость Руликовскаго.

— Это, ваше превосходительство, баня для вашего превосходительства... для пріѣзда вашего превосходительства выстроена экономическимъ образомъ,—поспѣшилъ донести Руликовскій, весьма обрадованный возможностью показать свое рвеніе. — А внутри, ваше превосходительство, все такъ у меня придумано... надиво, ваше превосходительство! ванны, ваше превосходительство,

фонтаны, враны, ваше превосходительство... даже дождь, ваше превосходительство. Войдешь, такъ и не выйдешь—райское гнѣздо, ваше превосходительство, по-истинѣ райское гнѣздо.

— Славно, молодецъ!.. люблю такихъ дѣльцовъ!.. похвались, похвались. Взглянемъ, взглянемъ мы на райское гнѣздо.—Ты меня понялъ, Руликовскій, совершенно постигъ то, чего я требую—и, говоря это, сановникъ, потирая руки отъ удовольствія, направился къ банѣ, приглашая Горленку и его спутниковъ слѣдовать за нимъ и взглянуть на порядокъ, на то, чего добивается начальникъ столько лѣтъ и находить только въ Бахматовцахъ. Но странное дѣло! чѣмъ-ближе подступалъ сановникъ къ райскому гнѣзду, тѣмъ-медленнѣе становился шагъ Руликовского; онъ поблѣднѣлъ и даже попробовалъ-было остановить намѣреніе сановника, отговаривая его тѣмъ, что въ банѣ страшный угаръ. Не слушая увѣщаній Руликовского, сановникъ быстро подвигался впередъ.

— Отворяй! вскричалъ онъ, подходя къ дверямъ райскаго гнѣзда: сановникъ почувалъ что-то недоброе.

— Ваше превосходительство...

— Отворяй!

— Ваше превосходительство! вотъ какой случай... влючъ потерялъ.

— Отворяй! стар.....

— Ваше... ваше превосходительство...

— Отворяй, сейчасъ отворяй!... ничему не внимая, кричалъ сановникъ мигомъ переходя къ сильнѣйшему гнѣву.

Дѣлать было нечего—принесли ключъ, и двери райскаго гнѣзда съ шумомъ отворились.

— Любопытно взглянуть... объятый нетерпѣніемъ произнесъ сановникъ, и величественно шагнулъ черезъ порогъ.

Тутъ мы бѣгаемъ перо и обращаемся къ воображенію читателя: пусть оно поможетъ слабости нашихъ силъ. Скажемъ просто, что на встрѣчу власти, изъ открытыхъ «дверей райскаго гнѣзда», съ визгомъ и лаемъ выскочило болѣе полусотни собакъ, различныхъ породъ, какъ-нельзя-болѣе обрадованныхъ освобожденіемъ изъ заключенія, которому онѣ подвергались со вчерашняго дня. Какъ отшатнулся восторону испуганный сановникъ, забывъ на минуту обычную величавость свою, какъ полетѣлъ съ крыльца смятый стаемъ собакъ окружной Горленко, насколько вытянулись лица, окружавшія сановника, и наконецъ, какой видъ имѣла въ эту

минуту фигура Руликóвскаго—все это можно вообразить, но передать—невозможно.

Не даромъ сказалъ Шекспиръ: несчастья не ходятъ по одиначѣ. Кинувшись въ экипажъ, разбѣшенный сановникъ нашелъ тамъ безымянное письмо, въ которомъ весьма подробно высчитывались огромные табуны окружнаго. Мало-того, сообщалась даже ближайшая къ нимъ дорога. И вотъ по ровной, широкой дорогѣ, уставленной бѣлыми каменными столбами, катитъ карета его превосходительства, далеко оставляя за собою дребезжащія пестычанки поселенныхъ чиновъ, и—вдругъ карета своротила восторопу съ большой дороги, по едва примѣтной тропинкѣ, и, усиливъ бѣгъ, почти скрылась изъ виду изумленныхъ поселенныхъ чиновъ.

— Чьи это стада? грозно вскрикнулъ сановникъ, пріѣхавшій наконецъ въ дуга, обитаемые счастливыми стадами окружнаго.

— Казенныя, ваше превосходительство! не запинаясь отвѣчалъ окружной, немедленно принимаясь рассказывать исторію табуновъ, какъ и почему заведены они и какое ихъ назначеніе.

— Если казенныя, такъ гнать ихъ за нами въ округъ! вскричалъ сановникъ, очень хорошо знавшій, что стада и не думали быть казенными.

— А васъ всѣхъ подѣ-судъ! добавилъ громовержецъ.

На обратномъ пути, справедливый гнѣвъ его нѣсколько смягчился великолѣпной иллюминаціей, приготовленной предусмотрительнымъ Ракомъ. Ночь была темна, и по всей дорогѣ до округа стояли поселяне съ ярко пылавшими факелами въ рукахъ:—эффектъ былъ поразительный.

Проснувшись на другой день, поселенные чины нѣкоторое время были въ большомъ недоумѣніи, не зная навѣрно, трусить имъ, или нѣтъ—и долго бы колебались они, еслибы сановникъ, собравшись въ путь громить другіе округы, не разрѣшилъ ветеранамъ предстать предъ свѣтлое лицо свое. Сановникъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, былъ одаренъ чувствительнѣйшею душою.

Накричавшись и натопавшись до совершеннаго изнеможенія, сановникъ сжалился надъ своими дрожавшими какъ осенній листъ подчиненными, и торжественно объявилъ, что всѣхъ бы ихъ пора на смѣну, но что онъ никого не хочетъ дѣлать несчастнымъ и, по добротѣ сердца, оставляетъ ихъ на мѣстахъ: окружнаго Горленко, благодаря его огромному семейству, волостнаго Рака, изъ

жалости къ его дряхлости—и въ-самомъ-дѣлѣ, куда бы онъ дѣлся, старый калѣка! А что касается до Руликовского, то если кого Богъ обидѣлъ, такъ людямъ грѣшно обижать, да и за что принимать ему безъ службы: развѣ воробьевъ пугать.

Сановникъ имѣлъ свой взглядъ на службу; терпимость была его главнымъ правиломъ:—«Ну, побранить—побраню, и больно побраню, а несчастнымъ никого не сдѣлаю», часто твердилъ онъ въ кругу своихъ подчиненныхъ. И потому-то, когда окружной Горленко, усаживая его превосходительство въ дорожную карету, рѣшился сказать, что онъ не желалъ бы держать Рака въ своемъ округѣ, потому-что Ракъ разворяетъ поселянъ, сановникъ, не задумавшись, отвѣчалъ:—«Бей его... а держи. Ты знаешь, я никогда не хочу дѣлать несчастнымъ!...»

Нѣсколько минутъ, сохраняя почтительныя позы, стояли на мѣстѣ поселенные чины, провожая глазами удалявшуюся карету сановника, и потомъ развѣхались по домамъ и, съ самымъ добродушнымъ смѣхомъ, принялись рассказывать своимъ супругамъ и добрымъ знакомымъ, какъ изволилъ гонять ихъ сановникъ...

Вечеръ... Приѣмныя комнаты окружнаго освѣтились огнями; въ залѣ явились тоненькіе какъ прутики офицеры и, извиваясь, пустились гулять съ дѣвцами. Говорили о грозѣ и ея послѣдствіяхъ.

Послышалась полька, знакомая всѣмъ обитателямъ Офицерской Улицы.

— А вѣдь страшная была гроза! танцую говорилъ высокій офицеръ.

— Ахъ, ужасная, ужасная! восклицала дѣвица.

— И замѣтите, какъ неожиданно собралась!—разсуждалъ другой офицеръ, завертѣвшійся турманомъ вмѣстѣ съ своей дамой;

— Да... никакъ не могли ожидать—проговорила дама, начинавшая чувствовать головокруженіе.

— А вы слышали, какой былъ сильный ударъ? я думалъ, мы всѣ пропали—спрашивалъ инженеръ интересную волостную.

Вмѣсто отвѣта, волостная прищурила глазки и положила руку на плечо инженера: они понеслись.

Уходившіеся два офицера отдыхали у окна и говорили:

— Представь себѣ, душа моя, мы съ Стрипченкой сидимъ, закуривая папиросу, какъ - вдругъ бацнетъ... стекла вонь... ужась!

— А меня, душа моя, застала подъ каланчой, съ полчаса просидѣлъ... страшное дѣло!

Окружной Горленко имѣлъ видъ чрезвычайно веселый; онъ сидѣлъ въ углу залы, окруженный подчиненными.

— Красавицы мои, красавицы мои, шепталъ онъ, съ умиленьемъ взирая на порхающихъ дѣвицъ.

Шарканье и топанье танцующихъ заглушило полку.

— Куда ни шло... и я, на-радо-сти, тряну стариной. Пойдемъ, Соня! захлебываясь отъ удовольствія, вскричалъ окружной.

Поднялся неистовый смѣхъ... поднялся громъ рукоплесканій.

— Папа—со мной! папаша—со мной! со мной, папаша!—пищали дѣвицы безъ всякаго милосердія, влеча по залѣ краснаго, задыхавшагося отъ усталости папашу.

— Папаша, папаша... потанцуй съ нами: лепетали завитые и разряженные малютки, приступая къ Раку.

— Купленочки мои, ангелы невинные! въ избытѣхъ удовольствія твердилъ Ракъ, прыгая съ малютками.

Тутъ поднялось веселье такое... истинный праздникъ... Сталкивающиеся пары, хохотъ, жаръ какъ въ аду, взъерошенные волосы, мокрыя лица танцующихъ, принявшія какое-то странное выраженіе невиданной, небывалой на землѣ радости — и трудно было рѣшить, плачутъ лица ихъ, или смѣются...

ВАЛЕРІАНЪ НАЗАРОВЪ.

ИЗЪ ПОРТФЕЛЯ ЧИНОВНИКА.

ГУСЛИЦА.

I.

Между владимірскимъ и рязанскимъ шоссе, въ тридцати верстахъ отъ Москвы, начинается Гуслица и простирается до границы Рязанской Губерніи. Урочище это замѣчательно самою бѣдною природою, какую только можно встрѣтить въ предѣлахъ обширной Россіи. Вообще низменная мѣстность покрыта тонкими болотами и густою зарослью коряваго лѣса, мало годнаго для построекъ; а песчаная почва, вовсе неудобная къ хлѣбопашеству, произращаетъ только хорошій голландскій хмѣль. Все пространство Гуслицы, съ прилегающими къ ней Бронницкимъ и Егорьевскимъ уѣздами, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ не имѣло другаго населенія, кромѣ нѣсколькихъ постоянныхъ дворовъ по касимовскому тракту и кое-гдѣ небольшихъ посѣлковъ, заведенныхъ плантаторами хмѣля. Послѣ втораго стрѣльцоваго бунта, Петрѣ-Великій переселилъ на эти пустоши часть стрѣльцовъ, и съ-тѣхъ-порѣ народонаселеніе значительно увеличилось, такъ что въ настоящее время насчитывается въ нихъ однихъ раскольниковъ (поповцевъ) до тридцати-пяти тысячъ.

Глядя на неблагоприятную почву Гуслицы и многолюдное население, болѣе всего изумляешься богатству жителей. Всѣ деревни и села обстроены прекрасно; много даже каменныхъ двухъ-этажныхъ домовъ, крытыхъ желѣзомъ. Поселяне щеголяютъ въ армякахъ тонкаго сукна, въ юфтовыхъ сапогахъ; а женскіе наряды доходятъ до роскоши. Откуда, подумаешь, все это берется?... Невольно приходишь въ такое же недоумѣніе, когда

случается увидѣть житье-бытье какого-нибудь небогатаго чиновника, съ ограниченнымъ жалованьемъ, но большимъ семействомъ, который живетъ на барскую ногу, такъ что и богача за поясъ заткнетъ. Задача, однакожъ, разрѣшается легко. Дикая мѣстность, съ непроѣздными дорогами, населенная преимущественно раскольниками, привлекаетъ множество бродягъ и дезертировъ. Природа такъ искусно устроила тамъ вертепы и захолустья для мошенниковъ, что, несмотря на самыя строгія мѣры, разбои не прекращаются, безпрестанно открываются дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій и притоны воровъ, что, впрочемъ, положительно доказываетъ исправность земской полиціи. Даже гуслицкій становой... страшно выговорить! чувствую, что это несовременно... знаю, что за это можетъ достаться...

Нельзя не согласиться, что въ наше время становой, добросовѣстно исполняющій свою обязанность, есть явленіе противоестественное, небывалое. Становой получаетъ самое ничтожное жалованье, котораго недостаетъ ему на одни канцелярскіе расходы; онъ такъ заваленъ дѣлами, что еслибъ у него было семь пядей во лбу, то и тогда онъ не могъ бы не только отдѣлаться, но и отписаться. Кто жъ эти становые, на которыхъ взваливаютъ такія громадныя обязанности? Люди мало способные, безграмотные и безъ всякихъ средствъ къ существованію (человѣкъ способный найдетъ себѣ лучшее мѣсто). Но, съ другой стороны, нельзя не удивляться, что тамъ, гдѣ появится добросовѣстный становой, подобный гуслицкому, неминуемо возникаетъ ропотъ и жалобы. Причина—очевидная: мужики никогда не жалуются на несправедливости — имъ уже не привыкать къ нимъ. Но не дозволяйте сильнымъ угнетать слабыхъ — такъ ужъ тутъ загорланять! Разрѣзая по захоlustьямъ Гуслицы, вездѣ я слышалъ жалобы на становаго: бурмистры и управляющіе помѣщичьими имѣніями, и купчики арендныхъ статей—все въ одинъ голосъ вопіютъ, что «съ теперешнимъ становымъ каши не сварить, а если и сварилъ — не расхлебашь; что нѣтъ въ немъ никакой деликатности: управляющій, напримѣръ, пришлетъ наказать крестьянина, съ письмомъ, какъ слѣдуетъ... такъ—нѣтъ, не вѣрить благородному человѣку—дѣлаетъ розыскъ. Просто—бунтовщикъ. Купца мѣняетъ на мужика, пользы своей не понимаетъ, какъ-будто мужикъ больше отблагодаритъ его, чѣмъ купецъ», и тому подобное.

Вдѣе прочихъ жаловались на него бурмистры; какъ-то осо-

бенно онъ на нихъ налегаль. Разъ заночеваль я въ имѣніи Н**, недалеко отъ ильинскаго погоста, резиденціи становаго, и цѣлый вечеръ пробалагурилъ съ бурмистромъ, мужичкомъ себѣ на умѣ.

— Эхъ, плохи таперичка стали наши дѣлишки, говорилъ онъ, свѣсивъ голову и почесывая за ухомъ:—хоть плюнь да свисни! въ конецъ разорилъ, поѣдомъ тебя ѣсть, съ свѣта гонить... Не повѣрите, ваше высокородіе, какія притѣсненія дѣлаеть. Такъ ли прежде живали бурмистры?... а таперичка чашки чаю не выпьешь съ французской; нѣтъмъ даже прилично принять и угостить значительную особу, какъ примѣромъ — ваша милость...

— Чтò же онъ дѣлаеть, въ чемъ притѣсняетъ? спросилъ я.

— Да во всемъ-съ: требуетъ, чтобы соблюдали рекрутскія очереди; не могли безъ него никакого сдѣлать налога на крестьянъ; въ коммерцію вмѣшиваются... Прежніе порядки у насъ такіе были-съ: я-съ внесу, дескать, подати своими деньгами, а съ крестьянъ опосля-съ отбираю хмѣлемъ; ну, вѣстимо, и заработаемъ; а таперича—не смѣй и подумать; пускай, дескать, сами мужички продають—и купцовъ подсылаеть. Посмотрите-ка, ваше высокородіе, какъ крестьянъ-то избаловаль; никакъ то-есть съ ними не сообразишь, ума не приложишь. А за пристанодержательство какія отъ него обиды терпишь, такъ упаси царица небесная!... Ужъ мы, признаться, хотѣли-было его скovyрнуть и складчину сдѣлали—такъ нельзя: изволите видѣть-съ, гуслицкій станъ—мѣсто бойкое, нѣкъмъ замѣнить; вотъ его и поддерживаетъ высшее начальство, и министеръ недавно прислалъ ему Станислава, что ли, на шею; шутка ли — на шею! Это хочъ бы и предводителю.

— А прежній становой хорошъ былъ?

— Отецъ родной, ваше высокоблагородіе, истинно христіанская душа!

— За что жъ его смѣнили?

— Ужъ больно стали шалить (*), и прочіе всякіе безпорядки завелись; вѣдь наша-то Гуслица—доложу милости вашей—дуже бойкое мѣсто, а онъ-то былъ добрѣйшій-предобрѣйшій, на рѣдкость, поискать такого человѣка. Какое бы то-есть ни было дѣльцо—все уладить, все у него шито-крыто, и грѣшно сказать, чтобы шибко притѣснялъ нашего брата. Бывало, прійдешь къ

(*) То-есть разбойничать.

нему, а онъ, голубчикъ, сейчасъ и повернется къ тебѣ спиною, да и затянетъ: *тайно, тайно образующе*, а ты ему сунешь въ бумаги *трисвятую*, и пойдешь себѣ *припльзаяще*. Навѣрное знаешь, что дѣло въ шапкѣ.

Много кое-чего рассказалъ мнѣ бурмистръ о добродѣтельныхъ станovýchъ, но считаю лишнимъ передавать эти рассказы. Объ нихъ довольно уже было писано со времени появленія обличительной литературы, доставившей такъ много удовольствія читающей публикѣ и принесшей незабвенныя услуги человечеству истребленіемъ взяточничества и казнокрадства. Да и рѣчь о станovýchъ я завелъ не для поученія, а такъ себѣ... нельзя же, повѣствуя о Гуслицѣ, пройти молчаніемъ о такомъ чудѣ, какъ честный становой. Итакъ будемъ продолжать.

II.

Дороги въ Гуслицѣ невыносимо дурны. Нескончаемыя, извилистыя гати черезъ болотистыя заливы рѣки Гуслицы вымощены бревнами-кругляками, которые въ иныхъ мѣстахъ сгнили, вытоптались, а въ иныхъ, сбившись въ кучу, лежатъ на дорогѣ, какъ завалина. Экипажъ то вьзнетъ въ топкихъ выбоинахъ, то, прыгая черезъ баррикады, трещитъ и стонетъ. За гатью идетъ лѣсъ, но и тутъ не легче: колеса по ступицу грузнуть въ сыпучемъ песку, а когда тарантасъ переваливается черезъ обнаженные корни деревъ, то варварски встряхивается. Проѣхавши по такой дорогѣ верстъ тридцать, приходишь въ отчаяніе; такая овладѣваетъ тоска, что желалъ бы... вы подумаете, окончить путешествіе?... нѣтъ, желалъ бы сквозь землю провалиться!

Черезъ Гуслицу пролегаютъ двѣ дороги: одна—изъ Богородицка въ Бронницу, а другая—и зъ Москвы въ Касимовъ. Послѣдняя немного сноситѣ первой: мостики понадежнѣе, дорога пошире, и въ песокъ не столько корчагъ; но за то необыкновенно уныла и наводитъ на странствующаго невыразимую тоску. Мнѣ по этому тракту никогда не случалось встрѣчать порядочные экипажи; обыкновенно бичуются обозы съ хмѣлемъ, татарскія гарбы, изрѣдка попадаются и троечныя кибитки, биткомъ набитыя купцами, дремлющими на ситцевыхъ подушкахъ. По краямъ дороги, у опушки лѣса, плетутся съ дубинками оборванные мужички-бродяги и странники въ черныхъ подрысникахъ, переки-

нувъ черезъ плечо кошели, изъ которыхъ выглядываютъ церковныя книги. Это—старообрядческіе толковники, которые, расхаживая по Гуслицѣ, проясняютъ *темну воду во облацѣхъ воздушныхъ*. Касимовскій трактъ изобилуетъ постоянными дворами, которые устроены на одиѣ ладъ, какъ и вездѣ по проселочнымъ дорогамъ въ великорусскихъ губерніяхъ. На вывѣскахъ обыкновенно красуется, подбоченясь, самоваръ, гордо поглядывая, съ высоты своего величія, на окружающія его чашки, а вверху тянется надпись: *Листарачія*. У крылечка—толпа мальчишекъ, которые хватаютъ проѣзжихъ за полы, съ крикомъ: «дай, баринъ, копеечку!» Кругомъ—сорь и постоянная грязь, потому-что помой иначе не выливаются, какъ возлѣ подъѣзда. Въ самомъ трактирѣ—поражающая вонь, нечистота, тараканы, мокрицы и всѣ породы кровопьющихъ насѣкомыхъ.

Разъ, въ одномъ изъ такихъ трактировъ мнѣ пришлось переночевать. Еще солнце не сѣло, а народу на ночлегъ собралось уже довольно. До слѣдующаго трактира было около десяти верстѣ, и никто не рисковалъ продолжать путь, чтобы не попасть въ руки разбойниковъ, или, сбившись съ дороги, не увязнуть на всю ночь въ болотѣ. При входѣ въ большую избу, столько сбилось около дверей народа, что я съ трудомъ могъ пробраться; всѣ углы были уже заняты проѣзжими. За столомъ, подъ образами, сидѣлъ старикъ съ окладистой бородой, въ черномъ армякѣ, на манеръ подрясника, оградивъ себя отъ окружающихъ его татаръ съ одной стороны чемоданомъ, а съ другой—кипой церковныхъ книгъ. Поодаль отъ той группы, два странника старообрядца вынимали изъ кошелей деревянныя чашки и ложки, которыя они всегда съ собою носятъ, чтобы не опоганить души посудиною еретиковъ. Въ другомъ углу разжѣгалась артель купцовъ и распивала чай. Подлѣ печи сидѣли, на лавкахъ и на полу, оборванные мужики, между которыми были и стриженные подъ гребенку—вѣроятно, бѣглые солдаты.

Всѣ суетились, разговаривали; только старикъ сидѣлъ задумавшись; доброе и умное его лицо съ перваго взгляда внушало къ нему довѣріе. Повременамъ неподвижный его взоръ оживлялся, онъ поднималъ голову кверху, какъ-бы усиливаясь что-то вспомнить; потомъ поспѣшно бралъ книгу и, прочитавъ, что было нужно, снова погружался въ думу. По всему видно было, что онъ—старообрядецъ, и не простой, а толковникъ, богословъ. Мнѣ захотѣлось съ нимъ познакомиться, чтобы за-

пастись на вечеръ собесѣдникомъ, и я попросилъ татарина, сидѣвшаго возлѣ старика, уступить мнѣ мѣсто.

— Я отдамъ тебѣ мѣста, отвѣчалъ татаринъ: — а самъ сиди безъ мѣста? Припасай самъ себѣ мѣста.

Противъ такой логики нечего было и возражать, и я хотѣлъ уже отойти, какъ старикъ переложилъ книги на чемоданъ и предложилъ мнѣ мѣсто возлѣ себя. Я съ благодарностью принялъ его предложеніе и, разспрашившись съ нимъ нѣсколькими вопросами, узналъ, что его зовутъ Алексѣемъ Абрамовымъ, что онъ безпоповщинской секты и изъ Егорьева Рязанской Губерніи, держитъ путь дорогу въ Бѣлокаменную.

Пока мы разговаривали, привалило еще народу на ночлегъ: въ избу вошелъ колоссальнаго роста странникъ, рыжій какъ тирольская корова, вѣрснаго вида и немного навеселѣ. Онъ поздоровался съ странниками, вѣроятно его товарищами, и, шушукался съ ними, искоса поглядывая на Алексѣя Абрамова. Садясь на скамью, онъ уронилъ свою шапку, которая съ такимъ стукомъ грохнулась на полъ, что легко было догадаться, что она желѣзная.

Когда стемнѣло, въ избу опростетью вбѣжала хозяйка, дебелая женщина лѣтъ тридцати, довольно красивая, но съ чрезвычайно неприятнымъ выраженіемъ въ лицѣ: ея зеленоватые кошачьи глаза глядѣли нагло, испугленно.

— Ребята, закричала она рѣзкимъ голосомъ: — становой ѣдетъ! правое слово — становой!

Надобно было видѣть, какое магическое дѣйствіе произвело это извѣстіе. Толпа благимъ матомъ кинулась удирать куда понае; другъ друга толкали, давили, пробиваясь къ дверямъ; многіе прыгали въ окна, и не болѣе какъ въ двѣ минуты изба опустѣла. Остались только мы съ татарами, купцы и два мужика возлѣ печи.

— Плевели отдѣлились отъ ишеницы, замѣтилъ Алексѣй Абрамовъ: — и козлица отъ овецъ! И святоши поповцы тягу дали; а этотъ верзила рыжій, замѣтили? въ окно выскочилъ. Лжеучители, кровожадные волки въ одеждѣ пастырей! прибавилъ онъ съ желчью.

Я очень обрадовался извѣстію о пріѣздѣ становаго, потому что самъ къ нему ѣхалъ по очень важному дѣлу, и эта встрѣча избавляла меня отъ переѣзда двадцати-пяти верстъ варварской

дороги; но между тѣмъ прошло минутъ десять, а становой не входилъ.

— Гдѣ же становой? спросилъ я у хозяйки.

— Нѣтути-съ, отвѣчала она, громко захохотавъ: — я нарочито сказала, что ѣдетъ, чтобы разогнать эту сволочь. Не ровень часъ: инда случается, какъ наберется этихъ дьяволовъ, прости Господи, да ставнутся, такъ и обернутъ проѣзжихъ!... Слава царицѣ небесной, что таперича хоша становаго побаваются, а прежняго въ усъ не дули. Бывало, хоша и наѣдетъ, сейчасъ и тащить изъ кармана кружку: «положите, говорить, ребята, на храмъ божій» — тѣ и отплачиваются; а у таперешняго, шалишь — только взглянулъ на кого, сейчасъ и видитъ, что за птица — тутъ же и скрутить; ѣздитъ, не бойсь, не съ кружками, а съ казаками!

— Да-съ, замѣтилъ Алексѣй Абрамовъ: — теперешній становой — гроза на всю Гуслицу, и поповщина его трепещеть.

— Что же, допекаетъ ихъ? спросилъ я.

— Не то, чтобы допекалъ: у нихъ повыше защита есть, а ничего съ нихъ не беретъ; вотъ они и въ сумленіи, и опасуются.

— А ты почему знаешь, беретъ становой или нѣтъ?

— Какъ намъ, батюшка, не знать, отвѣчалъ Алексѣй Абрамовъ, лукаво ухмыляясь: — вѣдь съ кого же и взять, какъ не съ нашего брата?

Спровадивши бродягъ, хозяйка подошла ко мнѣ и шопотомъ сказала, что у нея на чердакѣ есть чистенькая свѣтелка, и что если я намѣренъ занять ее, то чтобы впередъ заплатилъ трехрублевый (75 коп. сер.).

— Таки ужъ, батюшка, у насъ порядки, добавила она, не стѣсняясь: — мошенники очинно обижаютъ: напьются, наѣдятъ и разбредутся; ищи послѣ вѣтра въ полѣ.

III.

Свѣтелка оказалась дѣйствительно опрятная, заново отстроенная, съ двумя кроватями, которыя отдѣлялись столомъ, стоявшимъ возлѣ небольшого окна во дворъ. Я повитался съ Алексѣемъ Абрамовымъ, предложивъ ему одну изъ кроватей, и мы расположились съ такимъ комфортомъ, какого никакъ не ожидали по касимовскому тракту. Алексѣй Абрамовъ небрежно

швырнулъ подъ кровать чемоданчикъ, а съ вязанкой книгъ долго носился, пока не пріискалъ для нихъ мѣста на кровати.

— Что это за книжицы? спросилъ я.

— Священныя, отвѣчалъ Алексѣй Абрамовъ.

— Зачѣмъ же возишь съ собой такой архивъ?

— Нужны были; изволите видѣть-съ: поповщина все приста-
етъ къ намъ съ своими вновь выдѣленными австрійскими по-
пами, и хотятъ насъ увѣрить, что благодать, взятая отъ лѣтъ
патріарха Никона на небо, вспять къ намъ низошла. Такъ вотъ
я былъ на спорахъ и доказалъ имъ, какъ въ ротъ положить,
что они дичь порютъ, и на все представилъ доказательства.

— Что жъ они устыдились, прозрѣли?

— Какое прозрѣли! Чтò ни толкуй, какъ ни доказывай, хоть
колъ на головѣ теши — ничего съ ними не сдѣлаешь, словно
плетью по водѣ, горохомъ объ стѣну!... Упрется на своемъ,
да какъ норовистая лошадь — ни съ мѣста. Страшное невѣже-
ство и запустѣніе! никакого, то есть, просвѣщенія между ними
нѣтъ. Вотъ, примѣрно сказать, у насъ, у безпоповцовъ: мало-
маль скинестъ состояннице, такъ онъ и старается дать какое-ни-
будь образованіе своимъ дѣтямъ, посылаетъ ихъ учиться въ
уѣздное, въ гимназію; а у нихъ, у поповщины — миллионеры; а
кто, вы думаете, учить ихъ дѣтей?... Читалки (*) богомерзкія!...
Такъ чтò вы съ нимъ сдѣлаете, чѣмъ урезоните?

— Въ чемъ же дѣло?

— Въ томъ, отвѣчалъ съ жаромъ Алексѣй Абрамовъ: — что
поповцы укоряютъ насъ въ безпоповщинѣ, а у самихъ-то поповъ—
курамъ на смѣхъ, австрійскіе обливанцы—вотъ что!... И пре-
жніе у нихъ не больно пригожи были, но все же не австрійская
сволочь.

— Откуда же они прежнихъ добывали?

— Церковныхъ (**) сманивали; за нихъ, изволите видѣть-съ,
и начальство не очень-то стояло; нуужень, дескать, тотъ па-
стырь, который свою паству покидаетъ.

— Какъ же ихъ сманивали? Вѣдь нелегко склонить священ-
ника къ отступничеству?

(*) У старообрядцевъ, по большей части, дѣвѣи поютъ и читаютъ
на клиросахъ; онѣ же и юношество просвѣщаютъ.

(**) Такъ старообрядцы называютъ православныхъ.

— Эхъ, батюшка, не смогутъ склонить резонами, такъ штуку подведутъ. У поповцовъ такіе есть ходаки, вотъ хоть, примѣромъ сказать, Андрей Марковъ Пуговкинъ: ему какъ плюнуть, сманить пона. Намѣтятъ какого ни есть бѣднаго попишку, одержимаго человѣческими слабостями, такого, знаете, что у своего начальства на дурномъ счету; вотъ и станутъ за нимъ ухаживать; скажутъ купцами или гуртовщиками, валучать его къ себѣ и уподчуютъ до положенія ривъ — все, знаете, французскими вицями, ямайскимъ ромомъ. Опаматуются, сердечный, ужъ верстъ за сто; еще валуютъ, да какъ оттарабанивъ веротъ за триста, въ свой скитъ—вотъ тутъ ужъ и поведутъ дѣло на чистоту. «Останься, говорятъ, у насъ, батька, мы тебя міромъ помажемъ; будешь нашимъ попомъ.» Разумѣется, при этомъ сулятъ ему золотыя горы, а попъ не соглашается, и руками и ногами отъ нихъ. Если резонами не подѣйствуютъ, вотъ они ему и пригрозятъ, а до чего придется—и въ преисподню засадятъ. Видитъ попъ, нѣкуда податься, вернуться—стыдно и прихотанъ, страшно и начальства; огурается, огурается (противится), горемычный, да и прикнетъ съ отчаянія: «смажьте, разбойники, людодѣлы!» Ну, скажите на милость, будетъ ли при такомъ священствѣ дѣйствовать благодать духа святаго?... Не лучше ли оставаться въ безпоповщинѣ, чѣмъ съ такими богомерзкими пастырями?

— Что это за австрійское священство? Откуда оно взялось?

— Извольте видѣть-съ: прежде начальство, какъ ужъ я вамъ докладывалъ, не очень-то стояло за церковныхъ поповъ, которыхъ, бывало, сманивали, а теперь воспретили. Вотъ поповцамъ-то и круто пришлось; чтодѣлать? а врагъ рода человѣческаго вѣдь не дремлетъ—и подскажи: провѣдали рогожцы (*), что въ Цареградѣ есть митрополитъ Амвросій, удаленный отъ своего престола за разныя беззаконія. Вотъ они хотъ знали объ этомъ достовѣрно, и кромѣ того, что въ грѣхахъ крещеніе не погружательное, а еретичное, то-есть, обливательное, но все-таки послали въ Цареградъ своихъ клеветовъ и пригласили его въ свой притонъ, въ Бѣлую Криницу, что въ австрійскихъ предѣлахъ (**), да и провозгласили на соборѣ разстригу, обливанца,

(*) Безпоповцы такъ называютъ старообрядцевъ поповщинской секты, потому что у нихъ устроены молебни въ Москвѣ на рогожскомъ кладбищѣ.

(**) Въ Буковинѣ, въ Карпатскихъ Горахъ.

табачника митрополитомъ, а онъ имъ и настригъ епископовъ, архимандритовъ и поповъ!

— Много теперь у поповцовъ священниковъ? спросилъ я.

— Счету нѣтъ, отвѣчалъ гнѣвно Алексѣй Абрамовъ: — видимо-невидимо! въ одной Гуслицѣ — мало, если скажу человекъ пятьдесятъ, а въ Москвѣ и по всей Россіи — считай вдесятеро... да куда! больше... И высшаго священства также довольно наплодили: окромя Кирилла посвятили еще двухъ епископовъ, Софронія и Антонія.

— Гдѣ же теперь епископы эти обрѣтаются?

— Софронія смѣнили за шуры-муры, отвѣчалъ Алексѣй Абрамовъ, засмѣявшись: — а Антоній теперь здѣсь гдѣ-то прячется. Онъ у поповцевъ, покамѣстъ, въ большой чести и титулуется архіепископомъ владимірскимъ и всея Россіи.

— Ого! Вотъ какъ!

— Да, знай нашихъ! Нечего сказать, мужикъ-то онъ смѣтливый — славно ихъ морочить! Памятенъ онъ и намъ безпоповцамъ.

— Такъ ты прежде зналъ его?

— Какъ же, батюшка, пріятели были; вѣдь онъ изъ нашихъ, преображенскихъ, такой же безпоповецъ былъ, какъ и я, а теперь послушайте, что проповѣдуетъ; ужъ какой я съ нимъ споръ выдержалъ!...

— Пожадуйста, расскажи, какъ это случилось?

— Извольте; встрѣча была прекурьзная.

IV.

Хозяйка принесла самоваръ и чашки, я принялся разливать чай, а Алексѣй Абрамовъ такъ началъ свое повѣствованіе:

«Стали носиться слухи, не только между рогожцами, но и у насъ, на Преображенскомъ, что будто-бы пріѣхалъ въ Москву архіепископъ Антоній, который святостью своею ни въ чемъ не уступаетъ прежнимъ святителямъ и, кромѣ того, очень свѣдущъ въ книжномъ писаніи. Нѣкоторые, даже старики изъ поповцевъ начали раздабарывать: «Сподоби-де Богъ намъ нынѣ узрѣть втораго Златоуста, святителя Антонія!» а епископство, говорили, будто получилъ онъ отъ греческаго митрополита. Признаться, сначала я не довѣрялъ этимъ слухамъ, но потомъ, когда молва стала болѣе и болѣе распространяться, захотѣлось

и мнѣ повидать Антонія и потолковать съ нимъ насчетъ старо-
обрядчества. У меня изъ поповщинскаго толка много было зна-
комыхъ; однакожь, я не безъ затрудненія добился этого свиданія.
Разъ приходитъ ко мнѣ пріятель мой, поповецъ, и говори-
тъ шопотомъ, оглядываясь на всѣ стороны: «мы, говорить,
докладывали владыкѣ; онъ согласенъ съ тобою видѣться».

«Пріятель повелъ меня къ лафертовской части. Переѣздя
язускій мостъ, мы повернули налѣво по набережной, прошли
съ полверсты и спустились къ самому ручью.

«— Куда ты меня ведешь? спросилъ я.

«— Къ владыкѣ, отвѣчалъ пріятель.

«— Къ какому владыкѣ? говорю:—не къ сатанѣ ли? Смотри,
въ какое болото зашли, по самыя косточки вязнемъ, кабы и са-
поговъ здѣсь не оставить.

«— Не бойся, говорить:—дойдемъ, недалеко осталось.

«И вправду, не прошли мы и ста шаговъ, какъ пріятель мой
остановился около низенькой двери, вдѣланной въ обрывистомъ
берегѣ, постучалъ какъ-то странно, съ перебоемъ, и дверцы рас-
пахнулись. Признаться, меня это очень озадачило; я видалъ и
прежде, во многихъ мѣстахъ, по берегу Язуы и Москвы-рѣки,
подобныя дверцы и думалъ, что это — отверстія водосточныхъ
трубъ, а между тѣмъ, это просто—подземный ходъ. У отверен-
ныхъ дверецъ ожидалъ меня сгорбленный старичокъ съ предлин-
ною, клиномъ, бородою. Пріятель, пожелавъ полного успѣха,
втокнулъ меня въ темный корридорчикъ; дверь захлопнулась, и
я не успѣлъ опомниться, какъ очутился во тьмѣ кромѣшной, но
ненадолго: вспыхнула сѣрная спичка, и старикъ зажегъ фонарь.

«— Что это у васъ, спросилъ я старика:—волчьи или лисьи
норы?

«Старикъ приложилъ ко рту указательный палецъ и промы-
чалъ, то-есть далъ мнѣ замѣтить, что онъ нѣмъ. Корридоръ, по
которому мы шли, былъ кирпичный, выведенный сводомъ, и такъ
узокъ, что двухъ рядомъ не установишь. Прошли мы не больше
полтораэта шаговъ, а я на обѣихъ сторонахъ корридора на-
считалъ восемь дверей, съ желѣзными замками. Забывши, что
мой вожатый нѣмъ, я опять спросилъ: «Что это у васъ за двери?»

«Вожатый обернулся, приложилъ палецъ ко рту и потомъ по-
грозилъ: Дескать, молчи; не то плохо будетъ.

«— Да что, спрашиваю:—ты не глухъ, а только нѣмъ?

«Старикъ приподнялъ фонарь и, раскрывъ пасть, указательнымъ

пальцемъ махнулъ себя по губамъ. Во рту, вмѣсто языка, видѣлся безобразный желвакъ. «Понимаю», подумалъ я: сердечному языку отрѣзали! Кто жъ бы это отрѣзалъ?...» задавалъ я себѣ задачу, а самого такъ морозомъ и окатило, душа въ пятки ушла. Зналъ бы, что будутъ такіа страсти, не пошелъ бы и съ патріархомъ бесѣдовать. Не помню, сколько мы сдѣлали поворотовъ, но чѣмъ дальше шли, тѣмъ воздухъ становился тяжеле и удушливѣй.

«— Куда ты ведешь меня, старый хрычъ? спрашиваю.

«Старикъ въ отвѣтъ махнулъ только рукой. Плохо, подумалъ я; совѣсть-то моя не совѣмъ была чиста противъ поповцевъ; на спорахъ частенько порядкомъ ихъ обрывалъ и много про нихъ дурнаго рассказывалъ, и довольно знаю, что они очень на меня злы; думаю: не продалъ ли меня мой пріятель поповецъ; почему знать, вѣдь чужая душа—потемки. Чтò тутъ дѣлать? вотъ я и рѣшился вернуться назадъ. Вынулъ изъ кармана цѣлковый и говорю старику:

«— Вотъ тебѣ, старинушка, на чай, только выведи меня назадъ на свѣтъ божій; я раздумалъ видѣться съ владыкой.

«Старикъ наѣжился и оттолкнулъ мою руку. «Экой подлецъ», подумалъ я: «мало ему, что ли?» Вынулъ еще два, даю—куда, такъ разгнѣвался, замоталъ головою, замычалъ и съ сердцовъ прибавилъ шагу. Меня какъ варомъ обдало; я какъ-то боюсь тѣхъ людей, которые не берутъ денегъ; если взялъ, какъ-то онъ тебѣ милѣе... Отчего это, батюшка?»

— Свои всегда милѣе.

— Какъ свои?

— Кто взялъ, тотъ себя продалъ; стало-быть онъ и твой...

— Справедливо, батюшка, справедливо! Вотъ этого мнѣ въ голову не приходило; а какъ-то странно казалось: взяточникъ милѣе честнаго, а выходитъ, вся причина—въ насъ самихъ, по пословицѣ: «свой своему поневолѣ другъ»... Ну, какъ прибавилъ онъ шагу, и я за нимъ; думаю, какъ бы не отстать, а то изъ этихъ проклятыхъ лабиринтовъ послѣ и не выберешься. Наконецъ мой вожатый, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, остановился около желѣзной двери, отодвинулъ засовъ, и мы вошли въ круглый подвалъ, выведенный сводомъ изъ плитоваго камня. Посрединѣ шла витая лѣстница. Старикъ передалъ мнѣ фонарь и, поднявшись до самаго верху, уперся хребтомъ въ деревянный кружокъ, аршинъ въ ширину, понатужился, дверь приподнялась, и въ отверстіе блеснулъ дневной свѣтъ. И рассказать вамъ не

сѹмѣю, какъ я тогда обрадовался свѣту божію; мигомъ вбѣжалъ по лѣстницѣ и очутился въ просторной бесѣдкѣ. Кругомъ стѣнъ стояли диваны, а окна отъ пола были не ниже четырехъ аршинъ. Дверь, которая прикрывала выходъ, была не что другое, какъ столъ, который поворачивался на шалнерѣ, и когда мы вышли изъ подземелья, старикъ повернулъ его, пружина щелкнула, и не осталось ни малѣйшаго слѣда нашего выхода. По обѣ стороны бесѣдки были двери; старикъ подошелъ къ одной изъ нихъ и постучался. Я думалъ увидѣть уже архіепископа владимірскаго и всея Россіи; но изъ дверей выглянулъ горбунъ, маляръ въ запачканномъ халатѣ, отвратительнаго вида, съ палитрою и кистями въ рукахъ. Комната, куда мы вошли, была мастерская, въ которой множество было образовъ, оконченныхъ и подмалевокъ.

«Гдѣ же владыко? спросилъ я у горбуна, который выпалилъ на меня свои пучеглазые буркалы.

«Маляръ взглянулъ на нѣмаго, какъ-бы желая отъ него узнать, о комъ я говорю; но когда старикъ отрицательно пожалъ плечами, горбунъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

«— О какомъ владыкѣ вы спрашиваете?

«Маляръ и нѣмой, оба смотрѣли на меня безсмысленно, и я понялъ, что они ничего не знали объ Антоніѣ. Смотри, подумалъ я, какъ, поповцы берегутъ своего владыку, аки зеницу ока.

«— Къ кому же меня привели? спросилъ я наконецъ.

«— Не знаю, отвѣчалъ горбунъ.— Авдѣй Козьмичъ наказывалъ мнѣ, если дескать, нѣмой кого приведетъ, то чтобы ему доложить. Повремените—я за нимъ схожу.

«Едва горбунъ выткнулся изъ дверей въ садъ, какъ послышался чей-то голосъ:

«— Что, пришелъ?

«— Пришелъ, отвѣчалъ горбунъ.

«— Проси сюда, опять послышался прежній голосъ.

«Услышавъ это приглашеніе, я вышелъ въ садъ. Ко мнѣ шелъ на встрѣчу сухощавый старикъ въ шолковомъ халатѣ, на манеръ подрясника.

«— Какъ ваше имя? спросилъ онъ, снявши шляпу.

«— Алексѣй Абрамовъ, отвѣчалъ я, отвѣсивъ ему пренизкій поклонъ.

«— Пожалуйте за мною, сказалъ онъ шопотомъ и повернулъ направо по дорожкѣ.

«Мы подошли къ каменному строенію, которое выдалось угломъ въ садъ, и по узкой лѣстницѣ поднявшись въ самый верхній этажъ, остановились у дверей. Проводникъ мой сотворилъ молитву, и по возгласѣ: «аминь!» дверь отворилась. Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ стараго моего знакомаго, съ которымъ нѣсколько лѣтъ жилъ вмѣстѣ, бывшаго преображенскаго кладбища казначея, Андрея Ларіоновича Шутова!

«— Ба! говорю:—Андрей Ларіоновичъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались!

«Но Шутовъ, вмѣсто того чтобы облобызаться, или раскланяться въ подручникъ (*), принялъ меня холодно, даже дико; утѣлся въ креслахъ, потупился; потомъ взглянулъ въ потолокъ, какъ-будто придумывалъ съ чего начать и, пріосанившись, сказалъ:

«— Добре чадо Алексіе прійдохъ ко мнѣ, только не знаю съ какимъ намѣреніемъ: въ послушествующихъ или въ поучительствующихъ считать тебя?

«— Эку ахинею понесъ Андрей Ларіоновичъ! говорю:—я, ни то, ни другое, а просто желательно мнѣ видѣть епископа Антонія.

«Шутовъ усмѣхнулся, погладилъ бороду и вышелъ въ другую комнату. Не прошло десяти минутъ, вдругъ отворяются настежь двери, и Ларіоновъ, въ сопровожденіи двухъ диаконовъ, въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, въ митрѣ съ брупными алмазами, съ посохомъ, важно подошелъ ко мнѣ.

«— Вотъ видишь ли, говорить:—я-то и есть чинѣ милостію божіею архіепископъ Антоній, а это (взглянувъ на досокъ), говорить, жаль—, непокоривымъ наказаніе. Видишь ли, я хочу съ тобой бесѣдовать не просто, а священно, соборнѣ!

«Сказавши это, онъ опять сѣлъ въ кресла, приказалъ подать «кормчую» и выслалъ изъ комнаты диаконовъ. Прицапляясь вамъ, хоть я и не робкаго десятка, а какъ вошелъ Ларіоновъ въ полномъ архіерейскомъ облаченіи, инда мени ужась пробрало, въ подземеньи не набрался такого страху. Правду сказать, къ Ларіонову очень пристало архіерейство: борода большая, перная, съ просѣдью, собой сухощавый, порядочнаго роста—просто, вся физиономія архипастырская. Шутовъ замѣтилъ мое смущеніе, усмѣхнулся и говоритъ:

(*) То-есть: пожать руку.

«— Чадо Алексіе, чего же еще тебѣ желать, кажется—полное благочестіе. Ты-де сроду, чай, не видывалъ епископовъ въ полномъ древнемъ облаченіи?

«— Погоди, Андрей Ларіоновичъ, говорю:—дай-ка съ силами собраться. Ахъ, батюшки-свѣты, я теперь только вспомнилъ, что ты отъ насъ уѣхалъ въ другія земли, а тамъ не нашелся ли какой хитрецъ, поудалѣй еще Коперника, и не придвинулъ ли землю къ небесамъ, гдѣ митрополитовъ и патріарховъ довольно—любой похиротонисаетъ...

«— О дерзновенный! возопилъ Шутовъ:—что ты рѣчешь, безумный?

«— Какъ что? говорю:—не самъ ли ты проповѣдывалъ, что благодать отъ лѣтъ патріарха Никона взята на небо? такъ, стало-быть, ты на землѣ и не могъ посвящаться?

«Шутовъ ажъ поблѣднѣлъ отъ досады.

«— О, роде невѣрный и развращенный! говоритъ, строго на меня взглянувъ:—блюдите, да не прійду къ вамъ съ палицею; писаніе читаете, а ослѣпосте?... Въ сколькихъ мѣстахъ сказано, что священство пребудетъ до скончанія вѣка?

«— Нешто, говорю, Андрей Ларіоновичъ:—когда ты былъ московскимъ цеховымъ, такъ оно было на небѣ, а теперь, когда надѣлъ омофоръ, такъ оно для тебя низошло на землю?

«— Нѣтъ, говоритъ, не то:—тогда я былъ такой же невѣжда, какъ ты теперь, а нынѣ, по преподаніи мнѣ особенной благодати, открылись у меня и душевныя очи, во еже вѣдати писаніе божіе, которое хотя неоднократно читалъ, но, будучи погружаемъ заблужденіемъ вашего толка, не могъ прозрѣть истинныхъ правилъ апостольскія церкви.

«— Кто же, спрашиваю:—посвятилъ тебя во епископы?

«— Святитель божій, говоритъ.

«— Не обливанецъ ли австрійскій Амвросій?

«— Что же, говоритъ:—развѣ онъ не святитель божій?

«— То-то и есть, Андрей Ларіоновичъ, говорю:—у тебя изъ одной печи да разныя рѣчи. Не самъ ли ты, когдѣ еще былъ у насъ на Преображенскомъ, какъ въ трубу трубилъ, что Амвросій—еретикъ и табашникъ, а когда съ Тихоновной (*) бесѣдовалъ, божился, что Амвросій—обливанецъ: его-де жиды, враги

(*) Тихоновна была въ то время у поповцевъ хорошая чтица (читалка, начетница).

божїи, и въ поповщину сосватали, а теперь и Амвросій сталъ святитель божїй?... По нашему честолюбію толковать печего, а говори, Андрей Ларіоновичъ, по правдѣ, по совѣсти, по закону!

«— Я, говорить, по закону и говорю:—вотъ, нѣ, читай, правило перваго вселенскаго собора на семнадцатой страницѣ: «приходящїи отъ еретикъ, глаголемые чистїя, свою ересь прообленше, и иная вся, прїяти да будутъ, и токмо св. мѣромъ помазуются, аще же нѣдїи отъ нихъ епископы, паки въ своемъ чину да пребываютъ». Ну что, кажется, ясно?

«— А если бы, говорю, ихъ наново окрестили, годилась ли бы тогда прежняя ихъ хиротонисанїя?

«— Разумѣется, нѣтъ! отвѣтилъ Ларіоновъ, смутясь:—нужно съизнова хиротонисать.

«— Такъ о чемъ же ты толкуешь? Пожалуй-ка, говорю, мнѣ «Кормчую»: вотъ тебѣ, смотри, отвѣты Тимофея, св. архіепископа александрійскаго. Видишь ли, когда крещеніе требуетъ повторенїя, то и хиротонїя тоже поновленїя. Вотъ почему принимались въ своемъ чинѣ епископы, да не однимъ кѣмъ-нибудь, а соборомъ возлагали руки и призывали благодать божїю; а Амвросїя-то кто принималъ?... кто рукополагалъ?... купцы, мѣщане, да крестьяне?

«— Не одни купцы, говоритъ, потупляясь:—были тамъ и два священно-инока.

«— Да развѣ, говорю, попъ можетъ возлагать руку на епископа и поновить хиротонїю?... Это можетъ совершить только епископъ!

«— Какъ? говоритъ, а преподобный Савва Освященный (*), не епископъ, да принялъ еретика, патріарха Іоанна, сына Маркіанова?

«— Стыдись, говорю, Ларіоновъ, облыгать преподобнаго Савву: вѣдь Іоаннъ Маркіановъ былъ православный епископъ, но когда обѣщался принять царевы еретическіе догматы, то черезъ воеводу и былъ возведенъ на степень патріарха; по твоему, значить, воевода его и хиротонисалъ?... но преподобный Савва убѣдилъ его не принимать царевыхъ догматовъ, а проклясть ихъ, что Іоаннъ и сдѣлалъ. Что же по твоему, преподобный мѣромъ, что ли, его помазывалъ? Нѣтъ, говорю, чѣмъ ни мажь, а отрѣзанная голова къ туловищу не пристанетъ; такъ и Амвросій,

(*) Чтеніе чети мнєса на 5-е декабря.
Т. СХLVI. — Отд. I.

отсѣченный отъ церкви, въ епископы не попадетъ. Я знаю, что совѣсть ваша давно уже тяготится, что священство безъ епископа есть мертвые члены. И епископы-то у васъ — не первые, вы съ Амвросіемъ и Кирилломъ; только что-то скоро изъ моды выходили. Не знаю, долго ли ты, Андрей Ларіоновичъ, наепископствуешь?

«— Послушай, Алексѣй, говорить Шутовъ, нажившись: — ты ужь слишкомъ далеко зашелъ! Какъ ты смѣешь, супостатъ, издѣваться надъ нашей вѣрой?

«— Нѣтъ, говорю, я не издѣваюсь надъ вашей вѣрой, а только строго держусь своей.

«— Ну, говоритъ, если тебя такъ заставляетъ горячиться ревность по безпоповщинѣ, то я совѣтую тебѣ бросить эту ересь и перейти къ намъ: вѣдь насъ-то теперь, поповцевъ, насчитывается до семи милліоновъ. А понеже въ нашемъ христіанствѣ имѣется немалая скудость въ ученыхъ мужахъ, то ты сейчасъ же и получишь архимандритство. Вѣдь наше рогожское общество — золотое дно, не то, что какое нибудь преображенское(*); не будешь трястись на тележонкѣ, а въ каретѣ будешь ѣздить; я самъ, чай знаешь, какой былъ у васъ ревнивецъ, а теперь посмотри-ка, какія сочинилъ на васъ раціи, въ окружныхъ посланіяхъ — просто въ затылкѣ почешутъ, весь вашъ толкъ въ пухъ растрепалъ. Да того они и стоятъ: народъ — грубый, невѣжественный; для нихъ просто хотъ объ стѣну головою бейся, а они въ усъ тебѣ не дуютъ, сравнятъ съ какимъ нибудь чучеломъ, безграмотнымъ Дѣмъ Алексѣвичемъ(**), который «помилуй мя Боже!» путемъ не прочтетъ. Нѣтъ, братъ, у насъ совсѣмъ другое; только кого замѣтятъ съ хорошей стороны, сейчасъ и просятъ: «Владыко, сей человѣкъ достоинъ быть сподобенъ іерейскаго сана»...

«— А что, Андрей Ларіоновичъ, перебилъ я: — получилъ ли ты на свои посланія отвѣты отъ преображенцевъ?

«— Нѣтъ, говоритъ.

«— Какъ же мы говорили, что Егоръ Гавриловичъ(***) по-рядочную лупку тебѣ задалъ?

(*) Преображенское кладбище принадлежитъ безпоповцамъ.

(**) Дѣй Алексѣвичъ былъ отцомъ на преображенскомъ кладбищѣ, любимецъ Семена Кузьмича, который постоянно не ладалъ съ Шутовымъ.

(***) Толковникъ на преображенскомъ кладбищѣ.

«— Да развѣ онъ въ Москвѣ? спросилъ Шутовъ, а самъ ажъ помертвѣлъ отъ досады.

«— Можетъ быть, говорю, изъ заточенья присланъ.

«— Экой вздоръ городишь! Можетъ ли ссмыльный писать? Онъ сосланъ правительствомъ не для того, чтобъ сочинять опроверженія на святительскія посланія, а сидѣть, аки мертвецъ во гробѣ. Притомъ же онъ мужикъ, а мужику и рта не вельно разбѣвать!

«— А, можетъ быть, говорю, онъ — митрополить.

«— Митрополить? вскрикнулъ Шутовъ: — иѣшто Іоаннъ Богословъ приходилъ его хиротонисать?

«— Вотъ то-то и есть, Андрей Ларіоновичъ, говорю: въ чужомъ глазу порошинку видно, а у себя бревна не видать. Я шу-тя сказалъ, что Егоръ Гавриловичъ — митрополить, а ты сейчасъ: «Богословъ, что ли, его хиротонисалъ?» Какъ же ты безъ Бого-слова нарядился въ омофоръ и святительствуешь?... Егору Гавриловичу нельзя, а тебѣ лзя?... Вѣдь и ты поѣхалъ отъ насъ московскимъ цеховымъ, а вернулся епископомъ. И еще порицаешь Егора Гавриловича! Онъ изъ границъ не вышелъ, хоть и отечествовалъ (*), а все числился мѣщаниномъ; государственныя подати платилъ,.. Вотъ ты такъ чередишь не въ свою голову: самъ — бѣглый цеховой, да бѣглыхъ солдатъ въ попы постригаешь — выходить: каковъ попъ, таковъ и приходъ!

«— О, дерзости исполненный! завопилъ Шутовъ: — ко мнѣ приходятъ не учить, а учиться! Епископъ печется о твоёмъ спасеніи и предлагаетъ тебѣ чинъ архимандрита, а ты, какъ безумецъ, не радя о спасеніи, не умѣешь пользоваться архипастьрскимъ расположеніемъ!

«— Побереги, говорю, этотъ санъ для такого жъ славолюбца, какъ ты самъ; а если я найду, что наша вѣра неправая, все-таки не пойду къ бѣглому цеховому, а обращусь къ законному митрополиту, не съ тѣмъ, чтобъ добиваться какихъ нибудь почестей, а просто скажу: «Сотвори мя, отче, яко единого отъ наемникъ!...» Знаю, говорю, что тебя притянула сюда слава: думаешь, въ случаѣ смерти Семена Кузьмича, не удастся ли попасть въ настоятели на преображенскомъ, а за границей ты поспорился съ Михенчемъ; вотъ, съ гори и пустился во славу мі-

(*) Отечествовалъ, значить — былъ за границей.

ра сего, а иногѣ въ мірѣ, что мертвецъ на конѣ; вотъ конь-то и завезъ тебя въ архіепископы!...

«Слово за слово, и наша бесѣда дошла до ссоры; Шутовъ сталъ уже и посохомъ замахиваться, и я, признаться, въ азартъ пришелъ; не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, еслибъ въ это время не вошли два поповца. Они подошли подъ благословеніе владыки и доложили ему, что все готово. Ларіоновичъ вышелъ, а я спросилъ у одного изъ нихъ: куда владыко собирается?»

«— Верстъ за двадцать, отвѣчалъ поповецъ: — освящать полотняную церковь.

«Явился служка и проводилъ меня до садовой двери; тутъ ужъ ожидалъ меня какой безсмертный, въ полковомъ подрясникѣ, и пристально на меня глядѣлъ, какъ бы хотѣлъ узнать, до какой степени усладился я бесѣдою съ ихъ епископомъ.

«— Ну, что, спросилъ онъ, ухмыляясь: — каковъ нашъ владыка?

«— Ничего, говорю, настоящій святитель, временъ пяти патріарховъ.

«— Да-съ, батюшка, сказалъ умиленно старикъ, а благочестія какого? по истинѣ святительскаго!... Господь видимо надъ нимъ творить чудеса: недавно, когда онъ совершалъ литургію, всѣ замѣтили надъ его головою сіяніе!

«— Что жъ, говорю, по его скудволосію—очень можетъ быть, если онъ служилъ безъ парика.

«Старикъ не взялъ въ толкъ, что я ему сказалъ, а то навѣрное бы распалился. Онъ довелъ меня до бесѣдки и сдалъ на руки нѣмому.

V.

«Войдя въ мастерскую, я захотѣлъ взглянуть на искусство горбуна.

«— Нутка, говорю, покажи, что ты малюешь?

«— Извольте, говоритъ горбунъ, ухмыляясь: — покажемъ-съ!

«Прошелся по застѣнкой и вытащилъ икону, аршина въ два въ вышину: распятіе, а у подножія креста Самсонъ раздираетъ челюсти льву.

«— Это, спрашиваю, что?... Зачѣмъ ты прималевалъ сюда Самсона?

«— Какъ зачѣмъ, говоритъ, такъ слѣдуетъ: вѣдь Самсонъ силою своею укрѣпилъ Господа нашего Иисуса Христа на крестѣ!

«— Ой-ли?... Что же, спрашиваю: ты до этого своимъ умомъ дошелъ, аль другой кто уму-разуму научилъ?

«— У васъ, говорить, ума-разума не станемъ занимать... мы и сами не ногой сморкаемся!..»

«Досада меня взяла.

«— Ахъ ты, говорю, хомутина, войлокъ этакой! Да какъ ты смѣешь аллегоріями изъ глупой своей башки святыя образа безобразить?

«— За что вы ругаетесь? говорить.—Нешто для васъ я ихъ пишу?

«Старикъ, услыхавъ мои рѣчи, сталъ на горбуна пальцами тыкать и мычать, дескать: «Что, братъ? вѣдь и я тебѣ то же говорилъ»; такъ куда! горбунъ не на шутку расцѣтушился; такъ на меня и лѣзетъ, и палитрой замахивается; насилу отъ него откараскался.

«Ужъ какъ же не хотѣлось мнѣ лѣзть въ эту проклятую дыру, да нечего дѣлать: другого для меня выхода не было. И пересказать не сѣмѣю, какихъ я мукъ и страховъ набрался; до смерти не забуду этихъ проклятыхъ норъ. Нѣмой повелъ меня по другой дорогѣ; вѣрно у нихъ положеніе такое. Сначала мы шли, какъ и прежде, каменнымъ корридормъ; потомъ стали пробираться какою-то норкою, прорытою въ глинистой почвѣ. Мѣстами такъ сужалось отъ обвалившейся земли, что мы пробирались на четверенькахъ и ползкомъ; того и смотри, что земля обвалится и заживо схоронитъ; а тутъ еще на бѣду фонарь потухъ; нѣмой всѣ спички истратилъ, а огня все-таки не добылъ: отъ сырости и спертаго воздуху ни одна спичка не загорѣлась. Нечего дѣлать: полземъ въ потемкахъ, словно кроты какіе; вдругъ какъ вскрикнетъ мой старикъ, словно ножомъ его пырнули—меня такъ варомъ и обдало; не успѣлъ я духъ перевести, какъ ударится что-то мохнатое объ мою грудь, да черезъ голову—всего меня изцарапало; за нимъ другое. Какъ закричу и я, не на животъ, а на смерть, да ну креститься: что это, думаю, такое? барсуки, аль демоны подземные? Поопаматовались немного, опять поползли. Нѣмой что-то мнѣ промышчалъ, да я не уразумѣлъ: въ потемкахъ жеста не видать—такъ и не понялъ. Что дальше полземъ, то земля все рыхлѣй подъ нами — вѣрно недавно обвалилась; замѣчаю, что мой старикъ еле-двигается, все на него натыкаюсь, а тамъ протянулся, бѣдняга, и застоялъ.

«— Что, говорю, старинушка, не въ моготу приходится?»

«А онъ поймалъ меня за руку, приложилъ къ своимъ ногамъ и застоналъ, а потомъ взялъ за плечо и сталъ толкать. «Впередъ, дескать; ноги отнялись, самъ ужъ ползи, а я тутъ останусь». Что дѣлать? не ждать же, чтобы завалило; дорога одна, вѣрно не собьюсь; перекрестился и маршъ себѣ. Не проползъ я пятидесяти шаговъ, какъ застучить надъ самой у меня головой, словно громъ, а земля комами такъ и посыпалась; ну, думаю, конецъ пришелъ — завалить. Отъ страху сначала и не въ догадъ, чтò это такое; потомъ уже одумался и понялъ: значить, нора-то идетъ подъ улицей, и гремятъ экипажи. Тутъ я припустилъ во всю ивановскую, откуда и прыть взялась. Но вотъ какъ будто легче дышать стало; начало понемногу виднѣться: впереди показался и выходъ; а тутъ — новая бѣда: напалъ я на лягушекъ; кажись, со всего свѣта собрались сюда проклятыя. Признаться, я страшно ихъ боюсь, а тутъ пришлось по нихъ ползти: иная попадетъ подъ руку, такая холодная, склобзкая; пищать, прямо въ лицо такъ и прыгаютъ—вспомнишь, такъ и теперь морозъ по кожѣ подираетъ—такая гадость. Ну, ужъ и обрадовался я, когда выкарабкался изъ этой тьмы кромѣшной; поклоновъ тридцать положилъ!... Да и вышелъ-то я на такой пустырь, что никакъ не могу сообразить, куда идти. Кругомъ — ружи навозу, валежника, мусора, просто запустѣнье пророка Даниїла!... Насилу выбрался изъ этого захолустья, и гдѣ вы думаете очутился? Противъ самаго преображенскаго кладбища!... Шутка ли, отъ Яузы до самаго валу подземельями пройти!»

Разсказъ о старообрядествѣ меня очень заинтересовалъ. Алексѣй Абрамовъ открылъ мнѣ нѣкоторыя тайны и многое разъяснилъ, о чемъ я прежде не имѣлъ точнаго понятія. Около полуночи мы улеглись и думали спокойно провести ночь; но ошиблись въ ожиданіяхъ.

Едва я заснулъ, какъ разбудилъ меня Алексѣй Абрамовъ. Лицо его было блѣдно и выражало ужасъ; зажженная свѣча дрожала въ его рукѣ.

— Чтò случилось? спросилъ я, приподнимаясь на кровати.

— Слышите, чтò тамъ дѣлается! проговорилъ онъ шопотомъ, пугливо поглядывая на дверь.

Въ сѣняхъ, откуда шла лѣстница въ нашу комнату, раздавался пронзительный крикъ: «караулъ, разбой! грабятъ, рѣжутъ!»... Накинувъ на себя халатъ, я схватилъ лежавшій на столѣ ре-

вольверъ и опрометью бинулся на помощь. Алексѣй Абрамовъ посвѣтилъ мнѣ, и я, можно сказать, не сбѣжалъ, а слетѣлъ съ лѣстницы. Въ сѣняхъ металась хозяйка и благимъ матомъ кричала: «рѣжутъ, грабятъ»!

— Чего ты орешь, сумасшедшая? спросилъ я.

— Ограбилъ, разбойникъ, супостатъ! отвѣчала она, ломая руки.

— Кто тебя ограбилъ?

— Черти его вѣдаютъ кто!... Пришелъ какой-то пострѣлъ, фузилъ на гривенникъ калачей, да и далъ мнѣ, кажись, двухгривенный, а я ему сдачи гривенникъ; какъ разсмотрѣла, анъ это—копейка, натертая ртутью. Метнулась я за нимъ, а его и слѣдъ простылъ; вотъ съ горя, да сердцовъ я и заревѣла!...

— Ахъ, ты, матушка! Ну, успокойся, не пугай проѣзжихъ, я возвращаю тебѣ гривенникъ.

— Спасибо, отецъ родной; давай же сейчасъ, а то завтра забудешь, аль раздумашь.

— Экая недовѣрчивая... Ну, пойдемъ.

Хозяйка взяла свѣчу, и мы отправились въ свѣтелку. Алексѣй Абрамовъ лежалъ ницъ на кровати, заткнувъ уши указательными пальцами. При нашемъ появленіи онъ всталъ, смотря вопросительно на меня.

— Зачѣмъ уши заткнулъ? спросилъ я.

— Боюсь, батюшка, стрѣльбы, отвѣчалъ онъ:—съ малолѣтства напуганъ. Разъ къ покойному отцу приходили ночью за выемкою старыхъ книгъ, такъ долго дверей не отворяли, вотъ солдатъ и выстрѣлилъ въ окно, а я возлѣ спалъ... да не въ этомъ дѣло; что тамъ случилось?...

Я рассказалъ, и Алексѣй Абрамовъ очень прогнѣвался на хозяйку; но когда увидѣлъ, что я далъ ей гривенникъ, то еще больше разсвирѣпѣлъ.

— Бога бойся, батюшка, за что ты ей даешь! закричалъ онъ:—переполошила всѣхъ проѣзжихъ! за это бы ей треуховъ надавать!

Хозяйка, не обращая вниманія на гнѣвъ Алексѣя Абрамова, въ раздумьи смотрѣла на гривенникъ, который лежалъ у ней на ладони.

— Кто же мнѣ за калачи-то заплатитъ? спросила она наконецъ, взглянувъ на меня. — Вѣдь мнѣ никто ихъ даромъ не даетъ!...

— Ахъ, ты, безсовѣстная! вскрикнулъ Алексѣй Абрамовъ, кидаясь къ хозяйкѣ.— Жидовка проклятая, тебѣ и этого еще мало?

— Какая я жидовка? заревѣла въ свою очередь хозяйка, присанившись; самъ ты — безпоповецъ окаянный, жидоморъ проклятый!

— Вонъ, подлая тварь! воилъ Алексѣй Абрамовъ, наступая:— а не то я тебя, гнусную попрошайку, по шеямъ отсюда!

— Тронь только, такъ я тебѣ всю харю изцарапаю и носъ расквашу! отвѣчала рѣшительно хозяйка, сжимая кулаки.

Эта ссора неминуемо превратилась бы въ драку, если бы я не далъ хозяйкѣ еще гривенника и не выпроводилъ ее изъ комнаты. Алексѣй Абрамовъ, какъ изступленный, кинулся вслѣдъ за ней и провожалъ ее бранью, пока она не сошла съ лѣстницы.

— Троемужница подлѣйшая! кричалъ онъ:— двухъ на ваторгу уpekла, а третьяго въ острогъ упрятала! Фискаль ярыжный, змѣя подколодная!

Алексѣй Абрамовъ возвратился въ свѣтелку, задыхаясь отъ гнѣва.

— Тысячу разъ давалъ себѣ зарокъ, говорилъ онъ, расхаживая по комнатѣ:— не ѣздить въ эту проклятую Гуслицу. Всякій разъ, ужъ непременно что нибудь да случится. Два года тому назадъ, въ этомъ же трактирѣ, въ мой проѣздъ зарѣзали чело-вѣка; насилиу самъ удралъ, а то бы еще, упаси Господи, къ слѣдствию притянули. А намереди, когда туда ѣхалъ, ночью здѣсь драка произошла, до смерти перепугали подлецы, а теперь— то жь... Ну, ужъ сторонка!

Мы опять улеглись, но Алексѣй Абрамовъ никакъ не могъ успокоиться и заснуть: онъ безпрестанно поварачивался съ боку на бокъ, восклицая: «Господи, буди мнѣ грѣшному!» и едва начало разсвѣтать, какъ сталъ собираться въ путь. Черезъ полчаса и я готовъ былъ выѣхать. Хозяйка вышла провожать меня, и пока подавали лошадей, я вступилъ съ ней въ разговоръ.

— За что сослали въ Сибирь, спросилъ я:— первыхъ двухъ твоихъ мужей?

— Перваго за разбой, отвѣчала она безъ всякаго смущенія:— а втораго занапрасно: татарина, вишь, зарѣзалъ; большая важность, что извелъ басурмана.

— А теперешній за что сидитъ въ острогѣ?

— Тоже понапрасну: фальшивыя ассигнаціи промѣнивалъ — нешто самъ онъ ихъ дѣлалъ?

Она тяжело вздохнула и, угрюмо нахмуривъ брови, вертѣла судорожно въ рукахъ какую-то тетрадь.

— Что это за бумаги? спросилъ я.

— А Богъ ихъ знаетъ! Вчера, когда я крикнула: «становой ѣдетъ!» этотъ рыжій верзила, странникъ что ли, не впримѣту ли вамъ? прыгнулъ въ окно, а изъ кошеля его и выпала эта тетрадь.

Я взялъ тетрадь, исписанную церковными буквами, и на заглавномъ листѣ прочелъ слѣдующее оглавленіе:

1) Соборное дѣяніе австрійскаго собора въ бѣлокриницкомъ монастырѣ.

2) Свидѣтельство о трехъ-погружательномъ въ грекахъ крещеніи.

3) Копіи съ двухъ писемъ, о торжествѣ торжествъ.

4) Древнѣйшее сказаніе о сокрушеніяхъ діавола и доношеніе его сатанѣ о Ісусѣ Христѣ.

5) Древнее сказаніе о Іудѣ предателѣ.

6) Сказаніе о плѣненіи сатаны съ діаволомъ и о возведеніи праведныхъ изъ ада въ рай.

7) Копія съ письма отъ задунайскихъ некрасовцевъ.

8) Окружная грамата къ благовѣрнымъ пресвитерамъ и ко всѣмъ нашимъ христіанамъ къ извѣщенію истины во отвращеніе отъ беззаконной безпоповщины (*).

— Отдай мнѣ эту тетрадь, сказалъ я, перелистывая страницы.

— Нельзя, батюшка, отвѣчала хозяйка, пристально смотря на меня:—вѣдь бумага-то въ хозяйствѣ и мнѣ пригодится.

Вниманіе, съ которымъ я рассматривалъ тетрадь, не ускользнуло отъ ея проницательнаго взгляда.

— Я тебѣ заплачу за бумагу, замѣтилъ я.

— Сколько жъ вы заплатите? Теперь, говорятъ, бумага вздорожала; я меньше двугривеннаго не возьму.

Я далъ ей двугривенный, но щедрость моя навела на нее новое сомнѣніе, и она, въ раздумѣ, глядѣла то на меня, то на монету.

— Можетъ быть, она дороже стоитъ, сказала она сбѣдлившись:—я вѣдь — неграмотная, въ писаніи ничего не смыслу, а

(*) Нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній и легендъ, нелишенные занимательности по своему содержанію, прилагаются отдѣльно въ концѣ статьи.

вы, батюшка, не обидьте меня, бѣдную сироту. Какъ видите, одна побиваюсь, словно рыба объ ледъ; бабѣ ли дѣло возиться съ трактиромъ, и еще въ этой проклятой сторонѣ. Христово слово, въ эту ночь глазъ не смыкала, а днемъ и минуточки свободной не выищется; только солнышко покажется, такъ и закипитъ, словно въ котлѣ... Прибавь, батюшка, еще четвертачекъ, а я за твою милость Богу помолюсь.

«Вотъ попрошайка!» подумалъ я и далъ ей четвертакъ.

— Отецъ родной! завывала хозяйка, схвативъ меня за пальто:— прибавь еще пятьдесятъ пять копеечекъ, ровно будетъ рубликъ. Вѣдь ты—щедрый, навѣрное будешь и въ другомъ мѣстѣ давать, такъ отдай лучше мнѣ... не все ли равно для тебя, мнѣ ли отдать или другимъ?

— Изволь, сказалъ я, отдавая ей деньги, чтобъ испытать предѣлъ ея алчности:—но больше не смѣй просить.

— Христово слово, не буду больше просить для себя, а теперь дай еще гривенничекъ на свѣчку; я за тебя свѣчку поставлю! право слово, поставлю!...

Въ это время купцы, напившись чаю, вышли изъ избы и стали собираться въ путь. Хозяйка, получивъ гривенникъ на свѣчку, отвязалась отъ меня и кинулась на встрѣчу къ купцамъ съ той же пѣсенкой: «Не обидьте бѣдную сироту» и проч. Я сѣлъ въ тарантасъ и, ѣхавши по сыпучему песку шагомъ, еще долго слышалъ ея рѣзкій голосъ.

— Ну, ужъ баба, замѣтилъ мой извозчикъ:—у мертвого выпросить!... Чай, съ вашей милости тожь стянула? Я давно ее знаю и зарекался давать, такъ нѣтъ-таки, выпросить, вымолить, проклятая!

— И сегодня далъ? спросилъ я.

— Какъ же-съ, трехкопеешный, а потомъ пристала: дай ей еще на свѣчку: «я, говоритъ, поставлю за спасеніе твоей души». Чтò будешь дѣлать?... еще далъ копейку. Нешто я самъ за себя не счумѣлъ бы свѣчи поставить?

VI.

Послѣ четырехчасовой, утомительной ѣзды, я, наконецъ, въ началѣ девятаго, добрался до ильинскаго погоста. Подѣзжая къ квартирѣ становаго, ямщикъ мой припустилъ лошадей подною рысью по круглякамъ, которыми вымощена была улица; таран-

тасъ мой немилосердно подпрыгивалъ, трещалъ и дребезжалъ, колокольчикъ заливался; но едва экипажъ остановился возлѣ крылечка, и трескъ и звонъ смолкли, какъ послышались вопли. Кто-то ревелъ густымъ басомъ въ квартирѣ становаго, съ хныканьемъ и воплями. Сидѣвшій на крылечкѣ разсылный унтер-офицеръ, при моемъ появленіи всталъ и помогъ мнѣ выбраться изъ тарантаса.

— Кто это плачетъ? спросилъ я у него.

— Иванъ Ивановичъ (такъ звали становаго), отвѣчалъ унтер-офицеръ угрюмо.

— Что жъ, у васъ случилось несчастье какое, что ли?

— Ничего-съ особеннаго; слава Богу, все благополучно.

— Такъ съ какихъ же радостей такъ разливается Иванъ Ивановичъ?

— Не знаю; допрашиваетъ Гераську, тово-съ, что фальшивыя ассигнаціи дѣлалъ. Ужъ часа два какъ плачутъ-съ.

«Странно, подумалъ я. Никогда не слыхалъ я о такомъ способѣ приводить преступника къ сознанию, хотя, производя часто слѣдствія и розыски, я и самъ въ этомъ дѣлѣ, какъ говорится, собаку съѣлъ. Да и способъ этотъ не очень шелъ къ лицу Ивана Ивановича. Вотъ его личность: ему шестьдесятъ лѣтъ; длинные, бѣлые какъ лунь, волосы космами закрываютъ бульдогообразную фizioномію; большіе на выкатѣ глаза прикрыты нависшими, черными какъ смоль, бровями; взглядъ угрюмый, выразительный. При среднемъ ростѣ, онъ необыкновенно крѣпкаго сложенія; плечи его изумляютъ своей шириной; кулаки, какъ два обуха, грудь—башенная стѣна; силы непомѣрной: несмотря на свои лѣта, онъ носитъ еще жернова въ шестнадцать пудовъ вѣсомъ и сгибаетъ четвертаки. Характеръ его въ высшей степени энергичный, а сердце доброе, сострадательное, что дѣлаетъ его иногда лютымъ звѣремъ, а иногда кроткимъ младенцемъ. Чтобы опредѣлить его безкорыстіе, скажу только, что простой народъ во всей Гуслицѣ называетъ его Кузьмою безсребренникомъ. И такъ, изволите видѣть, это уже—не становой, а рѣдкое явленіе въ области человѣческой натуры; человѣкъ—на столько по своимъ качествамъ достойный, на сколько по житейскимъ неудачамъ и ударамъ судьбы несчастливый и не на своемъ мѣстѣ.

Вопли еще продолжались, когда я подошелъ къ затворенной двери.

— Можно войти? спросилъ я, постучавшись.

— Милости просимъ, отозвался Иванъ Ивановичъ плаксивымъ голосомъ.

Войдя въ рабочую комнату Ивана Ивановича, я былъ изумленъ печальнымъ его видомъ: глаза, припухшіе отъ слезъ, были красны; волосы взъерошены; лицо, форменный скрутокъ и клѣтчатый бумажный платокъ облиты слезами. Возлѣ стола стоялъ, потупившись, Гераська, статный и красивый дѣтина, лѣтъ тридцати. Онъ былъ видимо встревоженъ; замѣтно было, какъ отъ внутренняго волненія трепетали даже поды его армяка.

— Что это съ вами, Иванъ Ивановичъ? спросилъ я, нисколько не сомнѣваясь, что слезы его притворны.

— А вотъ, отвѣчалъ онъ, утираясь и нервно всхлипывая: — вотъ допрашивалъ этого подлеца (онъ взглянулъ на Гераську); другую ужъ недѣлю вожусь съ разбойникомъ... Все свое толкуешь: «знать не знаю и вѣдать не вѣдаю». Что будешь съ нимъ дѣлать? просто, душу изъ меня вытянулъ, проклятый!

Иванъ Ивановичъ, закрывъ платкомъ лицо, горько зарыдалъ; отъ всхлипыванья плечи его поднимались, упертые въ столъ локти колыхали вмѣстѣ со столомъ и ветхій, движущійся полъ. Причина слезъ до такой степени была нелѣпа и неестественна, что мнѣ казалось, онъ закрываетъ лицо для того, чтобы скрыть свой смѣхъ. Гераська былъ блѣденъ, переминался съ ноги на ногу, судорожно вздыхалъ и мигалъ глазами. Видно было, что вопли Ивана Ивановича порядкомъ пробрали и его нервы, задѣли и его за сердце — сердце незвѣрское и незагубленное душегубствомъ. Иванъ Ивановичъ продолжалъ рыдать съ пререканіями.

— Ты думаешь, воръ, вопилъ онъ: — такъ тебѣ и повѣрять, что ты знать не знаешь и вѣдать не вѣдаешь? Шалишь, любезный! вѣдь у тебя нашли поличное: верстагъ, гравѣрные доски, тюкъ, рукой не охватишь, фальшивыхъ ассигнацій... Положимъ, не сознаешься, такъ и будешь до смерти сидѣть въ острогѣ... да не бойсь, не усидишь, признаешься, женишокъ, только признаешься не мнѣ (Иванъ Ивановичъ такъ завылъ, что окна задребезжали), а какому нибудь чиновнику губернаторскому или, пожалуй, и повыше; знаю, дадутъ этому чиновнику и награду, а тому, кто выслѣдилъ тебя, открылъ, кто два года на рожонъ лѣзъ, жизнь свою подвергалъ опасности, тому — шишъ подъ носъ. А когда ты будешь сидѣть въ острогѣ, или сошлютъ тебя, куда Макарь телятъ не гоняетъ, къ кому, ты думаешь, придетъ твоя жена съ дѣтками просить пристанища, одѣжи, куска хлѣба, а?

говори!... Ко мнѣ придетъ, мерзавецъ, у меня попросить, у меня, такого же нищаго, какъ и она!... Мало ли у меня такихъ горемыкъ на рукахъ? не знаешь, что ли? То-то же — блудливъ, какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ!

Послѣднія слова становаго произвели странное дѣйствіе на Гераську. Онъ выпрямился, приосанился, лицо покрылось яркимъ румянцемъ, взглядъ выражалъ рѣшимость.

— Перестаньте плакать, Иванъ Ивановичъ, сказалъ онъ твердымъ голосомъ. Берите бумагу, пишите: я сознаюсь!

— Ну, вотъ, спасибо, голубчикъ, бормоталъ Иванъ Ивановичъ, придвигая къ себѣ стопку писчей бумаги; но, взглянувъ на Гераську, онъ снова залился слезами.

Трудно было отгадать, какія это были слезы: слезы радости, или состраданія къ участи преступника, такъ великодушно ему сдававшася; но смѣло можно было рѣшить, что теперь текли онѣ не отъ печали.

— Полно вамъ рюмить, заботливо сказалъ Гераська: — видите ли, вотъ я плети и каторгу на себя принимаю, а не плачу: выходитъ, подъ такою ужъ планидою родился; ну, что же, такъ тому и быть!

Иванъ Ивановичъ перебѣнилъ листъ бумаги, залитый слезами, и суетливо началъ писать заголовокъ допроса, согласно указанной закономъ формѣ, и въ то же время бормоталъ:

— Не буду, голубчикъ, не буду; видишь ли: тебѣ ужъ нельзя избавиться отъ каторги, такъ, по-крайней-мѣрѣ, можно облегчить наказаніе одною, двумя степенями... ну, добровольное сознание, раскаяніе чистосердечное и еще что нибудь въ этомъ родѣ... Ну, промаешься на каторгѣ лѣтъ десятокъ, а тамъ... еще молодъ, смыслень, грамотень, не пропадешь... еще, пожалуй, разбогатѣешь, купцомъ станешь, золотопромышленникомъ!...

— А покажѣсть, перебилъ Гераська: — не оставьте бѣдной жены и сиротокъ моихъ.

— Нѣтъ, голубчикъ, не оставляю; пусть Богъ меня оставитъ, если они не будутъ какъ мои дѣти; послѣдній кусокъ, послѣднюю ветوشку раздѣлю съ ними!...

Не болѣе какъ въ полчаса становой кончилъ допросъ, и Гераська, не задумавшись, красивымъ почеркомъ подписалъ свое имя и фамилію.

— Гравируетъ, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, приглядываясь

къ подписи.—Что бы изъ тебя вышло, прибавилъ онъ:—еслибъ ты пошелъ честнымъ путемъ?

— Писарь вышелъ бы—вотъ и все, отвѣчалъ Гераська:—вѣдь я изъ солдатскихъ дѣтей.

Становой проводилъ Гераську, разрѣшилъ ему видѣться съ женой и съ дѣтьми, курить папиросы и получать по швабрю водки въ день.

— Скажите мнѣ, Иванъ Ивановичъ, спросилъ я, когда Гераську увели:—что вы—такъ искусно притворялись, или въ самомъ дѣлѣ плакали отъ чистаго сердца?

— Отъ чистѣйшаго, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.—Вѣдь, говорю же вамъ, другую недѣлю съ нимъ вожусь; душу изъ меня, мерзавецъ, вытянулъ; ну, теперь Богъ съ нимъ! Спасибо ему, по-крайней-мѣрѣ скалился надъ старикомъ. Не помню, чтобы когда нибудь въ жизни моей такъ овладѣла мною тоска, какъ сегодня. Вся моя горемычная жизнь представилась мнѣ, какъ на ладони, а моя-то жизнь, батюшка, бочка дегтю и ложка меду, коли-то еще и наберется съ ложку. Былъ у меня небольшой капиталецъ, взялъ и за женою тысячу десятокъ, и какъ бы вы думали? въ первую ночь брака все сгорѣло до тла, не успѣли и платья выхватить. Потомъ и пошло несчастье за несчастьемъ; не даромъ говорятъ: когда придетъ бѣда, такъ отвори ворота; служилъ честно, усердно, а между-тѣмъ выключили, чтобы и впредь никуда не принимать, замарали формуляръ; а за что, вы думаете?... Казначей проворовался, а за его вину и насъ, мелкихъ чиновниковъ, припибли; разумѣется, придрались къ несоблюденію формъ, а гдѣ же эти формы соблюдаются?... Такъ вотъ, какъ видите, до сихъ поръ и мыкаюсь по свѣту; въ мои ли годы эта тяжелая служба, эта должность, да еще здѣсь, въ этой проклятой Гуслицѣ!... Того и смотри, что попадешь подъ судъ, или отставятъ отъ службы, и придется умереть съ голода!... Такъ извольте видѣть, оглянувшись на прошедшее, смотря на настоящее и заглянувши въ будущее, чувствуешь, что есть отъ чего похныкать!... А тутъ вчера, не успѣлъ еще вамъ рассказать, такое случилось несчастье, что до сихъ поръ въ себя не приду. Вѣдь вы видѣли крестницу мою, Машу?

— Видѣлъ, а что?

— Умираетъ, если ужъ не скончалась, бѣдняжка!

Извѣстіе это какъ громомъ поразило меня. У становаго былъ разсылный, унтер-офицеръ, служившій прежде въ кавалергар-

дахъ, Петренко. Видный молодецъ, женился онъ въ Москвѣ на красивой бабѣ, и отъ сліянія двухъ типовъ *перваго сорта* произошла на свѣтъ Маша, необыкновенная красавица: ея черные, какъ смоль, волосы и каріе, блестящіе глаза были украинскіе, а бѣлизна и миловидность—материнскія. Рѣзвая и ласковая дѣвочка, четырнадцать лѣтъ, она всѣмъ нравилась, всѣ были отъ нея въ восторгѣ.

— Неужели! вскричалъ я.—Что же съ нею случилось?

— Вчера, печально началъ становой: — послѣ обѣда, пошла дурочка въ лѣсъ за грибами, и уже вечеромъ отыскали ее въ лѣсу мертвою. Какой-то подлецъ, людоубъ, изнасиловалъ несчастную и, чтобы скрыть слѣды преступленія, хотѣлъ задушить ее, то-есть, просто задушилъ, ^{сильно} помялъ ей шею и горлянку; но когда начали оттирать бѣдняжку, то въ ней показалась еще искра жизни, стала хрипѣть, и когда приложили ко рту зеркало, замѣтна была легкая испарина. Однакожъ, несмотря на это, надежда плохая: со вчерашняго дня она не приходила въ себя: хрипѣть, и вся холодная, какъ ледъ. . .

— Виновнаго не отыскали?

— Никакихъ слѣдовъ! Вчера всѣхъ своихъ съ ногъ сбиль, во всѣ концы посылалъ, и рѣшительно ничего не добились. Отецъ и мать въ страшномъ отчаяніи: ну, одна только и есть. Не хотите ли, сходимте къ нимъ, ^и ~~пробѣдаемъ~~; старуха моя у нихъ и ночевала.

Петренко помѣщался въ особенной избѣ, рядомъ съ квартирой становаго. Подходя къ изгороди, мы уже слышали вопль несчастной матери.

— Можете себѣ представить, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ: — вотъ этакъ разливалась цѣлую ночь горемычная, а отецъ совершенно осовѣлъ, словно каменная статуя, съ мѣста не двинется, слова не промолвить!

Войдя въ избу, я былъ пораженъ ужасною картиною горести и отчаянія матери. Опростоволошенная, растрепанная, исцарапанная, съ лицомъ, обезображеннымъ синяками, несчастная изступленно металась. Стоны и вопли ея раздирали душу. Петренко стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ; руки его были сложены накрестъ, взоры вперены въ землю; казалось, онъ не видѣлъ и не слышалъ, что вкругомъ его происходило. Страшно и невыносимо горестно было смотрѣть на это нѣмое отчаяніе отца. При нашемъ появленіи, мать упала къ ногамъ становаго.

— Родненькій, заступись! воскликнула она, царапая съ ожесточеніемъ свою грудь: — заступись, отыщи разбойника, святотѣца! спаси Машу! спаси! вопила она, хватая меня за колѣни; потомъ, какъ бѣшеная, кинулась къ мужу, оторвала лацканъ отъ его сюртука, дергала его за усы, за бакенбарды, неистово крича: «Прокофій Петровичъ, убей его! слышь, убей разбойника, не то я сама убьюсь!... Господи! проговорила она, задыхаясь отъ слезъ: — ты знаешь убійцу и не покараешь его!... Съ послѣдними словами, она со всего размаха ударилась о стѣну и повалилась безъ чувствъ на полъ.

Мы кинулись на помощь къ несчастной, но мужъ не тронулся съ мѣста и не взглянулъ даже на жену.

— Иванъ Ивановичъ, раздался голосъ Софьи Дмитріевны (такъ звали жену становаго) изъ другой свѣтелки, гдѣ лежала умирающая: — Иванъ Ивановичъ, да прикажи спеленать сумасшедшую: вѣдь она такъ убьется до смерти!

— Безпремѣнно убьется, бормотала старуха прислужница, помогавшая намъ уложить горемычную: — правое слово, убьется; ишь вся въ синякахъ; головушка распухла, который-то ужъ разъ стукнулась!

Уложивъ мать, мы вошли въ свѣтелку. У изголовья умирающей сидѣла жена становаго, умная и добрая старушка, а противъ нея дьяконша, прославленная во всей Гуслицѣ знахарка. Дѣвочка лежала навзничъ, блѣдная какъ мертвецъ; ея распухшая шея съ обѣихъ сторонъ покрыта была сине-багровыми пятнами, дыханья не было замѣтно, и только едва-едва слышалось хрипѣніе въ горлѣ. Поздоровавшись съ Софьей Дмитріевной, я спросилъ ее о состояніи больной.

— Плохо, отвѣчала она со вздохомъ: — какъ видите, до сихъ поръ не очнется; ставили пѣивки — не принялись; послали за докторомъ — ни слуху, ни духу... не знаемъ, что и дѣлать!

Со мной была гомеопатическая аптечка, и я, въ ложечкѣ воды, далъ больной нѣсколько крупінокъ агніса и посоветовалъ прикладывать холодные компрессы къ горлу. Тѣмъ временемъ Иванъ Ивановичъ спеленалъ несчастную мать и разшевелилъ немного Петренка, обливши его холодною водою. Неизвѣстно, отъ моего ли леченія или такъ ужъ пришло время, но больная очнулась. Тяжелый вздохъ вырвался изъ ея груди, и она открыла глаза. Иванъ Ивановичъ первый кинулся къ ней.

— Маша, голубушка, скажи, спросилъ онъ, кто тебя обидѣлъ?

— Машенька, въ то же время спрашивала Софья Дмитріевна:— не хочешь ли супцу?

Становой грозно взглянулъ на жену и, приложивъ указательный палецъ къ губамъ, далъ ей замѣтить, чтобы она молчала.

— Вотъ ужъ и пошолъ слѣдствія производить... пробормотала, отворачиваясь, Софья Дмитріевна.

— Машурочка, душенька, продолжалъ умоляющимъ голосомъ становой:— говори же, кто тебя обидѣлъ?

Всѣ сбились въ свѣтелку, даже и отецъ приблизился къ кровати. Настала мертвая тишина; каждый, затанувъ дыханіе, ожидалъ роковаго отвѣта. Маша наконецъ собралась съ силами и едва слышно прошептала:

— Странникъ... рыжій... желѣзная шапка...

— Вчера я видѣлъ его! вскричалъ я.

— Гдѣ? спросилъ поспѣшно становой.

— На постояломъ дворѣ Трифоновны.

Въ короткихъ словахъ разсказалъ я встрѣчу свою съ странникомъ и едва кончилъ, какъ становой схватилъ меня за руку, а Петренка за полу и поспѣшно вывелъ изъ избы. Глаза его сверкали, энергія закипѣла: левъ проснулся.

— Тройку, живо! сказалъ онъ Петренкѣ; потомъ громовымъ голосомъ крикнулъ:—Иванъ Васильичъ!

На этотъ возгласъ изъ противоположной избы мгновенно выскочилъ дюжій малый, съ перомъ въ рукѣ. Иванъ Васильевичъ, писмоводитель становаго, былъ также, по силѣ и рѣшимости, богатырь и во всѣхъ экспедиціяхъ правая рука становаго. Иванъ Ивановичъ объяснилъ ему въ чемъ дѣло и, дергая за пуговицу, добавилъ:

— Скажи до самой границы нашего уѣзда, а оттоль—прямо въ климовъ кабакъ. Понимаешь ли, чтобы не перепустить разбойника черезъ границу? Навѣрное онъ отъ Трифоновны махнулъ черезъ просѣку въ климовскій и, прокутивши тамъ ночь, замѣшивается. Да смотри, осторожнѣй! вѣдь ты знаешь, что у этихъ дьяволовъ—кожи желѣзная шапка, то и палка тоже желѣзная!... Возьми съ собою Петренка...

— Будьте покойны, отвѣчалъ самодовольно писмоводитель:— вдвоемъ и десятокъ такихъ уконтентуемъ!

Мигомъ тройка была запряжена, и Петренко, сидя на телегѣ, подѣхалъ къ намъ. Глаза его угрюмо глядѣли и, въ то же время, какая-то дикая радость проявлялась на его лицѣ: все его суще-

ство проникнуто было жаждою мщенія. Письмоводителю вынесли картузь, кистень; становой перекрестилъ ихъ, и тройка помчалась во всѣ лопатки.

VII.

Становой смотрѣлъ вслѣдъ уѣхавшимъ до тѣхъ поръ, пока они не скрылись съ глазъ.

— Если не перевалить за границу нашего уѣзда, сказалъ онъ, почесываясь за ухомъ:—такъ будетъ нашъ, а перевалить—поминай какъ звали; на рогожскомъ его съ собаками не отыщешь!... Ужъ эти мнѣ порядки! не могли взять мошенника въ другомъ участкѣ безъ становаго; а пока отыщешь становаго, разбойникъ очутится за тридцать земель! ищи послѣ вѣтра въ полѣ... Эхъ, какъ бы! продолжалъ онъ, потирая руки. — Признаться, не мало-то и нужно этого какъ бы: какъ бы поймать шельмеца, да еще того, котораго намъ нужно; какъ бы Машурочка моя выздоровѣла, какъ бы и Авдѣвна (такъ величали машину мать) не свернулась... А я вамъ доложу, что надежда на успѣхъ плоха...

— Отчего? спросилъ я.

— Во первыхъ, много времени утрачено, а ввторыхъ, въ одинъ день двумъ такимъ удачамъ не бывать: жирно будетъ! Гераська сознался, а тутъ еще этого подлеца поймать?... Эхъ, какъ бы, какъ бы, бормоталъ Иванъ Ивановичъ, направляясь въ избу Петренка.—Провѣдаемъ, что тамъ съ Машенькой!

Больную мы нашли въ сильномъ жару; лицо горѣло яркимъ румянцемъ, дыханіе было тяжелое и неровное; она жаловалась на головную боль и звонъ въ ушахъ. Я далъ ей нѣсколько крупинокъ аconitum; холодные компрессы продолжали прикладывать къ шеѣ. Несчастная мать была въ какомъ-то безчувственномъ положеніи: если бы не открытые глаза, то можно бы подумать, что она спитъ. Иванъ Ивановичъ хотѣлъ было подробнѣе спросить Машу; но ему пришли сказать, что привезли почту и привели нѣсколько человѣкъ арестантовъ. Становой ушелъ, а я, въ качествѣ доктора, остался наблюдать за больною и слушалъ словоохотливую дьяконшу, которая рассказывала о разбояхъ въ Гуслицѣ: какъ воръ Никишка въ то время, когда мельникъ съ женою ушли на свѣтлый праздникъ къ заутрени, зарѣзалъ у нихъ пятерыхъ дѣтей и старуху, мать хозяина; какъ Марeutна, раз-

сердившись на своего мужа и свекровь, ночью бросила въ печь сальный огарокъ и уморила угаромъ одиннадцать душъ—осталась только въ живыхъ одна чахоточная старуха, и тому подобное.

Черезъ полчаса послѣ приѣма асонитумъ, жаръ у Маши значительно уменьшился, и она заснула. Софья Дмитриевна, не спавши всю ночь, также дремала, собирался было и я прикурнуть, но Иванъ Ивановичъ прислалъ просить меня къ себѣ. Я нашелъ его въ рабочей комнатѣ, гдѣ онъ снималъ допросъ съ приземистаго, невзрачнаго малаго, лѣтъ двадцати.

— Я васъ побеспокоилъ, сказалъ становой: — чтобы доставить вамъ случай полюбоваться нашими гуслицкими артистами... Посмотрите на эту образину (становой взглянулъ на малаго); кажись—ни съ рожи, ни съ кожи, а искусникъ на удивленіе! Онъ, изволите видѣть-съ, мастерить фальшивые билеты и всякіе документы поддѣлываетъ. Не угодно ли вамъ испытать? закажите ему какую угодно печать, и онъ вамъ въ два мига ее сварганитъ, да еще безъ всякихъ инструментовъ... Нутка, Оомка, не ударь лицомъ въ грязь, покажи себя! добавилъ становой, одобрительно поглядывая на малаго.

Я вынулъ изъ кармана подорожную и заказалъ Оомкѣ скопировать одну изъ печатей. Онъ попросилъ осколокъ стекла, зажженную свѣчу и булавку. Когда ему подали, Оомка слегка наклонилъ на свѣчѣ стеклышко и, наложивъ его на указную печать, съ необыкновеннымъ проворствомъ и ловкостью очертилъ булавкою орла и надпись, которые просвѣчивались; потомъ, стерши въ округлости печати копоть, приложилъ къ намоченной бумагѣ стеклышко, нажалъ, и печать оттиснулась до такой степени вѣрно снятою, что нельзя было отличить отъ настоящей. И вся эта операція продолжалась не болѣе пяти минутъ.

— Что, батюшка, сказалъ Иванъ Ивановичъ: — каковы у насъ въ Гуслицѣ артисты?... просто, доложу вамъ, академія художествъ!... Что бы изъ тебя вышло, замѣтилъ значительно становой, взглянувъ на Оомку: — еслибъ ты пошелъ честнымъ путемъ?

— Что бы вышло, потупясь отвѣчалъ Оомка: — ничего бы не вышло, вѣдь я — крѣпостной!...

До обѣда Иванъ Ивановичъ занялся дѣлами, допрашиваніемъ арестантовъ, а я отправился осмотрѣть погостъ. Вокругъ огромной каменной церкви, правильной архитектуры, съ превысокою колокольнею, чуть ли не съ Ивана Великаго въ Кремлѣ, пло-

щадь застроена была довольно хорошими домиками; нѣкоторые изъ нихъ были въ два этажа; по площади тянулся рядъ лавокъ и лабазовъ, что доказывало о промышленности въ селеніи. Колокольня еще штукатурилась. Подрядчикъ, котораго я встрѣтилъ тутъ на работѣ, сказалъ мнѣ, что постройка церкви и колокольни стоитъ огромныхъ суммъ, несмотря на то, что прихожанъ, какъ онъ выразился, «вовсе не имѣется».

— На чей же счетъ выстроили церковь? спросилъ я. — Откуда взяли деньги?

— Господь ихъ знаетъ откуда, отвѣчалъ, лукаво усмѣхаясь, подрядчикъ:—не наше это дѣло, намъ лишь бы аккуратно платили за работу!

— Почему же ты знаешь, что нѣтъ прихожанъ?

— Какъ, батюшка, не знать. Сами разсудите: на свѣтлый праздникъ, съ моими ребятами и здѣшнимъ начальствомъ, всего на всего было у обѣдни сорокъ человѣкъ, а церковь-то выстроена на двѣ тысячи. Приходъ-то, кажись, и великъ, да все ишь—отщепенцы, въ старообрядчество перешли. И не токма здѣсь, а по всей Гуслицѣ; какіе были церковные, всѣхъ идолы къ себѣ переманили. Такъ вотъ, чтобы ихъ не тревожили, они и отплачиваются, перепадетъ кое что батькамъ и на церковь!... Вотъ оно откуда деньги-то.

— Какъ же старообрядцы сманиваютъ церковныхъ?

— Вѣстимо какъ: заплатятъ недоимку, подать, примутъ въ коммерцію, обогатятъ.

— Какъ же допускаетъ православное духовенство?

— Стало быть допускаетъ; слыхались мы, что правительство положило по двѣсти рублей въ годъ жалованья тѣмъ священникамъ, у которыхъ въ приходѣ есть раскольники, за то, чтобы они обращали ихъ въ православіе; вотъ тѣмъ, у которыхъ нѣтъ раскола-то, и завидно: ничего, дескать, не получаютъ, такъ они—и не прочь... ну, да што, мало ли чего не баютъ, не всякому слуху вѣры!... Признаться, оно бы вѣрнѣе было, еслибы попамъ платили за cadaго раскольника; обратилъ въ церковные—вотъ тѣ и получай, что назначено.

Замѣчанія подрядчика были здравы: дѣйствительно, при всей заботливости, правительство далеко не достигаетъ предполагаемой цѣли. Въ великороссійскихъ губерніяхъ сельское духовенство очень бѣдно, а доходы отъ требъ до того скудны, что духовенство не имѣетъ никакой возможности содержать себя и

свое семейство. Въ такомъ положеніи неудивительно, что оно не очень бываетъ разборчиво на средства добывать себѣ насущный хлѣбъ. Вотъ почему священники, чтобы имѣть право получать жалованье, не охраняютъ своихъ приходовъ отъ вторженія раскола, который въ послѣднее время сильно началъ вкореняться.

Возвратясь съ прогулки, я засталъ Софью Дмитріевну въ хлопотахъ: она накрывала на столъ и приготовляла все необходимое къ обѣду. Отъ нея узналъ я, что Машѣ лучше, и что и мать ея также немного оправилась.

— Только—такая странная, добавила Софья Дмитріевна:—точно помѣшанная; можете представить, чѣмъ она теперь занимается?... рубашки кроить себѣ, Машѣ и мужу! «всѣ, говорить, помереть, нужно къ смерти сорочекъ нашить».

Послѣ спартанскаго обѣда, Софья Дмитріевна ушла къ больной, а Иванъ Ивановичъ собрался было «развѣдаться съ храповицкимъ», но ему помѣшали. Возлѣ его крыльца, изъ сосѣдней деревушки, собрался міръ, чтобы потолковать о вновь пролагаемой дорогѣ. Становой вышелъ къ нимъ на улицу, а я глядѣлъ на сходку изъ окна. Народъ былъ разій, хорошо одѣтый: все—старообрядцы. Послѣ продолжительныхъ толковъ и преній, наконецъ единодушно рѣшили: быть, какъ дядя Никита сказалъ!... Но на это рѣшеніе дяди Никиты становой не согласился. Дѣло состояло въ томъ, что старая дорога шла колѣсомъ по болотистому грунту, а новую нужно было проложить черезъ ихъ деревушку, расположенную на возвышенности. Отъ этого сокращалось разстояніе и избѣгали лишнихъ тратъ на устройство гатей и мостовъ. Но міръ, несмотря на очевидное удобство этого распоряженія, настаивалъ на своемъ, чтобы дорога шла попрежнему, около поселка.

— Мы, кричали они:—поправимъ гати и на свой счетъ построимъ мосты!

— Знаемъ, возражалъ становой:—какъ вы гати поправляете и какіе мосты строите: просто мышеловки! Знаю, отчего вамъ не хочется и дороги проложить черезъ вашъ поселокъ; боитесь присмотра, чтобы въ располхъ не накрыли?...

— Што это вы баете? говорили мужики, усмѣхаясь намъ и въ голову этого не приходило!...

— И вышку-то поставили, продолжалъ Иванъ Ивановичъ:—какъ разъ противъ мостика, гдѣ поворотъ въ поселокъ?

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ, перебилъ дядя Никита:—эфто Мина Харитоновичъ для своей прихоти построилъ!

— Врешь подлецъ, разгораясь кричалъ становой:—врешь, не для прихоти, а для мошенничества! Я и вышку-то вашу разорю, и трубу позорную въ болото заброшу!..

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ, возражалъ дядя Никита:—нѣшто у насъ не вольно ѣздить?

— Нѣшто у насъ не вольно ѣздить? повторила вся толпа.

— Невольно, кричалъ становой:—невольнo! днемъ подмѣчаете, а на ночь разбираете мостъ. Засѣли, мошенники, словно въ крѣпости, и дѣлаютъ себѣ что хотятъ!...

— Помилуйте, Иванъ Ивановичъ, перебилъ дядя Никита:—на ночь разбираемъ мостъ оттого, что дѣсь воруютъ!...

— Просто, досками не напасешься!... закричала толпа.

Впродолженіе этихъ преній, одинъ дюжій мужикъ, съ открытымъ и смѣлымъ лицомъ, безпрестанно прерывалъ становаго и мѣшалъ ему говорить.

— Ну, что вы толкуете? кричалъ онъ, размахивая руками.—Не будетъ по вашему, будетъ, какъ мѣръ рѣшилъ!

Сначала становой мало обращалъ на него вниманія, но когда мужикъ сталъ приставать болѣе и болѣе, Иванъ Ивановичъ потерялъ терпѣніе.

— Смотри, Матюха, рявкнулъ онъ, показывая свой богатырскій кулакъ:—знай сверчокъ свой шестокъ; не то я тебѣ свиное нюхало на сторону сшибу!

— Охота вамъ, ваше благородіе, смѣло отвѣчалъ Матюха:—связываться съ дуракомъ; а какъ я вамъ сдачи дамъ?

Становой вздрогнулъ, поблѣднѣлъ отъ досады, но снесъ оскорбленіе и, не отвѣчая Матюхѣ на дерзкую выходку, обратился къ сходкѣ и довольно спокойно сказалъ:

— Ну, ребята, отправляйтесь по домамъ, нечего изъ пустаго въ порожнее переливать; такъ будетъ, какъ начальство рѣшить.

— Нѣтъ ужъ, ваше благородіе, завопила толпа:—пусть будетъ, какъ мы желаемъ—останетесь довольны!

— Спасибо, я и такъ доволенъ, отвѣчалъ становой, грозно взглянувъ на Матюху:—нѣтъ ужъ, въ акурать получишь—не придется сдачи давать!

— Батюшка, Иванъ Ивановичъ, отецъ родной! воила сходка. Явите божескую милость!

Но Иванъ Ивановичъ, не обративъ вниманія на эти возгла-

съ, сталъ всходить на крыльцо; Матюха потянулся за нимъ. Я слышалъ, какъ становой, входя въ переднюю, приказалъ разсыльному унтер-офицеру затворить дверь и не впускать Матюху; но унтер-офицеръ не успѣлъ притворить дверей, какъ Матюха оттолкнулъ его и силой вошелъ въ комнату. Терпѣніе станового лопнуло, и онъ, съ пѣною у рта, какъ звѣрь кинулся на Матюху; признаюсь, и мнѣ за смѣльчака стало страшно.

— Мерзавецъ! ты и сюда еще пришелъ! заревѣлъ Иванъ Ивановичъ, устанавливая кулачище полъ самымъ носомъ Матюхи. — Я тебѣ кости сломаю, въ дребезги изобью!

— За тѣмъ и пришелъ къ милости вашей, отвѣчалъ Матюха, нисколько не смутясь:—намѣревались нюхало сшибить, извольте сшибайте—власть ваша, не то, прикажите дерку задать, что угодно милости вашей—все перенесу; но на міру не троньте дурака... Христово слово, сдачи дамъ!

— Вонъ, мерзавецъ, вонъ! что есть силы закричалъ становой; но какъ онъ ни прикидывался сердитымъ, а видно было, что гнѣвъ его былъ уже притворный: выходка Матюхи совершенно его обезоружила и даже пришлось ему по душѣ.

— Покорнѣйше благодаримъ, сказалъ Матюха:—кланаясь, за ваше снисхожденіе; по гробъ не забуду; только доложу вашей милости, что если, упаси Господи, на міру...

— Провались ты сквозь землю, пострѣлъ; одно твердить! перебилъ Матюху становой и, повернувъ его спиной, далъ ему порядочнаго подзатыльника; но толчокъ этотъ былъ уже дружескій.—Принеси, прибавилъ онъ ласково, показать своего скворца.

Иванъ Ивановичъ былъ охотникъ до птицъ, и этимъ порученіемъ окончательно примирился съ Матюхой.

— Каковъ у насъ народецъ въ Гуслицѣ, сказалъ онъ, выпроводивши Матюху.—Сметливъ, каналья; знаетъ шельмецъ, что я прибралъ бы его не мытьемъ, такъ катаньемъ—и покорился...

— Неужели вы думаете, что онъ и въ самомъ дѣлѣ рѣшился бы исполнить свою угрозу?

— И еще какъ рѣшился бы, повѣрьте мнѣ—я ихъ хорошо знаю! они ужасно самолюбивы и щекотливы, и сами жь лѣзутъ на рожонъ!... Чтѣ бы изъ нихъ вышло, заключилъ становой обычнымъ своимъ вопросомъ:—если бы они пошли честнымъ путемъ?

— Да, отвѣчалъ я:—чтѣ бы изъ нихъ вышло, если бы ихъ повели честнымъ путемъ!

Въ ожиданіи возвращенія письмоводителя, время тянулось медленно, томительно. Иванъ Ивановичъ, отчаяваясь въ успѣхѣ, былъ въ тревожномъ состояніи и, чтобы какъ нибудь разсѣять себя, гадалъ. Подойдетъ ко мнѣ, протянетъ сжатые кулаки и спрашиваетъ: «четъ или нечетъ?» то зажмурившись, вертитъ руками и сводитъ указательные пальцы. Потомъ отправились мы на встрѣчу письмоводителя, прошли съ версту по дорогѣ и, никого не встрѣтивъ, вернулись назадъ. Нетерпѣливый Иванъ Ивановичъ приказалъ моему кучеру взлѣсть на крышу и смотрѣть не ѣдутъ ли, и если увидитъ, то чтобы во все горло кричалъ: «ѣдутъ, ѣдутъ!» Распорядившись такимъ образомъ, мы отправились въ комнаты и принялись за гран-пасьянсъ. Что ни дѣлалъ Иванъ Ивановичъ, какъ ни плутовалъ, но карты ложились неблагопріятно, и гран-пасьянсъ не выходилъ.

— Ёдутъ, ёдутъ! слышались.

Мы выбѣжали стремглавъ изъ комнаты.

— Кто ѣдетъ? спросилъ становой, задыхаясь отъ нетерпѣнія.

— Кажись, наши, отвѣчалъ кучеръ.— Пѣгая въ корню!

— Сколько ихъ на телегѣ?

— За пылью не видать, проговорилъ кучеръ, не спуская глазъ съ ѣдущихъ.

Не однихъ насъ интересовало возвращеніе письмоводителя; вся дворня станового и сосѣди, при извѣстіи «ѣдутъ», выбѣжали на улицу, лѣзли на крыши и карабкались на заборы.

— Окромѣ Хведьки, закричалъ кучеръ:—трое сидятъ въ телегѣ.

— Трое, трое! везутъ, везутъ! Поймали! раздались десятки голосовъ на крышахъ.

— Въ ногахъ сидитъ, кажись, странникъ, закричалъ кучеръ.

— Сидитъ, ребята, ей-богу сидитъ! огласилось на крышахъ и заборахъ.

Пыль поднималась столбомъ, слышался стукъ телеги и покрыванье ямщика; еще минута—и телега подкатила къ крыльцу: между письмоводителемъ и Петренкомъ сидѣлъ знакомый мнѣ странникъ, съ связанными назадъ руками.

VIII.

Со всѣхъ сторонъ нахлынули любопытные и такъ столпились у телеги, что мѣшали высадить странника. Становой прикрикнулъ, народъ разступился, и странника ввели въ комнаты.

— За что это, ваше благородіе, спросилъ странникъ, съ невозмутимымъ спокійствомъ:—такое истязаніе? За что такое поруганіе и осмотры до наготы моего тѣла?... Въ чемъ я согрѣшилъ?

— Не знаешь, подлець, въ чемъ? сказалъ становой, окидывая его съ ногъ до головы испытующимъ взглядомъ:—не знаешь? нешто не ты дѣвчонку изнасиловалъ и задушилъ?

— Ошиблись, ваше благородіе, не смутясь отвѣчалъ странникъ:—Христово слово, ошиблись. Ищите другаго: я ни въ чемъ не виноватъ... Заступи и сохрани меня, царица небесная, отъ такой подлости!

Во взглядѣ странника не замѣтно было ни малѣйшаго замѣшательства; онъ смотрѣлъ прямо, безстрашно; на его лицѣ выражалось то удивленіе, то презрительная улыбка. Опытный глазъ слѣдователя съ перваго разу замѣтитъ виноватаго, какъ бы онъ искусно ни притворялся; по смѣлая, невозмутимая наружность странника уничтожала всякую мысль въ подозрѣнію его въ преступленіи. Становой взглянулъ на меня, мы переглянулись и поняли другъ друга: надежды наши не осуществились. Радостное лицо Ивана Ивановича омрачилось печалью, брови еще больше надвинулись на глаза, и онъ призадумался. Письмоводитель и Петренко молча ожидали приказанія у дверей. Иванъ Ивановичъ сдѣлалъ знакъ мнѣ и письмоводителю, мы вышли въ другую комнату.

— Какъ видите, фальшивая тревога, сказалъ онъ, затворяя дверь:—это не тотъ, котораго нужно?

— Да, отвѣчалъ я:—замѣчаніе ваше справедливо.

— Мало ли у насъ въ Гуслицѣ таскается этой сволочи—странниковъ; всѣ они, по большей части, рыжіе и въ желѣзныхъ шапкахъ! Расскажи мнѣ, спросилъ становой письмоводителя:—гдѣ взялъ его и какъ?

— Доѣхавши до границы, отвѣчалъ письмоводитель:—мы просили пикетныхъ казаковъ, и узнавши, что никакихъ странниковъ не проходило, отправились по дорогѣ на Климовскій кабакъ. Проѣхавши версты три, смотримъ—идетъ рыжій странникъ, а поодаль его, плетутся еще два. Я сію же минуту съ телеги—и къ нему: «не встрѣчалъ ли, спрашиваю, нашей тройки? въ корню бурый меринъ, а на отлетѣ сѣрые?» А Петренко тѣмъ временемъ зашелъ сзади, хватъ его въ поперегъ, да и брякнулъ о земь: мигомъ скрутили молодца! «За что, говорятъ, вя-

жете, что я вамъ сдѣлалъ?»—«Тамъ, говорю, разберутъ за что!» Осмотрѣли его, признаться, какъ слѣдуетъ... Ничего не видать; повели къ телегѣ; а тутъ подошли и тѣ два странника, вступились, хотѣли было отбивать, такъ рыжій и говоритъ имъ: «не мѣшайтесь, братцы; стало быть такъ начальство приказало, а я ничего не боюсь!»

— Это—новое доказательство его невинности, замѣтилъ становой, вопросительно смотря на меня.—Ну, что теперь дѣлать? рѣшайте.

— Поведемъ его къ Машѣ; если она не признаетъ, тогда отпустимъ. Разумѣется, мы не скажемъ, къ кому его поведемъ; посмотримъ, какъ онъ на нее взглянетъ.

— Идетъ! а покаместъ, сказалъ становой письмоводителю:—прикажите развязать страннику руки. Еще, пожалуй, жалобу на меня податьъ, подлецъ!

— Не безпокойтесь, неподастъ: я съ нимъ покончу и заплачу ему.

Когда мы вышли, у странника уже были развязаны руки, и онъ, рассматривая синіе рубцы, повыше кистей, умиленно говорилъ:

— Безъ вины претерпѣлъ, правое слово—безъ вины; ну, да што, коли самъ Господь нашъ, Иисусъ Христосъ, страдалъ, такъ нашему брату и Богъ приказалъ!

— Ну, теперь, сказалъ ему становой:—пойдемъ еще къ ворожкѣ; посмотримъ, что она тебѣ скажетъ.

— Къ какой ворожкѣ? поспѣшно спросилъ странникъ, оглядываясь на всѣ стороны и, увидѣвши меня (теперь только онъ меня замѣтилъ), заморгалъ сѣрыми какъ полуда глазами. Онъ узналъ во мнѣ того проѣзжаго, котораго видѣлъ на постояломъ дворѣ Трифоновны. Но, мгновенно оправаясь отъ замѣшательства, онъ шутливо сказалъ:—пойдемъ, ваше благородіе, къ ворожкѣ, пойдемъ; я не то къ ворожкѣ—готовъ хоть на судъ божій!

Отъ крыльца до квартиры Петренка провожала насъ толпа любопытныхъ; между ними много набралось и раскольниковъ, которые угрюмо поглядывали на истязанія ихъ святоши. Я пошелъ впередъ, чтобы предупредить большую. Маша сидѣла на кровати, а Софія Дмитріевна обвязывала ей мокрымъ полотенцемъ шею. Почти вслѣдъ за мною вошелъ и становой, ведя за руку странника. Онъ подвелъ его къ дверямъ и поставилъ за перегородкою.

— Маша, сказалъ Иванъ Ивановичъ:—посмотри, не онъ ли?—
Съ послѣднимъ словомъ онъ втолкнулъ странника въ свѣтку.

Неожиданность эта необычайно поразила Машу. Она въ ужасѣ вскрикнула и лишилась чувствъ. И странникъ никакъ не чаялъ увидѣть ту, которую считалъ уже мертвою; онъ вздрогнулъ, отшатнулся назадъ и закрылъ лицо руками. Въ то же мгновеніе—откуда ни взялась Авдѣвна; какъ бѣшеная, съ крикомъ, визгомъ, кинулась на странника и вцѣпилась обѣими руками въ его пушистую бороду. Софья Дмитріевна и діаконша хлопотали около Маши, вспрыскивали ее холодною водою, а мы выручали странника изъ рукъ разъяренной матери.

— Авдѣвна! кричали со всѣхъ сторонъ:—пусти, брось!

Но всѣ усилія наши были напрасны: руки Авдѣвны замерли въ бородѣ странника; она отбивалась отъ насъ ногами и даже укусила до крови мужа, который старался разнять ея руки. Одно средство оставалось высвободить бороду: это—отрѣзать тѣ космы, которыя были въ рукахъ Авдѣвны.

— Подайте ножницы, закричалъ становой:—скорѣй ножницы!

При этомъ требованіи странникъ *возмась масомъ велимъ*:

— Ваше благородіе, помилосердствуйте! не предавайте поруганію! пускай лучше вырветъ бороду!

Онъ съ силой сталъ рваться, билъ по лицу Авдѣвну, но Петренко и письмоводитель схватили его за руки. Нужно было попридержать и Авдѣвну, потому что, пользуясь беззащитнымъ положеніемъ странника, она впила зубами въ его щеку. Самъ Иванъ Ивановичъ совершалъ операцію; странникъ ревѣлъ, какъ будто его рѣзали тупымъ ножомъ. Визжала и Авдѣвна, разставаясь съ его бородою. Наконецъ удалось намъ ихъ разнять; несчастную мать, какъ совершенно помѣшанную, спеленали, а странника вывели на дворъ.

— Ну, что, душегубецъ, сказалъ ему становой:—и теперь, небойсь, скажешь, что не ты изнасиловалъ и душилъ дѣвчонку?!

— Не я, не я! вопилъ странникъ, одергивал бороду:—до страшнаго суда буду говорить—не я!... Дѣвчонка не при памяти, вскрикнула, бѣшеная баба изгрызла меня, такъ отъ эфтова ужъ я и виноватъ? Какія у васъ доказательства, гдѣ свидѣтели?... Всѣмъ извѣстно, что я изъ рогожскаго, никуда не заходя, прямо пошелъ въ климовскій кабакъ...

— Лжешь, перебилъ я:—вчера надвечеръ ты приходилъ на постоянный дворъ Трифоновы. Помнишь, когда хозяйка крикну-

ла: «становой ѣдетъ!» ты выпрыгнулъ въ окно и тетрадь еще обронилъ?

Мои слова совершенно смутили странника; растерявшись, онъ божился, оправдывался, но еще болѣе себя путалъ и судорожно хватался за воротникъ своего подрясника, какъ будто что отыскивалъ.

— Чтò онъ тамъ ищетъ? замѣтилъ становой:—Иванъ Васильевичъ, общи я его.

Письмоводитель ощупалъ воротникъ, потомъ перочиннымъ ножикомъ распоролъ его и вытащилъ листъ бумаги, мелко исписанный славянскими буквами. Я взялъ рукопись и прочелъ слѣдующее: «заговоры и заклинанія противъ судей судейскихъ, мірскихъ властей и всяческихъ чиновниковъ.» Дѣло объяснилось: глубокая увѣренность странника въ силу и дѣйствіе заговоровъ придавала ему смѣлость и спокойствіе чловѣка невиннаго, съ чистою совѣстью.

— Такъ вотъ почему, вскричалъ становой: — ты показался намъ непорочнымъ агнецемъ?... Вотъ на какую штуку поддѣлъ, подлецъ? Такъ ты, значить, полагался на эти заговоры, словно на каменную стѣну?

— Аки на щить господень, отвѣчалъ уныло странникъ, свѣсивъ на грудь голову.—Пятнадцать лѣтъ носилъ ихъ, и въ какихъ передрыгахъ ни бывалъ, а по милости вседержителя остался здравъ и невредимъ, аки три младенца, вверженные въ пещь огненную. Товарищей моихъ плетями отшлепали, клеймы приложили, въ каторгу сослали, а меня сохранила царица небесная, аки зѣницу ока!

— Отчего же теперь прорвала тебя нелегкая?

— Согрѣшилъ окаянный, премного согрѣшилъ!... Съ еретичкой опоганился и прогнѣвалъ Господа! не потерпѣлъ грѣха, видимо не потерпѣлъ; ужъ я ли не душилъ ее, а ожила, колдунья!

Какъ мы ни прислушивались къ философіи старообрядцевъ, но выводы и разсужденія странника были невыносимы. Нужно было перевести его въ квартиру становаго, но пройти по улицѣ не совѣмъ было безопасно: вечерѣло, а старообрядцевъ собралась порядочная толпа. Шествіе наше устроилось слѣдующимъ порядкомъ: впереди шелъ я, съ уральскимъ казакомъ и разсыльнымъ унтер-офицеромъ; письмоводитель съ Петренкомъ вели за мною странника, на арканѣ, а въ арріергардѣ слѣдовалъ становой, съ тремя уральскими казаками, писцами и про-

чими домочадцами. Предосторожность наша была не лишняя: едва вышли мы изъ воротъ, какъ толпа надвинулась на насъ и громко заговорила:

— Ребята, надъ вѣрою згнушаются: бороды стригутъ!... Пускай голову перебрѣютъ, а бороды не тронь, законъ не велитъ!

— Прочь, бунтовщики! крикнулъ становой, выхватывая изъ кармана револьверъ (онъ постоянно носилъ при себѣ оружіе): —прочь! не то я вамъ, ротозѣямъ, буркалы повыстрѣливаю!

Казаки также взяли за пистолеты; Петренко вышелъ впередъ съ сжатыми кулаками. Раскольники очень не жалуютъ огнестрѣльнаго оружія; они говорятъ: «что де сатана выдумалъ его, на пагубу рода человѣческаго.» При первой угрозы толпа попятилась назадъ, нѣкоторые даже кричали: «наводятъ, наводятъ!» (то-есть, прицѣливаются). Когда мы подходили къ квартирѣ станового, возлѣ крыльца остановился экипажъ доктора.

— Это что за звѣръ? спросилъ докторъ, глядя на странника:—кто ему такъ расчесалъ бороду?

— Это мой пациентъ—отвѣчалъ становой: —а бороду-то ему расчесала новая парикмахерша, ваша пациентка. Отправляйтесь-ка къ Петренку, тамъ все увидите и узнаете!

Допросъ продолжался недолго, потому что странникъ во всемъ съ покорностью сознался. Его отвели въ острожекъ съ большою предосторожностью и помѣстили въ секретной камеркѣ, устроенной въ особомъ зданіи, тутъ же, при квартирѣ станового.

Отдѣлавшись, мы принялись разбирать рукопись, которая очень насъ заинтересовала своимъ заглавіемъ. Она состояла изъ семи заклинаній. Передаю ихъ слово въ слово.

I.

«Во имя океанъ моря, а среди того океанъ моря стоитъ столбъ желѣзный, на томъ столбѣ желѣзномъ сидитъ царь чугунный. Голова у него желѣзная, очи мѣдныя, а руки и ноги стальные. Подпирается онъ посохомъ свинцовымъ и тѣмъ посохомъ совращаетъ и сосмиряетъ недруговъ и супостатовъ, и супротивныхъ людей: судей судейскихъ и всѣхъ мірскихъ властей мужеска и женска пода, колдуновъ и колдуній, еретиковъ и еретицъ. Словъ стрѣчу неприятную и поперечку всякую, и противъ всякаго райскаго, злаго человѣка, двойна на тройна, на два въ зубы, три зуба, двѣ головы, три головы, плѣшваго, ли-

зальнаго, всякаго райскаго человѣка, сосмиряеть и укрощаетъ гнѣвъ и ихъ сопротивныя слова, и всякія злыя порчи. И я, рабъ божій Антипъ (*), поклонюся царю чугунному, и царь чугунный сокрушитъ и сосмирить у недруговъ и супостатовъ гнѣвъ и ярость и сопротивныя слова, у судей судейскихъ и у всѣхъ мірскихъ властей, и райскаго человѣка, чтобы на меня, раба божьяго Антипа, гордымъ окомъ не глядѣли и злые помыслы не помышляли, во вѣки вѣковъ, аминь.»

II.

«Въ синемъ морѣ океанѣ лежитъ синъ златый латырь камень, на томъ златомъ латырѣ камнѣ лежитъ тѣло мертвое, надъ тѣмъ тѣломъ мертвымъ стоитъ синъ облакъ, надъ тѣмъ синимъ облакомъ летаетъ мужъ синъ. Тотъ синъ мужъ изъ луновъ стрѣляетъ стрѣлами калеными, во враговъ и во всѣхъ сопротивныхъ людей, мужеска и женска пола. Стрѣлай ихъ мужъ синъ, съ права и съ лѣва, въ глаза и въ буйную голову, и противъ сердца ретиваго; и руки ихъ на розно разбивай, чтобы руки ихъ не владѣли и сопротивнаго не творили. И я, рабъ божій Антипъ, поклонюся синю мужу. Бей и стрѣлай синъ мужъ: судей судейскихъ и мірскихъ властей, мужеска и женска пола. Стрѣлай ихъ въ правое и лѣвое око, чтобы они гордымъ ономъ на меня, раба божьяго Антипа, не глядѣли, стрѣлай въ правыя и лѣвыя ихъ руки, чтобы руки ихъ на меня не подымались. Аще же кто восхоцетъ зломыслить на мя и судити мя, тотъ буди мертвъ на камнѣ. И я, рабъ божій Антипъ, поклонюся синю мужу сими словами: синъ мужъ, запри злое сердце и включь опусти въ море океанъ, надъ синъ златъ латырь камень; и какъ камень не vyplываетъ поверхъ воды, такъ и гнѣву не возставати на меня, раба божьяго Антипа, во вѣки вѣкомъ, аминь.»

III.

«Благослови, Господи, рабу божію Антипу въйти на святую гору Господню. И поклонюся я святому Господу Ісусу Христу, царю небесному, и матери Господней, царицѣ небесной, владычицѣ пресвятой Богородицѣ, и поклонюся святымъ евангелистамъ: Марку, Лука, Матвѣю и Іоанну; они мнѣ, рабу божію Антипу—заступ-

(*) Странникъ назывался Антипомъ.

ники и помощники отъ судей судейскихъ и всѣхъ мірскихъ властей, мужеска и женска пола; отъ ябедниковъ, наговорниковъ, взяточниковъ, еретиковъ, колдуновъ и колдуній. Кто можетъ противиться противъ пресвятыя Богородицы, и противъ Іоанна крестителя Господня, и Іоанна Богослова? И я, рабъ божій Антипъ, поклонюся Іоанну крестителю и Іоанну Богослову, да будутъ мнѣ защитники противъ судей судейскихъ и мірскихъ властей, и всяческихъ чиновниковъ, и ересныхъ и потаенныхъ словъ, и отъ взятки и призору избави. И кто можетъ противиться противъ раба божія Антипа, и пресвятыя Богородицы, и Іоанна крестителя, и Іоанна Богослова? И како кто можетъ противиться противъ праведнаго солнца, такожде не могли бы противиться противъ раба божяго Антипа судьи судейскіе и мірскія власти, и всяческіе чиновники, мужеска и женска пола. И не могли бы взирать на него косымъ окомъ; кто же захочетъ творить ему зло противно, тотъ буди нѣмъ, глухъ и слѣпъ, во вѣки вѣкомъ, аминь.»

IV.

«На синемъ океанѣ морѣ лежитъ синъ золотой латырь камень, а на томъ золотомъ латырѣ камнѣ сидитъ красна дѣвица. И вѣдаетъ она читать и заговаривать отъ судей судейскихъ и мірскихъ властей, и отъ всѣхъ сопротивныхъ людей, мужеска и женска пола: отъ колдуновъ и колдуній, еретиковъ и еретицъ, отъ взятки, отъ призору и наговору. И я, рабъ божій Антипъ, поклонюся красной дѣвицѣ: заговори меня, красна дѣвица, отъ судей судейскихъ и мірскихъ властей, отъ ябедниковъ, наговорниковъ и взяточниковъ, отъ встрѣчныхъ, поперечныхъ, хвостобезстыжихъ и отъ всякаго лихова слова. И еще помолюся я, рабъ божій Антипъ, красной дѣвицѣ: красна дѣвица, затвори гнѣвъ и ярость, лихое и супротивное, чтобы судьи судейскіе, и мірскія власти, и всяческіе чиновники, мужеска и женска пола, не могли бы на меня, раба божяго, злобно и гнѣвно взирать, когда я вступлю въ судъ и палату, да очи ихъ залипались бы, а руки не подымались бы на поражение, а ноги бы ихъ подломились, а гнѣвъ и ярость были бы мертвы, и на меня, раба божяго Антипа, не могли бы зрѣти, какъ на праведное солнце, во вѣки вѣкомъ, аминь.»

V.

«Въ чистомъ полѣ есть небо мѣдное, а подъ небомъ мѣднымъ—земля желѣзная. Какъ отъ неба мѣднаго нѣтъ ни росы,

ни дождя, такъ отъ земли желѣзной нѣтъ ни плода, ни воды, ни крови. И тако, да не будетъ на меня, раба божія Антипа, ни гнѣва, ни сердца, ни злаго помысла отъ судей судейскихъ, и мірскихъ властей, и всяческихъ чиновниковъ, мужеска и женска пола, еретиковъ и еретицъ. И такъ какъ грянетъ громъ и молнія сожигаетъ землю, тако испужаются и пожгутся судьи судейскіе и всѣ мірскія власти, и всяческіе чиновники, мужеска и женска пола. Кто же восхощетъ противъ меня, раба божьяго Антипа, злоумствовать, тотъ буди камень, а кто убити, тотъ буди мертвъ. Есть древо безъ корней, безъ сучьевъ и безъ листьевъ, а на томъ древѣ сидитъ птица безъ головы, безъ перьевъ, безъ крыльевъ и безъ хвоста, а также безъ гнѣва, безъ сердца и безъ воли—и да будутъ такими судьи судейскіе, мірскія власти и всяческіе чиновники мужеска и женска пола. еретики и еретицы, во вѣки вѣкомъ, аминь.»

VI.

«Поклонюся и помолюся я, рабъ божій Антипъ, святителю Николѣ чудотворцу. Буди мнѣ скорый помощникъ и заступникъ, отъ судей судейскихъ, и мірскихъ властителей, и всяческихъ чиновниковъ, мужеска и женска пола; о избави мя, раба божьяго Антипа, отъ суда, гнѣва, ябеды, взятки и призора. И како, святителю отче Никола, избавилъ еси трехъ дѣвицъ, откуда извелъ сына Агрипова и агрипинскаго князя, тако избави мя погубленіемъ судей судейскихъ и мірскихъ властей, и всяческихъ чиновниковъ, мужеска и женска пола. Чудотворче, отче Николае, молюся тебѣ, буди мнѣ помощникъ и заступникъ, и како избавилъ еси трехъ вдовъ отъ великаго плача, тако избави мя, раба божьяго Антипа, отъ судей судейскихъ и мірскихъ властителей. И ты, Господи, утвердивый небо и землю и всю бездну, утверди словеса и заговоры раба твоего Антипа, ты же камни, кости и булата и сребра, и злата, противъ судей судейскихъ, и мірскихъ властителей, и всяческихъ чиновниковъ, мужеска и женска пола, во вѣки вѣкомъ, аминь.»

VII.

«Бѣсе рыный, бѣсе смрадный, бѣсе огненный, бѣсе яглистый! По силѣ, по праву заговора-приговора, заворота-приворота,

явитесь предъ мною, какъ листъ передъ травой; и защитите, и сбережете меня, раба божьяго, Антипа, отъ судей судейскихъ, и мірскихъ властителей, и всяческихъ чиновниковъ, мужеска и женска пола. Бѣсе смрадный, ослѣпи и омрачи разумъ судей судейскихъ, мірскихъ властителей и всяческихъ чиновниковъ; бѣсе огненный, сожги ихъ сердце и совѣсть; аще же что злое умыслить на меня, раба божьяго, Антипа, то, бѣсе иглистый, исколи утробу судей судейскихъ и мірскихъ властителей, и всяческихъ чиновниковъ, мужеска и женска пола; бѣсе рьяный, стяни жилы ихъ корчами и узлами нераспутными, во вѣки вѣковъ, аминь.»

— — —

Прочитавши эту ерунду, мы долго смѣялись; но все таки, рассуждая объ убѣжденіяхъ, какъ вѣра спасаетъ, пришли къ тому заключенію, что эти заговоры и заклинанія имѣли для странника дѣйствительную силу, пока онъ не усомнился въ ихъ цѣлости и не сталъ ощупывать своего воротника, чѣмъ подалъ поводъ къ обыску и открытію рукописи.

Докторъ возвратился отъ больныхъ и принесъ вѣсти не совсемъ утѣшительныя. Машѣ поставили къ шеѣ пиявки, а матери открыли кровь, и рѣшеніе о ихъ выздоровленіи откладывалось до девятаго дня.

Думали спокойно провести ночь, но въ Гуслицѣ этого не случается. Я спалъ въ одной комнатѣ со становымъ, и насъ нѣсколько разъ будили. Часу въ первомъ принесли летучку (*); на зарѣ дали знать, что арестанты взбунтовались; а едва разсвѣло, весь домъ поднялся на ноги, потому что становой съ докторомъ должны были ѣхать верстъ за десять, для освидѣтельствванія мертваго тѣла.

Передъ отъѣздомъ я зашелъ навѣстить больныхъ. Машѣ замѣтно было лучше, но мать все еще не пришла въ себя. Когда я подошелъ къ ней, она подавала мужу платокъ, въ которомъ были завернуты космы отъ бороды странника.

(*) Летучкою называютъ конвертъ съ перышкомъ на печати. Перышко это означаетъ, что конвертъ заключаетъ въ себѣ особенной важности распоряженіе, которое надобно доставить какъ можно скорѣе.

— Возьми, Прокофій Петровичъ, говорила она:—возьми; когда я умру, положишь эти волосы въ мой гробъ!

— На что? спросилъ съ недоумѣніемъ Петренко.

— По этимъ волосамъ, шептала она таинственно:—я отыщу его на страшномъ судѣ и пойду съ нимъ на судъ божій!

Петренко взялъ молча платокъ и отошелъ встороню.

— Богъ съ нимъ, сказалъ онъ мнѣ уныло:—пусть теперь законъ его судить, а я его прощаю—только бы Господь сохранилъ мою Марусю и жену... Ну, ужъ и сторонка здѣсь! я думаю, въ цѣломъ свѣтѣ подобной не отыщется, и народъ—такой все *запеклый*... Признаюсь, не хотѣлъ я сюда ѣхать; все на родину тянуло, въ роменскій уѣздъ; тамъ у меня въ м. Смѣломъ и хата и левада, и родичей довольно; такъ жена не хотѣла: «не поѣду, говорить, къ безмозглымъ хохламъ». Какъ это несчастіе съ нами приключилось, такъ здѣсь и заговорили, что это Богъ ее за то и наказалъ, что мужа не послушалась; врутъ: еслибъ я ужъ очень захотѣлъ, то она бы поѣхала, а то вижу, что ей не хочется—и самъ не настаивалъ. Она у меня—покорная и добрая жена, даромъ, что москowska!

Изъ Гуслицы я отправился въ Егорьевскъ, а оттуда—на Богородицкъ; черезъ мѣсяцъ только возвратился въ Москву. Въ числѣ писемъ, которыя получились въ мое отсутствіе, было одно и отъ Ивана Ивановича. Увѣдомля меня о разныхъ служебныхъ дѣлахъ, онъ заключилъ свое письмо слѣдующей припиской:

«Слава богу, Маша совершенно выздоровѣла, а бѣдная ея мать умерла отъ воспаленія въ мозгу. Петренко собирается на родину: большая для меня потеря.»

Подъ числомъ и годомъ, гдѣ обыкновенно обозначается городъ или селеніе, откуда пишется письмо, было отмѣчено: «проклятая Гуслица».

АЛИСОНЪ ОТОРОЖИННО.

1867 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КЪ СТАТЬѢ ИЗЪ «ПОРТФЕЛЯ ЧИНОВНИКА».

I.

СОВОРНОЕ ДѢЯНІЕ АВСТРІЙСКАГО СОВОРА, ВЪ ВЪЛОКРЬНИЦКОМЪ МОНАСТЫРѢ БЫВШАГО 1846 ГОДА (*).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Началось соборное дѣяніе въ Вѣлокрьницкомъ Монастырѣ 28 октября 1846 года въ день недѣльный, по полудни слѣдующимъ образомъ.

Въ храмѣ Покрова Пресвятыя Богородицы, послѣ всенощнаго бдѣнія и святыя литургіи, на амбонѣ, на убраномъ аналоѣ, положено было святое Евангеліе, съ предстоящею возженною свѣщою по обѣимъ сторонамъ; отъ амбона вдоль церкви, для засѣданія присутствующимъ, поставлены во многомъ числѣ стулья, а посрединѣ на другомъ аналоѣ положена Кормчая книга, притомъ же првготовлены и другія многія книги, на случай справокъ въ божественномъ писаніи. Симъ тако устроенномъ, по троекратномъ удареніи въ колоколъ, собравшіеся люди за священникомъ и настоятелемъ всѣ съ благоговѣніемъ взошли въ церковь, и по обычномъ началѣ сѣли на првготовленныхъ мѣстахъ. По одной сторонѣ въ началѣ сѣлъ настоятель монастыря инокъ Геронтій, со всѣми своими соборными старцами и прочими инованами, а на другой также въ началѣ сѣлъ священно-инокъ Иеронимъ, за нимъ уставщикъ бѣлокрьницкія церкви Киріакъ Тимоѣевъ, потомъ отъ Молдавіи депутаты, йсскіе купцы, Никифоръ Понкратевъ, и Яковъ Ивановъ Желѣзняковъ, и Логинъ Андреевъ, и далѣе прочіе депутаты отъ своихъ слободъ бѣлокрьницкіе, климущіе, соколипскіе и михидрецкіе. Прочіе же единовѣрные наши христіане, собравшіеся съ окрестныхъ слободъ, въ безчисленномъ множествѣ предстоали съ угнетеніемъ, наполнили всю церковь и притворъ даже съ невидѣтельностью.

Молчанію бывшу, абіе возставъ настоятель и сотворивъ Ісусову молитву, возгласилъ ко всѣмъ, указуя перстомъ на св. Евангеліе: «Отцы святини и братія и вси православные христіане! Видѣте св. Евангеліе, вонмите, яко самъ Христосъ и праведный судія посрединѣ насъ присутствуетъ, то убо должны мы разсуждать и стровѣть предлежащее дѣло безъ всякаго лицемерія сообразно святымъ писанію и согласно волѣ божіей.

(*) Къ соборному сему дѣланію отъ присутствующихъ поручено подписать, отъ монастырскихъ етхимъ, настоятелю иноку Геронтію, отъ депутатовъ всѣхъ обществъ, иноку Іерею Иерониму, кои своеручно и подписали и монастырскую печать приложили.

«А именно: приступающаго нынѣ въ наше древле истинное православіе, отъ нынѣшнягъ греческой религіи, господина высокопреосвященнѣйшаго митрополита Амвросія, конимъ чиномъ принять долженствуеть!»

Соборъ отвѣчалъ: отворите и предложите на среду, какіе есть во святомъ писаніи по сему предмету правила святыхъ соборовъ, какіе примѣры отъ собывшихся древле православной церкви святоподобій.

Настоятель повелѣлъ иноку Павлу предложить и вычитать собору краткое соображеніе, которое напредъ сего представлено въ свѣтъ славскимъ отцамъ, для таковаго же соборнаго разсужденія, обще со всѣми тамошними задунайскими обществами, о разныхъ вѣрахъ за ереси осужденныхъ, отъ которыхъ дѣйствуемое крещеніе, и хиротонія въ православную церковь въ пріятію есть достойны, и еще раскрыть Кормчую книгу, и вычитать собору всѣ святыхъ правила, которыя касаются до сего предмета, и сообразить съ настоящимъ нашимъ дѣломъ, какой чинъ въ принятіи реченнаго господина митрополита будетъ правильнѣе соответствовать.

Реченный инокъ Павелъ, такое настоятельское дѣло повелѣніе при помощи божіей исполнилъ, въ полной мѣрѣ, такъ что для всякаго, со вниманіемъ слушающаго, ясно и внятно; при томъ еще представлено было дѣяніе и задунайскаго собора, которое списалъ и доставилъ въ монастырь бывшій лично на томъ соборѣ инокъ Ануфрій слѣдующаго содержанія:

«Соборное дѣяніе, отъ собравшихся въ задунайскомъ скиту, 23 іюня 1846 года, отъ всѣхъ отцовъ и братій и всѣхъ задунайскихъ старовѣрскихъ обществъ, Серажовой, Славы и Журиловой, и прочихъ, въ силѣ представленнаго отъ повѣренныхъ монастыря оного правилъ соображенія со испрошеніемъ на то безпристрастнаго разсужденія учинено мнѣніе со стороны собора слѣдующее:

«Яко разсмотря всѣ святыхъ церковныхъ правила касательно принятія нынѣ греческаго митрополита Амвросія признали правильно дабы сдѣлать принятіе, третьимъ чиномъ, согласно чему правило вселенскаго собора, и 69 и 70 кареагенскаго собора, при томъ же еще явствуеть отъ житія св. Саввы Освященнаго и Максима Исповѣдника. Яко Савва Освященный принималъ отъ ереси севиоровъ патріарха Іоанна (зри Четвымины декабръ 5), а святыи Максимъ Исповѣдникъ отъ ереси единовольныхъ патріарха Пирра и Θεодосія епископа и на седьмомъ вселенскомъ соборѣ при патріархѣ Тарасіи, многіе епископы отъ иконоборства приняты, 3-мъ чиномъ (зри февраль 25) и послѣ седьмаго вселенскаго собора патріархъ Меѳодій во второе иконоборство православіе исправилъ, тоже однимъ только провлатіемъ ереси, но даже и въ самой Россіи подобный былъ таковой случай, такъ явствуеть въ Четвыминахъ макарьевской, августа мѣсяца, листъ 43-й, что Даніилъ епископъ (отступилъ отъ Сидора) берестянский, поставленный отъ Исидора митрополита латинскими родомъ, который принималъ хиротонію отъ папы римскаго. А когда Даніилъ епископъ отступилъ отъ Исидора и принять Іоною кievскимъ митрополитомъ 3-мъ чиномъ, тогда еще нужды никакой не предвидѣлось, но у насъ те-

перь есть благословная нужда, потому за случай а не обдержно, да и за уваженіе столь великаго лица надлежитъ принять сего митрополита 3-мъ чиноу, всеобдержное же принимаеніе отъ ереси какъ былъ у насъ донинѣ, такъ и навсегда да останется въ своей силѣ; такъ всѣ соборные старцы заключили.»

Наконецъ отецъ Маварій, настоятель, предложилъ собору свое мнѣніе: чтобы ради многихъ немощныхъ и обширно писаніе невѣдущихъ приобыкшихъ же къ священникамъ, которые всеобдержно принимаемы суть 2-мъ чиноу, также принять и нынѣ приступающаго въ наше православіе греческаго митрополита, тѣмъ же вторымъ чиноу, и то если онъ не тяжко себѣ вмѣнить на сіе соизволить. На томъ и всѣ положились. О таковомъ дѣяніи поручено было ипоку Аркадію, бывшему настоятелю Лаврентьева Монастыря, отъ лица всего собора имянно извѣстити было Крыницкій Монастырь, который немедленно и учинилъ.

По выслушаніи всѣхъ правилъ дѣянія славскаго собора, Молдавіи депутаты, помолчавъ мало и посовѣтовавъ между собою, возгласили ко всему собору: не лучше ли учинить такъ, какъ положилъ мнѣніе славскаго собора настоятель, на чемъ положился и весь соборъ задунайскій, дабы ради многихъ немощныхъ обширно невѣдущихъ въ писаніи, приступающаго нынѣ въ наше православіе греческаго г. митрополита Амвросія принять вторымъ чиноу. Но бѣлокриницкіе депутаты и весь народъ, слышавшій соображеніе по прочтаннымъ правиламъ и яснымъ святоподобіямъ самымъ дѣломъ въ древле православнои церкви собывшемся, желая конечно положиться, дабы припаче г. митрополита учинено было 3-мъ чиноу. Изъ числа же депутатовъ молдавскихъ Логинъ Андреевъ приступилъ къ настоятелю предъ всѣмъ соборомъ благочинно, предложилъ свое мнѣніе, что онъ принятіе г. митрополита 3-мъ чиноу сообразно правиламъ св. отецъ и собывшимся святоподобіямъ признать вѣстину правильнымъ, но однако иѣтъ ли какаго средства, чтобы учинить припаче 2-мъ чиноу, а на томъ бы можно утвержаться святымъ писаніемъ безпогрѣшительности, тогда бы соборное наше дѣйствіе согласовало и съ прежнимъ всеобдержнымъ обычаемъ, какъ мы уже издавна принимаемъ священниковъ и успокоимъ бо совѣсть прочныхъ единовѣрныхъ нашихъ христіанъ, не могущихъ участвовать въ теперешнемъ нашемъ соборѣ о тонкомъ понятіи; каковой ради вини, и задунайскій соборъ рѣшился, чтобы согласить г. митрополита подъ второй чинъ, если ведетъ возможнее. На сіе настоятель абіе отвѣчалъ съ подтвержденіемъ и прочихъ ипоковъ, что принятіе г. митрополита и 2-мъ чиноу погрѣшности не составитъ, но только обнаружится одна наша неуважительная жестокость, на которую не видно подобнаго образа, въ цѣломъ христіанскомъ вѣкѣ, ибо для всѣхъ хотя бы и простыхъ, о приходящихъ отъ ересей въ православіе столь важное въ древлѣ вселенской святой церкви положено снисхожденіе, что даже и крещенія подлежащихъ, но за единъ стыдъ облаженія ради повелѣно принимать безъ покрещеванія, какъ глаголетъ 1-е правило во отвѣтахъ святѣйшаго Тимофея архіепископа александрійскаго. Кормчая глаго-

леть (61-я листъ 606), а колыми паче столь великимъ лицамъ присту-
пающимъ въ истинное православіе всегда оказываемо было снисхож-
деніе, не только отъ священниковъ: какъ то Саввы Освященнаго и Ма-
ксима Исповѣдника, но даже и отъ самихъ патріархъ, Тарасія и Ме-
тодія цареградскихъ, и наконецъ въ самой Россіи Даніилу епископу
поставленному отъ Исидора родомъ латинщика, святой Іона митро-
политъ изъяснилъ снисхождение — принявъ 3-мъ чинномъ и позволялъ
ему служить и хиротонисать, яко истинному святителю, о чемъ за-
свидѣтельствовано въ великой Четвыминей макарьевской; но что ка-
сается до правилъ и безпогрѣшительной возможности, дабы возможно
было г. митрополита, еще самъ сонзволить, принять *вторымъ* чинномъ,
и о томъ есть безсумнительныя свидѣтельства: а именно—по 8-му
правилу 1-го вселенскаго собора, въ толкованіи коего прясно гла-
голетъ слѣдующее: отъ приходящихъ еретикъ ко святой Божіей со-
борней апостольской церкви: ови убо крещени бывають совершенно,
другіе же иже токмо муромъ помазуются: нии же токмо проклинають
своя нныя ереси вси, сии же глаголеміи чистіи прельщени бывше въ
такову ересь отъ Навата пресвитера римскія церкви, отъ него же
и чисти наречени бывше, того ради понеже не приѣмлють покаянія
обращающихся отъ грѣхъ, и 2-е женитися возбраняють, двоеженца
отнюдь не приѣмлюще на общеніе и таковыя еще приступаютъ ко свя-
той соборней апостольской церкви, псповѣдять двоеженца приѣмати
на общеніе и не хулити 2-го брава и согрѣшающихъ и кающихся
прощати грѣхи, просто рещи всѣмъ церковнымъ послѣдующе пове-
лѣніямъ свою ересь прокленше и ныне вси, пріяти да будутъ, и толь-
ко святымъ муромъ помазутся, еще же отъ нихъ суть и епископи
паки во своемъ чинѣ да прибываютъ, до здѣ Кормчая, листъ 35, тому
же согласно въ книгѣ Никіфора патріарха отъ правилъ соборныхъ и
въ патріаршемъ греческомъ Потребникѣ, иже хранится въ Москвѣ на
печатномъ дворѣ, въ чинѣ пріятія отъ еретикъ явствуетъ сие, сии
второю чина еретицы 2-я не покрещеваются, но тоцію прокленше
ереси помазуются святымъ муромъ, приѣмлются, еще же отъ нихъ
хиротонисаніи во своемъ чинѣ да пребываютъ. Нѣцки же аки забыв-
шись о преждедеченныхъ святыхъ, преподобнаго Саввы Освященнаго
и Максима Исповѣдника, еще вопрошаш, можетъ ли священникъ при-
нять епископа, когда по церковномъ указаніи меньшій отъ большаго
благословляется?

Отвѣтъ на сіе положенъ слѣдующій: «Меньшій отъ большаго благо-
словляется безпрекословно по тому же церковному указанію, и мень-
шій большаго даже связуетъ и разрѣшаетъ, какъ то самой высочай-
шей степени святѣйшимъ патріархомъ духовные отцы, тоцію суще
священники епитиміи налагають и прощаютъ, власть бо имѣють ва-
зати и рѣшати. Разнь бо убо есть по части епископа токмо отъ
іерея строенія ради чиновъ, какъ свидѣтельствуется святая церковь въ
Кормчей, во главѣ 36-й, на листѣ 233-мъ, на оборотѣ, въ красныхъ
строкахъ сие: токмо яко не поставляетъ іерей, отъ епископа, разн-
ствуетъ, священство же совершенно имать, и святой Іоаннъ Злато-
устый утверждаетъ сие: Яко между епископомъ и пресвитеромъ ни

едино различіе бысть, понеже и пресвитеромъ достоятъ толико бо единымъ устроениемъ они высочайше суть, о чемъ свидѣтельствуется Толковый Апостолъ, на первомъ Посланіи къ Тимоѳею, на листѣ 913, да и по другому разсужденію, если бы святая церковь, идеже не сущу епископу не уполномочивали іереевъ въ принятіи священныя лицъ, приходящихъ отъ еретикъ равномошныя исправленіемъ и подаваніемъ благодати св. Духа на священнодѣйствіе, то всяко бы въ соборныхъ правилахъ и въ Номоканонахъ непремѣнно ограничила раздѣленіемъ, дабы принимать отъ ереси приходящихъ простолудниковъ іерею, а хиротонисанныхъ архіерею. Но какъ сіе раздѣленіе нигдѣ во святомъ писаніи не видѣтся и даже не слышится, кромѣ всеобдержава изрѣченія принимать архіерею или іерею, зри въ Потребникѣ великомъ, въ чинѣ принятія отъ ереси приходящихъ, и папъ леодорскій соборъ, въ правилѣ 78-мъ еще глаголетъ: Приходя въ соборныя церкви, вѣру исповѣсть предъ епископомъ или пресвитеромъ, Кормчая, глава 10 и 17-я, тоже самое подтверждаетъ и преподобный Никонъ Черной горы въ словѣ 63 на листѣ 563-мъ. Яко тѣмъ же чиномъ епископское есть пріятіе, и ни кто кому можетъ церковь правило нѣкое взыгати епископскаго ради, благодать же убо божія сугубо дѣйствуетъ, всеобдержно и смотрительно, яко же свидѣтельствуется дѣяніе святыхъ апостолъ, во главѣ 8-й зачалъ 18 и 21, и во главѣ 9-й зачалъ 21 Филиппу единому отъ семи діаволовъ крестившу некогда Самаріянъ, и ни на единого ихъ Духъ Святый сиnde. Точію крещени бяху, во имя Господа Ісуса; егда же придоша къ нимъ Петръ и Іоаннъ помолишася о нихъ и возложиша руки на ны и пріяша духъ Святый. А егда той же Филиппъ идѣ на полудне на путь сходящій отъ Іерусалима въ Газу и тамо крести каженника (такъ же и Ананія) егда же въздоша отъ воды, Духъ Святый нападе на каженника. Такожде и Ананія живый въ Дамаскѣ, ученикъ сый апостольскій, но егда крестившу ему Павла, сиnde Духъ Святый. Сему же разнству подобаетъ разумѣтися кіа суть вниши. Яко же не только обоимъ быти діаконамъ, но у единого и тогожде дѣйствіе различная явишася, чрезъ нихъ наипаче, какъ то, яко гдѣ присутствуютъ главнѣйшіе члены, тамо оставляется тѣмъ совершенства вещи показати, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, тамо благодать божія чрезъ посредство меньшихъ совершенство творить; священникъ же православный, чины строитъ, спрѣчь, хиротонисать не можетъ, но благодать священнодѣйствія имѣя совершенну и равну такову яко же имѣютъ епископы, архіепоскопы, митрополиты и самые патріархи, какъ гласитъ въ Великомъ Потребникѣ, на листѣ 318, потому всяко можетъ и самъ подати волею приходящему отъ вѣднѣйшей религіи, трепогружатно крещенному, какъ іерею, такъ и архіерею безъ всякаго сомнѣнія, яко же и Христосъ Предтеча: отложи всякъ страхъ крести мя волею пришедшаго, священнодѣйствующаго сему и преподобному Никону Черной горы въ книгѣ его словъ листъ 40,300 на оборотѣ. Яко отъ добродѣтели священнической издѣлывати все благодати есть, потому есть отверсти уста, вниши и даруетъ образъ точію исполняется. Помысли колько есть Іоанна, и Господа Ісуса Христа. Слышаще бо его глаголаше

требую отъ тебя крещенія, и имѣшь достоинъ отръшати ремень сапогу его. И пакы отъ исполненія его, мы вси прїяхомъ и благодать възблагодать. Но обаче и толику сушу по средѣ ихъ, при немъ духъ святый спиде, его не имѣяше Іоаннъ, а не прежде крещенія съ нисшелъ бысть, ниже Іоаннъ сотворимити ему, чesого убо ради ее бываетъ, да навькнеши, яко образъ Іоанновъ священникъ исполняетъ. ни единъ убо чelовѣкъ чelовѣка отстоитъ, елико Іоаннъ отъ Христа, но обаче при немъ спиде Духъ, да навькнеши яко Богъ вся дѣлаеть и творить.»

Наконецъ осталось дѣло за тѣмъ, что сей г. митрополитъ, имѣя здравый смыслъ, набожную душу и равно совѣсть, какъ онъ въ самомъ началѣ, такъ и въ продолженіе, и даже до сего настоящаго предмета, во всѣхъ статьяхъ по церковному преданію, кон не согласовали между насъ и греками; доколь не доказано ему будетъ отъ девятаго писанія и святоподобныхъ примѣровъ нитакъ на одну голову вновь ни за какое благополучіе склонить свою совѣсть не можетъ.

Но однако отцы монастырскіе вседушно пекущіеся, дабы при столь великомъ благодарованномъ священномъ источникѣ не отчуждить немощныя души отъ любви и единенія православныя нашей вѣры—за нихъ же Христосъ умерети изволилъ — предложили собору заключительное слово въ слѣдующемъ: 1. Если угодно будетъ всему богодухновенному собору положиться на всемогущій и спасительный промыслъ божій, да будетъ намъ въ знаменіе не пререкуемое. Предложимъ наше требованіе самому благодарованному нашему г. митрополиту: если онъ на *второй* чинъ согласить свою совѣсть произвольно, такъ угодно и божіей волѣ, а если отвергнетъ требованіе, яко ожесточенныхъ, тогда и мы отвергнемъ все малодушіе прочихъ и учинимъ его принять третьимъ чиномъ, яко Богъ изволивый. Тако на сіе вси до единого бывшіе на соборѣ единогласно возгласили: «воистину тако сотворить надлежитъ, да и воля божія намъ открыта будетъ!» И тако, воставше съ мѣстовъ своихъ, заповѣдали сотворить всенощное бдѣніе святителю и чудотворцу Николѣ, и вси единодушно предъ святымъ Евангеліемъ положили обычныи началъ и съ миромъ разошлись.

Наутріе въ поведѣльникъ, послѣ всенощнаго бдѣнія, настоятель съ нѣкоторыми отцами, взойдя въ келію къ митрополиту и по обычномъ (началѣ) поклоненія, предложили ему свое требованіе, дабы онъ себѣ благоволилъ присоединиться къ православной нашей церкви посредствомъ *второго чина*, то-есть: подъ мѣропомазаніе. Митрополитъ обратился къ Павлу веселымъ лицемъ и сказалъ: «видно и ты, Павелъ, глупой!» и абіе простерта была къ нему трогательная бесѣда благоговѣйнымъ образомъ, указуя примѣры, яко самъ Христосъ за немощные умерети изволилъ, добрый бо пастырь душу свою полагаетъ за овцы. Блаженный же Павелъ апостолъ зельный запретитель былъ іудейскихъ обычаевъ, но для мира и союза церковнаго повелѣтъ былъ отъ собора апостолъ сотворить обычай по іудейскому закону и обрѣзалъ ученика своего Тимофея, за случай святый Григорій Богословъ изволилъ оставить патріаршескій престолъ, да не будетъ его ради распря, а Іона пророкъ лучше съ корабля повелѣ себя бросить въ море. Митропо-

литъ внялъ силу словесъ ихъ, яко отъ божественнаго писанія суть, въ ту минуту возведе очи къ спасителевой иконѣ, и прозвнесъ изводительныя глаголы спсе:

«Аще Павелъ, запрещая обрѣзаніе, и допустилъ обрѣзать Тимофея, а Григорій Богословъ престолъ свой оставить соизволилъ, а Іона пророкъ жизнею пожертвовалъ, а ли не сотворю сего малаго прошенія для мира церковнаго на спасеніе многымъ? Твоя, Господи, воля да будетъ!» А къ настоятелю съ братіями обратясь сказалъ: «Изволяю на ваше предложеніе только съ тѣмъ, да будетъ свидѣтелемъ Богъ, если состоятъ какой въ этомъ грѣхъ, да будетъ на васъ, а я чистъ отъ такового». Отцы съ радостію на то согласовались, и точатся митрополитъ повелѣлъ начинать часы къ божественной литургіи; потомъ вскорѣ облачился въ святительскую мантию, и въ достопазномъ сопровожденіи вшелъ въ святую церковь со всѣмъ усердіемъ, аки елень на источники водные. Взойдя въ церковь, сотворилъ обычный началъ, такъ-какъ, съ 12 октября по 27 пребывая въ монастырѣ и обычая нѣсколько приспособляясь, отдавъ поклоны народу, взошелъ во святыя алтарь, и облачившись во святительскія облаченія, вышелъ изъ алтаря ставъ на амвонѣ, гдѣ приготовлены два аналоя рядомъ; на 1-мъ для митрополита положенъ списанный чинъ прокліатія ересей съ переводомъ на греческія литеры, а выговоръ словъ порусски, точно такъ какъ напечатано въ нашемъ потребникѣ, на другомъ же аналоѣ положенъ для священника раскрытый номоканонъ. Митрополитъ, стоя предъ царскими дверьми, началъ велегласно русскимъ языкомъ проклинать всѣ ереси, поелику онъ имѣлъ способность говорить послavianски и, кромѣ греческихъ литеръ, хотя босанское нарѣчіе, но почти во всѣхъ существенныхъ словахъ единоголасуетъ съ русскими словами.

При прокліатіи ересей принявъ себѣ въ отца духовнаго священника Іеронима, и, исповѣдавшись ему во святомъ алтарѣ, и помазуемъ былъ отъ священника святымъ муромъ. Окончавше же должное порядкомъ принятіе, священникъ отверзъ царскія двери и, вышедши на амвонъ, возгласилъ къ народу пристойное поздравленіе, объявля достоинство митрополита; митрополитъ же, по обычаю святительскому, пріемъ въ руки трикирію и дрикирію, трисвѣчіе и двусвѣчіе, во всѣмъ облаченіи святительскомъ выступилъ изъ царскихъ дверей, благословляя народъ прямо, церковь и по сторонамъ; пѣвцы же многолѣтне владыки.

Вотъ зрѣлище трогательное, и радость восхитительная, всемогущимъ промысломъ божіимъ нынѣ устроится, на что всѣ люди, всякаго возраста со слезами взирали, и каждый въ душѣ своей ощущалъ истинное удовольствіе, и всякъ изъ глубины сердца своего приносилъ благодареніе Господу Богу, явившему людямъ своимъ новому изранію мплость свою бо премногу, и подобно вѣчто евангельскому гласу многія себѣ повторяли: яко востигну блаженіи очи наши, что мы нынѣ видимъ, яже отъ многихъ лѣтъ не видѣли и отцы наши.

По семъ абіе священникъ, пріемъ благословеніе отъ святителя, началъ божественную литургію, и совершалось чинослуженіе по уставу; по окончаніи же литургіи, всеобщимъ соборомъ, съ подобною честію и пѣвствомъ проводили митрополита до келии его. Святитель же, обращая

предъ дверьми входа, благословилъ народъ и отпустилъ съ миромъ. Потомъ вси отцы и братія и многіе гости приглашены были въ настоятельской келіи на утѣшеніе и поздравленіе; по поздравленіи же въ трапезу на обѣдъ, и чѣмъ Богъ послалъ угощены и весь день праздновали во славу божію. Аминь.

II.

ПИСЬМО О ТОРЖЕСТВѢ ТОРЖЕСТВѢ.

Явися благодать божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ, усерднѣйшій здравле истинному рачителю благочестія.

Петръ Никитичъ!

Міръ вамъ и божіе благословеніе отъ лица святаго соборнаго апостольскаго церкви, со всѣмъ православнымъ вашимъ обществомъ. О преславномъ содѣланномъ на насъ недостойныхъ божіихъ благословеніемъ и чудесномъ посѣщеніи не можемъ умолчать, но честь имѣемъ съ Христъ любовь вашему обществу симъ увѣдомить: въ 3 день сего января, то-есть въ самый высокоторжественный праздникъ Богоявленія Господня совершилась у насъ высокоторжественная хиротонисація; господина вашъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Амвросій, согласно всевысочайшему рѣшенію, рукоположилъ намъ новаго архіерея изъ нашихъ здѣшнихъ урожденцовъ, пменемъ Кирила, намѣстникомъ митрополита и существенною титулою его епископомъ Майновскимъ (то-есть названіе опредѣлено ему епархіи уже въ Анатоліи майносеяскихъ некресовцовъ). Какое уже было великолѣпное того произведеніе, какое потомъ и преславное на водоосвященіе шествіе на Іорданъ, дѣйствіе даже исхони вѣка въ нашемъ здѣсь мѣстѣ въ публикѣ не бывало, и даже умотъ невоображаемое донинѣ мечтаемъ были ликовали старовѣрцы за духовенство свое безплодная смоковница, и нынѣ, о чудо, паче всякаго всѣхъ чаянія, священство у насъ яко финикъ процвѣтеть и яко кедръ въ Ливанѣ умножится, яви же господь преславное днесь, и для того, да перекутъ намъ къ тому азыцы, гдѣ есть Богъ ихъ, по да увѣдать, колико можетъ православныхъ вѣра и внутри церковномъ чиносовершеніи немиѣстимо здѣсь пояснить, но скажемъ нѣсколько хотя и виѣ церкви происходимомъ совершеніи архіерейскаго хиротонисанія и божественной литургии. Великолѣпно шли изъ церкви со всѣмъ освященнымъ соборомъ, митрополитомъ, новопоставленный архіерей и архимандритъ и съ ними по чину и прочіе священнослужители всѣ въ блестящихъ златотканыхъ облаченіяхъ, и множество въ полномъ чину иноковъ и православнаго народа; весь же монастырь покрытъ былъ безчисленнымъ множествомъ народа разныхъ сословій и языковъ, пронесшемуся напередъ слуху о произведеніи въ сей день новаго архіерея, со всей буковайской области съѣхавшихся, а когда встрѣтили при входѣ изъ вратъ ограды монастыря со ожидавшимъ уже на улицѣ другимъ хо-

домъ крестнымъ изъ слободской церкви, тогда вся улица какъ налита была разнаго сословія народомъ до крайняго утѣшенія, такъ есть ли бы начальникъ душепопечитатскою своею командою, въ подобіе мандармовъ, по распоряженію бывшаго здѣсь самого Баерона здѣшняго областного начальника не сдѣлали бы по всей улицѣ проходъ, то никакъ невозможно бы было, всему священному собору со иноками и прочей свѣтней дойти на устроенную площадь среди села, гдѣ уготованное мѣсто быть водоосвященію, устроились со иноками по надлежащему чину, и совершилось водоосвященіе великолѣпно, и все происходило благочинно, тихо и стройно. При таковомъ удивительномъ событіи, разные стекались языки изумленные, и кто бы изъ правомыслящихъ вида таковое преславное чудо событіе въ чувствіи души утерпѣлъ не пролить слезы радости и не воздасть бы благодареніе всемогущему Богу толпою удивившему на насъ милость? Премного поистиннѣй силенъ есть отъ камени воздвигнуть чада Аврааму и такъ давшее и сумнящемся и глаголющій: отъ Назарета можетъ ли быть что добро, нынѣ да воскликнуть едиными усты единымъ сердцемъ, съ нами, кто Богъ велій яко Богъ нашъ, ты еси Богъ творящій чудеса! Богъ нашъ на небеси и на земли, вся елика посхотѣ и сотвори. Для прибывшихъ же начальниковъ, и съ ними болѣе пятидесяти человѣкъ благородныхъ помѣщиковъ былъ изготовленъ кондитерами обѣдъ, на монастырскомъ гостинномъ дворѣ и между ограды сельской улицы расположенномъ; каковой обѣдъ тамъ происходилъ отъ полудня и до вечера, и огня, и даже нѣкоторые изъ господъ, прожили съ женами и ихъ взрослыми дѣтьми, заночевавши въ гостинномъ монастырскомъ домѣ, и только на другой день, съ неизъяснимымъ удовольствіемъ и великою благодарностію отправились во свояси. И такъ величайшее, паче всякаго для насъ отбренія, слава Богу перенесли и сей кажется единовременной житейской долгъ, чего необходимо требовалъ суетный миръ, о чемъ и святой апостолъ заповѣдалъ всѣмъ должное, ему же убо урокъ, урокъ... и прочее, по силѣ нашей отдали и всѣхъ усноковали. О происходившемъ же на гостинномъ дворѣ торжествѣ, невмѣстимо здѣсь описывать, а есть ли пожелаете изъ любопытства, то расскажутъ вамъ уста, нашъ подрачникъ Еронтіи, есть ли Богъ благословить ему у васъ быть, который дѣиствіемъ сего мѣсяца отправился въ русскіе предѣлы... Впрочемъ писать нужнаго не предвижу, какъ толькожелаемъ вамъ отъ Господа Бога всѣхъ блаженствъ временныхъ и вѣчныхъ, съ тѣмъ пребудемъ вѣрными присныя молитвенники Бѣлокрыницкаго Монастыря за отсутствіемъ архимандрита вѣнчая инокъ Дорожей съ братьями. 18-го января 1847 года. Митрополитъ въ Бѣлой Крыницѣ.

III.

Истинныя православныя вѣры блюстителю, вѣрному поборнику догматовъ святыхъ соборныхъ и апостольскихъ восточныхъ церкви; зельному прориздателю божественнаго писанія, ревнителю горняго Іеру-

салима, житія выскателю царствія небеснаго и прекраснаго селенія райскаго желателю, благочестія и добродѣлательствію рачителю, истиннаго православія и закона святыхъ отецъ отъ всея души хранителю и апостольскія восточныя церкви и вѣрному рабу истиннаго Господа Бога и Спаса нашего Ісуса Христа сына Божія всемилостивому государю и о Христѣ благотворителю Іоанну Александровичу.

Желаемъ вамъ получить отъ всевышнія десницы божія душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія, и о Христѣ радоватися навѣки нерушимо, лѣта ваша да усугубитъ Господь и благополучіе да водворится во вся дни живота вашего. Мы нижеименованные жителствующе по южной странѣ рѣки Дуная подъ державою турецкаго царства, по рекомендаціи вашего московскаго купца Симеона Евстегнѣича Слезкина, осмѣливаемся симъ васъ извѣстять о новопоставленномъ бѣлокрыницкомъ митрополитѣ Амвросіи.

А. Рожденіе его въ городѣ Юнусѣ, родомъ грекъ и отъ престола своего былъ удаленъ, за что именно, сего намъ неизвѣстно, а проживалъ безъ дѣйствія въ Царѣградѣ... а вблизи сего города Юнуса наши христіане не подалеку жителствовали и нинѣ по торговой части записывающіе часто бывають и очевидно нѣсколько разъ впадѣли греческое крещеніе, и свидѣлствуютъ подъ иконою, что въ грекахъ во Юнусѣ даже и по всей Греціи погружаютъ младенца до плеча іереѣ трижды, а потомъ изъ той же купели трижды обливаютъ безъ погруженія, и мы сему ихъ свидѣтельству несумѣнно вѣруемъ и васъ нашею совѣстію увѣраемъ, что истинно есть свидѣтельство.

Б. Прошедшаго года иноки бѣловрыницкіе, Павелъ и Алимпій, проѣзжали чрезъ нашу слободу и мы ихъ приняли по долгу христіанскому, кои намъ рекомендовали, что они посланы отъ московскаго общества и отъ петербургскаго, для отысканія благочестиваго епископа и мы на ихъ рекомендацію были согласны, и просили ихъ есть ли вамъ Господь да поможетъ, то не лишите и насъ сырыхъ къ христову стаду словесныхъ овецъ, а потомъ отъ нихъ не то что рекли оказалось.

Г. По отысканіи въ Царѣградѣ вышеупомянутаго митрополита Амвросія то же чрезъ нашу слободу проѣзжали и торжествовали у насъ двое сутокъ. Инокъ Павелъ намъ о митрополитѣ подробно изъяснилъ какими мѣрами могли его отыскать и увѣрялъ насъ, что дѣйствительно въ три погруженія крещеніе въ Греціи, а за обливаніе умолялъ, а по свидѣтельству нашихъ христіанъ, даже и отъ грекъ и болгаръ несогласно противъ Павлова увѣренія, какъ выше упомянуто, и увѣрялъ насъ совѣстію своею, что они между собою положились и росписались, чтобы митрополитъ по прибытіи въ Бѣлую Крыпцу и по принятіи по освященному правилу, обязался на третій литургіи поставити вмѣсто себя намѣстника, то есть епископа, а самъ долженъ удалиться на покой, а теперь мы видимъ по Павлову объясненію во всемъ несходственно.

Д. По принятіи господина митрополита чрезъ нѣсколько время извѣстили насъ въ Турціи письмомъ на имя Лаврентьева Монастыря игумена инока Арвадіи и того же монастыря инока Ефросима, кои объявили нашимъ слободамъ, и былъ у насъ соборъ на второй не-

дѣли святаго великаго поста, на которомъ сдѣлали положеніе повременить и узнать, во первыхъ, какъ московскіе христіане, а равно и стародубскіе и во всей Россіи и Бессарабіи и Молдавіи, какое во всѣхъ будетъ мнѣніе, но вышеупомянутые инокъ Аркадій и Ефросимъ и подобные имъ нѣкоторые инокъ изъ нашего скита, и изъ нашихъ слободъ миряне, не терпя о повремененіи и узнаніи, назначили второй соборъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, на которомъ и простыхъ людей къ себѣ мало склонили, и потому повторили свой соборъ въ маѣ мѣсяцѣ, и склонили къ себѣ слободы, а именно: Журиловку и Славу, а тѣмъ болѣе склонился простой народъ, ибо читали письма, въ коихъ упомянуто, что въ Москвѣ болѣе пятидесяти тысячъ и стародубщина вся, и прочіе всѣ христіане, во всей Россіи согласны къ митрополиту, и обязали всѣхъ подписками и сдѣлали условіе, чтобы епископа имѣть своего въ Турціи, и назначено ими соборъ послѣдній о избраніи епископа іюля и числа, на которомъ было множество народу изъ разныхъ мѣстъ, и изъ нашихъ со всѣхъ слободъ и изъ Молдавіи, даже божіимъ изволеніемъ былъ на соборѣ и нашъ московскій купецъ вышеупомянутой Симеонъ Евстегиичъ Слезкинъ, который самолично видѣлъ, и слышалъ, какое у насъ происходило неурядиство: первый нашъ вопросъ у вышеупомянутыхъ иноковъ, какъ Греція крещается, то можно ли отъ нихъ заняться священствомъ, кои намъ совершенно не доказали отъ божественнаго писанія, и былъ между нами не малый споръ, а за что именно, на семъ соборѣ открылось дѣло, что вышеупомянутые инокъ подписали насъ всѣхъ задунайцевъ на бумагѣ заочно согласными, и отослано въ Бѣлую Кореницу къ митрополиту, и открылось еще, что содержатъ у себя еретическія книги, и наши христіане за сіе дѣло остались на нихъ недовольными, даже кои были и согласными къ митрополиту, и подписками обязаны, нынѣ же не желаютъ, остались на старомъ положеніи, какъ прежде жили; согласныхъ къ нимъ мало что осталось, и намъ извѣстно, что господина митрополита обучаетъ русскому разговору цареградскій служивъ, то есть еретикъ, и литоргисуетъ при ономъ и при совершеніи таинствъ предстонтъ лично, и что дѣло очень кажется намъ дико, понеже не велитъ намъ христіаномъ сообщеніе имѣть съ еретиками... между тѣмъ прочитано было ими при повѣствованіи соборѣ выписку изъ потребнаго старопечатнаго Іова патріарха первопрестольнаго... Что есть ли то есть младенецъ нездравъ, сирѣчь при смерти, то подобаетъ его теплою водою правою рукою іерейскою, возливати на главу трижды, съ приглашеніемъ во имя отца и прочее... что совершенно принято вмѣсто трехъ погружательнаго крещенія и такъ по недовозанію Аркадія и Ефросима о грѣсахъ, соборъ нашъ и кончился и разѣхался по мѣстамъ.

Между тѣмъ временемъ вышеупомянутые инокъ, не взирая на наши слободы, назначали между собою сего же вышеупомянутого Лаврентіева Монастыря игумена Аркадія за епископа и выбрали священника и діакона тоже изъ иноковъ и отправились для постановленія къ митрополиту въ Бѣлую Кореницу іюля кг числа, а изъ нашихъ слободъ на сіе очень мало согласныхъ; и теперъ въ, милостивѣйшій государь

и о Христѣ благотворитель Іоаннъ Александровичъ, разсудите сей раздоръ церковный, будетъ ли въ семъ раздорѣ благодать Святаго Духа дѣйствовать или нѣтъ, и просимъ васъ Господа ради, есть ли къ вамъ будутъ отъ сего числа изъ Бѣлой Кореницы писмы въ Москву, или изъ за Дуная о постановленіи за Дунай епископа и будутъ васъ увѣрять, что задунайцы согласны, то не вѣрьте симъ письмамъ, Господа ради, понеже мы несогласны отъ греческаго патріарха за вышепоявленное греческое крещеніе, принимать священство.

При семъ же просимъ и молимъ васъ не презрите нашего къ вамъ неотступнаго прошенія возвѣстити о насъ сирыхъ наше снисхожденіе и чувствительность Андрею Марковичу и Кирилѣ Ермоланчу Каменостѣзцу и Федору Ефимовичу, коимъ желаемъ всѣхъ благъ и душевнаго спасенія, и объявите кому слѣдуетъ, за что вознаграждены будете отъ Бога въ здѣшнемъ житіи непзчетными дары, а въ будущемъ вѣдѣ сподоблены будете небеснаго царствія, молитвами Пресвятыя Богородицы, ибо мы запешіе изъ давнихъ временъ въ Турцію и божественныхъ книгъ мало у насъ имѣется, то Господа ради просимъ и молимъ васъ слезно, не презрите нашего къ вамъ слезнаго прошенія, воспишите къ намъ по полученіи сей еписistolіи, на которомъ ваши московскіе и прочіе вси христіане окрестные положеніи основываются и како разумѣютъ о семъ митрополитѣ и за упомянутое выше сего обливаніе младенческое, есть ли это правило въ Потребникахъ въ старопечатныхъ совершенное, и мы остаемся въ полной надеждѣ зная вашу ревность и тщаніе въ староблагочестіи сіающіи, получить отъ васъ на отвѣтъ извѣщенія, то-есть не оцѣненный даръ еписistolіи...

За симъ пребудемъ милостивѣйшаго государя, съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію и готовые къ услугамъ вашимъ навсегда задунайскіе некрасовцы, содержащіе въ себѣ древлегреческую и отеческую восточную церковь вѣтковскаго согласія христіане, славскаго большаго мужскаго свята иноки: инокъ схимникъ Іоаннъ, инокъ Галактіонъ, инокъ Іовъ, инокъ Исаакій, инокъ Ирнархъ, инокъ Тарасій. Сарыковскій атаманъ Памфілъ Васильевъ, уставляющій Михаилъ Ивановъ, Евтей Евстратьевъ, Петръ Акифьевъ, Іоаннъ Васильевъ, Кузьма Савиновъ, Карпъ Іаковлевъ, Козьма Васильевъ, Филиппъ Іаковлевъ, Сафронъ Арещевъ, Автомонъ Леонтьевъ, Іаковъ Фоминъ, Козьма Леонтьевъ, Николай Ивановъ, Козьма Ивановъ, Прохоръ Іаковлевъ, Андрей Лаврентьевъ, Дорофей Матвѣевъ, Родіонъ Алексѣевъ, Ефимъ Ивановъ, Афонасій Симеоновъ, Константинъ Димитріевъ, Антипъ Симеоновъ, инокописецъ славскаго общества... старики, устарѣвшіе Артемъ Давыловъ, Ефимъ Федосѣевъ, Платонъ Семеновъ, Михай Федоровъ, Василій Спиридоновъ, Іліа Алексѣевъ, Емеліанъ Петровъ, Ефимъ Филатовъ, Лазарь Фоминъ, Корней Николаевъ, Павелъ Кондратьевъ, Іоаннъ Николаевъ.

Этѣхъ года мѣсяца августа 4 дня.

IV.

ОКРУЖНАЯ ГРАМАТА.

Къ благовѣйнымъ пресвитерамъ и ко всѣмъ нашимъ христіанамъ ко извѣщенію истинны во отвращеніе беззаконной безпоповщины.

Православніи христіане.

Всѣмъ вамъ есть благоявлено, что одинъ есть истинный Спаситель нашъ Ісусъ Христосъ, едина есть истинная вѣра, едино крещеніе и едина святая соборная апостольская церковь. Въ прочемъ сколько есть и иныхъ на свѣтѣ вѣръ и ересей, хотя отчуждены отъ истинны, обаче исключая жидовъ и безпоповцевъ всѣ оныя, по крайней мѣрѣ имѣють нѣкій извѣтъ о себѣ, яко содержатъ предковъ своихъ: свои книги, и по онымъ, какъ заповѣдано, исполняютъ свой законъ. Но жида и безпоповцы содержатъ у себя книги, а предписаннаго въ оныхъ самаго главнаго закона, какъ тѣ, такъ и другіе, не исполняютъ, навпаче же противоборствуютъ, своимъ книгамъ. Тѣмъ убо всѣхъ еретиковъ древнихъ и новыхъ несчастіемъ своимъ превосходятъ. Жида, хотя мнятся вѣровати въ истиннаго Бога, и свято пророческія содержатъ у себя книги, но когда же главныхъ догматовъ въ оныхъ книгахъ предписанныхъ не содержатъ, и пророки возвѣщеннаго Спасителя Христа не приемятъ и не вѣрують, то ничтоже ихъ пользуютъ священныя тѣ книги, паче же яко безбожниковъ ихъ осуждають. Тако и безпоповцы, хотя мнятся вѣровати во Христа Ісуса и святоцерковныя книги у себя содержатъ, но когда же главныхъ догматовъ вѣры христовой, въ тѣхъ святоцерковныхъ книгахъ законоположенныхъ, не приемятъ и быти не вѣрують, то ничто же ихъ пользуютъ книги, паче же яко безбожниковъ и невѣрныхъ оуждають, якоже объявлять ясно нижеслѣдующія статьи о страшной ихъ пропасти и душевной гибели:

1.

Святое Евангеліе законополагають быти вмѣсто временнаго Вѣтхаго Завѣта, сирѣчь Моисеова, новому благодатному завѣту отъ самого Христа пастыри овцамъ великаго кровію завѣта вѣчнаго на тайной вечери установленному—сирѣчь тѣлу и крови христовой, якоже и апостолъ утверждаетъ въ 1 посл. къ Коринѣ., въ зач. 149, глаголи отъ лица Христова: сія чаша новыи завѣтъ есть о моей крови, сіе творите дождеже приидеть. А безпоповцы глаголють, яко то было, но уже погнбло, и нынѣ того нѣтъ; слѣдовательно, въ нихъ христова завѣта нѣсть, потому и стали они, невѣрующіе закону христову, горши всякаго еретика, сущіе безбожники и беззаконники, подобно жидамъ.

2.

Книга Соборная, во гл. 2-й, въ недѣлѣ мясопустную, Кирилла Александрійскаго, на листѣ 118, глаголетъ сице: иже божіи бывають и причастія святыхъ танихъ себѣ удаляюще вразіи божіи бывають и бѣсомъ друзи. Слышите, православніи, страшную и ужасную бѣду, чему удостоились безпоповцы отъ священника тоя книги, у нихъ самихъ содержимой, врагамъ божіимъ уподобилсъ, а самимъ бѣсомъ друзьямъ: то какое можетъ быть добро отъ враговъ божіихъ, паче отъ бѣсовскихъ друзей. Аще съ еретики смѣшиваться гнусно, кольми паче не подобаетъ примѣшаться къ бѣсовскимъ друзьямъ безпоповцамъ. Опаче они безпоповцы не исключились отъ самихъ еретиковъ, слышимъ наки отъ священнаго писанія въ нижеслѣдующемъ:

3.

Свидѣтельствуеть бо Матей правильникъ іерусалимскій въ книгѣ своей сост. 1-го въ гл. о еретикахъ, на листѣ 25-мъ, сице: еретики глаголюмъ быти всѣхъ непричастающихся отъ священниковъ во святѣй божіей церкви, на сіе безпоповцы вакой отвѣтъ дадутъ не только Богу, но хотя человѣкомъ? Во истину безотвѣтны.

4.

Заграждають бо ея тѣхъ безпоповцевъ уста и посрамляются тѣхъ лица за отверженіе преданной Христомъ Богомъ, тайны священства. Унѣ есть всему міру погибнути, нежели священству и спасаемымъ небыти. Свидѣтельствуеть киръ Гавріилъ митрополитъ филадельфійскій въ кн. о 7-ми тайнахъ сице: якоже бо душа въ тѣлѣ, тако и священство въ мірѣ, безъ священства спастися невозможно. Также и Вел. кат. глаголетъ во гл. 72 о тайн. Сіе же и Петръ Дамаскинъ въ концѣ 1-й кн. глаголетъ сице: аще не отверзутся двери царствія небеснаго священнодѣйствіемъ, никто же можетъ въ не внити.

5.

Книга о правой вѣрѣ, которую безпоповцы знаменитѣйшею почитаютъ, та самая мертвотушна же ихъ быти осуждаетъ; зри въ гл. на лист. 54, гдѣ пишетъ сице: въ древнемъ законѣ Господь Богъ повелѣ, иже кто прага въ дому своего не помажетъ кровію агнца, въ такомъ домѣ ангелъ первородныхъ убиваше. Тако и въ новой благодати это кійждо до сего истиннаго и единого себѣ за насъ жертву принесшаго агнца божія кровію предражайшею не можетъ усть дому своего, въ таковомъ коеуждо первородная душа его жива быти не можетъ. Доздѣ отъ Книги вѣры.

6.

Таже Книга вѣры образовательною притчею нѣкоей птицы именуемой несити пустынной и самими крѣпкими евангельскими глаголы,

яко трубою всегда вопіетъ къ безпоповцамъ, пробуждая ихъ чувства, дабы воскресить ихъ умершія души. Но они востанну аки мертвецы та же мало чувтъ. Мы же васъ, православніи, во истинной вѣрѣ утверждаемъ и сію важную притчу въ нижеслѣдующемъ изъясняемъ: во псал. 101-мъ о упоминаемой птицѣ неясны пустынной (по свидѣтельству естествословцевъ), отъ которой птицы, егда рождаются, птенцы абіе отъ змѣи наблюдающаго ихъ тайно до смерти уязвляются, по сама неясны, егда увидятъ птенцы своя мертвы, тогда раздраетъ своя перси и кровію ея, котораго птенца нація окропить, абіе оживотворить, лишенные же крови птенцы мертвыми изгниваются. Такимъ образомъ и души человѣческія отъ крови Христовой оживотворяются, лишенные же вѣчною смертію погибаютъ; зри о семъ въ Вел. Губ. въ прим., на боготѣлственное погребеніе сиде: яко же неясны, уязвенъ въ ребра твоя слово, отроки своя умершіе оживилъ еси, ископавъ внутрь струи жизненныя, а наипаче въ вышеупомянутой Книгѣ вѣры въ гл. 6-й на лист. 50 и 51, сіе самое наяснѣйше свидѣтельствуется сиде: Христосъ Спасъ нашъ пренеизреченнымъ человѣколюбіемъ сиде съ небесъ, показа намъ превеликую любовь свою, угодился неясны пустынному, иже кровію истекшею изъ персей своихъ оживляетъ птенцы своя, насъ—созданіе умершихъ грѣхъ кровію истекшею изъ ребръ своихъ оживотворили. Яко да память таковаго великаго благодѣянія въ насъ незабвенна будетъ, всегда, на тайной вечери, плоть свою ясти и кровь свою пити божественнымъ ученикомъ, а при нихъ всѣмъ повелѣ тако: пійте отъ нея вси, утверждая; а да не уничтожаютъ кто повелѣнія его, научаетъ сими словесы: аминъ, аминъ глаголю вамъ, аще не снѣсть плоти сына человѣческаго и не пійте крови его, живота не имати въ себѣ. Страшенъ отвѣтъ словесъ христовыхъ! и яко истинна суть словеса его, симъ заключаетъ: небо и земля мимо падутъ не ужаснется отъ вышеченнаго запрещенія и не послушаетъ гласа господня, развѣ той, иже животъ вѣчный погубити хоцетъ. Доздѣ отъ Книги вѣры, которую безпоповцы содержатъ на горша себѣ осужденіе, не слышатъ отъ нея столь яснаго и страшнаго прещенія, аки аспиды глухія, затыкающія уши отъ гласа обивающаго, или якоже слѣпіи среди полуденнаго солнца стоящая, не разумѣютъ, что день, что ночь. Тако и сіе безпоповцы, ослѣпша душевными очима и уже въ отчаяніи бывше, не видятъ себѣ и пользы.

7.

И что еще привидѣе, до какой глубины безпоповцы обезумились, яко сами себя проклинали, аки изъ ума изступленные, ибо они приходящихъ въ беззаконную ихъ вѣру заставляютъ проклятіе говорить по вси Петр. въ гл. 28-й лист. 323, сиде гласящему: иже не исповѣдуетъ безкровныя жертвы суца тѣлесѣ Господа нашего Ісуса Христа, да будетъ проклятъ. Вопреки: кто у нихъ исповѣдуетъ и гдѣ именно совершаемому безкровному жертвоприношенію вѣрують быти? ясно услышати: нигдѣ. Но явно уже они стали прокляти. Да

еще и сами на себѣ проклятiе произносятъ по содержимой ими книгѣ Великому Потребнику; вообразите православнiи: есть ли на цѣломъ свѣтѣ въ какихъ еретикахъ еще такое безумiе, чтобы содержащимися у себя книгами сами себя проклинали, каковыя у насъ безпоповцы.

8.

Сверхъ вышеписаннаго, какъ всѣмъ вамъ православнымъ не безъизвѣстно, что нынѣ у безпоповцевъ простолюды мужики держаютъ вѣнчать браки. Церковный же законъ гласитъ сiце: Кор. лист. 336 (безпоповщескихъ) безъ священническихъ молитвъ нѣсть бракосочетанiя, но блудническое смѣшенiе. А въ григорьевомъ видѣнiи, въ мытарствѣ, о прелюбодѣйствѣ въ спорѣ ангеловъ съ бѣсы явствуетъ, что таковыя бракъ едины бѣсы утверждаютъ, святии же ангели разрушаютъ и блуду уподобляютъ. Но безпоповцы на то не смотрятъ, что всякое святое писанiе ихъ юродивой вѣры придется вопреки: идутъ на проломъ въ погибель, по своему гнилому мудрованiю. А посему подобаеъ всѣмъ вамъ, православнымъ нашимъ христiанамъ, удаляться всячески якоже отъ самаго діавола, тако и отъ оныхъ заблужденiй. Нынѣ видите, православнiи христiане, ясно, якоже въ началѣ сей грамоты рекохомъ, что безпоповцы не только отчуждены суть отъ истинны далече, но въ цѣломъ свѣтѣ всѣхъ еретиковъ древнихъ и новыхъ превзошли своимъ нечестiемъ и безумiемъ, понеже сiи нынѣшнiй безпоповцы соборъ всѣхъ благостудныхъ качествъ въ себѣ собрали, какъ то выше означено. По Евангелiю и Апостолу—отмежники новаго завѣта христова; по Соборнику врази божii и бѣсомъ друзи; по Матеею правильнику—явные еретики; по Книгѣ вѣры мертводушные и изгнившiе, и животъ вѣчный погубившiе; по Кормчей книгѣ блудники беззаконныя и сами отвернуты своей церковi, все отлучены, всѣмъ невозможно никакого приношенiя принести.

9.

И наконецъ ихъ ложное священнодѣйствiе невѣрными и безбожными сотворидись и даже горша нечестивыхъ самыхъ бѣсовъ. А по таковымъ богоотступнымъ и безбожнымъ ихъ качествомъ строжайше наказуя вамъ всѣмъ, возлюбленная чада нашего смиренiя, усерднѣе сыны древле, да отнюдь не сообщаетесь съ таковыми беззаконниками въ ястiи и питiи сообщитесь съ ними, не имѣя нужды, ни житейскiя potrzeby, а наипаче въ богомоленiи. Аще ли кто въ ястiи и питiи сообщитесь съ ними, да не прiемлется таковой въ церковъ на соборную службу, донде же принесетъ прощение; а за богомоленiе съ безпоповцами, если о коемъ либо дознано будетъ отъ насъ, то таковой на жестокую эпитимiю духовнымъ судомъ истязанъ будетъ по прав. 10-му св. апост.: молящiйся со отлученными, самъ такожде да отлученъ будетъ. Толкованiе: Аще кто молится съ еретиками въ церкови или въ дому, со отлученными отъ церкови самъ такожде да отлученъ будетъ. Аминь.

Смиренный Антонiй божiею милостiю, архіепископъ владимірскiй, царствующаго града Москвы и всея Россiи.

УЧИТЕЛЬСКІЕ СОВѢТЫ И СЪѢЗДЫ.

Новый проект училищнаго устава, на который писали свои замѣчанія до 360 педагоговъ, кажется, очень мало подвергался обсужденію въ нашей литературѣ. Между тѣмъ имъ поднаты вопросы перво-степенной важности, вопросы, которые столько же касаются всего общества, сколько и лицъ, оффиціально призванныхъ къ дѣлу обученія. Что касается учрежденія училищныхъ совѣтовъ, частныхъ и народныхъ школъ, введенія реальныхъ предметовъ въ курсъ преподаванія, то во всемъ этомъ истиннаго успѣха можно ожидать только отъ частной инициативы.

Училищные совѣты и съезды могли бы нѣсколько оживить педагогическую дѣятельность у насъ на провинціи, гдѣ до сихъ поръ, вслѣдствіе рѣзкаго раздѣленія всѣхъ сословій, преподаватель живетъ какою-то тѣсною, замкнутою жизнью, не имѣя доступа ни въ кругъ такъ называемаго высшаго общества, ни въ чуждый для него міръ подъячій, купцовъ и ремесленниковъ. Если и долго еще ожидать, пока не будутъ уничтожены безконечныя перегородки, раздѣляющія у насъ чины, званія, занятія, то, по крайней мѣрѣ, не надо пренебрегать ни одной мѣрой, ведущей къ сближенію разныхъ членовъ общества между собою: отъ ихъ разрозненности только все болѣе утверждаются эгоизмъ, апатія, невѣжество. Воспитаніе дѣтей принадлежитъ именно къ такимъ общественнымъ вопросамъ, въ которыхъ болѣе всего возможно ожидать сближенія между всѣми сословіями, если только сами школы не будутъ противодействовать этому, удовлетворяя одинъ классъ общества насчетъ другого. Да возможны ли у насъ такія собранія, гдѣ лица, ревнуя объ образованіи, добровольно сходились бы между собою и согласно рѣшали бы дѣла, касающіеся общественной пользы? Въ самихъ нашихъ педагогахъ есть ли на столько педагогическаго интересу? Наши педагоги, при своемъ незavidномъ

положеніи, конечно, такъ заняты заботою о пропитаніи себя и своего семейства, что отъ нихъ невозможно и требовать какихъ либо особенныхъ жертвъ въ этомъ дѣлѣ; но, какъ видно изъ примѣчаній, сдѣланныхъ на проектъ, почти всѣ они готовы содѣйствовать общему труду, если только этотъ трудъ не будетъ совершенно бесплоднымъ; а бесплоднымъ онъ будетъ тогда, когда все ограничится одними преніями, безъ результатовъ и примѣненія на дѣлѣ. Кромѣ официальныхъ педагоговъ, въ собраніяхъ, назначенныхъ для обсужденія вопросовъ о воспитаніи, необходимо возможно большее участіе лицъ, которыя вполнѣ посвящали бы себя на служеніе школамъ. Но до сихъ поръ, въ лицѣ разныхъ попечителей и другихъ членовъ, засѣдающихъ на совѣтахъ, мы подобныхъ особъ не встрѣчали. А болѣею частію господа эти, не прочитавъ въ жизнь свою ни одной педагогической книги, да и вообще не жалуя книгъ, не выдавъ ни одной школы, кромѣ той, въ которой сами воспитывались (если только не воспитывались у себя дома, по подобію Евгенія Онѣгина), они съ рѣшимостью преобразуютъ училищный порядокъ, выказывая значительность своей особы заботливымъ, нахмуреннымъ видомъ, строгимъ начальническимъ взглядомъ и вмѣшательствомъ во всякое дѣло, которое не разумѣютъ. Иногда сюда присоединяется іезуитскій способъ обхожденія, по которому они ласкаютъ именно того, кого думаютъ пришибить по своимъ расчетамъ: все это нисколько ненаставительно для учащихся и отнюдь не плодотворно для школы. Къ чему поведутъ совѣты съ подобными дѣятелями? Намъ рассказывали про одно женское заведеніе, въ которомъ ни сама содержательница пансіона, ни попечители никогда и не мечтали о возможности какого нибудь измѣненія, и, только слѣдуя буквѣ устава, примѣняли его въ такихъ подробностяхъ, гдѣ и китайскій умъ врядъ ли придумалъ бы какія нибудь правила: заставляли воспитанницъ ходить, сидѣть, учиться, молиться, даже спать и ничего не дѣлать по строго заведенному порядку. Но преобразование коснулось и этого заведенія: присланы были новыя правила, по которымъ, между прочимъ, предписывалось рѣшать всѣ учебныя дѣла на педагогическихъ собраніяхъ. Вотъ содержательница пансіона съ попечителемъ, съ какимъ-то членомъ и съ однимъ или двумя подвѣдомственными господами, комфортно засѣдала у себя въ гостиной: тутъ же находились еще какіе-то незначительныя личности, поодаль отъ нихъ чинно держали себя нѣсколько дежурныхъ воспитанницъ, не смѣя моргнуть глазомъ, а стоявшая позади нихъ власская дама умиленнымъ до оглупѣнія взоромъ глядѣла прямо въ глаза содержательницѣ пансіона. Съ такой обстановкой обыкновенно начинались домашнія собранія, на которыхъ все

рѣшалось. Содержательница пансіона долго и медленно озирала всѣхъ, велѣла одной изъ воспитанницъ принести себѣ скамейку подъ ноги, другую послала за какой-то работой, третьей приказала идти пере-мѣнить прическу; даму она отправила за другой дамой, и, когда эта пришла, то велѣла ей пойти спросить у третьей дамы списки съ ба-лами за поведеніе, и т. д. Наконецъ, сдѣлавъ еще много другихъ по-добныхъ распоряженій, она выслала всѣхъ постороннихъ, и приступила къ совѣщанію, какъ вдругъ попечитель, вовсе не ревнитель какихъ-нибудь новыхъ порядковъ, сдѣлавъ замѣчаніе, что по новымъ прави-ламъ необходимо созвать на совѣщаніе и преподавателей. «Зачѣмъ же? я не понимаю, сказала начальница: — мы окончимъ теперь дѣло, а въ другой разъ можно, пожалуй, призвать сюда преподавателей и объявить имъ, что они должны дѣлать.» Въ созваніи преподавателей, содержательница пансіона не видѣла ничего дурного, находя въ этомъ только новый поводъ къ большей торжественности засѣданія. «Какъ? воскликнулъ попечитель, обятый ужасомъ: — созвать учителей сюда, въ эту комнату, гдѣ совѣщаемся мы? Назначьте для этого, по крайней мѣрѣ, не гостиную, а одинъ изъ сосѣднихъ покоевъ.» Но содержатель-ница пансіона была очень упрямая и не любила вмѣшательства въ свои распоряженія: изъ-за комнаты вышла ссора; попечитель на зло ей сталъ либеральничать, настаивая на томъ, чтобы первоначально собрать мнѣнія отъ учителей. Наконецъ, напуганная закономъ, содержательница пансіона уступила. Назначено было торжественное собраніе въ залѣ. Преподаватели сошлись въ кучку и ждали, что будетъ, изрѣдка поглядывая на начальство, которое, предсѣдая за столомъ, о чемъ-то съ жаромъ переговаривало, но не приглашало собравшихся садиться: попечитель былъ особенно важенъ и пасмуренъ. Вдругъ взявъ онъ бумагу, взглянулъ строго на преподавателей и сталъ выкликать одного за другимъ по списку. Содержательница пансіона, заявляя и свою часть, начала раз-саживать всѣхъ по своему усмотрѣнію, имѣя въ виду старшинство каж-даго или свое особенное расположеніе. Попечитель увидѣлъ себя въ роли какого-то слуги, который долженъ исполнять извѣстную формаль-ность, не имѣя права самъ распоряжаться. Онъ, не окончивъ выклички, вдругъ бросилъ бумагу и отрывисто сказалъ: «Господа, прошу покорно садиться. Г-нъ инспекторъ! извольте прочесть новыя правила!» На-чальница потрепала чепцомъ, съ шумомъ встала изъ-за стола и тутъ же начала толковать дамамъ о какихъ-то распоряженіяхъ, воз-вышая сколько возможно болѣе голосъ. Между тѣмъ инспекторъ вы-ступилъ на средину залы съ правилами и что-то замямлилъ. «Читайте же, возразилъ энергически попечитель: — чтобы гг. присутствующіе

могли проникнуться духомъ закона.» Инспекторъ читалъ долго, вяло, съ перерывами, видимо занятый мыслію о томъ, не оскорбится ли начальница его громкимъ чтеніемъ: мирная душа его глубоко скорбѣла объ анархін, происшедшей между властями. Такъ прошелъ часъ. Никто изъ преподавателей не понялъ прочитаннаго. Затѣмъ слѣдовало такое же монотонное чтеніе списковъ. Дѣло шло о наградахъ. По обыкновенію, лучшія изъ воспитанницъ не получили ничего, потому что имѣли не 12, а 11 въ поведеніи: имѣли же онѣ 11 потому, что не цаловали безпреставно руки классной дамѣ, не бросались наперерывъ съ другими поднимать влюбкѣ, который она уронить, и даже молча выслушивали брань, тогда какъ должны бы плавать и ваяться. Полный баллъ изъ поведенія получили, большею частію, самыя плохія: на это кѣмъ-то изъ преподавателей сдѣлано было замѣчаніе. Попечитель обрадовался случаю заявить свою самостоятельность, и тѣхъ, у которыхъ были плохія отмѣтки изъ какого нибудь предмета, выключилъ изъ награднаго списка; но лучшія воспитанницы все таки остались съ своимъ дурнымъ поведеніемъ: на этомъ настояли дамы, которыя еще прежде рѣшили между собою, какую изъ дѣвицъ лишить награды въ отмщеніе за ея спокойную стойкость при всѣхъ выговорахъ и распеканіяхъ. «А, грозили онѣ:—ты хочешь показать, что тебѣ все ни почемъ... хорошо, узнаешь, какъ получишь дурной аттестатъ; будешь кулакомъ утирать слезы.» Весь результатъ собранія былъ тотъ, что соблюдено равенство, вовсе неслестное для лучшихъ воспитанницъ, которыя, конечно, желали, чтобы плохенькія получили награду, потому что сами занимались той или другой наукой изъ любви къ предмету и не рассчитывали ни на какія отличія. Какую же роль играли тутъ преподаватели? Они уже самымъ началомъ засѣданія приготовлены были къ безмолвію: нѣкоторымъ, однако, казалось нестерпимымъ не высказать своего мнѣнія, и они очистили совѣсть; но бѣольшая часть дремала, сидя неподвижно. Старшій законоучитель поднялся и, сложивъ руки на груди, подошелъ къ начальницѣ. «Батюшка просится», сказала содержательница пансіона попечителю. Но всякій уходилъ и безъ спросу, чуть только оканчивалось чтеніе о его классѣ; даже опасность получить выговоръ не могла никого удержать: такъ невыносима была скука. Одинъ изъ самыхъ робкихъ дольше другихъ терпѣлъ, уставивъ глаза на начальство: нѣсколько разъ поднимался онъ, чтобъ уйти, да не хватало отваги. Между тѣмъ другіе улепетывали понемногу: видя это, всякій разъ онъ краснѣлъ отъ досады... наконецъ не выдержалъ, взглянулъ опасливо на предсѣдательствующихъ лицъ, вдругъ зажалъ платкомъ носъ и, согнувшись, чуть

не бѣгомъ пустился изъ залы. Когда засѣданіе кончилось, содержательница пансіона спросила попечителя: «довольны ли вы гг. учителями?» — «Да, отвѣчалъ тотъ съ важностью: — они дѣйствительно высказали нѣкоторыя основательныя сужденія.»

Мы съ намѣреніемъ подробно описали одно изъ тѣхъ безплодныхъ собраній, въ которыхъ, при самой доброй волѣ, преподаватели остаются безгласными членами и соблюдается только одна форма. Если губернскіе училищныя совѣты, предполагаемые новымъ проектомъ, будутъ устроены на подобныхъ основаніяхъ, то отъ нихъ, конечно, нельзя ждать большой пользы. А есть опасность, что дѣло повернется въ эту сторону. Членами совѣта назначены: всѣ начальники и начальницы заведеній губернскаго города и по два преподаватели отъ гимназій и высшихъ женскихъ заведеній. Правда, чрезъ выборъ возможенъ доступъ и другимъ членамъ; но кто поручится, что, при недовѣрчивости общества во всякимъ офиціальнымъ собраніемъ, многіе пожелаютъ принять участіе въ совѣтѣ, и что сами главы совѣта будутъ вездѣ благопріятны выбору лицъ, наиболѣе полезныхъ? Большая часть педагоговъ, писавшихъ замѣчанія на эту статью устава, обратили вниманіе на подобное неудобство, и потому желаютъ, чтобы уѣздные преподаватели, по крайней мѣрѣ по одному изъ каждаго города, пріѣзжали на собранія губернскаго училищнаго совѣта. Такия собранія могли бы съ удобствомъ быть устроены послѣ рождества и лѣтомъ въ началѣ каникулъ. Въ числѣ казъ пріѣзжихъ, такъ и мѣстныхъ членовъ необходимо быть представителямъ частныхъ и народныхъ школъ, наибольшему числу воспитателей и воспитательницъ, и вообще лицамъ, которыя занимаются дѣломъ педагогическимъ по призванію, а не изъ одного насущнаго куска хлѣба. Такихъ лицъ, конечно, сначала найдется немного въ нашемъ обществѣ, но при сближеніи школы съ жизнью самыя интересныя общественныя вызовутъ ихъ въ дѣятельности, и трудъ педагога будетъ вознагражденъ не одною скудной, казенною платою, да чиномъ, ведущимъ за собой только вычетъ изъ жалованья, болѣе всего тяжкій при его жалкихъ средствахъ. Наши преподаватели отчуждены отъ общества не вслѣдствіе только его предразсудковъ, но и вслѣдствіе той странной науки, которою они должны заниматься. Арифметика, географія, исторія, естествознаніе, словесность—всѣ общіе предметы курса до сихъ поръ у насъ преподаются большею частію отвлеченно и сухо, безъ опредѣленнаго направленія и цѣли. Нельзя сказать, чтобы не составлялось множество программъ, но въ нихъ мы не встрѣтили никакой существенной перемены противъ прежняго, узкаго взгляда на преподаваніе. Мы счи-

таемъ ихъ большимъ стѣсненіемъ для преподавателя, который не хотѣлъ бы неподвижно остановиться и застыть на одной точкѣ. Любопытно, что до сихъ поръ, во всѣхъ нашихъ школьныхъ преобразованіяхъ, вовсе не были приняты во вниманіе потребности современной науки и потребности нашего русскаго образованія, какъ будто это дѣло случайное, предметъ роскоши и личнаго вкуса, а не твердый принципъ, безъ котораго школа становится какою-то затхлою теплицей. У насъ все безъ разбора перенимали отъ нѣмцевъ, не обращая вниманія на то, что и у нѣмцевъ старая педагогическія теоріи падаютъ съ каждымъ днемъ и идетъ борьба за начала жизни. Да еслибы нѣмецкія теоріи и были безукоризненно совершенны, то, въ примѣненіи къ нашей жизни, онѣ отозвались бы тою же историческою нецѣлостію и тѣмъ же насиліемъ, какими страдала у насъ гражданская реформа. Наша наука была до сихъ поръ такова, что воспитанники знали, напримѣръ, до малѣйшей подробности о походахъ Дарія, а не имѣли ни малѣйшаго понятія объ отличіи нашего общественнаго и гражданскаго устройства отъ другихъ европейскихъ; могли, пожалуй, рассказать о князествѣ Липпе-Детмольдъ, и совершенно были незнакомы съ особенностями той мѣстности, гдѣ они живутъ. Естественная исторія, объясняемая по одному разу въ недѣлю въ каждомъ классѣ, по необходимости состояла изъ сухаго перечисленія однихъ названій, между тѣмъ латинскій языкъ, по образу старинной бурсы, былъ источникомъ бесплодныхъ истязаній, нравственному пыткой, изъ которой выносили только отвращеніе ко всякому школьному знанію. Математика до сихъ поръ преподавалась у насъ отвлеченно и, не менѣе латинскаго языка, была для самыхъ способныхъ изъ воспитанниковъ помѣхою къ полученію аттестата. Между педагогами, у насъ есть особая партія защитниковъ труда для труда, которые увѣряютъ, что чѣмъ скучнѣе предметъ, тѣмъ болѣе необходимо занимать имъ воспитанниковъ: этимъ, дескать, приучимъ къ устойчивости, къ терпѣнію, котораго недостатокъ очень замѣтенъ въ молодомъ поколѣніи. Но нельзя сказать, чтобы, при настоящемъ способѣ преподаванія, какойнибудь предметъ былъ особенно занимателенъ для учащихся: мы не говоримъ здѣсь объ исключеніяхъ, которыя тамъ и самъ встрѣчаются. Отчего же у насъ мало учатся и плохо развиваются? Отвѣтить на это нетрудно: сколько случалось мнѣ наблюдать самому, въ нашихъ юношахъ нѣтъ недостатка ни въ любви къ знанію, ни въ постоянствѣ при занятіяхъ любимымъ предметомъ; но предметъ, незанимательный самъ по себѣ, или представляемый учащемуся съ самой скучной стороны, вообще отвращаетъ

его отъ науки: онъ спѣшить долбить урокъ для балловъ, чтобъ остальное время заняться чтеніемъ книгъ, которыя поглощаются съ жадностью. Это беспорядочное чтеніе и составляетъ почти единственный источникъ нашего развитія. У насъ много толкуютъ о практикѣ, но настоящихъ практическихъ классовъ у насъ, кажется, нѣтъ ни по одному предмету. Въ среднихъ заведеніяхъ еще вносятся кое-какой живой элементъ чрезъ ту или другую личность: низшія заведенія, гдѣ наука болѣе всего должна бы соответствовать требованіямъ жизни, болѣе всего страдаютъ отъ совершенной ея бесплодности и замкнутости. Какъ можно обвинять общество въ равнодушіи къ знанію, въ невѣжественномъ коснѣніи, когда мы на самомъ дѣлѣ не учимъ ничему полезному для жизни? Купецъ беретъ своего сына изъ перваго класса уѣзднаго училища, послѣ того, какъ онъ научится чтенію, письму и счисленію; купецъ въ этомъ случаѣ правѣе, чѣмъ его хулители педагоги: дальнѣйшая наука для его сына была бы на самомъ дѣлѣ мертвымъ капиталомъ... вѣдь мальчишъ не научится въ школѣ ни товаровѣднію, ни какому нибудь ремесленному производству, ни бухгалтеріи, не узнаетъ даже произведеній и промысловъ своего края, а знаніе того, какіе поименно были цари со временъ Моисея и Нимврода, тоже не поведетъ къ его развитію. Теперь понятно, почему у насъ преподаватель, заросшій въ своей сухой наукѣ, какъ кость въ старинномъ стволѣ дерева, совершенно чуждъ окружающей его жизни. Сдѣлалъ ли что-нибудь новый проектъ устава для измѣненія этого положенія? Въ гимназіяхъ, названныхъ почему-то реальными, на естественную исторію, физику и географію выдѣлено было, во всѣхъ классахъ, 19 уроковъ, а на одну латынь 18 уроковъ: математика нашла себѣ мѣсто въ числѣ 16 уроковъ. Число уроковъ по естественной исторіи тутъ, собственно говоря, слишкомъ мало увеличено: о какихъ нибудь реальныхъ примѣненіяхъ этой науки и мечтать нечего. Математика, при 16 урокахъ, представляетъ странную спеціальность, которая очень немногимъ избраннымъ послужить средствомъ къ развитію; на жизненную сторону этой науки врядъ ли можно рассчитывать: у насъ и въ университетѣ нѣтъ курса механики. Остается латынь, которая задушить окончательно молодя силы, въ самомъ началѣ ихъ развитія, и послужить послѣднимъ рѣшительнымъ средствомъ къ отчужденію школы отъ жизни. Невозможно было бы искуснѣе составить плана, чтобъ сдѣлать гимназію недоступною и бесполезною для большинства учащихся въ нашемъ современномъ состояніи общества. Таково мнѣніе и очень многихъ лицъ, писавшихъ примѣчанія на проектъ. Какая же была при-

чина этого страннаго распредѣленія предметовъ? Все тотъ же устарѣлый взглядъ на преподаваніе, по которому оно должно состоять въ чисто-формальной дресировкѣ способностей. Мы надѣемся, что мнѣніе значительнаго числа лицъ, которыя, въ примѣчаніяхъ на проектъ, высказались противъ латыни, будетъ принято во вниманіе, и этотъ предметъ будетъ исключенъ изъ реальныхъ гимназій, какъ противорѣчащій даже ихъ названію. Мы искренно желаемъ этого, во имя будущихъ успѣховъ нашего средняго образованія: взявъ оставшіеся отъ латыни уроки и нѣсколько уменьшивъ число уроковъ по математикѣ, мы дадимъ довольно мѣста другимъ знаніямъ, которыя безъ обремененія курса могутъ быть введены согласно мѣстнымъ потребностямъ. На нихъ указано и въ примѣчаніяхъ на проектъ; таковы: англійскій языкъ, начала народнаго хозяйства, наука объ общественномъ устройствѣ, народная гигиена, общее знаніе о техническихъ производствахъ, законовѣдѣніе, и т. д. Согласно съ мѣстными требованіями, еще болѣе можетъ измѣниться курсъ прогимназій, гдѣ главными предметами служатъ: русскій языкъ (18 уроковъ въ недѣлю) и математика (17 уроковъ). Въ случаѣ особенной необходимости, можно бы отдѣлять извѣстное число часовъ отъ нѣкоторыхъ предметовъ для знаній, на которыя прямо указываетъ жизнь края помимо всякихъ кабинетныхъ распоряженій и проектовъ. Школа должна пробуждать народныя силы къ дѣятельности, давать развитіе и естественное движеніе этимъ силамъ, а не быть какою-то казенною фабрикой челоуѣчества. Примѣненіе общихъ педагогическихъ началъ, за которое взялся проектъ, имѣетъ свои границы: какъ по теоріи садоводства нельзя назначить для всякой почвы и для всякаго климата одни и тѣ же растенія и одинъ и тотъ же способъ ихъ разведенія, такъ же точно неудобно опредѣлять для всѣхъ мѣстностей одинакія школы. Но невнимательность проекта въ этомъ отношеніи дошла до такой степени, что въ немъ совсѣмъ не упоминается даже о мѣстномъ языкѣ; даже для частнаго народнаго училища поставлено правиломъ, что учредитель его обязанъ для *православнаго* назиданія дѣтей приглашать священнослужителя (§ 75); слѣдовательно, всѣ инородцы и изъ русскихъ, огромное число раскольниковъ должны быть лишены грамотности? Мы уже видѣли, что наши официальные педагоги, и по своему исключительному образованію, и по своей школьной дѣятельности, не могутъ разрѣшить великой задачи внесенія мѣстнаго элемента въ образованіе; однако, многіе изъ нихъ глубоко сознаютъ всю важность этой задачи. Мы увѣрены, что для нихъ открылась бы новая жизнь чрезъ тѣсное сближеніе съ частными, болѣе независимыми

дѣателями, которые посвящаютъ себя дѣлу образованія изъ любви, а не изъ горькой необходимости: тутъ могла бы послужить въ пользу ихъ педагогическая опытность, часто пропадающая безвѣстно для общества. Если у насъ въ самомъ дѣлѣ дорожать успѣхами образованія, то необходимо всѣми мѣрами поощрять частныя училища, основанныя съ цѣлію удовлетворить общественнымъ нуждамъ, а не для приготовленія питомцевъ по данной программѣ въ какое нибудь привилегированное заведеніе—училища, гдѣ дѣйствуютъ люди по призванію, а не какой нибудь коммиссіонеръ для сбыта человѣческаго товара. У насъ очень мало подобныхъ заведеній, но ихъ устроится болѣе, если вмѣсто стѣсненія разными программами и требованіемъ безполезныхъ экзаменовъ, которые обыкновенно ограничиваются пустою формальностью, учредителямъ предоставлять возможно болѣшую свободу и будутъ давать вспоможенія въ случаѣ ихъ полезной дѣятельности. Училищные совѣты, правильно устроенные, могли бы вызывать способныхъ людей на открытіе подобныхъ училищъ, давая имъ право заводить ихъ безъ дальнѣйшихъ формальностей. Устройства народныхъ школъ можно ждать также отъ частной инициативы. Ни обязательность ученія, ни обязательный взносъ какой нибудь подати, возложенной на сельскихъ жителей, тутъ не можетъ имѣть мѣста: на это приведено много неопровержимыхъ доказательствъ и въ примѣчаніяхъ на проектъ устава, а въ послѣднее время такъ рѣшено и большинствомъ голосовъ въ с.-петербургскомъ комитетѣ грамотности. Какія же найти мѣры, чтобъ заохотить народъ къ грамотности? На какія средства основать народныя школы? Примѣръ всѣхъ образованныхъ государствъ показываетъ, что, предоставляя въ этомъ случаѣ наибольшую свободу частной дѣятельности и поощряя ее всѣми мѣрами, правительство наиболѣе выигрываетъ. Заводящій школу отъ своего лица все-таки болѣе объ ней думаетъ, болѣе разсчитываетъ на сочувствіе общества, чѣмъ officialный начальникъ школы, котораго вся забота обыкновенно состоитъ въ исполненіи предписанныхъ формальностей. Что касается наблюденія надъ школами, то это дѣло необходимо предоставить самому обществу, чрезъ участіе его въ училищномъ совѣтѣ. Такой совѣтъ долженъ имѣть свои права, чтобъ его дѣятельность не осталась безплодною. Уѣздные преподаватели, по мѣрѣ возможности, получаютъ прогонныя и суточные деньги, чтобъ участвовать два раза въ годъ въ его собраніяхъ. Учредителю частныхъ школъ и другія лица отъ общества должны составлять въ немъ, по крайней мѣрѣ, половину членовъ. Члены, въ полномъ ихъ составѣ, совершенно свободно избираютъ президента собранія

на одинъ годъ. Такимъ образомъ устроенные совѣты, если не принесутъ другой пользы, то послужатъ къ сближенію педагоговъ, къ правильной оцѣнкѣ нашихъ мѣстныхъ потребностей и педагогическихъ средствъ. А то, у насъ происходятъ явленія, невозможныя ни въ какомъ образованномъ обществѣ. Воспитательница какого нибудь женскаго закрытаго заведенія, по складу своего ума, по всѣмъ своимъ привычкамъ, составляетъ какъ будто особый организмъ, которому нѣтъ ничего подобнаго ни въ окружающемъ насъ мірѣ, ни въ природѣ; преподаватель семинаріи, гимназіи и какого нибудь корпуса, сошедшійся вмѣстѣ, покажутся другъ другу людьми, прибывшими съ противоположныхъ концовъ міра: до такой степени кастическій духъ школы перерабатываетъ у насъ даже лицъ одного сословія. Но при подобномъ порядкѣ образованіе общества ни на шагъ не подвинется впередъ. У насъ необходимы училища, которыя удовлетворяли бы не предразсудкамъ касты, а требованіямъ общественнаго развитія вообще. Это развитіе совершается, какъ на основаніи общихъ педагогическихъ началъ, такъ и мѣстныхъ условій образованія. Новый проектъ устава, обративъ все вниманіе на первыя, въ устройствѣ школъ, вовсе не оставилъ мѣста для послѣднихъ: одними дополнительными курсами очень недостаточно разрѣшается такая задача.

В. ВОДОВОЗОВЪ.

ЕВГЕНІЯ.

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

I.

Губернскій городъ Т* такъ же скученъ, какъ и другіе его соотечественники; но въ немъ есть одна небольшая, опрятная улица, на которую я васъ прошу обратить вниманіе. Въ ней вы найдете одноэтажный сѣренькій домикъ, съ зелеными ставнями, а за домикомъ садикъ, маленькій, чистенькій садикъ, который разъ въ годъ бываетъ довольно милъ, что съ нимъ случается обыкновенно весной; но такъ-какъ весной всякій садъ недуренъ, то о немъ собственно и говорить бы не стоило, еслибъ на это не было совершенно особой причины. А между тѣмъ, вотъ, мы начали говорить, изъ чего всякій догадается, что причина была. И дѣйствительно, въ самомъ густомъ мѣстѣ сада, на деревянной скамейкѣ, подъ вишнею, сидѣла молодая дѣвушка, худенькая и нѣжная, какъ дитя. Ея овальное, блѣдное личико спрятано было отъ солнца въ тѣни вѣтвей, а черные, выразительные глаза внимательно устремлены въ какую-то книжку, которая такъ занимала ее, что въ сосѣдней аллеѣ послышались чьи-то шаги, а она и головы не поднимала. Вся поза ея говорила, что она сильно заинтересована, даже взволнована и въ эту минуту переживаетъ какое нибудь событіе, которое для нея потеряло условный характеръ вымысла и мимо ея сознанія, на зло ея волѣ, охватило ее со всѣхъ сторонъ, какъ живая дѣйствительность. Наконецъ она медленно и глубоко перевела духъ, подняла голову и только тогда замѣтила, что она не одна. Передъ ней стоялъ ловкій, изящно одѣтый мужчина, лѣтъ тридцати, съ лука-

вой усмѣшкой на сжатыхъ губахъ. Это былъ одинъ изъ недавнихъ ея знакомыхъ въ Т*, т—й помѣщикъ Александръ Михайловичъ Логуновъ. Увидѣвъ его неожиданно, она вадрогнула.

— Простите, я васъ испугалъ, сказалъ онъ.—Вы не ожидали меня увидѣть, Евгенія Платоновна... Но я уѣзжаю завтра и пришелъ съ вами проститься...

— Такъ скоро? Завтра? спросила она, еще не успѣвъ опомниться отъ нечаянности.

— Восклицаніе ваше очень любезно, отвѣчалъ Логуновъ. — Я боялся вамъ надоѣсть, посѣщая васъ каждый день.

— Напрасно!... Ваше общество, это — почти единственное наше развлеченіе въ Т*. Вѣдь мы—однѣ, вы это знаете, а...

— А на безрыбьи и ракъ—рыба, перебилъ онъ, смѣясь.

— Зачѣмъ вы толкуете такъ лукаво мои слова? съ упрекомъ возразила Евгенія. — Вы не должны пользоваться вашимъ преимуществомъ передо мною, Александръ Михайлычъ.

— Преимуществомъ, Евгенія Платоновна? какимъ преимуществомъ? развѣ у меня есть какое нибудь?

— Я не знаю свѣта, объяснила она.—Его условія, требованія и все, что къ нему относится, мнѣ незнакомо. Я не умѣю даже выражаться такъ, какъ это принято въ вашемъ свѣтѣ.

— Voilà une pointe bien méchante! Въ вашемъ свѣтѣ? Отчего же въ моемъ? Развѣ я принадлежу къ какой нибудь одной кастѣ людей?...

— Тѣтушка говорить, что вы долго жили въ большихъ столичныхъ кругахъ...

— Это—правда; но развѣ изъ этого что нибудь слѣдуетъ?

— Мнѣ кажется, робко отвѣчала Евгенія: — изъ этого слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, что вы знаете свѣтъ гораздо лучше меня.

Логуновъ поклонился.

— Да, сказалъ онъ:—въ этомъ смыслѣ вы, можетъ быть, и правы. Я думаю, что я могъ бы быть вашимъ учителемъ въ этой наукѣ... Но вѣдь вы лукавите... вѣдь для васъ она нисколько нелюбопытна...

— Почему же вы такъ думаете?

— Я это вижу по вашимъ глазамъ, по худо скрытой улыбкѣ... Но не думайте, чтобъ я сталъ осуждать васъ за это. Напротивъ, я нахожу, что вы совершенно правы въ вашемъ равнодушіи къ свѣту.

— Почему же так? повторила она, несовсѣмъ понимая.

— Потому что свѣтъ — большой деспотъ. Та педантическая дрессировка, которую вы называете свѣтскими условіями и требованіями, стираетъ съ насъ личный характеръ, а васъ, женщинъ, лишаетъ свѣжести и этой, какой-то особой, живой прелести, которая васъ такъ краситъ. Невинность, то-есть, невѣдѣніе жизни и зла составляетъ нравственную красоту женщины.

Евгенію такъ поразило это сужденіе, что въ первую минуту она не нашлась отвѣчать.

— Невѣдѣніе? прошептала она задумчиво. — Невѣдѣніе зла? Да, вѣдь, это—такое же невѣжество, какъ и всякое другое. Чтѣ жъ тутъ привлекательнаго? Не знаю, такъ ли я васъ понимаю; но я вамъ признаюсь, Александръ Михайлычъ, я хочу знать жизнь съ обѣихъ сторонъ, и меня огорчаетъ, что я такъ далека отъ этого знанія, отъ всего, чтѣ похоже на дѣло, отъ опыта жизни дѣйствительной...

Логуновъ горячо протестовалъ противъ этого направленія. Онъ умолялъ ее не спѣшить, не поднимать завѣсы съ жизни. Она не знаетъ, какъ хороша въ ней дѣвственная простота и чистота сердца. Это ставитъ ее неизмѣримо выше другихъ и т. д. Въ подкрѣпленіе своихъ доводовъ, онъ провелъ очень лестную параллель между нею и свѣтскими женщинами. Евгенія уклонялась отъ такого сравненія, увѣряла, что онъ не знаетъ ея со всѣми ея недостатками и приписываетъ ей такіа достоинства, которыхъ въ ней вовсе нѣтъ.

— Въ васъ все прекрасно: развѣ это не большое достоинство? отвѣчалъ Логуновъ, смотря восторженными глазами на дѣвушку.—О! не учитесь этой наукѣ! Оставайтесь такою, какою вы есть и, ради бога, не торопитесь узнавать прозу жизни.

— Я не тороплюсь, отвѣчала она съ усмѣшкой. — Но я не могу не жалѣть о своемъ отчужденіи отъ этой прозы, какъ вы презрительно ее называете, о моемъ невѣжествѣ въ другихъ, гораздо... неизмѣримо болѣе высокихъ вещахъ—договорила она серьезно, понизивъ голосъ.

— Какія же это вещи? съ любопытствомъ спросилъ Логуновъ.

— Наука, искусство, литература и многое чего другаго, отвѣчала она, слегка краснѣя и запинаясь.

— Конечно, это—предметы очень возвышенные, но... но вопросъ въ томъ: въ какой мѣрѣ они доступны для женщины и... Онъ готовъ былъ сказать еще что-то, но спохватился и замол-

чалъ.— До сихъ поръ женщины были апостолами другого неба, продолжалъ онъ, минуту спустя:—неба любви и милосердія. Это— святая миссія, не правда ли? добавилъ онъ, взвѣшивая каждое слово и дѣлая удареніе на послѣдней фразѣ.

— Да, великое призваніе; но, какъ для всякаго призванія, и для него нужны, избранные отвѣчала онъ вполголоса.

Наступило молчаніе.

— Вы, кажется, очень любите чтеніе, Евгенія Платоновна? началъ въ прежнемъ тонѣ Логуновъ:—вы были такъ углублены въ ваше занятіе передъ тѣмъ, какъ я имѣлъ дерзость вамъ помѣшать. Не будетъ ли слишкомъ нескромно съ моей стороны, если я спрошу, чтѣ вы читали?

— О, нисколько! и съ этими словами она подала ему книгу.

— А, «Дженъ Эйръ»—любимый романъ дѣвицъ! Онъ заглянулъ въ страницу, на которой остановилось чтеніе, и минуту спустя громко перевелъ слова Рочестера, героя повѣсти, къ любимой дѣвушкѣ: «Вотъ моя невѣста, потому что она—мнѣ ровня и мое подобіе!»

— Не правда ли, какъ это прекрасно? спросила она съ одушевленіемъ

— Прекрасно, можетъ быть, но не совсѣмъ вѣрно. И замѣтивъ удивленный взглядъ дѣвушки, онъ пояснилъ свои слова:— Скажите, Евгенія Платоновна, еслибъ васъ любилъ человѣкъ съ душой и любилъ васъ пламенно, искренно—иначе, конечно, васъ и нельзя любить—прибавилъ онъ въ скобкахъ:—какъ вы думаете, остановился ли бы онъ на томъ, чтобъ просто сравнять васъ съ собой въ своемъ сердцѣ? Мнѣ кажется, въ этомъ случаѣ мало равенства, потому что мужчина, истинно любящій женщину, ставитъ ее неизмѣримо выше себя: она становится его идоломъ, божествомъ, которому онъ поклоняется, молится.

— Молится, Боже мой, чтѣ вы говорите? воскликнула она съ трепещущей искрой въ глазахъ.

— Вы еще дитя, Евгенія Платоновна! продолжалъ онъ тихо, но какъ-то порывисто.—Вы не знаете еще, чтѣ можетъ внушить любовь... Бываютъ минуты, когда не хватаетъ словъ, чтобъ дать выходъ тому, чтѣ кипитъ и бродитъ въ душѣ—минуты, въ которыя бываешь полонъ до боли неизъяснимымъ блаженствомъ... Но вы этихъ вещей не знаете... Вашъ часъ не пробилъ еще...

— Да, мнѣ еще рано любить, сказала она сдержаннымъ голосомъ, чертя что-то зонтикомъ по песку.

— А для меня, можетъ быть, уже поздно. Но, нѣтъ! слова: «рано и поздно» въ любви не имѣютъ смысла: *le soleil n'a pas compté les astres d'évolutions fixes*. Придетъ любовь въ сентябрѣ, и опять въ душѣ расцвѣтетъ весна; опять все ликуетъ, благоухаетъ... какъ вотъ теперь въ вашемъ садикѣ... Опять грѣзы вьются, какъ павилики, и зеленѣетъ надежда, какъ свѣжая травка, и радужныя мечты несутся навстрѣчу, какъ легкія золотистыя облака... Вонъ, вонъ я вижу, летитъ по мнѣ чудное облачко, вѣстникъ близкой весны...

Онъ усмѣхнулся, замѣтивъ, что она повернула глаза и посмотрѣла на небо, при чемъ молодая головка ея, до сихъ поръ почти спрятанная въ листьяхъ вишневаго деревца, забавно выдвинулась впередъ, вся осыпанная какъ снѣгомъ, бѣлымъ вишневымъ цвѣтомъ.

— Не смотрите туда, прибавилъ онъ: — облако это видно только моимъ глазамъ.

Евгенія разсмѣялась.

— А, вотъ какъ! говорила она, торжествуя. — Вотъ какъ вы изволите фантазировать! Не догадайся я посмотрѣть, я бы, можетъ быть, вамъ повѣрила. А впрочемъ, какъ знать! можетъ быть, вы дѣйствительно имѣете особый даръ видѣть вещи, такимъ простымъ людямъ, какъ я, недоступныя...

Логуновъ закусилъ губы.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, Евгенія Платоновна! отвѣчалъ онъ, немного досадуя на себя. — Вы имѣете полное право, *sav vous bien une heure que je vous devise de poésie et de pastorale*. .. Но, простите, что я съ этимъ вздоромъ прервалъ ваше чтеніе на такомъ интересномъ мѣстѣ.

— Которому вы, однакожъ, не сочувствуете, живо подхватила Евгенія, радуясь случаю переимѣнить разговоръ. — А вѣдь вы, Александръ Михайлычъ, были неправы. Я рѣшительно на сторонѣ Rochester'a... Вы дѣлаете изъ женщины идола, въ которомъ вы обожаете ваше собственное созданіе, вашу мечту, то-есть именно то, чего въ ней нѣтъ, что вы сами ей придали, а Rochesterъ любилъ женщину дѣйствительную, свою ровню и свое подобіе! Это гораздо лучше; въ такомъ чувствѣ должно быть больше правды и искренности...

— Однакожъ, перебилъ Логуновъ: — если я смотрю на любимую женщину, какъ на бога, то вашъ герой Rochesterъ едва ли не смотритъ самъ на себя, какъ на бога: «ты мое подобіе,

и потому я тебя люблю!» Какая гордость! какое ужасное самолюбие!

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Евгенія. — Вы не такъ поняли его слова. Это—не самолюбие, а возвышенная любовь! Это не языческое поклоненіе низшаго вышнему, а сердечное отношеніе равнаго къ равному, признаніе божественнаго родства между ними, любви во имя свободы и равенства! произнесла она восторженно, выдвигаясь совсѣмъ впередъ и поднявъ голову смѣло, почти забывая, что говорить съ другимъ... Куда дѣвалась въ эту минуту застѣнчивость, робость? Въ глазахъ сверкало ясное убѣжденіе, голосъ звучалъ грудными, полными нотами.

— Это истинная любовь, я увѣрена; но, можетъ быть, идеаль-ея существуетъ только въ романахъ, продолжала она задумчиво и вдругъ остановилась, взглянула на Логунова, вздрогнула и покраснѣла.

• — Вы испугались, Евгенія Платоновна, меня, или вашей собственной смѣлости? спросилъ онъ ее съ улыбкою.

Она молчала.

— Ваша застѣнчивость очаровательна, но... она не должна мѣшать вашей откровенности со мною. Впрочемъ, можетъ быть, я слишкомъ самонадѣянно рассчитываю на вашу откровенность? Вотъ видите, теперь я и самъ испугался своей смѣлости. Но я не могу не быть откровеннымъ съ вами, вкрадчивымъ голосомъ сказалъ онъ.—Вѣрите ли вы въ симпатію, Евгенія Платоновна? спросилъ онъ неожиданно.

— Въ извѣстной степени—да! твердо отвѣчала она.

— Какъ, въ извѣстной степени?

— То есть, я думаю, что симпатія не простирается далѣе перваго впечатлѣнія, и что потомъ, когда люди ближе узнаютъ другъ друга, безотчетное влеченіе уступаетъ мѣсто сознательному чувству... дружбѣ... уваженію.

— Вы говорите сухія правила, а я держу сторону милаго исключенія, перебилъ Логуновъ.—Симпатія не всегда ограничивается простымъ впечатлѣніемъ, Евгенія Платоновна: это не рѣдко—притягательная сила личности, которая дѣйствуетъ на насъ неотразимо... Лицо, голосъ, движенія, разговоръ, характеръ, умъ, все, однимъ словомъ, намъ мило, все нравится въ этой личности...

— Но неужели нравится такъ, безъ всякой причины? спросила Евгенія.

— А вы непременно хотите доискиваться причины? Но какъ до нея добраться? Она часто таится въ кодексѣ недоступныхъ для нашей науки законовъ природы и духа и на такой глубинѣ, въ которой утонетъ самый пытливый умъ... Но оставимъ въ покоѣ науку... Признаюсь вамъ, я не люблю философствовать, тѣмъ болѣе съ милыми женщинами... Такъ вы не отвергаете симпатіи?

— Развѣ я ее отвергала? тихо спросила она.

— Въ такомъ случаѣ, вы повѣрите мнѣ, если я вамъ скажу, что эту симпатію я чувствую къ вамъ, что я почти почувствовалъ ее съ перваго взгляда. Я прошу васъ, будьте ко мнѣнисходительны, не подвергайте сомнѣнію эти слова. Надо же вѣрить чему нибудь, иначе мы придемъ къ полному отрицанію, nous arrivons au néant.

— Я ничего не отрицаю, отвѣчала она, оправдываясь и сильно сконфуженная.

— Такъ вы вѣрите мнѣ?

— Да, отвѣчала она коротко и наивно.

Логуновъ началъ съ жаромъ ее благодарить.

«За что онъ благодарить?» думала дѣвушка. «Неужели за то, что я не считаю ложью его слова?»

— Дайте же мнѣ вашу руку въ залогъ нашей будущей дружбы.

Евгенія молча протянула ему руку.

— Завтра я ѣду въ деревню и буду у васъ не раньше, какъ черезъ три недѣли. Безъ васъ... я буду часто вспоминать время, проведенное у вашей тѣтушки, и въ-особенности нашъ сегоднешній разговоръ. Прощайте...

Онъ всталъ, незамѣтно снялъ упавшій на платье Евгеніи бѣлый вишневый цвѣтокъ, посмотрѣлъ на нее съ-минуту въраздумьи, и потихоньку вздохнувъ, ушелъ.

Стрѣнскій домикъ съ зелеными ставнями принадлежалъ одной бѣдной вдовѣ города Т*, отдававшей его въ наемъ за дешевую цѣну. Въ ту пору, о которой теперь идетъ рѣчь, въ немъ помѣстилась пріѣзжая изъ столицы барыня, генеральша Елена Васильевна Звѣрзева, съ своею племянницею Евгеніею. Елена Васильевна пріѣхала въ Т* хлопотать по какому-то дѣлу, кото-

рое обѣщало деньги, и которое, за исключеніемъ скромной пенсіи, было почти единственное, что осталось у ней въ рукахъ по смерти мужа, чиновника, нѣкогда занимавшаго видное мѣсто въ служебной іерархіи. Елена Васильевна была женщина лѣтъ пятидесяти, очень почтенная, добрая и по старымъ понятіямъ хорошо образованная, но пустая и свѣтски-тщеславная. Она была экземпляръ тѣхъ нерѣдко встрѣчающихся у насъ личностей, которымъ образованіе даетъ только внѣшній лоскъ, не проникая до самой основы и зерна, до мысли и сердца, не сливаясь со всѣмъ существомъ, какъ нѣчто ему присущее и съ нимъ нераздѣльное. Наоборотъ, оно порождаетъ въ нихъ рѣзкій, непримиримый психическій дуализмъ: съ одной стороны—принципъ, или слово, блестящее, смѣлое и свободное; съ другой—безсмысленная рутина, старый обычай и предрасудокъ. И между этими крайностями нѣтъ никакой середины, борьбы и страданія, сопряженного съ нею; короче сказать—нѣтъ жизненныхъ отношеній. И—странное дѣло! это нисколько не удивляетъ, не рѣжетъ глазъ и не смущаетъ того чловека, въ душѣ котораго существуетъ подобный разладъ. А если оно, когда нибудь, и выходитъ наружу уже слишкомъ рѣзко, то обыкновенно оправдывается естественнымъ противорѣчіемъ идеала съ дѣйствительностью, или теоріи съ практикой: «не мы, дескать, виноваты, что идея и жизнь—двѣ вещи разныя... Nous ne pouvons rien à l'ordre des choses» и т. д.

Такъ точно и Звѣрева, несмотря на свое воспитаніе, довольно блестящее для того времени, и на обширное чтеніе, стояла въ сущности совершенно въ-уровень съ обыкновенными барынями изъ чиновнаго круга. Въ обществѣ она любила играть роль, но только въ такомъ обществѣ, гдѣ ея умъ могъ блеснуть, гдѣ ея фраза повторялась бы устами истинныхъ цѣнителей фразы и поклонниковъ французскаго «эвргіт»—въ обществѣ, не только равномъ ей по образованію, но даже—и это было главное—по свѣтскому съ ней положенію. Воспитанная подъ вліяніемъ энциклопедистовъ, она сдѣлалась въ молодости скептикомъ и атеисткой. Но ея скептицизмъ не былъ естественнымъ явленіемъ ума, результатомъ сомнѣнія, возникающаго въ душѣ, какъ ступень переходная отъ безусловнаго утвержденія, отъ легкомысленнаго признанія преданія и всего, что имѣетъ за собою право давности, къ тревожному вопросу, изслѣдованію и сомнѣнію, и наконецъ отъ сомнѣнія къ какой нибудь положительной истинѣ, усвоенной умомъ. Ея скептицизмъ былъ заимствованный изъ

книгъ; она поддавалась краснорѣчію, какъ всѣ женщины съ художественной, воспріимчивой натурой, для которыхъ образъ и увлекательная форма—все, и которыя по большей части возвращаются къ завѣтной старинѣ и склонны къ мистикѣ. Такъ и она, на старости лѣтъ, вдалась въ благочестіе и набожность, и одна крайность вызвала другую.

Племянница этой почтенной дамы, та самая, которую мы недавно застали въ саду, была очень молоденькая дѣвушка. Навидѣ ей казалось не болѣе восемнадцати лѣтъ, но печать сознательной мысли лежала уже на ея блѣдомъ лбу, отчего, когда она задумывалась или говорила, оно имѣла видъ старше своихъ лѣтъ. Черные глаза смотрѣли то печально, то гордо; но всегда ясно и такъ открыто, какъ будто изъ нихъ выглядывала ея чистая душа. Дѣтскій, маленькій ротикъ сглаживалъ это выраженіе строгости, а улыбка придавала ея лицу что-то простодушное, дѣтски-довѣрчивое. Ея прямой носикъ съ раздувавшимися ноздрями предвѣщалъ страстную натуру, а легкая складка промежъ тонкихъ бровей — волю, способную, вслучаѣ нужды, сдержатъ порывъ. Во всей фигурѣ ея, въ осанкѣ, словахъ, обращеніи проглядывала какая-то самостоятельность, невольно внушающая уваженіе... и эта черта была не случайная, не простой призракъ или наслѣдственный блескъ характера. Она имѣла свои причины. Евгенія очень рано лишилась матери и воспитана была отцомъ, характеръ и образъ мыслей котораго имѣли рѣшительное вліяніе на ея развитіе.

Платонъ Васильевичъ Ярцовъ былъ профессоръ исторіи. Характеръ этого человѣка былъ замѣчательный. Еслибъ онъ жилъ во времена упадка Греціи, онъ принадлежалъ бы къ великой школѣ стойковъ. Но христіанство научило его, что человѣкъ не можетъ быть самъ предѣломъ, принципомъ и цѣлью собственной жизни, что эта цѣль лежитъ внѣ его, а наука указала ему дорогу къ ея достиженію. Онъ призналъ трудъ основой жизни и передалъ это ученіе дочери. Потерявъ очень рано жену и вынужденный отказаться отъ каведры, вслѣдствіе тяжелой грудной болѣзни, онъ сосредоточилъ на ней всю силу своей привязанности и весь пылъ разбитыхъ надеждъ. Воспитаніе ея стало почти единственною задачею, единственнымъ дѣломъ его; но и тутъ онъ былъ прерванъ до срока. Безпощадная смерть застала его въ то время, когда дочь изъ ребенка дѣбалась женщиной, когда мысль ея еще окрѣпить не успѣла, и она болѣе чѣмъ

когда либо нуждалась въ его руководствѣ, въ его любви. Уединенная, бѣдная жизнь съ отцомъ въ Петербургѣ, гдѣ они жили почти совершенными пустынниками, образовала барьеръ между ею и дѣйствительнымъ міромъ. Она не была подготовлена къ той борьбѣ, которая ожидала ее неминуемо за порогомъ отцовскаго дома. Все это камнемъ лежало на сердцѣ отца въ минуты его агоніи. Невыносимо-мучительна была мысль, что онъ долженъ оставить ее, семнадцатилѣтняго ребѣнка, безъ средствъ, безъ надежнаго руководителя. Много тяжелаго горя въ жизни онъ вынесъ съ несокрушимою твердостью, но въ эту минуту мужество ему измѣнило. Онъ горько ропталъ. Съ отчаяніемъ въ душѣ, онъ отдалъ дочь на руки старшей своей сестрѣ—женщинѣ доброй и нѣжно его любившей, но неспособной понять того, что такъ мучило его въ предсмертныя минуты, и что онъ хотѣлъ бы ей завѣщать, какъ единственное, какъ самое драгоценное наследство. Это были горячія, но безсвязныя рѣчи, глубокой смыслъ которыхъ былъ недоступенъ для нея. Онъ заклиналъ беречь сироту, защищать ее отъ зла, предоставить ей полную свободу развитія, выбрать себѣ жизнь полезную; говорилъ что-то такое о необходимости труда для женщины, о независимомъ положеніи ея въ обществѣ... трудной, тяжелой борьбѣ... о возможности пасть, стать жертвой; прошепталъ еще что-то чуть слышно и умеръ, благословивъ тихо-плачущую на его груди дочь.

Съ тѣхъ поръ прошло болѣе полутора года. Потеря нѣжно-любимаго отца произвела страшный кризисъ во всемъ нравственномъ и физическомъ организмѣ Евгеніи и оставила незагладимый слѣдъ на характерѣ: она какъ-то ушла въ себя, стала робка, молчалива, стала серьезнѣе, строже къ себѣ. Печать ранней задумчивости появилась на дѣтскихъ чертахъ, и все это гнѣтомъ легло на ея отъ природы горячій, живой темпераментъ. Что-то давило ей грудь; сердце болѣзненно билось и порывалось наружу. Оно просило сочувствія, но само не легко готово было дать свою любовь. Поэтому-то она нескоро сблизилась съ тѣткою. Но ласки и попеченія Звѣревой въ ту пору, когда она лежала больная, по смерти отца, вывели ее изъ оцѣпенѣнія, и когда тѣтка, въ свою очередь, слегла, она бодро и нѣжно ухаживала за нею. Тутъ первый разъ высказался женскій, чисто практическій характеръ ея и тактъ. Эта мечтательница, этотъ безплотный ангель, какимъ считалъ ее покойный отецъ, стала вдругъ ловкой, заботливой хозяйкою, завѣдывающею всѣмъ до-

момъ. Тётка съ восторгомъ и удивленіемъ смотрѣла на эту метаморфозу. Несмотря на глубокую равницу характеровъ, эти двѣ женщины сблизились, и въ ту пору, когда мы встрѣчаемъ ихъ въ Т*, между ними установились совершенно свободныя отношенія.

Въ первое время послѣ пріѣзда своего изъ столицы, Звѣрева и Евгенія не имѣли почти ни души знакомой въ городѣ. Единственное исключеніе составлялъ Логуновъ, петербургскій знакомый Елены Васильевны, съ которою онъ встрѣчался въ былые годы, при жизни ея покойнаго мужа, въ высшихъ кругахъ чиновной аристократіи. По наружности, Александръ Михайловичъ Логуновъ былъ, что называется, въ обыкновенномъ смыслѣ красивый мужчина. Густые, свѣтло-каштановые волосы изящно окаймляли его небольшой, ровный лобъ; сѣро-голубые глаза, подчеркнутые влагою, имѣли глубокій взглядъ; черты лица были правильны; бѣлая, почти женская рука, съ длинными розовыми ногтями, была поразительной красоты; маленькіе щегольскіе усмехи худо скрывали лукавую усмѣшку, игравшую на губахъ. Но все это вмѣстѣ носило на себѣ печать личной неопредѣленности. Все было гладко и ровно на этомъ лицѣ. Въ чертахъ невозможно было уловить характера человѣка. Въ приѣмахъ замѣтна была изысканная простота, а въ рѣчахъ—искусственность; но все это было прикрыто природною живостью и бойкимъ, самоувѣреннымъ тономъ. Человѣкъ этотъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ столицѣ, пошелъ по службѣ довольно быстро; но у него не было той нѣмецкой настойчивости и выправки, которая такъ нужна, чтобы составить карьеру. При первой значительной несприятности, онъ перессорился, подалъ въ отставку и уѣхалъ въ свою деревню, въ т—ій уѣздъ.

Дня черезъ три послѣ пріѣзда въ Т*, Евгенія успѣла уже познакомиться съ городомъ. Онъ ей не понравился. У него не было своей собственной физіономіи: онъ похожъ былъ на всѣхъ своихъ братьевъ. Резиденція губернатора, съ присутственными мѣстами и красивыми зданіями на одной улицѣ, на другой онъ имѣлъ видъ простаго мѣстечка, съ бѣдными деревянными домами и съ мостиками вмѣсто тротуаровъ; а стоило повернуть за уголъ—и мѣстечко превращалось въ деревню: тутъ, покосившись набокъ, стоитъ изба, съ огромной лужею подъ воротами; дальше — колодезь, изъ котораго грязная баба черпаетъ воду бадьей, а тамъ—выгонъ со стадомъ коровъ. Какъ уживались всѣ

эти предметы рядомъ, Евгенія нивалъ не могла понять. Она видѣла только какую-то нестройность. Ее удивили тоже пустынность и какая-то мертвая тишина улицъ. Были минуты, когда она съ робостью задавала себѣ вопросъ: не свирѣпствуетъ ли какая нибудь язва, не посѣтило ли какое нибудь общее бѣдствіе жителей этого города? Они не хотятъ выйти на воздухъ, взглянуть на лѣтнее, темносинее небо, погулять вдоль берега рѣки, хотя бы только для того, чтобы расправить ноги, чтобы освѣжиться послѣ скучныхъ канцелярскихъ занятій, или хозяйственной суеты.

Мы можемъ видѣть изъ этого недоумѣнія Евгенія, что она была большая идеалистка и предполагала въ каждомъ человѣкѣ потребность природы. Немудрено: она сама такъ любила ее!

Въ маленькомъ домашнемъ садикѣ заключался заколдованный міръ ея сердца: тутъ совершались ея обѣты Богу передъ горящими образами звѣздъ, поздно вечеромъ, передъ тѣмъ, какъ она ложилась спать. Тамъ, подъ плакучими вѣтками ветлы, она ложилась на траву и оставалась такъ долго, любуясь закатомъ солнца, наслаждаясь игрою облаковъ. Тутъ она читала въ тѣни густаго черноключника, или вишневаго дерева, на скамьѣ—и въ одну изъ такихъ минутъ мы застали ее въ началѣ разсказа.

На другой день, послѣ извѣстнаго намъ разговора въ саду, Логуновъ уѣхалъ изъ города, и знакомыя его остались совершенно однѣ. Одиночество это, однако, недолго длилось.

Въ домикѣ, гдѣ поселились пріѣзжія, были еще двѣ небольшія квартирки, окнами выходившія во дворъ: одну изъ нихъ занимала сама хозяйка, а другую—какой-то учитель. Хозяйка, Анна Паладіевна Сущкова, была очень добрая старушка. Съ перваго же дня пріѣзда она была у Елены Васильевны съ визитомъ и потомъ навѣщала ее очень часто, забывая то, чтобы узнать, довольна ли Елена Васильевна квартирою, все ли въ порядкѣ, то, чтобы спросить, не нуженъ ли поваръ: она знаетъ отличнаго, непьющаго человѣка и т. д. Однимъ словомъ, почтенная Анна Паладіевна, узнавъ, что жилища ея—петербургская генеральша, лѣзла изъ кожи, чтобы угодить такой важной особѣ. Сама того, можетъ быть, не замѣчая, она приняла на себя роль фактора и въ собственныхъ главахъ сдѣлалась какъ бы отвѣтственнымъ ли-

помъ за всѣ удобства и неудобства жизни на новой квартирѣ. Была ли въ чемъ несправна горничная, ею рекомендованная, перегорѣлъ ли пирогъ на кухнѣ, былъ ли пересоленъ бульйонъ, или жаркде дурно изжарено—почтенная домовладѣтельница, узнавъ объ этомъ горестномъ обстоятельстве отъ людей, разводила руками въ ужасѣ, охала, ходила какъ оповоренная, вызывала тайкомъ виновника или виновницу и выговаривала престрого за нерадѣніе, старалась всячески вразумить, что пріѣзжал барыня—не какая нибудь купчиха или поповна, а знатная дама, и что они должны дѣнно и ношно объ этомъ помнить, и не должны дѣлать страму ни ей, ни себѣ.

Звѣреву очень забавляла ея суетливая услужливость. Она иногда сама посылала ее просить къ себѣ и нарочно съ ней заводила рѣчь о хозяйствѣ, прислугѣ... «Охъ, ужъ эти людишки, сударыня, говорила она жалобнымъ, тоненькимъ голоскомъ, церемонно усаживаясь на стулѣ:—ужъ сколько они вамъ безпокойства дѣлаютъ; а все—оттого, что у васъ душа ангельская, что вы съ ними слишкомъ по благородному обращаетесь...» и проч.

Тогда Звѣрева принималась очень красно доказывать ей необходимость, въ нашъ вѣкъ, гуманнаго обращенія съ людьми... Старушка слушала ее съ подобострастнымъ вниманіемъ, не принимая почти ничего, но тѣмъ пуще дивясь уму генеральши.

Какъ-то разъ, въ разговорѣ, она начала восхвалять Евгенію: «такая, молъ, писанная красавица, да такая тихая, добрая, и все книжки читаетъ; точъ въ точъ, не въ обиду будь сказано, какъ жилецъ ея—Дмитрій Петровичъ...»

Звѣрева знала, что на одномъ дворѣ съ ними живетъ нѣкто Карницынъ, учитель въ губернской гимназій, и нѣсколько разъ даже видѣла его изъ окна, какъ онъ возвращался къ себѣ домой съ портфелемъ подъ мышкой, а потому естественное любопытство заставило ее сдѣлать два-три вопроса. Анна Паладіевна разсыпалась похвалами...

«Смирный такой—не то, что чиновники наши здѣшніе; вотъ ужъ два года живетъ, а никто отъ него еще слова обиднаго не слыхалъ... словно монахъ какой въ кельѣ, сидитъ у себя за книжкою... Ученый, матушка, Елена Васильевна, въ университетѣ, въ Москвѣ, воспитывался, и дефломъ у него есть... примѣрно сказать: у насъ выдается первымъ ученикамъ медаль, съ надписью: «преуспѣвающему», а въ столицахъ—атестатъ такой.»

Разказы Анны Паладіевны о разныхъ подробностяхъ образа

жизни Карницына заинтересовали Звѣреву и родили въ ней желаніе узнать его поближе. Какъ всѣ свѣтскія женщины, она скучала безъ общества, а въ этой глуши она не могла быть слишкомъ разборчива въ выборѣ людей; къ тому же, Евгенія непремѣнно хотѣла еще учиться. Звѣрева очень вѣрно рассчитывала, что лучше дать ей руководителя, чѣмъ оставить ее одну на произволъ молодой фантазіи. Своимъ чуткимъ, женскимъ инстинктомъ она понимала, что перевѣсъ воображенія надъ положительными и практическими способностями можетъ сдѣлать много вреда такой воспримчивой натурѣ, какъ у Евгеніи. Она рѣшилась пригласить къ себѣ Карницына, хотя рѣшеніе это стоило ей нѣкотораго усилія надъ собою. Слова «учитель гимназіи» звучали въ ея ушахъ какъ-то очень непривлекательно. Ее возмущала мысль, что въ гостиной ея, рядомъ съ племянницей, будетъ сидѣть человѣкъ дурно одѣтый, съ дурными манерами, какимъ она представляла себѣ Карницына; но она себя утѣшала, рассчитывая, что если этотъ учитель окажется слишкомъ мужиковать, то можно будетъ найти всегда предлогъ его удалить: «вѣдь съ такими людьми не нужно большихъ церемоній.»

Такимъ образомъ Дмитрій Петровичъ Карницынъ познакомился съ Звѣревой и съ Евгеніей. Обѣ съ большимъ любопытствомъ окинули его глазами, первый разъ когда онъ вошелъ: тѣтка—съ ногъ до головы критическимъ взглядомъ; племянница—зорко и ласково. Евгенію немного смутило выраженіе этого лица—холодное и строгое. Наружность Карницына была некрасивая. Высокій, худой; длинный носъ, впалыя щоки, руки длинныя, плеча костлявыя и приподнятыя немного кверху; голосъ нервный; во взглядѣ что-то слишкомъ устойчивое и строгое; на тонкихъ сжатыхъ губахъ улыбка саркастическая. Черные съ легкой просѣдью волосы зачесаны были назадъ и падали, въ беспорядкѣ, на шею. Печать какой-то сосредоточенности лежала на всемъ человѣкѣ, и, по странному сочетанію идей, напомнила ей отца... Походка его была неровная. Онъ ступалъ какъ-то нетвердо, покачиваясь, опустивъ голову внизъ и размахивая руками. Вообще, приемы его были неловки и угловаты; сидѣлъ онъ сгорбившись и держалъ одну руку между колѣнами, а другою покручивалъ сзади концы своихъ гладкихъ, длинныхъ волосъ. Онъ былъ одѣтъ очень просто, весь въ черномъ, и съ этой стороны, по крайней мѣрѣ, Звѣрева не была слишкомъ шокирована... Разговоръ не вазался; говорила почти одна она. Карницынъ

слушалъ, бормоча иногда, какъ будто бы про себя (что показалось Звѣревой неприличнымъ), и отвѣчалъ односложно, рѣзко. Языкъ его былъ отвлеченный, книжный; видно было, что онъ не часто говорилъ въ обществѣ.

Наконецъ онъ обратился къ Евгеніи и спросилъ ее: чему она хочетъ учиться? Дѣвушка отвѣчала, запинаясь, что желаетъ учиться русскому языку.

— Гм! произнесъ онъ, взглянувъ на нее очень пристально:— вы... вы жили, конечно, тамъ, въ большомъ свѣтѣ, откуда изгнанъ родной языкъ, между людьми, которые отступились отъ своего и промѣняли его на чужое. Для нихъ не мила наша рѣчь; ихъ ухо не чувствуетъ ея музыки; они лучше любятъ французскую стереотипную фразу. Извините, сударыня, обратился онъ къ Звѣревой, замѣчая, что у той недовольный видъ:— если я высказалъ, безъ всякаго умысла, что нибудь, что вамъ не нравится.

Звѣрева снисходительно улыбнулась и едва замѣтно пожала плечами. «Не знаетъ французскаго языка, это ясно!» подумала она про себя. «Должно быть, семинаристъ.»

— Вы вѣрно—славянофилъ, спросила она насмѣшливо, глядя на руки его, которыя были безъ перчатокъ.

— Счелъ бы за честь принадлежать къ ихъ обществу, хотя раздѣляю ихъ убѣжденія не вполне, отвѣчалъ очень спокойно Карницынъ.

Звѣрева загусила губу.

— И такъ, вы хотите заниматься русскимъ языкомъ, послѣ короткаго молчанія обратился онъ снова къ Евгеніи.—Это доказываетъ, что вы сознаете необходимость болѣе тѣсной связи съ народомъ, къ которому вы волею-неволею принадлежите, произнесъ онъ наставническимъ тономъ.

— Вы, м-съ Карницынъ, принимаете насъ, кажется, за какихъ-то раскольниковъ, или ренегатовъ, которыхъ вы призваны возвратить въ лоно истинной церкви, живо вмѣшалась Звѣрева, и на этотъ разъ въ тонѣ голоса ея слышна была уже злая насмѣшка.

Карницынъ немного смѣшался.

— Слова мои, сударыня, не заключали такого смысла, началъ онъ, хватаясь потихоньку за шляпу, чтобы при первой возможности улизнуть, но Евгенія поспѣшила дать разговору другой оборотъ. Говоря, что желаетъ учиться русскому языку, она, раз-

умѣется, имѣла въ виду не грамматику, а литературу; наконецъ, она хочетъ выучиться излагать свою мысль изящно и ясно. Можетъ быть, эта программа слишкомъ обширна, но если онъ не откажется взять на себя трудъ служить ей руководителемъ, то, конечно, найдетъ въ ней прилежную и преданную ученицу.

Все это сказано было съ такимъ искреннимъ добродушіемъ и съ такимъ ласковымъ взоромъ, что Карницынъ немного примирился. Онъ обѣщалъ учить.

Разговоръ этотъ былъ въ воскресенье, а во вторникъ Карницынъ уже началъ свои уроки съ Евгеніею. Она читала и разбирала лучшихъ писателей русской и иностранной литературы (Евгенія удивилась, узнавъ, что онъ знаетъ отлично новѣйшіе языки), потомъ разсуждали и спорили. Карницынъ, замѣтивъ истинное желаніе учиться въ Евгеніи, часто засиживался до вечера. Обыкновенно его приглашали остаться пить чай; но онъ пользовался этимъ приглашеніемъ изрѣдка, все продолжая держать себя букой.

Звѣрева, присутствовавшая иногда при урокахъ, имѣла случай замѣтить обширность познаній и крутость убѣжденій Карницына. Первое невыгодное впечатлѣніе изглаживалось, и она становилась съ нимъ любезна. Она была слишкомъ умна, чтобы не цѣнить этого человѣка въ ихъ настоящемъ уединенномъ быту; но, съ другой стороны, она опасалась вліянія на Евгенію этой непрактической души и увлекательнаго фанатизма, который проглядывалъ иногда въ рѣчахъ Карницына. Она опасалась, что Евгенія черезчуръ углубится въ книги и забудетъ, что она—женщина. Короче сказать, на нее находило раздумье; не сдѣлала ли она ошибку, пригласивъ этого человѣка, и не придется ли ей въ этомъ горько раскаяваться?

Евгенія съ жаромъ кинулась въ міръ, открытый ей этимъ учителемъ. Она оживилась, стала бодрѣе и дѣятельнѣе. Душа ея трепетала отъ жажды знанія, отъ избытка горячихъ мыслей, бродившихъ въ ея молодой головѣ, для которыхъ она часто не находила словъ, а нашедши, радовалась, какъ какому нибудь открытію, какъ новому свѣту, озарившему для нея потѣмки. Страсть къ чтенію охватила все существо ея. Она просиживала за книгами цѣлые дни напролѣтъ и въ эти дни забывала себя, забывала, что существуетъ на этомъ свѣтѣ. Вся жизнь ея получила какой-то новый строй; два міра—мысли и дѣла—перемѣстились въ ея душѣ. Міръ мысли сталъ для нея дѣйствитель-

ностью, а действительность тѣмъ-то призракнымъ, дотого, что подчасъ, погружившись въ свои занятія, она не слышала и не видѣла, что происходило вокругъ. Въ этой странной метаморфозѣ пролетали для ней минуты тихаго, созерцательнаго счастья.

Ее смущали только личныя ея отношенія къ Карницыну. Характеръ ихъ былъ какой-то неопредѣленный, двойственный. Съ наставникомъ она была весела и свободна; съ человѣкомъ—въ иные минуты, поставленная лицомъ къ лицу—она вдругъ становилась робка, молчалива. «Отчего это?» спрашивала она себя невольно и не могла рѣшить. А между тѣмъ секретъ этого страннаго явленія таился въ личности Карницына. Несообщительный, замкнутый въ самомъ себѣ, какъ улитка, нѣсколько жолчный, односторонній и непрактическій, онъ вносилъ въ свои отношенія къ людямъ одинъ только жолчный, раздражительный элементъ по глубокой антипатіи къ нашему обществу. Сказать что нибудь такъ, ради шутки, слегка, или войти съ человѣкомъ, безъ всякой нужды, въ простой дружескій обмѣнъ словъ, не серьезно обдуманнаго, а скользящихъ легко по разнымъ предметамъ, подѣлиться безъ наставленій и споровъ простымъ настроеніемъ духа, или минутными, мимолѣтными впечатлѣніями—Карницыну очень рѣдко случалось. Обстоятельства ли и привычка уединенной жизни, или природа и темпераментъ были виною этой односторонности—въ результатѣ оно выходило все равно. Человѣкъ этотъ точно приросъ къ своей каедрѣ и носилъ ее за собою вездѣ. Въ городѣ, одни не любили его, а другіе такъ, просто—чуждались; иные считали его гордецомъ, а другіе—педантомъ. Никто не давалъ себѣ никакого труда съ нимъ сблизиться и узнать его покороче. Но Карницынъ и виду не показывалъ, чтобы все это тяготило его. Онъ никогда никому не жаловался на свое холодное одиночество, на свое отчужденіе отъ общества. Быть можетъ, теперь, когда онъ встрѣтился съ дѣвушкой, которая умомъ и характеромъ такъ близко подходила къ его идеалу женщины, онъ въ первый разъ пожалѣлъ о своей угловатости и суровости нрава. Но онъ думалъ, что недостатки подобнаго рода не будутъ препятствіемъ къ сближенію съ Евгеніей, и только порой беспокоился, замѣчая, какъ она иногда становилась несообщительна, несмѣла, точно боялась его. «Неужели этотъ мой проклятый характеръ прививается къ ней?» думалъ онъ.—Какъ бы то ни было, въ первое время знакомства, Евгенія какъ будто терлась въ присутствіи Карницына. Какъ и всякую женщину,

ее привлекала сила ума; но, съ другой стороны, когда между ними не было ни Шекспира, ни Гёте, ни Пушкина, ни Бѣлинскаго, и они оставались съ глазу на глазъ, умственное превосходство ея собесѣдника тяготило ее. Передъ нею и выше ея стоялъ всегда кабинетный дѣятель и педантъ, но рѣдко и почти никогда не видала она человѣка, а ей хотѣлось бы убѣдиться, что за всѣмъ этимъ умомъ и знаніемъ есть что нибудь чистоличное, чисто ему одному только свойственное и для него одного справедливое... Но напрасно глядѣла она на него: на всей внѣшней его оболочкѣ не отражался ни одинъ лучъ затаенной жизни его сердца. Его мимика не дополняла краснорѣчиво слова; его взглядъ говорилъ только о строгости его жизни, о вдохновенной вѣрѣ его въ идею и непоколебимомъ рѣшеніи трудиться для нея до конца жизни. «Онъ смотритъ на меня только, какъ на свою ученицу, какъ на дѣвочку; онъ не хочетъ возвысить меня до себя», думала иногда Евгенія, и это еще болѣе увеличивало ея робость. Съ другой стороны, онъ такъ часто напоминалъ ей отца, что она порою смотрѣла на него съ какимъ-то особеннымъ, страннымъ чувствомъ, точно какъ будто на брата.

Правда, она сознавала смутно, что въ отцѣ ея было болѣе мягкости, теплоты; но убѣжденія, несмотря на разность характеровъ, были тѣ же, и та же любовь къ идеѣ и умственному труду. Она вѣрила, что онъ продолжаетъ дѣло; начатое ея отцомъ, и ей казалось, что лучшаго преемника и самъ онъ не могъ бы для нея избрать.

Музыка, чтеніе, занятія, прогулки, разговоры съ Звѣревой и съ Карницынымъ такъ наполнили жизнь дѣвушки, что въ настоящее время душа ея ничего не просила; желанія и мечты не переходили за черту этой тихой жизни и ея мирныхъ радостей.

II.

У раскрытаго окна, за круглымъ столомъ, сидѣли Евгенія и Карницынъ. Онъ читалъ ей вслухъ статью Бѣлинскаго о романтизмѣ. Облокотясь рукою на подоконникъ, устремивъ большіе, пытливые глаза на него, она слушала съ жаднымъ вниманіемъ. Она была такъ углублена, что не слышала, какъ скрипнула дверь и не видѣла, какъ на порогѣ показался Логуновъ. Онъ остановился на мигъ. Съ любопытствомъ и не безъ маленькаго удивленія взгля-

нулъ онъ на эту неожиданную для него картину. «Кто этотъ человекъ?» подумалъ онъ: «чей голосъ раздается съ такою увѣренностью?» Невольно началъ вслушиваться. Вотъ чтó читалъ Карницынъ: «Въ наше время жизнь и дѣятельность въ сферѣ общаго есть необходимость не для одного мужчины, но точно также и для женщины, ибо наше время сознало уже, что и женщина—также точно человекъ, какъ и мужчина, и сознало это не въ одной теоріи, но и въ дѣйствительности...» Логуновъ смялъ перчатку и прошепталъ сквозъ зубы: «Какой вздоръ онъ ей читаетъ: онъ собьетъ ее совершенно съ толку. Но какой огонь въ его глазахъ, а она, Боже мой, какъ глядитъ она на него! Ужъ не влюблена ли она?» Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобы разсмотрѣть ближе читающаго. «Какой Дон-Кихоть!» подумалъ онъ на этотъ разъ съ веселой улыбкой и бодро ступилъ впередъ.

— Здравствуйте, Евгенія Платоновна! произнесъ онъ своимъ звучнымъ голосомъ.

Евгенія быстро встала. Сердце ея забилося не то отъ испуга, не то отъ радости.

— Вы... вы здѣсь? Какимъ образомъ вы вошли въ комнату? Я васъ не замѣтила. Вы, какъ волшебникъ въ сказкѣ, подойдете всегда невидимкой, прибавила она, улыбаясь и болѣе твердымъ голосомъ.

Карницынъ между тѣмъ всталъ и отошелъ всторону.

— О, еслибъ я былъ волшебникъ, я бы снялъ съ васъ тѣ чары, которыя заколдовали вашъ слухъ и зрѣніе въ ту минуту, когда я вошелъ, сказалъ онъ тихо, пожавъ ея руку.

— Ваша правда, отвѣчала она:— Бѣлинскій меня очаровалъ. Но зачѣмъ вы хотите, чтобы мой любимый критикъ-поэтъ потерялъ надо мною эту власть?

— Эта власть можетъ вамъ повредить, отвѣчалъ онъ поспѣшно. Онъ хотѣлъ прибавить еще что-то, но остановился, взглянувъ на Карницына.—Гдѣ ваша тетушка? Здорова ли она? Можно ли ее видѣть?

— Подождите минуточку. Я пойду объявлю ей пріятную новость—и прежде чѣмъ онъ успѣлъ сказать слово, она уже была за дверьми, но вдругъ воротилась и, обратясь къ глядѣвшимъ ей вслѣдъ мужчинамъ:— Позвольте, господа, познакомить васъ: Александръ Михайловичъ Логуновъ—сказала она:—Дмитрій Петровичъ Карницынъ—и тотчасъ же убѣжала.

Черезъ нѣсколько минутъ она воротилась съ тѣткой, которая

встрѣтила Логунова, какъ близкаго родственника. Она услыхъ съ нимъ на диванѣ. Евгенія отошла къ Карницыну. — Послѣ нѣсколькихъ фразъ, «Qu' est ce que c'est, que se monsieur?» спросилъ Логуновъ шопотомъ. Она объяснила.

— А! отвѣчалъ Логуновъ протяжно. — Онъ на видъ еще не такъ старъ, прибавилъ онъ. — Звѣрева поняла тайный смыслъ этого замѣчанія, и чуть замѣтная улыбка скользнула у ней на губахъ... Да... можетъ быть... отвѣчала она: — но онъ — философъ, немножко педантъ и въ добавокъ — un vrai méthodiste во всемъ, что касается до нравственности.

Евгенія просила Карницына такъ убѣдительно остаться въ чаю, что на этотъ разъ онъ согласился. За чаемъ разговоръ вертѣлся около самыхъ обыкновенныхъ вещей. Логуновъ жаловался на тупость и невѣжество мужиковъ, на хозяйственные хлопоты, на безпорядки, которые засталъ. Карницынъ говорилъ очень мало.

Послѣ чая общество перешло въ гостиную.

— Что жъ, Елена Васильевна, вы не соскучились подъ этимъ небомъ — покровителемъ дынь и арбузовъ? спросилъ Логуновъ. — Кстати, прибавилъ онъ: — вы позволите мнѣ прислать вамъ первые арбузы съ моихъ бахчей?

Звѣрева благодарила.

— Мы акклиматизируемся, отвѣчала она.

— Ради-бога, не пускайте только корней въ этой вязкой, чернотемной почвѣ.

— Вы боитесь, чтобы мы не погрязли въ ней?

— О, нѣтъ; я знаю, что это невозможно; но я боюсь, чтобы вы не срослись съ ней, не ужились здѣсь такъ хорошо, что потомъ не захочется никогда уѣхать отсюда.

— Это было бы всего лучше, и надо быть такимъ эгоистомъ, какъ вы, чтобы желать мнѣ противнаго.

— Что же дѣлать, если я эгоистъ? сказалъ онъ самодовольно, кладя ногу на ногу. — Ну да, я эгоистъ, какъ и всѣ; и признаюсь, мнѣ здѣсь скучно, по крайней мѣрѣ скучно было въ деревнѣ, а между тѣмъ мнѣ не хотѣлось бы, уѣзжая, лишиться вашего общества навсегда.

— Въ такомъ случаѣ оставайтесь съ нами, поживите здѣсь въ городѣ. Конечно, вамъ надо будетъ пожертвовать Петербургомъ навремя; а на это, я знаю, вамъ трудно рѣшиться.

— Вы думаете? произнесъ онъ, обращаясь къ теткѣ, а самъ посмотрѣлъ на Евгенію.

— О, разумѣется! отвѣчала смѣясь Звѣрева.

— Это была бы слишкомъ большая жертва! не правда ли, Дмитрій Петровичъ?—спросила Евгенія у Карницына.

— Что это? Петербургъ-то бросить? отвѣчалъ тотъ.—Да, ну, оно—какъ для кого; для инаго, пожалуй—и жертва.

— А для васъ, пожалуй—и не жертва, потому что, бьюсь объ закладъ, вы не любите Петербурга... перебила его Звѣрева.

— Не бейтесь объ закладъ, Елена Васильевна, можетъ быть, проиграете... Я—далеко не врагъ Петербурга, хотя и отдаю преимущество Москвѣ.

— Я такъ и знала. Москвичъ тотчасъ же выдаетъ себя предпочтеніемъ своимъ къ Москвѣ не только передъ Петербургомъ, но и передъ всѣми городами въ мірѣ, начиная отъ древнихъ Аѳинъ до новѣйшихъ—то есть до баварскаго города Мюнхена.

— Однакожъ, Елена Васильевна, рѣчь шла только о русской столицѣ, отвѣчалъ съ усмѣшкою Карницынъ.—О заграничныхъ я не могу судить, такъ какъ никогда въ нихъ не жилъ.

— А въ Петербургѣ вы жили? спросилъ Логуновъ.

— Да, жилъ, три недѣли.

— Чтожъ, вамъ не понравилось?

— Нѣтъ, не понравилось.

— Чѣмъ же нанримѣръ въ особенности?

— Въ особенности впечатлѣніемъ, которое онъ на меня произвелъ, а вообще—натянутостью жизни. Внутри—чиновничество, снаружи—казармы.

— А, Москва-то развѣ лучше? Внутри—купечество и орда помѣщиковъ, а снаружи—монастырскіе куполы: куда какъ хорошо!

— Хорошаго въ этомъ, конечно, ничего нѣтъ; однакожъ, купечество, помѣщичья орда, это—ядро Россіи, а петербургское чиновничество—не что иное, какъ наносная почва, на которой ничего не построишь, изъ которой ничего не вырастетъ.

— Да, перебилъ Логуновъ:—всѣ москвичи повторяютъ одно и то же: Москва, дескать—сердце Россіи! и воображаютъ, что этимъ все сказали. Пусть будетъ она, по вашему, сердце, но, согласитесь, что голова Россіи, мозгъ, слѣдовательно, эссенція ея, какъ говорятъ ваши нѣмецкіе мудрецы—Петербургъ.

— Петербургъ — мозгъ Россіи! восликовнулъ Карницынъ.—Покиньте, какой онъ мозгъ, когда онъ ничего не выдумалъ, не выработалъ ни одной мысли, никакихъ началъ общественной или

народной жизни? О чемъ же, скажите на милость, думаетъ этотъ царь Россіи?

— Конечно, ужъ не о Москвѣ, насмѣшливо отвѣчалъ Логуновъ. У Петербурга—свои заботы; онъ занятъ дѣломъ и, какъ молодой эгоистъ, вѣчно думаетъ о себѣ; а у вашей Москвы, какъ у старой сплѣтницы—толькои рѣчи, что о сосѣдѣ. Мнѣ кажется, еслибъ не было Петербурга, въ Москвѣ говорить было бы не о чемъ.

— Не знаю; но еслибъ Москвы не было, то у васъ въ Петербургѣ говорить было бы нѣ кому, то-есть разумѣется—по-русски и говорить дѣло, а не пустыя фразы.

— Отчегожъ вы такъ думаете?

— Да оттого, что всѣ сколько-нибудь извѣстные люди, хорошо говорящіе по-русски и говорящіе дѣло, переселились къ намъ изъ Москвы.

— Ктожъ, напримѣръ?

— Да вотъ, напримѣръ, хотъ Бѣлинскій.

Логуновъ нетерпѣливо пожалъ плечами. Онъ былъ несиленъ въ русской словесности и Бѣлинскаго плохо зналъ.

— Бѣлинскій? отвѣчалъ онъ небрежно:—да, помню. Это—тотъ господинъ, что нѣмецкую философію проповѣдывалъ. Ну, а никакъ не могу согласиться, чтобъ онъ хорошо говорилъ по-русски. Его безъ нѣмецкаго словаря читать невозможно, да и съ нѣмецкимъ-то словаремъ мѣстами до смысла не доберешься.

Карницынъ вспыхнулъ и готовился возражать; но Елена Васильевна перебила его.

— Да какъ же, Дмитрій Петровичъ; вѣдь вотъ же Бѣлинскій перебрался же въ Петербургъ.

— О! онъ принесъ жертву.

— Вы, стало быть, думаете, что жертву приносятъ не тѣ, которые бросаютъ Петербургъ, а тѣ, которые ѣдутъ туда? Слышите, Александръ Михайловичъ? Я съ этимъ исполнѣ согласна.

— А я—нѣтъ, отвѣчалъ Логуновъ:—я Петербургъ люблю. Для меня жертва—не возвратиться туда, а разстаться съ людьми, которыхъ я здѣсь нашелъ... Онъ замолкъ и посмотрѣлъ опять на Евгению.

— Въ жизни ничего не дается даромъ, раздался опять строгій голосъ Карницына: — все покупается жертвой.

— Ну, съ этимъ опять я не могу согласиться, отвѣчалъ Логуновъ въ прежнемъ насмѣшливомъ тонѣ:—принять это за правило, значитъ—сдѣлать изъ жизни рынокъ, базаръ, гдѣ все покуп-

пается, если не за деньги, то несравненно болѣе дорогою цѣною, цѣною слезъ и мученій; а этому я не вѣрю. Я знаю по опыту, что лучшія блага жизни даются намъ даромъ.

— Да, на минуту; но прочно принадлежитъ одно только то, что мы сами успѣли себѣ заработать и заслужить. Загляните въ исторію и вы убѣдитесь.

— Исторія? перебилъ Логуновъ презрительно:—это—траги-комическій фарсъ народовъ, въ которомъ случай играетъ роль мудрой судьбы.

— Вы думаете? Но неужели въ этомъ фарсѣ, какъ вамъ угодно было назвать жизнь народовъ, вы никогда не нападали на слѣды жертвъ, по ступенямъ которыхъ, какъ по лѣстницѣ, человечество поднималось къ своей далекой цѣли?

— Фу! какой ужасъ! воскликнулъ Логуновъ съ хорошо сыграннымъ содраганіемъ.—Я знаю только одно: еслибы я повѣрилъ этому языческому, безжалостному закону жертвы, тяготящему, какъ вы говорите, надъ человечествомъ, я бы проклялъ жизнь, я бы усумнился въ Бога! Нѣтъ, нѣтъ! рѣшительно сказалъ онъ:—я не могу съ вами согласиться! Вы дѣлаете изъ жизни какой-то костеръ всеожженія, какое-то вѣчное чистилище мучительнаго искупленія за мнимый грѣхъ! А я ищу въ жизни радости... Я бы хотѣлъ любить и наслаждаться... Любовь есть именно та змѣя, которая изгнала первыхъ людей изъ рая, сказавъ имъ: «вы боги». Но своимъ ядомъ она напоминаетъ и рай!

— Скажите, Евгенія Платоновна, обратился онъ къ дѣвушкѣ, слушавшей съ интересомъ ихъ споръ:—не правда ли, еслибъ жизнь была рядомъ необходимыхъ мученій, то Богъ не вложилъ бы намъ въ душу этого стремленія, этого страстнаго порыва къ блаженству, къ любви?

Она задумалась, какъ будто прислушивалась къ его музыкальному голосу, и отвѣчала не сразу.

— Отчего же вы думаете, Александръ Михайловичъ, сказала она тихо:—что нѣтъ счастья жертвовать собою для ближнихъ, для торжества добра и свободы, что нѣтъ радости въ подвигахъ самоотверженія?

— И вы, туда же? произнесъ Логуновъ, смотря большими глазами на дѣвушку:—въ ваши лѣта, вы вѣрите въ аскетическіе восторги сердца?

— Я не хотѣла сказать, оправдывалась Евгенія:—чтобы всѣ мы обязаны были непремѣнно жертвовать собою и отречься

отъ счастья на каждомъ шагѣ. Но мнѣ кажется, что и вы неправы, Александръ Михайловичъ, ища въ жизни одного чистаго счастья, блаженства; неправы ужъ по тому одному, что оно недостижаемо. Жажда его, это правда, лежитъ въ нашей душѣ, но мы не можемъ ее утолить.

— Почему жь?

— Потому, что эта жажда блаженства есть только стремленіе къ безконечному, залогъ будущаго развитія... отвѣчала она какъ то таинственно.

— Вѣра, Евгенія Платоновна, это—вашъ женскій конекъ, а для насъ, тяжелыхъ созданій, недоступенъ этотъ далекій край, куда васъ уносятъ надежды и мечты.

— Однакомъ, не можетъ же быть, чтобы и у васъ не было своей святыни?

— И вы хотите знать ее? Извольте. Моя святыня—женщина! Она—солнце жизни! Въ ней живетъ рай на землѣ, безъ нея все мертво и холодно! Все—для нея, всѣ труды человѣка сплетаются вънокъ цвѣтовъ, вънчающій ея прекрасную головку; дорога утаптывается и уравнивается единственно, чтобы ея ножки не спотыкались о щебень... Да, говорите что хотите, женщина есть конечная цѣль человѣчества; все—для нея и все ею! заключилъ Логуновъ, увлекаясь своимъ краснорѣчіемъ.

— Не знаю, какъ это понравится женщинамъ, сухо замѣтилъ Карницынъ:—но я, на ихъ мѣстѣ, отдалъ бы, не задумываясь, всѣ эти сокровища рабскаго обожанія за одно трезвое слово правды отъ равнаго мнѣ.

— Гм! съ вашей педагогической точки зрѣнія, вы можете быть и правы, возразилъ Логуновъ:—но въ жизни...

— Правда и въ жизни нужнѣ всего.

— Да, но какая правда? И та сухая мораль, которая въ прописяхъ пишется, и то—правда; четыре правила ариметики—тоже правда; но въ жизни этого мало. Освободясь отъ школьных цѣпей, сердце стремится къ другой, высшей истинѣ; а высшая истина жизни это—любовь!

— Любовь, если понимать это слово въ тѣсномъ смыслѣ — любви къ женщинѣ, немислима безъ уваженія; а какъ вы хотите, чтобы женщина уважала насъ, если мы станемъ валяться у ней въ ногахъ и вляться ей въ небыллицы?

Логуновъ нетерпѣливо помахалъ плечами: Его начинало бѣсить

упорное, неотвязчивое противорѣчіе человѣка, почти незнакомаго съ нимъ, и его жесткій, безцеремонный тонъ.

— Чтобы говорить о любви, отвѣчалъ онъ небрежно:— надо имѣть какое нибудь понятіе о ней. А вы, м-сье Карницынъ— извините мнѣ—кажется, не имѣете рѣшительно никакого. Я пари держу, что вы никогда не любили женщины и не были ею любимы взаимно; вы—слишкомъ серьезный человѣкъ и слишкомъ большой философъ для этого. Къ несчастью, философія не замѣняетъ любви... Знаете, продолжалъ онъ, откинувъ голову и слегка вздохнувъ:—я ничего не могу себѣ представить жалче и несчастнѣе — Логуновъ ударялъ на эти слова—человѣка, который никогда не зналъ любви женщины къ себѣ! Это — какой-то отверженный судьбою, какой-то парія!

— Да, возразилъ Карницынъ сухо и гордо: — парія, точно; но парія можетъ утѣшить себя отчасти той мыслью, что высокое счастье, котораго онъ лишенъ, изъ ста разъ 99 выпадаетъ на долю людей, вовсе его незаслуживающихъ. Вспомните шекспировскій миѳъ о Титаніи, ласкающей ослиную голову...

Звѣрева закусилъ губы и косо посмотрѣла на дерзкаго учителя, который осмѣлился въ ея гостиной пикироваться съ ея привилегированнымъ гостемъ... Она вмѣшалась въ ихъ разговоръ и дала ему другой оборотъ. Евгенія посмотрѣла на нее съ благодарностью. Бѣдная дѣвушка поблѣднѣла, замѣтивъ, что споръ принялъ враждебное направленіе. Ей стало досадно на Карницына. Въ первый разъ неласковое чувство противъ этого человѣка шевельнулось у ней на душѣ. За то что она осудила именно его, а не Логунова, или обоихъ вмѣстѣ—въ этомъ она не давала себѣ отчета. Логуновъ шутилъ, она увѣрена, безъ дурнаго умысла; но Карницынъ былъ золъ и съ намѣреніемъ—таково было ея впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ. Четверть часа спустя, Карницынъ ушелъ. Прощаясь, Логуновъ очень любезно протянулъ ему руку и высказалъ искреннее желаніе, чтобы мосье Карницынъ былъ побѣжденъ не такимъ слабымъ противникомъ, какъ онъ, а самыми могущественными и очаровательными врагами мужскаго сердца, хорошенькими глазками.

Въ этотъ вечеръ контрастъ между Логуновымъ и педагогомъ-фанатикомъ обрисовался ярко въ глазахъ Евгеніи и взволновалъ безотчетно. Миръ, которымъ она наслаждалась такъ полно, былъ вдругъ нарушенъ. Не говоря о послѣднемъ рѣзкомъ отвѣтѣ, ей было больно, что Карницынъ такъ жолчно спорилъ съ

Логуновымъ. Ей показалось, что онъ не уважаетъ его. Отчего такъ мучительна была эта мысль? вѣдь Логуновъ ей—не братъ и не другъ?—все равно, ей было очень тяжело. Съ другой стороны, она угадала вѣрнымъ женскимъ инстинктомъ, что Логуновъ, не смотря на свой свѣтски-любезный тонъ, въ душѣ чувствуетъ антипатію и даже вражду къ ея наставнику. А какъ хотѣлось бы ей, чтобы они были друзьями! Какъ было бы весело, еслибъ, встрѣтись у нихъ, эти люди поговорили бы мирно и поразказали бы что нибудь о томъ пестромъ мірѣ, который отодвинуть теперь отъ нея такъ далеко, далеко! Оба они умны, образованны, и хотя взгляды на вещи у нихъ совершенно различный, но самое это различіе и интересно. Пусть себѣ шутитъ Логуновъ (Евгенія не вѣрила, чтобы мысли, имъ высказанныя, были его дѣйствительныя убѣжденія); когда нибудь онъ заговоритъ другимъ языкомъ, сброситъ съ себя маску. Она ждала съ тревожнымъ любопытствомъ завтрашняго дня, надѣясь услышать отъ Логунова что нибудь объ ея учителѣ.

Любопытство ея было только отчасти удовлетворено. Сначала Александръ Михайловичъ не сказалъ о Карницѣ ни полуслова. Онъ казался въ хорошемъ расположеніи духа и цѣлый вечеръ смѣшилъ ея тѣтку. Темой служили разныя петербургскія личности. Общій кругъ знакомыхъ даетъ всегда готовую канву для разговора. Каждую минуту являлось новое лицо на сцену и каждую минуту оно измѣняло свое положеніе, свой костюмъ, свой складъ рѣчи и физіономію, смотря потому, говорила ли Звѣрева, или говорилъ Логуновъ. Пріятели вертѣлись и прыгали, какъ маріонетки въ рукахъ. Онъ былъ, если можно такъ выразиться, актеромъ тѣхъ характеровъ, которыхъ онъ выводилъ на сцену. Рассказывая о комъ нибудь, онъ говорилъ его языкомъ, разсуждалъ его умомъ. Видно было, что онъ зналъ хорошо людей, что всѣ пружины ихъ были имъ изучены съ тонкостью зоркаго наблюдателя. Логуновъ не выражалъ о нихъ своего мнѣнія, но заставлялъ ихъ самихъ произносить надъ собою судъ и дѣлалъ это такъ хитро, что никакой рѣшительный приговоръ не могъ имѣть такого дѣйствія на слушателя, какъ это юмористическое изображеніе. Веселость, которую онъ возбуждалъ, влѣпила печатью смѣшнаго жертвы, имъ избраннаго, и губила ихъ безвозвратно въ мнѣніи Звѣревой. Она смѣялась до слезъ; смѣхъ этотъ заразительно дѣйствовалъ на молодые нервы Евгени, хотя чувство сираваго и врожденное ей, брало иногда

невольно сторону тѣхъ, которые такъ безотвѣтно и безпошадно были обращены въ каррикатуры. Кромѣ того, эти люди были знакомые Логунова; съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ былъ даже, судя по его словамъ, въ пріятельскихъ отношеніяхъ, и это тѣмъ болѣе ее возмущало. Она рѣшилась высказать ему, что, по ея убѣжденію, всѣ лица, съ которыми мы наводимся въ короткихъ отношеніяхъ, должны быть для насъ такъ же неприкосновенны, какъ для хозяина—гость, принятый имъ радушно подъ кровъ—во времена патріархальнаго гостепріимства.

— Но мы не живемъ уже въ эти блаженные времена, съ тонкой усмѣшкой отвѣчалъ онъ.

Хотя Логуновъ не совѣтовалъ ей учиться лживой и опасной наукѣ свѣта, тѣмъ неменѣе онъ любилъ посвящать еѣ въ ея тайны. Съ этой стороны онъ могъ порисоваться передъ Евгеніей, могъ высказывать дѣйствительно нѣкоторое превосходство надъ неопытной домохозяйкою, а это было такъ заманчиво для его тщеславія! И потому онъ воспользовался случаемъ и краснорѣчиво, диктаторскимъ тономъ объяснялъ ей, что въ наше время общественныя отношенія устраиваются не на сердечномъ сочувствіи, а на условіяхъ случая, минутнаго удовольствія и, чаще всего, личнаго интереса. Въ обществѣ мы привыкли скрывать наши чувства и мысли. Но она не должна слишкомъ вооружаться противъ массы. Безъ нея и безъ этого официальнаго, свѣтскаго мундира, вмѣсто лоску и мишуры, она увидѣла бы пустоту и грязь, вмѣсто приличной фізіономіи—Богъ знаетъ какія лица, и, Богъ знаетъ, что было бы на нихъ написано: какія страсти! какіе пороки! Все, что теперь прячется подъ спудомъ, всплывало бы на поверхность и отравило бы то удовольствіе, которое она находитъ въ обществѣ. Теперь же, все—гладко, подъ равнымъ, однообразнымъ покровомъ; все носить мундиръ и форму, и ничто непріятное, гадкое не царапаетъ глазъ! Какое намъ дѣло до этой грязи? И много ли есть людей, которыхъ дѣйствительно было бы интересно узнать насквозь?... Вы видите, что общество отъ этого въ чистомъ барышѣ, заключилъ онъ съ торжествомъ.

— Боже мой, вздохнула Евгенія:—какая у васъ философія!

— Это—опытная философія... не такая мудреная и отвлеченная, разумѣется, какъ философія вашего учителя... comment l'appelez vous? Крини... Кар...

— Карницына, подсказала Евгенія. Ее глубоко огорчилъ пре-

зрительный тонъ, въ которомъ Логуновъ упомянулъ о Дмитріѣ Петровичѣ.

— Хорошій, неглупый человѣкъ, только—не практикъ, совершенное дитя въ положительной жизни; но, конечно—не такое дитя, какъ вы, Евгенія Платоновна. Онъ уже вынесъ, можетъ быть, тяжелый опытъ изъ нея; жаль только, что этотъ опытъ не сдѣлалъ его практичнѣе.

Дѣвушка молчала. Ей казалось обиднымъ защищать Карницына.

— Вы на меня не сердитесь за откровенное мнѣніе о вашемъ пріятелѣ, котораго вы, кажется, очень *почитаєте*. Его мысли дѣйствительно очень почтенны; только зачѣмъ онъ суетъ ихъ некстати, въ простомъ разговорѣ? Пусть лучше бы поберегъ ихъ для кафедры. Споръ долженъ быть веселъ, игривъ, а это дѣлаетъ его слишкомъ тяжеловѣснымъ и скучнымъ. Наконецъ, споръ—не турниръ, гдѣ ломаютъ копья въ честь истины, и не серьезная исповѣдь вѣры. Въ моихъ словахъ вчера было много шутки, а мой ученый противникъ не умѣлъ отличить ее отъ серьезнаго убѣжденія. Но онъ долженъ быть жолчнаго темперамента, и къ тому же—педаантъ, произнесъ Логуновъ съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ прибавить: я бы унизилъ свое достоинство, еслибъ вздумалъ обижаться глупыми колкостями какого-то учителя гимназіи!

Евгенія высказала ему свое удивленіе, что онъ такъ мало уважаетъ своихъ слушателей и, бросая слова на вѣтеръ, играетъ своими убѣжденіями, какъ мячиками. Онъ, смѣясь, сталъ доказывать, что въ спорѣ прежде всего надо думать о томъ, чтобъ онъ былъ занимателенъ и, что нельзя играть убѣжденіями, не высказывая ихъ.

Звѣрева, изрѣдка вмѣшиваясь въ ихъ разговоръ, поддакивала ему. Она удивлялась, какъ хорошо онъ угадалъ характеръ Карницына послѣ одного вечера, проведеннаго съ нимъ.

— Вы совершенно правы, Александръ Михайловичъ, говорила она.—*Eugénie et son maître*, это—совершенныя дѣти во всемъ, что касается до свѣта: оба мѣряютъ вещи на какой-то идеальный аршинъ. У обоихъ нѣтъ ни малѣйшей обдуманности и хладнокровія. Къ чему весь этотъ пылъ и все это негодованіе? Что, вы думаете передѣлать людей посвоему? Повѣрь мнѣ, Женни, передѣлывать въ сущности нечего. Человѣкъ всегда — одинъ и тотъ же, только покрой его мысли мѣняется... прогрессъ... это—новая мода... ни болѣе, ни менѣе.

Евгенія просто не вѣрила своимъ ушамъ; ее смутили и огорчили всѣ эти софизмы. Спорить она не въ силахъ была; но выразила наивное мнѣніе, что свѣтъ долженъ быть очень дурень, если онъ навелъ ея тѣтку на эти мысли.

Логуновъ засмѣялся. Опутавъ ее ловкими фразами, онъ щеголялъ передъ ней знаніемъ людей и мнимымъ своимъ превосходствомъ надъ ними. Всѣ свои изрѣченія онъ выдавалъ ей за мудрость такъ называемаго большаго свѣта и комментировалъ ихъ полухитливо, полусерьезно. Онъ даже набросилъ на себя интересную тѣнь страданія отъ той лжи, на которой построены наши общественныя отношенія.

Довѣрчивая какъ ребенокъ, Евгенія не замѣчала маленькаго хвастовства, проглядывавшаго въ его словахъ. Она удивлялась только противорѣчію, которое обнаруживалось между его мнѣніями, и не знала, какъ согласить ихъ. Онъ переставлялъ свои мысли иногда совершенно произвольно; а ей хотѣлось понять ихъ, связать ихъ между собою узломъ строгаго порядка, но она боялась вступить въ споръ съ Логуновымъ, чтобы еще болѣе не запутаться въ своихъ заключеніяхъ, инстинктивно сознавая, что она не въ силахъ выдержать состязаніе съ человѣкомъ, болѣе зрѣло развитымъ и болѣе опытнымъ, чѣмъ она. Но она тутъ же мысленно рѣшила, что отдастъ все слышанное сегодня на судъ Карницына.

Въ этотъ вечеръ она долго не могла заснуть. Пестрые лоскуты мыслей и странныя слова сталкивались въ ея головѣ; образъ Логунова носился долго во снѣ передъ ея воображеніемъ, полугрустный и полунасмѣшливый.

Съ головою болью проснулась она въ слѣдующее утро, разсѣяннo стала готовиться къ уроку съ Дмитріемъ Петровичемъ, занималась съ нимъ какъ-то лихорадочно и разсѣяннo. Это не ускользнуло отъ зоркаго взгляда Карницына.

— Что это **онъ** сегодня, какъ будто не въ своей тарелкѣ? спросилъ онъ ее, перебивая ея чтеніе.—Бросьте читать, когда у васъ не книга на умѣ... Зачѣмъ напрасно напрягать вниманіе? сказалъ нѣсколько жестко строгій педагогъ...

Евгенія вздрогнула и покраснѣла. Это было еще первое недовольное замѣчаніе, которое она слышала отъ своего учителя.

— Браните меня, браните, отвѣчала она покорно: — я это вполне заслуживаю.

— Благодарю васъ, что вы дали мнѣ это право, произнесъ

онъ былъ мягкимъ голосомъ:—но я поберегу его для другаго раза... Вы чѣмъ нибудь разстроены, или только заняты рѣшеніемъ какого нибудь вопроса, какихъ нибудь недоумѣній?...

— Нѣтъ... да... отвѣчала Евгенія, запинаясь... Дѣйствительно, разныя мысли и сомнѣнія бродятъ у меня въ головѣ.

— Сомнѣнія? въ ваши лѣта? О чемъ же, скажите пожалуйста?

— Въ мои лѣта?... Вы до сихъ поръ считаете меня ребѣнкомъ! съ маленькой досадою возразила дѣвушка.—Это наконецъ обидно, Дмитрій Петровичъ.

— Пожалуйста, не обижайтесь, а давайте лучше спорить и вмѣстѣ разсуждать объ этихъ предметахъ, заронившихъ сомнѣніе въ вашу молоденькую голову... Авось мнѣ удастся ихъ разсѣять....

Но Евгенія уже не слушала его...—Молоденькая?... произнесла она цѣлушопотомъ. — Стоить ли, Дмитрій Петровичъ, чтобы вы... человекъ такой серьезный и ученый... спорили о разныхъ ребяческихъ бредняхъ? сказала она громко.

— Евгенія Платоновна, ну, какъ вамъ не стыдно! сказали онъ съ упрекомъ, немного помолчавъ.—Можете ли вы даже допустить подобную мысль? Я говорю съ вами, кажется, не какъ съ ребѣнкомъ; обращаюсь всегда серьезно къ вашей мысли; даю вамъ читать книги, которыя я бы и въ руки не далъ иному двадцатипятилѣтнему юношѣ... спорю съ вами, какъ съ равной себѣ... гдѣ же тутъ, скажите, отношеніе къ вамъ, какъ въ ребенку?

У Евгениі даже глаза заблестѣли отъ удовольствія.

— Вы меня этими словами очень утѣшили, сказала она и протянула ему руку.

— Вотъ ужъ это—совершенно подѣтски... Утѣшилъ словами, какъ будто слова мои сказали вамъ другое, чѣмъ мое обращеніе? какъ будто безъ нихъ вы сами не могли-то дѣло разобратить, видѣть уваженіе человека? ворчалъ Карницынъ.

— Хорошо, хорошо! Теперь я буду всегда... всегда вамъ вѣрить безъ словъ, отвѣчала она весело:—и будьте вы нѣмъ, какъ самъ египетскій сфинксъ, я съумѣю читать даже сквозъ эту холодную непроницаемость и, разумѣется, буду все толковать въ свою пользу...

— Зачѣмъ толковать? Никакихъ толкованій не нужно, а надо смотрѣть только просто на поступки наши, какъ на выраженіе нашихъ чувствъ, мыслей, убѣжденій...

Евгенія обрадовалась этому обороту разговора. Ей очень хо-

тѣлось свести его на сомнѣнія, заброшенныя въ ея умъ скептическими замѣчаніями Логунова и Звѣревой, а на счастье ея, удобный случай самъ представился.

— Вотъ я и поймала васъ въ противорѣчіи, живо подхватила она. — Вы обращаетесь со мною серьезно, какъ съ совершеннолѣтнею; а между тѣмъ говорите такія вещи, которымъ... въ свѣтѣ... повѣрили бы одни дѣти... Сказавъ это поспѣшно, она вдругъ спохватилась. Ей стало совѣстно, что она передаетъ не свою, а чужую мысль.

— Какія вещи? какой свѣтъ? спросилъ въ недоумѣніи Карницынъ. — Ей-богу, ничего не понимаю.

— Вы выразили такое мнѣніе, объяснила Евгенія: — что наши поступки, это — результаты нашихъ понятій и чувствъ, такъ сказать, воплощенныя слова, а я хорошо знаю — она сдѣлала удареніе на послѣдней фразѣ: — *наизвѣрно* знаю, что люди носятъ маску, застегиваютъ мысли и чувства подъ форменный мундиръ, говорятъ одно, а думаютъ другое, поступаютъ совершенно иначе...

Карницынъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Вы сами это видѣли, или слышали только отъ другихъ? спросилъ онъ ее медленно, не спуская съ нея своего испытующаго взора.

Евгенія покраснѣла, будто пойманная во лжи.

— Видѣть я сама не могла... вы знаете... я не жила еще въ свѣтѣ; но тѣтушка, женщина такая опытная, такая умная, не разъ мнѣ это говорила... Я слышала тоже отъ...

— Отъ Логунова? подсказалъ онъ поспѣшно и вопросительно взглянулъ на нее.

Дѣвушка потупила глаза.

— Ну, я такъ и думалъ. Онъ — мастеръ проповѣдывать модныя теоріи... Охъ, ужъ мнѣ эти свѣтскіе философы!... сказалъ онъ съ легкимъ вздохомъ, закручивая свои волосы. — Послушайтесь моего совѣта, Евгенія Платоновна: не задумывайтесь вы слишкомъ надъ этими глаголами свѣтской мудрости. И легкая насмѣшка звучала въ его голосѣ.

— Вы говорите, Дмитрій Петровичъ, не задумываться; а между тѣмъ каждый выводъ, противорѣчащій той правдѣ, которая живетъ въ моей душѣ, раздается въ ней долго какимъ-то мучительнымъ диссонансомъ и тревожитъ меня до тѣхъ поръ, нкуда продолжается этотъ внутренній споръ.

— Но вѣдь у васъ должна же быть способность отличать

черное отъ бѣлаго, ложь отъ истины? Тутъ и спорить не о чемъ; для этого достаточно одного инстинктивнаго чувства правды... Послѣ этого, зачѣмъ же вы утверждали, что она живетъ въ вашей душѣ? — Вамъ говорили, продолжалъ, горячась, Карницынъ: — что въ свѣтѣ слово—патентованная ложь, ложь, возведенная въ ученіе, въ правило катихизиса... А вамъ на это что отвѣчали вашъ собственный, внутренній катихизисъ? Я знаю что!... Онъ вамъ сказалъ, что правда—законъ жизни, что человекъ, дорожащій своею честью, дорожитъ и своимъ словомъ, что онъ будетъ считать униженіемъ для себя говорить то, во что онъ не вѣритъ, недостойнымъ себя морочить другихъ фразами... Ein Wort — ein Mann, говорятъ очень мѣтко нѣмцы... Вѣдь, право, смѣшно и жалко надѣвать на себя маску Тартюфа...

— Однакожъ, перебила его Евгения: — эта маска Тартюфа необходима въ свѣтѣ. Безъ нея мы были бы каждую минуту оскорблены зрѣлищемъ человеческой природы, со всѣми дурными попопозновеніями ея.

— Вы смѣшиваете одно съ другимъ, Евгения Платоновна. Скрывать дурное отъ людскихъ глазъ, не выбалтывать всѣмъ свою душу и носить маску, говорить фразы—большая разница! Таиться со зломъ — вытекаетъ изъ самой сущности нашей природы, ненавидящей и инстинктивно прячущей его отъ другихъ глазъ; это даже косвеннымъ образомъ—дань, которую мы платимъ добру... Ходить же подъ забраломъ, или носить французскій кафтанъ, болтать фразы, это—фальшь, мишура, чужіе доспѣхи, которыми мы щеголяемъ, актѣрство и ренегатство! Да, надо отречься отъ своей личности, надо убить всякую оригинальность, чтобы всю жизнь разыгрывать роль, повторять заученныя фразы... Что такое фраза, какъ не призракъ мысли, наряженный въ пестрые, подкрашенные лоскутья, и что такое пустая гостинная болтовня, какъ не игра въ воланъ, или, если хотите, какъ не размѣнъ самороднаго золота нашей мысли на мѣдные гроши?

Голосъ Карницына замолкъ. Ему совѣстно было немного своего краснорѣчія и излишняго увлеченія, и онъ внутренне побранилъ себя за то, что въ разговорѣ не умѣлъ владѣть собою и кончалъ всегда проповѣдью. Но и теперь онъ еще не успокоился: онъ долженъ непременно разсѣять всѣ сомнѣнія Евгении, а онъ не знаетъ, убѣдилъ ли онъ ее, или нѣтъ.

— Что жь, Евгенія Платоновна, вы согласны со мною? спросилъ онъ ее послѣ короткаго молчанія.

— Совершенно согласна... Но... но правда не мѣшаетъ тому, что ложь принята въ свѣтъ! отвѣчала она, думая еще о словахъ Логунова.

— Въ свѣтъ? повторилъ Карницынъ. — Дался вамъ этотъ свѣтъ! Богъ съ нимъ! Не стѣдуетъ имъ много заниматься! Куда какъ онъ неинтересенъ! Свѣтской барышней, я надѣюсь, вы никогда не будете... Зачѣмъ же вамъ посвящать себя въ его тайны. Но помните всегда, что слово есть знамя человѣка, а что у свѣтскихъ людей, это—флюгеръ, вертящійся по вѣтру моды.

— Да, да! Мода — вотъ послѣднее слово этого свѣта! Даже прогрессъ называется тамъ модой, сказала Евгенія съ невольною горечью и вся покраснѣла. Слова эти вырвались у нея мимо воли, и теперь ей хотѣлось бы взять ихъ назадъ, такъ какъ, повторенныя другому человѣку, казалось ей, они заключали порицаніе мыслей ея тѣтки.

— А вы, Дмитрій Петровичъ, какъ думаете объ этомъ вопросѣ, то-есть, о развитіи? спросила она, отчасти чтобы скрыть свое замѣшательство.

— Вы дѣлаете мнѣ сегодня странные вопросы... но, извольте; я готовъ вамъ отвѣчать на нихъ, какъ умѣю... Что такое развитіе, или такъ называемый прогрессъ? Вся жизнь человѣчества заключена въ этомъ словѣ, Евгенія Платоновна! Это—стремленіе къ безконечному, это—бессмертное начало нашего духа! Прослѣдите исторію народа, и вы увидите, что часто ошибаясь, часто падая, много страдая, никогда однакожь не отчаяваясь — человѣкъ вѣчно стремится, постоянно порывается впередъ и выбивается изъ оковъ дѣйствительности; строить теоріи, создаетъ кумиры и разбиваетъ ихъ, убѣдившись, что они не соотвѣтствуютъ тому идеалу красоты, добра и свободы, который неотступно носится передъ нимъ, мучить и тревожить его, для котораго онъ съ любовью жертвуетъ личнымъ своимъ счастьемъ и не жалѣетъ даже своей крови... Безъ него жизнь немыслима; это постоянное движеніе, безконечная, какъ сама вѣчность, работа! И потому, человѣкъ, непреслѣдующій никакой высшей цѣли, остановившійся въ своемъ развитіи, жаждущій однихъ наслажденій, загубившій свою мысль въ фразѣ, уже перестаетъ быть человѣкомъ въ высшемъ значеніи этого слова и

приближается къ животному состоянію... говорилъ педагогическимъ тономъ Карницынъ.

— Вы судите строго о людяхъ, сказала со вздохомъ Евгенія. — Трудно совершенствоваться, когда столько препятствій, столько камней преткновенія лежатъ на дорогѣ, когда часто надо карабкаться на стѣну и идти противъ теченія! Трудно человѣку стремиться къ высокой цѣли, когда всѣ условія жизни сковываютъ его волю и дѣлаютъ его рабомъ чужой воли, чужой мысли. .

— Трудно — кто говоритъ? Но гдѣ была бы заслуга, еслибъ задача была легкая? Не подвигаясь впередъ, надо оставаться назади и удалиться отъ цѣли; а эта цѣль — свобода, потому что прогрессъ есть путь къ ней, Евгенія Платоновна... не надо этого никогда забывать! сказалъ онъ задумчиво.

— А куда ея нѣтъ, что дѣлать? спросила дѣвушка.

— А вотъ что... Работать умомъ, чтобы научиться думать, добыть знаніе, развить свою самостоятельность и свою волю... Это—долгъ каждаго человѣка, и этого никто не можетъ ему запретить, если только онъ въ состояніи понять свое назначеніе... Можно отнять у насъ свободу дѣйствія, но никто и ничто не въ состояніи похитить у насъ свободу мысли... Тѣло можно сковать, но душу—никогда!... Для нея нѣтъ клітокъ, нѣтъ темницы; она улетитъ изъ этихъ рѣшетокъ и останется всегда свободною, какъ птица небесная... Овладевъ тайнами общества, человѣкъ уже—не рабъ людей, а самъ—господинъ надъ ними. И что можетъ быть выше этой цѣли, какъ работать для другихъ, внести свой взносъ на пользу человѣчества!...

Карницынъ много еще говорилъ, развивая ей свои взгляды на жизнь и на людей, свои идеи о свободѣ, которой онъ давалъ самое широкое значеніе. Отъ общихъ вопросовъ они опять перешли къ частнымъ, съ которыхъ начался у нихъ разговоръ. Карницынъ совѣтовалъ быть болѣе независимой въ своихъ мнѣніяхъ, относиться самостоятельно къ разнымъ свѣтскимъ соціализмамъ, не увлекаться блестящей фразой и играющей на ихъ поверхности правдой. Онъ представилъ ей свѣтъ равнодушнымъ къ тому, что хорошо и честно, полнымъ презрѣнія ко всѣмъ благороднымъ, высокимъ идеямъ, чувствамъ и не только къ долгу нравственности вообще, но и ко всѣмъ обязанностямъ жизни. Онъ нарисовалъ ей картину легкихъ свѣтскихъ нравовъ, которая оскорбляетъ нравственный инстинктъ всякаго еще несопор-

ченнаго человѣка; указавъ ей на это злоупотребленіе и искаженіе всѣхъ словъ, на эту путаницу понятій, господствующую въ гостинныхъ и одуряющую людей дотого, что они наконецъ не умѣютъ отличить добро отъ зла, ложь отъ истины, не знаютъ, что *можно* и что *должно*. И дорисовавъ ей эту картину до конца, онъ сказалъ ей, что, по его мнѣнію, это легкое обожаніе женщинъ, эти поклоненія, смѣшанныя съ шуткою и легкомысліемъ, заключаютъ въ себѣ полнѣйшее равнодушіе къ добродѣтели женщинъ и совершенное неуваженіе къ ихъ личности... Онъ говорилъ съ жаромъ и съ такой честной и ясной мыслью, что она проникла ей глубоко въ душу.

Тайный холодъ, которымъ вѣяло отъ взглядовъ Логунова, нугалъ ее безотчетно; но она вѣрила, или хотѣла вѣрить, что это не были его настоящія, *собственные* воззрѣнія, а результатъ жизни цѣлой касты, общественнаго быта, съ ихъ обычаями и историческими преданіями. Онъ хорошо научилъ его, онъ знаетъ всему цѣну—доказательство, что онъ неподчиненъ ему и стоитъ выше его. Не говорилъ ли онъ самъ, что окружавшая его обстановка испортила ему много счастливыхъ дней. Въ его словахъ слышенъ часто какой-то грустный тонъ. И такимъ образомъ, оправдывая его въ простотѣ души, она рисовала посвоему заманчивый образъ человѣка, съ одной стороны, созданный чисто ея фантазією, съ другой, имѣвшій дѣйствительную точку опоры въ лицѣ Логунова. Онъ то привлекалъ, то отталкивалъ ее, но никогда почти не оставлялъ ея сердца въ покоѣ.

Логуновъ нанялъ себѣ квартиру въ городѣ и навѣщалъ ихъ почти каждый день. Елена Васильевна, просто, ожила со времени его пріѣзда. Онъ былъ особенно почитаемъ и внимателенъ къ ней, говорилъ больше съ ней, чѣмъ съ племянницей, игралъ даже съ ней иногда въ пикетъ и приходилъ, какъ казалось, для нея одной. Съ Евгеніей онъ не искалъ случая оставаться наединѣ и не возобновлялъ послѣднихъ разговора; онъ былъ съ нею милъ и любезенъ, но—болѣе ничего.

Если это съ его стороны была тактика, то она удалась отлично. Евгенія, видя его уваженіе къ женщинѣ, которую она такъ жгуче любила, начала на него смотрѣть другими глазами. Онъ казался ей уже не только привлекательнымъ, но и добрымъ человѣкомъ. Изъ благодарности въ размеченіе, доставляемое имъ тѣтѣ, она стала еще любезнѣе съ нимъ. Она думала, что человѣкъ, уважающій старость, не можетъ быть пустымъ или ло-

лоднымъ эгоистомъ. Она встрѣчала его всегда съ милой улыбкою и иногда, взявъ какую нибудь работу, садилась у стола, около котораго вели свою оживленную бесѣду Звѣрева съ Логуновымъ, и то вмѣшивалась въ разговоръ, то слушала его молча и, въ какомъ нибудь интересномъ мѣстѣ, опускала на колѣни работу и, подымая глаза, слѣдила за мимикой на лицѣ Логунова, какъ будто бы рѣчь его получала для нея новый смыслъ, когда ее дополняли жесты и взоръ. Этотъ взоръ оставался иногда на ней такъ пристально и такъ выразительно, что дѣвушка быстро краснѣла и опускала глаза. Съ ея стороны все было безыскусственно, безъ затаенной мысли, безъ побужденія женскаго маленькаго тщеславія. Ей никогда и въ мысль не приходило, чтобъ она ему особенно могла нравиться. Она приписывала его взгляды безсознательному увлеченію рассказчика и досадовала на себя за свое смущеніе. А онъ, смотря на нее думалъ: «какъ хороши эти глаза! какъ прелестно это лицо!» И онъ любовался этимъ лицомъ, какъ артистъ любитъ головкой Грёза, и кровь горячей волной приливала къ сердцу. Эти взгляды Логунова часто преслѣдовали молодую дѣвушку и съ каждымъ днемъ становились упорнѣе и загадочнѣе для нея. Мѣсяцъ спустя послѣ его возвращенія изъ деревни, прощаясь однажды вечеромъ съ нею и пожимая ей руку, онъ быстро нагнулся и поцаловалъ ее прежде, чѣмъ та успѣла отнять. Евгенія вспыхнула; ни одинъ человѣкъ еще не дѣлалъ этого, что сдѣлалъ онъ съ ней. Ей было стыдно и досадно, а между тѣмъ онъ сдѣлалъ это такъ просто, какъ самую обыкновенную вещь.

— Зачѣмъ вы это сдѣлали? потупя глаза, спросила она.

— Чтò такое я сдѣлалъ? спросилъ онъ, усмѣхаясь при видѣ ея замѣшательства.

— Вы знаете... зачѣмъ же спрашивать? Я не хочу... Вы не должны этого дѣлать никогда!

— Не долженъ ручки цаловать, и вы объ этомъ говорите такимъ строгимъ тономъ?

Яркій румянецъ покрылъ щеки Евгеніи; она кивнула головой молча и отвернулась, не смѣя взглянуть ему прямо въ лицо.

«Сколько въ ней дѣтскаго простодушія!» подумалъ Логуновъ. На сердцѣ его шевельнулось горячее чувство.

— Прощайте, сказала она, собираясь уйти.

— До свиданія! отвѣчалъ онъ, опять подавая ей руку.— Sans gaucherie, не правда ли?

Она ничего не отвѣчала и не дала руки.

— Какъ! вы сердитесь? О! какъ это дурно! Но я не буду больше, даю вамъ честное слово!

Слова этого онъ, однакожь, не сдержалъ. Съ этого дня подобныя сцены начали повторяться довольно часто и не всегда на прощаньи. Нерѣдко, встрѣчая ее одну, въ саду или въ комнатахъ, онъ останавливался и, протянувъ руки, смотрѣлъ на нее умоляющимъ взоромъ, и она не могла каждый разъ сердиться; а если, случалось, разсердится и пройдетъ гордо мимо, или отвѣтитъ ему съ недовольнымъ видомъ, что ей это не нравится и т. д., тогда онъ весь день—не свой, за обѣдомъ не ѣстъ, на всѣ вопросы Звѣревой отвѣчаетъ однословно; повременамъ украдкой посматриваетъ на Евгенію и какъ будто просить у нея прощенія; голосъ его измѣняется, и глядитъ онъ такъ печально; а если она сидитъ молча и отвѣчаетъ ему холодно, онъ уходитъ раньше обыкновеннаго, съ видомъ обиженнаго, несчастнаго человѣка. Тѣтка украдкой пожимала плечами, удивляясь этой манерѣ ухаживать, и не разъ хотѣла спросить Евгенію, что все это значить, но боялась, чтобы вмѣшательство третьяго лица не испортило дѣла, и съ нетерпѣніемъ ждала, что будетъ дальше. Она была такъ увѣрена въ благородствѣ и въ уваженіи къ ней Логунова, что безъ малѣйшаго опасенія позволяла ему оставаться съ племянницей и, считая его хорошимъ человѣкомъ, выгодной партіей, не только не мѣшала молодымъ людямъ сблизиться, но полагала даже себя обязанною доставлять имъ случай къ сближенію, отъ котораго часто зависить любовь. Влюбиться же они непременно должны; насчетъ этого у нея не было никакого сомнѣнія: оба молоды, интересны и видятся часто — *c'est tout ce qu'il faut*.

О возможности для Евгеніи влюбиться въ Карницына она и минуты не думала, или, вѣрнѣе сказать, не допускала ея. Учитель гимназій, какой-то *insipide*, некрасивый, худой, какъ мощи, и глазами монаха смотрящій на женщину... *allons donc*... онъ и порядочнаго комплимента не счумѣетъ сложить, не только влюбиться, и еще менѣе внушить къ себѣ «любовь» — такъ думала Звѣрева и была совершенно спокойна съ этой стороны.

А между тѣмъ сердце Евгеніи находилось въ той первой порѣ романтизма, когда оно порывается въ какую-то незнакомую, но всегда обольстительную страну и проситъ, само не зная чого; когда всѣ страстныя и высокія стремленія выража-

ются въ тоскѣ, въ неясныхъ грѣзахъ, въ поклоненіи какому-то незримому прекрасному идеалу, который сердце боготворить, но мысль не въ состояніи себя объяснить.

Въ безотчетной тоскѣ по немъ она ощущала какую-то сладость, въ томлени сердца—своего рода очарованіе. Душа искала оцущью чего-то и мучилась неутолимой жаждою, пустотою, которую ей хотѣлось бы наполнить, безсиліемъ вызвать къ жизни призраки, возникающіе безъ спроса въ фантазіи, осуществить красоту, которую она чувствуетъ и носить въ себѣ. Она гадала, вѣрила и молилась: гадала о будущемъ, вѣрила въ свой идеалъ, молилась, чтобы онъ исполнился.

Въ восемнадцать лѣтъ духовная дѣятельность обращена вся внутрь, и внѣшній міръ кажется только сценою для той драмы, которая происходитъ въ глубинѣ души. Въ эти лѣта воображеніе играетъ главную роль въ жизни женщины, и потому любовь живетъ больше въ фантазіи, чѣмъ въ сердцѣ. Дѣвушка любить, чтобы любить, и сердце бьется болѣе для любви, чѣмъ для предмета ея. Душа полна, и ей хочется передать этотъ избытокъ кому нибудь, согрѣть своимъ огнемъ другую душу, разлить на весь міръ лучи этого горячаго молодого свѣта.

Предчувствуя близость любви, она одѣвала этого милаго гостя въ радужные наряды. Любовь являлась ей чѣмъ-то святымъ и священнымъ. Онъ долженъ быть чистъ и великъ сердцемъ; его образъ олицетворяетъ добро, красоту и правду. Онъ будетъ любить ее безкорыстно, возвышенно. Они пойдутъ вмѣстѣ бодро на дѣло и на трудъ. Съ какимъ трепетомъ преклоняла она колѣни передъ этой святыней сердца; она считала бы оскверненіемъ отдать это сердце человѣку съ пустою душой, съ мелкимъ умомъ и характеромъ! Боже мой, одна мысль объ этомъ—и она вся дрожала отъ ужаса. —Лучше, во сто разъ лучше, никогда никого не любить, чѣмъ привязаться всѣми силами къ человѣку, неспособному ее понять и подать ей руку на полное нравственное равенство!

Въ этихъ мечтахъ и смутныхъ представленіяхъ застало ее признаніе Логуновъ. Вотъ какъ это случилось.

Логуновъ, пробывъ нѣсколько дней въ деревнѣ, гдѣ кончались послѣднія лѣтнія полевые работы, возвращался проселкомъ въ городъ. Онъ заѣхалъ на мельницу къ знакомому крупчанину, которому наканунѣ послалъ нѣсколько мѣръ кубаннаго и пробу лучшихъ сортовъ проса и ржи. Ему нужно было узнать,

въ какую цѣну прійметъ хлѣба купецъ, ведущій этимъ продуктомъ огромную торговлю.

Водяная мельница, куда по прекрасной, дубовой лѣстницѣ вошла Логуновъ, была отдана на аренду крупчатнику однимъ изъ самыхъ богатыхъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Снаружи, она похожа была на большой и стройный швейцарскій «chalet», съ легкими лѣсенками, сходящимися подъ угломъ, и съ разными балконами. Видъ съ балкона былъ на рѣку. Внизу — плотина и шумящая, пѣнистая струя потока, а по ту сторону рѣки, на другомъ берегу — опушка лѣса, зеленымъ мысомъ спускавшагося съ пригорка къ водѣ. У берега качался тяжелый барцасъ.

Евгенія пріѣхала на мельницу иногда съ тѣтней, иногда одна. Съ тѣхъ поръ, какъ Логуновъ прислалъ Еленѣ Васильевнѣ пару гнѣдыхъ заводскихъ коней, онѣ купили себѣ небольшой шарабанъ, «удобку», какъ прозвалъ его старый ховяинъ, и катались почти каждый день, чаще всего отираваясь на мельницу. Въ этотъ день Звѣрева чувствовала себя не совсемъ хорошо и отпустила племянницу одну.

Пріѣхавъ на мельницу, Евгенія, по обыкновенію, прошла черезъ плотину, побѣжала въ самую глушь лѣса и сѣла на вѣроху сѣна, смесенный туда ночнымъ караульщикомъ. Она накрыла его большимъ шотландскимъ платкомъ, который тѣтя дала ей наслучай дождя. Какъ хорошо ей было! Уединеніе охватило ее всю какою-то дикимъ чувствомъ свободы.

Ольхи и дубы, какъ безмолвные сторожи, стерегли ее въ таинственныхъ стѣнахъ этой зеленой крѣпости, надъ которою синѣлъ бездонный куполъ неба. Взоръ ея тонулъ въ безконечной выси его, а къ думѣ приливали какія-то торжественныя чувства.

Все такъ тихо кругомъ... но вотъ бѣлая драхва пролетѣла надъ нею съ крикомъ, а вотъ этотъ рѣзкій и чистый шумъ, это — полетъ дикой утки, а это — хохотъ лѣснаго пугача, замѣчала Евгенія про себя. Но все опять стихло; только вдаль слышится шумъ падающей воды, да въ кудрявыхъ вѣткахъ, чудится, шепчутъ призраки.

Вечерѣло. На ясномъ небѣ, вдали, отливались фантастическія громады облаковъ, какъ огнедышшія горы, хребтомъ оцѣплавшія небо. Фиолетовые, красные и золотые контуры опоясывали ихъ верхушки вѣдной, какъ радуга, каймой.

Поговоривъ съ мельникомъ, Логуновъ хотѣлъ уже кликнуть кучера, какъ неожиданно замѣтилъ «удобку» Звѣревой.

— А, Сидоръ; здорово, братецъ! отвѣчалъ онъ на низкій поклонъ кучера. — Что, барыня здѣсь?

— Елена Васильевна изволили дома остаться, а барышня-тутъ.

— Гдѣ же? спросилъ онъ поспѣшно.

— Въ лѣсокъ пошли, что по тотъ бокъ рѣки.

— Подожди, Антипъ, обратился онъ къ своему кучеру: — пусть лошади отдохнутъ, и съ этими словами онъ отправился по указанному направленію. Онъ прошелъ черезъ рыхлую плотину, которая, казалось, каждую минуту должна быть снесена ревущимъ потокомъ въ рѣку, и вошелъ въ лѣсъ.

Не скоро нашелъ онъ мѣсто, гдѣ укрывалась Евгенія. Сердце его сильно забилося, когда онъ издали увидѣлъ ее.

Она лежала на своемъ импровизированномъ диванѣ, граціозно упиравшись въ него локтями. Маленькія, стройныя, скрещенныя ножки выглядывали изъ-подъ платья. Одѣта она была по осеннему. На ней было шерстяное, одноцвѣтное синее платье, а сверху платья—черная, длинная, суконная кофта. Соломенная шляпа лежала у ногъ. Волосы зачесаны просто и гладко за уши и свернуты сзади въ массивную косу, которая какъ будто гнетъ ея головку, давая ей этотъ лѣнивый, стройный полуоборотъ... Должно быть, Евгенія замѣтила подходящаго Логунова, потому что она быстро переѣхнула свое положеніе, покраснѣла и тихонько оправила складки платья.

Логуновъ, поздоровавшись съ ней, объяснилъ, какимъ образомъ онъ заѣхалъ сюда и какъ узналъ, что она—здѣсь.

— Позвольте мнѣ сѣсть возлѣ васъ, Евгенія Платоновна, сказалъ онъ. — Вы, вѣроятно, пробудете здѣсь нѣсколько времени? Обыкновенно, вы возвращаетесь съ прогулки къ чаю, а теперь—только седьмой часъ... онъ вынулъ часы и показалъ ей.

Когда онъ сѣлъ возлѣ, на сѣно, оба молчали.

Она сидѣла, то опустивъ глаза въ землю, то, поднимая ихъ, обращала разсѣянный и тревожный взоръ на темную листву лѣса, или на небо. Она чувствовала на себѣ его взглядъ, этотъ упорный взглядъ, который какъ будто чего-то просилъ, въ чемъ-то признавался и такъ часто заставлялъ трепетать ея сердце. Молчаніе это еще болѣе ее смущало, но она не могла его прервать: мысли путались въ головѣ, слова не шли на языкъ.

— Какъ эта прекрасная, окружающая насъ картина, началъ онъ, наконецъ, не совсѣмъ ровнымъ голосомъ: — напоминаетъ мнѣ... угадайте что, Евгенія Платоновна?... Вашъ садикъ и первый нашъ разговоръ вдвоемъ... Мѣсто—совсѣмъ непохоже, а между тѣмъ этотъ лѣсъ перенесъ меня въ вашъ тѣнистый пріютъ...

— Садикъ нашъ некрасивъ... Здѣсь лучше... отвѣчала Евгенія, не зная, какъ скрыть свое замѣшательство.

— Ну, нѣтъ, не говорите, перебилъ Логуновъ: — онъ очень милъ! Какъ хороша эта лужайка, гдѣ подъ вишневымъ деревомъ вы сидѣли въ этотъ памятный для меня день. Съ тѣхъ поръ вашъ образъ такъ глубоко врѣзался въ мое сердце, что въ деревнѣ, въ уединеніи, мнѣ часто чудилось: я васъ вижу подъ деревомъ... ваша головка убрана, словно жемчугомъ, бѣлымъ вишневымъ цвѣтомъ, а солнечные лучи окружаютъ ее золотымъ свѣтомъ. Казалось, въ эту минуту... *вся* природа убирала васъ собою, что у нея было самаго свѣжаго, самаго лучшаго! О, я помню *все*, каждое измѣненіе вашего лица, голоса, каждую складку вашего платья... А вы, помните ли, продолжалъ онъ послѣ минуты молчанія: — хоть что нибудь изъ нашего разговора? и онъ обратилъ къ молодой дѣвушкѣ свои томные, блестящіе глаза. Въ его голосѣ былъ слышенъ легкій трепетъ.

Евгенія на вопросъ его склонила голову утвердительно, но ничего не отвѣчала. Душу ея захватывали, сладко волнуя, этотъ голосъ, который, казалось, подслушалъ трепетное біеніе ея сердца, гармонія словъ, отвѣчавшая какому-то тайному и чуть слышному даже для ея слуха мотиву. Какія-то играющія и будто рвущіяся изъ груди струны бились у нея въ сердцѣ.

— Помните, Евгенія Платоновна—тише и тише, точно у самаго сердца ея, шепталъ этотъ голосъ:—я говорилъ вамъ о прекрасныхъ видѣніяхъ, рисовалъ вамъ черты моего женскаго идеала! А вы... вы стояли въ эту минуту передо мною, какъ олицетворенный идеаль... Видѣніе стало женщиной... мечта—страстнымъ чувствомъ... любовью... Онъ остановился, съ трудомъ переводя духъ.

— Евгенія Платоновна, я люблю васъ... люблю безгранично, безумно! Онъ схватилъ ея руки и припалъ къ нимъ долгимъ поцалуемъ.

Логуновъ, который сначала такъ осторожно и такъ старательно подбиралъ выраженія, какъ будто хотѣлъ щегольнуть

поэтическимъ оборотомъ рѣчи, теперь уже ничего не помнилъ!... Онъ былъ точно въ бреду, и ему чудилось, что какая-то невидимая сила поднимаетъ его надъ землею.

— А что случилось съ Евгеніей? Она была вѣдь себя. Она сидѣла недвижно, безмолвно и неспомнила, сколько времени просидѣла такъ.

— Вы молчите, опомнясь сказалъ Логуновъ: — вы сердитесь за мое признаніе? прибавилъ онъ глухо.

Дѣвушка не поднимала глазъ. Она дрожала вся, съ ногъ до головы.

— Вамъ непріятна моя любовь?

— Нѣтъ! отвѣчала она почти шопотомъ, поднимая на него робкій, полуоткрытый взоръ. — Я лгать не хочу... не умѣю... Вы видите сами... что я... какъ я... Она не въ страхъ была продолжать и опустила опять глаза.

— Неужели я такъ счастливъ? началъ онъ было въ восторгѣ торжествующаго чувства; но вдругъ оробѣлъ, взглянувъ на лицо дѣвушки, на которомъ мало по малу стала замѣтна какая-то крѣпкая дума. Онъ боялся и вообще не любилъ этого выраженія «замкнутости».

— Зачѣмъ вы глядите на меня такъ мрачно? Отчего эта перемѣна? спросилъ онъ съ тревогой.

— Такъ .. я не знаю... разныя мысли приходятъ мнѣ въ голову.

— Скажите ихъ мнѣ... не скрывайте отъ меня ничего... я все хочу знать... все.

— Я вамъ скажу, тихо отвѣчала она: — только вы не подумайте, чтобы я ничего не чувствовала... была холодная... неблагодарная женщина. Я только думала, что мнѣ слишкомъ рано слушать то, о чемъ вы говорили сейчасъ... Я должна еще много сдѣлать, ко многому приготовить себя... къ труду... къ серьезному дѣлу... къ обязанностямъ...

Въ первую минуту онъ не могъ ничего понять.

— Мнѣ нужны всѣ силы въ настоящее время, продолжала она умоляющимъ голосомъ: — совсѣмъ на другое нужны... Не отнимайте ихъ у меня... Пощадите меня, ради-бога... не любите меня, не говорите мнѣ про это... про вашу... Голосъ ея оборвался; она взглянула ему въ лицо нерѣшительно; губы ея раскрылись, алая волна пробѣжала по лицу.

— Вы требуете невозможнаго! въ сильномъ волненіи отвѣчалъ Логуновъ. — Теперь уже поздно; я не могу не любить...

это чувство перешло въ кровь... И чего вы боитесь? Я, право, не понимаю. Вы говорите страшныя вещи! Къ чему вы готовите себя? къ какимъ подвигамъ, къ какой дѣятельности?

— Я еще не готова къ жизни, отвѣчала она серьезно.

— Любовь приготовить васъ къ ней лучше всякой науки.

Вы—женщина; весь міръ долженъ заключаться для васъ въ любви... ваше призваніе—любить!

— Васъ любить? задумчиво спросила она. Она печально сложила голову и прижала руки къ груди.

— Что съ вами, Евгенія Платоновна?... Ради-бога, скажите, чего вы боитесь, расскажите мнѣ все.

— Простите меня, Александръ Михайлычъ: — но я невольна въ своихъ чувствахъ... Вы не должны принимать это въ дурную сторону. Я знаю, что это глупо съ моей стороны... я говорю и поступаю какъ дитя; но что же мнѣ дѣлать? Въ сердцѣ я слышу неясное предостереженіе, въ умѣ—сомнѣніе; мучительное, несносное сомнѣніе... говорила она почти въ отчаяніи.

— Евгенія Платоновна, вы находитесь подъ вліяніемъ Карницына: онъ поселилъ въ васъ это сомнѣніе, это недовѣріе ко мнѣ.

Она отрицательно покачала головой.

— Вы несправедливы ко мнѣ... Вы вѣрите безусловно вашему учителю, вашему другу, какъ вы называете его, а мнѣ, мнѣ не хотите вѣрить, съ горечью упрекалъ онъ взволнованную дѣвушку. — Тотъ, кто готовъ для васъ на всѣ жертвы, тотъ развѣ меньше достоинъ вѣры?

Томный, краснорѣчивый взоръ признанія былъ отвѣтомъ на этотъ упрекъ. Въ немъ высказалось противъ воли ея чувство.

— Боже, что со мною? произнесла она почти безсознательно.

— Милосе дитя! страстно шепнулъ Логуновъ, склоняясь къ ея плечу, и прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, сдѣлать одно движеніе, рука его, какъ змѣя, обвилась вокругъ ея стана. Онъ отвелъ руки отъ ея лица, онъ ближе придвинулся къ ней; губы его скользнули ягучимъ слѣдомъ по ея щекѣ и пламеннымъ поцалуемъ сомкнулись на ея полуоткрытомъ, дрожащемъ ротикѣ.

Она быстро освободилась и стала передъ нимъ негодующая, трепещущая. Слезы сверкали въ ея глазахъ.

— Я ненавижу васъ! сказала она вдругъ, глухо и рѣзко; вся мягкость ея исчезла. Гордая и обиженная женщина стояла на мѣстѣ робкой, молящей дѣвушки. — Вы... вы обманули меня, употребили возло мое довѣріе! А вы еще упрекали, что я не

хочу положиться на васъ! голосъ ея дрожалъ. Она была вся блѣдна и бѣла, какъ мраморъ, а на щекахъ горѣли два розовыя пятнышка.

Выговоривъ поспѣшно эти слова, она отвернулась и пошла прочь. Сердце сильно стучало у ней въ груди, ноги подкашивались, а голова такъ кружилась, что она почти ничего не видѣла передъ собою. Нѣсколько разъ она спотыкалась о пни и коренья. Онъ догналъ и хотѣлъ поддержать ее; но она оттолкнула протянутую къ ней руку и пошла еще шибче. Замѣтивъ, что онъ идетъ сзади, она обернулась и стала.

— Оставьте меня, произнесла она твердо и сухо.—Уйдите... Я хочу... я требую, чтобы вы ушли.

Логуновъ вздрогнулъ и отступилъ шагъ назадъ. Съ минуту они смотрѣли другъ другу въ глаза: она строго и гордо; онъ робко и вопросительно. Начинало темнѣть; она сдѣлала нетерпѣливый жестъ рукой; онъ поклонился ей низко, снялъ шляпу и прошелъ мимо.

Евгенія стояла нѣсколько минутъ неподвижно, смотря ему вслѣдъ. Вся твердость ея исчезла; она пошатнулась и упала на землю.

«Такъ это правда... я ужъ люблю его?» подумала она про себя. Стыдливое чувство охватило все существо ея. Она прижала руки къ груди, какъ будто защищая свое сокровище отъ протянутыхъ къ ней объятій. «Неужели уже поздно?» прошептала она, и ей стало такъ больно, такъ страшно, что двѣ слезы упали у нея изъ глазъ. Долго сидѣла она такимъ образомъ. Безотвязный вопросъ не давалъ ей ни на минуту покоя. — Неужели это томленіе, эта нѣга—спрашивала она себя—это чуткое и упругое состояніе сердца, когда каждое его біеніе раздается во всемъ существѣ какимъ-то особеннымъ ощущеніемъ, какъ будто дано ему вдругъ шестое чувство, эта полнота жизни и радости, проникающая все существо черезъ край и разливающаяся отравой въ крови, эта печаль безъ горя, это волненіе быстрое и горячее—неужели все это—признаки любви? Неужели она любитъ его? Она подняла глаза вверхъ. Ночь наступала уже. Крупными, чудесными алмазами сверкали мириады звѣздъ на синемъ сводѣ неба. Она тяжело вздохнула. Ей стало до слезъ жаль чего-то, что она утратила, что у ней дерзко, насильственно отняли, безъ спроса, безъ вѣдома ея... Вдругъ она вскрикнула... Ей показалось, что передъ ней стоитъ Логуновъ. Ей чудилось, что онъ опять простираетъ къ ней руки и хочетъ обнять ее

Не помня себя отъ страха, вскочила она съ земли и пустилась бѣжать, безъ оглядки, безъ отдыха! Шумъ водъ въ колесѣхъ возвратилъ ей сознание. Она остановилась, чтобы оправиться отъ испуга, и только тогда вспомнила, что уже очень поздно и что тѣтка, можетъ быть, беспокоится о ея долгомъ отсутствіи. Торопливо перебѣжала она плотину, обошла мельницу, кликнула кучера и велѣла ему спѣшить скорѣе домой.

— Вона, какъ бѣжить! Видно, нечистый пугнулъ! Безстрашная барынька! Ужотко не будетъ бродить одна въ лѣсу... Долго ли до грѣха? проворчалъ мельникъ, видѣвшій какъ Евгенія бѣжала.

Догадалась ли Звѣрева по взволнованному лицу племянницы о встрѣчѣ ея съ Логуновымъ, или нѣтъ—неизвѣстно; но она не сдѣлала ей никакихъ вопросовъ, никакого упрека и сказала ей только, что самоваръ давно уже ее ждетъ.

Въ этотъ вечеръ Евгенія робко и нерѣшительно вошла въ свою комнату. Она какъ будто не смѣла переступить за ея порогъ, съ этимъ неровнымъ биеіемъ сердца, съ смутными мыслями въ головѣ, съ сознаниемъ, что что-то необычайное и не совсѣмъ хорошее съ ней случилось. Въ смущеніи сердца, ей казалось въ эту минуту, что даже стѣны упрекаютъ ее и ея любимцы-цвѣты смотрятъ печально на ту, которая не далѣе, какъ по утру, еще сама была цвѣткомъ чистоты! И чудилось уже бѣдной дѣвушкѣ, что поблекли листья на нихъ и что тѣнь съ ея омраченной души упала на яркую зелень милыхъ растений. Все кругомъ обвиняетъ ее, видится пугливой совѣсти, и она готова просить прощенія у всего, что ее окружаетъ. Дрожащей рукою она распахнула бѣлыя занавѣси своей дѣвичьей постели и сѣла, опутивъ голову, скрестивъ руки на груди. Она упала на колѣни передъ кроватью и плакала, шепча несвязныя, прерывистыя слова о какомъ-то огнѣ, который жжетъ ей сердце и отравляетъ кровь. Она молилась, но и молитва ее не успокоила. Она прикладывала руки къ губамъ, она сердилась ребяческимъ гнѣвомъ на виновника ея страданій, а между тѣмъ сердце тайкомъ оправдывало и прощало его; она негодовала, а между тѣмъ сердце дарило ему милость свою, отдавало изъ своей сокровищницы самую дорогую жемчужину!

ЕЛЕНА САЛЪЯНОВА.

ПУБЛИЦИСТЫ НОВАГО ВРЕМЕНИ (*).

I.

РОЙЕ-КОЛЛЯРЪ.

LA VIE POLITIQUE DE M. ROYER-COLLARD, ses discours et ses écrits. Par le baron de Barante. Paris, 1861 2. vols in 8°.

Жизнь политическихъ и общественныхъ дѣятелей въ наше время приобретаетъ все большее и большее значеніе въ исторической наукѣ. Государственные люди современной Европы фигурируютъ на первомъ планѣ въ исторіи; около ихъ личной дѣятельности группируются историческіе факты, около нихъ сосредоточивается, если можно такъ выразиться, историческое содержаніе эпохи. Въ рамки біографій государственныхъ дѣятелей какъ бы сама собою укладывается политическая жизнь нашего времени; нельзя, напримѣръ, придумать для новѣйшей *политической* исторіи Англіи иной формы, кромѣ длиннаго ряда біографій ея великихъ министровъ и ораторовъ. Кто-то весьма справедливо замѣтилъ, что этотъ фактъ можетъ служить критеріумомъ политической зрѣлости націй. Какъ въ древней Греціи, въ періодъ соперничества Аѳинъ и Спарты, какъ въ древнемъ Римѣ, въ періодъ республики, такъ и въ современной Европѣ, люди, въ руки которыхъ народъ сложилъ присущую ему власть, заправляютъ ходомъ политическихъ событій и сосредоточиваютъ на себѣ вниманіе историка. Можно выразиться, что тамъ, гдѣ конституціонное начало прочно укоренилось, представители народа въ парламентѣ служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и представителями его въ исторіи.

(*) Подъ этимъ заглавіемъ редакція «От. Зап.» намѣрена помѣстить рядъ небольшихъ характеристикъ извѣстѣйшихъ политическихъ писателей и дѣятелей новаго времени.

Нельзя, говоря строго, приписать сказаннаго нами къ лицу, политической жизни котораго Барантъ посвятилъ свою книгу. Ройе-Колляръ едва ли можетъ претендовать на роль передоваго дѣателя своей эпохи. Его политическое амплуа принадлежало ко второму разряду, а его личный характеръ, при всѣхъ симпатическихъ сторонахъ его, былъ далеко не изъ тѣхъ, которымъ исторія назначаетъ передовые посты. Ройе-Колляръ принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, которыхъ можно любить, уважать, даже удивляться имъ, но которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ геніальности. Было бы вполне несправедливо назвать его человекомъ бездарнымъ, одною изъ тѣхъ дюжинныхъ посредственностей, которымъ удается, выкупая нравственными качествами умственную ограниченность, приобрести довольно видное мѣсто въ исторіи. Ройе-Колляра, напротивъ, необходимо признать необыкновенно умнымъ и талантливымъ дѣтелемъ, трудившимся всегда съ безкорыстнымъ стремленіемъ принести посильную пользу обществу, и притомъ чуждымъ тѣхъ мелочныхъ, эгоистическихъ побужденій, которыя кладутъ много темныхъ пятенъ на память самыхъ геніальныхъ историческихъ личностей. Все несчастіе Ройе-Колляра заключалось въ томъ, что онъ не всегда вѣрно угадывалъ истинныя потребности общества, и что въ своей литературной и политической дѣятельности онъ проявилъ слишкомъ мало смѣлости, энергіи и самоувѣренности. Никто еще не думалъ отрицать въ немъ способности и доброй воли, но никто также не думалъ придавать имъ большаго значенія. Всегда спокойный, умѣренный, терпѣливый, всегда державшій сторону легальности и порядка, Ройе-Колляръ былъ неспособенъ ни на какіе эффекты. Хотя его дебаты въ парламентѣ были иногда удачны, хотя съ его мнѣніями иногда соглашались, но всегда какъ-то такъ случалось, что самыя важныя побѣды его не производили никакого эффекта, никакого шума: одинъ французскій публицистъ прямо выражается, что побѣжденные противники Ройе-Колляра всегда казались побѣдителями. И однакожь, при всемъ томъ, политическая дѣятельность Ройе-Колляра не лишена значительнаго интереса, потому что онъ, въ теченіе своей долгой жизни, принималъ хотя и неслишкомъ блистательное, но очень дѣятельное участіе въ событіяхъ эпохи, исполненной самаго драматическаго интереса. Его жизнь обнимаетъ наиболѣе содержательный и наиболѣе важный періодъ новѣйшей исторіи. Родившись въ 1763 году, въ самые печальные дни царствованія Людовика XV, въ своей молодости онъ былъ свидѣтелемъ и даже дѣйствующимъ лицомъ революціонной драмы, разыгравшейся въ концѣ XVIII столѣтія. Передъ его глазами

взошла и закатилась звѣзда Наполеона; онъ былъ свидѣтелемъ реставраціи бурбоновъ и паденія ихъ старшей линіи; при немъ разыгралась іюльская революція, протянулась большая часть царствованія Людовика-Филиппа, и, наконецъ, онъ умеръ почти наканунѣ февральскаго переворота, унося съ собою въ могилу смутное предчувствіе великаго политическаго кризиса. Еслибъ судьба бросила Ройе-Колляра въ болѣе глухую эпоху, среди болѣе пассивныхъ дѣятелей, можетъ быть, его скромная личность прошла бы незамѣченной въ исторіи; но, поставленный среди самой драматической обстановки, въ центрѣ самой напряженной дѣятельности, онъ отражаетъ отъ себя довольно яркій, хотя и заимствованный, свѣтъ и, помимо своихъ личныхъ качествъ, невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе историка. Нельзя не замѣтить притомъ, что Ройе-Колляръ, какъ государственный дѣятель, служить представителемъ извѣстной политической доктрины, которую онъ болѣе всякаго другаго, даже едва ли не болѣе самого Гизо, старался выразить въ теоріи и провести послѣдовательно въ практической дѣятельности. Вотъ почему мы надѣемся, что читателямъ небезинтересно будетъ познакомиться съ этой умной, честной, симпатичной, хотя далеко не гениальной, личностью, воспоминаніе о которой связано притомъ съ самыми рѣшительными событіями послѣднихъ столѣтъ (*).

I.

Дѣтство свое Ройе-Колляръ провелъ въ деревнѣ, въ провинціи Шампани. Его родители и окружавшая ихъ среда находились подъ сильнымъ вліяніемъ католицизма и іезуитизма, которые отразились на послѣдующей дѣятельности Колляра и сообщили нѣсколько суровыхъ и антипатическихъ чертъ его, попреимуществу добродѣ, характеру. О своей матери Ройе-Колляръ всегда вспоминалъ съ признательною благодарностью и любилъ рассказывать о ея набожности и аскетическомъ образѣ жизни. Суровое воспитаніе, данное ею сыну, навсегда поселило въ немъ отвращеніе къ роскоши, праздности и либерализму, и сообщало всей его внѣшности нѣсколько грубый отпечатокъ.

О первой молодости Ройе-Колляра Барантъ сообщаетъ намъ очень мало свѣдѣній, да и то, что передаетъ онъ, относится только къ умственной дѣятельности героя нашего очерка. Мальчикъ очень рано

(*) Считаемо нужнымъ предупредить читателя, что для предлагаемаго очерка мы пользовались книгою Баранты только какъ сырымъ матеріаломъ, нисколько не раздѣляя его взглядовъ и убѣжденій.

обнаружилъ наклонность къ серьезнымъ занятіямъ и любилъ подолгу размышлять о томъ, что ему удавалось прочитывать въ книгахъ. Въ шомонской коллегіи, гдѣ получилъ онъ первоначальное воспитаніе, онъ основательно изучалъ древніе языки, а въ коллегіи Сент-Омера съ такимъ успѣхомъ занимался точными науками, что ему предложили тамъ катедру математики. Но ученое поприще, какъ можно заключать изъ разсказа Баранта, мало соответствовало наклонностямъ молодого Колляра, и, побывъ еще немного времени профессоромъ въ Муленѣ, онъ переѣхалъ въ Парижъ, чтобы заняться тамъ юридической практикой.

Рое-Колляру было двадцать шесть лѣтъ отъ роду, когда вспыхнула первая революція и открыла ему новое поприще для политической дѣятельности. Часть острова св. Лудовика, къ которой онъ принадлежалъ, избрала его членомъ многочисленнаго муниципальнаго совѣта. Колляръ въ то время вполне раздѣлялъ увлеченіе и надежды, пробужденныя во французскомъ народѣ первымъ революціоннымъ взрывомъ; но его желанія и стремленія, какъ и слѣдовало ожидать, были самыя ограниченныя: онъ требовалъ только равенства всѣхъ передъ закономъ и необходимости народнаго согласія по вопросамъ о податяхъ и налогахъ. Въ «Hôtel de Ville» онъ сидѣлъ на скамьѣ умѣренныхъ, рядомъ съ Камилломъ Демуленомъ, Манюэлемъ и Дантономъ. Пока революція держалась стороны легальности и конституціонизма, Колляръ былъ преданъ ей всею душою, но какъ только, послѣ событій 10 августа, крайняя партія одержала верхъ и дѣло революціи перешло въ руки черни, онъ отстранился отъ нея и занялся частнымъ человѣкомъ въ своемъ кварталѣ св. Лудовика.

Но въ революціонныя эпохи, политическій индифферентизмъ преслѣдуется такъ же строго, какъ и открытое сочувствіе къ старому порядку; послѣ паденія жирондистовъ, Колляръ не былъ уже въ безопасности въ Парижѣ и бѣжалъ переодѣтый въ свою деревню, въ Шампань. Отца его въ то время не было уже въ живыхъ, но мать его пользовалась большимъ уваженіемъ у сосѣдей и могла надѣяться, что никто изъ нихъ не выдастъ ея сына. Колляръ поселился у нея въ домѣ и каждое утро, переодѣтый крестьяниномъ, выходилъ за плугомъ въ поле, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ своемъ дѣйствительномъ званіи. Осѣдланная лошадь день и ночь стояла наготовѣ въ конюшнѣ, чтобы ускорять на ней при первой опасности. Благодаря этимъ предосторожностямъ и еще болѣе покровительству своего земляка Дантона, Колляръ спокойно переждалъ въ домѣ матери бурю террора и явился въ Парижъ уже тогда, когда дирек-

торіи удалось возстановить нѣкоторый порядокъ и безопасность въ потрясенномъ государствѣ. Онъ занялъ мѣсто въ совѣтѣ пятисотъ.

Тогдашнему правительству предстояло выполнить трудную и многосложную задачу. Революція, пронесшись разрушительнымъ ураганомъ по Франціи, покрыла ея развалинами; старый порядокъ былъ опрокинутъ, новаго еще не являлось. Нужно было, съ одной стороны, реставрировать то, въ чемъ сохранялись еще признаки жизни, а съ другой, обезопасить взятая съ бою права отъ поднимавшейся реакціи. Правительство должно было лавировать между двумя крайними партіями: одна, враждебная не только террору, но и конституционнымъ идеямъ, заявленнымъ въ 1789 году, слѣпо порицала все революціонное движеніе и, демократическая на словахъ, втайнѣ вздыхала по старинѣ и желала возвратиться къ деспотизму и олигархіи времени бурбоновъ. Противъ этой партіи стояла другая, съ діаметрально-противоположными интересами и стремленіями. Сюда принадлежали, съ одной стороны, крайніе республиканцы, со страхомъ смотрѣвшіе на всякую попытку примирить старое съ новымъ и вѣрившіе, что только постоянный терроръ въ силахъ обуздать встававшую на ноги реакцію; а съ другой, многочисленный классъ негодяевъ, людей нравственно-испорченныхъ, которые, по разнымъ причинамъ, не успѣли воспользоваться для своихъ личныя цѣлей эпохою террора и потому желали повторенія ея. Примирить эти двѣ главныя партіи, или, что одно и то же, помирить старый порядокъ съ революціей, было задачей тогдашняго правительства.

Религіозные вопросы, какъ естественно, первые представились вниманію директоріи. Немедленнаго рѣшенія ихъ требовала самая настоятельная необходимость: эдикты, изданные конвентомъ противъ священниковъ, противъ церковной собственности, противъ внѣшнихъ отправленій католицизма, находились еще въ полной силѣ, между тѣмъ какъ общество давно уже чувствовало потребность освободиться отъ нихъ. Большинство французскаго народа давно уже освободилось отъ обаянія атеизма и религіи разума, компрометированной sacerdotальными выходками Робеспьера, и начинало ощущать потребность въ возстановленіи католицизма. Но, съ другой стороны, существовала еще довольно многочисленная партія, видѣвшая въ католической реставраціи рѣшительный поворотъ къ старому, и утверждавшая, что католицизмъ немислимъ безъ деспотизма свѣтской власти и духовной тираніи. Правительству предстояло выбирать между желаніями той и другой партіи, и оно благоразумно склонилось на сторону большинства. Оно рѣшилось возстановить католицизмъ на сте-

пени господствующей религіи, не стѣсняя притомъ безусловной свободы совѣсти и вѣроисповѣданія.

Честь этой мѣры, положившей первое начало къ водворенію легальнаго порядка во Франціи, сполна принадлежитъ Ройе-Колляру. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ преніяхъ о возстановленіи католицизма, и рѣчь, которую онъ произнесъ по этому поводу, рѣшила религіозный вопросъ въ томъ смыслѣ, какой мы только что указали. Эта рѣчь можетъ быть названа одною изъ лучшихъ, когда либо произнесенныхъ Колляромъ, какъ потому, что нигдѣ такъ блѣстательно не развилъ онъ всей силы своей діалектики, такъ въ особенноти потому, что мнѣніе, защищаемое имъ въ этой рѣчи, было мнѣніе большинства, между тѣмъ какъ въ другихъ законодательныхъ проектахъ, съ которыми выступалъ онъ въ палатѣ, онъ проводилъ свои чисто личные взгляды, иногда очень узкіе и въ высшей степени ретроградные. Но и въ этомъ замѣчательномъ произведеніи его ораторской дѣятельности есть одно большое мѣсто, въ которомъ отразились ультрамонтанскія убѣжденія Ройе-Колляра: ратуя за возстановленіе католицизма, Колляръ ставитъ его непремѣннымъ условіемъ освобожденіе священниковъ отъ присяги законамъ республики, слѣдовательно, проводить принципъ независимости іерархіи отъ государства — принципъ, враждебный преданіямъ галлканской церкви.

Вскорѣ затѣмъ мы встрѣчаемъ Ройе-Колляра среди новаго рода дѣятельности. Французскіе эмигранты, во главѣ которыхъ стояли будущій Лудовикъ XVIII и графъ Артуа, изгнанные революціонною бурей изъ Франціи, не теряли надежды возвратити современемъ свои права и свою собственность. Они съ радостью слѣдили, какъ мало по малу утихало революціонное движеніе, какъ все болѣе и болѣе усиливалась во французскомъ народѣ потребность выйти изъ переходнаго состоянія и успокоиться отъ продолжительныхъ и тревожныхъ волненій, и выжидали время, когда обстоятельства позволятъ имъ наконецъ возвратиться въ отечество. Къ несчастью для нихъ, въ ихъ личномъ характерѣ заключалось много препятствій въ успѣшному достиженію ихъ цѣлей. Воспитанные въ старыхъ понятіяхъ и предразсудкахъ, повинувшіе родину при самомъ началѣ революціи, они неспособны были оцѣнить переворотъ 1789 года и смотрѣли на Францію съ самой ложной точки зрѣнія. Въ ихъ понятіяхъ, революція представлялась минутною катастрофой, вызванной случайнымъ слѣпленіемъ обстоятельствъ, и они твердо вѣрили, что эти обстоятельства скоро переживутся. Агенты Лудовика XVIII и графа Артуа доставляли имъ самыя превратныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи: они пред-

ставляли ее странною, стонавшею подъ игомъ тирановъ, насильственно захватившихъ власть въ свои руки, а народъ французскій — проклинавшимъ этихъ тирановъ и съ затаенною надеждою выжидавшимъ то время, когда ему можно будетъ броситься въ объятія своихъ старыхъ, любимыхъ бурбоновъ. Между тѣмъ во Франціи были люди, искренно желавшіе добра отечеству, видѣвшіе въ восстановленіи бурбоновъ лучшее средство къ водворенію порядка въ государствѣ и скорбѣвшіе о томъ, что эти бурбоны слѣдуютъ самой неблагоприятной и антинаціональной политикѣ. Эти-то люди, среди которыхъ Ройе-Колляръ пользовался наибольшимъ вліяніемъ, задумали помочь и Франціи, и бурбонамъ, способствуя послѣднимъ какъ можно ближе познакомиться съ первою. Съ этою цѣлью они составили таево-называемый «тайный совѣтъ Лудовика XVIII», главною задачею котораго было доставлять претенденту точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи и тѣмъ руководить его политикою. Они силились разрушить въ умѣ короля вредныя плузіи о расположеніи къ нему французскаго народа, о бесилии республиканскаго правительства и царствовавшей будто бы во Франціи анархіи, старались отвлечь его отъ связей съ иностранными дворами, дѣлавшихъ его измѣнникомъ въ глазахъ народа, и вообще навести на вѣрный путь политику бурбоновъ. Имена членовъ этого совѣта оставались неизвѣстными и претенденту, и директоріи, и даже едва ли зналъ ихъ въ точности первый консулъ: всѣ дѣйствія ихъ были облечены таинственностью, и имъ старались придать совершенно частный, неофіціальныи характеръ. Дѣлами совѣта, какъ кажется, управлялъ Ройе-Колляръ; по крайней мѣрѣ, всѣ письма, адресованныя совѣтомъ къ Лудовику XVIII, принадлежать Ройе-Колляру, или писаны подъ его редакціей. Этими письмами онъ старался вывести Лудовика XVIII изъ апатическаго бездѣйствія, въ которое погружала его увѣренность въ своей чрезвычайной популярности въ народѣ, и внушить ему вѣрное понятіе о положеніи дѣлъ во Франціи. «Гдѣ, государь, тѣ арміи, которыя опустошаютъ нашу страну?— писалъ онъ къ королю въ 1803 году. Гдѣ партіи, призывающія имя вашего величества? гдѣ интриги, замышляемыя подъ покровомъ этого священнаго имени? Развѣ кровь течетъ еще? развѣ дѣло идетъ о томъ, чтобъ остановить ее? Нѣтъ. Франція отдыхаетъ среди глубокаго мира, съ тѣхъ поръ, какъ за бразды правленія взялся человекъ, столь же необыкновенный, какъ и судьба его (*). Одни наслаждаются тишиною, безъ воспоминаній о прошломъ, безъ заботъ о будущемъ;

(*) То-есть Бонапартъ.

другіе, сохраняющіе еще вѣрность вашему величеству, въ судахъ, въ лагеряхъ, въ совѣтахъ повинуются, однакоже, этому человѣку, подчиняясь его временной власти, необходимость которой они признають? Во всѣхъ письмахъ Ройе-Коллара прорывается пламенное патріотическое чувство и благородный энтузіазмъ гражданина. Онъ желаетъ, чтобъ престолъ Франціи возвратился къ бурбонамъ, но только въ такомъ случаѣ, если бурбоны будутъ того достойны. Съ благороднымъ и смѣлымъ негодованіемъ обличаетъ онъ передъ Лудовикомъ XVIII его нечестную политику и разбиваетъ, одну за другою, его самонадѣянные иллюзіи. Но претендентъ и его приближенные были не изъ тѣхъ, которые умѣютъ слушаться благоразумныхъ совѣтовъ. Воспитанные въ интригахъ двора, систематически развращавшаго народную нравственность, они привыкли смотрѣть на людей съ циническимъ презрѣніемъ. Сами чуждые всякаго патріотическаго чувства, они не предполагали его и въ другихъ; сами мелкіе торгаши въ душѣ, они подозрѣвали во всемъ корыстный расчетъ, видѣли вездѣ интригу, продажность. Ройе-Колларъ и его товарищи скоро убѣдились, что бурбоны ихъ не понимаютъ, что купленную золотомъ преданность шуановъ они предпочитаютъ ихъ безкорыстному патріотизму, и, что всѣ усилія ихъ разорвать связи эмигрантовъ съ Англіей останутся тщетными. Члены тайнаго совѣта увѣрились наконецъ, что они трудятся попусту, и Ройе-Колларъ извѣстилъ Лудовика XVIII, что его совѣтъ болѣе не существуетъ. Имена членовъ его, какъ были, такъ и остались никому неизвѣстными.

II.

Съ распущеніемъ «тайнаго совѣта», надолго прекратилась политическая дѣятельность Ройе-Коллара. Новый корякъ вещей, наступившій тогда во Франціи, оставлялъ мало престола частной инициативѣ. Диктатура Наполеона исключала всякую независимую личную дѣятельность и удаляла отъ политическаго поприща людей, дорожившихъ своею нравственной самостоятельностью. Ройе-Колларъ, принадлежавшій къ числу ихъ, снова занялъ частнымъ человѣкомъ, посвящая все свое время чтенію, размышленію и бесѣдамъ съ людьми, близкими къ нему по образу мыслей и политическимъ симпатіямъ. Въ кругу немногихъ избранныхъ друзей, изъ числа которыхъ Барантъ передаетъ намъ имена Бенкея, Катрмера-де-Канса, Венью, Пансея, Виндербурга, Монтескью, онъ проводилъ свое время среди взаимнаго обмѣна мыслей, надеждъ, убѣжденій, желаній. Дни его проходили въ непрерывной умственной работѣ, которая не давала задремать его мысли и увели-

чивала капиталъ знаній, внесенныхъ имъ въ первоначальнаго образованія. Умственные средства его въ то время такъ усилились, что когда Пасторе, профессоръ философіи въ парижскомъ университетѣ, сдѣланъ былъ сенаторомъ, Ройе-Колларъ, никогда специально занимавшійся философіей, могъ занять его катедру. Сначала, впрочемъ, онъ долго отказывался отъ этого назначенія, и только настоятельныя просьбы Фонтана, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, вызвали его согласіе. Фонтанъ при этомъ требовалъ, чтобъ новый профессоръ, по заведенному обычаю, вставилъ въ свою вступительную лекцію нѣсколько словъ въ похвалу императору; но Ройе-Колларъ отказалъ ему въ томъ наотрѣзъ и прочелъ первую лекцію безъ всякаго обращенія къ Наполеону. Лекція эта имѣла такой успѣхъ, что императоръ пожелалъ прочесть ее въ печати, и былъ на этотъ разъ такъ деликатенъ, что не замѣтилъ въ ней неспріятнаго для него упущенія.

Ройе-Колларъ, какъ мы сказали, никогда не занимался специально философіей, и потому не имѣлъ систематическихъ познаній въ этой наукѣ; но его умъ былъ существенно философскій: во всемъ искалъ онъ внутренняго значенія и общихъ философскихъ законовъ. Кромѣ того, онъ много и со вниманіемъ читалъ Бэкона, Декарта, Лейбница и Кондильяка, царившаго въ то время во Франціи, и такимъ образомъ былъ достаточно приготовленъ къ занятію катедры, очень высоко поставленной тогда въ парижскомъ университетѣ. Въ то время нѣмецкая и шотландская философія были почти неизвѣстны во Франціи и подъ именемъ философіи понимали тамъ матеріалистическія теоріи писателей XVIII вѣка, въ томъ видѣ, въ какомъ формулировалъ ихъ Кондильякъ. Однажды, проходя по улицѣ, Ройе-Колларъ случайно замѣтилъ на столѣ книгу Рида: «Исслѣдованія о челоѣческомъ разумѣ» (*An inquiry into the human mind, on the principles of common sense, by T. Reid.*), въ переводѣ на французскій языкъ. Имя Рида было совершенно неизвѣстно Коллару, но заглавіе книги заинтересовало его. Онъ купилъ ее, взялъ съ собою въ деревню, прочелъ нѣсколько разъ со вниманіемъ, купилъ другія сочиненія Рида, и передъ нимъ открылся цѣлый міръ. Слѣдуя по пути, указанному Ридомъ (который признаетъ источникомъ знанія самонаблюденіе), Колларъ сталъ подвергать анализу свой собственный разумъ, слѣдить за развитіемъ мысли, за процессомъ понятія, котораго онъ вовсе не смѣшивалъ съ ощущеніемъ, однимъ словомъ, предавался изученію челоѣческаго духа, его способностей и дѣятельности. Вооруженный новыми средствами, которыя доставили ему эти наблюденія, онъ выступилъ профессоромъ исторіи философіи.

Въ то время большимъ успѣхомъ пользовались лекціи Ларомигьера. Ларомигьеръ принадлежалъ къ школѣ Кондильяка, но съ большою осторожностью принималъ выводы своего учителя и не вполне безусловно держался матеріалистическаго воззрѣнія. Не называя философіи Кондильяка ложною, онъ обличалъ ее въ важномъ упущеніи, дѣлавшимъ ее неполною. Онъ отрицалъ возможность перехода ощущенія въ понятіе при пассивномъ состояніи духа, то-есть когда представленіе о какомъ нибудь предметѣ является только посредствомъ ощущенія. «Душа, говоритъ Ларомигьеръ, не можетъ быть простымъ зеркаломъ; очевидно, что она одарена жизнью, что она есть сила, способная дѣйствовать». Такимъ образомъ, Ларомигьеръ, вовсе не желая подрывать авторитетъ Кондильяка, а думая только дополнить и округлить его систему, бросилъ первый камень въ матеріалистовъ; Ройе-Колляръ взялся продолжать атаку.

Въ теченіе всего курса, продолжавшагося два съ половиною года, онъ не переходилъ за предѣлы круга, очерченнаго имъ самимъ для своихъ лекцій: разъясненія понятія, возбуждаемаго внѣшними предметами. Въ этомъ частномъ вопросѣ онъ умѣлъ совмѣстить анализъ всего того, что происходитъ въ человѣческой душѣ: анализъ мысли, духовныхъ способностей и дѣятельности, различныхъ логическихъ и психологическихъ процесовъ, и т. д. Чтобы понять, каковыя образомъ ощущеніе становится понятіемъ, говорилъ Колляръ, надо сперва познать наше собственное существо и то, что въ насъ происходитъ; надо различать представленіе внѣшнихъ предметовъ отъ внутренняго представленія необходимыхъ истинъ, независящихъ отъ ощущенія, и сомнѣваться въ которыхъ невозможно. Таково понятіе о пространствѣ, независящее отъ существованія какаго нибудь тѣла; понятіе о времени, независящее отъ единицъ, его измѣряющихъ; понятіе о причинности всякаго наблюдаемаго нами факта, и т. д. Говоря другими словами, Ройе-Колляръ, слѣдуя по стопамъ Рида, попытался внести въ философію баковскій методъ точнаго наблюденія фактовъ, методъ наведенія, отъ частныхъ данныхъ восходящій къ общимъ естественнымъ законамъ.

Въ первое время, передъ Ройе-Колляромъ собиралась очень малочисленная аудитория. Большинство слушателей оставалось вѣрнымъ Ларомигьеру, блестящая импровизация котораго производила на молодые умы неотразимое впечатлѣніе. Ройе-Колляръ далеко уступалъ ему въ силѣ слова и чарующемъ краснорѣчіи; онъ не могъ импровизировать; онъ явился на кафедру послѣ долгой подготовительной работы, съ набросанной на бумагѣ лекціей. Слово таянулось у него

за словомъ чрезвычайно туго. Иногда чтенія его переходили въ бесѣду; онъ выслушивалъ возраженія аудиторіи и давалъ на нихъ отвѣты. Серьёзная, полная содержанія, рѣчь его овладѣвала наконецъ мало по малу умами слушателей, и профессоръ могъ съ удовольствіемъ замѣчать, какъ послѣ каждой лекціи все болѣе и болѣе наполнялась его, вначалѣ немногочисленная, аудиторія. Успѣхъ его чтеній сдѣлался наконецъ несомнѣннымъ и доставилъ ему почетное мѣсто въ рядахъ той философской школы, современнымъ представителемъ которой служить Викторъ Кузень.

Вступленіе союзниковъ въ Парижъ положило конецъ педагогической дѣятельности Ройе-Колляра: реставрація снова выдвинула его на политическое поприще, закрытое до того времени самовластіемъ Наполеона. Колляръ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ новаго правительства, составившагося изъ Таллейрана, Монтескью, Беньйо, Луи, и др. Онъ занялъ мѣсто въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которымъ завѣдывалъ его другъ, аббатъ Монтескью, и секретарь его Гизо. Монтескью, по своимъ политическимъ симпатіямъ, принадлежалъ къ старой аристократической партіи, поставившей задачей новаго правительства возстановить, какъ можно полнѣе, прежній порядокъ и вознаградить, насколько позволить средства, людей, пострадавшихъ въ эпоху революціи и имперіи. Хотя онъ не принадлежалъ къ числу эмигрантовъ и былъ очевидцемъ событій послѣднихъ тринадцати лѣтъ, но, обращаясь постоянно въ кругу аристократовъ, онъ оставался какъ бы чужеземцемъ въ новой Франціи, въ полномъ невѣдѣніи ея обычаевъ, законовъ, страстей, интересовъ. Онъ соглашался, что необходимо признать законность нѣкоторыхъ скромныхъ реформъ, вызванныхъ настоятельными требованіями времени, но онъ былъ чуждъ всякаго либерализма и въ убѣжденіяхъ, и въ желаніяхъ. Когда ему поручили написать проектъ конституціонной хартіи, онъ поставилъ исходными пунктами ея слѣдующія два положенія:

Правительство составляютъ король и его министры;

Палаты имѣютъ служебное назначеніе, какъ подпора, а не какъ противовѣсіе королевской власти.

Ретроградные взгляды Монтескью и его помощниковъ, между которыми Ройе-Колляръ и Гизо занимали первое мѣсто, не замедлили обнаружиться. Первый поводъ къ тому подалъ вопросъ о свободѣ печати. Въ хартіи говорилось: «Французы имѣютъ право печатать свои мнѣнія, сообразуясь съ законами, которые должны *подавать* злоупотребленія этою свободою.» Предназначенно неопредѣленный смыслъ этой статьи подалъ поводъ къ двоякому толкованію ея: одни говорили,

что подъ словомъ *подавлять* подразумѣваются полицейскія мѣры противъ авторовъ, злоупотребившихъ свободою печати; другіе утверждали, что это слово указываетъ на учрежденіе предварительной цензуры. Ройе-Колляръ держалъ сторону послѣднихъ, и въ этомъ смыслѣ написалъ, по порученію Монтескью, законъ о прессѣ. Не смотря на ожесточеніе оппозиціи, справедливо видѣвшей въ этомъ законѣ первое нарушеніе конституціонныхъ правъ, уставъ о цензурѣ былъ принятъ, хотя съ значительными измѣненіями, большинствомъ ста-тридцати голосовъ противъ восемнадцати. Ройе-Колляръ торжествовалъ.

Чтобы безошибочно оцѣнить государственную дѣятельность Ройе-Колляра, мы должны дать здѣсь нѣкоторое объясненіе взглядамъ и стремленіямъ той партіи, къ которой принадлежалъ онъ по своимъ политическимъ симпатіямъ. Событія первой революціи образовали во французскомъ обществѣ два направленія. Люди пылкаго политическаго темперамента, воспитанные въ идеяхъ 1793 года, или даже бывшіе участниками кровавыхъ событій той эпохи, смотрѣли на революцію почти какъ на вожделенное *statu quo*, къ которому должны стремиться народы, а республику и демократію называли единственными государственными формами, гарантирующими политическую и гражданскую свободу націй. Послѣдователи другаго направленія, люди болѣе умѣренные, напротивъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ вспоминали о революціи; они не вѣрили въ прочность существованія демократической республики, и единственно надежную гарантію свободы общества видѣли въ парламентарныхъ формахъ народнаго представительства. Разбирая убѣжденія обѣихъ партій теоретически, мы, безъ сомнѣнія, должны склониться на сторону послѣдователей втораго направленія: революціонные перевороты имѣютъ значеніе въ исторіи только какъ насильственные выходы изъ того порядка вещей, въ которомъ нельзя добиться легальнымъ путемъ необходимыхъ преобразованій; поэтому всякая революція есть историческій кризисъ, и еслибъ кто-нибудь захотѣлъ возвести ее въ *statu quo*, то-есть пожелалъ бы непрерывной революціи, то такое желаніе всякій назвалъ бы въ высшей степени преступнымъ. Неменѣе справедливо также и то, что демократическая организація государства, къ которой неудержимо стремится западное общество, далеко не осуществляетъ того политическаго идеала, который смутно носится въ умахъ лучшихъ мыслителей республиканской партіи, и что мы должны признать наиболѣе совершенными тѣ государственныя формы, въ которыхъ исторически выросшія и освященныя народной санкціей охранительныя учрежденія полагаютъ преграду излишней ревности и опрометчивости политиче-

ских реформаторовъ. Но нельзя не замѣтить, съ другой стороны, также и того, что теоретическіе выводы очень часто могутъ и даже должны измѣняться, вслѣдствіе различнаго сдѣленія временныхъ и мѣстныхъ условій. Въ политическомъ мірѣ очень трудно достигнуть идеальнаго равновѣсія всѣхъ силъ и стихій общественнаго организма: очень часто одна партія, одна система беретъ перевѣсъ надъ прочими, и тогда мирныя конституціонныя учрежденія колеблются подъ напоромъ правительственнаго деспотизма или народнаго своеволія. Въ такомъ случаѣ необходима та или другая крайность, чтобъ возстановить нарушенное равновѣсіе. Когда въ Англіи, этой классической странѣ конституціонизма, властолюбивые короли или торійскіе министры увлекали страну по пути реакціи, виги, не задумываясь, предлагали самыя радикальныя мѣры, отъ которыхъ, при другихъ условіяхъ, они съ ужасомъ отшатнулись бы, какъ отъ фантома революціи. Мы не должны забывать притомъ, что въ этимъ самымъ конституціоннымъ формамъ, которымъ мы такъ удивляемся, англійская нація пришла цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ революцій. Стало быть, въ политической жизни народа встрѣчаются эпохи, въ которыя партія, воплощающая въ себѣ въ обыкновенное время истинные интересы страны, должна измѣнить своему знамени, чтобъ не увлечь націю къ гибели. Въ такомъ точно критическомъ положеніи находилась Франція въ эпоху первой реставраціи: министерство, тогда образовавшееся, состояло изъ самыхъ крайнихъ консерваторовъ, зачатыхъ враговъ преданій 1789 года, а бурбоны, въ главѣ многочисленной эмиграціи, ввозили съ собою въ Парижъ духъ Версаля и Палеро-аля. Такимъ образомъ, условія времени требовали, для спасенія хартіи, самыхъ напряженныхъ усилій либеральной партіи. Вопросъ поставлялся не въ томъ, какого рода свободныя учрежденія надо даровать Франціи, а въ томъ, чтобы сохранить хотя тѣнь свободы, угрожаемой повсемѣстной реакціей. Парламентаристамъ предстояло страши-ться не республиканской, а авторитарической партіи, потому что не съ той, а съ этой стороны грозилъ опасность конституціи. Понятно, что при такихъ условіяхъ законъ о цензурѣ былъ самымъ тяжелымъ ударомъ для либеральной партіи, а отвѣтственность за этотъ законъ безраздѣльно падаетъ на Ройе-Коллара и его помощника, Гизо.

Было бы весьма несправедливо, впрочемъ, заключать по этому частному факту о направленіи всей политической дѣятельности Ройе-Коллара. Это направленіе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо ни ретрограднымъ, ни антинаціональнымъ. Ройе-Колларъ былъ чело-вѣкъ вполне либеральнаго образа мыслей; правда, онъ не вдавался

въ крайности, но за эту умѣренность мы едва ли имѣемъ право упрекнуть его. Все несчастіе его заключалось въ томъ, что онъ принадлежалъ къ той партіи, которую началъ въ то время собирать вокругъ себя Гизо, и которая потомъ, подъ именемъ партіи доктринѣровъ, приобрѣла не совсѣмъ лестную извѣстность и въ литературномъ, и въ политическомъ мірѣ. Кроме того, Ройе-Колларъ не могъ похвалиться самостоятельностью своихъ политическихъ убѣжденій: онъ часто поддавался вліянію лицъ, его окружавшихъ, и не обладалъ способностью глубоко анализировать современное положеніе дѣлъ, ставилъ иногда свою политическую дѣятельность въ зависимость отъ опцтовъ и воспоминаній, вынесенныхъ имъ изъ прошлаго. Его такъ запугала революція, ужасовъ которой онъ былъ очевидцемъ, что онъ видѣлъ ее повсюду и готовъ былъ рѣшиться на самыя крайнія мѣры, чтобы обезпечить Францію отъ возвращенія террора. Его мало успокаивало то обстоятельство, что министерство, образовавшееся во время реставраціи, состояло изъ заклятыхъ враговъ новаго порядка; онъ видѣлъ всюду броженіе умовъ, ожесточеніе парламентской оппозиціи, и боялся, чтобы революціонныя идеи, которыхъ онъ такъ страшился, не прорвались въ журналистику и не нарушили бы столь дорогаго для него общественнаго спокойствія. Вотъ почему спѣшилъ онъ связать прессу учрежденіемъ предварительной цензуры, вполне увѣренный, что эта цензура никогда не будетъ въ состояніи стѣснить законную свободу слова.

Однимъ изъ самыхъ значительныхъ вопросовъ, занимавшихъ Ройе-Коллара въ первое время реставраціи, была реформа высшихъ учебныхъ заведеній во Франціи. Наполеонъ, стремившійся сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ отрасли государственнаго управленія и подчинить своему строгому контролю политическую и умственную жизнь народа, основалъ въ 1806 году парижскій университетъ, давъ ему чисто административное назначеніе. Это заведеніе должно было, по плану, начертанному самимъ Наполеономъ, завѣдывать народнымъ воспитаніемъ въ цѣлой Франціи, управлять высшими учебными заведеніями, назначать имъ директоровъ, учителей, и т. д. Профессора сдѣлались чиновниками, поступили на жалованье къ правительству, а ученое поприще стало служебною карьерою, наравнѣ со всѣми прочими вѣдомствами. Частныя воспитательныя заведенія были уничтожены, то-есть запрещено было содержать ихъ лицамъ, не бывшимъ членами императорскаго университета. Всей организаціи народнаго обученія данъ былъ вполне officialный, административный характеръ, и все въ ней безусловно было подчинено строгому контролю

правительства. Ройе-Колляръ, по порученію Монтескью, составилъ проектъ новаго устава высшихъ учебныхъ заведеній, въ которомъ, между прочимъ, мы читаемъ слѣдующія замѣчательныя строки: «Давъ отчетъ объ организаціи народнаго просвѣщенія въ нашемъ государствѣ, мы нашли, что она покоится на учрежденіяхъ, предназначенныхъ болѣе служить политическимъ видамъ правительства, нѣмъ создаваемаго, чѣмъ распространять на нашихъ подданныхъ (*) благотворенія нравственнаго и сообразнаго съ потребностями вѣка воспитанія. Мы зрѣло обсудили эти учрежденія, и намъ показалось, что управленіе единой и абсолютной власти несовмѣстно съ либеральными видами нашего правительства; что зависимость и частныя смѣны преподавателей дѣлали ихъ положеніе сомнительнымъ, вредили уваженію къ нимъ общества, для нихъ необходимому» и т. д. По этому проекту предполагалось открыть во Франціи семнадцать университетовъ, изъ которыхъ каждый управлялся бы совѣтомъ подъ предсѣдательствомъ ректора, и кромѣ того нормальную школу (École normale), предназначенную для приготовленія учителей и профессоровъ. Проектъ этотъ былъ утвержденъ королемъ, но возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы и послѣдовавшая затѣмъ вторая реставрація помѣшали его осуществленію.

III.

Въ слѣдующія затѣмъ шесть лѣтъ, съ 1815 года до министерства Виллеля, политическая дѣятельность Ройе-Колляра представляетъ мало интереса. Убѣжденія, которыми онъ руководствовался въ это время, и мѣры, которыя онъ поддерживалъ въ парламентѣ, мало возбуждаютъ въ насъ сочувствія. Въ эту печальную эпоху, общій характеръ которой выражается тягостнымъ чувствомъ безсилія и усталости, пронизавшемъ въ умы политическихъ людей тогдашней Франціи, Ройе-Колляръ не устоялъ противъ потока свирѣпствовавшей тогда реакціи: все ближе и ближе примыкалъ онъ къ кружку людей, выдвинутыхъ реставраціей, все глубже проникался ихъ взглядами и стремленіями. Слѣдя за его политическою дѣятельностью въ эту эпоху, невольно приходишь къ мысли, что отъ природы свѣтлый умъ его отуманился, что его сердце, сочувственно бывшее до той поры въ отвѣтъ на все великое и благородное, зачерствѣло среди суровой атмосферы, которою долженъ былъ дышать онъ, какъ членъ тогдаш-

(*) Ройе-Колляръ говоритъ въ этомъ уставѣ отъ имени правительства.

наго правительства. Досадно перечитывать его рѣчи, относящіяся къ этому періоду: узкій, невѣжественный консерватизмъ, затхлый духъ реакціи, смѣсь клерикальных и солдатскихъ идей — вотъ что обнаруживается въ его тогдашней политической дѣятельности. Боязнь революціи сдѣлалась для него пунктомъ умственного помѣшательства и источникомъ цѣлаго ряда репрессивныхъ мѣръ. Таковы его рѣчи по вопросамъ объ общественной безопасности, объ организаціи народнаго образованія, объ университетахъ, о конкортахъ съ папою, о свободѣ прессы, о полицейскомъ контролѣ надъ журналистами, о политическихъ изгнанникахъ, о безнорядкахъ, произведенныхъ студентами, и т. д. Особенно характеристична, въ извѣстномъ смыслѣ, послѣдняя рѣчь Ройе-Колляра — по поводу волненій въ школахъ правовѣдѣнія. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Одинъ профессоръ уголовного права привлекалъ въ свою аудиторію огромное число слушателей, которымъ нравилась егѡ безпристрастная и независимая критика дѣйствующаго уголовного кодекса. Но въ числѣ студентовъ было много такихъ, которыхъ шокировала слишкомъ свободная, по ихъ мнѣнію, рѣчь профессора; они принялись заглушать его слова криками, свистами, и т. п. Другіе, напротивъ, стали съ увлеченіемъ аплодировать; въ аудиторіи произошелъ беспорядокъ, и деканъ запретилъ продолженіе курса. Оскорбленный профессоръ протестовалъ противъ этой мѣры, а студенты, по выраженію Баранта, обошлись неуважительно съ деканомъ. Но высшее начальство оправдало поведеніе декана и уволило профессора. Студенты, не смотря на то, явились на слѣдующую лекцію, и найдя двери аудиторіи запертыми, разорвали приблизное къ дверямъ объявленіе о прекращеніи курса, силою вошли въ аудиторію, и разсѣвшись по скамьямъ, открыли совѣщаніе о томъ, что имъ слѣдовало предпринять. Большинство голосовъ рѣшило подать прошеніе въ палату депутатовъ. Тогда явился префектъ полиціи, съ отрядомъ солдатъ, которые звѣрскимъ образомъ очистили аудиторію. Школа правовѣдѣнія (то-есть юридическій факультетъ) была закрыта, профессоръ и многіе студенты были схвачены и преданы суду. Другіе студенты, спасшіеся отъ услужливой ревности префекта и его солдатъ, собрались на бульваръ Мон-Парнасъ и подписали прошеніе въ палату депутатовъ, въ которомъ въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ просили правительство не лишать ихъ полезной дѣятельности профессора, «отличавшагося своими дарованіями, нравственными качествами и привязанностью къ конституціонной хартіи» (*).

(*) Это прошеніе не было принято палатою депутатовъ.

По поводу этих-то происшествій, Ройе-Колляръ произнесъ рѣчь, изъ которой мы приведемъ здѣсь наиболѣе характеристическіе отрывки.

«Каждый изъ васъ знаетъ, что, около шести мѣсяцевъ тому назадъ, обнаружилились нѣкоторые безпорядки, сначала въ коллегіи Лудовика Великаго, а потомъ въ кантской. Но вы не знаете, гг., что въ то же время подобныя безпорядки возникали, хотя безъ усѣха, въ коллегіяхъ, удаленныхъ одна отъ другой и неимѣвшихъ между собою никакого сообщенія. И всѣ эти безпорядки вытались произвестъ, такъ сказать, среди полного мира, при самомъ дѣлительномъ надзорѣ и самой строгой дисциплинѣ, и притомъ противъ начальниковъ опытныхъ и уважаемыхъ. Еще менѣе того знаете вы, гг., что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ заведеній, какъ это несомнѣнно доказано, безпорядки были возбуждены съ-извѣстными, безсмысленными прокламаціями. Эти несчастныя дѣла, которыхъ побуждали въ поступкамъ самаго преступнаго буйства (*la plus criminelle violence*), были не въ состояніи сказать, чего они требовали, на что они жаловались, чѣмъ были обижены. — Много примѣровъ такихъ буйныхъ сценъ въ коллегіяхъ, но нѣтъ примѣра дѣлу, подобному нынѣшнему (то-есть безпорядкамъ въ школѣ правовѣдѣнія) — дѣлу, которое могло совершиться только при самой ненавистной испорченности (*la plus odieuse corruption*) молодыхъ людей и даже дѣтей. Это преступленіе совершенно новое; его нѣтъ въ исторіи партій. — Волненія въ коллегіяхъ переходили даже за стѣны заведеній: студенты медицинскаго факультета простирали свою оппозицію власти до того, что въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не являлись на лекціи.» (III) Обращаясь снова къ безпорядкамъ въ школѣ правовѣдѣнія и указывая на обнаружившійся при этомъ духъ мятежа, Ройе-Колляръ продолжаетъ: «Не одна внутренняя дисциплина училища была въ опасности, но и весь общественный порядокъ. Могло ли начальство колебаться хотя минуту принять рѣшительныя мѣры? Нѣтъ, гг., нѣтъ; слабость была бы измѣною. — Черезъ долгое время послѣ того, какъ порядокъ и тишина будутъ восстановлены, мы охотно признаемъ въ наказанныхъ нами проступкахъ честныя и великодушныя чувства; но теперь тому не время.»

Какъ мало понималъ Ройе-Колляръ современное положеніе дѣла во Франціи и какъ скептически относился онъ къ интересамъ, волновавшимъ тогдашнее французское общество, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующаго письма его, писаннаго наканунѣ министерства Виллеля.

«Немного приходится мнѣ сказать вамъ, любезный другъ; однакожъ, я не отправлюсь въ деревню, не подавъ вамъ признака жизни. Есть вещи, которыя теперь стали очевидны, чѣмъ были нѣсколько мѣся-

цевъ назадъ. Такъ, напримѣръ, въ союзѣ министерства съ правой стороною обнаружился обманъ, и союзъ разорванъ. Эта маленькая революція будетъ имѣть свои послѣдствія, и они скоро дадутъ себе почувствовать, несмотря на всѣ усилія предотвратить ихъ. До сихъ поръ глубокая тайна, или, если хотите, глубокая вербѣщательность, покрываетъ все. Со всѣхъ сторонъ такъ устали, такъ обезсилѣли, что не покусятся ни на что. Я не знаю, что будетъ черезъ мѣсяць, черезъ недѣлю, черезъ день, и никто не знаетъ болѣе меня, потому, что нѣтъ науки о хаосѣ—вотъ мое доктринѣрское сужденіе. Публика во всемъ этомъ принимаетъ очень мало участія: ее гораздо болѣе занимаетъ Греція. Народъ не знаетъ имени Виллеля, но онъ знаетъ о жестокостяхъ турокъ, которыхъ онъ считаетъ ультра-грехами. Опытные люди дѣлаютъ свои предположенія. Они предвидяютъ переходъ отъ русскаго вліянія къ англійскому, перемѣну министерства въ этомъ смыслѣ, и, если случатся какіянибудь демонстраціи, то перемѣну во внутренней политикѣ.

«Прощайте, мой другъ; я буду радъ съ вами увидѣться и обниму васъ отъ всего сердца. Вы еще любите свѣтъ; а мнѣ кажется, что для меня, безъ васъ и еще очень нежныхъ, онъ былъ бы безъ жизни! Я никогда еще не видѣлъ его такимъ печальнымъ и такимъ глупымъ! Цѣлые вѣка раздѣляютъ наше время отъ того, что было нѣсколько лѣтъ назадъ.»

Не правда ли, странно и неловко встрѣтить такую близорукую болтовню въ письмѣ государственнаго человѣка, стоявшаго на высшихъ ступеняхъ правительственной іерархіи? Узкая доктрина, которой подчинилъ Ройе-Колларъ свой умъ и свою волю, не спасла его даже отъ вѣдѣнныхъ противорѣчій. «Со всѣхъ сторонъ такъ устали, такъ обезсилѣли, что не покусятся ни на что» — говоритъ Ройе-Колларъ. Прекрасно. Что можетъ быть утѣшительнѣе для человѣка, дорожащаго общественнымъ спокойствіемъ, какъ не увѣренность, что всѣ партіи, всѣ безпокойныя головы такъ утомлены отъ долготѣвнхъ и ни къ чему неведущихъ хлопотъ, что сложили руки и отказались отъ всякихъ замысловъ? О чемъ въ такомъ случаѣ тревожиться? Вѣдь назначеніе правительства — охранять порядокъ; если же общество такъ устало, что неспособно покуситься ни на какіе безпорядки, то, очевидно, правительству нечего дѣлать, или, по крайней мѣрѣ, не о чемъ безпокоиться. Съ другой стороны: если въ обществѣ царствуетъ апатія, усталось, то что съ нимъ будетъ? Очень просто: ничего не будетъ, то-есть будетъ то же, что сегодня, вчера, третьягодня. Но Ройе-Колларъ думаетъ иначе. «Я не знаю, что будетъ черезъ мѣсяць,

черезъ недѣлю, черезъ день. — говоритъ онъ — и тѣмъ уничтожаетъ предыдущую фразу. Стало быть, еще не всѣ устали, не всѣ обезсѣяли; стало быть, есть еще безпокойныя головы, способныя покуситься на что нибудь, чего нельзя предвидѣть заранее. Но противъ этихъ людей что сдѣлають полицейскіе проекты, съ которыми Ройе-Колларъ входилъ въ палату? Въмѣсто того, чтобъ прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, не лучше ли было разузнать хорошенько, чего хотять эти безпокойные умы, и нѣтъ ли законнаго основанія въ ихъ желаніяхъ? А узнать это Ройе-Коллару было вовсе нетрудно: стоило только внимательно осмотрѣться кругомъ. Нарушеніе конституціонной хартіи со стороны правительства и стремленіе возстановить эту хартію со стороны народа — вотъ чѣмъ опредѣлялось политическое положеніе тогдашней Франціи. Что же было въ этомъ незаконнаго, неконституціоннаго?

Со вступленіемъ въ министерство Виллеля, ультрароялистская партія, къ которой принадлежалъ до сихъ поръ Ройе-Колларъ, достигла наконецъ цѣли своихъ желаній: власть, къ которой она такъ долго стремилась, перешла въ ея руки; преобладаніе, оспариваемое до сихъ поръ либеральной партіей, склонилось, наконецъ, на ея сторону; судьба государства, судьба монархіи была въ ея рукахъ. Но при всемъ томъ, положеніе ея не было еще вполне упрочено. Министерство не пользовалось довѣріемъ короля, и еще недовѣрчивѣе относилось къ нему общественное мнѣніе. Тайныя общества, гнѣздившіяся во всѣхъ многолюдныхъ городахъ Франціи, стали дѣйствовать смѣлѣе, убѣдаясь во враждебномъ расположеніи умовъ къ правительству. Парламентская оппозиція, хотя малочисленная, видѣла на своихъ скамьяхъ самыхъ даровитыхъ и популярныхъ ораторовъ. Даже консервативная палата перовъ, чуждая всякихъ либеральныхъ стремленій, непріязненно смотрѣла на новое министерство: большинство ея состояло изъ друзей падшаго министра, герцога Ришліе, и готово было привязаться ко всякому поводу, чтобъ окомпрометировать его счастливаго соперника. Самъ Ришліе считалъ себя глубоко оскорбленнымъ и старалъ желаніемъ выместить свою обиду на новомъ министерствѣ. Но Виллель обращалъ на все это очень мало вниманія, и съ перваго же дня своего управленія сталъ дѣйствовать съ тою деспотическою самоувѣренностью, которая погубила и его, и его партію.

Въ Ройе-Колларѣ въ это время произошла довольно рѣзкая перемена: держась до сихъ поръ ультрароялистской партіи, онъ вдругъ, съ того момента, какъ эта партія стала во главѣ правительства, отстранился отъ нея и заговорилъ языкомъ оппозиціи. Чѣмъ объяснить это

странное явленіе? Книга Баранта не даетъ никакого отвѣта, заключающіеся въ ней матеріалы, въ этомъ отношеніи, такъ скудны, что ни мало не облегчаютъ рѣшенія этого щекотливаго вопроса. Мы полагаемъ, что самое естественное объясненіе внезапной перемѣны, происшедшей въ политическихъ взглядахъ Ройе-Коллара, заключается въ слѣдующемъ. Колляръ никогда, во глубинѣ души своей, не былъ консерваторомъ; если онъ вотиновалъ за консервативныя мѣры, то это происходило вслѣдствіе ложнаго взгляда на положеніе дѣлъ во Франціи, а не потому, чтобъ политическій обскурантизмъ лежалъ въ его природѣ. Пока ультрароялистская партія составляла меньшинство въ палатѣ, Ройе-Колляръ сплился поддержать ее, какъ противовѣсіе большинству, которое онъ подозрѣвалъ въ революціонныхъ стремленіяхъ; но какъ скоро она стала во главѣ правительства, онъ самъ первый испугался за послѣдствія такого поворота дѣлъ (*). Впрочемъ, чтобъ сохранить хотя наружное постоянство въ политическихъ убѣжденіяхъ, Ройе-Колляръ не рѣшился пристать открыто къ оппозиціи, а занялъ довольно двусмысленное положеніе между министерствомъ и лѣвымъ центромъ.

IV.

Первый проектъ, съ которымъ выступало новое министерство, былъ законъ, стѣснявшій свободу печати и лишавшій цѣлое сословіе писателей права пользоваться судомъ присяжныхъ по дѣламъ о прессѣ. Рѣчь, съ которою Ройе-Колляръ выступилъ противъ этого закона, такъ наглядно объясняетъ дѣйствительныя политическія убѣжденія оратора, что мы находимъ умѣстнымъ передать здѣсь изъ нея нѣсколько наиболѣе замѣчательныхъ отрывковъ.

«Мы видѣли—говорилъ Ройе-Колляръ—какъ погибло старое общество и вмѣстѣ съ нимъ множество независимыхъ учреждений и магистратуръ, которыя оно въ себѣ заключало. Эти учрежденія, эти магистратуры, правда, не раздѣляли верховной власти, но они полагали ей границы. Всѣ они исчезли и нѣтъ имъ не были замѣнены. Диктатура Наполеона довершила, въ этомъ отношеніи, дѣло револю-

(*) Гораздо труднѣе объяснить, почему Барантъ также сталъ несравненно-либеральнѣе съ тѣхъ поръ, какъ довелъ свой разсказъ до министерства Виллеля? Авторъ съ удивительнымъ притворствомъ хвалитъ и либеральныя, и консервативныя мѣры Ройе-Коллара, нисколько не стѣсняясь забавными противорѣчіями, въ которыхъ онъ такимъ образомъ выдаетъ. Нѣтъ ли какой нибудь солидарности между этими фактомъ и эпитетомъ *mon ami*, которымъ авторъ любитъ сопровождать имя Ройе-Коллара?

ція: она расторгла и разсыла все, даже общины и магистратуры. Невиданное зрѣлище! Только въ книгахъ философовъ можно встрѣтить націю, до такой степени разрозненную и приведенную къ ея простѣйшимъ элементамъ. Изъ общества, разсыпаннаго въ прахъ, вышла централизація: вотъ гдѣ должно искать ея происхожденіе. Централизація не пришла къ намъ, подобно другимъ, неменѣе губительнымъ, доктринамъ, съ поднятою головою, съ авторитетомъ принципа; она проникла къ намъ скромно, какъ необходимость, какъ послѣдствіе. Дѣйствительно, тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ государства и индивидуумовъ, всѣ дѣла, за исключеніемъ частныхъ, суть дѣла государственныхъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ независимыхъ чиновниковъ, существуютъ только выборные отъ правительства. Такимъ-то образомъ сдѣлались мы народомъ *управляемыхъ* (un peuple d'administrés), подъ вѣдомствомъ безответственныхъ чиновниковъ, въ свою очередь, централизованныхъ вокругъ власти, которой они служатъ исполнителями. Въ такомъ видѣ общество было завѣщено реставраціи. Политическое рабство безъ всякаго средства къ сопротивленію, даже безъ всякаго утѣшенія, кромѣ безсмертной славы нашего оружія — вотъ что наслѣдовалъ Лудовикъ XVIII отъ имперіи.

«Итакъ, хартія должна была организовать, въ одно и то же время, и правительство, и общество. Но устройство общества было если не забыто, то отложено до другаго времени; хартія организовала только правительство, введя раздѣленіе верховной власти. Но для свободы народа недостаточно еще, чтобъ управленіе имъ находилось въ нѣсколькихъ рукахъ. Раздѣленіе *суверенитета*, конечно, очень важно по отношенію къ королевской власти, которую оно ограничиваетъ; но правительство, на немъ основанное, хотя и раздѣленное въ своихъ элементахъ, представляетъ нѣчто единое въ дѣйствіи; и если оно не встрѣчаетъ внѣ себя никакой значительной преграды, то, какъ бы его ни называли, а въ сущности оно абсолютно; народъ, съ своими правами — его собственность. Я нисколько не преувеличиваю; такова дѣйствительно доктрина парламентарнаго всемогущества, мрачная доктрина, возникшая на развалинахъ общества, истинная теорія деспотизма и революціи, не признающая ни основныхъ законовъ, ни правъ народныхъ. Нужно ли прибавлять еще, что противъ этой доктрины возстаетъ вся исторія монархической Франціи, свидѣтельствующая, что мы всегда имѣли права, признанныя неприкосновенными и неподлежащіе произволу законодательной власти?

«Такимъ образомъ хартія, ограничившись раздѣленіемъ верховной власти, сдѣлала бы слишкомъ мало для того, чтобъ организовать

общество. Въмѣсто деспотизма одного лица, она дала бы намъ деспотизмъ многихъ; всемогущество парламента вмѣсто- всемогущества короля. И передъ тѣмъ, и передъ другимъ, общество, лишенное независимыхъ учреждений, осталось бы беззащитнымъ. Только даруя намъ свободу печати, какъ общественное право, хартія дѣйствительно даровала намъ всѣ роды свободы. Свобода печати, въ свою очередь, должна узаконить свободу трибуны, какъ основанную на томъ же принципѣ. Такимъ образомъ, по смыслу хартіи, публицистика контролируетъ правительственную власть; она вразумляетъ ее и предостерегаетъ, тѣситъ ее, противится ей. Если власть освобождается отъ этого спасительнаго контроля, она становится вполне произвольною, потому что сила письменныхъ законовъ, какъ и сила отдѣльныхъ лицъ, слишкомъ слаба. Вполнѣ справедливо, слѣдовательно, что свобода печати имѣетъ, какъ я сказалъ, характеръ и значеніе политическаго учрежденія; вполнѣ справедливо, что только это одно учрежденіе возвратило обществу его права въ отношеніи къ власти, имѣя управлющей; вполнѣ справедливо, что въ тотъ день, когда погибнетъ это учрежденіе, мы возвратимся къ рабству. Кто сомнѣвается въ томъ, что злоупотребленія свободою печати должны быть подавляемы? Но вѣдь можно злоупотреблять также и властью подавлять эти злоупотребленія.»

«Принимая демократію въ чисто политическомъ смыслѣ—говорить Рейне-Колларъ нѣсколько далѣе—и сопоставляя ее съ аристократіей, я прихожу къ заключенію, что она течетъ черезъ край по всей Франціи. Промышленность и богатство, не переставая усиливаться и возвышать среднее сословіе, почти совершенно приблизили его къ высшимъ классамъ общества. Богатство создало досугъ; досугъ распропагандировало просвѣщеніе; независимость родила патриотизмъ. Средніе классы ввязались въ общественныя дѣла, потому что поняли, что эти дѣла—ихъ собственныя. Вотъ наша демократія въ томъ видѣ, какъ я ее вижу и понимаю (*). Да, она течетъ черезъ край по нашей прекрасной Франціи, болѣе чѣмъ когда либо покровительствуемая небомъ. Пусть другихъ это огорчаетъ и сердитъ; что до меня, я благодарю providence, призвавшее пользоваться благами цивилизаціи самый многочисленный классъ своихъ созданій.

«Необходимо или признать этотъ порядокъ вещей, или разрушить его, а чтобы разрушить, надо извести и раззорить средніе классы.

(*) Въ этихъ словахъ замечается какъ бы предвзѣстіе революціи 1830 года, и порядка вещей ею созданнаго.

Аристократія, демократія, вовсе не пустня доктрины, предложенныя на наше разсмотрѣніе; это силы, которыхъ нельзя не унизить, ни возвысить похвалами или клеветою; прежде, чѣмъ мы стали бы говорить о нихъ, онѣ уже или существуютъ, или не существуютъ. Благоразуміе требуетъ сохранять ихъ и управлять ими. Безъ сомнѣнія—и я съ удовольствіемъ говорю это—человѣчество многимъ обязано аристократіи: она защищала колыбель почти всѣхъ народовъ; она была богата великими людьми; своимъ великими качествами она сдѣлала честь человѣческой природѣ. Но аристократія свойственна не каждой странѣ и не каждой эпохѣ... Гдѣ эти патриціи древняго Рима, которыхъ тысячи наслѣдственныхъ кліентовъ сопровождали на форумъ? Гдѣ вельможи старой Франціи, съ цѣлыми арміями ихъ вассаловъ? Историческія воспоминанія—вотъ все, что отъ нихъ осталось. Повелительный голосъ аристократовъ не раздается уже среди насъ. Немножко условной аристократіи, выдуманной законами, полное отсутствіе настоящей аристократіи, и демократія вездѣ—въ промышленности, въ правѣ собственности, въ законахъ, въ воспоминаніяхъ, въ дѣлахъ, въ людяхъ—вотъ фактъ, господствующій надъ нынѣшнимъ обществомъ и долженствующій управлять нашей политикой.

«Распознавъ существованіе аристократіи и демократіи въ обществѣ, сравнивъ ихъ взаимное вліяніе, взвѣсивъ ихъ относительныя силы, я перехожу къ правительству и отыскиваю мѣсто, которое занимаетъ въ немъ та и другая. Я замѣчаю прежде всего, что изъ двухъ властей, между которыми раздѣленъ верховный суверенитетъ, одна предана аристократическимъ интересамъ; я вижу вслѣдъ затѣмъ, что въ другой власти (то-есть въ другой правительственной *институціи*), которая представляетъ исключительно демократическіе интересы и которая, по этой причинѣ, избирательна, половина выборовъ предоставлена аристократіи, или тому, что у насъ называютъ этимъ именемъ. Демократія оспариваетъ у министерства другую половину выборовъ: вотъ вся ея доля въ правительствѣ.

«Я оставляю правительство и возвращаюсь къ обществу. Имѣетъ ли въ немъ демократія какія нибудь учрежденія, ее охраняющія, какія нибудь магистратуры, созданныя ея руками, въ ея интересахъ и для ея защиты? Нѣтъ; общество, столь богатое прежде народными магистратурами, теперь не имѣетъ ни одной; оно централизовалось; вся администрація его перешла къ правительству; ни одна мелочь мѣстнаго полицейскаго управленія не избѣгла этой участи: выборы отъ правительства метутъ наши улицы и зажигаютъ фонари. Демократіи, очевидно, адѣсь еще нѣтъ.

«Гдѣ же она? Исключенная изъ правительства, лишенная своихъ учреждений, что назоветъ она своимъ законнымъ наслѣдіемъ? Ничего, кромѣ противорѣчія и оппозиціи. Но противорѣчить и опонировать она можетъ только свободнымъ заявленіемъ мнѣній, ее защищающихъ. Такимъ образомъ, при настоящемъ порядкѣ вещей, демократіи, подчиненной аристократіи, можетъ покровительствовать только свобода печати. Теряя эту свободу, она впадаетъ въ безусловное политическое рабство.

«Я не спрашиваю, справедливо ли это и согласно ли съ хартіей; я спрашиваю только, возможно ли это? Пусть молчатъ и хартія, и права, пусть отвѣчаетъ одно благоразуміе. Пусть скажетъ оно, слѣдуетъ ли изъ могущественной демократіи дѣлать какую-то партію; пусть скажетъ оно, отчего происходятъ революціи, что ихъ готовятъ, питаютъ, дѣлаютъ ихъ неизбежными, неодолимыми.

«Демократія производила революціи, какъ и аристократія, и монархія, и религія—какъ все, имѣвшее силу на землѣ. Демократія произвела и нашу революцію. Она хотѣла измѣнить внутренній бытъ общества, и измѣнила его. Преступленія при этомъ не были необходимы; они были препятствіемъ, а не средствомъ. Не смотря на многія несчастія, равенство правъ (таково истинное имя демократіи) побѣдило. Признанное, освященное, гарантированное хартіей, оно служитъ нынче всюду распространенной формой общества (*). Ей уже нечего болѣе завоевывать; она достигла столповъ геркулесовыхъ. Духъ революціи перешелъ въ боязнь потерять добытыя права, въ твердое и единодушное желаніе сохранить ихъ отъ насилія, отъ оскорбленія. Благоразуміе совѣтуетъ ли тревожить, раздражать этотъ страшный духъ и открывать поле битвы для нашихъ кровавыхъ раздоровъ? Измѣнились ли наши взаимныя отношенія? Слабѣ ли теперь демократія, чѣмъ была сорокъ лѣтъ назадъ (**), и сильнѣ ли стали ея противники? Развѣ народныя массы менѣе богаты, менѣе просвѣщены, менѣе многочисленны, менѣе ревнивы къ своимъ правамъ? Развѣ равенство перестало быть неодолимой, неумолимой потребностью? (***) Однимъ словомъ, развѣ революціонныя инстинкты притупились, или стали не такъ страшны?

«Мы находимся, господа, въ критическомъ положеніи, и опасность возрастаетъ съ году на годъ, со дня на день. Двѣ гарантіи даны

(*) Авторъ говоритъ о западной Европѣ.

(**) Говорилось въ 1822 году.

(***) Авторъ имѣетъ въ виду Францію.

были нашимъ правамъ: представительное правительство и свобода печати. Перваго теперь почти не существуетъ, вторую готовятся отнять у насъ. Такимъ образомъ, законная монархія, столь необходимая для Франціи, монархія, которой одинаково желаемъ и мы, и наши противники, рискуетъ показаться въ глазахъ общества несомвѣстимою съ свободою, ею обѣщанною.»

Само собою разумѣется, что эта блистательная рѣчь не привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ: законъ о прессѣ былъ принятъ большинствомъ, послушнымъ голосу министра, и весь триумфъ оратора ограничился заявленіемъ симпатіи съ стороны немногихъ, сидѣвшихъ на скамьяхъ оппозиціи. Виллель съ каждымъ днемъ приобреталъ все болѣе и болѣе силы. Большинство въ палатѣ повиновалось ему безпрекословно; оппозиція не пользовалась никакимъ значеніемъ. Война съ Испаніей, сильно занимавшая тогдашнее общество, окончилась полнымъ торжествомъ ультрароялистской партіи: парижскій абсолютизмъ былъ перенесенъ цѣлкомъ въ Мадридъ. День тянулся за днемъ, не принося никакой отрадной надежды, никакой новости, которая могла бы наэлектризовать общество и указать ему выходъ изъ тяготившаго надъ нимъ порядка вещей. «То, что теперь происходитъ», писалъ тогда Ройс-Колларъ, «представляетъ любопытное зрѣлище. Дѣлать нечего, предвидѣть нечего, сказать нечего. Надо, чтобъ этотъ порядокъ, или этотъ беспорядокъ, шелъ своей дорогой. По всей вѣроятности, онъ не приведетъ ни къ чему такому, что мы уже видѣли. Революціонныя теоріи и старый порядокъ одинаково отжили. Совершается что-то новое, о чемъ, можетъ быть, мы не имѣемъ никакой идеи...» Что касается до самого Ройс-Коллара, то онъ продолжалъ дѣйствовать въ строго-конституціонномъ духѣ, сопротивляясь на каждомъ шагѣ властолюбивой политикѣ Виллеля и подвергая самому строгому, разностороннему анализу каждый новый проектъ, вносимый имъ въ палату. Особенно сильно нападалъ Колларъ на такъ-называемый законъ *семилѣтія* (*septennalité*), наносившій самый тяжелый ударъ конституціонной хартіи. Этимъ закономъ Виллель хотѣлъ дать законодательной палатѣ семилѣтній срокъ, то-есть установить, чтобъ она обновлялась *вполнѣ* черезъ каждые семь лѣтъ, между тѣмъ какъ до того времени ежегодно смѣнялась одна пятая часть членовъ, слѣдовательно, вся палата обновлялась черезъ каждыя пять лѣтъ. Очень понятно, съ какою цѣлью хотѣлъ Виллель провести этотъ законъ: при прежнемъ порядкѣ, когда пятая часть представителей ежегодно уступала мѣсто новымъ, министерство не могло надолго обезпечить за собою большинство въ палатѣ, потому что каж-

дне новыя выборы измѣняли на цѣлую пятую наличный составъ депутатовъ и, слѣдовательно, могли дать перевѣсъ меньшинству въ палатѣ. Теперь же, когда, послѣ выборовъ 1824 года, большинство оказалось на сторонѣ министерства до такой степени, что лѣвая сторона состояла всего изъ семнадцати членовъ (Парижъ избралъ только трехъ либеральныхъ депутатовъ), у Виллеля роилось естественное желаніе сохранить столь выгодный для него составъ палаты на возможно долгое время—и вотъ онъ предложилъ законъ семилѣтія. Очевидно, что этотъ законъ былъ самой дерзкой насмѣшкой надъ конституціей, потому что онъ равнялся уничтоженію на семь лѣтъ избирательной системы, а слѣдовательно и представительнаго правительства. Внести этотъ законъ, значило, просто предложить французамъ отказаться на семь лѣтъ отъ конституціонныхъ формъ и отдаться во власть министерства. Провести же его въ палатѣ не стоило никакого труда, потому что, кто же изъ депутатовъ, кромѣ членовъ оппозиціи, отказался бы отъ выгоднаго права быть несмѣняемымъ въ продолженіе семи лѣтъ? Ройе-Колларъ съ блестящимъ талантомъ и неумолимою логикою развилъ всѣ послѣдствія этого проекта, подрывавшаго въ самомъ основаніи конституціонное начало; но всѣ усилія его были напрасны: большинство приняло законъ, какъ нельзя лучше отвѣчавшій его личнымъ интересамъ. Эгоистическія побужденія большинства проявились въ этомъ случаѣ тѣмъ очевиднѣе, что законъ семилѣтія всего менѣе совпадалъ съ истинными интересами ультрароялистской партіи: онъ очень круто ограничивалъ королевскую прерогативу, поставляя ее въ зависимость отъ министерства, хотя, въ тоже время, и еще въ большей степени, вредилъ интересамъ либеральной партіи. Такъ, шагъ за шагомъ, увлекалъ Виллель французскую націю по пути реакціи, издавела приготавливая переворотъ 1830 года. Политическая деморализація и какая-то мертвая апатія овладѣла людьми, наиболѣе близкими къ правительству. Ультрароялисты бездѣйствовали, потому что трудиться для короля они не могли, а трудиться для министерства не хотѣли. Оппозиція также впадала въ апатію, убѣдясь въ ничтожности своихъ средствъ. «Никогда еще будущее не было для меня такъ чуждо—писалъ въ это время Ройе-Колларъ къ одному изъ друзей своихъ. Я ни въ коемъ случаѣ не занимаюсь. Если есть еще возвышенныя души, которыя, въ недовольствѣ настоящимъ, сосредоточиваются въ самихъ себѣ, что выведетъ ихъ изъ этого уединенія? что призоветъ ихъ къ общественнымъ дѣламъ? Современіе вашего отъѣзда я живу одинъ, и ничѣмъ болѣе не занимаюсь, кромѣ Платона.»

Смерть Людовика XVIII не принесла никакой существенной перемены.

ны. Виллель удержалъ за собою министерство и не измѣнилъ своей политики. Но зато значительно измѣнилось настроеніе общества. Провѣда законъ семилѣтія и обезопасивъ себя такимъ образомъ отъ случайностей новыхъ выборовъ, Виллель думалъ, что большинство въ палатѣ упрочено за нимъ на долгое время; но онъ сильно ошибся въ своемъ разсчетѣ. Его эгонистическая политика, одинаково оскорблявшая интересы и роялистской, и демократической партіи, не замедлила обнаружить свои послѣдствія. Роялисты, составлявшіе большинство въ нижней палатѣ, пристали въ оппозиціи; даже консервативная палата перовъ возстала противъ Виллеля. Ее оскорбляли деспотическія замашки министра; она считала унижительнымъ служить челоуѣку, невысывавшемуся надъ нею своимъ титуломъ. Самое общество оживилось; прежняя апатія уступила мѣсто дѣятельному участію къ политическимъ интересамъ; журналы, при всемъ стѣсненіи прессы, заговорили громко и энергически; передовые люди принялись за дѣло. Ройе-Колларъ не отставалъ отъ другихъ. Хотя въ его письмахъ этой эпохи проглядываютъ слѣды прежней нравственной усталости и грустнаго, нисивнаго недовольства существующимъ порядкомъ, но они уже не такъ пусты и безсодержательны. Онъ начинаетъ зорко слѣдить за ходомъ современныхъ событій; его переписка съ друзьями заключаетъ въ себѣ много замѣтокъ о предстоящихъ перемѣнахъ во внутренней французской политикѣ; о происшествіяхъ въ Лиссабонѣ, о событіяхъ въ Турціи и Греціи, о кончинѣ императора Александра и заговорѣ декабристовъ, и такъ далѣе. Въ палатѣ онъ продолжалъ дѣйствовать вмѣстѣ съ оппозиціей, и съ особеннымъ одушевленіемъ нападалъ на новый законъ о прессѣ, добывавшій послѣдніе остатки свободы печати. По этому закону, всякая новоотпечатанная книга и брошюра должна была быть подвергнута, до поступленія въ продажу, предварительному просмотру въ полицію; всякое изданіе, объемомъ не болѣе пяти печатныхъ листовъ, было обложено налогомъ; проступки противъ законовъ прессы были обозначены съ большею строгостью, и отвѣтственность за нихъ усилена. Негодованіе, возбужденное въ публикѣ этимъ проектомъ, было такъ велико, что правительство рѣшилось на этотъ разъ уступить общественному мнѣнію, и проектъ былъ взятъ обратно. Но раздраженіе въ народѣ этимъ не было успокоено, а слѣдующее происшествіе еще болѣе его усилило. Въвремя смотра національной гвардіи, когда король проходилъ передъ десяткомъ легіономъ, изъ рядовъ раздались крики: «à bas les ministres! à bas les jésuites!» — «Я пришелъ сюда за знаками почести, а не за уроками!» сурово замѣтилъ король и пошелъ далѣе. Тогда тѣ же крики раздались во всѣхъ легіо-

какъ, и продолжались до ухода короля; гвардія, кромѣ того, оскорбила герцогиню ангулемскую и беррійскую, а одинъ легіонъ нѣсколько разъ повторилъ подъ окнами министра финансовъ крикъ: «à bas Villéle!» сопровождая это восклицаніе оскорбительными угрозами. Тогда король, по совѣту Виллеля, отдалъ приказъ распустить національную гвардію.

Едва общество успѣло опомниться отъ этого неожиданнаго coup d'état, какъ Виллель обнародовалъ новый указъ, подчинявшій цензурѣ всѣ періодическія изданія... Это была послѣдняя полицейская мѣра Виллеля: она рѣшила министерскій кризисъ.

«Васъ печалитъ ходъ дѣлъ, писалъ тогда Ройе-Колларъ къ одному изъ друзей своихъ; этотъ ходъ—роковой. Мы должны, какъ вы говорите, покориться своей участи и страшиться развязки, оплакивая то, что приведетъ къ ней. Миѣ также грустно, но я грущу уже семь лѣтъ. Все теперь совершается въ сферѣ, для насъ совершенно недоступной; мы такъ же мало виновны во всемъ происходящемъ, какъ и въ движеніи свѣтилъ небесныхъ. Цензура, установленная надъ журналами, разумѣется, не столько важна по себѣ, сколько по послѣдствіямъ, къ какимъ поведетъ она. Нужно будетъ поддерживать, охранять ее, а какимъ образомъ это сдѣлаютъ?» Дѣйствительно, положеніе министерства было самое критическое: вся палата перовъ перешла къ оппозиціи; въ нижней палатѣ большинство держалось на волоскѣ. Виллель воялъ, что руководить камерами для него стало невозможно, и рѣшился на крайнее средство: распустить парламентъ.

Но онъ жестоко ошибся въ своемъ расчетѣ: результаты новыхъ выборовъ были самые неожиданные. Всѣ депутаты лѣвой стороны, потерѣвшіе пораженіе на послѣднихъ выборахъ, теперь снова вошли въ палату; огромное число депутатовъ правой стороны было забалотировано; между прочими, той же участи подвергся и Пейроннѣ, министр юстиціи. Ройе-Колларъ, какъ предводитель оппозиціи во время послѣднихъ сессій, былъ избранъ разомъ семью избирательными коллегіями. Въ Парижѣ, народъ радостно праздновалъ результаты выборовъ. Многія улицы были иллюминированы, толпы бродили по городу, бросая камнями въ окна, на которыхъ не было плошекъ. Отрадъ жандармовъ, выѣхавшій разогнать толпу, былъ встрѣченъ камнями; нѣсколько баррикадъ выстроилось съ быстротою молніи. На другой день безпорядокъ принялъ еще большіе размѣры; выведены были строевыя войска, и завязалась перестрѣлка. Понятно, что эти сценны еще болѣе усилили броженіе умовъ и нерасположеніе народа къ правительству. Виллель очень хорошо понималъ, что ему невозможно будетъ сохранить свое званіе въ новой палатѣ; король также давно желалъ переменъ министра, пото-

у что неприязнь въ народѣ къ Виллелю вредила его собственной популярности. Среди такихъ условій, Виллелю ничего болѣе не оставалось, какъ удалиться изъ министерства. Мѣсто его занялъ Мартиниакъ.

V.

Ройе-Колларъ былъ избранъ президентомъ новой палаты: такимъ образомъ, ему выпала на долю трудная и щекотливая задача мирить партіи, соединять подъ однимъ знаменемъ враждебныя доктрины, направлять къ одной цѣли разнообразныя личныя и эгонистическія побужденія, сохранять строгій нейтралитетъ между интересами, ежеминутно готовыми вступить въ борьбу. Онъ принималъ на себя неблагодарную роль примирителя, и поставилъ задачей своей дѣятельности охранять министерство противъ всякой попытки подкопаться подъ него или преобразовать его наличный составъ. Чтобы лучше достигнуть этой цѣли, чтобы добросовѣстнѣе выполнить взятую имъ на себя роль посредника, онъ, можно сказать, рѣшился отказаться отъ своей личности: въ должности президента, онъ не принадлежалъ ни къ какой партіи, не выражалъ никакого личнаго мнѣнія. Въ палатѣ, говоритъ Барантъ, не было ни одного человѣка, который сомнѣвался бы въ скупулѣзномъ безпристрастіи Ройе-Коллара. Онъ держалъ себя вполне независимо въ отношеніи министровъ, казался совершенно чуждымъ проектамъ, которые они предлагали на обсужденіе камерѣ, и всѣ усилія свои направлялъ на то, чтобы отклонить слишкомъ бурныя и страстныя дебаты, которые, по его мнѣнію, должны были уронить солидное достоинство палаты. Уваженіе, какимъ пользовался онъ среди депутатовъ, было такъ велико, что самые смѣлые ораторы напередъ сообщали ему содержаніе своихъ рѣчей и просили его указать границы, за которыя имъ не слѣдовало переходить въ своей оппозиціи министерству. Съ королемъ Ройе-Колларъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, и Карлъ X любилъ бесѣдовать съ нимъ, потому что истинно уважалъ его безпристрастіе и благородную, открытую прямоту его характера. Какъ относилось къ Ройе-Коллару общественное мнѣніе, всего лучше можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ, которыми одинъ французскій публицистъ привѣтствовалъ въ «*Journal des Débats*» вторичное избраніе Ройе-Коллара президентомъ камеры, въ 1829 году:

«Назначеніе Ройе-Коллара никого не удивило, и всѣ истинные друзья монархіи были имъ очень обрадованы: они увидѣли въ немъ новый залогъ неизмѣннаго союза короля съ камерами. На Ройе-Коллара какъ

бы заранѣе указывала тронная рѣчь, въ которой о религіи говорилось съ набожнымъ благоразуміемъ, о монархіи—съ правдивымъ довѣріемъ, о свободѣ—безъ пустыхъ страховъ, и которая показала, какой тѣсный союзъ соединяетъ корону съ общественною свободою. Палатѣ, открытой подобною рѣчью, нуженъ былъ президентъ, олицетворявшій въ себѣ всѣ дорогія для Франціи идеп. Въ выборѣ нельзя было сомнѣваться.

«Въ этомъ, дѣйствительно, заключается слава Роге-Колляра; онъ служилъ, нѣкоторымъ образомъ, живымъ символомъ примиренія всѣхъ партій. Ни монархія, ни свобода, не могутъ не довѣрять человеку, который защищалъ ихъ въ черные дни. Имя Роге-Колляра есть принципъ; министры, депутаты, вся Франція, весь міръ знаютъ, что это за принципъ. Кто принимаетъ его, тотъ не можетъ желать ничего, кромѣ хартіи, кромѣ мирнаго согласія между королевскою прерогативой и народными вольностями.»

Но недолго сохраняла французская публицистика этотъ свѣтлый, примиряющій взглядъ на политическое положеніе страны: обстоятельства издавна сложились уже такимъ образомъ, что скоро не осталось никакой надежды на законный выходъ изъ того запутаннаго, критическаго порядка вещей, въ который ввергла французскую націю самолюбивая политика Карла X. «Plus de concessions!» (конецъ уступкамъ!) сказалъ король въ отвѣтъ на многочисленныя требованія, заявленныя общественнымъ мнѣніемъ, и съ этой минуты неудержимо пошелъ по тому пути, который, сорокъ лѣтъ назадъ, привелъ въ погибели Лудовика XVI. Въ сбивчивомъ, хаотическомъ умѣ Карла X съ давнихъ поръ, съ того самаго часа, когда онъ въ первый разъ, послѣ долгаго изгнанія, ѣхалъ по многолюднымъ улицамъ Парижа, жила упрямая, капризная мысль совершить контр-революцію во что бы то ни стало. Даровавъ, среди стѣсненныхъ обстоятельствъ, хартію народу, онъ впослѣдствіи, видя свой тронъ утвердившимся, сталъ объяснять ее совершенно не такъ, какъ привыкли понимать ее французы. Въ его характерѣ была какая-то роющаяся рыцарственность, которая вызывала краску на его лицѣ при мысли, что палаты, ямѣвшія, по его мнѣнію, служебное, совѣщательное назначеніе, стремились слѣбаться органомъ власти исполнительной и законодательной. Онъ думалъ, что еслибъ не преступная слабость Лудовика XVI, то никогда бы не было революціи; а онъ считалъ себя неизмѣримо тверже и мужественнѣе своего несчастнаго брата. Это убѣжденіе было самымъ дѣятельнымъ стимуломъ его реакціонной политики: оно вызывало его на всѣ репрессивныя мѣры, оно закрывало ему глаза на настоящее положеніе дѣлъ въ

государствъ; оно заставило его призвать въ министерство князя Полиньяка, одно имя котораго способно было вооружить всю страну; оно вызвало его на рѣшимость распустить палату 1830 года, большинство которой оказалось на сторонѣ оппозиции; оно, наконецъ, продиктовало ему знаменитые ордонансы 25 іюля, повергнушіе французскую націю въ послѣднюю степень отчаянія и выведшіе ея на баррикады.

Въ предѣлы нашей статьи не входитъ изложеніе іюльскаго переворота; мы уклоняемся отъ него тѣмъ рѣшительнѣе, что событія этой эпохи были сто разъ описаны, извѣстны каждому, и слѣдовательно нашъ разсказъ о нихъ никого не заинтересовалъ бы. Мы уважемъ только на ту микроскопическую долю пассивнаго участія, каковую принималъ въ нихъ Ройе-Колларъ, и затѣмъ прямо перейдемъ къ послѣднимъ годамъ политической дѣятельности героя нашего очерка.

«Итакъ, вотъ уже порваны связи любви и довѣрія, соединявшія короля съ его народомъ... Несчастная Франція! несчастный король!» Этими словами привѣтствовалъ *«Journal des Débats»* министерство Полиньяка. Можно думать, что Ройе-Колларъ былъ того же мнѣнія. «Ничто можетъ быть, не спасетъ монархію—говорилъ онъ тогда Баранту; но, если она можетъ спастись, то не иначе, какъ сойдя съ того пути, который ведетъ ее къ пропасти.» Наканунѣ выборовъ 1830 года, онъ писалъ изъ Витри: «мнѣ кажется, что изъ этихъ выборовъ должна выйти палата, которая превзойдетъ всеобщія ожиданія». Слѣдующая рѣчь, сказанная Ройе-Колларомъ въ избирательному округу, снова выразившему его депутатомъ, еще нагляднѣе даетъ понятіе его тогдашнія убѣжденія, предчувствія и намѣренія. Мы приводимъ ее вполнѣ.

«Г.г! Съ чувствомъ уваженія принимая это новое и торжественное свидѣтельство вашего довѣрія, признаюсь, я не могу защититься отъ нѣкотораго волненія при взглядѣ на наше политическое положеніе и на высокія обязанности, на меня возлагаемыя. Мнѣ кажется, что среди настоящаго кризиса, для насъ существуютъ обязанности, одна другой противорѣчащія, и что мы подвержены испытанію выполнять, въ одно и тоже время, и тѣ и другія. Однакожь, какъ бы ни были различны эти обязанности, мы должны возвыситься до той твердой мысли, что необходимо примирить, или, лучше сказать, соединить ихъ, потому что истинный интересъ монарха всегда заключается въ интересѣ общественномъ, и его величіе нераздѣльно съ величіемъ націи, которою онъ повелѣваетъ.

«Вы, г.г., созванные сегодня избрать депутата, который будетъ однимъ изъ депутатовъ цѣлой Франціи, вы знаете, кому отдаете вы свой голоса; нѣтъ ничего неизвѣстнаго, ничего двусмысленнаго въ прии-

цппахъ, которые будутъ руководить моимъ поведеніемъ. Они тѣ же, какіе преслѣдовали я постоянно, ввремя успѣха среди всѣхъ нашихъ переворотовъ, ввремя невзгодъ, въ милости и въ опалѣ, въ сессію 1815 и въ сессію 1830 года.

«Достигнувъ возраста, который легко дѣлаетъ человѣка безучастнымъ къ самымъ лестнымъ одобреніямъ, если только они не подтверждаются внутреннимъ голосомъ совѣсти, я надѣюсь, что не измѣню самому себѣ. Я останусь вѣрно, набожно привязаннымъ къ законной монархіи—наслѣдію нашихъ отцевъ, единственно твердому основанію общественнаго порядка, и въ тоже время не менѣе преданнымъ святому дѣлу народныхъ правъ, гарантированныхъ учрежденіями, которымъ довѣрила ихъ хартія. Такъ, гг., гордясь вашимъ довѣріемъ и стараясь оправдать его, я буду посильно служить королю, Франціи, департаменту, къ которому я имѣю честь принадлежать, и округу, который въ настоящую минуту дѣлаетъ мнѣ честь избраніемъ меня въ депутаты.»

Такъ, въ одно и тоже время, соединялась въ Ройе-Коллярѣ и привязанность къ королю, котораго онъ до послѣдней минуты продолжалъ любить, какъ вѣрный и преданный роялистъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе, что этотъ король все болѣе и болѣе уклонялся отъ пути, указаннаго хартіей, и все настойчивѣе работалъ надъ ниспроверженіемъ того конституціоннаго порядка, той законной монархіи, которые сдѣлались политическимъ *кумолъ* Ройе-Коллара. Надо знать, впрочемъ, что привязанность Коллара къ Карлу X вовсе не была личной, случайной симпатіей: онъ любилъ короля не какъ человѣка, а какъ олицетвореніе отвлеченной идеи порядка и монархіи, какъ воплощеніе принципа легитимности, служенію которому Ройе-Колляръ посвятилъ всѣ свои силы. Это видно изъ слѣдующаго отвѣта, даннаго имъ на предложеніе Шатобріана сопровождать Карла X въ изгнаніе. За нѣсколько недѣль до іюльской революціи, Шатобріанъ говорилъ Ройе-Коллару о бурбонахъ: «Мы сдѣлали для ихъ спасенія все, что могли. Они предали насъ злословію тѣхъ, которые теперь ихъ губятъ; они не довѣрились намъ, оттолкнули насъ. Хорошо же! когда они отправятся въ изгнаніе, мы все таки, вы и я, будемъ изъ числа немногихъ, которые не оставляютъ ихъ.»—«Говорите за себя—отвѣчалъ на это Ройе-Колляръ; что до меня, я не покину Францію, я останусь съ народомъ.»

Весь іюль 1830 года Ройе-Колляръ провелъ въ Витри, и слѣдовательно не былъ очевидцемъ революціоннаго кризиса. Онъ вернулся въ Парижъ только 9-го августа, въ день, когда новый король торжественно открылъ сессію обновленной палаты. Ройе-Колляръ не порицалъ

тѣхъ изъ своихъ друзей, которые принимали участіе въ переворотѣ; онъ говорилъ имъ: «и я, я тоже въ числѣ побѣдителей; но только наша побѣда очень печальна.» Затѣмъ, онъ далъ присягу королю и занялъ свое мѣсто на скамьяхъ лѣваго центра.

Эпохою 1830 года оканчивается дѣятельная политическая жизнь Ройе-Коллара. Двѣнадцать лѣтъ еще засѣдалъ онъ въ палатѣ, но съ этихъ поръ не принималъ уже ревностнаго участія въ парламентской драмѣ. Нельзя сказать, чтобъ онъ не сочувствовалъ политикѣ Лудовика-Филиппа, чтобъ іюльскій переворотъ сталъ стѣною между имъ и новымъ правительствомъ; напротивъ, принципы, которыми руководствовался король-буржуа и его министры, которые исповѣдывали Гизо, Токвилля, Барантъ—самые близкіе друзья Ройе Коллара—какъ нельзя болѣе согласовались съ личными взглядами и симпатіями героя нашего очерка. «*Juste milieu*», «*paix légale*», «*fait accompli*», всѣ эти термины, формулированные въ доктринѣской головѣ Гизо и пущенные имъ въ оборотъ, были очень знакомы и близки Ройе-Коллару. Какъ принципъ, какъ хартія, іюльская монархія вполнѣ соответствовала его убѣжденіямъ и желаніямъ; но существовало, вмѣстѣ съ тѣмъ, много причинъ, которыя не позволяли ему считать ея ней личной, непосредственной симпатіей. Реставрація, говоритъ Барантъ, была отечествомъ Коллара. Съ ней были связаны самыя дорогія его воспоминанія; къ ней питалъ онъ какую-то дѣтскую, сыновнюю привязанность. Онъ сочувствовалъ принципамъ, заявленнымъ въ 1789 году, и когда, послѣ ужасовъ террора и военного деспотизма Наполеона, эти принципы легитимировались, вошли въ политическую практику и были освящены реставраціей, тогда онъ счелъ себя обязаннымъ выступить на общественное поприще. Онъ внутренно, субъективно переживалъ всѣ фазисы реставрированной монархіи, дѣлилъ съ нею горе и радость, счастье и невзгоду, служилъ ей вѣрно, преданно, и до конца жизни сохранялъ къ ней какое-то суевѣрное благоговѣніе. Теперь, когда политическая близорукость Карла X и его министровъ увлекла ихъ къ гибели и новая династія вступила на престолъ Франціи, Ройе-Колларъ былъ не въ силахъ перенести на нее ту благоговѣйную преданность, какую питалъ онъ къ старшей линіи. Онъ признавалъ необходимость іюльскаго переворота, онъ соглашался съ тѣмъ, что восшествіе на престолъ Лудовика-Филиппа было единственнымъ шансомъ спасенія для страны, поставленной между неисправимой ретроградностью Карла X и революціонными инстинктами демократической партіи; онъ искренно и добросовѣстно далъ присягу Лудовику-Филиппу, и ждалъ всякаго успѣха новому правительству; но, на дѣлѣ, онъ оставался безучастнымъ

зрителемъ совершившихся событій. Духовная связь, соединявшая его съ монархіей Людовика XVIII и Карла X была порвана переѣною въ личномъ составѣ правительства. Іюльская монархія была для него дорога и священна, какъ принципъ, какъ хартія; но, какъ мы сказали уже, онъ не могъ питать къ ней субъективной, непосредственной симпатіи. Онъ даже какъ будто сталъ холоднѣе къ прежнимъ друзьямъ своимъ, которые теперь явились въ главѣ правительства. Отношенія его къ Гиво стали нѣсколько натавуты; онъ иногда слишкомъ явно показывалъ полное равнодушіе къ успѣхамъ своего стараго друга. Можетъ быть, къ этимъ отношеніямъ примѣшалось горькое, раздраженное чувство, которое мы боимся назвать по имени, и которое очень извинительно въ человѣкѣ, такъ плохо вознагражденномъ за свою долготѣнную службу. Какъ бы ни была высока нравственная чистота Роие-Коллара, необходимо принять въ соображеніе, что, съ практической точки зрѣнія, его политическая карьера рѣшительно неудалась. Преданный тѣломъ и душою старой династіи, пожертвовавшій для нея всѣми силами своего разносторонняго ума, онъ не получилъ отъ нея ничего; теперь, когда эта династія была низвергнута, дорога передъ нимъ окончательно закрылась... Щекотливое нравственное чувство, которое тѣмъ болѣе слѣдуетъ уважать въ Роие-Колларѣ, что оно рѣзко противорѣчитъ политической безнравственности французовъ, не позволило ему искать милостей у новой династіи, и онъ рѣшился остаться пассивнымъ лицомъ въ кругу товарищей, на которыхъ, съ своей точки зрѣнія, онъ имѣлъ право смотрѣть, какъ на политическихъ ренегатовъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ Роие-Колларъ не могъ избѣжать нѣкотораго нравственнаго раздраженія, которое скрывается во многихъ его рѣчахъ и письмахъ той эпохи, и еще болѣе въ его отношеніяхъ къ правительству.

Слѣдующій отрывокъ изъ рѣчи къ избирателямъ всего лучше покажетъ намъ, какъ соединялось у Роие-Коллара чувство долга и вѣрности присягѣ съ какою-то недовѣрчивостью къ новому правительству, и какъ относился онъ самъ къ іюльскому перевороту.

«...Мы видѣли, какъ старая монархія была низвергнута внезапною, хотя и предвидѣнною, революціей. Вы не ожидаете отъ меня, конечно, чтобъ я сталъ обвинять ее за ея ошибки, или издѣваться надъ ея несчастіемъ. Революціи, мы это знаемъ по опыту, дорого продаютъ обѣщанныя ими выгоды. Потомству судить, былъ ли нынѣшній переворотъ неизбѣженъ, и могъ ли онъ совершиться при другихъ условіяхъ; для насъ же, людей настоящаго, онъ совершился. Явилось новое правительство, принятое Франціей, признанное Европой; оно

имѣетъ самое могущественное имя — имя *необходимую*. Этимъ опредѣляется долгъ каждаго. Мы призваны утвердить, укрѣпить народною силою это, слабое еще, правительство — нашъ послѣдній оплотъ противъ анархїи и деспотизма. Все прочее — второстепенно. Вы видите, дѣнстїи исчезаютъ, правительства мѣняютъ принципы и формы, противоположныя мѣнїя господствуютъ и падаютъ поочередно; но надъ всѣмъ этимъ царитъ вѣчный, державный вопросъ — вопросъ порядка и анархїи, добра и зла, свободы и рабства. Въ эту сторону, гг., должны быть направлены всѣ наши усилїя.»

VI.

Мы не будемъ слѣдить за всѣми подробностями политической дѣятельности Ройе-Колляра въ послѣдніе годы его жизни: она представляетъ мало замѣчательнаго. Всего пять или шесть разъ всходилъ онъ на трибуну въ этотъ періодъ, и хотя палата слушала его съ привычнымъ вниманіемъ, но слово его не имѣло уже той власти надъ умами, какою пользовалось оно въ два предшествовавшїя царствованїя. Все говорило Ройе-Колляру, что время его прошло, что наступилъ чередъ новымъ людямъ, новымъ идеямъ, новымъ общественнымъ силамъ. Онъ сознавалъ себя чужимъ среди новаго поколѣнія, выдвинутаго іюльскою революціей; дряхлый восьмидесятилѣтній старикъ, онъ былъ, среди новыхъ дѣятелей, любопытнымъ остаткомъ вѣка, давно отжившаго и забытаго, представителемъ старины, которая начинала уже утрачивать свой смыслъ для молодаго поколѣнія. Люди прошлаго и люди настоящаго перестали понимать другъ друга; взаимная связь двухъ эпохъ порвалась, и Ройе-Колляръ безропотно покорился своей участи. Онъ почти отказался отъ участїя въ дѣлахъ правленїя; онъ сосредоточился въ самомъ себѣ, въ мірѣ дорогихъ для него воспоминанїй. Мало оставалось уже въ живыхъ людей, въ кругу которыхъ протекла его молодость; два-три лица, такіе же, какъ и онъ, чужеземцы въ новой Франціи, изрѣдка раздѣляли его уединенїе и доставляли ему сладостную отраду переноситься навремя въ прошедшее, которое онъ любилъ и помнилъ... Грустное, меланхолическое чувство, чувство безропотної скорби слышится во всѣхъ его письмахъ этой эпохи. Съ какой-то старческой болтливостью рассказываетъ онъ въ нихъ о своихъ ежедневныхъ занятїяхъ, воспоминаетъ прошлое и груститъ о настоящемъ. «Я чувствую, писалъ онъ въ 1833 году, что я уже не отъ міра сего; только прошедшее занимаетъ меня, потому

что я знаю его, и нахожу въ немъ обильный матеріалъ для размышленія. Съ настоящимъ ничто не соединяетъ меня.» Надо прибавить къ этому грустному признанію, что Ройе-Колларъ *не понималъ* настоящаго. Дѣйствительно, въ послѣдніе годы его жизни положеніе дѣлъ мало походило на то, съ чѣмъ привыкъ онъ встрѣчаться въ эпоху реставраціи. Затрудненія, которыя предстояло преодолѣть Лудовику-Филиппу, далеко превосходили все то, что страшило министровъ Лудовика XVIII и Карла X. Въ эпоху реставраціи опасность грозила или со стороны либеральной партіи, съ которой всегда можно было примириться, или со стороны буржуазіи, которая всегда готова была идти на сдѣлку; въ царствованіе Лудовика-Филиппа обстоятельства переменялись. Буржуазія, достигшая своей цѣли июльскимъ переворотомъ и захватившая въ свои руки правленіе, сама скоро была поставлена въ осадное положеніе. Противъ нея выступила новая сила, существованія которой до той поры почти и не подозрѣвали, и которая, направляемая искусною рукою социалистовъ, скоро оказалась достаточно сильною, чтобы ниспровергнуть и монархію, и буржуазію. «Задѣльная плата рабочихъ, говоритъ Даніель Стернь, сильно поднятая конкуренціею фабрикантовъ, привлекла огромную часть сельскаго населенія въ большіе мануфактурные центры и усилила донельзя производительность. Потребленіе оказалось вскорѣ далеко ниже этой напряженной дѣятельности производительныхъ силъ. Несоразмѣрность между запросомъ и предложеніемъ стала очень чувствительна; рынокъ переполнился, равновѣсіе было нарушено. Иностранная конкуренція и внутреннее соперничество между содержателями фабрикъ и рабочими привело, въ одно и то же время, къ застою въ промышленности и къ пониженію задѣльной платы. Кризисы, сначала періодическіе, сдѣлались постоянными. Ожесточенная борьба завязалась. Слѣдствіемъ ея былъ новый видъ нищеты, которая, поражая самый дѣятельный, смыслѣнный и энергическій классъ населенія, судорожно бросала его отъ страданія къ матажу, отъ матажа къ нуждѣ, отъ нужды къ пороку, отъ порока къ такому состоянію, въ которомъ не было уже ничего человѣческаго.» Этого новаго явленія въ экономической и общественной жизни Франціи не понималъ Ройе-Колларъ, хотя понимали его тогда уже многіе. Парламентскія распри, борьба партій, измѣнившаяся политика доктринѣровъ — все это было одинаково чуждо и незнакомо Ройе-Коллару. Онъ не понималъ политики Гизо, не понималъ, что она была продиктована условіями времени, и считалъ ее чѣмъ-то произвольнымъ, предвзятымъ. Преобладаніе буржуазіи въ палатѣ онъ объяснялъ ребаческимъ желаніемъ

французовъ испробовать правительственныя способности сословія, неигравшаго до сихъ поръ большой политической роли; экономическое и социальное могущество буржуазіи и явившаяся, вслѣдствіе того, потребность политическаго преобладанія ускользали онъ вниманія Ройе-Колляра. Еще менѣе, разумѣется, было доступно его пониманію явленіе пролетаріата, на которое мы только что указали словами Даниеля Стерна. Изъ всего этого самъ собою вытекаетъ отвѣтъ на вопросъ: могъ ли, долженъ ли былъ Ройе-Колляръ принимать участіе въ политической дѣятельности?

«Я старѣюсь, писалъ Ройе-Колляръ въ 1839 году, и все болѣе и болѣе удаляюсь отъ общественныхъ дѣлъ, которыя въ мои лѣта не представляютъ ни интереса, ни цѣли (?). Если я засѣдаю еще въ палатѣ, то потому только, что меня туда посылаютъ, и что при обстоятельствахъ послѣднихъ выборовъ отказъ былъ бы невозможенъ.» Въ слѣдующемъ году, Ройе-Колляръ послалъ подпрефекту марнского округа письмо, въ которомъ просилъ его извѣстить избирателей, что преклонныя лѣта принуждаютъ его навсегда отказаться отъ участія въ дѣлахъ правленія.

Итакъ, сессія 1839 года была послѣднею, въ которой засѣдалъ Ройе-Колляръ; съ этого времени, онъ отказался отъ всякой политической дѣятельности. Это не значитъ, однако, чтобъ онъ впадалъ въ совершенное бездѣйствіе: трудъ былъ потребностью его серьезной натуры, и принужденный отказаться отъ засѣданій въ камерѣ, онъ обратился къ занятіямъ наукою. Онъ сталъ чаще посѣщать академическія конференціи, сталъ дѣятельнѣе слѣдить за текущей литературой. Замѣчательнѣйшія явленія въ ученомъ мірѣ всегда обращали на себя его вниманіе. Въ особенности поразила и обрадовала его «Демократія въ Америкѣ» Токвиля, произведшая неописанный фуроръ во французскомъ обществѣ и увѣнчанная академической преміей. Ройе-Колляръ такъ былъ восхищенъ ею, что пожелалъ непременно познакомиться съ авторомъ, и первая же встрѣча искренно подружила его съ нимъ. Въ книгѣ Баранта есть нѣсколько писемъ Ройе-Колляра къ Токвилю, въ которыхъ довольно ясно обрисовываются ихъ взаимныя отношенія. Замѣчательно, что Ройе-Колляръ старался отклонить Токвиля отъ литературной дѣятельности и увлечь его на политическое поприще, которое онъ считалъ самымъ высокимъ изъ всѣхъ. «Успѣхъ, жажда котораго васъ дѣлаетъ—писалъ онъ автору «Демократіи» (*)—не

(*) Можетъ быть не всѣмъ извѣстно, что Токвиль былъ очень самолюбивъ и чувствительнъ ко всякаго рода ухищреніямъ. Еще очень холодною челоуѣкомъ, онъ

есть успѣхъ литературный: вы должны дѣйствовать и на людей, управлять имъ мыслями, чувствами.—Это дѣло государственныхъ людей, благодѣтелей человѣчества; оно достойно васъ, потому что ваша душа такъ же возвышенна, какъ и вашъ умъ.»

Въ послѣдніе годы своей жизни, Ройе-Колляръ, отъ природы проникнутый глубокимъ религіознымъ чувствомъ, сдѣлался еще набожнѣе. Его спиритуальная натура, строгое католическое воспитаніе, примѣръ матери и фамилійныя преданія, все это имѣло сильное вліяніе на развитіе въ немъ религіозныхъ наклонностей. Онъ воспитывалъ своихъ дѣтей въ строго-католическомъ духѣ; образъ его жизни и обстановка, какою окружилъ онъ себя въ своемъ домѣ, были таковы, что самый придиричивый патеръ не могъ бы сдѣлать ему никакого замѣчанія. Всѣ внѣшнія, обрядовыя обязанности католика исполнялъ онъ съ самою строгою пунктуальностью. Совѣсть его была чиста; честность и благородную прямоту его характера признавали всѣ. Достигнувъ глубокой старости, чувствуя приближеніе смерти, онъ все болѣе и болѣе поддавался вліянію католической набожности. Въ его религіозныхъ убѣжденіяхъ явилась нѣкоторая нетерпимость, которой онъ не зналъ прежде, и которая вполнѣ высказалась въ его жолчной рецензій на книгу Эмѣ-Мартена, авторъ которой расходился съ догматами католической церкви. Въ 1843 году, когда, послѣ извѣстной, надѣлавшей много шума, исторіи Мишлѣ и Кинѣ, парижскій университетъ вступилъ въ открытую борьбу съ іезуитами, Ройе-Колляръ принималъ сторону послѣднихъ и отзывался о нихъ съ безграничными похвалами. За эти печальныя заблужденія нельзя, кажется, безусловно обвинять Ройе-Коллара: въ нихъ отразились преданія другой эпохи, другихъ нравовъ; въ нихъ обнаружилось вліяніе іезуитскаго воспитанія, даннаго ему матерью. Къ дести его, должно прибавить, что подобныя крайности очень рѣдко проявлялись въ немъ внѣшнимъ образомъ: онъ хранилъ свои религіозныя убѣжденія въ собственной совѣсти и не любилъ дѣлиться ими дажѣ съ самыми близкими друзьями, какъ бы боясь не найти въ нихъ отвѣта и сочувствія.

Въ 1844 году Ройе-Колляръ былъ сильно болѣнъ, но старался скрыть опасность отъ себя и отъ другихъ. «Я здоровъ, насколько это возможно въ моемъ возрастѣ,—писалъ онъ тогда въ Баранту; лежачка не возвращается.—Я читаю, учусь; наднихъ бросаю Гомера и принялся за Овидіа. Я получилъ два или три письма, очень интe-

писалъ къ одному своему другу: «во мнѣ есть потребность первенствовать, которая будетъ жестоко тревожить меня во всю жизнь».

ресныя. Мнѣ кажется, что необыкновенный пріемъ, сдѣланный королю въ Англіи, есть неболѣе, какъ временная поддержка министерству; я остаюсь тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде—вспокойнымъ.» Въ слѣдующемъ году, болѣзнь его усилилась. Чувствуя приближеніе смерти, онъ отправился къ себѣ на родину. Жители Шатовѣ, его родоваго помѣстья, предупрежденные о его пріѣздѣ, толпами вышли къ нему на встрѣчу. «Я хочу умереть посреди васъ», сказалъ онъ имъ. Затѣмъ, оставшись наединѣ съ священникомъ, онъ продолжалъ:—Я пріѣхалъ сюда умереть. Передъ отъѣздомъ, я сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, я привелъ въ порядокъ свою совѣсть. Я лучше желаю лежать на кладбищѣ въ Шатовѣ, чѣмъ въ Парижѣ, гдѣ меня похоронили бы съ пышной церемоніей. Впрочемъ, не мое дѣло, какъ меня будутъ хоронить; мое дѣло умереть какъ слѣдуетъ, и въ этомъ я рассчитываю на вашу помощь.» Священникъ старался отклонить его мысли отъ смерти, говоря, что онъ казался довольно бодрымъ послѣ дороги. «Я вполне понимаю свое положеніе, отвѣчалъ Ройе-Колларъ, я не могу, не хочу себя обманывать.» Дѣйствительно, на другой же день оказались всѣ симптомы неизлечимой болѣзни. Докторъ понялъ, что всякая помощь будетъ бесполезна. Ройе-Колларъ причастился и благословилъ своего внука. «Будь христіаниномъ», сказалъ онъ ему:—этого мало—будь католикомъ.» Затѣмъ, до послѣдней минуты, больной сохранялъ полное присутствіе духа и съ геройскою твердостью и безропотностью переносилъ страданія предсмертной агоніи. Испуская послѣдній вздохъ, онъ приложилъ къ губамъ распятіе и благоговѣнно поцаловалъ его.

Тѣло Ройе-Коллара было положено на родномъ кладбищѣ, и на могилѣ, согласно его желанію, былъ воздвигнутъ мраморный памятникъ, такой точно, какой былъ поставленъ на могилѣ его дочери, пережитой имъ нѣсколькими годами.

Блестательныя почести были возданы Ройе-Коллару по его смерти. Совѣтъ парижскаго университета пожелалъ украсить его портретомъ залу своихъ засѣданій. Статуя Ройе-Коллара была воздвигнута на городской площади въ Витри, и академія, которой Колларъ былъ членомъ, послала отъ себя торжественную депутацію присутствовать при открытіи этого памятника. Ремюза, занявшій мѣсто Ройе-Коллара въ академіи, произнесъ обычную похвальную рѣчь въ честь покойника. Общественное мнѣніе единодушно заявило свое глубокое уваженіе и сочувствіе высокимъ нравственнымъ качествамъ чловѣка, умѣвшаго пройти свою политическую карьеру съ чистою совѣстью и незапятнаннымъ именемъ.

Мы прослѣдили, въ этомъ краткомъ очеркѣ, жизнь одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Франціи, замѣчательнаго не столько дарованіями общественнаго дѣятеля, сколько возвышенной честностью своей политической совѣсти и вѣрностью разъ навсегда принятымъ убѣжденіямъ. Онъ оставилъ по себѣ чистое, ни однимъ пятномъ неопозоренное имя, которое съ уваженіемъ произносятъ и будутъ произносить люди всѣхъ партій и всѣхъ убѣжденій. Вся жизнь, всѣ силы его были посвящены одному великому дѣлу — утвержденію законной свободы во Франціи, охраненію монархіи, водворенію принципа легитимности въ политикѣ, въ администраціи, въ печати, въ мѣстностяхъ. Въ его глазахъ, вся задача государственнаго дѣятеля заключалась въ примиреніи законности съ свободой, монархіи съ хартіей, прошедшаго съ настоящимъ, *statu quo* съ прогрессомъ. Онъ самъ, въ немногихъ словахъ, формулировалъ политическую доктрину, подъ знаменемъ которой онъ неуклонно шелъ во все продолженіе своей долгой общественной дѣятельности. «Король, говорилъ онъ въ 1816 году въ избирателямъ марнскаго департамента, король—значить законность; законность значить порядокъ; порядокъ значить спокойствіе; спокойствіе достигается и сохраняется умѣренностью, этою высшею добродѣтью, которую политика заимствовала у нравственности. И такъ, умѣренность, нравственный атрибутъ законности, составляетъ отличительную черту истинныхъ друзей короля и Франціи.» Этому принципу неуклонно слѣдовалъ Ройе-Колларъ въ теченіе своей сорокалѣтней политической жизни, и его унесъ онъ съ собою въ могилу. Кто принималъ этотъ принципъ, тотъ слѣпо шелъ за Ройе-Колларомъ, вполне увѣренный, что высокая политическая честность этого благороднаго человѣка не позволитъ ему уклониться сознательно ни на шагъ отъ однажды принятаго направленія.

Но почему же этотъ честный, правдивый, благородный дѣятель такъ тихо и скромно прошелъ свое собственное поприще? Почему его чистое, незапятнанное имя такъ рѣдко слышится въ устахъ народа, среди котораго онъ жилъ и на служеніе которому онъ, повидимому, посвятилъ всѣ свои силы? Но, прежде всего, дѣйствительно ли Ройе-Колларъ служилъ народу? Не была ли растратчена вся жизнь его на служеніе отвлеченному принципу, вполне справедливому, но выработанному имъ у себя въ кабинетѣ, сухому и безстрастному? Одинъ бѣглый взглядъ на политическое поприще Ройе-Коллара показываетъ, что въ ней недоставало чего-то такого, что трудно опредѣлить однимъ словомъ, однимъ выраженіемъ, но что безусловно необходимо для прочнаго нравственнаго успѣха. Мы не говоримъ о его временныхъ

уклоненіяхъ отъ либеральной политики, о его ретроградныхъ взглядахъ на многіе вопросы современной ему жизни; мы готовы считать это минутными заблужденіями, слѣдствіемъ посторонняго вліянія или ложнаго взгляда на вещи. Но въ политической дѣятельности Ройе-Колляра есть другая черта, кладущая на нее характеристическій отпечатокъ и лишаящая ее того высокаго нравственнаго значенія, которое необходимо всякому государственному человѣку для пріобрѣтенія глубокой симпатіи со стороны народа, которому онъ служить. Черта эта заключается въ той холодной, безстрастной, теоретической манерѣ относиться къ политическимъ вопросамъ, отъ которой Ройе-Колляръ не могъ освободиться во всю свою жизнь. Въ его понятіяхъ, политика заключалась въ хартіи, которую должно было или преобразовывать, или поддерживать; государственная сфера была для него заключена въ узкихъ рамкахъ писаннаго права; народная жизнь застыла для него въ томъ или другомъ параграфѣ хартіи, и онъ не видѣлъ, не замѣчалъ, какъ была она горячимъ ключомъ подъ этой ледяной корой, какъ прорывала она ее, какъ увлекала ее за собою. Весь міръ, вся жизнь была заключена для Ройе-Колляра въ стѣнахъ палаты или въ кабинетѣ перваго министра, и за эти предѣлы не переходила его политическая дальнзоркость. Онъ готовъ былъ видѣть мировое событіе въ переходѣ того или другаго депутата отъ министерства къ оппозиціи, а не замѣчалъ, какъ обанкрутилась политика доктринеровъ передъ явленіемъ пролетаріата; онъ сочинялъ длинные рѣчи объ измѣненіи какаго нибудь параграфа въ сводѣ законовъ, а не замѣчалъ, какъ образовалась въ Парижѣ могущественная конгрегация іезуитовъ, какъ захватила она въ свои руки народное воспитаніе, какъ пролила неисцѣлимую отраву въ народную нравственность. Бюрократическіе мелочи, формальности приковывали къ себѣ вниманіе Ройе-Колляра, а между тѣмъ безслѣдно проходила для него волна народной жизни, вѣяніе народнаго духа. Въ немъ не было чуткаго соціальнаго нерва, который привелъ бы его въ живое соприкосновеніе съ народомъ, указалъ бы ему его нужды, стремленія, надежды. Ройе-Колляръ родился въ деревнѣ, молодость свою провелъ въ деревнѣ; казалось бы, долженъ онъ былъ породниться съ этой мирной, спокойной, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубокой и сильной народной жизнью, безъ знанія которой пустою и бесполезною будетъ всякая политическая дѣятельность. Но нисколько: въ деревнѣ Ройе-Колляра окружали ханжи и іезуиты, которые вселяли въ немъ инстинктивное пренебреженіе къ массѣ, недовѣріе къ ея смыслу и совѣсти. За предѣлы своего вѣмца, до ближняго монастыря, Ройе-Колляръ не простиралъ своей

наблюдательности. Потомъ онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ его окружили ученые абаты, вѣдѣе академики, близорукіе и педантическіе доктринѣры; народа не зналъ онъ, не хотѣлъ знать, не понималъ, что надо знать его. Оттого, въ продолженіе всей своей политической карьеры, онъ ни разу не затронулъ ни одного сочнаго, глубокожизненнаго вопроса, ничего такого, въ чемъ можно было бы признать присутствіе полной жизни, свѣжести и содержанія. Ройе-Колларъ былъ въ полномъ смыслѣ дипломатъ, только его дипломатія была обращена на внутреннюю, а не на вѣшнюю политику. Читая его рѣчи, мы удивляемся строгологическому складу его ума, его блестящей аналитической способности, но не встрѣтимъ въ нихъ ни одного мѣтѣваго, горячаго слова, въ которомъ слышалось бы вѣяніе народной жизни, теплое сочувствіе къ массѣ, къ ея нуждамъ, страстямъ, интересамъ. Ройе-Колларъ всегда жилъ жизнью правительства, династїи, былъ вѣренъ ей въ счастїи и несчастїи, страдалъ ея горемъ, радовался ея радостью, охранялъ ее, помогалъ ей; но династія смѣнилась, не успѣвъ сдѣлать ничего для преданнаго слуги своего, а новая не задала себѣ труда вознаградить человѣка, служившаго старой. Народъ, правда, оставался тотъ же и обладалъ болѣе благодарной памятью, но съ нимъ Ройе-Колларъ не имѣлъ жизненной связи: они были другъ другу чужды, мало знали и еще менѣе понимали другъ друга.

В. Г. АВОСТИНЕО.

МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Меня давно стало занимать то оригинальное явленіе, которое представляет собою петербургская академія наукъ. *Русское* ученое общество—ибо заведено въ Россіи, на русскія средства, для русскихъ—она существуетъ слишкомъ сто лѣтъ и держится почти исключительно учеными силами Германіи или балтійскихъ провинцій, издаетъ свои труды преимущественно на языкъ нѣмецкомъ, рѣже на французскомъ и еще рѣже на русскомъ. Явленіе—крайне любопытное, хотя неединственное и небезпримѣрное. Такъ, еще не очень давно въ королевствѣ греческомъ всѣ ученые званія, почти весь аѳинскій университетъ заняты были учеными нѣмцами. У насъ, въ Россіи, до сихъ поръ цѣлыя отрасли народной промышленности и заграничная торговля находятся почти исключительно въ рукахъ иностранцевъ и въ особенности нѣмцевъ. Эти явленія, безспорно, много чести приносятъ нашимъ западнымъ сосѣдямъ, свидѣтельствуя объ ихъ предпріимчивости, трудолюбіи, образованности и большой попечительности другъ о другѣ, но въ то же время очень мало говорятъ въ нашу пользу, обличая жалкое состояніе нашей народной производительности и образованности. Очевидно, наша академія находится въ положеніи ненормальномъ, неестественномъ, точно также, какъ и наша промышленность и торговля. Въ противномъ случаѣ пришлось бы утверждать, что всѣ ученые общества того рода во Франціи, Англіи, Германіи, Бельгіи, Италіи развились ненормально и должны современемъ перестать по образцу нашей академіи, то-есть должны перестать состоять изъ ученыхъ отечественныхъ, прекратить свои изданія на языкахъ отечественныхъ. Когда общество дѣйствительно идетъ впередъ, то все, что есть въ немъ ненормальнаго, неестественнаго, долго держаться не можетъ. Либеральныя реформы нашего законодательства, направленные къ уничтоженію преградъ, мѣшающихъ свободному раз-

вѣтлю народной производительности, благородныя усилія частныхъ лицъ и цѣлыхъ классовъ общества по распространенію въ народѣ образованія ускоряютъ и облегчаютъ всѣ тягости перехода петербургской академіи изъ ея нынѣшняго ненормальнаго положенія. При нашемъ искреннемъ и горячемъ желаніи скорѣ видѣть ее въ здоровомъ, дѣйствующемъ состояніи, слѣдовательно—чисто русскимъ, національнымъ учрежденіемъ (и, разумѣется, ученымъ, ибо академія всегда могла бы составиться изъ русскихъ и неученыхъ, а теперь состоятъ преимущественно изъ ученыхъ иѣмцевъ, потому, конечно, что изъ русскихъ таковыхъ не находится), намъ естественно было забѣгать впередъ съ вопросомъ: какой же видъ приметъ преобразованная петербургская академія наукъ? Такого рода вопросы всегда наводятъ на историческія изысканія. Я сталъ усердно изучать исторію академіи не только по печатнымъ, всѣмъ извѣстнымъ источникамъ, но и по рукописямъ, не для всѣхъ доступнымъ. Чѣмъ больше я ознакомился съ исторіею академіи, тѣмъ болѣе останавливался я на томъ ея періодѣ, когда въ ней служилъ Ломоносовъ. Прежде, до этихъ занятій, я всегда думалъ, что его заслуги и труды для русскаго просвѣщенія оцѣнены вполне, что вся его дѣятельность хорошо извѣстна. Но тутъ я скоро понялъ свое заблужденіе и ясно убѣдился, что подробное жизнеописаніе Ломоносова, которое еще не существуетъ, необходимо, между прочимъ, и для вѣрнаго пониманія всей исторіи петербургской академіи, для открытія въ ея прошедшемъ тѣхъ свѣтлыхъ явленій, которыя могли бы прорости въ будущее, и истинныхъ причинъ тѣхъ печальныхъ явленій, которыя должны быть уничтожены въ настоящемъ.

Въ настоящее время, надолго покидая Россію для другихъ моихъ занятій, я принужденъ ограничиться только первыми главами моего біографическаго очерка, на который прошу читателя глядѣть съ моею же точки зрѣнія, какъ даже не на первый опытъ, а какъ на подробный конспектъ имѣющей быть полной біографіи Ломоносова, излагающей его жизнь и дѣятельность въ связи съ развитіемъ современнаго ему общества.

I.

Петровскій или петербургскій періодъ нашей исторіи завершентъ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы еще не было теперь въ Россіи множества людей, которые бы въ своей частной и общественной жизни не отражали жизни того періода, чтобы современная дѣйствительность не представляла многихъ явленій, почти исключительно его характеризующихъ. Говоря, что петербургскій періодъ нами пережить, я хотѣлъ только сказать, что его руководящая идея перестала быть основнымъ движущимъ началомъ нашей исторіи, что она уступила свое верховное мѣсто другой, высшей ея, идеѣ, составляющей душу нашей эпохи. Теперь еще не только не перевелись люди, которые не могутъ переварить въ своемъ сознаніи мысли объ односторонности петер-

бургскаго періода, но, по всей вѣроятности, они просуществуютъ еще много лѣтъ, какъ прожило же до нашего времени не мало людей, нежелающихъ признать никакой законности за нѣкогда новою идеею петровской эпохи. Еще долго послѣ революціи и наполеоновскихъ войнъ тамъ и сямъ прозябали напудренные маркизы и эмигранты. Зачѣмъ же отказывать въ многолѣтніи нашимъ западникамъ, непризнающимъ въ реформѣ Петра и ея послѣдствіяхъ ни малѣйшей односторонности. Неумолимая исторія переводитъ ихъ теперь въ ряды раскольниковъ старовѣровъ, въ великій грѣхъ вынудившихъ чтеніе книгъ никоновскаго исправленія, бритье бородъ и ношеніе нѣмецкаго платья, или тѣхъ французовъ-эмигрантовъ, что видѣли паденіе Франціи въ провозглашеніи въ ней начала равенства людей передъ закономъ. Проводя аналогію нашихъ западниковъ съ старовѣрами, нельзя однако не оговориться, что за послѣдними гораздо болѣе правъ на долговѣчность и вниманіе исторіи. Безусловные защитники обряда, покровъ и оболочки мысли и чувства, часто совершенно русскаго, народнаго, наши старовѣры вообще бываютъ близки къ историческимъ основамъ русской жизни, тогда какъ наши безусловные поклонники петроу скрой реформы, оправдывая и защищая всѣ частныя односторонности и личные недостатки геніальнаго дѣятеля, являются и непрощенными защитниками чужихъ, перевесенныхъ къ намъ формъ, часто уже вымершихъ на Западѣ, поборниками пережитыхъ идей и мнѣній, выработанныхъ въ Европѣ безъ всякаго ихъ участія. Раскольники старовѣры уже сами по себѣ составляютъ явленіе любопытное для изученія нашего стариннаго быта. Нельзя того же сказать про нашихъ западниковъ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, кто станетъ обращаться къ жалкимъ снимкамъ и часто уродливымъ копіямъ, когда передъ глазами настоящіе подлинники — самъ западъ, который въ настоящее время мы и можемъ, и должны изучать непосредственно и, разумѣется, критически.

И такъ, петербургскій періодъ нашей исторіи завершенъ. Односторонность его признана. Въ какомъ же теперь свѣтѣ предстанетъ намъ Ломоносовъ, главнѣйшій послѣ Петра дѣятель этого періода? Въ ту пору вышшняго блеска и самооболенія мы много натворили себѣ кумировъ, насочинили всякихъ великихъ именъ, громкихъ дѣлъ и славныхъ подвиговъ. Далеко уже не въ томъ видѣ, какъ прежде бывало, возстаетъ передъ нами это блестящее прошедшее. Но еще много повалится прежнихъ кумировъ, померкнутъ многія славны, исполнѣт разоблачится нелѣпость многихъ предпріятій и вредныя послѣдствія разныхъ громкихъ дѣлъ, прославленныхъ льстецами и благородными, но

обманутыми современниками. Ихъ подкупалъ внѣшній блескъ тѣмъ легче, чѣмъ менѣе были имъ извѣстны основныя побужденія такихъ предприятий, будто бы по своимъ послѣдствіямъ благотѣльныхъ для русскаго народа, невѣдніемъ котораго отличалось наше образованное общество этого періода. Часто оно наивно воображало, что можетъ вести Россію впередъ по пути просвѣщенія, отрекаясь отъ своего просвѣтительнаго начала, не живя съ народомъ, его истиннымъ хранителемъ, въ тѣсномъ общеніи и братскомъ союзѣ, а напротивъ, барствуя съ нимъ и обезьянничая передъ западомъ. вмѣсто разныхъ мишурныхъ славъ и самозданныхъ кумировъ, правдивая исторія XVIII вѣка откроетъ намъ не мало свѣтлыхъ явленій и доблестныхъ характеровъ, которые доселѣ оставались почти незамѣченными и даже подвергались злобнымъ нападкамъ, невѣжественному гоненію современниковъ. Но не омрачится слава Ломоносова, не опозорится его имя, мѣсто его не останется празднымъ, и не займутъ его другіе. Пройдутъ вѣка, а его имя съ почтеніемъ будетъ произноситься уже не десятками, а сотнями тысячъ, милліонами русскихъ людей и уважаться не въ одной Россіи, а вездѣ, куда ни проникнетъ русская рѣчь, русская грамота. Въ исполинскихъ чертахъ рисуется намъ образъ Ломоносова уже и теперь, когда еще такъ мало извѣстна его трудовая жизнь и громадная дѣятельность, хотя и теперь уже столько написано у насъ о Ломоносовѣ, что изъ статей о немъ можно бы составить нѣсколько книгъ. Наши писатели всѣхъ поколѣній, часто люди самыхъ блестящихъ дарованій и большихъ заслугъ въ мірѣ науки и художествъ, вмѣняли себѣ въ непремѣнный долгъ сказать свое слово о Ломоносовѣ, своими отношеніями къ нему какъ бы желая измѣрить свое собственное значеніе въ исторіи русскаго просвѣщенія. Писатели разныхъ поколѣній, нерѣдко самыхъ противоположныхъ направленій сходятся въ своихъ отзывахъ о Ломоносовѣ. О немъ выражались съ одинакимъ уваженіемъ: Муравьевъ, Новиковъ, Радцигъ, Щербатовъ, Болтинъ, Порошинъ, фон-Визинъ, Державинъ, Карамзинъ, Шншковъ, Мерзляковъ, Жуковский, Батюшковъ, Вяземскій, Пушкинъ, Гоголь, Лепехинъ, Озерецковскій, Севергинъ, Перевощиковъ, Спасскій, Шуровскій, Озерскій, Соколовъ, Любимовъ, Полевой, Губеръ, Одоевскій, Шевыревъ, Никитенко, Гречъ, Погодинъ, Савельевъ, Бѣлинскій, Соловьевъ, Буслаевъ, Аксаковъ, Хомяковъ. Всѣ эти лица, изъ которыхъ одни дѣйствительно ознаменовали себя великими заслугами въ исторіи русскаго просвѣщенія, а другіа долго считались, а нѣкоторыя изъ нихъ понынѣ считаются у насъ болѣе или менѣе замѣчательными дѣятелями—всѣ они разсматривали труды и подвигъ

Ломоносова съ разныхъ точекъ зрѣнія и почти единогласно выражали свое глубочайшее уваженіе къ его памяти. Но честь наиболѣе полного опредѣленія значенія Ломоносова въ исторіи нашего просвѣщенія по всей справедливости принадлежитъ К. Аксакову, который свое обширное сочиненіе о немъ заключилъ слѣдующими замѣчательными строками: «Колоссальное лицо Ломоносова, которое встрѣчаемъ въ нашей литературѣ, является не формальною, но живою точкою начала; вся наша дѣятельность, явившаяся и являющаяся и имѣющая явиться, вся примыкаетъ къ нему, какъ къ своему источнику; онъ стоитъ на границѣ двухъ сферъ, дающій новую жизнь, вводящій въ новую полную сферу. Развитие двинулось и пошло своимъ путемъ, своими односторонностями, и какъ бы ни пошло развитіе, онъ является, какъ давшій его. Да замолкнуть же всѣ невѣжественныя обвиненія и толки; отъ нашихъ дней требуется свободное признаніе его великаго подвига и полная, искренняя, глубокая благодарность. Образъ его исполнски является намъ, и этотъ исполнскій образъ возвышается передъ нами во всемъ могуществѣ и силѣ генія, во всей славѣ своего подвига и безконечно будетъ онъ возвышаться, какъ безконечно его великое дѣло.»

Приведеніемъ этихъ словъ г. Аксакова, я не только хотѣлъ почтить память этого благороднаго дѣятеля, такъ рано похищеннаго смертью, но и отвѣчать на возбужденный вопросъ: какъ намъ представляется Ломоносовъ теперь, когда уже признана односторонность петербургскаго періода, въ теченіе котораго онъ былъ первымъ, почти единственнымъ, послѣ Петра, колоссальнымъ лицомъ нашей исторіи? Г. Аксаковъ же принадлежалъ къ числу тѣхъ незабвенныхъ нашихъ дѣятелей, которые, какъ Хомяковъ и Кирѣевскіе, первые вполне ясно обличили односторонность и ложь петербургскаго періода и положили начало новому періоду нашей образованности. Въ этомъ отношеніи сужденіе г. Аксакова о Ломоносовѣ весьма знаменательно, ибо г. Аксакова нельзя заподозрить въ пристрастіи къ періоду петербургскому и во всѣхъ его явленіяхъ. Въ то же время онъ отнюдь не противорѣчитъ и высокому мнѣнію о Ломоносовѣ всѣхъ его замѣчательныхъ преемниковъ, какъ напримѣръ фон-Визина, Новикова, Лепехина, Карамзина, Пушкина и Гоголя. Но это самое сходство сужденія г. Аксакова съ мнѣніями послѣднихъ, все—представителей прошедшей эпохи, не возбуждаетъ ли сомнѣнія въ вѣрности этого сужденія? Односторонность господствовавшей тогда образованности, наложившей свою печать на всѣ тогдашнія идеи, стремленія и задачи, на способъ ихъ рѣшенія, не могла же однако не отразиться на мнѣ-

нѣхъ главнѣйшихъ ея представителей о Ломоносовѣ и на ихъ пониманіи его дѣятельности? Не придется ли такимъ образомъ рѣшительно отвергнуть всѣ эти мнѣнія о великихъ заслугахъ и дарованіяхъ Ломоносова?

Въ самомъ дѣлѣ, очень недавно, уже послѣ г. Аксакова, появилось въ нашей литературѣ мнѣніе о Ломоносовѣ совершенно противоположное. Такъ говорятъ, что въ исторіи русскаго просвѣщенія онъ стоитъ вовсе не выше нѣмецкихъ академиковъ Миллера и Шлецера.

Правда, Миллеръ участвовалъ въ знаменитой сибирской экспедиціи, прожилъ въ Россіи болѣшую часть жизни и своимъ громаднымъ трудолюбіемъ дѣйствительно оказалъ русской наукѣ услуги великія, съ благодарностью у насъ признанныя. Но онъ не отличался ни особенными дарованіями, ни чистую, безкорыстною привязанностью къ нашему народу, на котораго глядѣлъ непначе, какъ всѣ тогдашніе нѣмцы. Миллеръ съ любовью къ наукѣ просто соединялъ усердіе и преданность въ русскому правительству, которому служилъ вѣрно до самой смерти. Хотя Шлецеръ своими дарованіями и ученостью далеко превосходилъ Миллера, но онъ вовсе не зналъ Россіи, ибо прожилъ въ ней, и то въ одномъ только Петербургѣ, не болѣе 7-ми лѣтъ съ промежутками, а во вторыхъ, и въ самой Германіи, гордой своимъ патріотизмомъ, никто его серьезно не называетъ человѣкомъ великимъ и гениальнымъ, за исключеніемъ развѣ его сына. Какъ бы то ни было, только въ исторіи русскаго просвѣщенія Ломоносова ставятъ рядомъ съ двумя состоявшими въ русской коронной службѣ учеными нѣмцами, изъ которыхъ одинъ, чрезвычайно трудолюбивый, прожилъ въ Россіи очень долго, но не былъ особенно даровитъ, а другой, даровитый специалистъ, пробылъ въ Россіи, и то въ одномъ Петербургѣ, менѣе 7-ми лѣтъ, ставятъ, говорю, съ ними рядомъ Ломоносова значитъ отрицать въ немъ гениальныя дарованія и отпущу не признавать за нимъ того историческаго значенія, которое ему приписывала образованная Россія.

Далѣе утверждаютъ, что Ломоносовъ въ пониманіи различныхъ общественныхъ русскихъ вопросовъ стоялъ ниже и своихъ русскихъ современниковъ, И. И. Шувалова, Теплова и Козлова, а эти послѣдніе уже никакъ не могутъ быть названы умами необыкновенными. Наконецъ рѣшительно увѣряютъ, что только умамъ пристрастнымъ, ограниченнымъ можетъ казаться Ломоносовъ какимъ-то великимъ человѣкомъ или, какъ выражаются саркастически, трагическимъ героемъ.

Таково-то новое въ нашей литературѣ мнѣніе о Ломоносовѣ, совершенно противное мнѣніямъ о немъ всѣхъ замѣчательнѣйшихъ

представителей нашей образованности, не однихъ дѣателей петербургскаго періода, но и такихъ, которые, подобно Аксакову, сознали и обличили его односторонность.

Невольно возникаетъ вопросъ: не слѣдуетъ ли признать за истинное это послѣднее мнѣніе о Ломоносовѣ? Сужденія о немъ Аксакова, Хомякова не доказываютъ ли только, что они еще не освободились отъ вліянія петербургскаго періода, видя въ одномъ изъ его дѣателей, въ сущности очень обыкновенномъ, какую-то геніальную, великую личность? Въ чемъ же, въ противномъ случаѣ, отношенія всѣхъ послѣдующихъ нашихъ писателей и ученыхъ выражаютъ односторонность и ложь этого періода?

Въ томъ именно обстоятельстве, что это послѣднее мнѣніе проводится въ изданіяхъ петербургской академіи наукъ.

Развернемъ нашу мысль яснѣе: это мнѣніе о Ломоносовѣ въ сущности не имѣетъ никакого объективнаго значенія, но очень любопытно въ отношеніи субъективномъ. Оно было высказано у насъ однимъ нѣмецкимъ ученымъ, занимающимъ катедру русской исторіи въ нашей академіи. Поступивъ въ члены академіи лѣтъ 15 тому назадъ, г. Куннеъ тогда еще плохо зналъ русскій языкъ, доказательства чему можно найти въ его нѣмецкомъ сочиненіи «О призваніи варяговъ», особенно въ первой его части. Впослѣдствіи времени, уже членомъ академіи, онъ хорошо выучился русскому языку, но при всемъ своемъ трудолюбіи слишкомъ мало имѣлъ досуга для основательнаго знакомства съ нашею словесностью, ибо съ 1846 — 47 г. Куннеъ почти преимущественно занимался изданіемъ, и весьма добросовѣстно, различныхъ источниковъ и памятниковъ русской исторіи, какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, подробными, часто чрезвычайно мелочными изслѣдованіями о варягахъ, объ Ярославлѣ серебрянѣ, о портретахъ Анны Леопольдовны, о русскихъ медаляхъ, хронологическими изысканіями по русской и византійской исторіи, о періодическихъ изданіяхъ академіи, о племенныхъ особенностяхъ аріицевъ. При такихъ обширныхъ и разностороннихъ ученыхъ занятіяхъ, поглощающихъ весьма много времени, иностранецъ въ какія нибудь 15—16 лѣтъ могъ ли даже приготовиться, какъ слѣдуетъ, къ ясному пониманію значенія Ломоносова въ исторіи русскаго просвѣщенія, ибо для этого требуется близкое знакомство со всѣми послѣдующими явленіями нашей образованности до настоящаго времени, и уже недостаточно однихъ бібліографическихъ свѣдѣній и такихъ хронологическихъ изысканій о времени появленія тѣхъ или другихъ отъ Тредьяковскаго, Сумарокова и Ломоносова. Такимъ образомъ неправильность сужденія

г. Куника о Ломоносовѣ очень понятна и даже извинительна, развѣ только можно бы было пожелать ему поменѣ той самоувѣренности и того рѣзкаго тона, съ какимъ онъ вообще любитъ иногда обращаться и къ русской жизни, и къ русской литературѣ, съ которою вообще онъ все таки знакомъ больше библиографически. Впрочемъ, и этотъ недостатокъ сочиненій г. Куника находитъ себѣ оправданіе и извиненіе въ общемъ характерѣ нѣмецкой образованности. Едва ли въ какой другой великой европейской литературѣ, кромѣ нѣмецкой, отличается, напримѣръ, ученая полемика такою рѣзкостью тона. Едва ли есть въ нѣмецкомъ обществѣ болѣе сильный порокъ, чѣмъ его національныя предубѣжденія, часто въ высшей степени темныя и фанатическія—для сего довольно указать хотъ, напримѣръ, на политическія статьи Фальмераiera, одного изъ даровитѣйшихъ нѣмецкихъ публицистовъ—и глубокая пошлѣ вражда нѣмцевъ къ славянамъ—для сего достаточно проглядѣть нѣсколько нѣмецкихъ политическихъ журналовъ и узнать ихъ мнѣнія о полякахъ, чехахъ и т. д.; но изъ раду славявъ ученая и неученая Германія никогда не выключала и насъ, русскихъ. Ломоносовъ же былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей не только русскаго народа, но и вообще славянскаго племени, великимъ подвижникомъ русскаго, народнаго просвѣщенія, всю почти свою жизнь боровшимся съ нѣмцами. Чтобы природному нѣмцу, уроженцу Германіи, имѣть возможность судить о Ломоносовѣ безпристрастно, для того ему непремѣнно нужно подняться выше своего общества, откинуть всѣ прежніе предрасудки, а такой подвигъ дастся людямъ только необыкновенныхъ дарованій или при какихъ нибудь особенно благоприятныхъ обстоятельствахъ и притомъ гораздо легче такимъ нѣмцамъ, которые жила въ Россіи, но не состояли и не состоятъ на государственной службѣ, не Миллеру, Шлецеру и Кунику, а Блазіусу, Гакстгаузену, Боденштедту. Всѣ эти соображенія служатъ, кажется, достаточнымъ оправданіемъ строгости и рѣзости приговоровъ г. Куника о Ломоносовѣ. Въ извиненіе ихъ я позволю себѣ указать еще на одно обстоятельство, которое не могло не имѣть г. Кунику относиться къ Ломоносову вполне свободно и безпристрастно. Въ немъ къ предубѣжденію національному присоединилось предубѣжденіе партіи. Самъ иностранецъ и русскій академикъ, г. Куникъ, конечно, не можетъ съ полною свободою и искренностью сочувствовать русскому академику Ломоносову, который задумывалъ устроить академію на такомъ основаніи, чтобы она имѣла при себѣ универсальность, отличнѣйшихъ его воспитанниковъ отправляла за границу, а потому производила бы ихъ въ академіи; и такимъ образомъ, по

плану Ломоносова, прекратилась бы надобность въ постоянномъ вызовѣ ученыхъ иностранцевъ для занятія всякой катедры, и въ короткое время академія могла бы уже состоять изъ однихъ русскихъ ученыхъ. Г. Куникъ, вскорѣ по изданіи въ свѣтъ первой части своего сочиненія о варягахъ занявшій катедру русской исторіи въ нашей академіи, не могъ не осуждать дѣйствій Ломоносова въ академіи и не находить ихъ пристрастными. Такимъ образомъ, по словамъ г. Куника, «даже обнародываніе» (Пассекомъ) портфеля служебной дѣятельности Ломоносова «послужило только къ превратнымъ толкамъ объ исторіи академіи (*).» По соображеніи всѣхъ нашихъ замѣчаній никто, мы увѣрены, не станетъ упрекать г. Куника за рѣзкость и невѣрность его сужденій о Ломоносовѣ. Взглянувъ на нихъ исторически, мы даже усмотримъ въ нихъ большой шагъ впередъ. Г. Куникъ все-таки уже признаетъ извѣстныя заслуги за Ломоносовымъ и даже ставитъ его на одну доску съ Миллеромъ и Шлецеромъ. Не такъ отзывались о немъ нѣмцы, его современники. Миллеръ называлъ его злонамѣреннымъ и бѣшеннымъ человѣкомъ, со смертью лишь котораго могла бы подняться академія. Шлецеръ величалъ его пьянымъ дикаремъ, полуученымъ, наглымъ деспотомъ, а пасторъ Бюшинъ считалъ его совершеннымъ негодяемъ, презрительно отзываясь: *Lomossow und ähnliche Leute*. Г. Куникъ, съ обычнымъ нѣмецкимъ трудолюбіемъ занявшись разными специальными, часто очень мелочными вопросами русской исторіи, русской библіографіею, самъ мало по малу и безсознательно подвергся значительному влиянію русской мысли. Оно было такъ благотворно, что дало ему большое преимущество передъ другими его товарищами академиками, которые превосходятъ его своими дарованіями, какъ напримѣръ: г. Бетлингъ и Беръ, но,

(*) Вообще, мы во многомъ не можемъ согласиться съ г. Куникомъ относительно академіи. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: «Чтобъ привлечь въ академію первоклассныхъ ученыхъ, Петръ дозволялъ имъ заключать контракты только на пять лѣтъ, предоставляя, по истеченіи этого срока, выходить въ отставку или заключать новый контрактъ. Этотъ странный для нашего времени обычай продолжался отъ начала академіи до нѣкоторыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II. Какъ бы ни были благонамѣренны нѣкоторые изъ нашихъ первыхъ академиковъ, могли ли они приобрести глубокую привязанность къ странѣ, которую считали для себя лишь временнымъ мѣстопребываніемъ? И какъ могли рѣшиться навсегда посвятить себя государству (но Петръ I того и не требовалъ), когда оно еще не представляло имъ законнаго права на пенсію, въ случаѣ болѣзни или старости, а послѣ смерти ничѣмъ не обезпечило судьбы ихъ семействъ». Откровенно признаемся, что мы, въ противность г. Кунику, видимъ странность не въ пятилѣтнихъ контрактахъ, а въ его мнѣніи, поставлющемъ привязанность въ странѣ въ зависимость отъ пенсіи. Развѣ нужна была пенсія Байрону, Жуковскому, Глинкѣ, чтобъ привязаться имъ къ Греціи, Германіи и Испаніи?

мало или даже вовсе незнакомые съ русскою литературою, гораздо меньше его подчинились вліянію русской мысли. Жаль только, что г. Куникъ не сознаетъ этого преимущества своего, которымъ онъ такъ обязанъ именно Ломоносову же, истинному родоначальнику русской литературы. Снявъ таимъ образомъ съ г. Куника всякую по возможности личную отвѣтственность за его рѣзкія и несправедливыя мнѣнія о Ломоносовѣ, мы не можемъ однако не замѣтить, что, если они отнюдь не навлекаютъ на него никакихъ упрековъ, то тѣмъ не менѣе однако остаются вполне неправильными и даже враждебными народному нашему развитію. То обстоятельство, что такія мнѣнія проводятся въ изданіяхъ петербургской академіи и отъ ея лица, заслуживаетъ глубокаго вниманія. Въ этомъ именно обстоятельствѣ и выразилось, по нашему мнѣнію, то непониманіе истинныхъ заслугъ Ломоносова, въ которомъ мы заподозрѣли его преемниковъ, дѣятелей петербургскаго періода. Впрочемъ, если угодно, и въ мнѣніяхъ современной намъ петербургской академіи о Ломоносовѣ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо это ученое общество, открытое въ 1726 г., какъ въ личномъ своемъ составѣ, такъ и по характеру своей дѣятельности болѣе, чѣмъ на половину, нѣмецкое, особенно, если исключить 2-е отдѣленіе, которое болѣе, чѣмъ на половину, лишено строго ученаго характера. Въ томъ-то явленіи и въ равнодушномъ, безразличномъ отношеніи къ нему нашего общества и высказалась та односторонность и ложь петербургскаго періода, которая, какъ я замѣтилъ, не могла же не отразиться на отношеніяхъ къ Ломоносову послѣдующихъ дѣятелей русской образованности. Его представленія о томъ, чтобы «не тоѣмо сіе собраніе, но и все отечество учеными сынами своими удовольствовано было» — были отвергнуты и оставлены почти безо всякаго вниманія; его главныя идеи забыты, и завѣщаніе его не исполнено понинѣ, хотя уже скоро минетъ сто лѣтъ, какъ онъ умеръ.

Мы знаемъ теперь отзывы иѣмцевъ о Ломоносовѣ. Такой же брани подвергались отъ нихъ и всѣ лучшіе люди нашего племени, всѣ смѣлые поборники славянской народности: Гуссъ, Іеронимъ, Желжа и въ новѣйшія времена — Палацкій, Ганка, Челяковскій, Гавличекъ. Русская образованность петербургскаго періода оттого собственно и слѣдовала ложному направленію, что русское общество жило въ разрывѣ съ русскимъ народомъ, потому что она почти исключительно имѣла не народный, а сословный, дворянскій, шляхетскій и отчасти семинарскій характеръ. Получивъ изъ крестьянства образователя литературнаго языка и родоначальника русской словесности и науки,

наши передовые классы не потрудились призадуматься надъ этимъ простымъ фактомъ, надъ этимъ *низкимъ* происхожденіемъ Ломоносова. Они просто видѣли въ этомъ странную игру случая, съ удивленіемъ замѣчая, что *первый нашъ литературный аристократъ родился въ бедной жизни рыбака*; впрочемъ, одобрительно прибавляли, что за это Ломоносову тѣмъ болѣе чести и славы.

Крестьянство, выславъ изъ нѣдръ своихъ Ломоносова, совершило чрезъ него подвигъ, который былъ не по плечу дворянамъ и поповичамъ, въ руки которыхъ, по смерти его, мало по малу досталось исключительное завѣдываніе умственною и общественною жизнью Россіи въ періодъ петербургскій. Народъ, создавшій громадное государство, не разъ спасавшій его цѣлость и единство, былъ искусственно выдвинутъ изъ круга общаго развитія и, все болѣе связываемый крѣпостнымъ правомъ, уже терпѣлъ рабскую долю, общую всѣмъ его злополучнымъ соплеменникамъ. Ломоносовъ всю почти свою жизнь боролся за русскую народность съ нѣмцами, которые обыкновенно являлись въ Россію такими же *кумтуръ-трегерами*, какъ и къ западнымъ славянамъ. Благодаря нестолько многочисленности русскаго народа, сколько крѣпости его внутренняго быта и его преданности къ старинѣ и обычаю, побѣда въ Россіи славянскаго начала надъ нѣмецкимъ не стоила бы особенныхъ усилій, еслибъ высшіе классы не разорвали духовнаго союза съ народомъ, не поработили его себѣ и не вступили для сего въ соглашеніе съ нѣмцами. Отрекаясь отъ своего несравненно высшаго просвѣтительнаго начала и добровольно подчиняясь чуждому, низшему, хотя и болѣе развитому, отрываясь отъ народа, наши высшіе классы, подобно чешскому, боснійскому и западно-русскому дворянству, значительно слабѣли умственно, развращались нравственно; по недостатку критики, а часто и изъ корыстолюбія, они спокойно, равнодушно взирали на усиленіе въ Россіи нѣмецкой стихіи, все глубже дѣйствовавшей въ ущербъ нашей народной, славянской стихіи. Это шляхетское направленіе ярко отразилось и на нашей литературѣ. Отъ смерти Ломоносова (1765 г.) до недавняго времени она изобилуетъ нападками, часто вовсе несправедливыми, на французовъ и почти лишена всякихъ даже намековъ и указаній на нѣмцевъ. Эти нападки тѣмъ болѣе несправедливы, что настоящей односторонности французской образованности предви наши не понимали, точно такъ же, какъ долго оставались въ совершенномъ невѣдѣніи объ умственномъ переворотѣ, совершавшемся во 2-й половинѣ XVIII вѣка въ Германіи. Эти нападки на французовъ часто только обличаютъ шляхетскія пристрастія: народъ нашъ

ничего почти не терпѣлъ отъ французовъ, которые, при живости своего характера и при страсти своей къ пропагандѣ, напротивъ, часто даже внушали своимъ питомцамъ, юнымъ дворянамъ, если не отвращеніе къ крѣпостному праву, то, по крайности, сильныя сомнѣнія въ его законности. Къ-сожалѣнію, нельзя того же сказать о нашихъ нѣмцахъ, съ которыми народъ нашъ былъ близко знакомъ, какъ съ администраторами, начальниками, управляющими и мастерами. Народъ на нихъ жаловался, ропталъ, изъявлялъ свое неудовольствіе въ поговоркахъ, пословицахъ и пѣсняхъ, а литература молчала, потому что была въ значительной степени шляхетскою, а интересы чисто шляхетскіе мало по малу отождествлялись съ интересами чисто нѣмецкими. Тѣмъ и другимъ должно было нанести сильный, рѣшительный ударъ уничтоженіе крѣпостнаго права и распространеніе грамотности въ народѣ. Поповичи же, изъ которыхъ почти исключительно долгое время вербовалось наше ученое сословіе, получали въ семинаріяхъ, устроенныхъ по образцамъ западно-русскимъ, на чисто почти латинскихъ началахъ, какой-то особый закалъ педантизма и схоластики, часто прямо враждебный русскимъ историческимъ преданіямъ и совершенно противный нашему просвѣтителному началу. Семинарское воспитаніе забивало въ юношахъ ихъ дѣтскія, большею частью деревенскія воспоминанія, родившія ихъ съ крестьянствомъ, приучало своихъ питомцевъ глядѣть на народъ съ пренебреженіемъ и свысока, какъ на глупое стадо или сборище *непросвѣщенныхъ невеждъ*, недоложенствующихъ ни въ чемъ имѣть право голоса. Такимъ образомъ, поповичи въ основнхъ своихъ взглядахъ на народъ сходились съ дворянами и нѣмцами. Предоставленная преимущественно такимъ силамъ, наука въ Россіи не могла развиваться такъ быстро и успѣшно, какъ того бы можно было ожидать, судя по однимъ способностямъ русскаго народа. Правда, являлись изрѣдка нѣкоторые писатели, ученые, очень замѣчательные, пытавшіеся проводить идею народности, мысль о свободномъ и самобытномъ развитіи русскаго просвѣщенія, но ихъ голосъ былъ заглушаемъ толпою подражателей и репетиторовъ, весь свой вѣкъ пробавлявшихся чужими идеями, рабски воспринатыми. При такомъ мертвомъ взглядѣ на науку, по которому ученіе есть не что иное, какъ подражаніе, умственный народный капиталъ не могъ возрастать, а народныя силы должны были гложуть въ бездѣйствіи или тратиться совершенно непроизводительно. Вслѣдствіе той же мертвенности взгляда на науку, кругъ писателей-литераторовъ рѣзко отдѣлился отъ круга писателей-ученыхъ. Однихъ вовсе почти не занимали интересы общественные, другихъ—интересы науки. Благодаря

этому разрыву, при всей своей благонамѣренности, тѣ и другіе нерѣдко задерживали въ Россіи развитіе просвѣщенія, укореняя въ обществѣ вѣрные предразсудки, какъ напримѣръ, о томъ, что жизнь и наука должны быть каждая сама по себѣ, или ужь по крайности наукѣ-то отъ русской жизни учиться нечему; что русскій умъ неизобрѣтателенъ, отъ природы лишенъ самобытнаго творчества, способенъ только къ переимчивости и подражательности; что наше историческое призваніе — ничего своего не создавать, а только перенимать все хорошее у запада; что мысль о русской наукѣ есть величайшая нецѣльность; что нашъ языкъ неспособенъ стать органомъ высшей мысли, науки. Въ самомъ дѣлѣ, и теперь у насъ довольно наберется ученыхъ мужей, которые отказываются писать по-русски, говоря, что ихъ въ Россіи не оцѣнятъ; если же, паче чаянія, и найдется у насъ нѣсколько знатоковъ, то вѣдь они могутъ и должны читать на языкахъ иностранныхъ. Положимъ, тутъ есть доля правды; но развѣ есть парадоксы совершенно ложные? развѣ чистая ложь сама по себѣ существуетъ? Представьте себѣ, однако, если бы, подобно нашимъ мудрецамъ, разсуждали всѣ европейскіе ученые XVI, XVII и XVIII в., имѣли ли бы теперь англичане, нѣмцы, французы свои богатныя ученныя литературы, не господствовалъ ли бы у нихъ и донынѣ языкъ латинскій?

И такъ, педантизмъ, смѣсъ сепинарства съ филистерствомъ, и дилеттантизмъ, смѣсъ дендизма съ барствомъ, наскавозъ проникали всю нашу литературу и образованность до недавняго времени, искажали всѣ лучшія ея явленія. При такомъ направленіи общества, мысли Ломоносова о распространеніи знаній въ Россіи, его предложенія относительно академіи наукъ, «чтобъ она не только сама себя учеными людьми могла довольствовать, но размножать оныхъ и распространять по всему государству» — всѣ эти завѣтныя желанія Ломоносова мало могли находить себѣ сочувствія въ русскомъ обществѣ и должны были постепенно приходить въ забвеніе.

Нѣтъ ничего жалче, пошлѣе и мельче, какъ глубокое негодованіе и горькія жалобы представителей нашихъ старыхъ поколѣній, дѣятелей второй половины царствованія Елизаветы, александровскаго и стариковъ николаевскаго временъ, эти негодованія ихъ и жалобы на молодое поколѣніе за то, что оно не умѣетъ цѣнить заслугъ своихъ отцовъ, неблагодарно къ ихъ памяти. Нельзя не согласиться, что если эти жалобы и не лишены часто нѣкоторой справедливости, во всякомъ случаѣ, эта несправедливость къ нимъ ихъ преемниковъ вполне заслужена ими. Они гордятся блескомъ петербургской эпохи, подвигами

петербургской образованности, но не часто ли вся она проникнута презрѣніемъ къ народной старинѣ, къ народному обычаю, неуваженіе къ которому должно бы являться преступленіемъ для тѣхъ, кто такъ глубоко скорбитъ и возмущается при каждомъ неуважительномъ выраженіи о Державинѣ, Карамзинѣ, Сперанскомъ. Наши старики забываютъ тутъ объ исторической Немезидѣ. Пусть они поразмыслятъ, что эти самые дѣятели, не говоря уже объ ихъ современникахъ, много ли уважали самостоятельныя права русской жизни, смиренно ли и сочувственно относились къ быту народа, къ его обычаямъ и воззрѣніямъ? Наконецъ, что сказать о томъ глубокомъ неуваженіи, которое проявили наши старики, гордые своимъ Петербургомъ, къ памяти Ломоносова? Правда, они превозносили его Малербомъ и Пиндаромъ, орломъ и гениальнымъ рыбакомъ; но что они сохранили намъ объ его жизни, домашней и общественной, что они сдѣлали съ его домомъ, вещами, рукописями и письмами? До насъ дошли о Ломоносовѣ самыя скудныя и ничтожныя извѣстія, тогда какъ до конца XVIII или начала XIX в. еще много жило людей, близко знавшихъ, часто выдававшихъ его и ходившихъ къ нему на домъ. Имѣющіеся изданія сочиненій Ломоносова, печальная судьба его посмертныхъ бумагъ и писемъ служатъ нашимъ старикамъ такимъ укоромъ и осужденіемъ, что имъ должно бы быть совѣстно даже заниматься противъ неуваженія нашего времени къ ихъ петербургской старинѣ. Оно даже относится гораздо съ большимъ уваженіемъ къ Сумарокову, Княжнину и Лукину, нежели они относились къ трудамъ Ломоносова.

Указавъ на отношенія къ нему послѣдующихъ дѣятелей петербургской образованности, постараемся теперь выяснитъ тѣ два основныя положенія, отъ которыхъ главнѣйше зависитъ, по нашему мнѣнію, вѣрность взгляда на реформу Петра Великаго и на тѣсно съ нею связанную дѣятельность Ломоносова. Эти положенія касаются отношеній государства къ обществу и высшихъ передовыхъ классовъ общества къ такъ называемому простому народу. Односторонность и ложь петербургскаго періода въ томъ единственно и заключаются, что въ это время въ общественномъ сознаніи Россіи господствовали совершенно обратныя и извращенныя понятія объ этихъ отношеніяхъ.

Честь строгаго, сознательнаго разграниченія двухъ областей, государственной и общественной, безспорно принадлежитъ новѣйшему времени. Но законы, которымъ подчинены вышнія природа и человѣческія общества, имѣютъ свое дѣйствіе независимо отъ того, сознаютъ ли ихъ люди или нѣтъ. Уразумѣніе законовъ, управляющихъ жизнью обществъ и народовъ, общаесть человечеству великую пользу,

давая ему возможность избѣгать прежнихъ ошибокъ, происходившихъ отъ незнанія этихъ законовъ и отъ невѣдѣнія послѣдствій ихъ вольнаго или невольнаго нарушенія. Но если сознательное разграниченіе въ теоріи двухъ сферъ, общественной и государственной—очень недавно, то за то исторія новой Европы доказываетъ, что въ народахъ всегда жило, хотя смутно, если не сознаніе, то чувство необходимости разграничивать эти двѣ сферы. Изъ этихъ западныхъ народовъ это чувство было живѣе всего въ Англіи. У насъ, въ Россіи, до Петра, это чувство нашло себѣ ясное опредѣленіе въ самомъ языкѣ: *земля и государство, дѣло земское и государево*; *земщина, земцы въ отношеніи къ царю, начальнику государства и символу единства русской земли*, называли себя *свотами*, а люди служилые—*холопьями*, которое слово до конца XVII в. никогда въ этомъ смыслѣ не означало раба и не имѣло никакого унижительнаго значенія. Въ смутное время русскій народъ былъ безъ государства; тѣготясь бевпорядкомъ и приди въ сознаніе своего единства, единства русской земли, онъ выбираетъ царя и ставитъ себѣ государство, на поддержаніе котораго, при царѣ Михаилѣ, русская земля съ полнымъ сознаніемъ напрягала всѣ свои силы и тѣмъ обличила свое воззрѣніе на государство, свою вѣрную и глубокую мысль на то, что сила и прочность государства опирается на нравственномъ къ нему довѣріи земли. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени замѣчательно слѣдующее мѣсто одного сказанія о смутномъ времени. Разсказавъ, какъ мятежники пришли къ царю В. И. Шуйскому, лѣтописецъ продолжаетъ: что царь въ лицѣ ихъ ста, рече: что прийдете ко мнѣ съ шумомъ гласа неслѣпнаго, о людѣ, аще ли убійти мя хотите, готовъ есмь умерти, аще ли отъ престола и царства мя изгонити, то не имате сего учинити, *донеже стидутся всѣ большіе бояре и всѣхъ чиновъ люди да и азъ съ ними, и какъ вся земля советъ положитъ, такъ и азъ готовъ по тому совету творити* (*). Таковъ былъ взглядъ въ древней Россіи на отношенія земли къ государству.

Какъ ни высоко его призваніе, но кругъ его дѣятельности, по такому существу его, гораздо тѣснѣе и ограниченнѣе круга дѣятельности общества, народа, какъ церкви—христіанской общины, и какъ земли—всѣхъ чиновъ людей. Защищая страну отъ внѣшнихъ нападѣній, заступаясь за ея интересы во всѣхъ международныхъ политическихъ сношеніяхъ, внутри государства имѣетъ своею главнѣйшею задачею рядомъ постепенныхъ законодательныхъ и административныхъ

(*) «Временникъ Моск. Общ. Ист. и Древн.» Кн. XVI. Стр. 87.

мѣръ, уничтожать тѣ внѣшнія преграды, которыя задерживаютъ свободное развитіе народа въ отношеніи нравственномъ, умственномъ и матеріальномъ. Государство тѣмъ вѣрнѣе исполняетъ свое назначеніе, чѣмъ внимательнѣе прислушивается къ голосу земли, къ общественному мнѣнію, чѣмъ лучше и успѣшнѣе удовлетворяетъ живымъ потребностямъ народа. Сила и крѣпость государства состоятъ въ сродненіи къ нему народа, въ соотвѣтственности его распоряженій, мѣръ и законовъ съ вѣличіемъ его нуждами и желаніями, съ его понятіями о правдѣ. Если обществу въ значительной мѣрѣ принадлежатъ дѣятельность условная, практическая, какъ наприимѣръ, промышленность и торговля, дѣятельность торговыхъ товариществъ, акціонерныхъ обществъ, то за то уже въ немъ безраздѣльно относится вся свободная дѣятельность духа, и въ этомъ отношеніи весьма вѣрно замѣчено, что свобода слова устнаго и печатнаго не есть политическая прерогатива. Вся же дѣятельность государства — чисто практическая и условная. Въ обществѣ безпрерывно возникаютъ и зарождаются новыя потребности и стремленія, задачи и мысли, распространяются въ немъ и обсуживаются, и, уже достаточно износившись и устарѣвъ въ смыслѣ теоретическомъ, ищутъ себѣ наконецъ практическаго приложенія и только уже тогда переходятъ въ область государства. Когда оно занято сведеніемъ въ одну формулу всѣхъ частныхъ толковъ и мнѣній, изобрѣтеніемъ такой формы для сдѣлки, которая бы по возможности удовлетворяла всѣмъ насущнымъ потребностямъ общества, въ народѣ, между тѣмъ, созрѣваютъ новыя стремленія и задачи, новыя потребности и мысли. Самые величайшіе государственные дѣятели суть умы, по преимуществу практическіе, а уже, по самому существу человѣческаго разума, способности практическія никогда не бываютъ соединены въ одномъ лицѣ въ одинаковой степени съ способностями умозрительными. Люди практическіе въ своей дѣятельности неизбѣжно руководятся идеями и ученіями дѣятелей общественныхъ, по преимуществу поэтовъ, проповѣдниковъ, мыслителей. Послѣдніе, въ теченіе всей исторіи, всегда и вездѣ являются первыми зачинщиками. Часто невидимо и даже безсознательно, только они всегда подущаютъ дѣятелей государственныхъ, возбуждаютъ ихъ къ осуществленію и примѣненію въ жизни тѣхъ чаяній, упованій и истинъ, постиженію которыхъ посвящены силы этихъ общественныхъ дѣятелей или двигателей. Словомъ, между ними и дѣятелями государственныхъ существуетъ то же отношеніе, что между химиками и механиками, теоретиками и практиками, заводчиками и промышленниками. Такимъ образомъ, кинное государство въ мѣрѣ, какъ бы оно ни ста-

ралось перетянуть къ себѣ всѣхъ замѣчательнѣйшихъ людей страны — что и невозможно — никогда, строго говоря, не можетъ просвѣщать общества, народа, да и никогда не просвѣщало его, ибо просвѣтительное начало хранится только въ народѣ и обществѣ и уже отъ нихъ испускаетъ свои лучи на государство. Величайшіе общественные дѣятели, истинные двигатели просвѣщенія очень часто не имѣютъ никакого непосредственнаго значенія въ государствѣ, но тѣмъ не менѣе никакіе величайшіе правители и министры никогда не имѣли въ Англіи такого просвѣтительнаго вліянія, какъ Шекспиръ, Бэконъ и Ньютонъ. Несмотря на все громадное значеніе для Германіи ея Генриховъ, Оттоновъ, Фридриховъ, Штейновъ и Гарденберговъ, никто изъ нихъ не сдѣлалъ столько для ея просвѣщенія, какъ, напримѣръ, Лютеръ, Лейбницъ, Кантъ и цѣлый рядъ ея великихъ общественныхъ дѣятелей, часто очень ничтожныхъ и посредственныхъ, какъ дѣятелей государственныхъ. Самые замѣчательные государственные люди суть только умные или смѣлые исполнители внушеній и идей, уже высказанныхъ дѣятелями общественными.

Подчиненное, служебное отношеніе государства къ обществу еще яснѣе видно изъ того, что каждый государственный дѣятель выходитъ изъ общества же и никогда не перестаетъ принадлежать ему, если не какъ писатель, то просто, какъ семьянинъ, какъ человѣкъ извѣстной вѣры и народности.

Петръ Великій и его реформа отнюдь не опровергаютъ этого положенія, напротивъ: онъ даже служитъ блистательнымъ подтвержденіемъ этого закона. Петръ I былъ не только дѣятелемъ государственнымъ, но и общественнымъ; вотъ почему и громадна такъ эта историческая личность. Но это сочетаніе, хотя и неравномѣрное, двухъ дѣятельностей въ одномъ лицѣ, если и составляетъ особую силу Петра, то за то и скорѣе увлекало его къ смѣшенію двухъ раздѣльныхъ сферъ — общественной и государственной, помогло ему сообщить реформѣ характеръ принудительный и насильственный. Въ этомъ отношеніи, смѣло можно сказать, никто болѣе самого Петра такъ не вредилъ успѣху многихъ его по истинѣ гениальныхъ замысловъ, ибо всякая новая идея торжествуетъ въ обществѣ полнѣе и успѣшнѣе, когда она не опирается ни на какую внѣшнюю силу. Между тѣмъ, Петръ, дѣятель общественный, постоянно соблазнялся своею внѣшнею властью и пускалъ въ общество свои идеи не въ формѣ свободнаго слова, допускающаго и вызывающаго возраженія, но въ формѣ законовъ и указовъ, всегда и вездѣ имѣющихъ силу обязательную, принудительную. Петръ самъ, кажется, чувствовалъ эту

ложь своего положенія и потому такъ любилъ снимать съ себя царское званіе и смѣшиваться съ подданными.

Вотъ въ чемъ собственно состоитъ и исполнскій подвигъ реформы, и односторонній ея характеръ, обратившій реформу въ крутой, насильственный переворотъ.

Какъ государство зависимо отъ общества, точно такъ же и высшіе слои народа—отъ низшихъ, отъ нихъ получающіе и силу и значеніе. Какъ государство заимствуетъ себѣ руководящія начала отъ общества и только примѣняетъ къ своимъ цѣлямъ идеи, выработанныя дѣятелями общественными, точно такъ же и эти послѣдніе, поэты, проповѣдники, мыслители, публицисты черпаютъ себѣ силы у народа, только формулируютъ его воззрѣнія, выясняютъ и возводятъ въ сознаніе народныя начала, безсознательно почіющія въ языкѣ, вѣрованіяхъ, поэзіи и бытѣ народа. Общее можетъ проявляться только во множествѣ и разнообразіи особенностей. Свое общечеловѣческое значеніе проявляютъ народы своими великими дѣятелями и находятся къ нимъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ художники и мыслители къ своимъ созданіямъ. И такимъ образомъ, говоритъ напримѣръ, что Аристотель, Шекспиръ, Карлъ V., Петръ I были выше своего народа—все одно, что признавать въ Гамлетѣ, сикстинской Мадоннѣ и «Феноменологіи духа» — болѣе геніальности, чѣмъ въ Шекспирѣ, Рафаэлѣ и Гегелѣ. Конечно, тутъ сходство или аналогія—только приблизительная, ибо если мы представимъ себѣ духъ Шекспира какъ мастерскую, изготовившую Лирова, Макбетова, Гамлетова и т. д., то мы должны будемъ представлять себѣ народный духъ Англіи такою мастерскою, которая заготовила не только Шекспира съ его Гамлетами, но и Бэкона, Ньютона, Гершеля, Вальтер-Скотта и т. д. со всѣми ихъ произведеніями. Таково собственно отношеніе великихъ народныхъ дѣятелей къ самимъ народамъ. Чѣмъ богаче народъ внутренними силами, тѣмъ сильнѣе бываетъ въ немъ общество; а чѣмъ сочувственнѣе къ нему, къ его стихійной, безсознательной жизни та среда, въ которой выясняются, формулируются его народныя начала, тѣмъ живѣе и свободнѣе проявляетъ онъ на свѣтѣ божій свои силы. Исторія предлагаетъ намъ нѣсколько примѣровъ, какъ передовые классы народа, владѣя большимъ досугомъ и большими матеріальными средствами, забывали о своихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ народу, начинали господствовать надъ нимъ и не о томъ помышляли, чтобы трудомъ, мыслью и подвигами жизни выяснять народныя начала, а, напротивъ, старались навязывать народу чужія иноземныя теоріи и ученія, воспринятія ими рабски, некритически. При этомъ точно такъ же извращаетъ

ся естественный законъ развитія обществъ, какъ и въ томъ случаѣ, когда государство само становится себѣ цѣлью и когда оно не прилаживается и не примѣняется къ народу, не слушается его голоса, а, напротивъ, хочетъ просвѣщать народъ, не служить ему, а беретъ его подъ свою опеку и водить его на помочахъ. Такова система такъ называемыхъ полицейско-военныхъ государствъ, при которой свободная общественная дѣятельность совершенно изнемогаетъ подъ бременемъ государства.

Вотъ—тѣ два положенія объ отношеніяхъ общества къ государству и народности къ обществу, на которыя я считалъ долгомъ указать для характеристики петербургскаго періода. Эти два начала или закона такъ тѣсно между собою связаны, что тамъ, гдѣ существуетъ разрывъ между народомъ и его передовыми класами, гдѣ, словомъ, общество ненародно, тамъ неперемѣнно и общественная жизнь подавлена государственною. Ни Петръ I, ни Ломоносовъ не сознавали этихъ началъ, хотя и тотъ и другой блистательно ихъ подтверждаютъ. Все, что они произвели великаго и замѣчательнаго, находится у нихъ въ полномъ согласіи съ этими началами. Нарушая ихъ, подобно Петру Великому, очень часто, Ломоносовъ самъ же вредилъ своей дѣятельности. Дѣятель общественный по преимуществу, онъ имѣлъ своимъ призваніемъ—ограничить и умѣрить крайности реформы Петра, преобладаніемъ государственности убивавшей въ обществѣ всякій духъ зачинанія. Ломоносовъ образовалъ литературный языкъ, положилъ начало русской словесности и науки, создалъ въ Россіи новую общественную силу. Честно служа своему призванію, Ломоносовъ рѣшительно, однако, не сознавалъ неправды петровской реформы. Безсознательно ей противодѣйствуя, онъ въ то же время далеко несвободно и некритически относился къ Петру Великому. Его восторженные похвалы Петру I-му часто отзываются какимъ-то языческимъ поклоненіемъ:

Нептунъ позналъ его державу,
Съ Минервой сильный Марсъ гласить:
Онъ богъ, онъ богъ твой былъ, Россія,
Онъ члены взялъ въ тебѣ плотскіе,
Сомедъ къ тебѣ отъ горнихъ мѣстъ.

Извѣстно, какое негодованіе возбуждали эти слова въ раскольниковъ, и въ этомъ отношеніи Андрея Денисова, какъ дѣятеля общественнаго, нельзя не ставить выше Ломоносова, который своею государственною поэзіею, своими казенными и официальными одами давалъ ложное направленіе русскому просвѣщенію и силою своего дарованія узаконивалъ и какъ бы освящалъ разрывъ, образовавшійся у насъ

между народомъ и его передовыми классами. Многія его предложенія относительно академіи и вообще народнаго просвѣщенія не были исполнены именно потому, что онъ проводилъ ихъ путемъ офиціальнымъ, часто являясь чиновникомъ тамъ, гдѣ ему слѣдовало бы оставаться свободнымъ общественнымъ дѣятелемъ. Въ теоріи — смѣлый поборникъ свободы мысли и слова, въ жизни — онъ требуетъ цензуры, постоянной оцѣнки государства надъ обществомъ. Въ свою чисто общественную, нравственную борьбу онъ часто приносилъ характеръ офиціальныя, принудительный и насильственный и тѣмъ самымъ поднапичивалъ свое великое дѣло. Впрочемъ, было бы величайшемъ несправедливостію обвинять въ этомъ лично одного Ломоносова, точно такъ же какъ и всю вину переворота взыскивать на одного Петра. Единичная воля, при всей своей свободѣ, не можетъ не подчиняться силѣ историческихъ условій и обстоятельствъ. Ни честь реформы, ни упреки за нѣе несправду и насильственность не падаютъ исключительно на одного Петра. Могущій геній, онъ былъ истиннымъ сыномъ Россіи XVIII вѣка, человекомъ извѣстнаго направленія, которое возникло на Москвѣ еще въ XVI вѣкѣ и, представляя нѣкоторыя справедливыя требованія, далеко, однако, не выражало всѣхъ существенныхъ и высшихъ потребностей народа. Наконецъ, при всей своей громадной энергіи, Петръ никогда бы не успѣлъ сообщить реформѣ характеръ насильственнаго переворота, если бы, такъ сказать, не вызвала его къ тому сама земля, если бы не было на то въ народѣ нѣкотораго тайнаго согласія. И дѣйствительно, состояніе народной нравственности Россіи XVII вѣка обличаетъ слабость ея вѣры въ начала братства, общенія и любви; а слабость такой вѣры въ обществахъ не допускаетъ свободы совѣсти, свободы мысли и слова, безъ которой невозможна никакая гражданская или политическая свобода. Съ ослабленіемъ вѣры въ людяхъ въ силы духовно-нравственныя крѣпнеть у нихъ вѣра въ силу внѣшнюю, обязательную и принудительную. Въ личномъ образованіи — торжество раціонализма, а въ общественномъ — государственности постепенно приготавливалось въ русской исторіи еще задолго до Петра Великаго. Въ XVII вѣкѣ у насъ чувствовалась общая потребность преобразованій; современная дѣйствительность никого не удовлетворяла. Вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ, заставлявшихъ отдѣльныя русскія княжества и земли для достиженія необходимаго единства жертвовать въ пользу Москвы своими областными привязанностями, мѣстными нравами и обычаями, русскій народъ достигъ, правда, великаго результата, котораго еще добиваются теперь великія западныя народности, итальянская и нѣмец-

кая; но, вмѣстѣ съ этимъ, онъ постепенно отвыкалъ не только отъ внѣшняго гражданскаго самоуправленія, но и отъ внутренняго, лично нравственнаго самообладанія, сталъ нерѣдко болѣе уважать внѣшнее, чѣмъ внутреннее единство. Видя силу созданнаго имъ государства и забывая, что она идетъ отъ него же, русскій народъ въ XVII вѣкѣ ожидалъ и требовалъ преобразованій въ своемъ быту отъ государства. Эти ожиданія и требованія, такъ сказать, вызвали Петра Великаго, а состояніе народной нравственности помогло его реформамъ принять характеръ крутого переворота. Эта односторонность породила односторонность Ломоносова, который не могъ, подобно намъ, видѣть ея въ реформѣ Петра, ибо былъ слишкомъ близокъ къ нему не только по духу, но и по времени. Всякое же начало, однажды допущенное въ жизнь общества, не прежде можетъ обличить свою односторонность, какъ вполне исчерпавъ свое содержаніе. Вотъ почему ясное и опредѣленное сознаніе односторонности петровской эпохи стало доступно только новѣйшему времени.

Такимъ образомъ, мы видимъ теперь, въ чемъ состояла односторонность мнѣній о Ломоносовѣ его преемниковъ, позднѣйшихъ дѣателей нашей образованности, въ чемъ заключались внутреннія противорѣчія и односторонность дѣятельности самого Ломоносова и откуда онъ происекалъ. Въ настоящее время мы можемъ относиться къ Ломоносову вполне свободно и безпристрастно, какъ къ дѣятелю уже прожитой нами эпохи, сознанной нами не только въ ея односторонности, но и въ ея исторической законности.

II.

Одинъ изъ даровитѣйшихъ учениковъ Ломоносова и первый замѣчательнѣйшій послѣ него русскій академикъ, Лепехинъ, въ описаніи своемъ архангельской губерніи 1772 г., перечисляя различныя волости по Сѣверной Двинѣ, между прочимъ, наивно замѣчаетъ: «Куростровская волость тѣмъ наиболѣе примѣчанія достойна, что въ оной родился славный нашъ господинъ, статскій совѣтникъ, Михайло Васильевичъ Ломоносовъ». Это титулованіе Ломоносова, разумѣется, забавно; но во время Лепехина прибавка титула къ имени человѣка съ чиномъ считалась такою же необходимостью, какъ у насъ, до сихъ поръ, прибавка словъ: *баронъ*, *графъ*, *князь* къ именамъ лицъ, почему либо носящихъ такіа титла. Лепехинъ хорошо зналъ Ломоносова, его характеръ и привычки, зналъ, что его славный учитель до

конца своей жизни находился въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ своими земляками. Обѣздившій всю европейскую Россію, Лепехинъ изъ своего путешествія по архангельской губерніи вынесъ самое благоприятное впечатлѣніе о поморахъ. Онъ съ великимъ уваженіемъ отзывался объ ихъ умѣ и многостороннихъ дарованіяхъ. Такъ, замѣтивъ однажды, что между ними много шѣдниковъ и оловяшниковъ, онъ продолжаетъ: «и вообще жители сего страны, по природному ихъ остроумію, весьма замысловаты; я видѣлъ изъ крестьянъ такихъ искусниковъ, которые безъ дальняго показанія сдѣлали настольные часы съ курантами, выпиленнымъ аглинскимъ подобіемъ. И еслибъ у нихъ былъ какой добрый путеводитель, то бы могли увидѣть въ семъ краю металлическую работу въ совершенствѣ.» Съ такимъ же уваженіемъ упомянувъ о рѣзныхъ работахъ архангельскихъ крестьянъ, Лепехинъ прибавляетъ, что и «женскій полъ превосходитъ многихъ россиянокъ», что тамошнія женщины очень искусны и трудолюбивы, напримѣръ: прядутъ нитки, ни въ чемъ неуступающія голландскимъ, и т. д. Такимъ образомъ, Лепехину, ученику Ломоносова, и въ голову не приходило находить что нибудь странное и особенное въ появленіи своего *славнаго* учителя среди поморовъ. Онъ и его ученикъ Озерецковскій, въ послѣдствіи такой же замѣчательный ученый, собрали на мѣстѣ любопытныя извѣстія о первыхъ годахъ жизни Ломоносова, преданіямъ котораго они оставались вѣрны всю свою жизнь и были, можно сказать, послѣдними русскими академиками въ его духѣ. Но у нашихъ писателей-литераторовъ XVIII вѣка, вообще мало знакомыхъ съ ученою дѣятельностью Ломоносова и еще болѣе чуждыхъ народности, сложился ложный, чувствительный, сентиментальный взглядъ на его дѣтство и юность. Этотъ взглядъ и теперь почти господствуетъ у насъ въ обществѣ и въ литературѣ. Такъ, онъ же еще недавно былъ высказанъ въ двухъ послѣднихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ говорится о первыхъ годахъ жизни Ломоносова. Разумѣю статью М. П. Погодина о Ломоносовѣ. 1854 г. и книгу г. Максимова «Годъ на Сѣверѣ», 1859. Оба они одинаково искренно выражаютъ свое удивленіе, что изъ среды поморовъ, изъ крестьянъ архангельскихъ могъ выйти геніальный отецъ нашей словесности.

Вотъ подлинныя слова М. П. Погодина: «Кому впадетъ на умъ, кто могъ когда нибудь вообразить, что продолжать дѣло петрово въ области самой высокой, преобразовать родной языкъ и посадить европейскую науку на русской почвѣ предоставлено было судьбою простому крестьянину, который родился въ курной избѣ, тамъ, тамъ, далеко, въ странѣ снѣговъ и мителей, у края обитаемой земли, на бе-

регахъ Бѣлаго Моря, который до 17-лѣтнаго возраста занимался исключительно одною рыбною ловлею, увлекся на нѣсколько времени въ нѣдра злѣйнаго раскола и былъ почти оговоренъ уже съ нѣвѣстою изъ соседней деревни.»

Точно такъ же выражались и всѣ почти наши писатели, съ тою только разницею, что одинъ особенно останавливался на *блѣдной улыбкѣ рыбака*, другой—на *болотныхъ холмогорскихъ*, третій—на *пустынномъ, ледяномъ шкверѣ*. Карамзинъ говоритъ: «Рожденный подъ *ледяными* небомъ сѣверной Россіи, съ *мрачнымъ* воображеніемъ, *смыслъ блѣннаго рыбака* отличался *отъ* русскаго вращенія и вдохновеннаго стихотворства». Мѣнялись слова в выраженіи; мысль оставалась та же, мысль цѣлостью ложная, но и обидная. Великіе люди, славные общественные дѣятели являлись не случайно, а естественнымъ плодомъ предъидущаго историческаго развитія своей родины. Они выходили изъ нѣдры народа, бывають съ нимъ связаны тѣсно, органически. Въ удивленіи нашимъ явленію родоначальника словесности изъ простаго народа выразился только тотъ старый, дохлый взглядъ на развитіе общества, по которому будто бы государство образуется, просвѣщаетъ общество и народъ. Въ нашихъ сантиментальныхъ названіяхъ: *жизница, селенинъ, мужичокъ* мертворо скрываются смѣшина и, признаться, глупая, ничѣмъ неоправданная гордость и совѣтъ неумѣстный покровительственный тонъ. Въ томъ, что Ломоносовъ происходитъ изъ крестьянъ, нѣтъ ничего страннаго и удивительнаго. Напротивъ, было бы въ высшей степени удивительно и странно, было бы совершеннымъ чудомъ, если бы такая гонимая личность могла явиться въ XVIII вѣкѣ изъ нашего служилаго или духовнаго сословія. Но исторія обошлась безъ всякаго чуда; все происходило совершенно естественно и законно: почти въ одно и то же время русскій литературѣ даровали наши сословія, каждое по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, духовное — Тредьяковскаго, дворянское — Сумарокова, крестьянское—Ломоносова. Всѣ эти три дѣятеля оставались до конца жизни вѣрными своему происхожденію.

Такъ живо изобразившій намъ бытъ поморевъ, г. Максимовъ не освободилъ однако отъ ложной чувствительности своего взгляда на Ломоносова. Привожу слова Максимова и для того, что они живо знакомятъ съ видомъ и положеніемъ деревни, родины Ломоносова. «Скорбный видъ окрестности деревни Денисовки; низменный островъ, едва не погружаемый въ полую воду разливомъ Двины; низенькія, болотистыя кочки, разсыпанныя между деревьями, которыхъ такъ много на Куръ-Островѣ; сѣрныя бревенчатныя избы деревень этихъ; болотныя

между холмами съ пресечивавшейся грязной водою; прибрежья всѣхъ сторонъ, затянутыя чахлымъ кивкомъ, изъ-за котораго въ одну сторону видны Холмогоры съ своими старинными церквами, давними преданіями; повсюду—жизнь, закованная въ развѣренную, однообразную ореду, въ одни помыслы о тяжелой трудовой жизни на промыслахъ; и нѣтъ ничего въ этой жизни рѣзко-поэтического, нѣтъ ничего, могущаго питать душу и сердце. И вотъ, изъ того же кивка, съ противоположной стороны, на горѣ отирается новый видъ: видъ села Вавчуги. Тамъ еще живутъ свѣжими преданіями о Петрѣ Великомъ; тамъ еще такъ недавно былъ онъ, гостилъ не одни сутки у богатаго, умнаго владѣльца Вавчуги, Важенниа, котораго любилъ ласкать и жаловать великій императоръ. *Вотъ—все, что было передъ глазами Ломоносова во время его безотраднаго, блднаго впечатлѣніями и воспоминаніемъ детства! Вотъ что жилось онъ въ самую впечатлительную пору своей славы жизни!* Замѣтимъ, что это—далеко не все, что было передъ глазами Ломоносова, если разумѣть не только дѣтство, но и его отрочество и юность. Сентиментальность возрѣвѣній происходитъ обыкновенно отъ невѣрнаго познанія дѣйствительности и живыхъ отношеній предметовъ. Несмотря на свое живое знакомство съ народомъ и даже земляками и родиною Ломоносова, г. Максимовъ не избѣжалъ этой ложной чувствительности по недостатку своихъ свѣдѣній объ его трудахъ и дѣятельности. Такъ, разъ онъ называлъ Ломоносова *землемъ математикомъ*, между тѣмъ какъ въ ней онъ вовсе не имѣлъ призванія, и даже недостатокъ глубокихъ въ ней свѣдѣній много вредилъ его связаннымъ теоріямъ и изслѣдованіямъ, часто въ высшей степени замѣчательнымъ. Въ другомъ мѣстѣ г. Максимовъ замѣчаетъ: «Академикъ Оверецковскій, совершившій свое путешествіе съ Лепехиннымъ, товарищемъ по службѣ и занятіямъ съ Ломоносовымъ, въ то время, когда еще живъ былъ послѣдній, собралъ извѣстія о его жизни и проч. Здѣсь, что почти—ни слово, то—грубѣйшая ошибка. Въ 1772 г. Озерецковскій былъ не академикомъ, а студентомъ, который, по возвращеніи изъ экспедиціи въ 1774 г., былъ отправленъ академіею въ университеты лейденскій и страсбургскій и воротился изъ за границы докторомъ въ 1778 г., произведенъ въ адъюнкты въ 1779, а въ академики—въ 1782 г. Лепехинъ былъ не товарищемъ, а однимъ изъ повиднѣйшихъ питомцевъ Ломоносова; произведенъ въ студенты академіи въ 1760 г., когда ему было 20 лѣтъ; въ адъюнкты—по возвращеніи изъ-за границы, въ 1768 г., а въ академики—въ 1771 г., уже черезъ 6 лѣтъ спустя по смерти Ломоносова (1765 г.).»

По мнѣніямъ этихъ двухъ писателей, изъ коихъ одинъ извѣстенъ, какъ знатокъ русской исторіи, а другой, какъ даровитый наблюдатель живаго народнаго быта, можно довольно вѣрно судить объ общемъ состояніи нашей образованности и о господствующихъ въ ней воззрѣніяхъ на русскую народность и исторію. Предоставляемъ рѣшить другимъ, возможны ли подобныя ошибочныя мнѣнія и невѣрности въ сочиненіяхъ извѣстныхъ французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ писателей о такой ихъ отечественной знаменитости, какую у насъ составляетъ Ломоносовъ, и съ кончины которой не прошло и полныхъ ста лѣтъ.

Родина Ломоносова, *двинская земля*, какъ и вся нынѣшняя архангельская губернія, первоначально занята была одною чуждою, населявшею, хотя и очень неплотно, не только весь нашъ сѣверъ, но и ту *ростовско-суздальскую землю*, которая послужила ядромъ московскаго государства. Впрочемъ, славяно-русскія поселенія изъ Новгорода уже существовали въ XI вѣкѣ въ Матигорахъ и Ухтѣ-Островѣ, нынѣшнихъ волостяхъ города Холмогоръ, впервые упоминаемаго лѣтописью подъ 1417 г. По слѣдамъ ли финскихъ инородцевъ, первыхъ насельниковъ края, или сами непосредственно, только новгородскіе поселенцы, двиняне рано вступили въ постоянныя сношенія съ ростовско-суздальскою землею. Этимъ сношеніямъ не могъ не благопріятствовать самый составъ населенія нынѣшней вологодской губерніи, въ западную часть которой проникла стихія славянская не только изъ Новгорода, но и изъ Ростова. Подобно всѣмъ вообще колоніямъ новгородскимъ, двинская земля рано обнаружила стремленіе къ независимости, и въ борьбѣ, начатой въ XII вѣкѣ съ Новгородомъ князьями суздальскими и оконченной въ 1478 г. великими князьями московскими, мы не разъ встрѣчаемъ двинянъ на сторонѣ послѣднихъ, такъ что уже Новгороду приходилось усмирять ихъ силою. При паденіи великаго Новгорода двиняне поддались Москвѣ безъ всякаго сопротивленія, безъ особенныхъ какихъ нибудь условій. Они издавна имѣли съ нею торговныя дѣла, ежегодно поставляя къ великокняжескому двору и сбывая на тамошніе рынки мѣха, рыбу, сало и проч. Двинская земля сохранила въ цѣлости свое самоуправленіе, въ этомъ отношеніи едва ли не болѣе другихъ уѣздовъ поморскихъ городовъ отличаясь отъ прочихъ областей московскаго государства, гдѣ въ XVI и особенно въ XVII вѣкѣ черносотинныя волости, свободныя крестьянскія общины по большей части упразднялись, были приписываемы къ монастырямъ, обращаемы въ дворцовыя волости и еще болѣе разлаиваемы въ помѣстья и вотчины. Новая власть четвертей, приказовъ,

воеводѣ, подрывавшая самостоятельность областей, пользовалась сравнительно очень слабымъ влияніемъ на сѣверѣ. Построеніе Архангельска, черезъ который со второй половины XVI вѣка завязались у насъ постоянныя прямыя сношенія съ Западомъ, съ англичанами, голландцами и нѣмцами изъ Бремена и Гамбурга, промыслы поморовъ на Бѣломъ Морѣ и Сѣверномъ Океанѣ, поѣздки ихъ въ Норвегію, на Новую Землю, Колгуевъ и Грумантъ—все эти обстоятельства не могли не дѣйствовать особенно благоприятно на ихъ внѣшнее благосостояніе и умственное развитіе. Извѣстно, что береговые жители преимущественно отличаются живостью и воспримчивостью, дерзкою отвагою и рѣшимостью, словомъ, всегда бываютъ прогрессивнѣе жителей внутреннихъ областей. До открытія постоянного судоходства по Волгѣ и Камѣ, вся наша торговля съ Сибирью шла черезъ нынѣшнюю вологодскую губернію. Устюгъ, Тотыма, Сольвычегодскъ славились своими богатствами. Въ Вологдѣ англичане содержали торговныя конторы и тамъ же, при Алексѣѣ Михайловичѣ, заведена была таможня для товаровъ, шедшихъ къ Архангельску, который оживлялся со вскрытіемъ (въ первой половинѣ мая) Двины, наполнявшейся тогда плотами съ хлѣбомъ, скотомъ и смолою изъ мезенскаго, веврольскаго, вазжескаго и двинскаго уѣздовъ, барками съ разнымъ хлѣбомъ, говяжьимъ саломъ, мыломъ, пенькою, рогожею, льнянымъ и коноплянымъ сѣменемъ изъ нынѣшней казанской губерніи, Устюга, Тотымы, Яренска и проч. Двинская земля постоянно находилась въ живыхъ сношеніяхъ съ жителями средней Россіи, такъ что, не утративши старыхъ новгородскихъ преданій, она въ то же время совершенно была проникнута умственными и матеріальными интересами города Москвы и всехъ подмосковныхъ жителей, которые цѣнили такое же глубокое уваженіе къ соловецкой обители, какъ и поморы къ святынямъ московскимъ. Двинская земля и въ смутное время, и послѣ не отстаётъ отъ Москвы, тягнетъ къ ней, считаетъ ее своимъ средоточіемъ. Расколъ, образовавшійся на Москвѣ, быстро распространяется на весь Поморьѣ. Поѣздки туда Петра I и тамошняя его дѣятельность необыкновенно оживили весь край, сообщили ему, особенно двинской землѣ, небывалое дотолѣ движеніе.

Итакъ, въ цѣлой Россіи, въ началѣ XVIII вѣка, едва ли была какая иная область, кромѣ двинской земли, съ болѣе благоприятною историческою почвою и болѣе счастливыми мѣстными условіями для произведенія такого общественнаго дѣятеля, какимъ былъ Ломоносовъ. Даже немногихъ и отрывочныхъ, дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ его дѣятельн., отрочествѣ и юности слишкомъ достаточно для того, чтобы

видѣть всю ложь указанныхъ нами чувствительныхъ возгласовъ и удивлений, ибо вся послѣдующая дѣятельность Ломоносова собственно есть не что иное, какъ отчетливое возведеніе въ сознаніе и формальное развитіе тѣхъ преимущественно представлений и образовъ, которые сложились въ его душѣ. Возвѣсивъ и сообразивъ эти свѣдѣнія, какъ слѣдуетъ, мы перестанемъ удивляться, какъ могъ явиться гениальный рѣдоначальникъ нашей словесности на *пустынномъ, холодномъ сѣверѣ*, а напротивъ, даже придемъ къ тому убѣжденію, что еще никто изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ общественныхъ дѣателей не испытывалъ въ своей юности такихъ богатыхъ и разнообразныхъ впечатлѣній, не подвергался такому плодотворному и живительному вліянію, какъ Ломоносовъ.

Подлинный годъ его рожденія неизвѣстенъ. Приблизительно можно указывать на 1710 г. Василій Доросеевъ Ломоносовъ, по словамъ самого сына, *имѣлъ довольство, по тамошнему состоянію*. По извѣстіямъ, собраннымъ на мѣстѣ Озередковскимъ, оказывается явною ложью чувствительное прозваніе Ломоносова *сыномъ бѣднаго рыбака*. Его отецъ спрощенъ имѣлъ на морѣ по хурманскому берегу и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ для лову рыбы, трески и палтусины на своихъ судахъ, изъ коихъ въ одно время имѣлъ немалой величины гускеры съ паравельною оснастою. Всегда имѣлъ въ томъ промыслѣ счастье, а собою былъ простосовѣстенъ и къ сиротамъ податливъ, а съ сосѣдями обходителенъ. Онъ самъ грамотѣ не зналъ, но былъ въ родствѣ и водилъ дружбу съ грамотными. Его первая жена, мать единственнаго его сына, Михайлы, была изъ духовнаго званія, дочь матигорскаго дьякона. Михайлу онъ хотѣлъ женить и уже сговорилъ въ Колѣ на дочери *методіа* человека—должно быть, изъ духовныхъ или приказныхъ—который во всякомъ случаѣ не рѣшился бы породниться съ такимъ нѣбудь голышанъ.

Особенную любовь къ *книжному четью-тѣлю церковному*, къ краму божію и къ молитвамъ Михайло могъ получить отъ матери и ея родныхъ. Впрочемъ, въ ихъ же волости были грамотные крестьяне, *напримѣръ*: Иванъ Шубной, который, кажется, особенно любилъ даровитаго парня и выучилъ его грамотѣ, когда онъ однажды пришелъ съ моря уже взрослымъ; онъ же далъ Михайлѣ 3 рубля и китайчатое полуштанье при побѣгѣ его въ Москву. Положительно неизвѣстно, на которомъ именно году выучился онъ грамотѣ; вѣрно только, что въ два года онъ уже выучился проворно читать поалии и каноны. Со страстью ходилъ въ церковь—она стояла въ 150 саженихъ отъ ихъ избы—читать на алтарѣ, собирать около себя кругомъ слушателей и

пересказывать имъ житіе какого нибудь святаго угодника, Михайло не могъ конечно не соединять такой же страстной охоты къ слушанью рассказовъ и поученій стариковъ и людей бывалыхъ. Въ то время господствовало на Поморьѣ особенно возбужденное настроеніе умовъ: самыя высшіе вопросы жизни, вопросы релігіозныя, глубоко занимали народное вниманіе. По городамъ, селамъ, деревнямъ поморскимъ ходили ближайшіе ученики Аввакума и страдальцевъ тюльменскихъ, съ энтузіазмомъ горячей, искренней вѣры всюду проповѣдывали противъ папскихъ новшествъ Никона и, по словамъ А. Денісова, *присно и всебодно* утверждали людей, *да въ древле-отеческомъ православіи непоколебимо пребываютъ, да новотроизбишихъ многосмущенныхъ новинъ стрептуются*. Михайло 12 лѣтъ былъ увлеченъ въ расколъ, въ безпоповщину, исполненную духа крайняго отрицанія, отвергавшую іерархію, бракъ, проклинавшую царей Алексѣя, Ѳеодора и Петра, проповѣдывавшую явленіе антихриста.

Духовный законъ съ корене съѣлъ,
Законъ градскій въ конецъ истребленъ;
Въ закона мѣсто водворилося
Беззаконіе и нечестіе.
Миръ съ любовію остави землю,
Влудъ со злобою и нечистотою
На мѣсто любви водворилося,
Во страны азыкъ уклонилося.
Трезвость и постъ съ воздержаніемъ
И растрѣпаніемъ затворилося;
Пыльственные дома со обрядніемъ
И веселеніемъ водворилося;
Съ путя христіанскаго совратилося,
Юобычаемъ странъ поганыхъ
Любезно вся склонилося.

Неизвѣстно, долго ли Михайло оставался въ расколѣ; съ вѣроятностью, однако, можно предполагать, что вліяніе матери и ея родныхъ, свѣтлыя преданія о Петрѣ Великомъ, живо сохранявшіяся въ сосѣдствѣ, въ селѣ Вавчугѣ и въ Холмогорахъ, много содѣйствовали его выходу изъ раскола. Но его ученіе не могло не имѣть вліянія на даровитого мальчика и, взволновавъ его душу сомнѣніями, должно было разбудить дотошъ спавшія въ немъ силы, развить въ немъ мысль и наблюдательность, привычку къ анализу и критикѣ. Дерзость прежняго отрицанія и добровольный сознательный переходъ въ православіе должны были утвердить въ гениальномъ юношѣ крѣпость нравственныхъ убѣжденій, вселить въ него всегдѣшнюю готовность и рѣшимость жертвовать всѣмъ для высшихъ цѣлей духа.

Не страшись, душа, страха тлѣннаго,
 Поминай, душе, страхъ вѣчный,
 Возверзи печаль свою на Господа,
 Предай самъ себя въ руки божіа.
 Изведи воды изъ очей своихъ,
 Омывая черноту свою грѣховную,
 Самовластіемъ очерненную;
 Вѣрою наступи на главу змія,
 Любовію зри къ самому Богу (*).

Одаренный отъ природы крѣпкимъ здоровьемъ, богатыми физическими силами, съ ранняго дѣтства знакомый съ разсказами о промыслахъ на морѣ и океанѣ, Михайло не могъ не привязаться со страстью своей пылкой души къ трудамъ отца, который рано сталъ брать его съ собою на промыслы. Въ превосходномъ и малоизвѣстномъ у насъ сочиненіи «Описаніе сѣверныхъ путешествій», Ломоносовъ однажды упоминаетъ объ этихъ плаваніяхъ. Говоря о направленіи вѣтровъ, дующихъ въ сѣверныхъ поморскихъ земляхъ, онъ прибавляетъ: «съ половины мая господствуютъ тамъ вѣтры больше отъ сѣвера, что мнѣ искусствомъ (т. е. на опытъ) пять разъ извѣдать случилось, ибо отъ города Архангельскаго до становища Кекурскаго всего пути—едва не семьсотъ верстъ; скорѣе около онаго не поспѣвалъ, какъ въ четыре недѣли, а одинъ разъ и шесть недѣль на одну ѣзду положено, за противными вѣтрами отъ Нордъ-Оста. Около иванова и петрова дни, по большей части случаются вѣтры отъ полудня и нмѣ побочные и простираются до половины іюля, а иногда и до ильнна дни и т. д. Сіе примѣтилъ я и по всему берегу Нормандскаго Моря, отъ Святаго Носа до Килдина Острова.» Эти плаванія Ломоносова развили въ немъ то необыкновенно живое чувство природы, которымъ онъ, какъ ученый, превосходитъ большую часть современныхъ ему натуралистовъ. Но эта особенность Ломоносова—чисто народная, ибо извѣстно, какими живописными и изобразительными словами и оборотами изобилуетъ языкъ поморовъ, любящихъ своего кормильца окіянь-море такъ же, какъ остальное наше крестьянство любитъ свою кормилицу-землю. Эти плаванія, вѣчные разговоры о морѣ, чудные разсказы стариковъ мореходовъ объ ихъ приключеніяхъ на Новой Землѣ, Грумантѣ, словомъ, вся жизнь Ломоносова въ деревнѣ были для него превосходною школою, воспитавшею въ немъ будущаго физика и географа. Излагая свои теоріи электричества, воздушныхъ теченій, сѣверныхъ сіаній, Ломоносовъ

(*) Этотъ безпоповщинскій стихъ, быть можетъ, происхожденія нѣсколько позднѣйшаго; но чувства, имъ выражаемыя, конечно, вдохновляли раскольниковъ и въ началѣ 18 в.

говорить между прочимъ: «онны искры, которыя за кормою выскакиваютъ, повидимому тоже происхожденіе имѣютъ съ сѣвернымъ сіяніемъ. Многократно въ Сѣверномъ Океанѣ, около 70 градусовъ ширины, я примѣтилъ, что онны искры круглы». Если не будемъ помнить о той школѣ, которую прошелъ Ломоносовъ у себя на родинѣ, мы никогда вѣрно не оцѣнимъ и не поймемъ его значенія и достоинствъ, какъ натуралиста. Такъ, у Ломоносова весьма замѣчательно прекрасно изложенное имъ ученіе его объ образованіи земной коры. Оно основано на его самостоятельныхъ наблюденіяхъ. Въ этомъ отношеніи очень важно слѣдующее мѣсто изъ втораго прибавленія къ Металлургіи (§ 106). Оно, между прочимъ, живо знакомитъ насъ съ его прекраснымъ способомъ изложенія ученыхъ предметовъ. «Проѣзжая неоднократно гессенское ландграфство, примѣтить мнѣ случилось между Касселемъ и Марбургомъ ровно песчаное мѣсто, горизонтальное, луговое; кромѣ того, что занято невысокими горками или буграми, въ перпендикулѣ отъ 4-хъ до 6-ти сажень, кои обросли мелкимъ скуднымъ лѣскомъ, и то больше по подолу, при коемъ лежитъ великое множество мелкихъ, цѣлыхъ и ломанныхъ морскихъ раковинъ, въ вохрѣ соединенныхъ. *Смотря на сіе мѣсто и вспоминая мнѣніе отдаленныхъ берега Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана, когда они во время отливки наружу выходятъ, не могъ себя представить ничего подобнаго, какъ сіи дѣль части земной поверхности, въ разныхъ обстоятельствахъ, то есть одну въ морѣ, другую на возвышенной матерой землѣ лежащую.* Тутъ—бугры, скудные прозябаніемъ на песчанномъ горизонтальномъ полѣ; тамъ—голыя каменные луды на равнинѣ песчанаго дна морскаго. Здѣсь ржавою землею соединенныя въ подолѣ черепокожныя; тамъ держащіяся за обсохлую туру и за самый камень морскія раковины. Не указываетъ ли здѣсь сама натура, увѣряя о силахъ, въ земномъ сердцѣ заключенныхъ, отъ коихъ зависятъ повышенія и пониженія наружности? Не говоритъ ли она, что равнина, по которой нынѣ люди ѣздятъ, обращаются, ставятъ деревни и города, въ древнія времена было дно морское, хотя теперь отстоитъ отъ нея около трехъсотъ верстъ, и отдѣляется отъ него Гарцскими и другими горами?» Одною изъ самыхъ задушевнѣйшихъ мыслей Ломоносова было снаряженіе сѣверной экспедиціи для открытія пути въ Америку. Еще въ 1747 года писалъ онъ (въ 8-й одѣ):

Се мрачной вѣчности закону,
Надежда отвергаетъ намъ.
Гдѣ вѣтъ ни правилъ, ни закону,
Премудрость тамо видитъ храмъ;

Невѣжество предъ ней блѣднѣетъ;
 Тамъ влажный флота путь блѣдетъ
 И море тѣится уступить:
 Колумбъ россійскій черезъ воды
 Сплынуть въ невѣдомы народы
 Твои щедроты возвѣстить.

Въ другой своей одѣ (11-й), въ 1752 г. Ломоносовъ слѣдѣя выказываетъ это желаніе:

Напрасно строгаѧ природа
 Отъ насъ скрываетъ мѣсто входа
 Съ береговъ вечернихъ на востокъ.
 Я вижу умными очами;
 Колумбъ россійскій между льдами
 Сплынуть и превзираетъ роѧ.

Всю жизнь томился Ломоносовъ страстными, безпокойными желаніемъ открыть Сѣвернымъ Океаномъ новыя земли, усовершенствовать искусство мореплаванія. Черта—опять чисто народная, мѣстная. Конечно, и самъ Ломоносовъ знавалъ такихъ поморовъ, какиѣ былъ, напримѣръ, по словамъ Озерецковскаго, нѣкто мезенскій крестьянинъ Рахманинъ. 40 лѣтъ упражнявшійся въ мореходствѣ. Онъ шесть разъ зимовалъ на Шпицбергенѣ, пять лѣтъ провелъ въ Сибири для тамошняго мореплаванія изъ рѣки Енисея, двадцать шесть разъ зимовалъ на Новой Землѣ. Озерецковскій замѣчаетъ про Рахманина: «трудолюбивъ, любопытенъ и имѣетъ неограниченную склонность въ мореплаванію и охоту къ обысканію неизвѣстныхъ земель.» Землякъ, почти ровесникъ Рахманина, Ломоносовъ вполне раскрываетъ свою энергическую поморскую природу, тоскующую отъ равнодушія современниковъ къ морскимъ путешествіямъ. Въ заключеніе своего «Проекта сѣверной экспедиціи» такъ опровергаетъ онъ возраженія противъ ея пользы и необходимости: «Жалѣніе о людяхъ много чувствительнѣе, нежели о иждивеніи. Однако, поставимъ въ сравненіе пользу и славу отечества: для пріобрѣтенія малаго лоскута земли, или для одного только честолюбія посылаютъ на смерть многія тысячи народа, цѣлыя арміи, то здѣсь ли должно жалѣть около ста человѣкъ, гдѣ пріобрѣсти можно цѣлыя земли въ другихъ частяхъ свѣта для расширенія мореплаванія, купечества, могущества, для государственной и государственной славы, для показанія морскихъ россійскихъ героевъ всему свѣту и для большаго просвѣщенія всего человѣческаго роду? Если же толикая слава сердецъ нашихъ не движетъ, то подвигнуть должно нареканіе отъ всей Европы, что имѣя Сибирскаго Океана оба концы и цѣлый берегъ въ своей власти, не боѣсь никакаго препятствія въ повелѣніи отъ неприятеля и положивъ на то уже знатныя иждивенія

съ добрыми успѣхами, оставляемъ все втуне, не пользуемся божескимъ благословеніемъ, которое лежитъ въ глазахъ нашихъ и въ рукахъ тщетно, и содержа флоты на великомъ издвигеніи, всему государству чувствительномъ, не употребляемъ въ пользу, ниже во время мира оставляемъ корабли и снаряды въ жертву тлѣнія и людей, въ трудамъ опредѣленныхъ, предаемъ унынію, ослабленію и забвенію ихъ искусства и должности» (стр. 130—131).

Дайте правильное, ученое воспитаніе Ракманину и другимъ его землякамъ, и они станутъ говорить то же самое, что и Ломоносовъ, который собственными лишеніями, тяжелымъ опытомъ, самъ на дѣлѣ извѣдалъ, «коль много есть въ морѣ опасностей, которымъ не токмо корабли, великими трудами и многими издвигеніемъ построенные и дорогими товарами нагруженные, но и жизни человѣческія подвергаются...» Къ спасенію толкаго добра—говоритъ Ломоносовъ (въ своемъ «Разсужденіи о большой точности морскаго цѣти») — всѣ должно употреблять силы, и противъ тѣхъ великаго и страстнаго исполина, каковъ есть океанъ, всѣми подвигами и хитростями надлежитъ ополчиться.» И такъ, созерцанія величавыхъ явленій сѣверной природы, морскія плаванія, постоянное обращеніе съ мореходами, словомъ, всѣ дѣтскія, отроческія и юношескія впечатлѣнія, представленія и опыты Ломоносова были такъ сказать зародышами, которые созрѣли въ немъ въ послѣдствіи, при соприкосновеніи его съ заматною образованностью, при формальномъ его развитіи и выродились въ замѣчательныя теоріи: о теплѣ и стужѣ, объ образованіи льдовъ, о дѣйствіяхъ внутренняго, подземнаго огня, о возможности проплынуть Сѣвернымъ Океаномъ въ Америку, теоріи электричества, магнетизма и т. д., часто весьма ошибочныя и во всякомъ случаѣ теперь устарѣлыя, но безспорно имѣющія важное историческое значеніе и свидѣтельствующія о несомнѣнномъ, великомъ дарованіи Ломоносова, какъ естественнаго испытателя.

Деревенская жизнь Михайлы, его морскія плаванія, борьба съ суровою природою, страшныя физическія лишенія, съ которыми неровная жизнь поморовъ, не только развили въ Ломоносовѣ необычныя физическія, но и нравственныя силы, закаляли его характеръ, приготавливали его къ борьбѣ, подвигамъ и испытаніямъ, ожидавшимъ его на другихъ поприщахъ. Ломоносовъ еще юношею такъ часто выдалъ и испытывалъ всякія опасности, такъ близко бывалъ къ смерти, что страхъ ея былъ ему совершенно незнакомъ, и всю свою жизнь онъ оставался вѣренъ этому чисто христіанскому возвращенію на смерть, которое вообще глубоко проходило въ рускаго крестьянина.

Непреклонная сила и мужество, безстрашіе, всегдашняя готовность ринуться въ борьбу—таковы всегда были высшія идеальныя требованія Ломоносова, природа котораго исполнена этой суровой энергіи жителя сѣвера.

Опасенъ вихрей бѣгъ, но тишина страшнѣе,
Что портить въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе.
Лишаетъ долгой зной здоровья и ума,
А стужа въ сѣверѣ ничтожить вредъ сама (Петръ В.)

Къ любимѣйшимъ образамъ Ломоносова, принадлежалъ образъ величавой, несокрушимой силы, подобно утесу который:

Какъ верхъ высокія горы
Взираетъ непоколебимо
На мракъ и вредные парн.
Не можетъ вихрь его достигнуть,
Ни громы страшные подвигнуть:
Взнесенъ къ безоблачнымъ странамъ,
Ногами пути попираетъ,
Угрозы бури презираетъ,
Смѣется скачущимъ волнамъ (*).

Такимъ образомъ, явленіе Ломоносова, натуралиста и общественнаго дѣятеля, среди поморовъ не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго и удивительнаго; но тѣмъ болѣе исторически законно крестьянское происхожденіе Ломоносова, какъ отца русской словесности въ ея тѣсномъ значеніи и образователя русскаго литературнаго языка, творца русской грамматики, автора риторики, похвальныхъ рѣчей и историческаго учебника. Дѣйствительно, никто изъ нашихъ писателей по настоящее время включительно не обладалъ такимъ, какъ Ломоносовъ, живымъ, непосредственнымъ знаніемъ русскаго языка и народнаго быта. Та народность рѣчи, которой путемъ долгаго, сознательнаго изученія достигла наша литература въ своихъ позднѣйшихъ дѣятеляхъ, какъ напримѣръ, Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, Аксаковъ, Островскій и проч., никогда не была для Ломоносова тѣмъ-то искомымъ и, слѣдовательно, внѣшнимъ. До 20 слишкомъ

(*) Сравните Лермонтова: Урокъ невѣждъ, урокъ людей

Души высокой не печалить;
Пускай шумитъ волна морей,
Утесъ гранитный не повалить.
Его чело—нежъ облаковъ,
Онъ—двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не вѣритъ думи.

лѣтъ Ломоносовъ и говорить не умѣлъ иначе, какъ чисто по народному, ибо все это время онъ жилъ, мыслилъ и чувствовалъ совершенно по-крестьянски, по-мужицки. Любознательный, воспримчивый паренъ, Михайло, конечно, слыхалъ, если не самъ зналъ наизусть, больше и лучше своихъ ровесниковъ, различныя пѣсни и былины о кievскихъ и новгородскихъ богатыряхъ, о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Судя по тому, какъ еще во многихъ отношеніяхъ свѣжо сохранилась народная старина въ современномъ Поморіѣ, смѣло можемъ заключать, что въ началѣ прошлаго столѣтія въ ней жило множество пѣсенъ, былинь, сказокъ и различныхъ народныхъ преданій, которые теперь уже утрачены или сильно искажены. Во время Ломоносова, въ двинской землѣ еще, безъ сомнѣнія, сохраняли свою свѣжесть различныя преданія, напримѣръ: о борьбѣ славянской стихіи съ финскою, о господинѣ Великомъ Новгородѣ, о Марѣ Посадницѣ, имѣвшей здѣсь свои полѣстья, о митрополитѣ Филиппѣ, о панькахъ литовскихъ. Ломоносовъ въ дѣтствѣ и юности долженъ былъ видать много стариковъ, отцы которыхъ живо помнили смутное время, которые сами были участниками или очевидцами всѣхъ смуть по дѣлу патріарха Никона, соловецкой осады и другихъ важнѣйшихъ событій царствованія Алексѣя Михайловича, стрѣleckихъ бунтовъ... О Петрѣ В. Ломоносовъ слыхалъ самые разнообразныя толки и рассказы: съ одной стороны—проклятія безпоповщинцевъ, прозывавшихъ его антихристомъ, а съ другой—самыя свѣтлыя и любовныя воспоминанія о немъ, объ его простомъ обращеніи съ народомъ, объ его неутомимой дѣятельности въ сосѣдней Вавчугѣ, въ Холмогорахъ, Ангелъскѣ, гдѣ онъ разъ прожилъ болѣе шести недѣль и самъ собственными руками заложилъ корабль на островѣ Соломбалѣ. Во времена Ломоносова, на рѣкѣ Вавчугѣ, впадающей въ Двину, противъ Куръ-Острова, славились лѣсопильный заводъ и корабельная верфь братьевъ Бажениныхъ, на которой еще въ концѣ XVII вѣка, до пріѣзда туда Петра, сооружались купеческіе корабли для англичанъ и голландцевъ. Петръ посѣтилъ ихъ домъ, далъ имъ грамоту, ободрилъ, поощрилъ ихъ, поручилъ имъ выстроить большой купеческій корабль, впервые назначенный къ отправленію за море съ русскими товарами. Лепехинъ говоритъ, что «до сегодня (1772 г.) Баженины содержатъ верфь въ цвѣтущемъ состояніи, что дѣтей своихъ для лучшаго изученія кораблестроенія они отправляли въ молодыхъ лѣтахъ въ Голландію и Англію.» Ломоносовъ еще юношею знавалъ многихъ почитателей памяти Петра В., которые не могли безъ особеннаго волненія и гордости вспоминать о первомъ царѣ, посѣтившемъ ихъ

край и такъ любившемъ ихъ морской промыселъ. Еще въ Ломоносовѣ крестьянинѣ зародилась та пламенная любовь къ Петру В., которую онъ такъ отличался впоследствии и которая ему нерѣдко мѣшала глядѣть безпристрастно на его обожаемаго героя. Нельзя, кажется, сомнѣваться, что въ слѣдующихъ стихахъ своей поэмы «Петръ Великій» Ломоносовъ выразилъ тѣ чувства и представленія, которые не разъ смутно овладѣвали его душою, когда еще онъ былъ крестьяниномъ:

Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрый ходъ
 Къ любимымъ берегамъ полныхъ бѣлыхъ водъ,
 Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ немъ веселилась,
 И больше къ плаванью въ немъ жажда воспалилась.
 О, годъ ты счастлива, великая Деица,
 Что славнымъ шествіемъ его освятила!
 Ты тѣмъ всѣхъ выше рѣкъ, что устьями своими
 Сливалась въ сонмъ одинъ со безднами морскими,
 Открыла посреди играющихъ валовъ
 Другихъ всѣхъ прежде струй пучинъ зракъ Петровъ.
 О, холмы красные и острова зелены,
 Какъ радовались вы симъ счастьемъ восхитены!
 Что поздно я на васъ, что поздно я рожденью
 И тѣмъ толкаю веселія лицезрѣ;
 Не зрѣлъ, какъ онъ сіялъ величествомъ надъ вами
 И шествовалъ по вамъ предъ новыми полками;
 Какъ новы крѣпости и новы корабли,
 Ужасныя грома въ волнахъ и на земли
 Смотрѣлъ и утверждалъ противу ихъ набыту,
 Грозящему бѣдой архангельскому берегу,
 Дави российскую тѣмъ силу раздѣлять,
 Отъ иноперскихъ градовъ осаду отвратить.

Въ самомъ дѣлѣ, и не такой геніальный, какъ Ломоносовъ, но всѣмъ смысленный, воспріимчивый крестьянскій мальчикъ и юноша Поморья, любой его сверстникъ, заслушавшись чудныхъ разсказовъ стариковъ о бывшемъ у нихъ царѣ, могъ иногда сожалѣть, зачѣмъ онъ такъ поздно родился и самъ лично не видалъ Петра на своей родной Двинѣ. Вы слышите въ этихъ стихахъ искреннее чувство мѣстнаго, областного духа, какую-то гордость своимъ краемъ, какое-то предпочтеніе его другимъ областямъ Россіи. И вотъ передъ вами опять Ломоносовъ поморъ, уроженецъ двинской земли, крестьянинъ, ибо въ ней коренныхъ жителей изъ другихъ сословій, кромѣ крестьянскаго, нѣтъ и никогда не бывало. Въ своихъ поѣздкахъ для промысла и по торговымъ дѣламъ Ломоносовъ имѣлъ случай ознакомиться съ бытомъ и нравами нашихъ сѣверныхъ инородцевъ: лопарей, самоѣдовъ, зырянъ и, быть можетъ, отчасти даже и съ ихъ на-

рѣчями. Это знакомство отразилось на филологическихъ и историческихъ трудахъ Ломоносова. Его поѣздки въ Архангельскъ должны были производить на него самое глубокое впечатлѣнiе, быть можетъ, не менѣе, чѣмъ на самого Петра, въ которомъ видъ Архангельска въ 1693 — 1694 г. не могъ не возбудить сильнаго желанiя съѣздить въ Европу, преимущественно въ Голландiю и Англію. Архангельскъ въ дѣтнее время, когда и бывалъ въ немъ Ломоносовъ, былъ всегда необыкновенно оживленъ. Къ успенской ярмаркѣ приходило къ Архангельску до 100 кораблей голландскихъ, англійскихъ, гамбургскихъ, бременскихъ съ разными произведеніями европейской промышленности: съ сукнами, полотнами, шелковыми тканями, кружевами, золотыми и серебряными издѣліями, винами, аптекарскими матеріалами, галантерейными вещами. Иностранные купцы, жившіе въ Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ и въ другихъ городахъ, раннею весною съѣзжались въ Архангельскъ и оставались въ немъ до зимняго пути. Торговые иностранцы съ своими семействами занимали въ Архангельскѣ двадцать четыре дома. Въ теченіе 1668 — 1684 г. для склада товаровъ русскихъ и заграничныхъ выстроено было, по приказанію царя Алексѣя Михайловича, иностранцами Марселисомъ и Шарфомъ огромное каменное зданіе, болѣе версты въ окружности, съ валомъ, палисадомъ, съ банями и бойницами со стороны Двины. Внутри находились кладовыя и анбары, съѣзжая изба и острогъ, по сторонамъ—гостинные дворы: на правой сторонѣ отъ Двины—русскій, на лѣвой—нѣмецкій (*). Въ Архангельскѣ, слѣдовательно еще крестьяниномъ, наглядно ознакомился Ломоносовъ съ нѣкоторыми результатами науки и плодами образованности. Онъ видалъ довольно близко жизнь тамошнихъ иностранцевъ, понималъ вѣстѣ съ своими земляками ихъ хорошія стороны, цѣнилъ ихъ умъ, знанія, трудолюбіе и образованность, но узналъ въ то же время и дурныя стороны, за которыя давно уже упрекали ихъ поморы и всѣ русскіе, имѣвшіе съ ними какія либо дѣла: ихъ корпоративный духъ, исключительное, національное и цеховое направленіе, ихъ постоянное стремленіе всячески, въ правдѣ и неправдѣ, поддерживать другъ друга и при всякомъ удобномъ случаѣ вредить

(*) Ломоносовъ метко указалъ на значеніе финской стихіи въ Россіи, положительно высказавъ мнѣніе о родствѣ мадьяръ съ чуждо: «не должно сомнѣваться о единоплеменствѣ жителей Венгеріи съ чуждо, разсудивъ *одно только сходство ихъ языка съ чуждскими діалектами*». Въ другомъ мѣстѣ говорилъ также Ломоносовъ: «эсты, ливы, ижора, карелы, лопари, черемисы, мордва, зыряне говорятъ языками не мало сходными между собою, которые хотя и во многомъ разнятся, однако довольно показываютъ происхожденіе свое отъ одного вѣщата».

русскимъ. И такъ, ненависть Ломоносова, академика и гражданина, къ владычеству иностранцевъ, нѣмцевъ, могла зачатъ въ немъ еще на родинѣ, точно такъ же, какъ и любовь къ знанію, уваженіе къ западной образованности и то высокое безпристрастіе, которымъ всегда отличался Ломоносовъ въ оцѣнкѣ заслугъ иностранцевъ. Вообще, въ немъ въ высшей степени замѣчательно соединеніе страстной, восторженной любви къ Петру В. съ страшною ненавистью къ игу иностранцевъ. Это—опять черта чисто мѣстная, архангельская, ибо, конечно, нѣтъ въ Россіи другой области, въ которой оба эти чувства такъ крѣпко срослись вмѣстѣ и такъ глубоко проникли въ народъ, какъ на родинѣ Ломоносова.

Такъ же несправедливо, слишкомъ неуважительно и свысока относилась наша литература и образованность и къ ученымъ пособіямъ, къ первымъ тремъ или двумъ книгамъ, которыя читалъ Ломоносовъ еще въ деревнѣ. Наша образованность въ своихъ воззрѣніяхъ на русскую народность вообще страдаетъ двумя крайностями, всегда почти неразлучными: цинизмомъ и сентиментальностію. При такомъ направленіи, ей вѣрнѣе было не проглядѣть того могущественнаго и въ высшей степени благотворнаго вліянія, которое имѣла на Ломоносова церковь съ своимъ богослуженіемъ на славянскомъ языкѣ. Вообще, наша наука совѣмъ еще не оцѣнила того великаго преимущества, которымъ всѣ православные народы отличаются передъ народами романо-германскими. Русскій народъ уже нѣсколько вѣковъ пользуется возможностью ежедневно слышать въ храмахъ божіихъ, на родномъ почти языкѣ, высочайшіе образцы чистой христіанской поэзіи. Ломоносовъ еще крестьяниномъ зналъ наизусть большую часть церковныхъ пѣсенъ, каноны Іоанна Дамаскина и проч. Они развили въ немъ глубокое внутреннее благочестіе, чистый взглядъ на вѣру и на ея отношенія къ наукообразному отвлеченному знанію, словомъ, воспитали въ немъ православнаго человѣка, опредѣлили его философскія убѣжденія и вливали въ его поэзію ту чисто православную струю, которая отличаетъ нашу поэзію отъ всѣхъ европейскихъ, отъ Ломоносова до Языкова, Хомякова и А. Толстаго включительно (*). По этому православному своему характеру, Ломоносовъ, несмотря на свои тяжелыя академическія формы и ложный классицизмъ, часто гораздо болѣе народенъ, чѣмъ многіе наши новѣйшіе писатели, выработавшіе себѣ народныя формы, но неидущіе далѣе вѣщности. Они похо-

(*) Мнѣніе редакціи От. Зап. объ этомъ предметѣ было нѣсколько разъ высказано, а потому повторять его здѣсь не будемъ.

дѣтъ на тѣхъ часто очень добродушныхъ юношей нашихъ, социалистовъ и материалистовъ, которые отпускаютъ себѣ бороды и ходятъ въ зипунахъ. Бритый, стриженный Ломоносовъ въ своемъ французскомъ камзолѣ былъ человѣкомъ чисто русскимъ, а наши *умѣренные* славянофилы, несмотря на свои зипуны и бороды, остаются для народа иностранцами и обличаютъ въ себѣ истыхъ внуковъ и правнуковъ русскихъ петиметровъ и поповичей схоластиковъ XVIII вѣка. Образователь литературнаго языка самъ превосходно опредѣлялъ значеніе церковно-славянскаго языка въ нашей образованности. «Сіе богатство (нашего языка)—говоритъ онъ—больше всего пріобрѣтено купно съ греческимъ христіанскимъ закономъ, когда церковныя книги переведены съ греческаго языка на славянскій для славословія божія. Отмѣнная красота, изобиліе, важность и сила еллинскаго слова, коль высоко почитается, о томъ довольно свидѣтельствуютъ словесныхъ наукъ любители. На немъ, кромѣ древнихъ Гомеровъ, Пиндаровъ, Демосѣеновъ и другихъ въ еллинскомъ языкѣ героевъ, свѣдѣствовали великіе христіанскія церкви учителя и творцы, возвышая древнее краснорѣчіе высокими богословскими догматами и пареніемъ усерднаго пѣнія къ Богу. Ясно сіе видѣть можно внивавшимъ въ книги церковныя на славянскомъ языкѣ, коль много мы отъ перевода ветхаго и новаго заветъ, поученій отеческихъ, духовныхъ пѣсней дамаскиновыхъ и другихъ творцевъ каноновъ видимъ въ славянскомъ языкѣ греческаго изобилія и оттуда умножаемъ довольство русскаго слова, которое и собственнымъ своимъ достаткомъ велико и въ пріятію греческихъ красотъ посредствомъ славянскаго сродно.» Далѣе Ломоносовъ говоритъ: «Разсудивъ таковую пользу отъ книгъ церковныхъ славянскихъ въ русскаго языка, всѣмъ любителямъ отечественнаго слова безпристрастно объявляю и дружески советую, увѣрять собственнымъ своимъ искусствомъ (то-есть опытомъ), дабы съ прилежаніемъ читали всѣ церковныя книги...». «Русскій языкъ въ полной силѣ, красотѣ и богатствѣ перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь русская славословіемъ божіимъ на славянскомъ языкѣ украшаться будетъ.» (О пользѣ книгъ церковныхъ).

Но обратимся къ первымъ ученымъ пособіямъ Ломоносова. То были: грамматика Мелетія Смотрицкаго, псалтирь Симеона Полоцкаго и арифметика Магницкаго. О книгѣ Смотрицкаго нѣкоторые извѣстія даже умалчиваютъ. Во всякомъ случаѣ она не могла на Ломоносова, юношу, имѣть большое вліяніе, ибо самый ея предметъ совсѣмъ почти не могъ интересоваться крестьянина, даже гениальнаго. Притомъ ея

польско-русскій языкъ былъ мало понятенъ помору. Вотъ образецъ изложенія Смотрицкаго: «Вѣдаете абовѣмъ, которыи сѣтея грецкой любъ латинской грамматики художеству учили, што она есть ку понятию азъ языка чистости, такъ и правую, а сочинною, ведлугъ власности діалектовъ и мовеня и писаня и писмъ вырозумена. Вшелянїй пожитокъ, который колвекъ преречонныхъ языковъ грамматики чиняти звыкли, безъ вонтпеня и славенская въ своемъ языкѣ славенскомъ учинити можетъ.» Грамматика Смотрицкаго была чрезвычайно полезна Ломоносову уже впоследствии, и то своимъ содержаніемъ. Безобразный же языкъ ея привнесъ ему потомъ одну развѣ пользу отрицательную, указавъ на необходимость стремиться къ чистотѣ языка и ясности изложенія. Не столько содержаніе, сколько безобразіе языка грамматики Смотрицкаго было главнѣйшею причиною, что на юношу Ломоносова она не могла имѣть никакого вліянія. Такъ, западно-русское общество своимъ подчиненіемъ польской образованности само отнимало у себя возможность благотворно дѣйствовать на восточную, Великую Русь. За то огромное вліяніе имѣло на Ломоносова переложеніе псалмовъ Симеона Полоцкаго, который въ своей псалтыри именно старался ближе держаться славянскаго текста, какъ онъ выражался не безъ пренебреженія западно-русскаго схоласта къ московской грубости и простотѣ: «снисходя *обычаю рода и страны*». Эта книга вышла въ Москвѣ, въ 1680 г. Заглавіе ея—слѣдующее: «Псалтырь кара и пророка Давида художествомъ римотворнымъ равномѣрно слоги и согласно конечно, по различныхъ стиховъ родомъ преложенная». Авторъ, или, какъ онъ самъ себя называетъ, смиренный римотворецъ посвятилъ свой трудъ царю, въ которомъ говоритъ, между прочимъ:

Се бо псалтырь метрами ново преложися,
Нѣци прежде мене негли начинаху,
Но за трудности многи отъ дѣла престаху.
Азъ Богомъ наставляемъ, потщахся начати:
Богъ же даде и концемъ дѣло увѣнчати.
Еже люе первое въ метры преложенно
Подобаше да будетъ первому врученно,
Въ православныхъ ти сущу, пресвѣтлѣйшій царю.
Ты даждь мѣсто у тебе сему новому дару.
Юпъ Давидъ Голиава сильнаго преможе,
Даждь ти юну сильнаго турка збити, Боже.
Сего ти богомолецъ твой вѣрно жадаю,
Милости царстѣй трудъ сей и самъ ся вручаю.

Въ прозаическомъ предисловіи къ благочестивому читателю говоритъ Подолскій въ началѣ о своемъ «трудодобномъ дѣлѣ во вѣснѣ»

нія божественныхъ писаній глубочайшаго разума и въ нихъ уникшихъ сокровищъ, тайно положенныхъ, не еже тѣмъ мысленными богатства единому ми красоватися и богатѣти». Затѣмъ упоминаетъ о разныхъ трудахъ своихъ, изданныхъ въ Москвѣ, и переходитъ къ переложенію псалмовъ, которые «на еврейскомъ языкѣ составишася художествомъ стихотворенія» были перелагаемы въ западныхъ литературахъ. «Видѣхъ я на пріискрнемъ нашему славенскому языку діалектъ полскомъ книгъ печатныхъ... не точію во странахъ полскихъ, но и въ Москвѣ обносимыя. Поревновахъ убо, да и на нашемъ языкѣ славенскомъ поне въ нашихъ странахъ обрѣтаемся.»

Въ предисловіи, въ стихахъ, къ благочестивому читателю Полоцкій объясняетъ значеніе своего труда, достоинства подлинныя.

Тужде азъ речемъ тѣхъ ся предложить,
Не дабы тако въ церкви чтеннѣй быти:
Но еже въ домѣхъ часто и читати
Или сладкими гласы восхвалити
Во славу Богу: кбо услаждаетъ
Ріємъ слухъ и сердце: части понуждаетъ.

Міране, пѣсни міра оставляйте,
Вмѣсто ихъ псалмы Богу восхваляйте;
Оны бо умъ тлѣтъ, думы погубляютъ.
Сін умъ здравитъ и думы спасаютъ.
Пѣніе псалмовъ есть избранно Богу,
Душъ нашихъ скверну омываетъ мнотгу.
Старцѣхъ утѣхъ, юнцѣхъ крашеніе,
Ума старчество и совершеніе.

Не слушай буйхъ и нечеловѣчныхъ,
Въ тѣхъ невѣжествѣ злобою сраженныхъ,
Имже обычай все то обуздати,
Его же Господь не даде имъ знати.
Не буди обидишь расколъ творящихъ,
Всѣ мудрость въ себѣ заключенну мѣщающихъ,
А въ самомъ дѣлѣ пребезумныхъ сущимъ,
Уверомъ своимъ въ погибель текущихъ.
Ни завидимъ подражатель буй,
Имже чуждѣ сердце гризутъ труди,
Иже благая за зависть хулають,
Совѣсть поправше вся унижаютъ.
Но буди правый писаній читатель,
Не словъ допитель, но ума искатель,
А всяко полза имать быти тебѣ,
Токмо прилично разсуждати тебѣ.

Мы съ намѣреніемъ такъ долго останавливались на псалтыри Симеона Полоцкаго. Книгѣ этой выпала счастливая доля, которой бы по-

завидовалъ всякій отличный педагогъ: она была долгое время учителемъ и воспитателемъ одного изъ гениальнѣйшихъ людей. Ломоносовъ зачитывался ея, училъ ее наизусть, внималъ въ каждое ея слово и выраженіе. Съ его развитіемъ, которому она много содѣйствовала, росло самое значеніе книги. Ломоносовъ, конечно, потомъ читалъ и находилъ въ ней то, чего никогда не бывало ни на умѣ, ни въ думѣ Симеона Полоцкого.

Нельзя также безъ особенной благодарности и уваженія вспоминать о книгѣ Магницкаго. Заглавіе ея—слѣдующее: «Арифметика сирѣчь наука числительная съ разныхъ діалектовъ на славенскій языкъ преведеная и во едино собрана и на двѣ книги раздѣлена... въ Москвѣ ради обученія мудролюбивыхъ отроковъ и всякаго чина и возраста людей на свѣтъ произведена. 1703.» Большой томъ въ листъ, въ нѣсколько сотъ страницъ, эта книга представляетъ родъ энциклопедіи, составлена въ духѣ и по примѣру старинныхъ нашихъ учебниковъ, алфавитовъ, арифметикъ. По приноровленности къ русскимъ потребностямъ, по характеру изложенія и языка, арифметика Магницкаго, замѣняющая собою и геометрію, и физику, и географію, стоитъ неизмѣримо выше множества позднѣйшихъ нашихъ учебниковъ. Предисловіе Магницкаго въ стихахъ:

Прими, юне, премудрости цвѣты,
Разумныхъ наукъ обтѣцая верты.
Арифметикъ любезно учися,
Въ ней разныхъ правилъ и штукъ предержися.
Ибо въ гражданствѣ къ дѣламъ есть потребно
Лечити твой умъ, аще числитъ вредно.
Та пути въ небѣ рѣшитъ и на мори,
Еще на войнѣ полезна и въ поли,
Обще всѣмъ людямъ образъ даетъ знати,
Дабы исправно въ разиѣрахъ ступати.
Опей ты цвѣты, какъ кринъ благовонный,
Равно и къ инымъ наукамъ будь охотный.

Къ книгѣ приложена гравюра, изображающая Архимеда, Пифагора и земной глобусъ, а надъ ними—гербъ.

Стихи на подлежащій гербъ:

Едине орле двоеглавый,
Во всѣхъ парящій, достославный.
Ревностно крылѣ распростирай,
Расточенная си собирай,
Вѣдствующая вся охраняй и проч.

Затѣмъ говорится объ Архимедѣ и Пифагорѣ:

Первіи бывше снискатели
 Сицевыхъ наукъ писатели.
 Равно бо водамъ изліяша,
 Многи бо науки въ міръ издаша.
 Елици же ихъ воспріяша,
 Многу си пользу отъ нихъ взяша.
 Сія же польза ко гражданству
 Требна каждому государству.
 Въ древнихъ бо лѣтахъ царя Греки
 И нынѣшніи вси Нѣмци
 Единако се принимаютъ
 И царство свое управляютъ.
 Такожде и людей учать выпу
 Въ жителствѣ имѣть все по чину.
 Любить же мудрость и науки
 Чѣмъ богатство имъ придетъ въ руки.

Взглядъ Магницкаго на науки выражается въ его замѣчаніи, что
 «умъ словесный долженъ упражняться въ познаваніи и величаніи Бо-
 га.» Эту мысль, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, постоянно проводилъ
 Ломоносовъ въ своихъ трудахъ. Заведя рѣчь о флотѣ, онъ говоритъ
 про Петра Великаго:

Не имъ кто, но Богъ тобою
 Сотвори нынѣ, въ наша лѣта,
 Не бывшее отъ зданья свѣта.

Магницкій говоритъ, что онъ всячески старался, чтобы читатель
 могъ его понимать безъ учителя, «только усердно да прплеженъ».

И мно азъ, яко то имать быть,
 Что самъ себе всякъ можетъ учить
 Зане разумъ весь собралъ и чинъ
 Природный Русскій, а не Немчинъ.

Нетрудно себѣ представить, какое вліяніе должны были имѣть на
 Ломоносова всѣ такіа и подобныа замѣчанія и мысли Магницкаго,
 въ книгѣ котораго, въ отдѣлѣ геометріи, физики, астрономіи, навига-
 ціи встрѣчаются слѣдующія главы и статьи: «О земномъ общеразмѣ-
 реніи и аже къ мореплаванію принадлежатъ», «О полуденномъ колеси
 и линіи», «Таблица о склоненіи магнита», «Таблица склоненія сол-
 нечнаго», «Таблица широты востока и запада солнца», «Таблица ре-
 фракція или преломленія лучей солнца, луны и звѣздъ», «О количе-
 ствѣ дне различныхъ мѣстъ и о раздѣленіи всего земноводнаго гле-
 буса въ климаты», «О именоваіи климатъ сѣверныхъ», «Каталогъ
 сіе есть описаніе мѣстъ и градовъ», «О изобрѣтеніи времеи навод-
 ненія морскаго нѣкихъ поморскихъ мѣстъ», «О сравненіи верстаній
 разныхъ государствъ» и пр. и пр.

Съ тѣхъ поръ, какъ приобрѣлъ Михайло эти книги, Полоцкаго и Магницкаго, онъ уже просиживалъ надъ ними по зниматъ цѣлые дни. Москва, къ которой издавна тянуло Поморье, какъ въ своему духовному средоточію, все болѣе и болѣе занимала теперь его помысли. Дома, въ деревнѣ, онъ уже не находилъ прежнихъ радостей. Мать его померла, отецъ женился на другой. Мачиха, по словамъ самого Ломоносова, *злая и завистливая*, «всѣчески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣть стужу и голодъ, пока успею въ снѣсныхъ школахъ». Отецъ Ломоносова, человекъ умный и добрый, но неграмотный и упрямый, тѣмъ легче поддавался навѣтамъ жены, что и безъ того уже былъ сердитъ на сына за то, что тотъ его не слушался и не хотѣлъ жениться. Разъ уже онъ сговорилъ сына на Колѣ у неподлаго человека, но Михайло притворился тогда больнымъ. Кажется, до конца жизни Ломоносовъ не могъ равнодушно вспоминать объ этихъ принужденіяхъ и всегда питалъ глубокую ненависть къ насильственнымъ бракамъ.

Когда родители обманчивой корысти
На жертву отдають и совѣсть и дѣтей (Тамира и Селимъ).

Съ живѣйшимъ негодованіемъ говорилъ Ломоносовъ въ своей знаменитой запискѣ, *О размноженіи и сохраненіи российскаго народа*, о неровныхъ и насильственныхъ бракахъ. «Хотя жъ по деревнямъ и показываютъ причины, что женять малыхъ ребятъ для работницъ, однако все пустошь, затѣмъ, что ежели кто семью малую, а много папентъ или скота имѣетъ, тотъ наймъ работниковъ, примъ третьишниковъ или половинщиковъ или продай излишне другому». «Неравному сунружеству много подобно насильнее!... для того должно вѣчающимъ священникамъ накрѣпко подтвердить, что они, услышавъ гдѣ о невольномъ сочетаніи, онаго не допускали и не вѣчали подъ опасеніемъ лишенія чина. Женца бы и невѣсту не тогда только для виду спрашивали, когда они уже приведены въ церковь къ вѣчанію, но нѣсколько прежде.»

Вѣчныя козни мачихи, постоянное ворчанье, вопреки отца все болѣе и болѣе становились Михайлѣ невыносимыми, а между тѣмъ годы дѣйствительно уже подошли; за него, единственнаго сына важнотчанаго крестьянина, парня умнаго, смирнаго, красиваго, съ радостью бы пошла любая дѣвка въ околотѣ, *а горшіе отцы охотно выдавали своихъ дочерей*. Но Михайлу больше всего ны сѣдѣ занимали книги.

Надо было, наконецъ, на что нибудь рѣшиться—и вотъ тайный, внутренний голосъ; демонъ Ломоносова, давно уже предававшій ему покой, манившій его куда-то въ даль, обѣщавшій ему славное будущее, внушаетъ ему мысль, рѣшительно заставляетъ его покинуть деревню, отца, товарищей, друзей, могилу матери—все, что было на родинѣ дорогаго и милаго для него. Онъ ушелъ въ Москву, о которой уже давно мечталъ, знакомый съ нею изъ разсказовъ живавшихъ въ ней земляковъ, изъ своихъ любимыхъ книгъ. Онъ ушелъ изъ дому, какъ часто уходили на Руси избранные люди, которыхъ дома становилось тѣсно, какъ за сто лѣтъ до него ушелъ изъ села Вельдеманова такой же крестьянскій сынъ, Никита (Никонъ), отъ козней мачихи и изъ любви къ книгамъ, съ помыслами о будущемъ своемъ величїи. Ломоносовъ, благодаря своимъ учителямъ, Полоцкому и Магницкому, шелъ въ Москву не безцѣльно. Жажда знанія, смутное чувство славы, гордыя мечты не только сравнятся съ *премудрыми муржами, добры еллинскими книгамъ изученными*, но выраженію Полоцкого, но и далеко оставитъ ихъ за собою, твердое упованіе на Бога и несомнѣнная увѣренность, что «Богъ все за труды намъ платитъ, все трудами отъ него приобрѣсти возможно» — вотъ, кажется, чувства и представленія, волновавшія и наполнявшія умъ и сердце Ломоносова, когда онъ, въ 1729—30 г., оставлялъ свою родину. Этимъ дерзкимъ чаяніемъ, отважнымъ и смѣлымъ надеждамъ и мечтамъ онъ нашелъ вполнѣдствіе выраженіе:

Владѣть нашихъ дѣей Всевышній самъ предѣломъ,
Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власть.
Коль близко ходитъ рокъ при робкомъ и при смѣломъ,
То лучше мнѣ избрать себѣ похвальную часть.
Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой
И въ тѣмъ безславїи кончаютъ долгой вѣкъ?
Добротами всходить на верхъ хвалы высокой
И славно умереть родился человекъ. (Там. и Сел.).

Приведемъ еще примѣры изъ риторики: «Кто лютостїю подданныхъ угнетаетъ, тотъ боящихся боится, и страхъ на (его) самого обращается». «Счастливое беззаконїе нерѣдко добродѣтелью называютъ». «Дастъ, истинно дастъ себя на мученіе блаженная жизнь, и, послѣдую правосудїю-воздержанію, а паче всѣхъ мужеству, великодушїю и терпѣнїю, не остановится, возрѣвъ на лицо мучителя. И когда всѣ добродѣтели съ нею на мученіе пойдутъ, не устроятся и передъ темными дверями не останутся». «Скарденная предъ всѣми добрыми людьми гордость, которую и сами гордые въ другихъ ненавидятъ, есть первая дщерь богатства. Изнурающая силы тѣлесная, нарушающая

здравіе и умъ, помрачающая роскошь не отъ излишества ли происходитъ? Надѣясь на свои достатки, какія обиды, презрѣнія, нападенія и гонительства богатые бѣднимъ наносятъ? И чрезъ таковыя злобныя поведенія не мерзость ли и отвращеніе предъ Богомъ и предъ человѣческимъ родомъ бываютъ.» Къ этой мысли Ломоносовъ часто обращался. Она выражена имъ съ большимъ талантомъ въ его трагедіи, «Тамира и Селимъ».

Несытая алчба имѣнія и власти,
 Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?
 Которой ты въ сердцахъ не возбудила страсти?
 И коего на насъ не устремила ала?
 Съ тобою возрасли и зависть и коварство,
 Твое исчадіе—кровавая война!
 Которое отъ ней не стонетъ государство?
 Которая отъ ней не потряслась страна?
 Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы
 И стѣны, трудъ вѣковъ и многихъ тысячъ лѣтъ,
 Тамъ видны лишь однѣ развалины и дымъ,
 При коихъ тучную имѣютъ паству скотъ.
 О коль мучительна родителямъ разлука,
 Когда даютъ дѣтей, чтобы пролить ихъ кровь!
 О коль разительна и нестерпима мука,
 Когда военный шумъ смущаетъ двухъ любовь.
 Лишь только зазвучитъ ужасна брань трубою
 Матутся города и села и дѣса.
 Любовническаго исполненныя вою
 И жалобъ на ударъ жестокаго часа.

Знакомая, родная картина рекрутскихъ наборовъ носилась въ этотъ разъ предъ глазами Ломоносова: въ поэзіи есть довольно чисто русскихъ мотивовъ, запятанныхъ только подъ тяжелыми академическими формами.

Въ риторикѣ: «Мщеніе есть подлая души утѣшеніе» (Ювеналъ). Въ той же трагедіи Надиръ говоритъ:

Великодушный левъ жаръ тотчасъ утоляетъ,
 Коль скоро видитъ онъ, что врагъ его лежитъ.
 Но хищный волкъ kota противника терзаетъ,
 Пока послѣдняя въ немъ кровь еще кипитъ.

Обращаясь снова къ примѣрамъ(*), въ которыхъ говорится о любви

(*) Вотъ, наприм., мѣсто изъ письма о пользѣ стекла, гдѣ говорится о нарядѣ деревенскихъ дѣвушекъ, которыхъ называетъ Ломоносовъ *сельскими нимфами* и за *любезную простоту* предпочитаетъ городскимъ, богатымъ и знатымъ:

Желанія вѣжны въ васъ подобна движетъ сила;
 Ви также украшать желаете себя.

въ вольности и гражданскомъ мужествѣ, замѣтимъ, что они въ риторикѣ Ломоносова являются отнюдь не случайно: онъ самъ объясняетъ значеніе риторики въ одной изъ своихъ рѣчей. «Зналъ—говорить онъ—Петръ Великій, что ни законовъ, ни судовъ правости, ни честности правовъ безъ ученія философіи и краснорѣчія не ввести».

Въ различныхъ сочиненіяхъ Ломоносова, и въ стихахъ и въ прозѣ, есть нѣсколько упоминаній о Биронѣ и его времени. Вообще, Ломоносовъ семинаристъ не могъ равнодушно выносить тогдашнее владычество иностранцевъ въ Россіи, не могъ не питать къ нимъ ненависти «за ихъ неистовую гордость и безсовѣстное утѣсненіе». По его же словамъ, заслуживали они, «по закону божію, по государственнымъ правамъ и по желанію російскаго народа, лютой смерти и растерзанія».

По возвращеніи Ломоносова изъ Кіева, въ Москвѣ уже было собирались постричь его и отправить священникомъ въ Корелу, какъ вдругъ изъ Петербурга пришло требованіе прислать въ академію нѣсколько семинаристовъ, знающихъ по латынѣ, для обученія ихъ математикѣ и физикѣ. 1-го января 1763 г. выбранные семинаристы пріѣхали въ Петербургъ. Въ числѣ ихъ были: Виноградовъ, Лебедевъ, Поповъ, изъ коихъ впоследствии второй—академическій переводчикъ, а третій—профессоръ астрономіи, и Ломоносовъ, который такимъ образомъ, безъ этого требованія изъ Петербурга, вступилъ бы въ духовное званіе—обыкновенный и единственный исходъ для всѣхъ общественныхъ дѣателей древней Руси. Но времена измѣнились. Въ Россіи уже возникла потребность въ иной—не чисто церковной—общественной дѣятельности, въ общественномъ словѣ, въ литературѣ и наукѣ. Петромъ I подготовлены были и способы и средства къ осуществленію той потребности: въ Петербургѣ была учреждена академія наукъ, а при ней положено начало гимназій и универси-

За тѣмъ прохладныя поля свои любя,
 Вы рвете розы въ нихъ, вы рвете въ нихъ лилеи,
 Кладете ихъ на грудь и вѣжете кругъ шен.
 Таковъ уборъ даетъ вамъ вѣчная весна;
 Но чѣмъ вы краситесь въ другія времена,
 Когда, лишиась цвѣтотъ, поля у васъ блѣднѣютъ
 Или снѣгами окружъ глубокими бѣлѣютъ.
 Безъ оныхъ что бы вамъ въ нарядахъ помогло,
 Когда бы бисеру вамъ не дало стекло?
 Любовниковъ онъ къ вамъ не меньше привлекаетъ,
 Какъ блестящій алмазъ богатѣхъ увлечетъ.
 Или еще на васъ въ немъ больше красота,
 Когда любезная въ васъ видитъ простота.

тету, въ которыхъ должны были преподаваться тѣ науки, изучить которыя такъ жаждалъ 20 — 25 лѣтній крестьянинъ и семинаристъ, Ломоносовъ. Но Петербургъ того времени угрожалъ Россіи страшною опасностью: Ломоносовъ могъ, правда, ознакомиться въ немъ съ этими науками, но еще скорѣе могъ погибнуть, безъ всякаго слѣда для русской жизни. При его свобододолюбивой натурѣ, честномъ и пылкомъ нравѣ, при его ненависти къ нѣмецкому игу въ Россіи, при тогдашнемъ господствѣ нѣмцевъ въ Петербургѣ вообще, и въ академіи наукъ въ частности, нетолько вѣроятно, но почти несомнѣнно, что за дерзкую рѣчь или смѣлый поступокъ, Ломоносовъ попалъ бы въ тайную канцелярію, и такимъ образомъ Россія имѣла бы въ немъ не гениальнаго отца литературы, а лишняго ваторожника въ своихъ рудникахъ, съ обрѣзаннымъ носомъ, съ вырѣзаннымъ языкомъ или ободранными ноздрами. По счастью, государство и нѣмцы, стоявшіе въ его главѣ, по слѣпой, конечно, случайности, поспѣшили лишить себя возможности задуть въ самомъ зародышѣ новую, возникавшую силу русской земли. Государство нуждалось въ опытныхъ горныхъ инженерахъ и металлургахъ. За три недѣли до пріѣзда Ломоносова въ Петербургъ, президентъ академіи, баронъ Корфъ, 3 декабря 1735 г., написалъ письмо къ саксонскому горному совѣтнику Генкелю во Фрейбергѣ, прося его рекомендовать «искуснаго и опытнаго въ горномъ дѣлѣ химика.» По счастью для русской образованности, Германія того времени не страдала, какъ теперь, избыткомъ всякаго рода ученыхъ. Въ то время и за хорошія деньги нелегко было выписать нѣмецкихъ специалистовъ въ Россію; при томъ же, тогдашнихъ нѣмцевъ пугала грубость нашихъ нравовъ, которую они представляли себѣ еще въ болѣе преувеличенномъ и ужасномъ видѣ. Генкель не могъ сыскать барону Корфу требуемаго русскимъ правительствомъ химика и отвѣчалъ, что для правительства гораздо бы было полезнѣе, еслибы оно отправило молодыхъ, образованныхъ русскихъ людей по Европѣ, для изученія горнаго дѣла, которые бы впослѣдствіи могли научить и другихъ (und zu Ihrer Majestät Dienst heranziehen). Къ чести Германіи слѣдуетъ замѣтить, что подобную же мысль проводилъ не одинъ Генкель. Знаменитый въ то время Вольфъ писалъ Блументросту, еще въ 1723 г., что для Россіи гораздо полезнѣе учредить, вмѣсто академіи наукъ, хорошій университетъ, который бы помогъ впослѣдствіи образовывать академію изъ природныхъ русскихъ. Вольфъ, отказываясь отъ сдѣланнаго ему предложенія пріѣхать въ Россію, писалъ также, что для одного преподаванія пріѣзжать ему было бы неблагоугодно, а для Россіи невыгодно, ибо начинающихъ ниванымъ званіемъ ве-

шамъ не научить, и, слѣдовательно, нѣтъ никакой нужды назначать ему такую высокую плату. Вольфъ, еще въ 1728 г., предлагалъ прислать къ нему молодыхъ русскихъ людей. Какъ ни преувеличены были представленія нѣмцевъ германскихъ о грубости русскихъ нравовъ, какъ ни пугало или страшило ихъ русское варварство, часто заставлявшее ихъ, несмотря на русское золото, отказываться отъ переселенія въ Россію, во все таки ихъ воображенію вѣчно рисовался величавый образъ гениальнаго, грознаго Петра, природнаго русскаго славянина, съ тою властью *кайзера*, которой такъ давно уже заждались раздробленная и безсильная Германія; добросовѣстность нѣмецкаго ума не позволяла ему, при мысли о Петрѣ, серьезно отрицать въ русскомъ народѣ большія дарованія. Баронъ Корфъ и вообще русское правительство уважили совѣтъ нѣмца Генкеля. Положено было отправить за границу двухъ присланныхъ въ академію наукъ московскихъ семинаристовъ, Виноградова и Ломоносова, присоединивъ къ нимъ сына одного русскаго нѣмца, горнаго совѣтника Райзера. Они должны были прослушать курсы въ Марбургѣ и Фрейбергѣ, а потомъ отправиться въ путешествіе по Голландіи, Франціи и Англіи. Въ мартѣ 1736 г. уже состоялся указъ объ отправленіи Ломоносова и его товарищей, но за неполученіемъ денегъ они могли выѣхать изъ Россіи только уже въ сентябрѣ. Ломоносовъ возвратился въ Петербургъ уже по паденіи Бирона. Такимъ образомъ, недостаточное развитіе образованности и учености въ самой Германіи, ея страхъ и боязнь русской дикости, представляемой для нея страшными бородами, грозными противниками грознаго царя, страхъ ея, смѣшанный съ завистью и уваженіемъ къ русской силѣ и политическому могуществу, были главнѣйшими обстоятельствами, помѣшавшими и русскимъ нѣмцамъ, и ихъ пособникамъ въ Петербургѣ, всегда послушнымъ голосу изъ Германіи, погубить Ломоносова, въ которомъ созрѣвала тогда до толѣ невиданная, совершенно новая сила русской народности. Одна очень почтенная, умная и образованная особа изъ русскихъ нѣмцевъ—говорила какъ-то въ 1843 г. Фарнгагену-фонъ-Энзе, что русскому народу недостаетъ идеаловъ, подразумевая, что обязанность нѣмцевъ вдохнуть высшую идею въ эту грубую массу. «In Russland sei das Wesentlichste, in die Nation Idealen einzuführen, sie zu Veredlung und Ausbildung des Idealen zu gewöhnen, diese Veredlung thue noth, und diese wünsche sie gefördert zu sehen.» Баронъ Корфъ принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ русскихъ нѣмцевъ. По всей вѣроятности, онъ точно также томился желаніемъ облагородить и оцивилизовать русскую народность и, конечно, всего менѣе

воображалъ, что самымъ лучшимъ для того средствомъ было сократить силу и вліаніе нѣмцевъ въ Россіи, у покровителя барона Корфа, Вирона и его слуги, А. И. Ушакова, отнять всякую возможность погубить одного только семинариста, родомъ изъ самаго низкаго, подлаго, грубаго и наиболѣе невѣжественнаго сословія въ Россіи. Разъ появившись на свѣтъ божій, эта новая, невиданная прежде сила въ Россіи до такой степени окрѣпла въ такіе нибудь 25 лѣтъ, что въ 1762 г. русскій императоръ Петръ III, ревностный поклонникъ Фридриха II и страстный любитель всего нѣмецкаго, отказывается отъ престола за нѣсколько дней до похода своего противъ Даніи, до принятія прямаго участія въ чисто нѣмецкомъ интересѣ, въ датско-голстинскомъ вопросѣ, который и теперь безуспѣшно занимаетъ уже въ высшей степени ученую и образованную, но попрежнему неединую Германію. На русскій престолъ вступаетъ природная нѣмка, Екатерина II—и вотъ Ломоносовъ, котораго такъ еще недавно легко могъ погубить нѣмецкій цивилизующій элементъ въ Россіи, уже говорить въ своей одѣ «На торжественный день восшествія на всероссійскій престолъ... Екатерины Вторыя».

*Услышите, судии земные
И всѣ державные главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученіемъ, милостью, трудомъ.
Вѣстите съ правдою щедроту,
Народу наблюдайте моту,
То Богъ благословитъ вашъ домъ.
О кою велико, какъ прославятъ
Монарха вѣрные рабы!
О кою опасно, какъ оставятъ
Отъ тѣсноты своей, въ скорби.
Внимайте нашему примѣру,
Любите ихъ, любите вѣру;
Она свѣрности узда,
Сердца народовъ сопрягаетъ
И вамъ ихъ вѣрно покоряетъ
Твердѣ всякаго щита.
А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольство вольности златилъ,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храни къ своимъ сосѣдамъ дружбу,
Позволила по вѣрѣ службу
Безпреткновенно приносить;
На толь склонились къ вамъ монархи
И согласились іерархи,
Чтобъ крѣпкій нашъ законъ вредить?
И ежели, чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предлагахъ должности своей,*

*Считать насъ вашими рабами
Въ противность истиннѣ вещей.
Искусство нынѣшне доводомъ,
Что было надъ российскимъ родомъ
Умышленно отъ вашихъ главъ
Къ поправнѣ нашего закона,
Къ российскаго паденью трона,
Къ рушенію народныхъ правъ.
Обширность нашихъ странъ измѣрите,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ
И чувствамъ собственнымъ повторите;
Не вамъ подвергнуть намъ предпраз.
Исчислите тѣмъ сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до царя
Въ судѣ, въ поляхъ, въ моряхъ и въ селѣхъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ
И у святаго олтаря.
О коимъ монархъ благополученъ,
Кто знаетъ россыми владѣть и проч..*

Что Ломоносова не менѣе И. И. Шувалова беспокоило нѣмецкое происхожденіе императрицы Елизаветыны II, для сего достаточно прослѣдить всю эту нить представленій и чувствъ, занимавшихъ его душу, когда онъ писалъ эти строфы. Появленіе этихъ строфъ въ печати въ 1762 г., притомъ въ торжественной одѣ на вступленіе на русскій престолъ бывшей принцессы ангальт-цербтской, можетъ служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того великаго нравственнаго завоеванія, которое совершено русскимъ обществомъ надъ русскимъ государствомъ въ теченіе какихъ нибудь 20 — 25 лѣтъ. За выраженія и мысли о нѣмцахъ въ Россіи, несравненно болѣе умѣренныя, чѣмъ въ этихъ стихахъ Ломоносова, во время его юности и молодости русское государство ссылало всѣхъ русскихъ въ Сибирь, въ рудники и крѣпости, вырѣзывало имъ языки, уши и ноздри. Съ первыхъ дней своего пріѣзда въ Россію возжелавшая въ ней царствовать, необыкновенно даровитая и развитая, безспорно самая великая личность изъ тѣхъ называемыхъ эманципированныхъ женщинъ, природная нѣмка, принцесса ангальт-цербтская, впоследствии императрица, Елизаветина II всю жизнь старается быть чистою русскою, и хотя никогда не могла научиться правильно говорить или писать по-русски, но всегда съ необыкновеннымъ рвеніемъ занималась русскимъ языкомъ, чрезвычайно много писала на немъ, на этомъ славянскомъ языкѣ, про который ея предки, князья германскіе, и современные, лучшіе ея соотечественники иначе не отзывались, какъ про Knescht-sprache. Происходитъ явленіе дотогѣ небывалое въ исторіи славянскаго міра: нѣмцы, повелѣвающіе народомъ славянскимъ, отрекаются отъ своего нѣмецкаго происхожденія и за честь себѣ ставятъ про-

изводить себя отъ славянъ, стараются глядѣть на Германію съ славянской точки зрѣнія. Положимъ, старанія эти рѣдко бывали удачны, но все таки въ извѣстномъ отношеніи нельзя ихъ не цѣнить: императрицѣ Екатеринѣ II трудно, даже невозможно было совершенно овладѣть русскою рѣчью. Что же касается до отсутствія въ нашихъ нѣмцахъ русскихъ, народныхъ воззрѣній, то въ нихъ оно тѣмъ болѣе извинительно, что само русское, образованное общество петербургскаго періода очень слабо проникнуто было ими. Императрица Екатерина II не любила писать по-нѣмецки, всегда гнѣвалась, когда слышала, что въ Россіи называютъ ее все таки нѣмкою. Она даже сказала однажды своему врачу, Роджерсону: *Saignez moi plus vite, afin qu'il ne reste aucune goutte de sang allemand dans mes veines*, а во время второй турецкой войны писала какъ-то въ князю Потемкину: «Англчане намъ въ семь дѣлъ не подмогутъ, захотятъ насъ вмѣшати въ свои *илуны и безтолковыя германскія дѣла*, гдѣ не вижу ни чести, ни барыша; а *пришло бы бороться за чужіе интересы*, нѣтъ же боремся, но крайній мѣръ, за свои *собственные*: тутъ кто имъ поможетъ, тотъ и товарищъ» (*). Внуки императрицы Екатерины II, при восшествіи своемъ на русскій престолъ, торжественно заявили всей Россіи, что они пойдутъ по стопамъ своей бабки и что, слѣдовательно, держатся ея взгляда на *илуны и безтолковыя дѣла германскія*, считая для себя совершенно чужими интересы нѣмецкіе. Такъ совершалось въ области государственной подчиненіе нѣмецкаго

(*) Въ Екатеринѣ II очень замѣчательно презрѣніе, съ которымъ она вообще относилась къ разнымъ нѣмецкимъ династіямъ. Вотъ, для примѣра, одна очень любопытная ея записка: «Par la lettre du C-te Razumovsky (посл. въ Неаполь) il est prouvé que la cour de Naples met un empressement importun presque à nous donner un des ses petits monstres. Je dis monstres, car tous ses enfans sont malins tombant du haut mal, contrefaits, laids, sots et mal élevés. Cette cour n'a pas attendu que le C-te Skavronsky reçût la réponse à la première ouverture qui nous a été faite par lui sur cette affaire et voilà qu'altérativement l'ambassadeur marquis Gallò a persuadé le C-te Razumovsky de me faire cette proposition comme un beau projet fort utile qu'il aurait enfanté lui même, or ce chef d'oeuvre est un tissu nuisible d'incohérence et d'intrigues. Leopold second a marié sa fille à un très cadet de Saxe sans conclure de traité comme quoi se très cadet fut fait indépendant avant que d'épouser sa fille. Le Roy de Sardaigne en a fait autant. Or, une très cadette de Naples pourrait très bien épouser un cadet de Russie sans aucune condition et celà d'autant plus qu'Elle ou ses parens en ont un si grand désir. J. M. ignorent aparamment que la Russie est aussi attachée à la religion orientale Grecque qu'eux à l'Occidentale latine. Ils ignorent encore que la religion grecque mais à la latine n'est point du tout un *mezzo termine* acceptable, que la religion grecque doit être sincèrement professée et sans réserve mentale, qu'une *héredité latine* ou grecquo-latine ne sera jamais admise de mon vivant, qu'aucun directeur *latin* ne sera dans ma famille, que le Pape perd ses intrigues chaque fois qu'il tente

элемента, превзошедшаго въ русскую жизнь, русскимъ общественнымъ и народнымъ интересамъ. Гораздо медленнѣе происходила въ Россіи ассимиляція стихій нѣмецкой въ другой высшей, чисто общественной области, въ образованности, въ промышленности, торговлѣ и наукѣ. Мы знаемъ, что высшее ученое учрежденіе въ Россіи доселѣ сохраняетъ свой исключительный нѣмецкій характеръ. Однако, и петербургская академія наукъ, отстаивая свой нѣмецкій *statu quo*, никогда не рѣшается публично заявить, что она всегда, на примѣръ, будетъ издавать свои бюллетени и мемуары на языкѣ нѣмецкомъ, и ни одинъ самый отчаянный нѣмецъ-академикъ не позволитъ себѣ говорить и даже вѣрить, что эта академія должна быть чѣмъ-то въ родѣ вѣнской, которая печатаетъ свои изданія на нѣмецкомъ языкѣ, потому что тотъ языкъ долженъ быть языкомъ науки и образованности для славянъ западныхъ. Какъ бы ни желалъ каждый изъ нашихъ нѣмцевъ не только продлить, но и увѣковѣчить современное значеніе и вліяніе нѣмецкой стихій въ Россіи, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть увѣренъ въ успѣхѣ своихъ желаній. Однимъ словомъ, нѣмецкая стихія въ Россіи уже утратила вѣру въ свое самостоятельное будущее; Германія уже не возлагаетъ на нее никакихъ надеждъ и все болѣе приходитъ къ тому убѣжденію, что не только на славянахъ русскихъ обрывается наконецъ тысячелѣтнее порабощеніе славянской стихій нѣмецкою, но отъ нихъ же пойдетъ и обратное воздѣйствіе славяносаго міра на германскій, что съ помощью Россіи и подъ ея вліяніемъ можетъ потерять Германія плоды вѣковыхъ трудовъ и въ полуоуничтоженныхъ западныхъ земляхъ славянскихъ.

ВЛАДИМИРЪ ЛАМАНСКІЙ.

d'introduire sa primauté sous quelque voile que ce soit en Russie, que c'est à coup de pierres qu'il en serait chassé présentement tout comme autrefois. А я не выкла дать на себя кабалу, еще менѣе дамъ я подобное въ семъ дѣлѣ. Обѣщаніе дать (сл.) К. (назю) К. (онстант.) независимое владѣніе выдуманно, дабы онъ обязанъ былъ двору вѣнскому и наполеоновскому, а не своей крови и отечеству. L. M. I. sont les maîtres de délibérer avec leur confesseur mais celui-ci ne saurait décider des intérêts de mon Etat, de ma famille ni du bonheur futur de mon petit fils. Ce à quoi je pourrais consentir ce serait que mon petit-fils ne se hâtât pas de se marier avant qu'il ne fut établi; d'autant plus qu'il n'a que 14 ans et qu'il n'est rien moins que formé. Et en attendant L. M. ici seraient libres de marier les princesses leurs filles selon leurs convenances.» У Екатерины II часто попадаются чрезвычайно меткія политическія замѣчанія, на примѣръ слѣд. о вѣнскомъ кабинетѣ: Notez que la cour de Vienne a toujours cherché à nous écarter de toutes les affaires de l'Europe excepté celles où pour la nécessité de ses propres affaires elle nous entraînait.

СЕМЕЙСТВО ТУРЕНИНЫХЪ.

I.

Ирина Ѳедоровна.

Извѣстно, что до 12-го года сен-жерменскимъ предмѣстьемъ Москвы была опустѣвшая нынѣ часть города, центромъ которой почитался бывший слободской дворецъ. Въ прошломъ столѣтіи въ нѣмецкой слободѣ и басманной воздвигали свои палаты и петербургскіе вельможи, пріѣзжавшіе въ Москву доживать свой вѣкъ на покоѣ, и всѣ крупные представители коренной московской знати. Но вельможи перевелись на Руси; московская знать пораззорилась, и померкшіе покои нашихъ дѣдовъ или опустѣли, или достались новымъ богачамъ, новымъ людямъ, недорожающимъ преданіями. Первостатейное купечество внесло условія своей мѣщанской жизни въ прежнія великолѣпныя жилища елисаветинскихъ и екатерининскихъ баръ. Грустно смотрѣть на совершившуюся перемѣну женщинамъ; трудно съ нею помириться имъ, потому что на женщинъ обаятельныѣ дѣйствуютъ преданія грѣшнаго XVIII вѣка, и потому еще, что въ поруганныхъ палатахъ болѣе всего пострадали уборныя нашихъ безупречныхъ бабушекъ. Здѣсь домовитая и раскормленная купчиха обыкновенно устраиваетъ свою гардеробную и кладовую и отмѣриваетъ ситецъ, и отвѣшиваетъ сахаръ, и хвастаетъ своимъ богатствомъ передъ приходской протопопицей... тамъ, гдѣ съ замирающимъ сердцемъ красавица въ пудрѣ и мушкахъ выслушивала признанія и клятвы...

Въ басманной, къ числу немногихъ домовъ, сохранившихъ родовые гербы на своихъ фронтонахъ, принадлежалъ большой

каменный домъ Ирины Федоровны Вратиславовой, урожденной Турениной. Онъ никогда не выходилъ изъ семейства Турениныхъ, не горѣлъ при французахъ и не подвергся передѣлкамъ и измѣненіямъ, которыми своенравная мода ежегодно сглаживаетъ послѣдніе остатки нашей старины. Получивши домъ въ приданое отъ родителей, Ирина Федоровна прожила въ немъ сорокъ шесть лѣтъ, не смотря на сѣтованья многочисленныхъ родственниковъ и знакомыхъ, которые не переставали жаловаться на неудобства, сопряженные для нихъ съ переѣздами черезъ всю Москву, по зимнимъ ухабамъ и неосвѣщеннымъ улицамъ.

— Чтобы рѣшиться на такое путешествіе, надо васъ любить, какъ мы васъ любимъ, *ma tante*, или *ma cousine*, говорили посѣтители Ирины Федоровны.

— И спасибо вамъ, друзья мои, отвѣчала старушка:—а меня вы не смущайте. Я здѣсь родилась, здѣсь и умру. Послѣ меня, Богъ знаетъ, въ какія руки достанется мое родимое гнѣздо.

Ее постоянно тревожила мысль объ участи, ожидавшей домъ, въ которомъ протекла ея жизнь.

Свое помѣщеніе Ирина Федоровна имѣла полное право называть гнѣздомъ. Она съ незапамятныхъ временъ занимала четыре небольшихъ комнаты на жилой половинѣ дома, а такъ называемые парадные покои были постоянно закрыты и ни подъ какимъ предлогомъ не отпирались съ тѣхъ поръ, какъ овдовѣла Ирина Федоровна, которая замужемъ была всего одинъ годъ. Такимъ образомъ, большая часть изъ ея родственниковъ, то-есть всѣ тѣ, которые принадлежали къ молодому поколѣнію и называли старушку *ma tante*, а не *ma cousine*, знали не домъ ея, а только тѣ комнаты, въ которыхъ она помѣщалась. Носились темные слухи о томъ, что пріемные покои закрыты вслѣдствіе романческаго происшествія, героиней котораго была 20-лѣтняя Ирина Федоровна; но объ этомъ происшествіи всякій разсказывалъ посвоему. Изъ числа немногихъ сверстниковъ Ирины Федоровны человѣкъ пять-шесть несомнѣнно знали ея тайну, но, изъ уваженія къ старушкѣ, никогда непоминавшей о своемъ прошедшемъ, упорно отмалчивались на всѣ вопросы молодежи. Такіе вопросы особенно часто предлагала Юлія Николаевна Туренина, молодая вдова, которая и сама по себѣ состояла въ дальнемъ родствѣ съ Ириной Федоровной, и по мужу доводилась ей внучатной племянницей. Разъ даже къ ней самой рѣшилась

обратиться Юлія Николаевна, съ просьбою позволить ей взглянуть на выпертыя комнаты.

— Не огорчай меня, Юленька, и не проси объ этомъ, сказала старушка:—я если можешь, успокой ты мою старость; общай мнѣ, что послѣ моей смерти ты купишь мой домъ. Я давно объ этомъ думаю: своего у тебя нѣтъ; ты богата, живешь постоянно въ Москвѣ и живешь отсюда близѣхонько—значить, не посмотришь на то, что домъ въ басманной; а ты сама знаешь; домъ—капитальный и нашъ родовой, туренинскій домъ. По крайней мѣрѣ, хоть бы не въ чужія руки достался. Артюшѣ — это ужь вѣрно,—его не видать какъ своихъ ушей. Послѣ мня все пойдетъ съ молотка за долги! Право, купи и со всею мебелью; только булевскіе часы, что стоятъ въ гостиной противъ двери, отдай отъ меня Артюшѣ. За нихъ дорого заплатилъ покойный батюшка: они привезены сюда изъ Версали во время революціи. Подумай ты объ этомъ, Юленька. Я тебя не тороплю: ты только общай мнѣ, что подумаешь, потолкуешь съ знающими людьми.

Юлія общала.

Старушка говорила о долгахъ своего семейства, нѣкогда многочисленнаго, а тогда состоявшаго изъ вдоваго брата, Ильи Ѳедоровича, и незамужней сестры, Марьи Ѳедоровны Турениныхъ. У Ильи Ѳедоровича былъ единственный сынъ, Артемій, давно уѣхавшій за-границу, гдѣ задолжалъ и оставался за нимѣніемъ денегъ, которыя на первыхъ порахъ высылались ему часто и въ изобиліи, а потомъ все рѣже и рѣже, по мѣрѣ того какъ оскудѣвали средства Турениныхъ, дошедшихъ понемногу до совершеннаго раззоренія. Русскимъ барамъ проматываться не учитьса стать; но Туренины прибѣгли къ одному изъ самыхъ сложныхъ способовъ раззоренія. Изъ пятерыхъ братьевъ, составлявшихъ семейство, одинъ Илья Ѳедоровичъ былъ женатъ; но всѣ жили вмѣстѣ и вмѣстѣ управляли, не дѣля его, имѣніемъ унаслѣдованнымъ ими отъ родителей; жили дружно, хлѣбосольно, весело, давали пиры и праздники... Но это еще нескоро бы разстроило ихъ огромное состояніе, еслибъ ихъ не занимала постоянная мысль удвоить, удесятерить его. Вѣкъ свой они провели въ расчетахъ и асѣрахъ. То выстраивали бумаго-прядильную фабрику, то заводили конный заводъ. За недостаткомъ денегъ дѣло не стояло: продавался за полцѣны недавно купленный и только что отдѣланный московскій домъ, закладывались деревни и на выру-

ценныя деньги выписывались станы для фабрики и кровные жеребцы для завода. Но, проработавъ годъ или два, фабрика закрывалась, а породистыя лошади распродавались съ аукціона, потому что Туренинымъ нужны были деньги для какой нибудь новой затѣи; для новой, еще болѣе выгодной спекуляціи. А между тѣмъ заложеныя деревни продавались съ молотка, и Артемій, жившій за границей долгами, напрасно ждалъ обѣщанной присылки денегъ... Такъ проходили годы. Илья Ѳедоровичъ похоронилъ всѣхъ братьевъ и съ оставшейся сестрою переѣхалъ на житье въ басманную, во флигель дома Ирины Ѳедоровны.

Ирина Ѳедоровна всячески помогала своимъ, удѣляя сколько могла изъ доходовъ съ имѣнія; доставляягося ей послѣ мужа въ пожизненное владѣніе. Своего у ней былъ одинъ только домъ, и тотъ былъ давно заложень въ частныя руки, а деньги отданы братьямъ. Не прощала себѣ старушка этихъ денегъ:

— Такъ, прахомъ пошли, говаривала она.—Прямо бы мнѣ послать ихъ Артюшѣ—былъ бы онъ здѣсь и закрылъ бы мнѣ глаза, когда я умру: А теперь, какъ его выручить?

И дѣйствительно, у Ирины Ѳедоровны оставалось почти въ обрѣзъ, что ей было нужно на скудный ея пропитокъ и на ежегодный взносъ процентовъ за домъ. Продать его при жизни она не рѣшалась, даже чтобы выручить любимого племянника, и постоянно придумывала средство распорядиться такъ; чтобы, по крайней мѣрѣ, послѣ ея смерти домъ былъ проданъ съ пользой для Артемія. Съ этой цѣлью она и обратилась къ Юліи.

Юлія рѣшилась купить домъ. Что именно ее къ тому побудило—трудно сказать; простой ли капризъ, который могла себѣ позволить богатая женщина, преданность ли къ Иринѣ Ѳедоровнѣ, которую она дѣйствительно любила, или, наконецъ, участіе къ судьбѣ тоскующаго по родинѣ молодаго человѣка, котораго, впрочемъ, въ глаза не видывала Юлія Николаевна? Вѣрно то, что старушка достигла своей цѣли отнюдь не тѣми доводами, на которые она рассчитывала. Мало подѣйствовали на Юлію ея рассказы о томъ, что домъ построенъ графомъ Растрелли для обер-шенка, Василія Андреевича Туренина, бывшаго въ большой силѣ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, что сама императрица нерѣдко заѣзжала къ своему любимцу, когда жила въ Москвѣ, или въ Измайловѣ, что графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій былъ задушевнымъ пріателемъ Василю Андреевичу и т. д.

Давши слово старой тётѣ, она очень умно взялась за дѣло, то-есть, ни во что сама не вмѣшиваясь, совершенно положила на своего управляющаго, знающаго и честнаго человѣка. Тотъ выкупилъ домъ изъ рукъ ростовщика и выправилъ закладную на имя своей довѣрительницы, такъ что Иринѣ Ѳедоровнѣ приходилось впредь платить очень умѣренные проценты. Этому же управляющему страушка назначила своимъ душеприкащикомъ по завѣщанію, которымъ все свое имущество отказывала Юліи, какъ родственницѣ; чтобъ не подвергнуться пересудамъ прямыхъ наследниковъ, она написала на ея имя письмо, въ которомъ подробно объясняла всю заключенную съ нею сдѣлку, и распоряжалась, какъ хотѣла, деньгами, очищавшимися отъ продажи дома. Юлія предложила внести ихъ впередъ, чтобы доставить ей утѣшеніе еще при жизни вызвать Артемья Туренина изъ-за-границы; но Ирина Ѳедоровна поняла, что дѣло принимаетъ оборотъ, котораго она избѣгала. Какъ ей ни желалось обнять Артемія, на благодареніе со стороны молодой своей родственницы она не спрашивалась и написала ей (Юлія была въ деревнѣ), что рѣшительно отказывается воспользоваться ея предложеніемъ. Настоять Юлія не успѣла, потому что, вслѣдъ за письмомъ старухи, пришла вѣсть объ ея смерти. Скончалась она тихо, какъ жила, заочно благословляя племянницу, которая, говорила она, даетъ ей умереть спокойно.

Сообщая эти подробности, повѣренный Юліи извѣщалъ ее, что къ осени она будетъ введена во владѣніе домомъ, и требовалъ приказаній насчетъ прислуги, оставшейся послѣ Ирины Ѳедоровны. Илья Ѳедоровичъ писалъ съ своей стороны, прося разрѣшенія прожить во флигелѣ до весны, а весной, прибавлялъ онъ, и онъ и сестра его, Марья Ѳедоровна, переселятся на житье въ подмосковную.

Прислугу Юлія велѣла оставить на прежнемъ положеніи, а Ильѣ Ѳедоровичу отвѣчала довольно холодно, что просить его не спѣшить отъѣздомъ; старики этимъ довольствовались и продолжали гостить во флигелѣ родоваго своего дома, въ который, въ послѣднихъ числахъ октября, хозяйкой вступила Юлія, пріѣхавшая въ Москву поздно вечеромъ, когда всѣ жители басманной уже спали глубокимъ сномъ.

II.

СТАРАЯ СЛУЖАНКА.

Юлію Николаевну звали въ свѣтѣ *édition diamant*—прозвище, удачно характеризовавшее ея крошечную особу, сіявшую бѣлизною и дѣтскою миловидностью. Эта маленькая женщина упростила за собою очень выгодное положеніе въ обществѣ. Она была богата и дотога безупречна, что тѣ самые люди, которые съ ожесточеніемъ нападаютъ на женщину за малѣйшее проявленіе чувства, нападали на Юлію Николаевну только за ея холодность. И точно, она, повидимому, никого не любила; по крайней мѣрѣ за ней не знали ни одной исключительной привязанности: задушевныхъ пріятельницъ у ней не было; съ мужчинами она тоже не водила дружбы и не кокетничала, напротивъ, постоянно надъ ними подтрунивала, начиная съ собственнаго мужа, человѣка пустаго и ограниченнаго, котораго она въ грошъ не ставила. По милости установившейся за ней репутаціи, ей многія шалости безнаказанно сходили съ рукъ: она пропадала изъ дому по цѣлымъ днямъ, уѣзжая съ утра верхомъ одна, безъ берейтора, и возвращаясь на разсвѣтѣ; держала пари, что сдѣлаетъ три тура вальса вокругъ залы дворянскаго собранія и—выиграла; не могла добиться отъ мужа позволенія бывать на маскарадахъ и не пропускала ни одного маскарада; доставляя себѣ удовольствіе интриговать собственнаго супруга въ присутствіи двухъ-трехъ знакомыхъ, посвященныхъ въ ея тайну.

Овдовѣвъ, Юлія Николаевна увидѣла себя окруженною толпой поклонниковъ, привлеченныхъ ея молодостью и богатствомъ; но никому изъ нихъ не удалось покорить своенравный умъ и холодное сердце молодой женщины, недорожившей ничѣмъ на свѣтѣ, кромѣ своей независимости.

Изъ деревни въ Москву Юлія вернулась изъ любопытства: ей хотѣлось видѣть свой домъ.

Въ старомъ домѣ все было приготовлено къ пріѣзду молодой хозяйки. Ее давно ожидали. Въ передней, на столѣ, она даже нашла нѣсколько визитныхъ карточекъ, и на одной изъ нихъ прочла имя Александра Михайловича Хрусова, близкаго родственника Турениныхъ, но ей знакомаго только по наслышкѣ. При карточкѣ была записка.

«Я не имѣю чести знать васъ, писалъ Хрусловъ, но предлагаю вамъ свои услуги въ дѣлѣ, которое теперь лежитъ на вашей отвѣтственности и, къ сожалѣнію, легко можетъ разстроиться. Я говорю о возвращеніи Артемья Туренина изъ-за-границы. Его отецъ раззоренъ и воспользуется деньгами, которыя назначены сыну. Выпросить ли онъ ихъ у сына, или отъ васъ получить—все равно; не будетъ выполнена послѣдняя воля Ирины Ѳеодоровны, и Артемій не увидитъ Россіи. Это нужно предупредить, и мнѣ бы хотѣлось переговорить съ вами, прежде чѣмъ вы вступите въ дѣловыя сношенія съ стариками—Турениными. На первый разъ, отъ этихъ сношеній вамъ, какъ женщинѣ, легко уклониться, ссылаясь на незнаніе дѣла и на необходимость посоветоваться съ вашими повѣренными. Во всякомъ случаѣ прошу васъ располагать мною.»

— «Какое странное письмо!» подумала Юлія. «Впрочемъ, какое мнѣ дѣло до старика Туренина? Я взялась переслать деньги его сыну и перешлю ихъ—вотъ и все».

Она бросила записку на столъ и перестала объ ней думать. Наконецъ-то она одна въ комнатахъ Ирины Ѳеодоровны: у ней подъ рукою связка ключей, принадлежавшихъ старушкѣ... Въ первую минуту ей стало какъ будто совѣстно посягать на чужую, такъ долго хранимую тайну; но любопытство взяло свое. Юлія открыла ящикъ рабочаго стола, который стоялъ неизмѣнно возлѣ креселъ покойницы. Ящикъ былъ наполненъ всякой всячиной; въ немъ нашла овальная табакерка изъ слоновой кости, съ рѣзнымъ портретомъ Екатерины II; въ этой табакеркѣ, которую постоянно употребляла Ирина Ѳеодоровна, еще оставался табакъ, успѣвшій выпцвѣсти; очки были наполовину вынуты изъ футляра; между страницъ «Псалтиря» пестрѣли закладки изъ разноцвѣтныхъ лентъ... Всѣ эти предметы живо напоминали о той жизни, которой они были необходимой принадлежностью. Въ семейныхъ портретахъ, рисованныхъ миниатюрой на кости и вставленныхъ въ медальоны, не было недостатка; но между ними не нашлось ни одного, который бы могъ играть роль въ неразгаданномъ еще романѣ: все—или безсмысленныя, или важныя лица, въ зеленыхъ и красныхъ мундирахъ.

«Не то!» думала Юлія, возвращая портреты на прежнее мѣсто.

Безуслѣнно перерыла она еще нѣсколько ящиковъ и шкапутокъ; послѣднія ея надежды сосредоточились на старинномъ бю-

ро цѣльнаго краснаго дерева съ мѣдною насѣчкой... На одной изъ его полокъ лежалъ альбомъ въ красномъ сафьянномъ переплетѣ. Листы оказались совершенно бѣлыми, нетронутыми; только на первой страницѣ, подъ именемъ Ирины Ѳедоровны, были три строки, писанныя мужскимъ почеркомъ; чернила такъ поблѣднѣли отъ времени, что Юлія съ трудомъ могла разобрать:

«Donné à mon amie le 15 Novembre 1794.

«Trois syllabes forment son nom, et les trois Grâces sa figure».

«Gabriel».

Извѣстно, что джентльменъ того времени или вовсе не писалъ, или писалъ пофранцузки.

— *«Gabriel?»*... повторила Юлія, которая знала навѣрное, что дядю ея звали Никитой.

Женская рука приписала въ концѣ страницы:

«Le 24 Décembre, 10 h. 1/2 du matin».

«Au revoir!»

Другихъ слѣдовъ романа не доискалась Юлія, а эти спискомъ мало поясняли тѣ сбивчивые рассказы, которые ей довелось слышать: кто говорилъ, что Ирина Ѳедоровна вышла замужъ за Вратиславова, любя другаго; кто увѣрялъ, что она съ молодости чувствовала призваніе къ монастырской жизни, но что этому призванію противился ея отецъ, кончившій тѣмъ, что насильно выдалъ ее замужъ; упоминали даже о томъ, что какое то видѣніе навело двадцатилѣтнюю красавицу на мысль идти въ монастырь... Но что же значали запертыя комнаты, и какой смыслъ будутъ имѣть онѣ для Юліи? Она рѣшила, что не вступитъ въ нихъ, пока не добьется толку отъ Дуняши, старой горничной Ирины Ѳедоровны, и легла спать, обдумывая, какъ приступить къ вопросу, на который о сѣ пору постоянно отмалчивалась вѣрная служанка.

На другой день Юлія проснулась рано и позвонила. Явилась Дуняша, поставила на столъ чайный приборъ и спросила тѣмъ почтительнымъ и вмѣстѣ фамильярнымъ тономъ, которымъ привыкли говорить старея слуги:

— Какъ изволили почивать на новосельѣ, матушка барыня?

Юлія замѣтила слезы на ея глазахъ.

— Спасибо, Дуняша, сказала она:—только зачѣмъ же ты меня встрѣчаешь слезами? Это нехорошо!

— Что дѣлать, матушка? Съ собой не совладаешь, отвѣчала Дуняша, совсѣмъ расплакавшись.—А вы ужъ на мнѣ не взыщете, бога-ради.

— Ну, полно, Дуняша. Ты знаешь, покойница тетушка о тебѣ не забыла, и ты обезпечена на всю жизнь. Вѣдь у тебя и отпускная есть, не правда ли?

— Есть-то—есть; да что мнѣ въ ней? сказала Дуняша.—Вы ужъ не оставьте меня... Коли милость ваша будетъ, позвольте мнѣ остаться здѣсь... хоть на время.

Судьба Дуняши была дѣйствительно обезпечена Ириной Ѳедоровной, но старая горничная принадлежала къ тому вымирающему у насъ поколѣнію слугъ, которыхъ вся жизнь—подвигъ самоотверженія и преданности. Дуняша привыкла жить не для себя, а для своей барыни и, похоронивъ ее, спрашивала себя: «Кому я теперь нужна? Изъ чего буду хлѣбъ ѣсть?» Покойница оставила ей небольшую сумму денегъ и весь свой гардеробъ. Но къ чему все это Дуняшѣ? Она вѣкъ свой проходила бы въ узенькомъ черномъ платьѣ, въ которомъ всѣ жители басманной давнымъ-давно привыкли видѣть ея длинную, худощавую фигуру. Есть у нея и чепецъ, который она надѣваетъ только по воскресеньямъ, отправляясь къ обѣднѣ (въ будни Дуняша просто подбирала подъ роговую гребенку жиденькую косичку съдыхъ волосъ), а всѣ остальные сокровища она бы съ радостью отдала за право дожить свой вѣкъ въ той свѣтлѣй туренинскаго дома, въ которой даромъ погибла ея молодость и увала замѣчательная нѣкогда красота. Въ понятіяхъ доброй служанки цѣлыя 30 лѣтъ, которыя она прожила въ этой свѣтлѣй, не давали ей права въ ней умереть. О такомъ недосыгаемомъ счастьѣ она и не мечтала и рѣшилась просить только о томъ, чтобъ ей позволено было остаться... на время.

— Оченьрада, сказала Юлія.—Да куда же ты собираешься послѣ? Въ подмосковную, съ Ильей Ѳедоровичемъ и Марьей Ѳедоровной, что ли?

Дуняша молчала и, опустивъ голову, перебирала концы своего платка.

— Что жъ ты не отвѣчаешь, Дуняша?

— Что же мнѣ отвѣчать вамъ, матушка? Вѣдь вы сами изволите знать, теперь наши господа не у себя живутъ; примѣрно, у васъ въ гостяхъ. А что они располагаютъ весной въ подмосковную переѣхать, такъ это они только сами себя тѣшатъ.

Еще Богъ знаетъ, останется ли за ними подмосковная: ее теперь описываютъ. Конечно, наши господа добры, а ужъ, Христосъ съ ними, какіе беззаботные! Вѣдь мало ли передавала имъ покойница? Все не въ прокъ. Бывало, начнетъ говорить со мною моя голубушка, только руками всплеснетъ, да поплачетъ объ Артемѣ Ильичѣ. Вѣдь, чтò прожито—и сказать нельзя! Вотъ въ третьемъ году степную вотчину, Васильевское, *сукціона* продали. А село-то какое было! Я оттуда и взята, матушка. Ужъ поплакали мы вмѣстѣ съ барыней. И конный заводъ былъ, и лѣсу-то чтò!... и хлѣба становилось видимо невидимо! Все пропало, все спустили! Теперь и до Разказова дѣло дошло. Это, чай изволите знать, подмосковная-то Разказовымъ прозывается. Такъ коли теперь за нее не внесутъ шести тысячъ серебромъ, то и послѣдняго пристанища лишатся.

— На какія же деньги они рассчитываютъ? спросила Юлія, вспомнивъ о письмѣ Хрулова.

— Извѣстно, на вашу милость, отвѣчала Дуняша.—Какъ вы имъ изволили отписать, что моя покойница оставила деньги Артемью Ильичу, такъ Илья Ѳеодорычъ и общались своему управляющему, что вотъ, молъ, изъ артюшиныхъ денегъ мы прежде всего за подмосковную внесемъ.

— Какъ, за подмосковную! воскликнула Юлія:—да эти деньги принадлежатъ не Ильѣ Ѳеодорычу, а если изъ нихъ взять шесть тысячъ рублей, то нечего будетъ послать его сыну.

— Такъ-то такъ, матушка барыня!... Ужъ какъ жаль Артемья Ильича! Да чтò жъ ему, сердечномъ, прикажете дѣлать? Извѣстно, когда ему папенка отпишутъ, что у насъ, молъ, послѣднюю деревню *сукціона* продаютъ, онъ отъ денегъ откажется.

— Да что же, Илья Ѳеодорычъ развѣ не любитъ своего сына?

— И, матушка, какъ не любить! Очень любить. Да вѣдь наши господа, Богъ ихъ знаетъ, точно малолѣтніе какіе: все себя тѣшатъ, все надѣются, что не нынче—завтра разбогачьются; а ужъ гдѣ разбогачьтъ...

— Чтò за человекъ Александръ Михайлычъ Хруловъ? перебила вдругъ Юлія.

Дуняша разразилась похвалами.

Юлія задумалась. На нее непріятно подѣйствовало то, чтò она слышала о Турениныхъ. Ей и прежде было извѣстно, что состояніе ихъ разстроено; но теперь она сообразила, что судьба стариковъ, живущихъ подъ ея кровлею, остается, до извѣ-

стной степени, на ея отвѣтственности, а Юлія не чувствовала къ нимъ особеннаго расположенія, даже мало ихъ знала; изъ всего семейства она постоянныя сношенія поддерживала съ одной Ириной Ѳедоровной. Какъ же ей теперь избавиться отъ непрощенной опеки надъ стариками Турениными, не жертвуя, однако, въ ихъ пользу деньгами, завѣщанными Артемію? Юлія рѣшилась дѣйствовать не иначе, какъ съ совѣта Хрустова.

— Дуняша, сказала она, поднимаясь съ постели:—если тебѣ нечего дѣлать при Марѣ Ѳедоровнѣ, оставайся здѣсь. Я буду очень рада, если ты согласишься быть у меня экономкой.

Трудно описать восторгъ и выразить благодарность старой служанки. Лице ея просіяло; благословенія посыпались на Юлію.

— Ужъ еслибъ вы знали, матушка, какое вы мнѣ благодѣаніе оказываете, твердила она, объясняя, какъ ей необходимъ; какъ дорогъ ей тотъ уголъ, въ которомъ она состарѣлась...

А Юлія между тѣмъ, припавшись за чай съ сухарями и добытыми по знакомству густыми сливками, старалась еще задобрить Дуняшу и вмѣстѣ съ тѣмъ дать другой оборотъ разговору.

— Сколько времени ты ходила за покойницей? спросила она.

— Безъ малаго тридцать лѣтъ, матушка! я къ нимъ по двѣнадцатому году поступила.

— И, должно быть, съ молодую красавицей была, замѣтила Юлія.

— И, ужъ красавицей! Такъ себѣ, недурна-съ, отвѣчала Дуняша.

— Что же ты замужъ не вышла? Вѣрно, у тебя женихи были?

— Женихи то были-съ, и купеческаго сына сватали, и мнѣ былъ непротивенъ; ну, приданое потребовали, лисью шубу да двѣсти рублей денегъ; такъ дѣло и разошлось.

— Развѣ Ирина Ѳедоровна объ этомъ не знала?

— Послѣ узнали-съ, отъ Авдотьи Михайловны.

— Почему же ей Авдотья Михайловна раньше не сказала?

— А она въ тѣ поры въ Ростовъ ходила, Богу молиться. Ужъ послѣ, когда тѣтенька узнали, такъ какъ меня бранили, царство имъ небесное! И шубу пожаловали, и двѣсти рублей, да ужъ не воротить: его тѣмъ временемъ просватали и свадьбу сыграли.—Видно, Богу такъ угодно, заключила Дуняша.

— Послушай, Дуняша, сказала Юлія:—при жизни покойницы, я знаю, ты не любила говорить о запертыхъ комнатахъ; но теперь тебѣ нѣтъ причины молчать. Расскажи мнѣ, что ты знаешь.

Старая служанка помалась и отвѣчала не друга.

— Это было еще до меня, матушка. Я ходила за подфинницей всего тридцать лѣтъ, а это еще до меня было-съ.

— Да что же такое было? настойчиво спрашивала Юлія.

— Я только по наслышкѣ знаю, отвѣчала Дуняша, которая очевидно не рѣшалась выдать тайну своей госпожи. А вотъ-съ вы бы когда изволили Авдотью Михайловну спросить: ей коротко извѣстно... она сама видѣла... Жаль! кабы напередъ знать, я бы ее не отпустила: она все утро у меня сидѣла; теперь, небось, ушла.

— Кто? Авдотья Михайловна? Да что же она со мной не по-видалась?

— Она—совѣтливая такая; боится, чтобъ вы чего не подумали. Да вонъ она никакъ по двору плетется.

— Нельзя ли ее сейчасъ воротить? спросила Юлія.

— Фени! сказали Дуняша стоявшей у дверей дѣвочки:—бѣги скорѣе, скажи Авдотѣ Михайловнѣ, что барыня, малъ, вась сами увидали и просятъ къ себѣ. Слышишь? Бѣги!

Но дѣвочка, не дослушавъ послѣдняго слова, стремглавъ спустилась съ лѣстницы и черезъ нѣсколько минутъ вернулась вслѣдъ за званой гостьей.

III.

Авдотья Михайловна.

Авдотья Михайловна, *бѣдная вдова изъ дворянъ*, нисколько не напоминала веѣмъ извѣстный, веѣмъ презираемый типъ привалокъ. Её, напротивъ, нельзя было не уважать: такъ умѣла она сохранить свое личное достоинство въ томъ ложномъ положеніи, въ которое ее поставили обстоятельства. На милости Ирины Федоровны, своей благодѣтельницы, она никогда не напрашивалась, любила ее и съ незапамятныхъ временъ пользовалась ея довѣренностью.

Черты ея лица были строги и благородны; она постоянно носила черное платье и бѣлый коленкоровый чепецъ.

— Что жъ это вы отъ меня бѣжали, Авдотья Михайловна? сказала Юлія.—Развѣ мы съ вами не старыя знакомыя?

Авдотья Михайловна ласково отвѣчала на ея поцалуй, но серьезное выраженіе ея физіономіи не измѣнялось. Она сказала:

— Вы молоды, моя красавица! на что въ вамъ старуха старалъ?

— Прошу васъ такихъ словъ не повторять, возразила Юлія:— я знаю, какъ Ирина Ѳедоровна васъ любила.

— Правда, любила, родная моя, сказала Авдотья Михайловна—и дай ей Богъ вѣчную память! Бывало скажетъ: какъ мнѣ тебя не любить? Мнѣ тебя архангелъ Гавріилъ послалъ?...

Слезы навернулись у ней на глаза.

— Гавріилъ? повторила Юлія.

— Да, матушка, подтвердила Авдотья Михайловна, которая очень охотно пускалась въ рассказы о своей благодѣтельницаѣ.

— Изволите видѣть: она еще въ тѣ поры замужъ не выходила, а случилось это въ самый день архангела Гавріила. Ъдетъ она, покойница, отъ обѣдни; а я въ то время Ѳдствовала съ матерью; мать меня и послала кружева продавать; я только что шесть недѣль вылежала въ горячкѣ, еще плохо оправилась; устала, ноги-то у меня подкосились, и сѣла я на тумбу, да и плачу. Тутъ-то тѣтенька проѣхала мимо, увидала меня, остановила карету, подозвала, съ собой меня посадила и привезла къ себѣ домой. Да съ тѣхъ поръ и не оставляла. Такъ, бывало, и скажетъ, что, молъ, архангелъ Гавріилъ мнѣ тебя подарилъ; какъ же мнѣ тебя оставить?

— Вы знаете, Авдотья Михайловна, что я по ея желанію купила этотъ домъ? спросила Юлія.

— Знаю, матушка! покойница не разъ со мной объ этомъ говаривала. Она васъ за умницу почитала: у ней, говорить, въ прокъ пойдетъ.

— Надѣюсь. Только вотъ что, Авдотья Михайловна... Объ этомъ домѣ ходятъ такіе слухи... Въ запертыхъ комнатахъ, говорить, что-то такое случилось съ тѣтушкой...

— Случится-то, точно—случилось; и не дай Богъ вспомнить! А вы, моя красавица, прикажите молебень отслужить на новосельѣ: авось, вамъ Господь-Богъ и счастья пошлетъ.

— Да что же такое случилось? скажите мнѣ, Авдотья Михайловна.

— Объ этомъ ваша тѣтенька покойница никогда не говаривала и намъ всѣмъ заказывала не говорить, пока она жива. Ну, теперь ее Господь прибралъ, значить, съ насъ клятва снята; по пустому болтать не слѣдуетъ, а вы—близкій человекъ покойницаѣ; вамъ для чего жъ не рассказать?

Юлія приготовилась слушать.

— Авдотья Михайловнѣ объ этомъ коротко извѣстно, замѣтила Дуняша.

— Какъ не извѣстно! сказала Авдотья Михайловна.—Вѣдь вы, можете, изволили слышать, тѣтенька была помолвлена съ графомъ Турбскимъ. Это еще, знать, годовъ пятнадцать или съ залишкомъ до французовъ было.

— Графа звали Гаврилой? спросила Юлія.

— Гаврила Алексѣичъ, докончила старушка:—такъ точно, матушка. Ужъ то-то парочка была! Какъ, бывало, ходятъ они по залѣ, съ тѣтенькой рука въ руку, такъ бы все, кажется, на нихъ и глядѣлъ. Красавецъ былъ: высокій такой, тоненькій... Я тогда къ тѣтенькѣ уже часто хаживала, и она меня на помолвкупозвала. «Хочу», говоритъ, «чтобъ Дуня была на помолвкѣ». Вся Москва съѣхалась. На тѣтенькѣ брилліантовъ было тысячъ на двадцать; у самой щеки разгорѣлись, да напудренная—такъ отъ нея и сіяло... Приданое сдѣлали богатѣйшее, и до свадьбы всего недѣли двѣ оставалось. Ужъ такъ всѣ счастливы, что, кажется, и сказать нельзя. Вотъ, сударыня моя, въ самый сочельникъ иду я отъ обѣдни, смотрю: бѣжить ко мнѣ сѣнная дѣвушка, Афімья. «Авдотья Михайловна!» говоритъ, «слышали вы о нашей бѣдѣ? Вѣдь графа убили!» Я такъ и обмерла: какъ убили? Это онъ, значить, наканунѣ повздорилъ съ какимъ-то сорванцемъ; на другой день и дрались на шпагахъ. Я опрометью бѣжать къ тѣтенькѣ. Чего! она и отца роднаго не узнаетъ: то къ дверямъ бросится, то на постель такъ и повалится. А на похоронахъ чтò было! изъ церкви заперство ее вынесли. Ужъ она убивалась, убивалась, моя голубушка! Въ монастырь собралась идти; ну, дѣдушка вашъ и слышать не хотѣлъ. Прошелъ годъ, другой. Разъ я прихожу къ ней: она сидитъ блѣдная, худая такая, словно убитая... «Поздравь меня», говоритъ, «Дуня: я помолвлена.» О женихѣ ни слова не сказала. Свадьбу назначили въ самый покровъ Богородицы. Старый баринъ ужъ какъ доволенъ: гостей назвалъ, ужинъ заказалъ на шестьдесятъ персонъ. Я пришла: тѣтеньку ужъ къ вѣнцу одѣвали. Краше въ гробъ кладутъ: сидитъ передъ зеркаломъ, молчитъ и хоть бы слезинку проронила; а какъ ее одѣли, и ей ужъ идти въ гостиную, она меня увидала, кивнула мнѣ головой, и слезы выступили у ней на глазахъ. Посадили ее, какъ водится, къ столу, передъ хлѣбомъ и солью; по правую сторону сидитъ посаженная мать, по лѣвую—посаженный отецъ... Вдругъ, какъ барышня моя вскри-

нотъ; закрыла лице руками, да такъ и покатила въ обшорокъ. Къ ней бросились: «что такое? что такое?»—«Я, говорить, его видѣла... видѣла... сейчасъ къ столу подходила!» Не—оттирать и тѣмъ, и сѣмъ, и водой, и каплями отпавать, куда тебѣ! на ногахъ не стойтъ. То-то была суматоха! Старый баринъ самъ ее на руки взялъ и посадилъ въ карету; такъ и повезли къ вѣнцу; около наложки шафера водили. На другой день она приказала запереть комнаты, а къ вечеру у ней открылась горячка.

— А кромѣ ея никто графа не видалъ? спросила Юлія, ни слова непроронившая изъ разсказа старушки.

— Никто, матушка, отвѣчала та.

— Захаръ Архипычъ видѣлъ, таинственно замѣтила Дуныша: — онъ тогда только что въ офиціанты поступилъ. «Словно, говоритъ, графъ-то живой, весь въ орденахъ стоитъ передъ барышней и пальцемъ на нее грозитъ.»

— Я, Дуныша, Захара Архипыча обижать не хочу, сказала Авдотья Михайловна: — а только Богъ знаетъ, видѣлъ ли онъ, или нѣтъ.

— И, что вы, Авдотья Михайловна! Захаръ Архипычъ не солжетъ. Какъ богъ-святъ, видѣлъ, подтвердила горничная. «Какъ это, говоритъ, графъ мимо меня прошелъ, такъ у меня со страху-то подносъ изъ рукъ чуть не вывалился.»

— Что жъ было послѣ, Авдотья Михайловна, спросила Юлія.

— Ну, матушка моя, тѣтенька долго-таки проболѣла и оправилась. Иногда мнѣ скажетъ: «увидишь, Дуня, Богъ дастъ, а года не проживу.» Она-то жива осталась, а дяденька вотъ ровно черезъ годъ скончался. На двадцать второмъ году овдовѣла; ужъ это, да кто въ ней не сватался! и слышать не хотѣла опять замужъ идти. Бывало, когда родные станутъ уговаривать, такъ вся и вскипнеть: «Я, говорить, теперь—сама себѣ госпожа! никто меня не приневоляетъ.»

— Ну, а мужа своего... она любила?

Авдотья Михайловна привадумалась.

— Должно быть, любила, моя родная, отвѣчала она.—Извѣстно—мужъ. Покорная была жена. Бывало, дяденькѣ ни въ чемъ не перечить. Все, бывало, говорить: «да, хорошо, слушаю!» Такъ ужъ онѣ, покойникъ, при мнѣ разъ сказалъ: «Хоть бы ты мнѣ когда насмѣхъ отвѣчала: нѣтъ! Мнѣ бы, кажется, легче было». А онъ ее до безумствія любилъ.

— Входила когданибудь Ирина Ѳеодоровна въ запертыя комнаты?

— Акуратно разъ въ годъ, матушка, отвѣчала Дуняша.— Войдетъ, зарыдаетъ, да такъ и упадетъ предъ образомъ.

— Покажите мнѣ то мѣсто, гдѣ она его видѣла, сказала Юлія, поспѣшно вставая.

Обѣ старухи слѣдовали за ней по корридору, ведущему къ пріемнымъ комнатамъ. Противъ ожиданія Юліи, онѣ были въ совершенномъ порядкѣ: въ теченіе сорока шести лѣтъ ихъ ежемѣсячно чистили, на зиму вставляли двойныя рамы, а въ холода протапливали. Въ гостиной, паркетный полъ, испещренный черными звѣздами, лоснился, какъ будто его сейчасъ натерали; только выпѣлъ желтый штофъ, которымъ, къ помолвкѣ Ирины Ѳеодоровны, была обита мебель. Въ комнатѣ пахло сухимъ деревомъ.

— Вотъ, матушка, сказала Авдотья Михайловна, указывая на диванъ:—тутъ она сидѣла... какъ теперь на нее гляжу.

Юлія взглянула на булевскіе часы, стоявшіе противъ дверей: стрѣлка показывала половину одиннадцатаго.

— Какого числа скончался графъ? спросила молодая женщина.

— Въ самый сочельникъ, наканунѣ рождества, отвѣчала Авдотья Михайловна:—домой его привезли около обѣденъ; онъ былъ въ безпамятствѣ и прожилъ съ часъ времени, не больше.

«День и часъ, отмѣченные въ альбомѣ», подумала Юлія.

Сильно на нее подѣйствовали и простой разсказъ Авдотьи Михайловны, и видъ этихъ комнатъ, отъ которыхъ еще вѣло прошедшей драмой. Нерѣдко неодушевленные предметы бываютъ краснорѣчивѣе человѣка: мы холодно встрѣчаемся съ свидѣтелями трагическихъ событій, а иногда взглянемъ на остановленную часовую стрѣлку, на перо или на перчатку, забытыя на столѣ, и въ насъ перевернется вся душа!

— Юлія Николаевна, сказала Авдотья Михайловна:—тѣтенька заказывала мнѣ вамъ напомнить, что часы эти она молодому барину завѣчала; такъ вы, матушка, сами поберегите ихъ для него.—Боялась, покойница, чтобъ ихъ не продали, прибавила она съ разстановкой.

— Помню. А она очень любила Артемья Ильича?

— Любила... Авдотья Михайловна нагнулась къ Юліи и сказала таинственно:—На графа какъ сынъ родной похожъ онъ, моя красавица! Я, случалось, смотрю—сама себя не вѣрю. Те-

тенька покойница, какъ онъ заговорить, бывало, взглянетъ на меня, да и пожметъ плечами?

— Онъ похожъ на графа Турбскаго?

— То-есть, всё капельки подобралъ... Тѣмъ-то больше онъ и дорогъ былъ покойницѣ. Десять лѣтъ все ждала его, моя голубушка; объ одномъ только и заботилась, какъ бы его сюда выписать... Ну, теперь, знать, никто не выпишетъ. Не видать намъ Артемья Ильича!

— Я выпишу, вдругъ сказала Юлія.

Объ старушки такъ и ахнули.

— Ужь это вы развѣ для ея памяти доброе дѣло сдѣлаете, прибавила Авдотья Михайловна, украдкой утирая слезу.

— Выпишу! повторила Юлія.—Только васъ прошу объ этомъ никому ни слова не говорить.

Въ эту минуту явилась горничная съ докладомъ, что «дяденька и тѣтенька приказали поздравить съ прїѣздомъ и узнать о ея здоровьѣ».

Юлія велѣла сказать, что придетъ къ нимъ сама, и спросила одѣваться. Прощаясь съ Авдотьей Михайловной, она положила ей въ руку пачку ассигнацій; но бѣдная дворянка наотрѣвъ отказалась отъ денегъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, моя голубушка, говорила она:—я по милости вашей тѣтеньки осталась съ кускомъ хлѣба, и будетъ съ меня! Отъ нея я все принимала... это—дѣло другое: она со мной и радость и горе дѣлила.»

IV.

Илья Ѳедоровичъ.

Во флигелѣ съ нетерпѣніемъ ждали Юлію. Похоронивъ сестру, старики Туренины перестали видѣть ея ежедневныхъ посѣтителей и скучали въ одиночествѣ. Ихъ самихъ забыли съ тѣхъ поръ, какъ прекратились ихъ обѣды и вечера; изъ всего семейства одна Ирина Ѳедоровна принадлежала къ числу тѣхъ немногихъ личностей, которыя не забываются ни въ роскошѣ, ни въ нищетѣ.

Ильѣ Ѳедоровичу Туренину было далеко за 70. Наружность его бросалась въ глаза и напрашивалась на кисть художника. Высокаго роста, плотный, широкоплечій, съ правильными чер-

тами лица, серебристыми, великолѣпными волосами и бородою, распускавшеюся вѣромъ на груди, онъ смотрѣлъ и большимъ бариномъ, и главою семейства, и героемъ многихъ романовъ пятидесятихъ годовъ. Но бывшаго щеголя мы застаемъ уже въ широкомъ пальто на бѣлицемъ мѣху, которое онъ покидалъ только лѣтомъ, и въ бархатныхъ сапогахъ, обыкновенной обуви людей, страдающихъ подагрой. Онъ сидѣлъ въ вольтеровскихъ креслахъ, у окна; возлѣ него, въ углу, стояла камышевая трость, безъ пособія которой онъ не поднимался съ мѣста. Старикъ былъ занятъ: онъ что-то чертилъ на аспидной доскѣ, прилепившая чай изъ огромной фарфоровой чашки. Сестра его, Марья Федоровна, помѣщалась на диванѣ и, уже покончивъ съ чаемъ, принялась вязать шерстяной шарфъ на деревянныхъ спицахъ. Ея добродушное и отчасти туповатое лицо было нѣкогда красиво, но съ лѣтами осунулось, потемнѣло и сморщилось. Она безпрестанно поглядывала на дверь.

Утренній чай пили, по обыкновенію, въ комнатѣ Ильи Федоровича, скудно омѣблированной полудюжиной старомодныхъ креселъ, диваномъ, неподходявшимъ подѣ фасонъ креселъ, и двумя тремя разнокалиберными столами, изъ которыхъ одинъ—краснаго дерева и овальный—стоялъ, какъ водится, передъ диваномъ. Вообще, въ комнатѣ было довольно пусто; зато на большомъ письменномъ столѣ Ильи Федоровича не нашлось бы, кажется, мѣста для яблока: тутъ были нагромождены и глобусы, и химическіе снаряды, и математическіе инструменты, и разобранный телескопъ, и книги, и кипы бумагъ. Въ углу комнаты топилась печь; когда на минуту утихало трещанье дровъ, явственно слышался скрипъ грифеля по аспидной доскѣ, на которой писалъ Илья Федоровичъ.

— Ты бы сходила къ Юленькѣ, Ганя, сказала Марья Федоровна, прерывая молчаніе и обращаясь къ дѣвушкѣ лѣтъ двадцати—шести или семи, которая сидѣла возлѣ нея и разматывала шерсть.

— Какъ хотите, мамаша, отвѣчала Ганя (она была ея крестница и воспитывалась въ домѣ), а лучше потерпите: Юлія Николаевна одѣвается.

Старушка помолчала.

— *Ей*, сказала она вдругъ.

— Что тебѣ? спросилъ Илья Федоровичъ.

— Ты бы къ Юленькѣ-то сходилъ.

Илья Федоровичъ обернулся.

— Говорить тебѣ она одѣвается, сказалъ онъ.

Марья Федоровна опять замолчала.

— Ганя, начала она черезъ пять минутъ.

— Что, мамаша?

— Право, лучше, еслибы ты къ ней сходилъ.

Ганя положила на столъ мотокъ шерсти и встала. Илья Федоровичъ улыбнулся.

— Настояла-таки на своемъ, замѣтилъ онъ: — а я вотъ дѣломъ занимаюсь, такъ и гостью ожидаю терпѣливо. Поди сюда, Ганя.

Ганя подошла.

— Слушай, сказалъ Илья Федоровичъ. — Вотъ мы селитринный заводъ устраиваемъ. Для селитры нужны гурты; для гуртовъ нужны корма, а для кормовъ нуженъ дождикъ. Такъ ли? Ну-съ, сударыня моя, теперь желательно узнать, сколько у насъ въ Равсказовѣ выпадетъ дождя? Вотъ, запрошлымъ лѣтомъ, какъ мы тамъ жили, я наблюдалъ, да записывалъ. Хочешь, теперь я тебѣ скажу, сколько у насъ въ юнѣ мѣсяцѣ выпало... капель дождя? Ну, какъ ты думаешь?

— Капель? повторила Ганя: — не знаю.

— А я вотъ сейчасъ узнаю.

— Какъ! Узнаешь? Ахъ, неужто, *Elie*? Скажите! подхватила Марья Федоровна, оставя свое вязанье и подходя къ брату.

Ганя поняла, что Юлія Николаевна забыта; вернулась на свое мѣсто и опять принялась разматывать шерсть; между тѣмъ какъ Илья Федоровичъ съ наивнымъ фанфаронствомъ школьника закидывалъ сестру техническими выраженіями, очень немудрыми, но казавшимися верхомъ человѣческой учености старушекъ, которая подъ словомъ «кубическій футъ» представляла себѣ сложнѣйшую машину. Ученый сеансъ былъ прерванъ Ганей.

— Юлія Николаевна, объявила она громко.

Старики поднялись навстрѣчу своей молодой родственницѣ и съ патриархальнымъ радушіемъ заключили ее въ объятія.

— *Elie*, посмотри, какъ она похорошѣла! замѣтила Марья Федоровна.

— А когда жъ она хороша-то не была? возразилъ Илья Федоровичъ, поцаловавъ руку у Юліи. — Садись, моя красавица, прибавилъ онъ, придвигая ей кресло. — Впрочемъ, съ какого права я здѣсь хозяйничаю? вѣдь мы — твои гости.

— Вы — у себя, сказала Юлія: — вы — у себя (она оглянулась). —

Я здѣсь въ первый разъ. Ахъ, что это? да ваша комната похожа на средневѣковую лабораторію. *Est ce que vous faites de l'or?*

— Я и на старости лѣтъ заниматься люблю. Вѣкъ живи, вѣкъ учись! отвѣчалъ Илья Ѳедоровичъ, принимаясь ей показывать стеклянки и реторты.

— Вотъ истинное сокровище! сказала Юлія, избѣгая дотропуться до химическихъ снарядовъ и не удерживая насмѣшливой улыбки.

Гаяя слегка цокраснѣла и подняла глаза на Юлію: онѣ обмѣнялись взглядомъ, въ которомъ выразилось взаимное нерасположеніе...

— Ахъ! вотъ и Саша! Скажите, какъ кстати! воскликнула Марья Ѳедоровна.

Это восклицаніе относилось къ высокому мужинѣ зрѣлыхъ лѣтъ, вошедшему безъ доклада. Онъ держалъ въ рукахъ круглую, кѣкерскую шляпу и отрывисто кланялся направо и налево, приговаривая: «Здравствуйте-съ». На его длинной шеѣ былъ повязанъ узенькій галстукъ, сбившійся всторону; черты его лица были тонки, носъ слегка приподнятъ, выраженіе физіономіи замѣчательно умно. Марья Ѳедоровна представила его Юліи, назвавъ Александромъ Михайлычемъ Хрусловымъ, роднымъ племянникомъ покойной жены Ильи Ѳедоровича. Юлія протянула ему руку; онъ повторилъ: «здравствуйте-съ», усѣлся въ уголъ, взялъ съ письменнаго стола какой-то циркуль и принялся его вертѣть въ рукахъ, не обращая, повидимому, вниманія, на присутствіе незнакомаго лица.

— Вотъ Саша, мы и хозяйки своей дождались, сказалъ Илья Ѳедоровичъ, указывая на Юлію. — Поживемъ съ нею до весны, позаймемся съ ней дѣломъ—артюшинимъ дѣломъ позаймемся— а весной, богъ-дасть, въ гости къ себѣ, въ подмосковную, ее попросимъ.

— Въ подмосковную?... сказала Юлія, желавшая уклониться отъ дѣловаго разговора:— я къ вамъ туда верхомъ прѣйду. Говорять, у васъ домъ очень хорошъ.

— Хорошъ! подтвердилъ Илья Ѳедоровичъ, который любилъ поговорить о томъ, что напоминало прежній блескъ семейства.— Его строилъ мой дѣдъ, Василій Андреичъ, а мы съ братомъ, Андреемъ, заново отдѣлывали. Ну, теперь рѣдко тамъ бываемъ; тамъ кое-что и въ ветхость стало приходить; нужно бѣ было руки приложить... Да вотъ, Богъ поможетъ, изберемся деньгами,

такъ этимъ и позаймемся. А домъ—барскій! Туда, бывало, моя милая, по воскресеньямъ пол-Москвы съѣзжалось; человѣкъ по восьмидесяти за столъ саживалось. Теперь, конечно, будетъ не то... Придется жить потише.

— Ахъ, *Elie!* что это! А можетъ, къ намъ и будутъ ѣздить по прежнему, сказала Марья Ѳеодоровна.

— Какъ знать? Можетъ быть. Лишь бы Богъ помогъ—заживемъ, отвѣчалъ Илья Ѳеодоровичъ, одушевляясь.

Онъ всталъ и подошелъ къ Юліи.

— *Vous l'avez dit, je fais de l'or!* сказалъ онъ.—У меня, въ Разказовѣ—оранжереи и теплицы; онѣ, бывало, круглый годъ снабжали насъ цвѣтами и фруктами...

— Ахъ, повѣришь ли, Юленька? вотъ какіе были ананасы! вставила свое словцо Марья Ѳеодоровна, указывая руками объёмъ ананасовъ.

— Встарину любили роскошь, продолжалъ старикъ, не слушая сестры:—ну, вашъ вѣкъ не таковъ—практическій! Дѣлать нечего—съ волками жить, по-волчью выть! Мои теплицы и оранжереи обращаются въ складочныя сараи. Селитряный заводъ завожу, сударыня: все готово; только за дѣло приниматься. Теперь весь расчетъ—въ сорока тысячахъ ассигнаціями, и можно головой поручиться, что черезъ два года онѣ не только вернутся, да еще пятьдесятъ тысячъ серебромъ въ карманѣ будетъ. Вотъ химическіе-то опыты и пригодились!

Марья Ѳеодоровна слушала благоговѣнно, разиня ротъ и не спуская глазъ съ брата.

— Такъ-то, Саша, заключилъ Илья Ѳеодоровичъ, обращаясь вдругъ къ племяннику и хлопнувъ его по плечу: — нужда плещетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ! Въ нуждѣ, братъ, изъ ничего многое сдѣлаешь.

— Нѣтъ-съ, дядюшка, не сдѣлаешь! флегматически отвѣчалъ племянникъ.—Это одинъ Богъ сдѣлалъ-съ, а нашему брату капиталъ нуженъ.

— И капиталъ найдемъ. Занять можно.

— Залоговъ потребуютъ-съ.

— Залоговъ? А знаешь ли ты, спросилъ Илья Ѳеодоровичъ съ важностью и даже подбоченясь:—знаешь ли ты, что моему отцу по пятидесяти тысячъ безъ заемнаго письма давали?

— Теперь народъ-то умнѣе сталъ.

— Что жъ ты хочешь сказать?... Что мнѣ на честное слово

нельзя повѣрить, что ли? спросилъ старикъ, возвышая голосъ и выпрямляясь во весь ростъ.

Юлія съ испугомъ взглянула на Александра Михайловича; но выходка дяди, казалось, нисколько его не смутила.

— Да, нельзя-съ, отвѣчалъ онъ тѣмъ же тономъ:—честнаго слова никто не купитъ у вашего кредитора, если заводъ вашъ лопнетъ.

— Такъ знай же, что я презираю людей, которые залогомъ довѣряютъ болѣе, нежели чужой чести.

— Это—какъ вамъ угодно-съ, а презирать ихъ не за что. Стало быть, у нихъ деньги-то не шальные.

— Ахъ, Саша! Чтò это! какой ты, право! *Vraiment, comme vous êtes!* замѣтила Марья Ѳедоровна.

Ганя, повидимому привыкшая къ такимъ спорамъ между дядей и племянникомъ, смѣялась, не стѣсняясь. Старикъ былъ взбѣшенъ.

— Такъ поэтому и ты никому не повѣришь на честное слово? спросилъ онъ.

— Никому-съ.

— Я тебя поздравляю! сказалъ Илья Ѳедоровичъ, замѣняя свои театральныя позы добродушнымъ гнѣвомъ.—Хорошъ же ты послѣ этого!... То-то, братъ, больно ты разсчитливъ и уменъ! Все меня учишь: я передъ тобой—ребенокъ, ты—мой учитель! А на повѣрку выходитъ, что какъ я тебя слушаюсь, такъ и останусь въ дуракахъ. Не по твоей ли милости я въ прошломъ году сквозъ пальцы тридцать тысячъ пропустилъ?

— Какъ же это такъ случилось? спросилъ Александръ Михайловичъ.

— А вотъ какъ... (Илья Ѳедоровичъ обратился къ Юліи). Владимірскій купецъ лѣсъ покупалъ—просто задаромъ, искалъ товарища и обратился ко мнѣ. И всего-то на первыхъ порахъ требовалась тысяча цѣлковыхъ—только задатокъ внести. А кто отговорилъ? (Тутъ Илья Ѳедоровичъ грозно взглянулъ на племянника). Ты!—и не отпирайся: «и мошенникъ-то купецъ, и проведетъ-то онъ навѣрное»... А мошенникъ-то вчера ко мнѣ приходилъ: «за вами, говорить, тогда дѣло стало, а купецъ Семеновъ купилъ лѣсъ, да теперь тридцать тысячъ въ карманъ положилъ». И весь расчетъ мнѣ дѣлалъ. Такъ вотъ я чѣмъ тебѣ обязанъ!

— Ахъ, Боже мой! Каково! промолвила Марья Ѳедоровна.

— Не угодно ли, дядюшка, я свою ошибку поправлю? Завтра же вамъ другаго купца приведу.

— Спасибо! теперь не вернешь.

— Только была бы тысяча цѣлковыхъ: покажу, такъ съ рукою оторвуть-съ.

— Оторвуть-съ, оторвуть-съ!... укорительно повторилъ Илья Ѳедоровичъ, пріискивая возраженіе и не находя его. Я и говорить-то не хочу и... и *приказываю* тебѣ замолчать! повелительно докончилъ онъ.—Сказано, что заведу заводъ—и заведу! и къ тебѣ за урокомъ не пойду! Сегодня же напишу къ Петру Петровичу, заключилъ онъ, опускаясь въ вольтеровское кресло.

Александръ Михайловичъ зналъ, что къ незримому лицу Петра Петровича всегда обращались въ крайнихъ случаяхъ и кое когда получали отъ него сотую долю того, что просили; зналъ онъ также, что изъ этихъ сотыхъ долей составила уже порядочная сумма, о взысканіи которой поговаривалъ Петръ Петровичъ. Пострадавъ его именемъ, старикъ, очевидно, морочилъ и себя и другихъ.

Настала минута молчанія.

— Юленька, началъ Илья Ѳедоровичъ:—у насъ съ тобою дѣла завелись, моя красавица! Нужно переговорить объ артюшиныхъ деньгахъ. Но твое дѣло—женское, молодое, такъ я вчера рѣшилъ, если ты позволишь, поручить вотъ этому умнику (онъ указалъ на Александра Михайловича) побывать у тебя и въ твоёмъ присутствіи потолковать съ твоимъ повѣреннымъ.

Юлія поняла, что Хрусловъ успѣлъ ей облегчить объясненіе съ дядей.

— Очень хорошо, отвѣчала она.—Я сама еще ничего не знаю; но повидаюсь съ своимъ повѣреннымъ и потомъ попрошу Александра Михайлыча побывать у меня. А давно вы, дядюшка, получили извѣстіе о вашемъ сынѣ?

— Когда это мы получили послѣднее письмо? сказалъ Илья Ѳедоровичъ.—Ужъ давненько.

— Да еще, никакъ, лѣтомъ, выѣхалась Марья Ѳедоровна.

— Когда это, Ганя, мы письмо-то получили?

— Десятаго іюня, отвѣчала Ганя, не поднимая глазъ съ работы.

— Грѣхъ сказать, онъ насъ письмами не балуетъ, замѣтилъ Илья Ѳедоровичъ, которому хотѣлось хоть на сынѣ вымѣстить остатокъ досады.—Тоже, а чай, тамъ въ тридесатомъ царствѣ умничанья набирается!

— Ахъ! ужъ мы его ждемъ—не дождемся, со вздохомъ сказала Марья Федоровна.

— *C'est notre enfant prodigue*, продолжалъ старикъ.—Вѣдь ужъ десять лѣтъ какъ пропадаетъ, а намъ бы пора на его свадьбѣ поплясать. Да вотъ, Богъ дастъ, все устрою, такъ самъ поѣду за Артюшей.

— Ахъ, *Elie*, поѣзжай! сказала Марья Федоровна.

Она съ умиленіемъ улыбнулась. Всякая надежда на какую нибудь перемену въ настоящей ея жизни приводила ее въ воопиженіе. Въѣвъ свой, за исключеніемъ послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ, провела она ни о чемъ не заботясь, въ совершенномъ бездѣйствіи, въ кругу семейства и многочисленныхъ знакомыхъ, въ привычкахъ роскоши. Но съ тѣхъ поръ, какъ измѣнилось положеніе Турениныхъ, она не хотѣла мириться съ дѣйствительностью и упрямо удалялась ото всего, что о ней напоминало. Старики тѣшили другъ друга призраками и, какъ дѣти, хватаясь за мыльные пузыри.

— Юленька, сказала вдругъ Марья Федоровна:—ты никакъ. Артюши никогда не видала?

— Никогда.

— Никогда? повторила старушка и, задумавшись надъ этимъ отвѣтомъ, нагнулась къ Юліи и сказала ей на ухо:

— Выходи за него замужъ. Онъ—красавецъ и умница. Всѣ въ него влюбляются.

— Я нелюбчива, отвѣчала Юлія, вставая.—А теперь—прощайте, мнѣ надо похозяйничать.

Она требовала, чтобъ старики не беспокоились ее провожать, и эта обязанность была возложена на Хрулова.

Юлія остановилась въ небольшой боковой залѣ, украшенной портретами Фридриха Великаго и Ильи Федоровича въ его молодости. Король прусскій былъ изображенъ въ трехугольной шляпѣ, мантии и со скипетромъ въ рукѣ, а Илья Федоровичъ—въ зеленомъ мундирѣ съ красными отворотами, въ пукляхъ и съ напудренной косичкой.

— Александръ Михайлычъ, сказала Юлія:—можете вы побывать у меня хоть завтра вечеромъ?

— Когда прикажете-съ, отвѣчалъ онъ, откланиваясь.

— *Elie*, говорила между тѣмъ Марья Федоровна:—а что, вслабъ Артюша женился на Юленькѣ? Поговори-ка ей.

— Что жъ? Мы отъ этого не прочь, отвѣчалъ Илья Федоровичъ.

V.

Александръ Михайловичъ.

Юлія въ самомъ дѣлѣ принялась хозяйничать—и не на шутку: цѣлые два дня устраивала она на новый ладъ старый туренинскій домъ и любовалась имъ, какъ игрушкой.

Уютная келья, въ которой Ирина Ѳеодоровна такъ долго молилась за упокой души графа Турбскаго, обратилась въ щегольской кабинетъ; парадныя комнаты были открыты; принесли цвѣтовъ, и Юлія ихъ разставила въ гостиной около мебели, уже размѣщенной въ современномъ вкусѣ; къ вечеру зажглись лампы, и комнаты засіяли новой жизнью... Драма, которая въ нихъ разыгралась, канула въ вѣчность...

Юлія, хлопотавшая съ утра, еще одѣвалась, когда ей доложили, что Александръ Михайловичъ ждетъ ее въ гостиной.

— То-то славный баринъ, говорила Дуняша, помогая ей окончить туалетъ.—И нашихъ не оставляетъ, дай ему Богъ здоровья. Сколько разъ изъ бѣды ихъ выручалъ! Что—онъ, что—моя покойница: только на нихъ и тратились. Говорятъ, Александръ-то Михайлычъ даже самъ позапутался теперь.

Хруслевъ встрѣтилъ Юлію, какъ старую знакомую, безцеремонно расположился на диванѣ и попросилъ позволенія закурить папирску.

— Миѣ, Юлія Николаевна, нельзя было не впутаться въ ваши дѣла, началъ онъ:—вы здѣсь—какъ въ лѣсу, а я ужъ давно осмотрѣлся-съ.

— Вамъ не нужно извиняться, сказала Юлія:—напротивъ, я должна благодарить васъ... Ваши совѣты мнѣ необходимы. Я никакъ не думала встрѣтить затрудненій въ выполненіи завѣщанія Ирины Ѳеодоровны. Да и это, признаюсь—для меня новость: дядя и тѣтка остаются, кажется, на моихъ рукахъ, на моей отвѣтственности.

— Да-съ, и даже больше, чѣмъ вы думаете-съ и чѣмъ они сами думаютъ.

— То-есть, по крайней мѣрѣ, пока они здѣсь будутъ жить.

— Да они здѣсь и умрутъ-съ, если не спасти послѣдняго ихъ имѣнія, перебилъ Хруслевъ.

— Что же значать всё проекты Ильи Ѳеодорича?... Хоть я имъ и не совсѣмъ довѣряю... но все таки!...

— Дребедень-съ! Дѣло извѣстное—языкъ безъ костей.

— Однако, если продастся ихъ имѣнье, останется у нихъ чтонибудь?... деньги, что ли?

— Ничего ровно-съ.

Юлія была поражена.

— А Артемій Ильичъ? спросила она, помолчавъ. — Какъ же онъ на все это смотреть?

— А онъ объ этомъ и не знаетъ-съ. Вотъ ужъ одиннадцатый годъ, какъ онъ за-границею, и цѣлыхъ девять лѣтъ, какъ гроша не получалъ отъ отца. Ему пишутъ всякій вздоръ: что заводятся фабрики, что не нынче—завтра ему вышлются деньги... Онъ не такой человѣкъ, чтобъ жаловаться: все ждетъ и должна. Теперь его, бѣднаго, должники не выпускаютъ въ Россію.

— Почему жъ вы ему не отпишете, въ какомъ положеніи дѣла его семейства?

— Съ какой же это цѣлью-съ? Какая ему польза узнать, что его положеніе совершенно безвыходно? Ему и безъ того тяжело. Вернуться сюда ему все таки будетъ несчѣмъ, а изъ Неаполя онъ ужъ, навѣрное, дѣлъ не поправитъ-съ.

— Да... это—правда! сказала Юлія:—но объясните мнѣ загадку. Ирина Ѳеодоровна раззорилась на своихъ братьевъ; васъ—я знаю—они тоже обирали...

— Э! вздоръ какой-съ! Я—человѣкъ холостой, много ли мнѣ нужно?

— Все равно... Объясните мнѣ, почему и вы, и Ирина Ѳеодоровна, которая любила Артемья Ильича, вы раззорились на стариковъ, а его не выручили?

Александръ Михайловичъ пожалъ плечами.

— Это вы справедливо замѣтили-съ, сказалъ онъ.—И не они первые, не они послѣдніе вводятъ людей въ подобный грѣхъ.

— Какой эгоизмъ! замѣтила Юлія.

— Конечно... Да вѣдь всё—эгоисты-съ. А эти, гдѣ могли, тоже добро дѣлали.

— Да, когда оно имъ ничего не стоило.

— И за то спасибо. Сердце у нихъ мягкое.

— О, этого товара вездѣ много! Я его въ грошъ не ставлю... Терпѣть не могу этихъ стариковъ!

— Напрасно-съ! Они, кажется, васъ полюбили; а Марья Федоровна отъ васъ просто въ восторгѣ.

— Этого я вовсе не желаю... Она глупа, какъ пробка. *Laime trique Sain que Jocrisse!*.. Пожалуйста, не заступайтесь за нихъ! спѣшила прибавить Юлія, замѣтивъ, что Александръ Михайловичъ собирается ей возражать. Поговоримъ лучше о дѣлѣ. Когда вы писали ко мнѣ, вы, вѣроятно, имѣли что нибудь въ виду?

— Имѣть-то—имѣлъ-съ. Да не было еще у меня воѣхъ нужныхъ справокъ подъ рукой; послѣднія только сегодня получилъ. Дѣло плохо-съ.

— Какія справки? спросила Юлія.

— А вотъ, изволите видѣть: вопросъ—въ томъ, чтобы спасти стариковъ отъ голодной смерти и выписать Артемя изъ-за границы. Такъ ли-съ? Все это надобно сдѣлать изъ денегъ, оставленныхъ Ириной Федоровной; но этихъ денегъ немного.

— Двадцать двѣ тысячи ассигнаціями, сказала Юлія.

— Знаю-съ. Изъ нихъ старикамъ необходимо: во-первыхъ, внести три тысячи рублей серебромъ за подмосковную.

— Только три? Мнѣ говорили шесть.

— Да они и сами такъ думаютъ-съ. Они вообще о своихъ дѣлахъ понятія не имѣютъ. Ими вертеть, какъ хочетъ, ихъ управляющій—плутъ первоклассный. Чтобы спасти подмосковную отъ продажи съ молотка, достаточно трехъ тысячъ; это—вѣрно-съ! Но кромѣ того, на уплату кое какихъ долговъ нужно сейчасъ же положить тысячи двѣ. Вѣдь они кругомъ задолжали-съ; дѣло до того дошло, что имъ ни одинъ лавочникъ фунта говядины, золотника чая безъ денегъ не отпустить. Значитъ—на стариковъ пойдетъ пять тысячъ, а на долю Артемя останется съ небольшимъ тысяча; хотъ бы это спасти!

— Все это—такъ, сказала Юлія:—но я бы сперва желала знать, по какому праву Илья Федоричъ намѣренъ располагать деньгами своего сына?

— Ну-съ, объ этомъ толковать нечего. Это, должно быть—статья рѣшенная. Илья Федоричъ, по всей вѣроятности, уже имѣетъ на это согласіе сына. По крайней мѣрѣ, вотъ письмо, которое я сегодня получилъ отъ Артемя.

Хрусловъ вынулъ изъ кармана мелкописанный листъ почтовой бумаги, пробѣжалъ глазами первыя страницы и указалъ Юлію на слѣдующій параграфъ:

«Ты не ошибаешься: отецъ мнѣ пишетъ, что ему необходимо

взять на время деньги, которыя мнѣ завѣщены покойной тѣснѣй. Но странно, что ты спрашиваешь, какой я дамъ отвѣтъ? Тутъ одинъ только отвѣтъ и возможенъ. По твоему, мнѣ на эти деньги слѣдовало бы возвратиться въ Россію. Положимъ; но довазывать отцу я этого не стану и сегодня же пишу ему, что онъ воленъ располагать моими деньгами, какъ ему угодно. Что касается до другаго твоего вопроса, не окрою отъ тебя, что безъ пяти тысячъ рублей серебромъ мнѣ отсюда невозможно тронуться, да и этого мнѣ только что станетъ на проѣздъ и на уплату самыхъ спѣшныхъ долговъ.

Юлія возвратила письмо Хрулову и задумалась.

— Александръ Михайлыч! сказала она вдругъ.

— Что прикажете-съ?

— Знаете ли что? Я хочу выписать въ Россію Артемья Туренина.

— Вы-съ? Да съ какой же стати вы-то это сдѣлаете?

— Какъ вамъ сказать?.. Изъ уваженія къ памяти Ирины Федоровны, кою хотите, даже, пожалуй, въ удѣлъ старинамъ... Впрочемъ, изъ чего-бъ я это ни сдѣлала, а сдѣлаю непременно. О вчерашняго дня у меня вотъ тутъ (Юлія приложила палецъ ко лбу) вертится эта мысль, и я ее выполняю, не что бы ни стало.

Александръ Михайловичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на свою собесѣдницу и въ свою очередь задумался.

— Что же-съ! Дѣлайте, какъ вамъ угодно, сказалъ онъ: — мнѣ спать вамъ не буду; но и слишкомъ поддерживать ваше намѣреніе мнѣ не приходится.

— Почему такъ?

— А потому, что Артемій Туренинъ — человѣкъ, съ которымъ шутить нельзя. Онъ и у отца роднаго никогда грѣха не погрѣсидъ... Узнай онъ, что въ этомъ дѣлѣ я съ вами заодно... Какъ бы это сказать-съ?

Александръ Михайловичъ замолчалъ.

— Что-бъ онъ сдѣлалъ?

— Онъ бы мнѣ деньги-то въ лицо бросилъ за мое имѣнательство-съ.

— О, такъ и я въ опасности! Вотъ это я люблю... Все, что я слышу объ Артемѣ Туренинѣ, мнѣ нравится до крайности. По вашему расчету, ему изъ денегъ Ирины Федоровны останется только тысяча рублей, а онъ пишетъ, что ему нужно пять, не правда ли? Остальные четыре тысячи вы завтра же получите отъ ме-

ня, а переслать ихъ къ Туренину такъ, чтобъ не оскорбить его гордости, это—ужь ваше дѣло.

— Ужь если вы не на шутку рѣшились его выручить, такъ я вамъ скажу, какъ это сдѣлать, сказалъ Александръ Михайловичъ. — Вашихъ денегъ онъ не приметъ—это—вѣрно-съ; за то старики примутъ охотно. Хотите, я имъ объясню, что вы готовы дать имъ четыре тысячи займы? Тогда изъ денегъ Артемья они возьмутъ еще тысячу, а ему будутъ посланы остальные пять, его собственныхъ денегъ. Этакъ-съ дѣло еще можетъ сладиться.

Противъ ожиданія Хрулова, Юлія согласилась, не обинуясь. Она, дѣйствительно, не на шутку задумала выручить бѣднаго изгнанника, о которомъ забылъ отецъ и рѣдко-рѣдко вспоминали въ кругу прежнихъ друзей. Его вызывалъ на родину капризъ незнакомой ему женщины, незадавшей даже себѣ вопроса: «Зачѣмъ вернется онъ въ Россію?»

Александръ Михайловичъ взялся на слѣдующій же день переговорить съ стариками и немедленно дать отчетъ Юліи о результатахъ переговоровъ.

— Скажите, Александръ Михайлычъ, спросила Юлія:—правда ли, что была романическая исторія между Артемьемъ Туренинымъ и этой дѣвушкой... Ганей? Говорятъ, онъ ее погубилъ.

— А намъ-то какое до этого дѣло-съ? отвѣчалъ Хруловъ.

«Какой чудакъ!» подумала Юлія.

«Какой оригиналъ!» говорили о немъ прежде, и его оригинальность нравилась женщинамъ, которымъ скоро надоедаютъ безцвѣтность и ничтожество нашихъ свѣтскихъ юношей. Бывало, эти юноши завидовали положенію Хрулова, охотно танцвавшего на петербургскихъ балахъ, что не мѣшало ему умѣть говорить на раутахъ. Но пришло время—Хруловъ бросилъ свѣтъ, зарылся въ книги и зажилъ чудакомъ. Прежняго свѣтскаго чловека въ немъ можно было узнать только по щегольскому французскому языку и необыкновенно вѣрному пониманію женщинъ. Теперь онъ съ ними обращался безцеремонно, какъ съ мужчинами, потому что онѣ уже не волновали его воображенія.

Въ передней раздался звонокъ.

— Ахъ, Боже мой, воскликнула Юлія, я и забыла! Это—Костевичъ! Онъ вчера заѣзжалъ ко мнѣ и между-прочимъ общался что-то прочесть. Не знаю, какъ съ нимъ быть? Не будетъ ли вамъ скучно?

— Ничего-съ! отвѣчалъ Александръ Михайловичъ тономъ че-

ловѣка, привыкшаго мириться съ житейскими испытаніями:—а если очень надоѣсть, такъ и уйти можно-съ.

Костевичъ любилъ называть себя «салоннымъ литераторомъ». Въ этомъ выраженіи таилась и доля похвалы самому себѣ, и доля горькой ироніи, направленной противъ современной литературы. Писать стихами и прозой онъ началъ съ раннихъ лѣтъ и дожилъ до 30-ти, не успѣвъ выбраться въ печать: къ его советамъ и повѣстанъ не благоволили журнальныя редакціи; но Костевичъ искалъ и даже находилъ утѣшеніе въ кругу свѣтскихъ литературныхъ дилеттантовъ и читалъ свои произведенія въ московскихъ гостинныхъ, въ которыхъ вообще игралъ неслѣдную роль.

— Слушатель! сказала Юлія, указывая на Александра Михайловича.

— Боже мой! Публика!... произнесъ съ комическимъ пафосомъ литераторъ, схватывая себя за голову. (Онъ протянулъ руку Хруслову, съ которымъ былъ давно знакомъ).—А вы, Юлія Николаевна, общали, что никого не будетъ.

— И, къ счастью для васъ, не сдержала слова.

— Къ счастью для меня? Чтò вы! Я—человѣкъ робкій, и разсердить Александра Михайловича смерть какъ боюсь. Онъ нашу братью терпѣть не можетъ.

— Не умрете вы съ ртчаянія, если онъ и разсердится.

— А если онъ умретъ со скуки, каково будетъ мое положеніе?

— Я живучь-съ, сказалъ Хрусловъ, закуривая папирску.

— Создатель! воскликнулъ Костевичъ:—вотъ еще страшная мысль: ну, какъ онъ останется живъ и дастъ тягу? Нѣтъ, этого я рѣшительно не перенесу! Сейчасъ же примемъ мѣры, чтобы отрѣзать ему путь къ отступленію.

Онъ быстро передвинулъ свое кресло къ дверямъ и усѣлся съ подыгранной важностью... Все это дѣлалось и говорилось живо и ловко—и не было лишено комизма. Юлія и Александръ Михайловичъ смѣялись.

Наружность Костевича была не изъ дюжинныхъ: черныя волосы, цвѣтъ лица и бѣглость взгляда обнаруживали природу желчную и раздражительную. Онъ, безспорно, былъ человѣкъ неглупый, не смотря на его литературныя претензіи, которыя, впрочемъ, отнюдь не вредили его свѣтскому положенію. Напротивъ, онъ принадлежалъ не къ тому круту общества, въ которомъ *сочинители* считаютъ пересмѣшниками или даже людьми безпутными и

пьяницами, какъ выражался комендантъ пушкинскѣй повѣсти; Костевичъ былъ человекъ свѣтскій, а въ нашемъ болѣе свѣтѣ авторство о сю пору остается синонимомъ учености и очень много вънушаетъ чувство, похожее на благоговѣйный страхъ. Непричастная такому заблужденію, Юлія, однакожь, смотрѣла на Костевича, какъ на авторитетъ. Ея литературный вкусъ былъ такъ мало развитъ, что она чистосердечно восхищалась многими изъ произведеній *салоннаго литератора*, въ особенности тѣми, которыя отзывались вліяніемъ французской романтической школы тридцатыхъ годовъ. Словомъ, какъ писателя, она уважала Костевича, оставаясь къ нему совершенно равнодушной, какъ къ поклоннику, хотя онъ одинъ изъ всѣхъ ея обожателей не нагонялъ на нее скуки: она любила его дразнить и тѣшила его желчными выходками.

— Ну! полноте, Никита Ивановичъ! сказала Юлія:—прядвиньтесь къ намъ, выкурите папирску и принимайтесь за чтеніе. А покажьтесь разскажите, что вы тутъ безъ меня подѣлывали: въ кого вы влюблены? что васъ особенно бѣситъ?

— Влюбленъ я... въ васъ! а бѣситъ меня... какъ бы вамъ сказать?... Особеннаго ничего нѣтъ въ виду, а все въ одинаковой мѣрѣ. Иногда мнѣ кажется, что свѣтъ я люблю, когда онъ пойдетъ вверхъ ногами; когда, и пр., у всѣхъ повыростутъ бараньи головы... Право, это будетъ перемѣна къ лучшему. По крайней мѣрѣ, хоть новыя лица станутъ попадаться; старыя-то, не повѣрите, до чего надѣли!... А собой-то, собой-то какъ довольны! Зависть съѣсть, на нихъ гляди... Да, я сталъ завистливъ; свѣтъ развилъ во мнѣ этотъ гнусный порокъ... Впрочемъ, что обо мнѣ говорить!... Скажите лучше вы, Юлія Николаевна, кого вы возненавидѣли, или полюбили любовью, или хотѣ дружбой?

— Опять-таки—никого.

— Ахъ, да! Вѣдь я и вынулъ, что вы хвастаете холодностью.

— Это вы, Никита Ивановичъ, говорите со злости, потому что вамъ не довелось слышать, что я васъ люблю. Вы очень хорошо знаете, что я никогда не хвастаю.

— Въ такомъ случаѣ ваше равнодушіе доказывается только одно, сжалься Костевичъ съ желаніемъ видѣть Юлію вѣжливой:—вы, просто, не встрѣчали человека, который бы васъ достаточно любилъ, чтобъ внушить вамъ чувство...

— Вы правы: я это разъ говорила тѣмъ, которые со мной объяснялись въ любви, что они любить неспособны.

«Гм., чертѣнокъ!» подумалъ Костевичъ и сказалъ вслухъ:

— А мнѣ васъ жаль! Какъ тамъ ни говорите,

Но жалко думать, что напрасно
Была вамъ молодость дана...

— Какъ напрасно? Я танцую до упаду, ѣзжу верхомъ по 30 верстѣ, теперь очень довольна своимъ домомъ и собираюсь его отдѣлать; сегодня я узнала, что онъ застрахованъ отъ огня, какъ я сама застрахована отъ внезапныхъ чувствъ... Вотъ вамъ и разиде, не правда ли? потому что вы ни отъ чего не застрахованы...

— Я пожаровъ не боюсь, сказалъ Костевичъ. — Вы знаете сказку о Фениксѣ?

— Нѣтъ, не знаю! да и къ чему мнѣ? Фениксъ—самъ по себѣ, а я—сама по себѣ.

«Вотъ люди-то! изъ пустаго въ порожнее переливаютъ!» подумалъ Александръ Михайловичъ.

Разговоръ принялъ оборотъ, котораго добивалась Юлія. Костевичъ все болѣе и болѣе сердился по мѣрѣ того, какъ она съ какимъ-то цинизмомъ хвалилась недостаткомъ мягкости и впечатлительности своей природы.

— Словомъ, вы имѣете полное право гордиться собой, заключилъ литераторъ. — Вы перещеголяли улитокъ, ни къ чему на свѣтѣ не привязались...

Молодая женщина осталась очень довольна такимъ упрекомъ и хотѣла шуткой отвѣчать Костевичу, но... шутка замерла у ней на языкѣ...

Юлія вдругъ, Богъ знаетъ почему, вспомнила о своей матери, о днѣ ея смерти. Въ этотъ день она не плакала, но впала въ конвульси, которыя чуть было не обратились въ хроническую болѣзнь. Это былъ единственный случай, въ которомъ въ ней выказалась возможность сильной привязанности.

— Давайте читать, Никита Ивановичъ, спѣшила сказать Юлія, чтобы замѣть разговоръ. — Мнѣ очень хвалили вашу повѣсть. Говорятъ, лучше сологубовскихъ.

— Кто это могъ вамъ сказать? спросилъ Костевичъ недоувѣрчиво и еще не оправившись отъ досады.

— Княжна Sophie... Давайте, давайте тетрадь!

— Право, лучше бы отложить до другаго раза, сказалъ литераторъ, замѣтно смягчившись.

Въ эту минуту неожиданно явился Илья Федоровичъ съ сестрой.

VI.

Поклонникъ Юліи.

Бѣдные старики скучали дома и пришли незванные.

— Мы съ тобой цѣлый день не видались, моя красавица! весело сказалъ Илья Ѳедоровичъ:—соскучились по тебѣ, да, встати, свою радость пришли тебѣ объявить: отъ сына нисѣмо получилъ, сударыня!

— Ахъ, да! ахъ, что это, право, *comme il est bon vraiment!* Право, ты не повѣришь, Юленька, твердила Марья Ѳедоровна.

Пока Юлія уговаривала тѣтку, Хрусловъ отвелъ Илью Ѳедоровича всторону. Онъ рѣшился предупредить дальнѣйшія объясненія по поводу письма Артемія, боясь не безъ основанія, что старикъ, котораго характеръ былъ ему хорошо извѣстенъ, на радости не сѣмѣетъ помолчать, поспѣшить приступить къ денежному вопросу и, пожалуй, наслушается отъ Юліи очень горькихъ истинъ. «Бабѣнка-то—себѣ на умѣ: ее не заставишь держать языкъ за зубами!» думалъ Александръ Михайловичъ.

— Дядюшка! началъ онъ:—я тоже получилъ письмо отъ Артемья. Онъ вамъ пишетъ объ деньгахъ-съ?

— Ну-да!

— Прекрасно-съ. Только теперь объ этомъ нужно помолчать. У меня есть еще деньги въ виду-съ. Мы такъ дѣло-то поведемъ, что и на вашу долю хватить, и Артемья выпинемъ.

— Ба-ба-ба! Гдѣ жь ты, братецъ, такую Калифорнію открылъ?

— Здѣсь не мѣсто объясняться, дядюшка! Видите, насъ ждутъ, сказалъ Хрусловъ, указывая на Юлію и ея гостей.—Вы ужь положитесь на меня; дайте мнѣ сроку до завтрашняго утра. Все устрою-съ и явлюсь къ вамъ завтра. Только теперь-то о денежныхъ дѣлахъ ни слова-съ.

— Ну, ну! добро! Завтра—такъ завтра! Дѣлай, какъ знаешь, умная голова!

И повеселѣвшій старикъ ударилъ племянника по плечу.

— Пойдемте-съ, насъ ждутъ! сказалъ племянникъ.

Какъ скоро Илья Ѳедоровичъ подошелъ къ Юліи, она ему представила Костевича, какъ литературную знаменитость. Оказалось, что Илья Ѳедоровичъ знавалъ его дѣда.

— Видишь, *Elie*, какъ мы кстати пришли, замѣтила Марья Ѳеодоровна.—*Monsieur compose des romans* и сейчасъ будетъ читать свое сочиненіе.

— Что жъ! Коли намъ позволятъ, мы послушаемъ, отозвался старикъ.

Но Костевичъ сталъ отпѣкиваться отъ чтенія, говоря, что его повѣсть требуетъ окончательной отдѣлки, что онъ, правда, хотѣлъ ее прочесть Юліи Николаевнѣ, которая вообще благосклонно смотритъ на его литературные опыты; но что повергнуть вещь неоконченную на судъ публики онъ не рѣшается, и т. д.

— А вотъ и вышло, что мы пришли не кстати, добродушно замѣтилъ Илья Ѳеодоровичъ.—Онъ думаетъ: мы, старики, не поймемъ!

— О! если такъ, я жертвую собою... и вами, сказалъ Костевичъ.

Привдвинули кресла, усѣлись, и всѣ глаза устремились на автора... Тетрадка лежала на столѣ, и первый листъ былъ уже откинутъ... Но въ эту рѣшительную минуту исчезла вся самоувѣренность Костевича: онъ былъ блѣденъ и, дѣйствительно, согласился бы отказаться отъ чтенія.

— Это—юмористическій рассказъ съ драматической завязкой, началъ онъ нетвердымъ голосомъ и не поднимая глазъ съ тетради.—Впрочемъ, это видно изъ самаго названія: *Гдѣ комедія, тамъ и драма...*

Чтеніе началось. Костевичъ писалъ гладко, рассказывалъ недурно; но въ его юмористическихъ сценахъ не доставало веселости, а въ драматическихъ — чувства. Были прочтены уже многія страницы, которыя публика должна была привѣтствовать дружнымъ смѣхомъ; но публика не смѣялась, и нѣсколько разъ голосъ дрогнулъ у автора.

Къ-счастью, Илья Ѳеодоровичъ выручилъ и его, и слушателей. Какъ человѣку, непосвященному въ литературныя тонкости, хорошо настроенному событіями дня и вдобавокъ приготовленному къ мысли, что услышитъ произведеніе замѣчательное — ему чрезвычайно понравилась повѣсть Костевича. Онъ отыскалъ небывалое глубокомысліе въ одной изъ самыхъ плохихъ сценъ и, воспользовавшись минутной остановкой, ахнулъ и принялся живо выражать свой восторгъ.

Марья Ѳеодоровна только и выжидала отзыва брата.

— Каково! Скажите! Что это, *Eh!?* Ахъ, какая прелесть! за-твердила она въ свою очередь.

Эта неожиданная поддержка придала бодрости автору: онъ выпилъ стаканъ воды съ сахаромъ и продолжалъ. Разсказъ оканчивался драмой, напоминавшей ужасы романовъ Эжена Сю, любимца Юліи. Она пришла въ восхищеніе. Костевичъ торжествовалъ и съ скромной улыбкой выслушивалъ похвалы стариковъ и хозяйки дома.

— А скоро ты напечатаешь? спросилъ Илья Федоровичъ, который, по привычкѣ, свойственной русскимъ людямъ его лѣтъ, говорилъ *ты* молодежи.

— Это напечатано не будетъ, внушительно отвѣчалъ Костевичъ.

— Почему такъ?

— Потому, что мои повѣсти печатать от-ка-за-лись, громко и съ разстановкой произнесъ онъ, окидывая все общество вопро-сительнымъ взглядомъ.

— Какъ отказались?

— Да такъ! Говорятъ: *c'est trop comme il faut!*

— Вотъ тебѣ разъ! Да вѣдь все общество составлено изъ людей *comme il faut*, а литераторы бываютъ же въ обществѣ.

— Гм!... Это-то имъ и вмѣняютъ въ преступленіе. Впрочемъ, понятно, что журналисты не терпятъ ни людей, ни нравовъ недоступнаго имъ круга. Они удостоиваютъ литератора своимъ вниманіемъ тогда только, когда онъ принадлежитъ къ обществу, въ которомъ женщины являются... съ фольгой и вербными цвѣтами на головѣ, а мужчины безъ перчатокъ. Незмѣнныя принадлеж-ности этого общества: трубки, водка... грязныя карты... и пло-щадные разговоры. Эти милые нравы описываются, разумѣется, въ грязныхъ стихахъ и площадныхъ повѣстяхъ, какими теперь запружена наша литература; а свѣтская повѣсть считается—из-волите видѣть—вещью отсталой, никуда негодной; свѣтская по-вѣсть — не существуетъ!

— Однако, есть же у насъ и свѣтскія повѣсти, замѣтила Юлія, принимаясь разливать чай.

— Двѣ-три повѣсти—есть! но знаете ли, что это доказывать? Что написавшій ихъ унился до лести, до поклоновъ, свелъ дружбу съ журналистами, поилъ ихъ шампанскимъ... словомъ — пожертвовалъ достоинствомъ чело-вѣка изъ тщеславнаго желанія видѣть свое имя въ печати. Ну-съ! на этакій подвигъ, слава-богу, не всякій способенъ:

Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю!

Да! я сожгу все, что написалъ, и ничьихъ милостей вымаливать не буду. Литературными друзьями я не обзаведусь и останусь при однихъ врагахъ. Вы не знаете, что такое литературные враги, Юлія Николаевна! Имъ нѣтъ отпора. Это—не то, что... ваши враги, напримѣръ. Положимъ—позавидуютъ вашей красотѣ и распустили слухъ, что вы безобразны; позажитесь на балъ—*et les rieurs sont pour vous*. А нашъ братъ публикѣ не прокричитъ, что во мнѣ, дескать, есть дарованіе! Не правда ли? заключилъ Костевичъ, обращаясь преимущественно къ Александру Михайловичу, котораго желалъ вывести изъ молчанія, тагостнаго для его авторскаго самолюбія.

— Да и кричать попробуетъ, такъ ему не повѣрять-ся, отвѣчалъ Александръ Михайловичъ.

— Вы что этимъ хотите сказать? запальчиво спросилъ литераторъ.

— То именно, что сказалъ-ся.

— А я вамъ вотъ что скажу; слышала перебить Юлія:— ваши литераторы—дураки, а вы теперь пейте чай.

Она подала чашку Костевичу.

— Изъ рукъ твоихъ приму я чашку яда! продедламировалъ онъ, улыбаясь. Веселость его возвратилась и поддерживалась цѣлый вечеръ, который, благодаря ему, прошелъ незамѣтно. Было за полночь, когда старики, совершенно обвороченные своимъ новымъ знакомцемъ, отправились во флигель.

— Намъ съ вами по дорогѣ; сказалъ Костевичъ, спускался съ лѣстницы вмѣстѣ съ Александромъ Михайловичемъ.

— Да-съ, только пѣшій конному—не товарищъ, отвѣчалъ тотъ.— Я вѣдь все пѣшкомъ-ся.

— Да и я пѣшкомъ сегодня. Моя карета въ починкѣ.

— Пойдемте-ся.

Нѣсколько времени они шли молча. Хрусловъ, по обыкновенію, разсѣянно смѣтрѣлъ по сторонамъ; но Костевичъ былъ такъ настроенъ, что не вынесъ молчанія.

— Какъ хорошъ этотъ старикъ, началъ онъ:— какой умный старикъ! Знаете, такъ себя воображаешь... напримѣръ, Гомера... «Эка хватилъ!» подумалъ Александръ Михайловичъ.

— А какова Юлія Николаевна? продолжалъ Костевичъ:—а?

— А вы... того-съ... въ нее влюблены?...

— Богъ знаетъ, что это такое! Повѣрите ли? Три часа тому назадъ я ее просто ненавиждѣлъ.

— Вы все съ ненавистью, да со страстями... Вѣдь этакъ, пожалуй, бабу-то и напугать недолго, замѣтилъ Александръ Михайловичъ.—Просто, повѣсть ваша ей понравилась, вотъ вы ее и полюбили-съ.

— Это что значитъ? сухо возразилъ литераторъ.

— Чему жъ тутъ обижаться? Всѣ поэты таковы.

«Юродивый!» подумалъ Костевичъ. «Поди, толкуй съ нимъ! съ него взятки гладки!»

— А вы вотъ сладить съ нею не умѣете, сказалъ Александръ Михайловичъ.—Такия женщины не любятъ, чтобъ мужчина обращался съ ними какъ мальчикъ.

— Какъ? я-то обращаюсь съ нею какъ мальчикъ?... Ха, ха, ха... отозвался Костевичъ съ принужденнымъ смѣхомъ.—Да развѣ вы не замѣтили, что она со мной кокетничаетъ? Такъ я вамъ скажу, что съ женщинами такого рода главная трудность состоитъ въ томъ, чтобъ обратить на себя ихъ вниманіе.

Но Александръ Михайловичъ уже не слушалъ. Повернувъ на Чистые Пруды, онъ остановился... Полный мѣсяцъ освѣщалъ голыя вѣтви деревьевъ и игралъ въ водѣ. Хрусловъ обѣими руками оперся на свою трость и засмотрѣлся на лучи, дробившіеся въ мелкой ряби пруда.

Часто, въ свѣтлую ночь, прохожій видалъ, какъ чужакъ, сидя у открытаго окна своей комнаты, глядѣлъ или на небо, или на старую липу, разросшуюся передъ окномъ въ палисадникѣ и освѣщенную луной. «Онъ успѣлъ перечесть, сколько звѣздъ на небѣ и сколько листочковъ на старомъ деревѣ», думалъ прохожій, который на возвратномъ пути заставлялъ его опять у окна; «свотъ должно быть нечего дѣлать человѣку!»

Свѣтла, холодна и безмолвна была сѣверная ночь. Только разъ отдаленный стукъ кареты, вызвавшій сонный окликъ: «кто идетъ!» прервалъ всеобщее, торжественное молчаніе, но Хрулова не вывелъ изъ задумчивости. Онъ стоялъ, не двигаясь, и продолжалъ смотрѣть.

— Долго ли вы будете любоваться этой лужей? нетерпѣливо сказалъ Костевичъ, поджидавшій своего товарища.

Александръ Михайловичъ, молча, отвелъ глаза отъ воды и пошелъ своей дорогой.

— Совсѣмъ замерзъ! продолжалъ Костевичъ, потирая руки. — Я самъ люблю природу, только не въ концѣ октября и, признаюсь, во всякое время года я поклоняюсь ей въ человѣческомъ образѣ охотнѣе, чѣмъ въ мѣсячныхъ лучахъ.

— Ну, нѣтъ-съ! отозвался Александръ Михайловичъ. — Вотъ вы посмотрите: изъ этой, по вашему, луи мѣсячные-то лучи выйдутъ такими же чистыми, какими въ нее вошли; а мы съ вами изъ нея въ такомъ бы видѣ вылезли, я вамъ доложу, что просто мальчишку стали бы на насъ пальцемъ показывать-съ.

— Куда вы? Мимо своей квартиры прошли! закричалъ Костевичъ. — Прощайте; желаю вамъ согрѣться!

VII.

Племянникъ и дядя.

Зная, что старики Туренины встаютъ не рано, Александръ Михайловичъ, по обыкновенію своему, долго и съ наслажденіемъ пилъ утренній кофе. Этимъ, впрочемъ, и ограничивались его сибаритскія привычки, а букетомъ цвѣтовъ, иногда появлявшимся на его столѣ, ограничивались его траты на предметы роскоши. Три небольшія комнаты, занимаемыя Александромъ Михайловичемъ, свидѣтельствовали о его нетребовательности. Онъ, повидимому, успѣлъ вдоволь обзавестись одними книгами да журналами, которые грудями лежали на столахъ, на диванѣ, на креслахъ и даже на полу.

— Надо, чтобъ все было подъ рукой, говаривалъ онъ, когда ему замѣчали, что не мѣшало бы ему купить два—три шкафа и привести библіотеку въ порядокъ. — Въ шкафахъ ничего не отыщешь.

Панкратъ, камердѣеръ Александра Михайловича, не любилъ стирать пыль съ мебели и книгъ и вообще мало заботился объ удобствахъ жизни. Человѣкъ онъ былъ свѣтскій и обыкновенно вслѣдъ за бариномъ уходилъ со двора и пропадалъ до поздней ночи, такъ что нерѣдко баринъ возвращался домой раньше его, съ четверть часа звонилъ у дверей и, не добившись толку, догадывался, что его слуга или въ гостяхъ, или спитъ непробуднымъ сномъ. «Экой болванъ!» ворчалъ Александръ Михайловичъ и плелся съ Чистыхъ Прудовъ на Прѣсню, ночевать къ сво-

ему пріятелю, Верховцеву, такому же чудаку, какъ онъ. На слѣдующій день Панкратъ объяснялъ, что точно вздремнулъ: «день деньской сидишь все одинъ да одинъ—читать я не умѣю—вѣдь со скуки и дрема одолѣтъ!» говорилъ Панкратъ. Такой доводъ совершенно обезоруживалъ Александра Михайловича. «Надо мнѣ свой ключъ завести», замѣчалъ онъ. Случалось и того хуже въ тѣ дни, когда баринъ уходилъ изъ дому съ утра, прежде чѣмъ слуга успѣвалъ протопить печи. Слуга уйдетъ, бывало, въ свою очередь и, хотя вернется раньше барина, разочтеть, что поздно, что усталъ, что топить печи не время, и преспокойно ляжетъ спать. Александръ Михайловичъ являлся ночевать на нетопленную квартиру.

— Панкратъ, что это у насъ такъ холодно? спрашивалъ онъ.

— Это вы съ надворья такъ, должно быть, настыли. Я васъ шубой накрою, отвѣчалъ Панкратъ и на слѣдующее утро ни свѣтъ—ни заря такъ нажаривалъ печи, что Александръ Михайловичъ просыпался съ головною болью.

— А ты... того... опять нажарилъ; у меня, по твоей милости, голова разболѣлась! говорилъ онъ своему камердинеру.

— Это—воля ваша—съ, а я въ самую въ изгородь истопилъ, отвѣчалъ Панкратъ.

— Ну, хорошо! вотъ сдѣлай-ка ты это еще разъ, я тебя со двора вытолкаю. Слышишь?

Панкратъ не только слышалъ, но даже привыкъ слышать угрозы, безплодно повторявшіяся цѣлыхъ десять лѣтъ сряду. Отставки онъ не получилъ и взялъ ее самъ. Нашлись люди, позавидовавшіе счастью Круслова и помелавшіе переманить его слугу: въ одно прекрасное утро слуга объявилъ, что ему «выходитъ мѣсто помыгодѣе», и простился съ своимъ баринномъ.

На замѣчанія о неблагодарности Панкрата, польстившагося на липинихъ двадцать цѣлковыхъ въ годъ, Александръ Михайловичъ отвѣчалъ:

— Что жъ тутъ за диковина! Всему своя цѣна. За двадцать тысячъ иной отца роднаго продастъ. Меньше возьметъ—съ.

Черезъ мѣсяцъ Панкрата прогнали съ выгоднаго мѣста, и онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, вернулся на прежнее, менѣе выгодное, но болѣе прочное.

Часу въ десятомъ Панкратъ не безъ удовольствія услышалъ, что Александръ Михайловичъ потребовалъ одѣваться: «это зна-

чило, что баринъ идетъ со двора, и камердинеръ воленъ съ утра искать развлечения въ сосѣднемъ трактирѣ.

Старикъ Туренинъ только что принялся за утреннй чай, когда къ нимъ явился Александръ Михайловичъ.

— Добро пожаловать, племянничекъ, привѣтствовалъ его Илья Ѳедоровичъ. — Не прикажешь ли чаю? Пуска, садись, рассказывай! Чѣмъ ты насъ порадуешь? Какой ты владъ нашелъ?

— Деньги нашелъ, дядюшка-съ.

— А много ли?

— Хватить-съ на тѣ расходы, на которые вы опредѣляли деньги Артемья.

— Тыфу ты пропасть! Да говори, братецъ, толкомъ. Расходы тебѣ извѣстны: Артюшѣ достается съ небольшимъ шесть тысячъ, которые придется внести за Разказово; вотъ и вся недолга.

Зная, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, Александръ Михайловичъ поднимался на хитрости и, чтобы представить сдѣлку въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, избѣгалъ отвѣчать цифрами на заданный ему вопросъ; онъ даже умолчалъ о томъ, что за подмосковную слѣдовало внести только три тысячи, а не шесть.

— Вотъ мы и внесемъ за Разказово, сколько требуется, сказалъ онъ:—да сверхъ того кое какіе долги уплатимъ, а остальное Артемью пошлемъ-съ.

— Какіе тамъ еще долги? спросилъ старикъ, нахмурившись.

— Спѣшныя-съ. Вотъ я справочку навелъ; не угодно ли полюбопытствовать, дядюшка?

Илья Ѳедоровичъ принялъ изъ его рукъ исписанный листъ бумаги, надѣлъ очки и принялся читать вполголоса:

«Въ мясную лавку... 187 рублей... Андрееву... гм... гм... за прошлогодніе дрова...»

— Да что ты меня этимъ вздоромъ-то угощаешь? сказалъ онъ сердито и бросая бумагу на столъ. — Я и безъ тебя знаю, что мясникъ мнѣ не изъ дружбы поставляетъ говядину, а подлагаетъ ее въ деньги.

— Да вы, дядюшка, взгляните на итоги-съ. Вѣдь этого вздора-то на двѣ тысячи серебромъ набралось!

Илья Ѳедоровичъ покосился на племянника, молча придвинулъ къ себѣ бумагу, пробѣжалъ ее глазами и задумался.

— Саня! сказалъ онъ вдругъ повеселѣвшимъ голосомъ: — вѣдь это выходитъ — у насъ съ тобою 8 тысячъ на лицо, если,

не касаясь артюшиныхъ денегъ, мы можемъ и по этому счету уплатить, и за Разказово внести.

— Нѣтъ-съ, дядюшка! я рассчитывалъ такъ, чтобъ Артемью въ обрѣзъ осталось, сколько ему нужно. Изъ его денегъ все таки придется тысячу рублей прихватить.

— Ну, не восемь, такъ семь! сказалъ старикъ, подводя новые итоги подъ достающіяся ему суммы. — Эге, братъ! дай сроку—мы съ тобой заживемъ! заключилъ онъ, подтвердительно хлопнувъ рука объ руку и принимаясь ходить по комнатѣ.

— Ахъ, слава-богу! промолвила Марья Федоровна, просіявшая при послѣднихъ словахъ брата.

Но Хрусловъ понялъ, на что гнетъ Илья Федоровичъ, и спѣшилъ разрушить его мечты.

— Разумѣется, заживемъ, сказалъ онъ:—когда поуправимся съ долгами, да вытребуемъ сюда Артемья.

— Пстой, пстой! Ты впередъ не забѣгай, а меня выслушай, умная голова! перебилъ Илья Федоровичъ.—Артюшу я не меньше твоего желаю видѣть; но вытребовать его теперь, на пустое мѣсто — невесело будетъ ему, да и мнѣ тяжело. Другое дѣло—выписать его черезъ годъ, или полтора, поработавши на заводѣ, да получивши чистую выручку, да накопивши денегъ. По крайней мѣрѣ мнѣ можно будетъ сказать сыну: «ты, братъ, тамъ учился и наслаждался природой, а мы здѣсь на тебя работали. Вотъ тебѣ готовое состояніе: живи съ нами и наслаждайся нашими трудами! Ну, и онъ увидить, что отецъ о немъ подумалъ.

Илья Федоровичъ умилился надъ пафосомъ собственныхъ словъ; Марья Федоровна прослезилась.

— Такъ какъ же вы думаете распорядиться, дядюшка? спросилъ Хрусловъ.

— А вотъ какъ: артюшины деньги пойдутъ, какъ сказано, за подмосковную; а къ твоимъ семи тысячамъ мы призаимемъ еще пять, да и пустимъ въ ходъ селитряный заводъ.

— Позвольте-съ. Впервыхъ, признаться вы не найдете...

— Почему не найду? Нашелъ же ты. Чьи это деньги? Кто намъ даетъ ихъ взаймы?

— Юлія Николаевна.

— Что жъ!—дѣло родственное...

— Это точно-съ. Это она дѣлаетъ собственно изъ уваженія къ памяти Ирины Федоровны, чтобъ имѣть возможность выпол-

нить ея завѣщаніе. Вчера, по вашему порученію, я съ Юліей Николаевной толковалъ о вашемъ дѣлѣ; письмо Артемья было у меня въ карманѣ; я отъ нея не скрылъ, что онъ вамъ предоставляетъ деньги Ирины Федоровны...

— Что тутъ скрывать! Деньги, слава-богу, некраденныя.

— Да-съ. Но она въ этомъ видитъ уклоненіе отъ воли покойницы и предлагаетъ вамъ свои деньги взаймы, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ Артемій воспользовался завѣщаніемъ...

— Съ условіемъ! гнѣвно перервалъ Илья Федоровичъ. — Съ условіемъ! Мнѣ предписываютъ условія! Да съ какого права разбираете вы отца съ сыномъ? Артюша—мой сынъ, а деньги—его; беру ихъ и распоряжаюсь ими, какъ хочу, и ничьихъ постороннихъ услугъ мнѣ не нужно, и ничьихъ денегъ я не прошу! сказалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Ахъ, Саша, ты его беспокоишь! заботливо замѣтила Марья Федоровна.

Дѣйствительно, Илья Федоровичъ былъ раздраженъ. Онъ раза—два прошелся по комнатѣ, потомъ отодвинулъ кресло отъ стола и сѣлъ въ полъоборота къ окну, показывая видъ, что занимается тѣмъ, что происходитъ на дворѣ, и не обращаетъ вниманія на присутствіе племянника. Племянникъ счелъ нужнымъ помолчать, чтобъ дать ему время уюмониться и надуматься, взялъ книгу со стола и расположился читать. Прошло нѣсколько минутъ. Старикъ успѣлъ сообразить, что погорячился изъ пустяковъ; что, отказавшись отъ денегъ Юліи, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ отказаться отъ своихъ плановъ: ихъ выполненіе зависѣло теперь отъ ея сговорчивости. Прежде всего, Ильѣ Федоровичу нужно было взять назадъ неосторожно сказанное слово, и онъ сталъ придумывать, какъ бы ему, не уронивъ себя, возобновить прерванный разговоръ.

— Ага! ты никакъ чтеніемъ изволишь заниматься? сказалъ онъ, рѣшившись взглянуть на Александра Михайловича.

— Да-съ, дядюшка; яду, что вы скажете. А то—не сказано, по моему, что у разсудительнаго человѣка сгоряча сорвалось съ языка. Вѣдь это — сами знаете-съ — только сгоряча можетъ показаться, что устроить одно дѣло выгоднѣе, чѣмъ устроить ихъ разомъ три; да-съ, капитальныхъ три дѣла: и недоимку за имѣнье внести, и спѣшныя долги уплатить, и Артемья выручить.

— Выручить! пробормоталъ Илья Федоровичъ. — Точно онъ тамъ въ плѣну! Точно я врагъ своему сыну! А объ комъ же

я-то забочусь? Что мнѣ деньги на игру, или на франтовство нужны, что ли, въ самомъ дѣлѣ? Кажется, все о немъ хлопочу, и заводъ для него устроить собираюсь; а не будетъ денегъ, на какіе доходы я его устрою? Юленька умна. Она пойметъ, что отъ этого зависитъ артюшина будущность; она мнѣ свои деньги безъ всякихъ условій отдастъ.

— Не отдастъ, дядюшка. Вы знаете — я не солгу. Она мнѣ вчера говорила, что вашимъ планамъ не вѣрять-ся.

На слово племянника Илья Федоровичъ действительно полагался, какъ на каменную стѣну.

— А по какому это случаю—позвольте узнать—я у нея изъ вѣры вышелъ? спросилъ онъ съ ѣдкой ироніей.

— А вотъ по какому-съ. Вы сами говорите, что она женщина умная. Вотъ она и понимаетъ, что заводское дѣло требуетъ дѣтельности да расторопности; а вамъ семьдесятъ пять лѣтъ, дядюшка; васъ подагра по цѣлымъ недѣлямъ съ постели не спускаетъ... Такъ вотъ-съ по какому случаю?

— Я ей скажу, что у меня помощникъ есть.

— Она и сама знаетъ, что есть, да въ Цезарѣ.

— Что ты вздоръ-то малешь? сказалъ старикъ, возвысивъ голосъ.—Я тебѣ не объ Артюшѣ говорю, объ Иванѣ Игнатовѣ. Знаю, что ты его не жалуешь: да я, братъ, слава-богу, не меньше твоего на свѣтѣ пожилъ и не хуже твоего толкъ въ людяхъ разумѣю. Я вотъ Юленькѣ расскажу, что за человекъ Иванъ Игнатовъ.

— А я, дядюшка, и ей, и вамъ берусь доказать, что онъ мошенникъ.

— Не трудись, не доказывай! спокойно возразилъ Илья Федоровичъ.

— Докажу-съ! Онъ вамъ навелъ справку о платежѣ за Разсказово?

— Ну! такъ что же?

— А то, что на Разсказовѣ недоимки всего три тысячи, а онъ вамъ показываетъ шесть; остальные три онъ намѣренъ себѣ въ карманъ положить. Вотъ что-съ! Да онъ, должно быть, этимъ дѣломъ-то не первый разъ промышляетъ-ся. Вотъ—извольте,—справка, которую я самъ навелъ за послѣдніе восемь лѣтъ. То-да вамъ показывалъ Иванъ Игнатовъ? Канташица, разумеется, у него-съ?

— Ну-да... не знаю... у него... въ который, отъѣхалъ отъ-

ропѣвшій старикъ.—Но все равно... у меня здѣсь его отчеты... Провѣрить можно... Покажи свою бумагу.

Онъ придвинулся къ столу, поспѣшно отыскалъ конторскую книгу и углубился въ сличеніе счетовъ. И Марья Федоровна, и Хрусловъ пристально слѣдили за его работой. На каждой страницѣ онъ находилъ неопровержимыя доказательства систематическаго воровства, хмурился, нусалъ себѣ губы, укорительнѣ покачивалъ головой и кончилъ тѣмъ, что сердито отбросилъ книгу и, молча, поднялся съ кресель.

— Ну, что, *Elie*? спросила Марья Федоровна.

— Чай, сама видишь что! отозвался Илья Федоровичъ.—Гм!... негодяй! проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Скажите! воскликнула старушка.—*Elie*, да зачѣмъ же онъ это сдѣлалъ?

Илья Федоровичъ въ сильномъ волненіи расхаживалъ по комнатѣ, закинувъ руки за спину и подергивая плечомъ.

— Завтра же со двора его долой! Въ замѣнъ его изъ Разсказова!... Учту его; въ острогъ упрячу мошенника!... Ужъ я дамъ себя знать! грозно повторялъ онъ, разговаривая съ самимъ собой и, вдругъ, остановившись противъ племянника, сказалъ обиженнымъ, заискивающимъ голосомъ:—Да на кого же, послѣ этого, можно въ нынѣшній вѣкъ понадеяться? Скажи ты мнѣ на милость.

— А я-то о чемъ же толкую, дядюшка? отвѣчала племянникъ и, понимая, что настала удобная минута подольстится къ старику съ тѣмъ, чтобъ его уломать, схватилъ его за руку и началъ говорить съ необыкновеннымъ жаромъ и даже возвысивъ голосъ, что съ нимъ почти никогда не случалось.—Изъ чего жъ я хлопочу? Ужели вы воображаете, что я безъ цѣли, такъ, зря, настаиваю на томъ, чтобъ вы выписали Артемя? Слушайте: вы рѣшились, во что бы ни стало, поправить дѣла? Пора! понимаете съ?... Вы хотите устроить заводъ? Прекрасно-съ. Да что такое заводъ? Безпрестанныя хлопоты, разъѣзды, закупки, надзоръ за работой по днямъ и по ночамъ... Такъ ли-съ? Здѣсь прежде всего требуется свѣжая голова, здоровый человѣкъ, такой мощный, который бы васъ не продавалъ по десяти разъ на день, какъ продаетъ Иванъ Игнатовъ. И мало того, что вы сами вѣрите вашему помощнику—нужно, чтобъ ему посторонніе люди вѣрили-съ; нужно, чтобъ знали, что у васъ подъ рукою человѣкъ, который ведетъ дѣло съ усердіемъ настоящего хо-

зяина. Такого человѣка, помимо сына, вы нигдѣ и ни въ комъ не найдете-сь. А будетъ онъ при васъ, поймутъ, что вамъ заводъ—не пустая затѣя и можетъ идти настоящимъ порядкомъ. Тогда и кредитъ явится! А безъ кредита, дядюшка, вы нетолько завода не устроите-сь, сотни кирпичей не найдете! Значить, отъ присутствія Артемья зависить и возстановленіе вашего кредита, и его и ваша будущность, и устройство завода, и возможность его существованія. Словомъ сказать, все зависить отъ его присутствія. Теперь вамъ представляется случай его выписать; пропустите—другаго не дождетесь: и сына неувидите, и послѣдней надежды на поправку состоянія лишитесь! Вы понимаете, дядюшка, что я правду говорю-сь?

Старикъ былъ видимо поколебленъ, но, ошеломленный такимъ потокомъ словъ, не могъ собраться съ мыслями и не зналъ, что отвѣчать. Александръ Михайловичъ рѣшился не щадить средствъ для довершенія своей побѣды.

— Вотъ-сь, опять тѣтушка говорила, какъ бы женить Артемья, сказалъ онъ. — Конечно, это пока—однѣ предположенія, и до свадьбы еще далеко; но дѣло—сбыточное-сь: бабѣнка—молоденькая, хорошенькая и съ состояніемъ... Чѣмъ не жена Артемью? Она же, какъ видите, не знаяши его, принимаетъ въ немъ участіе: онъ-де—изгнанникъ, вздыхающій по родинѣ, лица интересное, романическое-сь. Начало—хоть куда, а даромъ пропадетъ, коли Артемью все придется по родинѣ вздыхать.

— Ахъ, *Elie*, что это въ самомъ дѣлѣ! О чемъ ты думаешь? выпиши Артюшу! воскликнула Марья Ѳедоровна.—А то смотри, какъ-бы тотъ вчерашній сочинитель на ней не женился... право!

— Это будьте покойны; она за него замужъ не пойдетъ, сказалъ Хрусловъ, самодовольно улыбнувшись.

— Выпиши, *Elie*! повторила Марья Ѳедоровна.

Илья Ѳедоровичъ не меньше сестры своей увлекался будущностью, которую сулилъ ему племянникъ. Врожденное упрямство ужавалось въ немъ съ ребяческою легковѣрностью, а старость не спасала его отъ обольщеній воображенія. Ему уже казалось, что онъ получаетъ въ руки доходы съ завода и пируетъ на свадьбѣ сына. Онъ съ трудомъ скрывалъ свою радость и только, боясь уронить себя въ глазахъ Александра Михайловича, не рѣшался ударить съ нимъ по рукамъ. Но Александръ Михайловичъ въ дѣлѣ, что дѣло выиграно.

— Ну-сь, дядюшка, въ добрый часъ! сказалъ онъ. — Вотъ

перо и бумага; напишите двѣ строчки Артемью, да и дѣло съ концомъ! А за хлопоты по пересылкѣ денегъ и разнымъ уплатамъ я берусь; это—ужь не ваша забота. Вы только, благословясь, напишите-съ.

— Постой... Что ты присталъ ко мнѣ?... Дай подумать, говорилъ старикъ, у котораго такъ и зудѣли руки порѣшить все дѣло однимъ почеркомъ пера.

— Все ужь обдумано-съ. Пора вамъ имѣніе спасти, пора сына обнять, пора его и женить! Такъ я говорю тѣтушка? сказалъ Хрусловъ, требуя поддержки отъ Марьи Ѳеодоровны.—Вѣдь не изъ своихъ же я выгоды хлопочу-съ.

— Ахъ, *Elie*, чтò это, право! Напиши къ Артюшѣ! стала умолять старушка.—Повѣрь, что Юленька выйдетъ за него замужъ. Ты слышишь, чтò Саша говоритъ. Не изъ своихъ же выгоды онъ хлопочетъ!

— Кто объ этомъ толкуетъ? началъ было Илья Ѳеодоровичъ, обдумывая небезславное отступление... И вдругъ свѣтлая мысль блеснула въ его головѣ. Онъ обратился къ сестрѣ.

— Да ты скажи толкомъ, Марья Ѳеодоровна: ты *этого* желаешь, что ли? спросилъ онъ.

— Ахъ! да какъ же не желать! отвѣчала Марья Ѳеодоровна, и улыбаясь, и вздыхая въ одно и то же время.

— Ну, быть по твоему! рѣшилъ старикъ, соглашаясь съ глупой сестрою охотнѣе, чѣмъ съ умнымъ племянникомъ.

Онъ сѣлъ за письменный столъ и взялся за перо.

— Говори, чтò писать-то? сказалъ онъ Александру Михайловичу.

— Да просто-съ, что «мнѣ, молъ, изъ твоихъ денегъ нужно взять не болѣе тысячи рублей; остальные получай и приѣзжай къ намъ». О томъ, что вы нашли занять, упоминать—я полагаю—не нужно-съ.

— И безъ тебя знаю, что не нужно, отозвался Илья Ѳеодоровичъ, принимаясь довольно медленно водить перомъ по бумагѣ.

Александръ Михайловичъ между тѣмъ вооружился песочницей и, давъ окончить старику, поспѣшилъ засыпать его каракули и положилъ письмо въ карманъ.

— Ну, вотъ-съ, и слава-богу! заключилъ онъ.—Жаль только, что подарочекъ не подоспѣетъ ко дню его рожденія. Вѣдь это, должно быть, на этихъ дняхъ-съ.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! сказала Марья Ѳеодоровна:—*Elie*,

а мы здѣсь отпразднуемъ артюшино рожденіе. Пойдите, когда жъ это будетъ? У насъ сегодня какое число? Ганя! гдѣ она?

— Его рожденіе 2 ноября, отвѣчалъ Илья Федоровичъ за Ганю, которой не было въ комнатѣ. Какъ большая часть стариковъ, онъ твердо помнилъ числа событій, относящихся къ его молодости.

— Значить, послѣ завтра. Прекрасно-съ. Мы и на праздничный обѣдъ денегъ удѣдимъ-съ.

Александръ Михайловичу хотѣлось побаловать стариковъ за ихъ податливость.

— Давай, выпьемъ на радости! сказалъ Илья Федоровичъ.

Марья Федоровна себя не помнила отъ восторга.

VIII.

Г а н я.

Ганя была въ сосѣдней комнатѣ и не проронила ни единого слова изъ разговора Александра Михайловича съ стариками. Когда Марья Федоровна стала ее выкликать за справкою о днѣ рожденія Артемія, она не явилась и не отозвалась, боясь подвергнуть коментаріямъ невольное смущеніе, съ которымъ не успѣла совладать. Она сидѣла въ углу комнаты, на маленькомъ диванѣ, нагнувъ голову и сложивъ руки подъ грудь. Заслышавъ шаги Хрустова, выходившаго изъ комнаты Ильи Федоровича, она быстро протянула руку къ вязанью, лежавшему передъ нею на столѣ. Но это движеніе не укрылось отъ Александра Михайловича; онъ подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, облокотился на столъ и спросилъ ее вполголоса:

— Довольны ли вы, Ганя?

Она молчала.

— Отвѣчайте же.

— Я не знаю, проговорила она.

— Что жъ это вы лукавите? сказалъ онъ, покачавъ головою, и, еще болѣе понизивъ голосъ, прибавилъ:

— Вѣдь вы его еще любите, Ганя?

Она покраснѣла, но выдержала пристальный взглядъ Александра Михайловича.

— Нѣтъ! отвѣчала она нетвердымъ голосомъ.

Александръ Михайловичъ на нее посматрѣлъ, какъ будто въ первый разъ вглядывался въ крупныя, но мягкія и ласковыя плебейскія черты ея лица, утратившаго свѣжесть первой молодости, но сохранившаго выраженіе, которое просилось въ душу. Ганя покраснѣла и отвернулася.

«Она—милая, славная дѣвушка!» подумалъ Хрусловъ и сѣлъ возлѣ нея.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ зналъ Ганю, онъ первый разъ касался предмета, столь близкаго ея сердцу, и приступилъ къ нему по своему, безъ приготовленій и обвиняковъ.

— Что жъ вы такъ встревожены? сказалъ онъ, взявъ ея руку. — Спешите, Ганя. Мнѣ, старику, можно все сказать-сь.

Рука ея была холодна и слегка дрожала.

— Кто вамъ объ этомъ говорилъ? спросила Ганя.

— Да еще тогда... какъ я вернулся изъ-за-границы и былъ проездомъ въ Москвѣ—Артемій мнѣ говорилъ.

— Что? спросила она.

— Что онъ васъ любитъ.

Она молчала.

— Ну, а съ тѣхъ поръ, какъ я васъ вижу, вѣдь я разсѣялъ, но не слѣлъ...

— Мнѣ будетъ страшно тяжело это свиданіе, промолвила она, не поднимая глаза.

— И только?

— Только!... А вы сдѣлали доброе дѣло. *Vous... vous êtes un ange de bonné!*... прибавила она.

— Вотъ вѣдоръ какой-съ! скавалъ Александръ Михайловичъ.

Давно левскій взглядъ не останавливался на нейъ съ такимъ ласковымъ и добрымъ выраженіемъ, и давно женская рука не дрожала въ его рукѣ. Александръ Михайловичъ не хотѣлъ съ нею разстаться, не смотря на то, что Ганя пыталась ее освободить.

«Славная дѣвушка!» подумалъ онъ опять.

Ганя конфузилась, хотѣла говорить и не находила словъ.

— Наши старики—точно дѣти... начала она, обрадовавшись, что нашла предметъ разговора: — всему вѣрять... А вы теперь пойдете... туда, къ Юлію Николаевичу?

— Да, надо будетъ, отвѣчалъ онъ.

— Подите... сказала Ганя, вставая вдругъ.—Прощайте... до свиданія.

Она быстро отвернулась и вышла.

Александр Михайлович проводилъ ее глазами и разсѣянно взялся за шляпу.

Ганя была бѣдная сирота, безъ рода и племени. Надобно знать, что прежнее гостепріимство Турениныхъ доходило до того, что у нихъ по цѣлымъ мѣсяцамъ гашивали не только родственники и знакомые, но встрѣчный и поперечный, — всякій, кому только, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, удавалось перешагнуть черезъ порогъ ихъ дома; странничество и убожество считалось всегда предложениями достаточными. Вотъ и случилось нѣкогда, что въ Разказово забрела какая-то странница, представившая Туренинымъ троицкую просфору и объявившая, что возвращается изъ Іерусалима. Она просила позволенія денъга два-три отдохнуть съ дороги; отдыхала ровно три мѣсяца и внезапно скрылась, оставивъ вмѣсто себя новорожденного ребенка, котораго Марья Ѳеодоровна окрестила Агафѣей и стала называть Ганей.

Ганя выросла въ домѣ, выучилась говорить по-французски и довершила свое воспитаніе чтеніемъ всякаго рода книгъ, которыя ей попадались подъ руку. Туренины обращались съ нею ласково, любили ее, но объ ея будущности заботились такъ же мало, какъ о своей собственной.

Артемій Ильичъ въ нее влюбился—(когда же не влюбляются въ воспитанницъ?) и заговорилъ о женитьбѣ; однако, не женился и уѣхалъ за границу. Въ его оправданіе нельзя не замѣтить, что противъ мысли о женитьбѣ возстало все сѣмейство. Илья Ѳеодоровичъ по этому предмету переговорилъ съ глазу на глазъ съ Ганей, впрочемъ—нисколько не измѣнилъ своего ласковаго обращенія съ нею. Что касается Марьи Ѳеодоровны, она даже очень интересовалась ея романомъ и нерѣдко спрашивала:

— Ганя, *dites moi, vous êtes encore attachée d'Артюша?* на что, въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, Ганя постоянно отвѣчала:—Этому ужъ такъ давно, мамаша.

Тѣмъ и кончался разговоръ; а кромѣ Марьи Ѳеодоровны никто и не пробовалъ его заводить. Домашніе любилъ Ганю и не позволяли себѣ никакихъ нескромныхъ замѣчаній и расприговъ; отъ посѣтителей туренинскаго дома она держала себя въ почтительномъ отдаленіи, допускавшемъ не болѣе какъ обмѣнъ обыкновенныхъ фразъ, которыя, пожалуй, не обошлись бы безъ оскорбительныхъ намѣковъ, еслибъ не было извѣстно, что ихъ не по-

терпятъ ни Илья Ѳедоровичъ, ни въ особенности Ирина Ѳедоровна. Такъ никто и не узналъ отъ Гани, сколько на ея долю выпало горя, и въ чемъ состоялъ ея романъ. Первый о немъ заговорилъ Александръ Михайловичъ и заговорилъ такъ, что не оскорбилъ Гани. Но ушедши въ свою комнату наверхъ, она закрыла лицо платкомъ, плакала долго и неутѣшно и еще не наплакалась досыта, когда ее потребовали внизъ.

Марья Ѳедоровна объявила ей, какъ новость, о скоромъ возвращеніи Артемія изъ-за границы и объ обѣдѣ, которымъ предполагалось отпраздновать день его рожденія. Ганя, разумѣется, должна была принять участіе въ приготовленіяхъ къ этому торжеству. Старики, съ своей стороны, совершенно довольные и счастливые, уже успѣли вдоволь нахлопотаться, обдумывая всѣ подробности имениннаго обѣда и призывая поочередно на совѣщаніе то повара, то экзюмку, то *столоваго дворецкаго*, Захара Архипыча, мнѣніе котораго пользовалось прочнымъ авторитетомъ. Ганѣ было поручено сейчасъ же послѣ обѣда ѣхать въ магазинъ и выбрать чайный сервизъ (старый уже никуда не годился); изъ магазина Марья Ѳедоровна велѣла ей заѣхать къ Хруслову напомнить ему о присылкѣ обѣщанныхъ денегъ.

— Да... мамаша, возразила Ганя:—можетъ быть, мое посѣщеніе вовсе не понравится Александру Михайлычу.

— И полно, что это? отвѣчала Марья Ѳедоровна. — Какой вздоръ! Скажи, что я тебя прислала.

Только что отобѣдали, Ганя отправилась. За неимѣніемъ экипажа она рѣдко выѣзжала и всегда, какъ ребенокъ, радовалась случаю прокатиться въ саняхъ, или пролеткѣ.

Мало удовольствій выпадало на ея долю. Тихо, скучно и однообразно текла ея жизнь. Молодости бываетъ тѣсно между стариками, какъ бы они ни были снисходительны и добры. Съ какой снѣдающей скукой Ганя, нагнувъ голову надъ вязаньемъ, проводила длинные зимніе вечера у столика, на которомъ Марья Ѳедоровна раскладывала пасьянсъ, между тѣмъ какъ Илья Ѳедоровичъ, молча, ходилъ по комнатѣ, или чертилъ что нибудь на аспидной доскѣ. Боже мой! какъ въ это время тяжело бывало Ганѣ, и какъ подчасъ работала ея молодая голова, унося ее за тридевять земель!...

Передъ наступленіемъ нескончаемаго вечера Ганя пользовалась часомъ свободы. Когда, послѣ обѣда, старики ложились отдохнуть, и огоньки начинали мелькать въ лавочкахъ, она надѣ-

вала пальто и шляпу и выходила на улицу. Морозъ трещалъ; твердый снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами; извошники, полуокоченѣвшіе отъ стужи, похлопывали рукавицами...

Ганя почти бѣгомъ пускалась по тротуару, закинувъ голову назадъ и съ наслажденіемъ вдыхая холодный воздухъ.

Вдругъ мимо нея, звеня во всѣ бубенчики, пронеслась дорожная тройка, и при фонарномъ свѣтѣ мелькала побѣлѣвшая отъ инея борода ямщика.

«Счастливые люди! они ѣдутъ на большую дорогу», думала Ганя, слѣдя глазами за тройкой. «Тамъ и лѣса, и села, и города... и куда не доведетъ большая дорога!»

Иной разъ ей встрѣчалась сгорбленная нищенка съ посохомъ въ рукѣ и сумой за плечами. Ганя подавала ей милостыню и спрашивала, издали ли она?

— Изъ-подъ Каширы, касатка; теперича на праздники въ свое село пробираюсь.

— Чтò жъ у тебя тамъ дѣти, что ли, бабушка?

— И—нѣтъ, кормилица; какъ есть сирота; и никого-то у меня нѣтъ, а все надоть дома разговѣться.

«Не за большимъ гонятся эти бѣдные люди, думала Ганя:—нетребовательно ихъ счастье; зато не оставляетъ оно горькихъ воспоминаній по себѣ.»

И она шла далѣе, вглядываясь въ звѣздное небо... Голова ея горѣла, и словно иголками кололо ея щеки, зардѣвшіеся на морозѣ.

— Искупила я свое счастье! продолжала она думать. — Чтò за дѣло—я жила тогда!

Но гдѣ-то далеко ударили въ колоколъ ко всенощной. Пора домой. Во флигелѣ уже начался зимній вечеръ: Марья Федоровна уже сидитъ за картами, Илья Федоровичъ—за аспидной доской; пора и Ганѣ приняться за вязанье!

А годъ шли за годами. Уже болѣе десяти лѣтъ, какъ Артемій за границей... Вотъ онъ скоро и вернется; но не вернется прежняя пора для Гани... Она сама уже не та... Тяжело ей будетъ теперь свиданіе съ Артемьемъ Туренинымъ; не радуется ей сердце семейной радости, затѣянному празднику.

Исполнивъ порученіе Марьи Федоровны, она велѣла ѣхать къ Хруслову. Пролѣтка остановилась у крыльца. Въ окнахъ мелькалъ огонь—Александръ Михайловичъ былъ дома. Ганя нерѣшительно позвонила. Даже Панкратъ былъ дома и показался въ дверяхъ.

- Александръ Михайлычъ у себя? спросила Ганя.
 — У себя-съ. Пожалуйста, отвѣчалъ Панкратъ.
 Она сдѣлала шагъ впередъ и опять отступила.
 — Доложи ему, что Марья Ѳеодоровна велѣла ему напомнить о деньгахъ.

Ганя поспѣшно сѣла въ пролѣтку и уѣхала. Дома она сказала, что Александръ Михайловичъ спалъ, и что она не велѣла его будить. Марья Ѳеодоровна приуныла: она съ минуты на минуту ждала разныхъ присылокъ изъ магазиновъ, а въ домѣ не было ни гроша. Къ счастью, Александръ Михайловичъ въ время доставилъ обѣщанныя деньги, и Марья Ѳеодоровна опять засуетилась, какъ будто на знаменитый обѣдъ должна была съѣхаться вся Москва. Переходя изъ буфета въ дѣвичью, а изъ дѣвичьей къ Ганѣ, старушка урывками появлялась въ кабинетѣ Ильи Ѳеодоровича, то съ запасомъ невинныхъ сплетней, набранныхъ въ разныхъ углахъ дома, то съ распросами и собственными соображеніями.

— А какъ ты думаешь, *Elie*, Юленька влюбится въ Артюшу? спрашивала она.

— Это еще Богъ знаетъ, а пока—только бабьи толки, говорилъ Илья Ѳеодоровичъ.—Мой расчетъ вѣрнѣе: пойдетъ у насъ заводъ, да разбогатеетъ Артюша, такъ не мы за невестами погонимся, а онѣ погонятся за нами.

— Посмотри, что влюбится, настаивала Марья Ѳеодоровна. Ужь тогда, *Elie*, надобно будетъ домъ въ Москвѣ купить, Поѣдемъ бы на Арбатъ. *Moi j'aime beaucoup l'Arbate*. Ты какъ думаешь, *Elie*?

— Тамъ виднѣе будетъ, отвѣчалъ Илья Ѳеодоровичъ.

IX.

Туренинскіе гости.

Въ день, назначенный для обѣда, флигель туренинскаго дома принялъ праздничный видъ: все было вымыто и вычищено, всѣ съ утра принарядились, чтобы, какъ скоро проснутся господа, поздравить ихъ съ новорожденнымъ.

Часовъ около десяти Илья Ѳеодоровичъ вышелъ изъ своей спальни, крихтя и охая. Онъ дурно провелъ ночь и жаловался на сильную головную боль. Это съ нимъ рѣдко случалось; онъ

иногда страдалъ отъ подагры, но вообще пользовался завиднымъ въ его лѣта здоровьемъ. Марья Ѳедоровна встревожилась.

— Ахъ, чтожь это, право, *Elie*, заговорила она:—чтожь ты это, какъ нарочно, къ такому дню занемогъ? Не послать ли за докторомъ? Какъ ты думаешь?

— Не нужно, отвѣчалъ Илья Ѳедоровичъ.—Это я, должно быть, еще съ вечера угорѣлъ. Я спать ложился, такъ ужъ чувствовалъ, что у меня голова тяжела; вотъ я хрѣну понюхаю.

— Понюхай, понюхай. А то вотъ чтò, *Elie*—ужъ не отложить ли обѣдъ до завтрашняго дня? спрашивала опять Марья Ѳедоровна, не безъ тайнаго опасенія, что братъ согласится на ея предложеніе.

— Да полно вздоръ-то придумывать, сказалъ онъ съ сердцемъ.—Говорять тебѣ, я угорѣлъ. Кое-кто пріѣдетъ, вотъ я и разсѣжусь.

И старикъ нюхалъ хрѣнъ и ждалъ гостей.

По случаю траура никого не звали; но хотѣли удержать обѣдать тѣхъ родственниковъ и знакомыхъ, которые сами вспомнить о днѣ рожденія Артемія и пріѣдутъ съ поздравленіями.

Юлія завернула на одну минуту и общалась быть къ четыремъ часамъ; приплелась уже знакомая читателю Авдотья Михайловна... И только! А утро было уже на исходѣ; въ залѣ, украшенной портретами Фридриха Великаго и Ильи Ѳедоровича, уже давно былъ накрытъ столъ на 15 приборовъ; въ буфетѣ все чаще и чаще раздавались хлопанье откупоренныхъ бутылокъ и громкія распоряженія Захара Архипыча. Ганя уже отправилась одѣваться къ обѣду.

— Матушка, Агафья Александровна, говорила Дуняша, явившаяся поздравить стариковъ:—не дай Богъ угадать, а мнѣ словно не вѣрится, что пріѣдетъ молодой баринъ.

— Пріѣдетъ, Дуняша. Деньги посланы.

— Знаю, матушка, да я сегодня сонъ нехорошій видѣла... Ужъ, полно, въ добрый ли часъ затѣяли этотъ обѣдъ: моей покойницѣ только что три мѣсяца минуло.

— Чтò, Дуняша, какой сонъ? спросила Ганя, продолжая одѣваться.

— А вижу я, моя сударыня, начала Дуняша, понизивъ голосъ:—вижу я: старый баринъ стоитъ въ рѣчкѣ, и вода ему по самый поясъ; а на берегу-то стоитъ Артемій Ильичъ. Какъ это увидалъ онъ барина, такъ и всплеснулъ руками: «Ахъ, молъ,

папенька, куда это вы зашли?» Что же, матушка? старый баринъ и давай его къ себѣ манить. Онъ, этакъ, вижу, къ рѣкѣ—то шагнулъ, да ужъ, къ счастью, Захаръ Архипычъ вернулся и его за руку схватилъ. А я стою... такъ и обмираю.

— Это—ничего, Дуниша; я часто вижу во снѣ, что тону, сказала Ганя...

— Нѣтъ-съ, это нехорошо, виѣшалась горничная, помогавшая ей одѣваться.—Вамъ, сударыня, это съ того и снится, что вы купаться любите и къ водѣ ужъ очень безстрашны; а Авдотъѣ Матвѣевнѣ отчегобы такое приснилось? Воля ваша, нехорошо!

Мужскіе шаги послышались на лѣстницѣ.

— Агафья Александровна, можно къ вамъ войти-съ? спросилъ Александръ Михайловичъ за дверь.

Это посѣщеніе было совершенной новостью для Гани; но ея туалетъ былъ оконченъ, и она отвѣчала, что «можно». Обѣ служанки отправились внизъ.

— Я вамъ долженъ визитъ, сказалъ Александръ Михайловичъ.—Почему жъ вы-то не хотѣли ко мнѣ войти, Ганя?

Вмѣсто отвѣта, она покраснѣла до ушей. Александръ Михайловичъ притянулъ ее къ себѣ. Она дрожала всѣмъ тѣломъ...

— Скажите, давно прекратилась ваша переписка съ Артемьей? спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія.

— Вотъ ужъ пять лѣтъ... Но почему это васъ интересуетъ? спросила, въ свою очередь, Ганя, не понимавшая, съ какой стати возобновляется этотъ разговоръ.

— Потому, что вы сами меня интересуете. Вы—отличная дѣвушка.

— Но вы меня не знаете, проговорила она съ усиліемъ.

— А что-съ? Совѣсть, я чай, грѣхами обременена?

Ганя измѣнилась въ лицѣ.

— Ахъ! ради-бсга, не говорите такъ, сказала она, вырывая свою руку изъ его руки.—Я этого не терплю!

— Агафья Александровна, къ мамашѣ крестной пожалуйте! кликнули съ лѣстницы.

Ганя бросилась къ двери и вдругъ остановилась. Она чувствовала необходимость объясниться съ Александромъ Михайловичемъ; упроченная за нимъ репутація чудака не могла извинить его обхожденія съ нею. Ганя понимала, что ихъ отношенія измѣнились, что онъ сталъ на нее смотрѣть другими глазами, чѣмъ прежде...

— Послушайте, сказала она (и вся кровь бросилась ей въ лицо):—у васъ слишкомъ доброе сердце, чтобъ не понять, что вы затѣяли недобрую игру. Не лучше ли оставить?

И не дождавшись отвѣта, она сбѣжала внизъ.

Внизу, кромѣ Авдотьи Михайловны, оказались налицо старый дядька Артемій, да Костевичъ.

Костевичъ, какъ свѣтскій человѣкъ, представленный Туренинымъ, и какъ литераторъ, которому они аплодировали, вмѣнилъ себѣ въ обязанность явиться къ нимъ съ утреннимъ визитомъ и прѣхалъ, не воображая, что попадетъ на семейное торжество.

Что касается до стараго дядьки, онъ былъ непремѣннымъ гостемъ Турениныхъ во всѣ торжественные дни и на этотъ разъ, противъ обыкновенія, опоздалъ, за что и подвергся хотя заочному, но нѣсколько рѣзкому отзыву со стороны Ильи Ѳеодоровича.

— Вотъ они—друзья, пріятели! говорилъ онъ, напрасно ожидая гостей.—Былъ Илья Ѳеодорычъ богатъ, такъ отъ знакомыхъ отбоя не зналъ; а понесчастливилось Ильѣ Ѳеодорычу, такъ видно, никого ему и не дожидаться! Хороши, нечего сказать! Даже эта скотина, Иванъ Ивановичъ, и тотъ ужъ знать не хочетъ.

Имя Ивана Ивановича, человѣка маленькаго, затертаго и робкаго, первое навернулось на языкъ недовольнаго старика; но въ сущности, изъ всѣхъ прихлебателей туренинскаго дома никто менѣе Ивана Ивановича не заслуживалъ упрека въ неблагодарности. Онъ около 18-ти лѣтъ прожилъ у Турениныхъ, это—правда; но ничѣмъ не былъ имъ обязанъ. Лучшіе годы своей жизни онъ посвятилъ воспитанію Артемія и добросовѣстно, какъ только умѣлъ, выполнилъ свою обязанность; а уѣхалъ Артемій за границу—онъ покинулъ домъ, не предъявляя своихъ правъ на обѣщанную ему нѣкогда пожизненную пенсію и даже не доплативъ цѣлой половины слѣдовавшаго ему жалованья. О счетахъ своихъ съ Турениными онъ никогда не говорилъ; о нихъ зналъ только одинъ Александръ Михайловичъ, доставившій ему мѣсто преподавателя русскаго языка въ одномъ изъ московскихъ уѣздныхъ училищъ. Казеннымъ жалованьемъ да кой-какими уроками сталъ подѣ старость пробавляться Иванъ Ивановичъ и долго не унывалъ. Несмотря на то, что ему уже было подѣ пятьдесятъ, когда уѣхалъ Артемій, онъ еще рассчитывалъ на свѣтлую будущность. Давно посѣдѣвшій, пожелтѣвшій, высохшій и отъ прироста надѣленный неварачной, длинною острогой, онъ, конч-

но, мечталъ не о женитьбѣ; да и поздно ему было наживать новыя привязанности. Сердце его, исполненное преданности и любви, безраздѣльно принадлежало Артемію; къ нему привязался Иванъ Ивановичъ съ отцовскою нѣжностью, вокругъ него сгруппировалъ всѣ свои надежды. Неболѣе какъ на два года уѣзжалъ за границу молодой Туренинъ, а по прошествіи этихъ двухъ лѣтъ опять къ нему долженъ былъ поступить старшій дядька, для котораго, конечно, еще слѣдовало придумать должность... Но объ этомъ мало заботился Иванъ Ивановичъ: онъ готовъ былъ идти въ конторщики, въ ключники—все равно, лишь бы жить при своемъ воспитанникѣ; а тамъ... женится Артемій, пойдутъ дѣти, ихъ вынянчаетъ Иванъ Ивановичъ, будетъ ихъ дядькой, какъ былъ дядькой ихъ отца. Но прошло не два года, а шесть, восемь, десять лѣтъ: будущій отецъ семейства все не возвращался на родину; дѣло дошло до того, что ему почти не къ чему было и возвращаться.

Иванъ Ивановичъ зацѣпился съ горя!

Занятый казенными и частными уроками, онъ еще кое какъ воздерживался въ будни; но рѣдкое воскресеніе и рѣдкій праздникъ не былъ онъ пьянъ.

— Смотри, братъ, ты никакъ попить начинаешь! Самъ, я чай, знаешь, что въ этомъ толку мало, уже не разъ замѣчалъ ему Илья Ѳедоровичъ, къ которому онъ въ извѣстные дни являлся съ поздравленіями. Старшій дядька сперва конфузился и молчалъ, а потомъ отвыкъ конфузиться, но продолжалъ молчать... Онъ вообще говорилъ мало: «у него голосъ заржавѣлъ», съострилъ кто-то на его счетъ.

День рожденія Артемія онъ сталъ праздновать съ утра. Зававъ съ собою въ трактиръ такого же горемыку, какъ онъ—драгоцѣннаго человѣка, умѣвшаго безропотно выслушивать всѣ возможные повторенія объ Артеміи, Иванъ Ивановичъ, за стаканомъ пунша, въ двадцатый разъ прочелъ ему письмо, еще за три года тому назадъ полученное отъ милаго воспитанника... Они погоревали вмѣстѣ, потомъ еще разъ прочли письмо, потомъ еще спросили пуншу...

Такъ незамѣтно прошло утро, и уже начали ударять къ вечеру, когда Иванъ Ивановичъ явился въ флигель туренинскаго дома.

Тутъ ему готовился неожиданный ударъ.

Надобно сказать, что у Турениныхъ всѣ домашніе его любили. Проживши съ ними 18 лѣтъ подъ одною кровлею, никто отъ него

не слышалъ непріятнаго слова; напротивъ, старые слуги, въ родѣ Захара Архипыча, не могли достаточно нахвалиться его учтивостью и ласковымъ обхожденіемъ (онъ и Артемія приучилъ ихъ уважать); казачки и сѣнныя дѣвочки, непереводившіеся въ домъ, души не чаяли въ Иванъ Ивановичъ, который постоянно одѣлялъ ихъ яблоками и пряниками и вообще баловалъ.

Одна изъ этихъ баловницъ сторожила приходъ стараго дядьки, чтобъ порадовать его доброй вѣстью, и едва онъ вступилъ въ переднюю, подвернулась къ нему и торопливо объявила:

— Молодой баринъ пріѣдетъ-съ!

Иванъ Ивановичъ не разобралъ, потому, можетъ быть, что у него шумѣло въ головѣ; ему послышалось: «молодой баринъ пріѣхалъ!»—Ноги у него подкосились; онъ поблѣднѣлъ и, какъ стоялъ въ шинели и шапкѣ, такъ и опустился на стулъ и съ трудомъ проговорилъ:

— Когда пріѣхалъ? гдѣ онъ?

Испугавшись своей прыти, дѣвочка принялась объяснять, въ чемъ дѣло. Насилу опомнился Иванъ Ивановичъ.

— П...ш...шла! сказалъ онъ сердитымъ шопотомъ и двумя пальцами толкнулъ въ зашеи проказницу, которая поспѣшно юрнула въ корридоръ.

Кое-какъ оправившись, Иванъ Ивановичъ скинулъ шинель и вошелъ въ гостиную.

— Съ новорожденнымъ честь имѣю... началъ онъ.

— Много чести! сердито перебилъ Илья Ѳеодоровичъ.—Только не позднею ли хватились, батюшка Иванъ Ивановичъ? Вѣдь, изволите видѣть, день-то ужъ на исходѣ.

— Дѣла-съ... пробормоталъ старый дядька.

— Ну, какъ же! Небось, черныхъ собакъ набѣло моешь! Да вѣдь всѣхъ заразъ не перемоешь, сударь мой! Завтра могъ бы позаняться, а сегодня не грѣшно было бы и къ намъ заглянуть.

— Помилуйте-съ, мало ли какія дѣла... дѣлъ много-съ, безсмысленно повторялъ Иванъ Ивановичъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— *Laissez, Elie; vous voyez, il a bu*, вполголоса замѣтила Марья Ѳеодоровна.

— Вижу! да не въ томъ сила! Сегодня я бъ и самъ умѣлъ его напоить, да онъ-то, должно быть, моимъ угощеніемъ брезгать начинаетъ! А, кажется, безъ малаго двадцать лѣтъ въ домѣ прожилъ, и обращались съ нимъ не какъ съ чужимъ человѣкомъ. Не знаю,

какъ по вашему, а по моему этого не слѣдовало бы забывать.

Ильѣ Ѳедоровичу нужно было на комъ нибудь сорвать сердце; и беззащитному дядьки долго бы пришлось выслушивать начатую проповѣдь, еслибъ на выручку ему не явился неожиданный извѣститель—Костевичъ.

Чѣмъ менѣе старики Туренины рассчитывали на Костевича, тѣмъ болѣе ему обрадовались; его приняли какъ стараго друга, усадили, уговорили остаться обѣдать.

— У насъ сегодня двойная радость, объяснилъ ему Ильѣ Ѳедоровичъ:—мы празднуемъ и день рожденія сына, и скорое его возвращеніе.

— Ахъ.... Иванъ Ивановичъ, сказала Марья Ѳедоровна, обращаясь къ дядькѣ, который, воспользовавшись пріѣздомъ литератора, отретировался къ сторонкѣ и подсѣлъ къ Авдотѣ Михайловнѣ:—Иванъ Ивановичъ, вы знаете... *Elie* третьяго дня писалъ къ Артюшѣ?.. онъ скоро пріѣдетъ... Каково? продолжала Марья Ѳедоровна:—не вѣрить!

Дѣйствительно, Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ во всѣ глаза и даже бровью не двинулъ. Не въ первый разъ ему доводилось слышать, что скоро пріѣдетъ Артюша.

— Точная правда, шепнула ему Авдотья Михайловна.

На лицѣ стараго дядьки выразилось скорѣе тревожное, чѣмъ радостное чувство. Онъ оглянулся во всѣ стороны, но, не вида въ комнатѣ ни Гани, ни Хрулова (на ихъ показанія онъ полагался), робко скользнулъ въ дверь и отправился ихъ отыскивать.. Въ буфетѣ его остановилъ Захаръ Аркипычъ и подтвердилъ слова Марьи Ѳедоровны. Иванъ Ивановичъ наконецъ повѣрилъ, но и тутъ не обнаружилъ ни малѣйшей радости; только выпилъ двѣ рюмки водки и сталъ еще угрюмѣе... Такъ на него обыкновенно дѣйствовалъ кмѣль....

X.

Иванъ Ивановичъ.

Между тѣмъ въ гостиной рѣчь шла объ Юліи.

— Вотъ съ утра изволить разгѣзжать по гостямъ да по магазинамъ, а мы ее жди! а ужъ скоро 6 часовъ, говорилъ Ильѣ Ѳедоровичъ.—Могла бы, кажется, вспомнить, что мы постарше ея.

— Ахъ, *Elie*! возразила Марья Ѳедоровна, которая заступала.

лась за Юлію, какъ за будущую жену Артемія.—Почему ты знаешь? Можетъ быть, у ней карета сломалась.

— Э! полно, матушка! перебилъ съ сердцемъ Илья Ѳедоровичъ.—Хоть бы ты когда нибудь обмолвилась, да дѣльное слово сказала.

— Вы что-то разстроены сегодня, батюшка, замѣтила Авдотья Михайловна, чинно сидѣвшая возлѣ Марьи Ѳедоровны.

— Ничего не разстроены, а такъ... словно угорѣлъ. Все этотъ дуралей, истопникъ, не наладить вовремя трубы закрывать... А вамъ спасибо, Авдотья Михайловна, что насъ не забыли, нашу хлѣбъ-соль помните. Нынче это въ диковинку. Забычивъ сталъ свѣтъ!

— Онь, дядюшка, всегда таковъ былъ-съ, сказалъ Александръ Михайловичъ.

— Вотъ опять меня учить принялся, сердито отозвался Илья Ѳедоровичъ.

— И я того мнѣнія, что общество измѣнилось и едва ли — къ лучшему, сказалъ въ свою очередь Костевичъ.—Мнѣ говорятъ: цивилизація, развитіе... Не знаю; на сколько мы развились; но знаю, что мы утратили патріархальность нашихъ нравовъ, въ которыхъ, право, было много хорошаго. Да вы возьмите хоть это: бывало, начинающій писатель являлся къ Державину, къ князю Шаховскому, къ Ивану Ивановичу Дмитріеву — и они его принимали, ласкали, восхищались его стихами... даже плохими... и выводили въ люди. Развѣ это—бездѣлица?

— Какая жъ бездѣлица! сказалъ Илья Ѳедоровичъ.—Да на томъ основано общество, чтобъ молодѣжь почитала стариковъ, а старики покровительствовали молодѣжи. Прежде такъ и было, а теперь вывелось; да кто жъ въ барышахъ-то остался?

Костевичъ поддакивалъ. Отверженный литераторъ и оскорбленный старикъ спѣлись какъ нельзя лучше: досталось и вѣку, и нравамъ, и просвѣщенію... Въ пылу разговора Илья Ѳедоровичъ даже забылъ объ обѣдѣ и о запоздавшей племянницѣ.

Когда Юлія пріѣхала, Марья Ѳедоровна разразилась восклицаніями и похвалами.

— Ахъ, *comme vous êtes belle!* Скажите, какая ты нарядилась, Юленька! *Dites moi—vous avez beaucoup d'adepteurs?*

Только что Юлія успѣла уѣсться, къ дверямъ показався Захаръ Архипичъ—топорный старичокъ, въ черномъ фракѣ, бѣломъ галстукѣ и бѣлыхъ перчаткахъ.

— Кушать готово! прокънесь онъ съ достоинствомъ.

Костевичъ подалъ руку Марьѣ Федоровнѣ, Илья Федоровичъ—Юліи, Азотъ Михаилловна повелелась рядомъ съ Ганей, Иванъ Ивановичъ замыкалъ шествіе, которое потянулось мимо Круслова; прислонившагося къ дверной притолкѣ. Когда съ нимъ поравнялся старый дядя, Александръ Михайловичъ ласково положилъ ему руку на плечо и сказалъ:

— Ну, что, старый пріятель, и на нашей улицѣ скоро правды—а? Скоро, Богъ дастъ, и Артемья дождемся!

Иванъ Ивановичъ отчаянно махнулъ рукой и не отвѣчалъ ни слова.

За столомъ разговоръ не клеился. Илья Федоровичъ, чувствуя, что на всѣхъ отзывается его мрачное расположеніе духа, старался переломить себя и не разъ съ принужденной веселостью заводилъ рѣчь то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей. Наконецъ подали шампанское—начались поздравленія... Старикъ благодарилъ, выпилъ бокалъ вина и заговорилъ о сынѣ.

— Артемию минуло сегодня тридцать три года. Угадываетъ ли онъ, что теперь пьютъ за его здоровье, и чувствуетъ ли, что съ каждою часомъ къ нему приближается письмо, которое его возвратитъ на родину? Какъ онъ, вѣроятно, измѣнился и возмужалъ! Какъ радостенъ будетъ день его пріѣзда!

Вдругъ Илья Федоровичъ обратился къ Ивану Ивановичу, неподвижно сидѣвшему на противоположномъ концѣ стола.

— Иванъ Ивановичъ, да ты никакъ выпилъ свой бокалъ, а меня не поздравилъ съ скорымъ возвращеніемъ блуднаго сына? сказалъ онъ съ упрекомъ.—Это, братъ, не водится. Человеку! налей ему шампанскаго!

Бокалъ Ивана Ивановича наполнился вновь; онъ его поднялъ и, молча, осушилъ.

— Да что жь это, въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Илья Федоровичъ, возвысивъ голосъ:—что ты надо мной издѣваться вздумалъ, что ли? Я этого, братъ, не люблю. Говорять тебѣ—поздравь и выпей!.. Слышишь? прибавилъ онъ, насунивъ брови.

— Что вы ко мнѣ пристали? рѣзко проговорилъ Иванъ Ивановичъ.

Илья Федоровичъ вспыхнулъ.

— Дядюшка, Иванъ Ивановичъ нерасположенъ... Лучше это оставить до другаго раза, вмѣшался Александръ Михайловичъ.

— Молчи! тебя не спрашивают... Не оставляю! Налей ему еще! Я велѣлъ ему поздравить, такъ пусть поздравляетъ!

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ! что это? Право, какіе вы! Поздравьте насъ! сказала Марья Ѳедоровна.

Всѣ вторы обратились на стараго дядьку. Онъ былъ совершенно пьянъ. Въ дрожащей рукѣ его ходенѣмъ ходилъ бокалъ; мутные глаза пытались остановиться на Ильѣ Ѳедоровичѣ.

— Не поздр...р...равлю! произнесъ онъ съ усиленіемъ и со всего плеча ударилъ кулакомъ объ столъ; бокалъ разлетѣлся въдребезги, вино разлилось по скатерти.

— Буянить! да ты съума сошелъ! Здѣсь не трактиръ! закричалъ Илья Ѳедоровичъ.

— Хуже трактира! отвѣчалъ съ разстановкой Иванъ Ивановичъ.—Здѣсь денной грабежъ! Ограбили сына... по міру пустили... безъ ножа зарѣзали!

— Вонъ его! загремѣлъ Илья Ѳедоровичъ, всталъ и выпрямился во весь ростъ.—Вонъ его! повторилъ онъ, задыхаясь.

Всѣ присутствующіе поднялись съ своихъ мѣстъ; усидѣлъ одинъ Иванъ Ивановичъ и продолжалъ кричать.

— Блудный сынъ! ха, ха, ха!... Зарѣзали... погубили... да еще радоваться велятъ! Ха, ха, ха!...

— Нанять извозчика и отвезти домой! шепнулъ Хруслевъ Захару Архипычу, а самъ увелъ дядю въ кабинетъ и старался успокоить.

Старикъ былъ внѣ себя. Онъ хотѣлъ пройти по комнатамъ и зашатался. Племянникъ и Ганя усадили его въ кресло; онъ тяжело дышалъ и безпрестанно хватался за голову. Александръ Михайловичъ втихомолку послалъ за докторомъ.

— Право, напоить бы его трюфолъю съ мятой, вполголоса сказала Марья Ѳедоровна, показавшись въ дверяхъ кабинета.

— Ступай туда... къ гостямъ ступай, проговорилъ Илья Ѳедоровичъ.— Это—ничего... пройдетъ!

Старушка немного успокоилась и вернулась въ столовую въ то время, какъ оттуда готовились выбраться Юлія и Костевичъ, понимавшіе, что хозяевамъ не до нихъ. Марья Ѳедоровна отъ имени брата упросила ихъ остаться, настояла на томъ, чтобы они опя ть сѣли за столъ, и велѣла подавать пирожное и десертъ.

— Ен ѣ говоритъ, что ничего... что это пройдетъ, сказала она.— Только онъ очень разстроенъ. Каково! *Quelle ingratitude!* Иванъ Ивановичъ... *Comment il a osé dire.*

Разумѣется, никто не дотронулся до безчисленныхъ сластей, которыя разносилъ Захаръ Архипычъ. Послѣ неожиданно разразившейся бури настало упорное молчаніе: всѣ какъ будто нахаживались подъ гнѣтомъ какого-то тяжелаго ожиданія; всѣмъ было неловко...

— Никита Иванычъ, *mangez donc!*... Юленька... Авдотья Михайловна, право, вы ничего не кушаете... угощала изрѣдка Марья Феодоровна.

— Мы, слава-богу, сыты, матушка, Марья Феодоровна; а вамъ, можетъ быть, угодно братца провѣдать, рѣшилась сказать Авдотья Михайловна.

— А вотъ сейчасъ кончимъ... Только фрукты подадутъ... Да что жъ это, право, не подаютъ?

Въ самомъ дѣлѣ, неизмѣнно долго тянулся десертъ. Никого нельзя было добиться; вся прислуга столпилась у дверей кабинета Ильи Феодоровича. По приѣздѣ доктора, котораго, по приказанію Хрушова, провели съ задняго крыльца, всѣ узнали, что «старого барина» разбило параличемъ; но никто не рѣшался объявить объ этомъ Марьѣ Феодоровнѣ. Наконецъ въ столовую явилась Ганя съ заплаканными глазами.

— Ну, что? что такое? съ живостью спросила Марья Феодоровна.

— Ему нехорошо... проговорила Ганя, стараясь казаться покойной.

Старушка ахнула и побѣжала къ двери. Все общество бросилось за ней.

Илья Феодоровичъ лежалъ на диванѣ. Свѣтъ лампы падалъ на правильный его профиль; на лицѣ, на которомъ уже не было признака жизни, оставалось выраженіе тревоги: губы были сжаты, брови сдвинулись. Длинные волосы старика живописно раскинулись по сафьянной подушкѣ. Александръ Михайловичъ стоялъ у изголовья; докторъ, молча, вытиралъ ланцетъ, которымъ уже два разъ пробовалъ пустить кровь.

— Ахъ, боже мой! что съ нимъ? спросила Марья Феодоровна, всплеснувъ руками.

Никто не отвѣчалъ. Марья Феодоровна стояла ни жива — ни мертва и ухватила за ручку дивана, чтобы не грянуться объ полъ.

— Ну, что? сказалъ Хрушовъ на ухо доктору.

Тотъ нагнулся къ старику и, убѣдившись, что онъ пересталъ дышать, отвѣчалъ шопотомъ:

— Все кончено!

Александръ Михайловичъ подошелъ къ теткѣ и взялъ ее подъ руку. Она поняла, повиновалась молча и добрела до сосѣдней комнаты. Тутъ Ганя напоила ее какими-то каплями, стала передъ нею на колѣни и, заливаясь слезами, цаловала ее руки. Марья Федоровна была такъ поражена, что не плакала; но въ какіе нибудь полчаса черты ея лица измѣнились, какъ послѣ долгой болѣзни.

— Юлія, Юленька! сказала она вдругъ тѣмъ умоляющимъ голосомъ, какъ будто отъ Юліи зависѣло воскресить Илью Федоровича. Но бѣдная старуха не могла связать двухъ мыслей и не докончила.

— Чего ей хочется? спросила Юлія, подходя къ Ганѣ, которая, стоя у лампы, отсчитывала ночный пріемъ капель.

— Утѣшительною слова, отвѣтила Ганя, не отрываясь отъ своего дѣла и не взглянувъ на молодую женщину.

— Я въ этихъ случаяхъ утѣшать не берусь, рѣзко сказала Юлія.

Этотъ отвѣтъ взорвалъ Иосифа. Онъ подошелъ къ Ганѣ, которую уже нѣсколько разъ то за тѣмъ, то за другимъ вынимали изъ комнаты, и, сказавъ съ участіемъ:

— Скажите, Агафья Александровна, не могу ли я чѣмъ нибудь быть вамъ полезенъ? Вамъ необходимо оставаться при Марьѣ Федоровнѣ; пусть Александръ Михайлычъ распоряжается здѣсь, а меня употребить на разѣзды и носылки.

Ганя протянула ему руку.

— Агафья Александровна, священникъ здѣсь, шепнулъ Захаръ Архицычъ, на ципоткахъ вошедшій въ комнату.

Изъ полурастворенной двери кабинета запахло ладаномъ и восковой копотью...

XI.

Марья Федоровна.

Юлія скупилась только на ласковыя слова; уходя, она просила Креставича обращаться къ ней за деньгами, необходимыми для закупокъ и расходовъ.

Увидяши объ этомъ, Ганя подошла къ Александру Михайловичу, съ живостью взяла его руки и сказала:

— Не правда ли, вы безъ ея помощи найдете денегъ на похороны?

— Найдёмъ-съ, отрывисто отвѣчалъ Александръ Михайловичъ.

Ему пришлось очень по сердцу и довѣріе, которое онъ внушалъ Ганѣ, и чувство гордости, которое сказалось въ ея выходнѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ Ганя ему серьезно нравилась.

Онъ еще короче узналъ ее, еще болѣе съ нею сблизился въ теченіе печальныхъ дней, которые ему, передъ похоронами Ильи Федоровича, пришлось почти безъ выѣзда провести во флигелѣ туренинскаго дома.

Костевичъ то же бывалъ раза по два въ день. Ганя обращалась съ нимъ, какъ съ старымъ знакомымъ; а Марья Федоровна, которой онъ возилъ разные лакомства, полюбила его безъ памяти, гораздо болѣе, чѣмъ Александра Михайловича.

Нѣмногіе изъ знакомыхъ и родственниковъ, нѣкогда пировавшихъ на туренинскихъ праздникахъ, съѣхались на похороны Ильи Федоровича, да и тѣ проводили его на послѣднее новоселье безъ словъ и безъ соматнѣй, но не безъ замѣчаній о томъ, что покойникъ былъ пустой человѣкъ и ничего путнаго не сдѣлалъ на своемъ вѣку; на похоронахъ замѣтили отсутствіе Ивана Ивановича.

Послѣ печальной церемоніи вернулись во флигель, который, казалось, страшно опустѣлъ; царствовавшая въ комнатахъ мертвая тишина только повременамъ прерывалась глухимъ боемъ стѣнныхъ часовъ. Все не вѣрилось, что хозяинъ навѣки переступилъ черезъ порогъ родоваго жилища; такъ и казалось, что вотъ сейчасъ откроится дверь, и выйдетъ изъ кабинета Ильи Федоровичъ, въ своемъ бѣличьемъ тулупѣ, съ камышевой тростью въ рукѣ, и заговорить о селитринномъ заводѣ.

Но цѣлыхъ шесть недѣль не отворялась дверь, за которою раздавалось заунывное и мѣрное чтеніе дьячка...

Дѣлами Турениныхъ занялся, разумѣется, Александръ Михайловичъ. По довѣренности отъ Марьи Федоровны, которая, какъ неотдѣленная сестра, имѣла право на незавидное наслѣдство, онъ съѣздилъ въ Разсказово, прогналъ хвалѣнаго Ивана Игнатовъ, устроилъ, что могъ, собралъ кой какія недоимки и привезъ въ Москву около тысячи рублей, которые вручилъ Ганѣ на расходы. Болѣе нѣнато было и рассчитывать: по вызову кредиторовъ оказалось, что продажю Разсказова не покроются частіе долги. Надъ имѣніемъ устроили опеку.

Марья Федоровна слегла вскоре послѣ похоронъ Ильи Федоровича и не оправлялась. Опасности, правда, не было; но скудные умствениныя способности бѣдной старухи гасли со дня на день. Память стала ей измѣнять дотогу, что она частехонько не узнавала домашнихъ. Случалось даже, что ея слова отъзывались совершеннымъ безуміемъ. Она спрашивала, напримѣръ: «скоро ли прїѣдетъ сестра Ирина Федоровна, и правда ли, что она выходитъ замужъ за живописца?» Живописцемъ она называла фотографа, который, по изъявленному ею желанію, являлся снимать портретъ съ Ильи Федоровича, когда онъ лежалъ въ гробу. Богъ знаетъ, почему фizioномія этого человѣка поразила Марью Федоровну и она часто говорила о немъ въ бреду. Замѣчательно также, что она никогда не упоминала о самомъ Ильѣ Федоровичѣ, котораго фотографическій портретъ постоянно висѣлъ у ней передъ глазами. Юлію она всегда узнавала и обыкновенно заговаривала съ ней объ Артюшѣ, но несвязно и бессмысленно. Видно было, однако, что незадолго передъ болѣзнію у ней крѣпко засѣла въ голову мысль женить племянника на богатой вдовѣ.

Но всего яснѣе и постояннѣе сказывалось въ ней чувство самосохраненія, которое мало по малу развилось до крайнихъ предѣловъ мнительности. Она стала всего на свѣтѣ бояться, на все жаловаться, всѣхъ подозрѣвать въ нерадѣніи къ ея здоровью, даже въ покушеніи на ея жизнь...

И для нея самой, и для другихъ это было худшей, тягостнѣйшей стороной ея болѣзненного состоянія. Трудно себѣ представить, чего натерпѣлась, черезъ какія мытарства прошла бѣдная Ганя. Марья Федоровна боялась простуды, и Ганя по цѣлымъ днямъ не отходила отъ грѣлки, безпрестанно согрѣвая и собственныя руки, и тѣ вещи, до которыхъ должна была прикоснуться старушка — ложку, стаканъ, носовой платокъ... «У тебя руки остыли», говорила больная слабымъ голосомъ, и она опять обращалась къ грѣлкѣ, которая такъ и не выносилась изъ комнаты. Въ этой комнатѣ не только тщательно поддерживалась тепличная температура, но еще, вдобавокъ, ни днемъ ни ночью не открывались ставни. Марья Федоровна, у которой никогда не болѣли глаза, заладила, что они у нея воспалены, надѣла зеленый зонтикъ и стала жаловаться на дневной свѣтъ. И Ганя отказалась отъ дневнаго свѣта, и зажгла неугасаемую лампу, тускло свѣтившую изъ-подъ двойнаго колпака. Въ темной ком-

натѣ, отъ бездѣйствія и скуки еще болѣе, чѣмъ отъ слабости, больная принималась дремать по десяти разъ на день, вслѣдствіе чего плохо спала по ночамъ, такъ что безсмысленная ея сидѣлка, Ганя, ни днемъ ни ночью не знала покоя. Наконецъ, Марья Федоровна не принимала ни лекарства, ни пищи, которыхъ бы предварительно при ней не отвѣдала ея крестница. Все казалось вреднымъ больной старухѣ, всѣмъ хотѣли ее разстроить, навести... Но когда эти подозрѣнія стали обнаруживаться въ отношеніи къ самой Ганѣ, она пришла въ отчаяніе. Александръ Михайловичъ, напротивъ, обрадовался этому обстоятельству и воспользовался имъ, чтобы спасти бѣдную дѣвушку: она недолго выдержала бы ту жизнь, на которую хотѣла себя обречь.

Пригласили сердобольную, и Марья Федоровна пріутихла, успокоилась замѣтно... Этого результата, конечно, желали; однако, сначала онъ оскорбилъ Ганю: она была вправѣ рассчитывать по крайней мѣрѣ на ту долю довѣрія, которую могло внушать постороннее лицо. Но когда, по прошествіи какихъ нибудь десяти дней, оказалось необходимымъ смѣнить то *постороннее* лицо, которому только на первыхъ порахъ посчастливилось, а потомъ довелось, какъ Ганѣ, вытерпѣть всѣ привередничанья Марьи Федоровны — то стало ясно, что старушка скучаетъ, приглядѣвшись къ лицамъ, что ея капризная болѣзнь не терпитъ скуки и привычки... Сидѣлки стали смѣняться еженедѣльно, и весь домъ отдохнулъ. Ганя могла изрѣдка входить къ больной, не возбуждая въ ней ни гнѣва, ни радости. Даже иногда Марья Федоровна заговаривала съ ней о погодѣ, объ Юліи, о воспаленіи въ глазахъ, но чаще несла бессмыслицу.

Александръ Михайловичъ бывалъ ежедневно. Всякій разъ, какъ его узнавала старушка, она его спрашивала, давно ли онъ изъ Разсказова. Поѣздка его въ подмосковную относилась еще къ тому времени, когда Марья Федоровна несовершенно измѣнила память и разумокъ.

Кромѣ Хрустова, о больной навѣдывались Авдотья Михайловна, Юлія и Костевичъ, но рѣдко, очень рѣдко. Не дотога было каждому изъ нихъ.

Авдотья Михайловна, сама — человекъ хворый и немолодой, переселилась куда-то къ драгомиловскому мосту и не могла тратиться на извозчиковъ.

Юлія Николаевна провела зиму на балахъ и вечерахъ, у себя принимала, хозяйничала; своими обожателями не хвастала пото-

му только, говорила она, что не стоило хвастать; но все таки удѣлала имъ болѣе времени, чѣмъ умирающей тетѣ.

Костевичъ писалъ драму къ бенефису какого-то второстепеннаго актера. «Въ ней ариотифановскимъ смѣхомъ, который невольно сообщится публикѣ», были осмѣяны представители современной литературы.

Словомъ, у веннаго была своя забота и, всѣмъ забытая, доживала свой вѣкъ Марья Федоровна Туренина въ даровомъ углу туренинскаго дома.

— Вотъ ужъ четыре мѣсяца, какъ она не живетъ и не умираетъ. Долго ли продлится это состояніе? спрашивалъ Александръ Михайловичъ.

— Можетъ быть, нѣсколько лѣтъ! отвѣчалъ докторъ, пожимая плечами.

ХІІ.

Женихъ и невеста.

Однако, рядомъ съ медленно умирающей старухой,

... брала права свои природа,—

паннуле жизнью, радостью, счастьемъ...

Въ уютной и свѣтлой комнатѣ Гани появились цвѣты на окнахъ, журналы и книги на столѣ. Ганя, веселая и одѣтая къ лицу, съ утра сидитъ за чтеніемъ, или за работой; а лучи весенняго солнца пробираются сквозъ душистую сѣть велени и цвѣтовъ и такъ весело играютъ на ея наптановыхъ волосахъ, на профилѣ, на рунахъ... Она помолодѣла десятью годами.

Входитъ Александръ Михайловичъ, жметъ ей руку и садится противъ нея; она сначала конфузится и не поднимаетъ глазъ съ работы, но мало по малу завязывается разговоръ; они долго бесѣдуютъ, потомъ читаютъ вмѣстѣ и всего чаще журналъ естественныхъ наукъ; по временамъ Александръ Михайловичъ прерываетъ чтеніе и начинаетъ рассказывать и объяснять; Ганя слушаетъ, не спуская глазъ съ своего учителя; она пристрастилась къ естественнымъ наукамъ, да какъ и не пристраститься? біографія ласточки или божіей коровки, когда ее рассказываетъ Александръ Михайловичъ, занимательнѣе и трогательнѣе многихъ романовъ.

Раза два-три въ теченіи утра Ганя выйдетъ распорядится, присмотрѣть, въ исправности ли все, что требуется Марьѣ Федоровнѣ, къ ней самой зайдетъ на четверть часа, и надѣя постепеннымъ разрушеніемъ старушки, надѣя ея безомысленнымъ дѣлствомъ грустно задумается счастливая дѣвушка.... Она какъ будто совѣстится собственнаго счастья, но счастья не переспоришь, и едва Ганя перешагнетъ черезъ порогъ угрюмой комнаты, такъ оно отвсюду и напрашивается ей на душу.

Пусть праху—прахъ, жизнь подлая живыми!

Обыкновенно, Александръ Михайловичъ и Ганя обѣдаютъ вмѣстѣ, потомъ идутъ гулять рука объ руку. Рано начинается ихъ утро, рано они обѣдаютъ, и до вечера остается имъ много времени на прогулку. Иногда у нихъ опредѣленная цѣль: они или соберутся осмотрѣть одну изъ старинныхъ церквей, которыми такъ богата Москва, или посѣщаютъ университетскій музей, который во всякое время доступенъ Александру Михайловичу.

Разъ они шли кузнецкимъ мостомъ, и Ганя невольно засмотрѣлась на блестящія бездѣлицы, выставленныя за окномъ одного изъ магазиновъ. Александръ Михайловичъ не спускалъ съ нея глазъ, однако ничего не сказалъ—не спросилъ даже, что именно она разглядываетъ, и нравится ли ей что нибудь въ особенности? Но на слѣдующее утро, когда проснулася Ганя, у нея на столѣ лежалъ футляръ съ той именно булавкой, которой она наканунѣ любовалась, не смѣя вслухъ похвалить. Булавка была сдѣлана въ видѣ ящерицы съ яхонтовыми лапками и жемчужной головкой; на футлярѣ была надпись: «ученицѣ—учитель». Какъ это ни смягчало подарокъ, за него, однако, Ганя поссорилась съ Александромъ Михайловичемъ; дѣло доходило даже до слезъ, но кончилось тѣмъ, что учитель самъ закололъ шаль своей ученицы драгоценною булавкою, а ученица дала слово, что никогда съ нею не разстанется.

Дни шли за днями; и такъ хорошо жилось Ганѣ, что она не думала о будущемъ; ее испугала бы мысль о какой либо перемѣнѣ въ ея жизни, особенно въ ея отношеніяхъ къ Александру Михайловичу. Но инныя отношенія не терпѣли востановленія...

Однажды—это случилось въ первыхъ числахъ мая—Александръ Михайловичъ, противъ обыкновенія, не былъ по утрамъ, но пришелъ уже послѣ обѣда и казался озабоченъ... Ею, разумѣется,

встрѣтили вопросами: «почему онъ такъ опоздалъ? что случилось? чѣмъ онъ встревоженъ?»

— Не встревоженъ, отвѣчалъ онъ: — а я... сегодня письмо получилъ отъ Артемья.

Это имя, не повторялось между ними со дня смерти Ильи Федоровича. Ганя поблѣднѣла и спросила нетвердымъ голосомъ:

— Что онъ пишетъ?

— О своемъ приѣздѣ извѣщаетъ... По моему расчету, онъ долженъ быть на дняхъ.

Ганя, словно громомъ пораженная, опустила голову. Она не могла замѣтить, съ какимъ участіемъ Александръ Михайловичъ слѣдилъ за ея движеніями, но чувствовала, что онъ на нее смотритъ, и не смѣла поднять на него глазъ.

— Ганя, сказалъ Александръ Михайловичъ: — почему это извѣстіе васъ такъ смутило?

— Мнѣ было такъ хорошо... отвѣчала она.

Александръ Михайловичъ не умѣлъ говорить обиняками.

— Вы мнѣ расскажете вашу исторію съ Артемьемъ? спросилъ онъ.

Ганя молчала. Онъ повторилъ:

— Расскажите?

— О! да — теперь, или никогда! проговорила она.

Но нелегко ей было вымолвить то слово, котораго добивался Александръ Михайловичъ. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и со страхомъ приступала къ признанію, отъ котораго—(она это смутно понимала)—зависѣла вся ея будущность.

— Вы знаете, что обо мнѣ говорить?

— Знаю.

— И повѣрили?

— Могло быть такъ, могло быть иначе.

— Говорятъ правду.

Александръ Михайловичъ не отозвался.

— Я, можетъ быть, погибла въ вашемъ мнѣніи, но обманывать васъ я не хочу, сказала Ганя.

— Какъ же это онъ уѣхалъ? спросилъ Александръ Михайловичъ.

Она горько улыбнулась.

— Любовь его скоро остыла... Онъ хотѣлъ жениться, но изъ рыцарскаго чувства. Этого, по идѣму, было слишкомъ мало; я сама требовала, чтобы онъ уѣхалъ...

— Вы поступили честно, но не онъ.

— Не обвиняйте его! Я не знаю, кто изъ насъ болѣе страдалъ тогда... Онъ былъ такъ молодъ и такъ увѣренъ, что любовь ему не измѣнить. А потомъ... любить было не въ его власти, но онъ жертвовалъ собой. Когда онъ со мною прощался, онъ былъ блѣденъ, и голосъ его дрожалъ; онъ сказалъ мнѣ: «Ганя, отъ тебя зависитъ твоя будущность; никто въ мѣръ не помѣшаетъ мнѣ жениться на тебѣ...» Я отказалась отъ него, не онъ отъ меня... Въ письмахъ своихъ онъ повторялъ то же самое, но и я осталась вѣрна своему слову... Теперь—все кончено между нами; но видѣться съ нимъ я не въ силахъ—я это чувствую...

— Однако, встрѣча съ нимъ почти неизбежна, сказалъ Александръ Михайловичъ.

— Не могу... Я уйду отсюда... я не останусь подъ одной кровлей съ нимъ.

— Куда же вы уйдете, Ганя?

— Куда?... не знаю... все равно, сказала она съ глубокимъ уныніемъ.

Долго молчалъ Александръ Михайловичъ... но вдругъ она почувствовала, что его рука ищетъ ея руку. Вся кровь прихлынула къ сердцу Гани.

— А за меня вы пойдете замужъ? спросилъ онъ шопотомъ.

Вмѣсто отвѣта, она припала головой къ его плечу; слезы ея хлынули, и съ невыразимымъ чувствомъ благодарности и любви, взглянула она на человѣка, въ которомъ давно видѣла лучшаго изъ людей... Счастливый не менѣе ея, Александръ Михайловичъ цаловалъ ея руки и волосы...

— Вы подумали ль о томъ, что о васъ скажутъ? робко спросила Ганя.

— А мало ли говорятъ дребедени? Всего не переслушаешь, Человѣкъ женится для себя, а не для другихъ. Будь ты его вдовой, вѣдь я бы женился на тебѣ, не правда ли?... Съ этой минуты прошедшее ни для тебя, ни для меня не существуетъ; давай думать о будущемъ, моя милая...

Въ будущемъ Ганя была увѣрена; но прежде всего нужно было спасти ее отъ свиданія съ Артеміемъ.

— Я его еду къ концу недѣли, сказалъ Александръ Михайловичъ. — Откладывать нечего. Завтра мы обвиняемся, и ты переѣдешь ко мнѣ.

— Завтра!

— Да. У тебя вѣдь есть какое нибудь бѣленькое платище? Ты его и надѣнь. Я всѣмъ распорядусь съ утра, въ полдень прїѣду за тобой; а Марья Федоровна тебя благословитъ, если будетъ въ памяти.

На слѣдующій день, передъ отъѣздомъ своимъ къ вѣнцу, женихъ и невѣста вошли въ комнату Марьи Федоровны. Старушкѣ не безъ труда объяснили, въ чемъ дѣло: ей все мерещился фотографъ, котораго она звала *осмисловителемъ*, и она спрашивала, на комъ онъ женится? Когда же наконецъ поняла, что Александръ Михайловичъ и Ганя ѣдутъ на собственную свадьбу, не обнаруживала ни удивленія, ни радости. Сердобольная, только-что поступившая въ домъ и пользовавшаяся повсюду полнымъ вліяніемъ надъ больной, настояла на томъ, чтобъ она благословила Ганю образомъ. Прямо изъ церкви молодые вернулись въ флигель, гдѣ пробыли до девяти часовъ: въ этотъ часъ для Марьи Федоровны начиналась ночь...

Всѣ домашніе радовались, что Богъ пристроилъ Ганю за доброго человѣка; но радость ихъ была отравлена тѣмъ, что свадьбу сыграли не настоящими порядкомъ: не было ни помолвки, ни дѣвственника, ни гостей, ни обѣда.

— Это—ужъ какъ домомъ поведется, внушительно говорилъ Захаръ Архипычъ:—какъ въ тѣ поры къ намъ на свадьбу пожеловалъ *утоиоиникъ*, такъ видимое было дѣло, что у насъ ни одна свадьба не отпразднуется, какъ слѣдуетъ.

Юлія Николаевна приняла очень къ сердцу извѣстіе о женитьбѣ Хруслова. Она вообще была на сторонѣ всякой неожиданности, всякаго уклоненія отъ обыденныхъ явленій и начала приносить Александра Михайловича до небесъ. Ей даже стало на себя досадно за тѣ нескромные вопросы, которые она не разъ позволяла себѣ насчетъ Гани.

Вечеромъ, въ день свадьбы, Костевичъ сѣдѣлъ у Юліи. Она восторгалась благородствомъ Александра Михайловича.

— Что вы находите въ немъ особенно благороднаго? спросилъ наконецъ Костевичъ.

— Какъ что? Не всякій, я думаю, женится на дѣвушкѣ безъ состоянія, безъ имени и, вдобавокъ, съ дружеской репутацией?

— Напикъ чему удивляться! Что ему стѣбало жениться? Состояніе у него хорошее, а такому юридическому, какъ онъ, дѣла нѣтъ до общественнаго мнѣнія. По моему, ужъ если кому удивляться, то,

конечно, ей. Я смотрѣлъ на нее, какъ на очень милую дѣвушку; но, признаюсь, ничто меня такъ не бѣситъ въ женщинѣ, какъ способность влюбляться въ уродовъ.

— Какъ вы сегодня жолчны и рѣзки, замѣтила Юлія. — Если вы такимъ же явитесь на завтрашній балъ, я вамъ запрещаю ко мнѣ подходить.

— Я завтра на балѣ не буду.

— Я сама ѣду такъ, отъ скуки... Скучно!

— Наконецъ-то, сказалъ Костевичъ, — О, какъ меня радуетъ это слово!

— Такъ скучно, продолжала Юлія: — что для развлечения я бы, кажется, рада горячкой занемочь!

— Средство хорошее, сказалъ Костевичъ: — только тѣмъ неудобно, что послѣ горячки волосы лезутъ, и поэтому я бы предложилъ другое... Отъ васъ зависитъ спастись отъ скуки, которая васъ убиваетъ; поймите, наконецъ, что вамъ необходимо...

— Полюбить, не правда ли? перебила Юлія.

— Да, полюбить! Хотя это слово и заставляетъ васъ смѣяться какимъ-то недобримъ, безнравственнымъ смѣхомъ. Вы очень умны, Юлія Николаевна, и должны же понять, что вами истощены всѣ ресурсы вашей роли холодной женщины; эта роль могла интриговать до поры до времени; теперь—кончено: не нынче—завтра назовутъ ограниченностью то, что прежде слыло за оригинальность. Берегитесь!

— Какъ вы, однако, неловко убѣждаете, Никита Ивановичъ. Вольны вы подозрѣвать меня, въ чемъ хотите; но не надобѣдите повтореніями. Никакой я роли не играю, а просто — скучаю, потому, вѣроятно, что меня никто не умѣетъ забавлять.

— Гм! да вы теперь, въ эту минуту, играете роль.

— Какую?

— Роль благороднаго пренебреженія къ чувствамъ человека, который васъ любитъ.

— Вы меня любите? Ха, ха, ха! *Mais vous êtes amoureux des beaux yeux de ma sœur!*

Юлія вообще не церемонилась съ своими поклонниками и принимала обращаться съ ними, какъ съ людьми, въ которыхъ, при ея богатствѣ и молодости, не могло быть недостатка. Одного Костевича она щадила, считала его человѣкомъ замѣчательнымъ, а главное—находила возможность бесѣдовать съ нимъ, дразнить его... Но въ этотъ вечеръ ей болѣе обыкновеннаго надоели его

повторенія роли, которую она будто бы играла, и она со скуки позволила себѣ грубую выходку насчетъ небезкорыстной любви литератора.

Онъ всталъ съ мѣста, какъ умаленный; и сказалъ съ подыграннымъ хладнокровіемъ:

— Вы отдаете себѣ полную справедливость. Во что же болѣе и влюбиться?

Юлія вспыхнула, но прежде, чѣмъ она нашла, что отвѣчать, Костевичъ поклонился и вышелъ. Она позвонила и, сгоряча, отдала приказаніе не принимать его, если онъ пріѣдетъ; потомъ поняла, что онъ не вернется; поняла и то, что сама вызвала его на дерзость. Но Юлія прощать не умѣла, да и Костевичъ не умѣлъ забывать. Въ итогъ, молодая женщина разъ навсегда перессорилась съ единственнымъ человѣкомъ, которому иногда удавалось разгонять ея скуку...

ХІІІ.

Артемій Туренинъ.

Дней пять послѣ размолвки своей съ Костевичемъ, Юлія, съ утра никакого не видавшая, отъ нечего дѣлать, послѣ обѣда зашла провѣдать старую тѣтку. Марья Федоровна спала.

Выходя изъ флигеля, Юлія въ сѣняхъ лицомъ къ лицу встрѣтилась съ высокимъ, стройнымъ молодымъ человѣкомъ въ дорожномъ платьѣ. Они въ недоумѣніи остановились другъ противъ друга. Незнакомецъ, очевидно сконфуженный, снялъ свою шляпу съ широкими полями и сказалъ:

— Извините... я, вѣроятно, ошибся. Я полагалъ, что здѣсь живетъ Марья Федоровна Туренина.

Юліи не трудно было догадаться, что стоявшій передъ нею красавецъ, съ загорѣвшимъ лицомъ, волнистыми черными волосами и вандиковой бородкой, былъ Артемій Туренинъ.

— Вы не ошиблись, отвѣчала она:—Марья Федоровна здѣсь. Я сейчасъ отъ нея... она спитъ... она нездорова...

Онъ поклонился и сталъ поспѣшно подниматься на лѣстницу, а Юлія почти бѣгомъ отправилась къ себѣ и кликнула Дунишу.

— Дуниша, сказала она:—Артемій Ильичъ пріѣхалъ.

Старая горничная всплеснула руками.

— Матушка, барыня, кто вамъ сказалъ?

— Я сама его видѣла; сейчасъ въ сѣняхъ съ нимъ встрѣтилась... ступай скорѣй во флигель.

Дуняша опрометью бросилась вонъ...

Между тѣмъ молодой Туренинъ, взбѣжавъ по лѣстницѣ, засталъ въ передней казачка, ловившаго мухъ на окнѣ.

— Дома Агафья Александровна? спросилъ Артемій.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ оторопѣвшій мальчикъ.

Невольно ёкнуло сердце у странника, котораго некому было встрѣтить при возвращеніи его подъ родительскую кровлю.

— Здѣсь есть же кто нибудь, сказалъ онъ: — Захаръ Архипычъ, что ли? Ну, ступай, скажи ему, всѣмъ скажи, что Артемій Ильичъ пріѣхалъ. Всѣхъ зови сюда.

«Баринъ пріѣхалъ!»

Эта вѣсть съ телеграфической быстротой разнеслась по всѣмъ угламъ флигеля, людской и кухни, и пріѣзжаго въ одну минуту обступили отъ мала до велика всѣ наличные служители туренинскаго дома. Ихъ, впрочемъ, было немного: послѣ смерти Ильи Ѳеодоровича, Хрусловъ распустилъ большую часть прислуги, оставивъ при Марьѣ Ѳеодоровнѣ только тѣхъ людей, безъ которыхъ она не могла обойтись. Изъ этого числа одинъ Захаръ Архипычъ могъ отъ души обнять своего барина, родившагося и выросшаго на его глазахъ; его одного и узналъ Артемій; всѣ остальные—народъ молодой—въ его отсутствіе стали на ноги и поступили на службу его семейства.

— А гдѣ же Кондратій? Гдѣ Анисья Петровна? спрашивалъ Артемій.

— Померли, батюшка, отвѣчалъ старый дворецкій.

— А это чтò за молодчикъ? спрашивалъ онъ опять, указывая на казачка, которому помѣшалъ охотиться за мухами.

— Это, батюшка, покойнаго Ивана кондитера—сынъ.

— Какъ покойнаго? и онъ умеръ?

— Какъ же-съ. Вотъ пятый годъ пошелъ.

Все это было грустно, хотя отчасти и предвидено. Живя за границей, Артемій рѣдко получалъ письма отъ своихъ, и эти письма не изобиловали подробностями. «*Pourquoi chagriner* Артюша?» говаривала обыкновенно Марья Ѳеодоровна и настаивала на томъ, чтобы ему отписывали только о самыхъ крупныхъ событіяхъ, да и тѣ сообщались ему въ превратномъ видѣ. Продавалось, наприимѣръ, имѣніе съ молотка—и Ильи Ѳеодоровичъ

отецъ чистосердечно уведомлялъ сына, что денегъ отъ продажи очистится достаточно на выгодное предпріятіе, которое съ зятемъ вознаградитъ за потерю каковаго нибудь Васильевскаго, или Никольскаго. Плохо этому вѣрилъ Артемій, потому что отца своего зналъ и все-таки ни гроша не получалъ изъ дому; но обратиться за провѣркою отцовскихъ показаній къ Хруслову, или другому вѣрному человѣку—было не въ его характеръ, и жилъ онъ со дня на день, зная, что дѣла разстроены, но никакъ не предвидя окончательнаго раззоренія. Даже и послѣ того, какъ Илья Федоровичъ объяснилъ ему о необходимости задержать деньги, оставленные Ириной Федоровной, Артемій продолжалъ рассчитывать на Разказово, то-есть, на состояніе въ полмилліона, и не боялся вступать въ долги. Жить расчетливо онъ не умѣлъ. Когда стали подходить къ концу деньги, на первыхъ порахъ полученныя изъ дому, онъ легко нашелъ занять, какъ русскій баричъ, мого тратящій и, повидимому, богатый. Первые свои долги онъ даже уплатилъ, потому что счастливо игралъ въ рулетку, и еще занялъ... Но по мѣрѣ того, какъ утрачивалась надежда на скорое полученіе денегъ изъ Россіи, онъ старался сократить свои расходы и подъ конецъ уже все какъ перебывался съ долгами то игрою, то уроками англійскаго языка. Получивъ вмѣстѣ и извѣстіе о смерти отца, и пять тысячъ, высланныя ему стараніями Александра Михайловича и Юліи, онъ собрался въ путь, но занемогъ и только къ веснѣ сталъ поправляться. Во время болѣзни и медленнаго выздоровленія особенно горькою покрзалась ему жизнь на чужбинѣ, и сильно пробудилось въ немъ желаніе возвратиться домой. Расплатившись съ самыми опѣшными долгами, онъ отправился моремъ до Одессы, изъ Одессы вѣхалъ, нигдѣ не останавливаясь, и только приближаясь къ Москвѣ, почувствовалъ, что на него повѣло роднымъ воздухомъ. Невыразимою грустью и мучительнымъ ожиданіемъ наполнилось его сердце. Онъ чего-то смутно боялся, чего-то страстно желалъ. То ему представлялось, какъ отецъ его лежалъ въ гробу подъ золотой парчой, и какой у него былъ желтый цвѣтъ лица; то онъ мысленно перемещался въ комнату Маріи Федоровны: старушка сидитъ за вѣзаниемъ, и Ганя съ наю, и обѣ вскрикиваютъ при его появленіи... Да уиъ, полно, жива ли Марія Федоровна? Живы ли тѣ старые слуги, и въ добрымъ ли состояніи, которыхъ онъ съмала привыкъ? А Ганя—обрадуется ли ему? Какъ-то они встрѣтятся послѣ десятилѣтней разлуки?

И вотъ Артемій дома; но не встрѣчаютъ его ни Ганя, ни Марья Федоровна, ни даже оставленные имъ старые служители..

— Чѣмъ нездорова тѣтушка? спросилъ онъ.

— Очень слабы-сь, отвѣчала молодая горничная.

— Точно такъ, выѣхался Захаръ Архипычъ.—Часто въ забытій находится; даже я наяву все больше своими представленіями руководствують.

Изъ этого отзыва, въ которомъ ясность была принесена на жертву краснорѣчію, Артемій понялъ только, что болѣзнь Марьи Федоровны серьезнѣе, чѣмъ ему показалось со словъ попавшейся ему навстрѣчу незнакомой дамы.

Явилась Дуняша со слезами и радостными восклицаніями.

— Батюшка ты нашъ, красавецъ нашъ, говорила она, обнимая дорогого пріѣзжаго:—не привелъ Богъ мою покойницу дожить до этой радости! А я вѣдь сначала не повѣрила, когда мнѣ барыня сказала, что вы пріѣхали.

— Какая барыня, Дуняша?

— А Юлія Николаевна, тоже сродственница вамъ, покойнаго Дмитрія Васильевича вдова. Да вы съ нею сейчасъ въ сѣняхъ повстрѣчались, батюшка. Вѣдь она домъ-то нашъ купила. А впрочемъ, грѣшно покаловаться, барыня добрая и родства не забываетъ; тѣтенку вашу она не оставляетъ и всѣмъ ее обезпечиваетъ...

— Какъ обезпечиваетъ?

Но этотъ вопросъ замеръ на губахъ Артемія; мучительное подозрѣніе мелькнуло въ его умѣ...

Вотъ вернется Ганя, онъ отъ нея узнаетъ правду.

— Скоро ли вернется Агафья Александровна? спросилъ онъ.

— Да она, батюшка, была сегодня поутру и больше не вернется, отвѣчала Дуняша. — Вѣдь вамъ отписать не успѣли, а ее Господь пристроилъ. Она замужъ вышла за Александра Михайлыча?

— Какъ? Ганя? за какого Александра Михайлыча?

— А за братца-то, за Александра Михайлыча. Какъ же, батюшка, въ прошлую среду повѣнчалась.

— Въ первомъ часу, выѣхался Захаръ Архипычъ, который сознавалъ свое значеніе въ глазахъ молодого барина и притомъ недавно любилъ играть роль въ важныхъ семейныхъ событіяхъ.

— Дѣло было виднѣе-сь; мнѣ объ этомъ, конечно, никому говорить не приходилось, а то мнѣ давно отрывались Александръ

Михайлычъ, что, молъ: «такъ и такъ, Захаръ Архипычъ, на Агафѣ Александровнѣ жениться можно, не взирая, что она—дьячихина дочь и даже незаконнорожденная; я ее за ихнюю добродѣтель возьму».

«Такъ вотъ—какъ!» подумалъ Артемій, не слушая болтовни стараго дворецкаго, и ни о чемъ больше не спрашивалъ. Ему доложили, что чай готовъ; онъ сказалъ, что будетъ пить въ своей комнатѣ, просилъ, чтобъ его извѣстили, когда проснется Марья Ѳеодоровна, и отправился внизъ. Тамъ ему наскоро приготовили давно назначенную ему комнату, въ сводахъ, низкую, мрачную, почти вовсе немѣблированную.

Въ простѣнкѣ между двухъ оконъ висѣла маска одного изъ артеміевыхъ дядей, Анатолія Ѳеодоровича, знаменитаго бутлы и волокиты своего времени. Кровать, на которую только что грудю навалили запасные матрацы и подушки, стояла въ углу; посреди комнаты, на кругломъ столѣ тускло горѣла свѣча.

Оставшись наединѣ, Артемій заложилъ руки за спину и, нахмутивъ брови, принялся ходить взадъ и впередъ.

Это была отцовская, наслѣдственная привычка; впрочемъ, Артемій мало походилъ на отца. Мы уже сказали, что странной игрою случая онъ лицомъ и пріемами напоминалъ графа Турбскаго, жениха покойной Ирины Ѳеодоровны. Его красивая наружность выражала менѣе ума, чѣмъ прямоты и честности; на всей его особѣ, какъ породистое тавро, лежалъ отпечатокъ врожденнаго благородства. Воспитаніе его не удалось: онъ плохо учился, мало развился и остался упрямъ и вспыльчивъ. Эти свойства, опять унаслѣдованные имъ отъ отца, были причиной вѣчной разладицы между ними. Артемій никогда не былъ горячо привязанъ къ Ильѣ Ѳеодоровичу; еще ребѣнкомъ спорилъ съ нимъ и неохотно покорялся его власти. Это были двѣ несовмѣстныя натуры. Самое извѣстіе о смерти отца иначе бы подѣйствовало на другаго сына. Поразивъ Артемія, оно не охладило въ немъ того страстнаго чувства, съ которымъ онъ порывался на родину.

И вотъ—онъ на родинѣ!

Но чтъ за пустота вокругъ него! Сколько неожиданностей! Какія мрачныя предчувствія вкрадываются въ его душу! Ганя—замужемъ! Марья Ѳеодоровна какъ будто нуждается въ чьихъ-то милостяхъ! Чтъ же случилось въ его отсутствіе? Чтъ еще предстоитъ ему услышать?

«Такъ вотъ—какъ!» думалъ онъ опять. «Ганя—замужемъ, и замужемъ за Александромъ Михайлычемъ!» Случись это раньше, и узнай онъ объ этомъ въ другое время, тяжелый камень свалился бы у него съ сердца; теперь—напротивъ, онъ не радовался за Ганю, но съ эгоизмомъ, сроднымъ человѣческой природѣ, не безъ ѣдкаго чувства сожалѣнія думалъ о себѣ: въ настоящую минуту одна Ганя могла бы замѣнить ему семейство и друзей.

Захаръ Архипычъ пришелъ за давно остывшимъ стаканомъ чая, къ которому едва прикоснулся Артемій.

— Какъ, батюшка, вашему прїѣзду всѣ радуются—ужъ и доложить вамъ не умѣю, сказалъ старикъ. — Вѣдь безъ васъ всѣ мы пропадать должны. Сами изволите увидѣть, какъ все переѣнилось. Эхъ! заключилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Хорошо, хорошо, Захаръ. Вотъ увидимъ. А теперь—пойди... узнай, не проснулась ли тѣтушка?

Марья Ѳедоровна точно проснулась. Ей объяснили о прїѣздѣ племянника, и она, казалось, поняла.

— Ахъ, Артюша, заговорила она: — Артюша! гдѣ онъ?

Не безъ душевнаго волненія вошелъ Артемій въ ея комнату. Старушка лежала, глядя на него во всѣ глаза.

— Здравствуйте, тѣтя Маша, сказалъ онъ, называя ее тѣмъ именемъ, на которое она давно привыкла откликаться.

— Ахъ, живописецъ! заговорила Марья Ѳедоровна. — Опять! Зачѣмъ его сюда пустили?

— Тѣтя Маша, это—я, Артемій; неужели вы меня не узнаете?

— Какъ не узнать! сказала Марья Ѳедоровна, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ и закрывъ глаза.

Онъ попробовалъ взять ея руку.

— Ахъ, холодно! проговорила больная:—оставь же... я всю ночь не спала.

Постоявъ, молча, у постели, Артемій медленно отправился въ свою комнату. На перепутьи попался ему Захаръ Архиповичъ.

— А вѣдь онъ васъ, батюшка, не извоили признать, замѣтилъ онъ съ участіемъ.

Артемій не отвѣчалъ.

Поваръ явился въ буфетъ узнать, не потребуется ли ужинъ.

— Повременить надо, сказалъ Захаръ Архипычъ. — Теперь ему не до того: тѣтушка его больно огорчила; самъ мнѣ извоили признаваться и даже беспокоить себя не приказалъ.

Артемію было дѣйствительно—не до ужина. Минутъ десять

оставался онъ въ наѣмъ-то тучномъ раздумьи, не стараясь даже на чемъ нибудь сосредоточить свои мысли, которые то бродили въ прошедшемъ, то забѣгали въ будущее. Потомъ—онъ посмотрѣлъ вокругъ себя: слабо озаренныя, голыя, сырыя стѣны его комнаты походили на могильный склепъ; висѣвшая въ простѣнкѣ фальстафическая маска дяди, напоминала о презнемъ вѣсломъ, разгульномъ житьѣ-бытьѣ семейства, казалась горькою насмѣшкой надъ племянникомъ.

«Уже ли, однако, не найдется вѣдь живаго человѣка, съ которымъ я могъ бы хоть слово перемолвить?» подумалъ Артемій. «Надобно же разъяснить наѣмы Захара и Дуныши. Чтѣ, мы раззорены, что ли? На чужихъ хлѣбахъ вѣдь живемъ?»

Онъ, разумѣется, прежде всего подумалъ о Хрусловѣ. Они всегда были въ дружескихъ отношеніяхъ; но теперь—между ними лежала бездна: Артемію не хотѣлось встрѣтиться съ мужемъ Гани.

Вдругъ онъ вспомнилъ объ Иванѣ Ивановичѣ и упрекнулъ себя въ неблагодарности, въ томъ, что не вспомнилъ раньше о старомъ дядѣ, привязанность котораго онъ, однако, умѣлъ цѣнить. Но Иванъ Ивановичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, отъ которыхъ безцеремонно и безвозвратно принимаются сопроища любви и самопожертвованія...

Артемій взглянулъ Захара Архиппча.

— Захаръ, сказалъ онъ, принимаясь писать къ своему дядѣ:—теперь еще не поздно; нельзя ли эту записку сейчасъ же дослать до Ивана Ивановича?

Дворецкій съ таинственнымъ видомъ подошелъ къ столу, за которымъ сидѣлъ Артемій и, не смотря на то, что въ комнатѣ не было третьяго лица, сказалъ вполголоса.

— Да нешто вамъ неизвѣстно-съ? Егѣ уже нѣтъ въ Москвѣ, да онъ и не годится-съ.

— Чтѣ это значить?

— Съ кругу долой снесенъ, отвѣчалъ Захаръ.

— Кто? Иванъ Ивановичъ? Давно ли?

— Да исшивать-то онъ давно началъ; ужъ очень шибко по васъ тосковалъ; однако все себя сокращалъ и до большаго безобразія не доходилъ. А какъ вышла у него суспиція съ вашими папешкой (дарство имъ небесное!)—такъ и записалъ мертвую.

— Чтѣ же такое у него было съ отцомъ?

Захаръ Архиппча сталъ рассказывать тихимъ, внушительнымъ голосомъ.

— А въ самый день ихъ кончины праздновалося ваше рождение, и обѣдненный столъ у насъ былъ. Иванъ Ивановичъ, приѣхавъ, выпивши, и сталъ при всѣхъ упрекать вашего папеньку, что, молъ, много состоянія прожито. Конечно, это онъ, васъ любя, говорилъ и опять же—отъ невоздержности. Ну, папенькѣ вашему оно показалось обидно, и черезъ самое черезъ это они, можно сказать, до смертнаго отчаянія дошли. А какъ кончили они жизнь, такъ Иванъ Ивановичъ даже на похоронахъ не былъ и съ этого раза шибко сталъ пьянствовать: очень ужъ, должно быть, его совѣсть мучила. Раза три мнѣ его встрѣтить довелось; все—въ хмѣльномъ видѣ и все то онъ объ васъ говорилъ: мнѣ, молъ, теперь имъ ужъ на глаза нельзя показаться; я, говорить, ихняго папеньку убилъ!» Такъ и не опохмѣлялся. И отъ мѣста ему отказали, и съ квартиры хотѣли согнать, до совершенной нищеты себя довелъ; вотъ ужъ великимъ постомъ приѣзжала за нимъ сестра его—клинскаго уѣзда дьяконица—и къ себѣ, Христа ради, взяла. Да и тамъ, слышно, онъ изъ кабака не выходитъ. Совсѣмъ пропащій человекъ!

Артемій глубоко вздохнулъ.

«Никого-то не осталось!» подумалъ онъ.

Старый дворецкій отошелъ къ дверямъ и долго, съ нѣмымъ участіемъ смотрѣлъ на своего молодого барина.

— Вы бы, батюшка, изволили себя успокоить, сказалъ онъ наконецъ. Покушать чего нибудь не прикажете ли?

— Нѣтъ! Ступай, Захаръ: мнѣ ничего не нужно. Вотъ что: мнѣ бы хотѣлось заняться дѣлами. Вѣрно, послѣ отца остались какіе нибудь счеты и бумаги. Гдѣ они?

— Объ этомъ братцу, Александру Михайлычу, извѣстно-съ, отвѣчалъ Захаръ Архипычъ.—Они еще надѣлали какую-то бумагу къ опекуну въ Разказово изволили посылать.

— А, въ Разказовѣ опекунъ?

— Точно такъ-съ. Послѣ покойника папеньки, по случаю долговъ опекуна назначили, а то сперва братецъ, Александръ Михайлычъ, дѣлами занимался, и даже сами въ Разказово изволили ѣздить.

Старикъ собрался идти и опять вернулся.

— Еще хотѣлъ вамъ доложить, сказалъ онъ:—хотя насчетъ братца я отъ васъ приказанія не получалъ, а все таки хотѣлъ до нихъ дослать о вашемъ приѣздѣ извѣстить, да теперича ихній

камердинъ, Панкратъ Степановъ, здѣсь, такъ онъ и берется имъ объяснить.

«Что жъ, подумалъ Артемій, мнѣ во всякомъ случаѣ необходимо его видѣть.»—Хорошо; Захаръ, ступай спать.

Но Захаръ Архипычъ спать не пошелъ: его ожидали въ буфетѣ, гдѣ собралось цѣлое общество, и уже не первый самоваръ вскипалъ въ честь Панкрата Степанова.

Здѣсь старый дворецкій занялъ почетное мѣсто и не безъ чувства собственнаго достоинства передалъ публикѣ свои наблюденія надъ бариномъ.

— Сильно разстроены! рассказывалъ онъ:—все больше тѣмъ огорчаются, что тѣтенька ихъ не признали; опять, говорить, то мнѣ больно, что Иванъ Ивановичъ противъ меня такъ согрубилъ и очень ужъ меня папенькой обидѣлъ. Я, говорить, съ тобой хочу посоветоваться, Захаръ, какъ мнѣ въ этомъ случаѣ поступить? «Теперича, молъ, дѣлать нечего, сударь; лучше сами себя извольте успокоить». Хотѣлъ лечь отдохнуть, а раздѣваться, говорить—самъ раздѣнусь: я, говорить, къ этому въ чужихъ вѣраяхъ себя приучилъ.

Однако, долго еще не раздѣвался Артемій и тогда только бросился на кровать, когда московскіе колокола загудѣли къ заутренѣ.

XIV.

Двоюродные братья.

По утру пришелъ Александръ Михайловичъ.

Первая минута свиданія Артемія съ мужемъ Гани была тягостна для обоихъ. Они холодно поцаловались и обмѣнялись двумя—тремя казенными фразами; къ счастью или несчастью, предметъ разговора былъ подъ рукой.

— Скажи, пожалуйста, что меня здѣсь ожидаетъ? началъ Артемій. И вопервыхъ: на какомъ основаніи живетъ здѣсь Марья Фёдоровна?

— Послѣ продажи дома отецъ твой не долго здѣсь жилъ, отвѣчалъ Александръ Михайловичъ.—Ну, а Марью Фёдоровну, въ ея положеніи — самъ ты видишь — отсюда вывести трудно; она тутъ занемогла и осталась...

— То-есть, какъ же осталась? Даромъ и изъ милости? На хлѣбахъ, что ли, у этой госпожи?

— Нѣтъ, не то чтобы на хлѣбахъ!... проговорилъ Александръ Михайловичъ.

— Да что ты мамлишь? нетерпѣливо сказалъ Туренинъ.— Въ какомъ состояніи дѣла? Говори прямо, сдѣлай одолженіе.

— Плохо, голубчикъ! нечего грѣха таить. Вѣдь ты отца-то своего зналъ: съ каждымъ днемъ все хуже да хуже становилось. Вѣроятно, впрочемъ, ты ужъ кое о чемъ и успѣлъ слышать...

— Я людей не разспрашивалъ, я тебя ждалъ, перебилъ Артемій.— Есть какія нибудь бумаги? Гдѣ онѣ?

— На чтѣ тебѣ эта дребедень-то? По оставшимся бумагамъ ты толку не доберешься.

— Въ такомъ случаѣ ты говори, сказалъ Артемій, возвысивъ голосъ.

— Казенный долгъ въ порядкѣ; но есть частные долги, и надъ Разказовымъ учреждена опека.

— Что жъ, оно продаваться будетъ?

Александръ Михайловичъ не отвѣчалъ.

— Я тебя спрашиваю! сказалъ Артемій.

— Вѣроятно, будетъ.

— Очистится что нибудь отъ продажи?

— На это не рассчитывай, Артемій.

— Я пропалъ!

Это слово было произнесено едва слышно.

Александръ Михайловичъ подошелъ къ Артемію.

— Что ты, братецъ? сказалъ онъ:— опомнись. Пропалъ! Развѣ мужчина пропадаетъ? Ты — не баба!

— Я задолжалъ за границей, я занималъ на честное слово! я опозоренъ! закричалъ Туренинъ, вскакивая съ мѣста.

— Много ты остался долженъ?

— Много ли? Да я—наслѣдникъ милліоновъ, я такъ и занималъ. Мнѣ все казалось мало. Какъ не вѣрить въ породу—во мнѣ отцовская кровь!

Отцовская кровь въ немъ кипѣла, кулаки его были сжаты, онъ бѣшено топалъ ногой.

Вдругъ распахнулась дверь, и на порогѣ показался Захаръ Архипычъ, бережно держа обѣими руками и поддерживая грудью огромные булевскіе часы.

Это былъ не совсѣмъ удачно придуманный Юліей Николаевной первый шагъ къ знакомству съ молодымъ человекомъ, въ пользу котораго ее сильно заинтересовала вчерашняя встрѣча.

Юли прислала ему раздушенную записочку при часахъ, завѣщанныхъ ему Ириной Ѳеодоровной.

— Это что? отрывисто спросилъ Артемій.

— Ваши собственные часы... началъ было Захаръ Архимичъ.

— Мой! а, такъ есть же у меня что нибудь!

И съ этими словами онъ выхватилъ часы изъ рукъ дворцоваго и со всего размаха бросилъ о полъ; внутри часовъ раздался сначала звонъ, потомъ продолжительный гулъ; стекло разлетѣлось въ дребезги, а испуганный Захаръ Архимичъ отскочилъ въ дальнѣйшій уголъ комнаты.

Хрусловъ, непредвидѣвшій и неуспѣвшій предупредить этой сцены, подошелъ къ Артемію, взялъ его подъ руку и сказалъ:

— Успокойся, братецъ. Какъ тебѣ не совѣстно!

Туренинъ съ утомленнымъ видомъ опустился въ кресло; его какъ будто уgomонила собственная выходка.

Пользуясь наставшимъ молчаніемъ, старый дворецкій подкрался къ Александру Михайловичу и шепнулъ ему на ухо:

— При часахъ записочка была — извольте получить.

Александръ Михайловичъ взялъ у него записку и далъ ему знакъ выйти изъ комнаты.

— Теперь скажи, спросилъ Артемій тономъ горячей ироніи: — чѣмъ благодѣяніями живемъ мы? Кого обобрали Туренины? Кто ихъ милостивцы?

— Домъ — тебѣ извѣстно — принадлежитъ Юліи Николаевнѣ; за квартиру ничего не платятъ, потому что и прежде, при Иринѣ Ѳеодоровнѣ, отецъ твой занималъ ее бесплатно...

— Хорошо... это я слышалъ. Да вѣдь на даровой квартирѣ надо ѣсть и пить, надо прислугу содержать? Чѣмъ же о сѣ пору жила Марья Ѳеодоровна?

На этотъ вопросъ неохотно и невдругъ отвѣчалъ Александръ Михайловичъ.

— Ты забываешь, Артемій, сказалъ онъ: — что Марья Ѳеодоровна жила здѣсь не одна, и что на ея долю можно отнести только аптекарскій расходъ.

— Ахъ, не шали! перебилъ Туренинъ. — Это еще хуже.

— И дѣло говорю. Впрочемъ, въ деньгахъ недостатка не было, и вотъ тебѣ доказательство: вотъ — тысяча рублей, которые я собралъ въ Рязановѣ.

— Это — деньги кредиторовъ, сказалъ Артемій, бросая на столъ пачку ассигнацій. — Да узнаю ли я, наконецъ, кто эти кредиторы,

и сколько мы должны? Я у тебя требовать отцовскія бумаги—
дашь ли ты мнѣ ихъ?

— Пожалуй, коли ты заупрямился. Только я знаю напередъ,
что это тебя ровно ни къ чему не приведетъ. Ты все бумаги
найдешь въ кабинетѣ твоего отца.

Туренинъ всталъ, сдѣлалъ шагъ къ дверямъ и остановился.

— Не могу туда идти, проговорилъ онъ:—пойди самъ.

— Иволь.

— Постой, сказалъ Туренинъ:—дай мнѣ честное слово, что
ты передашь мнѣ все бумаги.

Александръ Михайловичъ подумалъ и сказалъ: — «Честное
слово.»

Минуть черезъ пять онъ вернулся съ цѣлой кипой расходныхъ
книгъ, записокъ и тетрадей, положилъ на столъ и сказалъ:

— Вотъ тебѣ рѣшительно все; здѣсь недостаетъ только по-
слѣдней квитанціи по Разказову: ее вытребовалъ опекунъ, толь-
ко одна эта и была дѣльная бумага.

Артемій взялъ тетрадь, лежавшую сверху, и прочелъ на заглав-
номъ листѣ:

«Проектъ объ устройствѣ селитернаго завода.»

Но это заглавие было зачеркнуто карандашемъ, и подъ нимъ
красовалось другое:

«Essai sur l'acquisition et l'emploi des richesses.»

Тетрадь полетѣла подъ столъ; за нею послѣдовала другая,
третья... цѣлая дюжина.

— Я вѣдь говорилъ тебѣ, сказалъ Александръ Михайловичъ:—
повѣрь мнѣ—брось эту дребедень.

Но Артемій упрямо продолжалъ свои розысканія. Онъ открылъ
приходе-расходную книгу. Въ графу прихода Илья Федоровичъ
аккуратно записывалъ занимаемыя имъ крупныя и мелкія суммы.
Артемій взялъ листъ бумаги и карандашъ, осязательно о циф-
рѣ казеннаго долга и сталъ подводить итоги. Грозная цифра ро-
сла; судорожно сдвигались брови раззореннаго наслѣдника; ли-
цо покрывалось мертвенною блѣдностью.

— Да мы въ неоплатныхъ долгахъ! сказалъ онъ, бросая ка-
рандашъ и обращаясь къ Александру Михайловичу.

Тотъ промолчалъ.

— А я на честное слово занималъ. Понимаешь ли ты это?
продолжалъ Артемій.

— Да скажи по крайней мѣрѣ, сколько ты долженъ? А преж-

де всего—брось ты это, сказалъ Александръ Михайловичъ, пятайся закрыть книгу:—вѣдь это только понапрасну кровь себѣ портишь.

— Оставь! дай узнать, кого мы обобрали!

И онъ опять принялся перелистывать книгу.

— Это что! воскликнулъ онъ вдругъ:—«1-го ноября занято у Юліи Николаевны четыре тысячи рублей». Какъ 1-го ноября! Это—тѣ деньги, чтò мнѣ посланы! Это ея милостями я сюда выписанъ! Боже мой! только этого униженія не доставало... да отвѣчай же ради Бога!

И Артёмій, дрожа отъ гнѣва, стоялъ противъ Александра Михайловича, который давно побаивался этого открытія.

— Успокойся, братецъ, сказалъ онъ:—тебѣ посланы деньги Ирины Ѳедоровны—твои деньги... а это отецъ твой занялъ для уплаты кой какихъ счетовъ и долговъ.

— Что ты меня морочишь! Почему же онъ сперва хотѣлъ задержать мои деньги, а потомъ отъ нихъ отказался?

— Потому что навернулись другія. Ими онъ кое съ кѣмъ и расплатился. Вотъ посмотри, коли хочешь, продолжалъ Хрусьовъ, указывая въ нѣсколькихъ мѣстахъ книги:—вотъ это вычеркнуты все уплаченные счета.

Помарки были сдѣланы самимъ Александромъ Михайловичемъ и такъ тщательно, что нельзя было разобрать ни одной буквы, напоминающей о томъ, сколько ему было должно семейство.

— Расплатились! уплачены... Рассказывай! Съ тобой расплатились, не правда ли? отрывисто говорилъ Артёмій, раскачивая большими шагами по комнатѣ и подергивая плечомъ. Въ эту минуту онъ очень напоминалъ своего отца. Вернувшись на свое мѣсто, онъ опустилъ голову на обѣ руки и долго не поднималъ ея; Александръ Михайловичъ не рѣшался заговорить, да и чтò онъ могъ сказать?

Вдругъ Артёмій протянулъ ему руку. Въ этомъ движеніи было столько подавленной грусти, столько нѣмага отчаянія, что Александръ Михайловичъ отъ души пожалъ руку человѣка, котораго не могъ любить.

Обманывать его ложными надеждами онъ не хотѣлъ, но попытался пробудить въ немъ бодрость.

— Артёмій! что ты, братецъ? Прибодришься! говорилъ онъ. — Нѣтъ того положенія, изъ котораго бы не выпутывались люди. Только духомъ упадать не слѣдуетъ. Не давай себя сломить судьбѣ!

самъ рѣшися ее переспорить, такъ и средства найдутся. Или ты думаешь въ самомъ дѣлѣ, что ихъ вовсе нѣтъ.

— Есть! отозвался Артемій, но такимъ тономъ, что Александръ Михайловичъ невольно вздрогнулъ,—замолчалъ и долго сидѣлъ, потупивъ голову и машинально вертя въ рукахъ записку, переданную ему Захаромъ Архипычемъ. Вдругъ эта записка бросилась ему въ глаза; Александръ Михайловичъ чуть не вскрикнулъ: «Эврика» и съ отчаяніемъ утопающаго ухватился за мысль, на которую нечаянно набрелъ. Это была мысль пожившаго въ свѣтѣ человѣка: Юлія умна и хороша собой; она скучаетъ; ее легко экзальтировать ролью спасительницы Артемья; но времени мало—надо дорожить каждой минутой; надо, немедля, устроить свиданіе.

Александръ Михайловичъ безъ обиняковъ приступилъ къ дѣлу.

— Ну, Артемій, сказалъ онъ:—будь—что будетъ, а прежде всего, братецъ, нужно быть приличнымъ человѣкомъ. Какъ тамъ ни верти, ты все таки въ гостяхъ у Юліи Николаевны; твое семейство ей многимъ обязано; прочти, что она тебѣ пишетъ, да и зайди къ ней, хоть головой кивнуть.

Туренинъ взялъ записку и пробѣжалъ ее глазами: въ ней упоминалось о вчерашней встрѣчѣ, и выражалась надежда, что случайно начатое знакомство упрочится во имя Ирины Федоровны, память которой была одинаково дорога и Юліи, и Артемію.

— Одѣваться! крикнулъ Артемій.

На порогъ показался Захаръ Архипычъ. Александръ Михайловичъ поспѣшно отправился къ Юліи.

Умно и рельефно описалъ онъ ей положеніе молодого человѣка—одиноваго, раззореннаго, опозореннаго въ собственныхъ глазахъ, и заключилъ свой рассказъ такими словами:

— Мы съ вами хлопотали выписать его изъ-за границы. Тамъ бы ему тюрьмы не миновать; это—правда-съ—а здѣсь онъ—или съ ума сойдетъ, или надъ собой бѣдъ надѣлаетъ-съ: отъ него все станется! Развѣ вамъ Богъ поможетъ, и вы его какъ нибудь въ руки возьмете-съ.

XV.

Любимцы Ирины Федоровны.

Юлію и безъ того вторые сутки преслѣдовалъ образъ Туренина. Нечасто и только случайно вспоминала она о молодомъ из-

гнаннѣ съ тѣхъ поръ, какъ, подъ вліяніемъ разсказа Авдотьи Михайловны, рѣшилась устроить его возвращеніе на родину. Это былъ съ ея стороны минутный капризъ, въ которомъ она не раскалась, но о которомъ давно перестала заботиться. Симпатичная красота Артемія ее поразила—и вотъ въ памяти Юліи Николаевны разомъ возникъ дѣльный рядъ обстоятельствъ, придающихъ особенный смыслъ красотѣ Артемія: и сходство его съ героемъ романа Ирины Федоровны, и отзывы о рыцарскомъ складѣ его характера, и, наконецъ, то значеніе, которой ей самой выпало въ его судьбѣ.

Въ довершеніе всего, рассказы Дуняши, вдоволь натолковавшейся съ Захаромъ Архипычемъ о молодомъ баринѣ, не повредили ему въ мнѣніи Юліи и драматизировали его положеніе.

— Словно вѣбѣ чужой сталъ, словно не домой вріѣхалъ! говорила добрая служанка.—За чтѣ ни хватится, /кого ни спросятъ— все нѣтъ да нѣтъ! а онъ, мой голубчикъ, ни слова—только кудрями встрахнеть.

Юлія рѣшилась первая протянуть ему руку и, подъ вліяніемъ искренняго сочувствія къ Артемію, написала записку, которую подала при часахъ.

Вмѣсто отвѣта, явился Александръ Михайловичъ. Его слова поразили Юлію; а человекъ, неспособный пережить своего позора, еще выросъ въ ея глазахъ.

— Надо спасти его! О, мы спасемъ его! сказала она съ горяча, но, всидѣвъ за тѣмъ, въ первый разъ отъ роду почувствовала робость, недовѣріе къ собственнымъ силамъ, которыя подвергались слишкомъ серьезному испытанію. Ей даже казалось, что она не сумѣетъ заговорить съ Туренинымъ. Она велѣла отказывать вѣбѣ, кромѣ его, и старалась обдумать, какъ его встрѣтить, чтѣ ему сказать. Но время шло, а онъ не являлся. Напрасно Юлія подходила къ окну, прислушивалась къ стуку каждой двери... Артемія все не было. Наконецъ, нетерпѣніе его увидѣть и неизвестность о томъ, что могло его задержать, внушило ей отчаянную мысль: подъ предлогомъ навѣдаться а Марьѣ Федоровнѣ, она сама отправилась во флигель, долго просидѣла въ спальнѣ больной, потомъ спросила: «гдѣ Артемія Ильичъ?» Ей отвѣчали, «что онъ заперся въ своей комнатѣ, разбираетъ бумаги и пишетъ, и приказалъ, чтобъ его оставили въ покоѣ».

Въ обѣденную пору Юлія вернулась домой. Она машинально

сѣла за столъ и ничего не ѣла. Къ концу обѣда пришелъ Александръ Михайловичъ, у котораго также сердце было не на мѣстѣ, и съ прискорбіемъ узналъ, что свиданіе не состоялось.

— Это, однако—его единственное спасеніе, замѣтилъ онъ, чтобы придать бодрости Юліи, и Юлія дала ему слово въ что бы ни стало поставить на своемъ и увидѣться съ Туренинымъ.

Тутъ явилась Дуниша, которой было поручено узнать, когда Артемій покончитъ съ своими счетами и перепиской.

— Матушка, Юлія Николаевна, въ саду нашъ баринъ, сказала она.

У Юліи вырвалось радостное восклицаніе.

— Вонъ извольте посмотрѣть, прибавила старая служанка:— наискось отъ оконъ, у самыхъ березокъ сидитъ красавецъ нашъ.

Юлія взглянула въ окно.

— Я пойду къ нему, сказала она.

— Дѣлайте—какъ знаете, отвѣчалъ Александръ Михайловичъ. И не давъ себѣ времени надѣть шляпу, молодая женщина сбѣжала внизъ.

Туренинскій садъ отличался отъ большинства московскихъ садовъ отсутствіемъ неизбежной аллеи акацій, клумбъ съ красными тюльпанами и бесѣдокъ, выкрашенныхъ зеленою краскою. Это былъ старинный, правильный садъ, разбитый на широкомъ пространствѣ, нѣкогда тщательно содержанный, а теперь запущенный и полузарослый.

Юлія почти бѣгомъ пустилась по боковой аллѣй, откуда прямо поворотъ долженъ былъ ее вывести къ тѣмъ берѣжкамъ, на которыя указывала Дуниша. Но бодрости у Юліи хватило только до поворота; тутъ она пошла тише, тише и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Артемія остановилась... Ей вдругъ стало страшно; у ней даже забилося сердце. Прижавшись къ дереву, сама не понимая, что она дѣлаетъ, о чемъ думаетъ—она пристально вглядывалась въ серьезный, благородный профиль Артемія, сидѣвшаго на скамейкѣ и чертившаго тростячкой по песку дорожки. Движеніе, которое онъ сдѣлалъ, заставило Юлію вздрогнуть и спрятаться за дерево.

«Нало идти, подумала она; но что я скажу ему, боже мой!»

Собраться съ мыслями она не могла и, рѣшась дѣйствовать, очертила голову, она быстро подошла къ Артемію.

Онъ ее узналъ, поднялся со скамьи и снялъ шляпу. Юлія протянула ему руку.

— Сядьте, сказала она:—и я сяду съ вами. Я васъ увидѣла въ окно и сошла къ вамъ...

Артемій повиновался, молча. Онъ вовсе не былъ расположенъ къ бесѣдѣ. Юлія была смущена, но кое какъ оправилась.

— Вы, кажется, еще по утру собирались ко мнѣ и не дошли? начала она опять.

— Это—правда, и вы, надѣюсь, извините меня, отвѣчалъ Туренинъ. — По утру я спѣшилъ окончить нѣсколько писемъ; но теперь непременно хотѣлъ быть у васъ.

— Я васъ отъ визита не избавлю и зову къ себѣ пить чай. Онъ поклонился.

— Прежде всего, я долженъ благодарить васъ... проговорилъ онъ съ усиленіемъ и замаялся.

— Я только исполнила желаніе Ирины Федоровны, сказала Юлія, ошибаясь въ смыслѣ его словъ.—Она мнѣ поручила передать вамъ эти часы...

— О, я говорю не о часахъ. Я долженъ благодарить васъ и за то, что вы уже сдѣлали, и за то, что еще сдѣлаете для моего семейства: я—вашъ должникъ и, кажется—неоплатный; моей тѣткѣ, вѣроятно, придется умереть въ вашемъ домѣ, какъ и умеръ мой отецъ. Вотъ за что я хотѣлъ васъ благодарить.

— За это?... сказала Юлія, покраснѣвъ... и остановилась. — Въ такомъ случаѣ я вашей благодарности не заслуживаю. Вы меня благодарите за то, что я дѣлала для себя собственно.

Артемію было не до загадокъ; онъ вопросительно взглянулъ на Юлію.

— Я это дѣлала, потому что... вотъ видите ли... тутъ она пустилась въ очень туманныя и запутанныя объясненія, изъ которыхъ Артемій могъ только понять, что Юлія Николаевна вѣритъ въ симпатію, даже заочную и, на основаніи того, что слышала о немъ, не отказываетъ ему въ чувствѣ такого рода.

Онъ закусилъ губы.

— Иначе говоря, вы меня удостоили вашего сожалѣнія? спросилъ онъ запальчиво.

— Вы ошибаетесь. Я шага не сдѣлаю, чтобъ познакомиться съ мужчиною, который мнѣ внушаетъ сожалѣніе, отвѣчала Юлія рѣзко и съ презрительной улыбкой.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ остается спросить, чѣмъ я имѣлъ счастье обратить на себя ваше вниманіе?

— Это я вамъ скажу тогда, когда вы будете расположены меня слушать.

Онъ промолчалъ.

«Этакъ лучше», подумала Юлія. «Ему не надо поддаваться, иначе всѣ выгоды будутъ на его сторонѣ.»

— Вы... я надѣюсь, устроитесь въ Москвѣ? спросила она.

— Повольте мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ, сказалъ Артемій съ раздраженіемъ.

— Позволю тѣмъ скорѣе, что за-границей видно забываютъ, какъ слѣдуетъ говорить съ русскими женщинами. Не хочу мѣшать вамъ, Артемій Ильичъ. Прощайте.

Она встала и направилась къ дому.

Эта уловка удалась. Ёдкое выраженіе словъ Юліи, въ которыхъ слышалось чувство оскорбленнаго женскаго достоинства, заставило Артемія очнуться.

— Что же это, въ самомъ дѣлѣ! подумалъ онъ.—Я, кажется, ее оскорбилъ. Уже ли я такъ упалъ духомъ, что даже не умѣю прилично вести себя? Александръ Михайлычъ правъ: я — баба!

Онъ поспѣшилъ вслѣдъ за Юліей и догналъ ее почти у самага крыльца.

— Юлія Николаевна, сказалъ онъ: — мнѣ совѣстно на васъ взглянуть... Простите мнѣ... Я, право, себя не узнаю. За кого должны вы меня принимать? За недоросля? за дикаря?

— За человѣка, которому я съ двухъ словъ успѣла надоѣсть, отвѣчала Юлія съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Да это—мой приговоръ... Вы не забудьте, что я шелъ благодарить васъ...

— Ахъ! пожалуйста, отложите всторону вашу благодарность, перебила Юлія. — Она мнѣ не нужна.

— Вы мнѣ позволите войти? спросилъ Артемій, когда молодая женщина стала подниматься на крыльцо.

— Я васъ звала.

— Вы никогда не видали этихъ комнатъ? спросила она, входя въ гостиную: — но, вѣроятно, вы слышали о драмѣ, которая въ нихъ разыгралась? Вамъ говорили о смерти графа Турбскаго?

Но, вмѣсто отвѣта, Артемій задумчиво озирался кругомъ, невольно вспоминая, что двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Ирина Федоровна ему, какъ будущему хозяину, показывала эти самыя комнаты, въ которыя онъ теперь вступалъ гостемъ и нищимъ.

Юлія, слѣдившая за нимъ глазами, почти угадала его мысль.

«Боже мой! Въ эту минуту онъ долженъ меня ненавидѣть, думала она. «Я — точно его ограбила... Точно воспользовалась раззореніемъ его семейства!»

— Вы у меня что-то спрашивали? сказала Артемій. — Да... о графѣ Турбскомъ. Когда мнѣ минуло двадцать лѣтъ, Ирина Ѳедоровна привела меня сюда и завѣщала каждое 24 декабря служить здѣсь панихиду по ея жениху. Теперь это—ваша обязанность.

— Если это—упрекъ, сказала Юлія:—я менѣ виновата, чѣмъ вы думаете. Ирину Ѳедоровну мучила мысль, что домъ, которымъ она такъ дорожила, можетъ попасть въ руки людей совершенно постороннихъ; она настояла на томъ, чтобъ я его купила.

— Я это понимаю, и вы хорошо сдѣлали.

— Прежде я сама такъ думала, но теперь я этого себѣ не прощаю.

— Почему же?

— Потому что, безъ сомнѣнія, вамъ было бы легче, еслибъ этотъ домъ сгорѣлъ.

Артемію стало совѣстно.

— Послушайте, сказалъ онъ почти ласково:—зачѣмъ вы мнѣ приписываете мысли, оскорбительныя для васъ? Я уже разъ самымъ непростительнымъ образомъ навлекъ на себя вашу гнѣвъ. Довольно, кажется, и этого, чтобъ заставить васъ отказаться отъ той... симпатіи, о которой вы говорили въ саду.

— А если я отъ нея не откажусь? сказала Юлія. Она вѣрчиво посмотрѣла на своего собесѣдника и прибавила съ кокетливой улыбкой: — Я упряма...

«Да эта женищина, просто, на меня навязывается», подумалъ Туренинъ и такъ холодно взглянулъ на Юлію, что она вспыхнула. Женская гордость заглушила въ ней на минуту и участіе къ Артемію, и начинающуюся, можетъ быть, любовь.

— Мнѣ говорили, сказала она твердымъ голосомъ и потупивъ глаза: — что Артемій Туренинъ—честенъ и умѣетъ уважать женищину...

Эти слова дошли до его сердца.

— Ужели я далъ поводъ въ этомъ сомнѣваться? спросилъ онъ, быстро обернувшись къ Юліи. Тутъ только онъ замѣтилъ, что она дрожала, что она молода и хороша собой. — Вы дрожите? Что съ вами? продолжалъ Артемій съ участіемъ. Что такое я вамъ сказалъ?... Ахъ, не слушайте, не удеривайте меня.

Поймите, что я — убитый, погибшій человекъ. Забудьте, что вы могли отъ меня слышать, и простимся друзьями.

— Нѣтъ, оставайтесь и поймите въ вашу очередь то чувство, которое меня заставляетъ дружески протянуть вамъ руку: я обѣщавалась Иринѣ Федоровнѣ любить васъ и не тогда измѣню своему обѣщанію, когда все кругомъ вымерло... иди, для васъ по крайней мѣрѣ, не существуетъ болѣе... когда на родинѣ, въ собственномъ домѣ вы не находите ни одного человека, близко вашему сердцу. И если я одна встрѣчаю васъ съ участіемъ, вы не имѣете его отвергнуть...

Но слово «участіе» выражало понятіе слишкомъ блѣдное, чтобы имъ можно было объяснить волненіе Юліи. Турчинъ съ опытною тридцати-трехъ лѣтняго мужчины понялъ, что она оказывалась его положеніемъ, и твердо рѣшилась разрушить ея мечты. Намѣреніе было честно, но требовало выдержки, на которую едва ли былъ способенъ Артемій.

Онъ взялъ Юлію за руку.

— Который вамъ годъ? спросилъ онъ ее голосомъ, котораго мягкіе, ласкающіе звуки показались ей неотразимыми.

— Мнѣ?... двадцать-три года.

— Я знавалъ вашего мужа. Вы вышли замужъ по любви?

— Нѣтъ. Я никогда не любила.

— Будто?

— Я говорю правду... Я а сю пору думаю, что я любить неспособна.

— Вы напрасно это думаете. Любовь легко переходитъ изъ воображенія въ сердце. Но выберите человека, который не пожелалъ съ жизнью, котораго стоило бы возвести въ герои романа.

Онъ поддаловалъ ея руку и взялся за щяпу.

— Ахъ, нѣтъ, оставайтесь, не уходите! вскричала Юлія:—Куда вамъ идти? что вамъ дѣлать дома? Ради Бога, не отказывайте мнѣ; вамъ нѣтъ причинъ мнѣ отказать. Не мучьте меня... это не шутка... моя просьба серьезнаѣ, чѣмъ вы думаете.

Онъ не совсемъ понялъ смыслъ этихъ словъ, но молодая женщина говорила съ такимъ умоляющимъ, непритворнымъ отчаяніемъ, что онъ не имѣлъ духа отказать ей, и остался.

Подали чай.

Напрасно Артемій старался свести разговоръ на посторонніе, обыденные предметы; Юлія упорно искала доступа къ его серд-

пу. Чтобы спасти Артемія, ей нужно было привязать его къ себѣ, но какъ было этого добиться? Ей такъ не удалась ея единственная попытка пововетничать съ нимъ, что она, конечно, не думала ее возобновлять; да и правду сказать, слишкомъ была увлечена, чтобъ придерживаться этого холодного, избитаго средства. Она говорила отъ всей души, и въ ея словахъ сквозило искреннее, почти страстное чувство, которое не могло укрыться отъ Артемья.

— Юлія Николаевна, сказалъ онъ вдругъ:—какого мнѣнія были бы вы о человѣкѣ, который не сѣумѣлъ бы устоять противъ искушенія?

— Что вы называете искушеніемъ? спросила она, покраснѣвъ.

— А вы?

— Я вамъ скажу. Я не посмѣю осудить человѣка, который не умѣетъ побѣдить искушенія и съ голоду ѣсть чужой хлѣбъ; но меня возмутитъ гордость того, который согласится голодать скорѣе, чѣмъ принять кусокъ хлѣба, поднесенный ему отъ всего сердца... рукою друга. Вотъ что я думаю. А вы?

Онъ не отвѣчалъ ни слова.

Юлію мучила мысль объ участіи, которое она приняла въ возвращеніи Артемія на родину, гдѣ его ожидало столько горькихъ недочетовъ.

— Еслибъ вы знали, что вы здѣсь не найдете тѣхъ, на кого вы рассчитывали, вы бы, можетъ быть, не рѣшились пріѣхать, сказала она.

— Рано или поздно пришлось бы возвратиться, отвѣчалъ Артемій.—Къ тому же меня всегда пугала мысль, что я могу умереть на чужой сторонѣ. Жить можно вездѣ, но умереть надо непременно на родинѣ.

— Вы родились здѣсь, въ Москвѣ?

— Нѣтъ, въ Разказовѣ.

— Но вы будете жить въ Москвѣ, не правда ли? Я уже васъ объ этомъ спрашивала, но отвѣтъ остался за вами.

— И останется. Какъ я могу ручаться въ томъ, гдѣ мнѣ доведется быть?

— Послушайте... сказала Юлія, подумавши:—общайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, что... пока вы въ Москвѣ, мы будемъ видѣться часто... каждый день, прибавила она робко.

Артемій немного сконфузился, но общалъ.

— По рукамъ! сказала Юлія.

Онъ улыбнулся еще разъ и поцаловалъ ея руку.

— Помните ваше обѣщаніе; до завтра, повторяла молодая женщина, прощаясь съ своимъ гостемъ.

— Зачѣмъ я ее обманулъ? говорилъ самъ себѣ Артемій, возвращаясь въ свой флигель.

XVI.

Юлія.

А между тѣмъ обѣщаніе, данное Артеміемъ, было въ глазахъ Юліи единственнымъ положительнымъ результатомъ ея перваго свиданія съ нимъ. Она была недовольна собой; она съ ужасомъ сознавалась, что едва ли ей успѣть. Пробило двѣнадцать, когда она раздѣлась и отослала горничную. Въ домѣ уже давно все улеглось, а она все еще сидѣла противъ трюмъ, на которомъ горѣли свѣчи, и въ первый разъ съ отчаяніемъ глаза ея останавливались на собственномъ образѣ.

«Дается же инымъ женщинамъ неотразимая красота!» думала она, не замѣчая, что вся ея маленькая особа уже успѣла принять выраженіе, которое бываетъ неотразимѣ красоты: ея взглядъ, движенія, голосъ — все было проникнуто чувствомъ.

«Однако, мы будемъ видѣться... онъ общалъ... и то много!» думала она опять и надѣялась.

Но вдругъ у ней сжималось сердце; ей казалось, что ни къ чему не поведутъ новыя свиданія, и она съ отчаяніемъ повторяла:

— Ему не до меня, ни до кого на свѣтѣ. Онъ пропасть — я это чувствую.

И самое обѣщаніе, данное имъ, представлялось ей такимъ ничтожествомъ. Юлія хотѣла взять съ него слово, что, на тобъ онъ ни рѣшился, она обо всемъ узнаетъ заранѣе... и не посмѣла... Онъ бѣдъ надъ собой надѣлаетъ! отъ него все станется... звучали въ ухахъ ея слова Александра Михайловича.

— И кто знаетъ, къ чему готовится онъ въ эту самую минуту. . страшно!

Есть такія мысли, которыя бросаютъ и въ жаръ, и въ холодъ, отъ которыхъ не знаешь, куда бѣжать... При нихъ — не до сна, и Юлія не спала и даже не ложилась. Только предъ разсвѣтомъ ея овладѣла тонкая дремота, сквозь которую ей видѣлись не то сны, не то призраки. То ей казалось, что въ гостиную вносятъ

окрававленный трупъ графа Турбскаго; то она видѣла себя въ спальнѣ своей матери, куда она, Юлія, заснувшая отъ изнеможенія, бросилась, слышавъ шумъ... кровать была пуста, одѣло было сброшено на полъ.

Но шумъ продолжался... Юлія проснулась и слушаетъ: это—стукъ экипажа, остановившагося у воротъ. Она бѣжитъ въ залу. Уже свѣтло. У воротъ стоитъ ямская тройка, запряженная въ тарантасъ съ откинутымъ верхомъ. Юлія прильнула къ окну и прижала обѣ руки къ сердцу—такъ оно билось.

Вотъ осторожно стукнуло кольцо калитки на улицу; вышелъ Артемій въ плащѣ и шляпѣ съ широкими полями; онъ прыгнулъ въ тарантасъ; ямщикъ поднялъ возжи, и лошади тронулись ровной рысью.

Юлія пыталась отворить окно, хотѣла вскрикнуть и—не могла. У ней потемнѣло въ глазахъ, она опустилась на стулъ.

Но это продолжалось одну минуту. Юлія бросилась наверхъ, въ Дуняшину свѣтлѣку.

— Дуняша! Дуняша! кричала она:—вставай, ради Бога! Онъ уѣхалъ. Бѣги—узнай: куда? зачѣмъ?

Когда старая горничная поняла въ чемъ дѣло, она мигомъ одѣлась и отправилась во флигель, гдѣ застала на ногахъ Захара Архипыча, проводившаго своего барина.

— Дѣло—хозяйское, объяснилъ старый дворецкій:—въ Разказово поѣхалъ. Вѣдь тоже надо на свою вотчину взглянуть. Можетъ статься, съ опекуномъ вздумаетъ повидаться.

— Когда онъ хотѣлъ вернуться? спросила Дуняша.

— Самъ, говоритъ, не знаю. Дѣловъ много, Авдотья Матвѣевна. А я—тоже своего дѣла не забываю; повару приказалъ, чтобъ на всякій случай было кушать готово.

Съ этими вѣстями вернулась Дуняша къ Юліи и старалась ее успокоить.

Юлія сама старалась успокоиться, но безуспѣшно.

Старая служанка осталась при своей госпожѣ.

Обѣ онѣ вернулись въ спальню, гдѣ все еще горѣли свѣчи на трюмѣ. Ихъ дрожащее пламя, поблѣднѣвшее отъ деннаго свѣта, мерцало какимъ-то зловѣщимъ блескомъ.

— Погаси, Дуняша, сказала Юлія:—точно факелы!

— И матушка! чтѣ вы! Христосъ съ вами!—отозвалась Дуняша и замолчала.

Прошло около получаса. Въ домѣ понемногу все стало про-

сыпаться и приходять въ движеніе: кое гдѣ скрипнули двери, осторожные шаги послышались на паркетѣ; начинали убирать комнаты.

— Нѣтъ, Дуниша, не могу! сказала вдругъ Юлія.—Сердце не на мѣстѣ. Вели, чтобъ сейчасъ верховой скакалъ къ Александру Михайловичу и доставилъ ему эту записку. Чтобъ разбудили его, если онъ спитъ.

Она схватила перо и написала:

«Пріѣзжайте сейчасъ, сію минуту. Онъ уѣхалъ въ Разсказово. Мнѣ страшно; не знаю, что дѣлать.»

Въ ожиданіи отвѣта ея овладѣло такое безпокойство, что Дуниша нѣсколько разъ принималась ее отпаивать водой. Передъ самымъ пріѣздомъ Александра Михайловича, Юлія вспомнила слова Артемія: «надо умереть на роднѣ; я родился въ Разсказовѣ».

— Нѣтъ, съ этой мыслью не проживешь до вечера! говорила она, закрывая руками пылающее свое лицо.

Какъ ни торопился Александръ Михайловичъ, было уже часовъ восемь, когда онъ явился къ Юліи. На немъ тоже, что называется, лица не было.

— Какъ вы думаете, что дѣлать? спросила Юлія.

— Да Богъ знаетъ! отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами

— Богъ знаетъ! Богъ знаетъ! это—не отвѣтъ.

— Развѣ вы не видите, что я самъ ума не приложу! сказала Александръ Михайловичъ.—Скачать за нимъ? Да вѣдь я его знаю-съ: его не переспоришь. Какъ бы хуже не вышло. Разсказово онъ всегда очень любилъ. Жена моя надѣется, что тамъ онъ, можетъ быть, успокоится.

«Да, ей легко надѣяться! она его уже не любитъ», подумала Юлія.

— Пойду, хорошенько все распрошу во флигелѣ, продолжалъ Александръ Михайловичъ.

Во флигелѣ Захаръ Аркипычъ къ прежнимъ подробностямъ прибавилъ только, что наканунѣ, послѣ укуса Александра Михайловича, Артемій Ильичъ изволили со двора отлучаться и, должно быть, этимъ временемъ лошадей себѣ къ сегодняшнему утру задавали, а вечеромъ, какъ пришли отъ Юліи Николаевны, такъ и отдали приказанье разбудить себя въ яutomъ часу. Я и чаю имъ приготовилъ—говорилъ старикъ.

— Не оставилъ ли онъ какихъ нибудь приказаній, или писемъ? добавилъ Александръ Михайловичъ.

— Юлія Николаевна сюрприз желаютъ сдѣлать, положила по секрету Захаръ Архипычъ. — Какъ сегодня одѣлись, такъ и выдали мнѣ сто рублей серебра на починку (изволите помнить?) вчерашнихъ часовъ. У меня, говоритъ, не то на умѣ; неравно — забуду; такъ на тебя, молъ, Захаръ, надѣюсь; какъ, молъ, будутъ готовы часы, такъ ты ихъ и донеси до Юліи Николаевны и при запискѣ. И записку мнѣ изволили отдать.

Александръ Михайловичъ вытребовалъ записку и принесъ ее Юліи, которую засталъ въ круглой шляпѣ и суконной амазонкѣ.

— Боже мой! да такъ пишутъ только на прощаніи! воскликнула молодая женщина, пробѣжавъ записку глазами. Она передала ее Хруслову.

«Цалую ваши руки, писалъ Артемій, и прошу васъ принять эти часы на память того вечера, который я провелъ у васъ. Прощайте!»

Александръ Михайловичъ молча возвратилъ ей записку.

— По троичному шоссе, на восемнадцатой верстѣ, поворотъ налѣво, не правда ли? сказала Юлія рѣшительнымъ голосомъ.

Это былъ маршрутъ въ Разсказово.

— Да, отвѣчалъ Александръ Михайловичъ. — Вы хотите ѣхать?

— Да.

— Помогите вамъ Богъ! сказалъ онъ, крѣпко пожавъ руку Юліи.

Рука ея дрожала, да и у Александра Михайловича двѣ крупныя слезы повисли на рѣсницахъ.

XVII.

Обершенкъ Туренинъ.

Разсказово было старинное родовое имѣніе Турениныхъ, на славу устроенное обершенкомъ Василиемъ Андреевичемъ, прадедомъ Артемія и личнымъ другомъ знаменитаго графа Растрелли. По растреллиевскимъ рисункамъ и планамъ были разбиты разсказовскіе сады и парки, вырыты пруды, насыпаны острова и возведены многочисленныя капитальныя постройки, которыя всѣ безъ исключенія, начиная отъ двухъ-ярусной церкви и барскаго дома и кончая оградами съ монументальными воротами — носили отпечатокъ вальяжнаго вкуса архитектора пет-

ровскихъ и елисаветинскихъ временъ. Въ молодости своей, Илья Ѳедоровичъ съ братьями не только поддерживали дѣдовское заведеніе, но даже, не жалѣя денегъ, продолжали строиться и украшать Разсказово: въ саду и на островахъ явились театральныя и концертныя залы, бесѣдки, эрмитажи... Въ этомъ видѣ Разсказово должно было поглощать доходы другихъ имѣній и, разумѣется, пришло въ упадокъ, когда Туренины разворились. Имъ былъ бы прямой расчетъ отказаться отъ дорогого стоившей имъ подмосковной, чтобъ спасти какую нибудь степную деревню, дающую вѣрный доходъ, не требуя значительныхъ тратъ; но нерасчетливы были братья Туренины; къ тому же все семейство питало особенную привязанность къ Разсказову. Что же касается до Артемія, лучшія его воспоминанія были связаны съ подмосковной, въ которой онъ родился и воспитывался.

Теперь, когда ей угрожала продажа съ молотка, онъ рѣшился взглянуть въ послѣдній разъ на знакомыя ему мѣста. Не смотря на то, что десять лѣтъ отсутствія его такъ измѣнили, что узнать его трудно, онъ принималъ всѣ мѣры для сохраненія своего инкогнито въ Разсказовѣ, чтобъ еще вѣрнѣе застраховать себя отъ докучливыхъ услугъ и восклицаній, которыя угрожали ему со стороны многочисленной дворни.

Еще въ Москвѣ узналъ онъ, что старый ключникъ, Ѳедотъ Самсоновъ, давно—на покой и сдалъ ключи отъ дома внуку своему, молодому парню, вовсе незнакомому Артемію. Это приходилось кстати: встрѣча съ ключникомъ была неизбѣжна. У первыхъ липъ длинной аллеи, служившей въѣздомъ въ Разсказово, Артемій отпустилъ ямщика и отправился пѣшкомъ. По обѣимъ сторонамъ аллеи тянулся двойной рядъ березокъ, посаженныхъ самимъ Артеміемъ и давнымъ-давно его переросшихъ. Онъ остановился у одной изъ нихъ; его обдало крѣпкимъ смолянымъ запахомъ свѣжей ливы.

«Какъ поднялась!» подумалъ онъ, ощупывая бѣлый стволъ березы и закинувъ назадъ голову, чтобъ взглянуть на верхнія вѣтки. «Видно, въ добрый часъ и на многія лѣта посадилъ ее Артемій!»

Онъ пошелъ далѣе. Аллея примыкала къ широкой площади, среди которой стояла церковь; налѣво былъ паркъ, называвшійся звѣринцемъ; направо—барскій домъ, съ службами и садомъ. Церковныя ворота были открыты, и на погостѣ двое молодыхъ крестьянъ рыли могилу. Артемій объяснилъ имъ, что желалъ

бы осмотрѣть домъ и садъ, и общалъ на водку, если къ нему вызовутъ ключника. Одинъ изъ могильщиковъ бросилъ работу и дѣйствительно поплѣлся на барскій дворъ. Другой вступилъ въ разговоръ съ незнакомымъ бариномъ.

— А вы сами' отдедова будете? спросилъ онъ, одернувшись на заступъ.

— Изъ Москвы.

— Небось, насъ купить хотите?

— А развѣ ужъ много перебивало покупателей? спросилъ въ свою очередь Артемій, уклоняясь отъ отвѣта.

— Да вотъ семеновскій баринъ наѣзжалъ, тоже имѣние смотрѣлъ. Не дѣли съ двѣ никакъ будетъ, а то, пожалуй, и больше.

Артемій, какъ Гамлетъ, спросилъ, для кого это роютъ могилу?

— То-то для стараго ключника, отвѣчалъ крестьянинъ.— Одетъ Самсоновъ прозывался; тоже годовъ сорокъ въ должности ходилъ, да года два безъ ногъ пролежалъ, такъ ужъ и ходить не могъ, а вчерашняго числа померъ.

Артемій вспомнилъ знакомое, доброе лицо стараго ключника, вспомнилъ также сцену шекспировскихъ могильщиковъ и отошелъ отъ своего собесѣдника. На восточной сторонѣ церкви, противъ алтаря стоялъ большой памятникъ, незабытый Артемиемъ. Онъ остановился противъ него и прочелъ надпись, которую еще ребѣнкомъ читывалъ по складамъ:

«Лѣта 1758, марта въ 5-ый день преставился соорудитель св. храма сего, рабъ божій, тайный дѣйствительный совѣтникъ, оберщенкъ и обоихъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, Василій Андреевичъ Туренинъ.»

«Родительскія кости промотали», подумалъ Артемій.

Онъ обошелъ вокругъ церкви и сѣлъ на паперти, въ виду крестьянина, опять принимавшагося за свою работу. Вскорѣ явился ключникъ. Туренинъ объявилъ ему, что, вѣроятно, долго пробудетъ въ саду и въ домѣ.

— За мной прїѣдутъ поздно... можетъ быть, въ ночь... сказалъ онъ и въ видѣ неотразимаго довода сунулъ ему въ руку трехрублевую бумажку. Такая щедрость чуть было не возбудила подозрѣннй ключника, который съ очевиднымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на незнакомаго гостя; но успокоился совершенно, когда гость замѣтилъ, что, вѣроятно, домъ совершенно пустъ, и, следовательно, бояться нечего.

— Покажите-съ, проговорилъ ключникъ, проходя впередъ съ связкою ключей.

— Пойдемъ садомъ, сказалъ Артемій:—я съ террасы войду въ домъ; ты только ототри стеклянную дверь.

Онъ замѣтилъ, что проговорился; но русскій человѣкъ лѣнивъ на соображенія, и ключникъ, безпрекословно отворивъ ялтыку въ садъ, отправился къ террасѣ примѣрять заржавленные ключи къ рамку стеклянной двери.

— Хорошо, ступай теперь, сказалъ Артемій, когда щелкнулъ замкомъ.

— Вашему сіятельству не потребуется ли что? спросилъ ключникъ.

— Если что потребуется, я тебя отыщу...

Артемій сѣлъ на ступеньки и закурилъ сигару. Его разсѣянный, почти холодный взглядъ блуждалъ по знакомымъ предметамъ, или углублялся въ длинную аллею, которая прямо отъ террасы спускалась къ пруду, блестящему въ концѣ сада. Но ничто, повидимому, не возбуждало въ немъ ни воспоминаній, ни радости, ни грусти... Одну минуту въ головѣ его мелькнула мысль, что аллея вовсе не такъ широка, какъ онъ воображалъ; и что оба сквера, разбитые по сторонамъ, тоже какъ будто стали поменьше — и только. Съ самаго утра и всю дорогу его, Богъ знаетъ почему, неотвязчиво преслѣдовалъ одинъ стихъ Лермонтова, впутываясь во все его мысли, даже въ тѣ, съ которыми не имѣлъ ничего общаго.

«И всякій плакалъ, кто любилъ!»

вертелось у Артемія на умѣ; между тѣмъ какъ онъ вовсе не думалъ о любви, а смотрѣлъ на тонкую струйку дыма своей сигары и тутъ же вспоминалъ, что сигары куплены имъ въ Одесѣ у матроса, и самое лицо матроса рисовалось передъ нимъ... и вдругъ смѣнилось новымъ образомъ, новымъ воспоминаніемъ, вовсе неумѣстнымъ въ Разказовѣ, вовсе неблизкимъ сердцу Артемія.

Дѣло въ томъ, что какая-то желѣзная рука сжимала ему сердце и путала его мысли. Онъ даже не понималъ, что вокругъ него дѣлалось. Не для него весеннее утро наполняло воздухъ благоуханіемъ и звуками...

Докуривъ сигару, Артемій обошелъ скверъ и вступилъ въ лабиринтъ старинныхъ аллей. Вотъ и прудъ—широкій и длинный;

какъ озеро, а на берегу—театръ. Тутъ была устроена комната для отдыха послѣ купанья и стояла большихъ денегъ: она была обита китайской матеріей и нѣкогда убрана фарфоромъ. Какъ часто отдыхалъ здѣсь Артемій въ лѣтніе жары и нилъ кофе, читая журналъ! Давно ли, подъѣзжая къ Москвѣ, онъ думалъ, что заплачетъ отъ радости, когда увидитъ китайскую комнату? Онъ собирался отыскать въ запыленномъ шкапѣ журналъ прежнихъ годовъ, чтобъ помянуть старину и, лежа на шелковыхъ подушкахъ дивана, перечестъ первые очерки Тургенева или статьи Бѣлинскаго. Однако онъ прошелъ мимо театра, какъ будто не замѣтилъ его, прислонился къ дереву и бессмысленно слѣдилъ глазами за игрою солнца въ ряби пруда.

Изъ этого тяжелаго состоянія вывело его ничтожное обстоятельство.

Къ еѣ ногамъ упала съ вѣтки мертвая птичка. Онъ вздрогнулъ, поднялъ птичку и долго ее разглядывалъ.

— Бѣдняжка! проговорилъ онъ, бросая ее на землю и почувствовавъ, что ему стало грустно—и вотъ мало по малу началъ проясняться этотъ хаосъ, въ которомъ вертѣлся стихъ Лермонтова.

«Да что жъ я здѣсь дѣлаю?» подумалъ Артемій и быстро повернулъ въ аллею, которая вела къ дому. Тутъ, между липами, были разсажены кусты сирени. Артемій вспомнилъ о своемъ дѣтскомъ восторгѣ, когда, бывало, семейство пріѣзжало въ Разказово въ то время, когда цвѣла сирень. Прямо изъ кареты онъ бѣжитъ на террасу, оттуда—въ аллею и бѣжитъ какъ сумасшедшій, и заглянетъ во всѣ любимые углы сада; но садъ великъ, и не вездѣ еще побывалъ Артемій, а его уже зовутъ пить чай... Прежде, однако, чѣмъ вернуться домой, онъ бросается къ кустамъ сирени, на которыхъ успѣлъ завидѣть бѣлыя и лиловыя кисти цвѣтовъ, наломаетъ ихъ огромный букетъ и несетъ съ нимъ въ столовую, гдѣ уже все семейство собралось вокругъ самовара. Тутъ же принимается искать цвѣточки о пяти и шести листьяхъ, наберетъ ихъ полную пригоршню и отдастъ тѣмъ Машѣ, чтобъ она спрятала ихъ въ молитвенникъ на счастье; а тѣтя Маша его поцалуетъ, нальетъ ему чаю со сливками, дастъ лишній сухарикъ за цвѣточки и позволитъ устроиться на его любимомъ мѣстѣ у окна, откуда ребѣнку такъ весело слѣдитъ за возней на дворѣ, вдругъ оживившемся пріѣздомъ господъ. Когда ребѣнокъ выросъ и сталъ смотрѣть дальше двора

онъ полюбилъ видъ на Разказово, открывавшійся изъ окна столовой.

О! какъ Артемью вдругъ захотѣлось разъ заглянуть въ это окно.

Онъ ускорилъ шагъ, поднялся на террасу, толкнулъ стеклянную дверь, которая съ трескомъ распахнулась, и вошелъ въ такъ называемую зеленую залу. Здѣсь нѣкогда обѣдывали многочисленные гости, наѣзжавшіе въ Разказово. Зала была старинной отдѣлки, съ колоннообразными изразцовыми печами въ трехъ углахъ, и витою лѣстницей въ четвертомъ. Лѣстницу уже устроивали на артемьевой памяти, но она подходила подъ остальные детали комнаты: братья Туренина были полуартисты, и Анатолій Ѳедоровичъ самъ рѣзалъ дубовыя статуетки, служившія баласникомъ. Артемию пришло на память, какъ ловко оттуда сверху падалъ свѣтъ на одну изъ статуй, помѣщавшихся въ нишахъ по стѣнамъ. Но и статуи, и мѣбель были давно вывезены, и зеленая зала стояла пустая...

Онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ наверхъ, миновалъ, не оглядываясь, цѣлый рядъ комнатъ и остановился въ небольшой семейной столовой, гдѣ обыкновенно пили чай и обѣдали, когда не было гостей. Въ столовой уцѣлѣли и плетеные стулья, и круглый раздвижной столъ на безчисленныхъ ножкахъ.

Артемій подошелъ къ окну и растворилъ его: передъ нимъ—широкій дворъ съ каменной оградой; за оградой, черезъ площадь—свѣжая зелень высокихъ деревьевъ парка, съ просѣкою на ровную даль полей; на площади, немного направо—двухъ-ярусная церковь, съ сверкающимъ на солнцѣ крестомъ; дальше—большой прудъ, называвшійся верхнимъ, а по ту сторону пруда—дорога и село.

Вотъ оно, вотъ оно—его милое, прекрасное Разказово, куда такъ рвалось его сердце, скучавшее великолѣпіями юга! Какъ тихо и какъ хорошо! Какъ можно бѣ было отдохнуть здѣсь послѣ десятилѣтняго странствованія! Долго смотрѣлъ Артемій... потомъ вострепнулся, какъ будто о чемъ-то вспомнилъ, поспѣшно вышелъ изъ столовой, спустился по парадной лѣстницѣ и вступилъ въ нескончаемый корридоръ нижняго этажа. Направо была дверь, обитая сукномъ; подъ рукой Артемія она отворилась безъ усилий; это—его кабинетъ.

Какъ заботливо его когда-то отдѣлывалъ Артемій, и какъ онъ измѣнился! Куда дѣвались ковры, шкапы съ книгами, мягкая мѣбель, огромное зеркало? Изъ итальянскаго окна, видно, съ тѣхъ

портъ не выставляли двойной рамы; такъ потуснѣли стекла и столько завелось паутины, что сквозь нихъ едва можно было разглядѣть огромный кустъ сирени, котораго дахучія вѣтви вывалились, бывало, въ растворенное окно.

На каминѣ стояла полуразбитая ваза. Въ ней, въ былое время, заботливая рука ежедневно возобновляла цвѣты... Какъ она его любила!... И передъ Артеміемъ воскресъ весь романъ его первой любви.

Въ тотъ годъ Туренины зажились въ деревнѣ до рождества. Сюда въ зимнюю ночь, тайкомъ, по холодной лѣстницѣ пробиралась Ганя. Какъ она дрожала, и какъ горѣли ея щеки! Неперпѣливой рукой срывалъ онъ шаль, навиннутую на ея голову, бралъ ея руки и отогрѣвалъ ихъ на груди своей. Въ каминѣ пылалъ огонь; они садились къ огню, и какъ безконечно счастливы были оба!

— Пора идти, говорила Ганя.

Онъ окутывалъ ее шалью и строго приказывалъ не простудиться. Рука ея уже касалась двернаго замка; она въ послѣдній разъ взглядывала на Артемія и останавливалась... До разсвѣта Ганя только что успѣвала пробраться въ свою комнату...

И Артемію стало до смерти жаль и жизни, и женщинъ, и Разсказова, и самого себя! Онъ закрывъ лицо руками и плакалъ навзрыдъ.

И всякій плакалъ, кто любилъ!

XVIII.

Разсказово.

Вдругъ въ корридорѣ послышался шорохъ, и дверь боязливо скрипнула.

— Кто тамъ? сердито спросилъ Туренинъ.

Голова ключника выступила изъ-за двери.

— Ваше превосходительство, робко сказалъ онъ:—барыня приказала доложить о себѣ.

— Какая барыня? спросилъ Артемій, у котораго гнѣвъ высушилъ слезы.

— Барыня, повторилъ ключникъ, заминаясь.

— Хорошо, теперь ступай, послышался въ корридорѣ голосъ Юлія.

Она бодро просказала двадцать верстъ и, явившись въ Разсказово, велѣла вести себя прямо въ домъ.

Ключникъ не прекословилъ и потому, что получилъ вторую ассигнацію, и потому еще, что со словъ Артемія рѣшилъ, что это за нимъ пріѣхала барыня, которая, впрочемъ, пріѣхала верхомъ.

А Юлія съ первыхъ словъ ключника поняла, что Артемій не навралъ себя въ Разсказовѣ: это подтвердило ея опасенія и ей самой придало новыя силы... но не на долго... Она почти обѣжала весь домъ; ключникъ едва поспѣвалъ за нею. Зато, какъ скоро она услышала гнѣвный голосъ Артемія, ей разомъ измѣнили поддѣльные, страхомъ опасности возбужденныя силы; переступивъ черезъ порогъ кабинета, она прислонилась къ стѣнѣ и не удержалась бы на ногахъ, еслибъ ей на помощь не поспѣшилъ Артемій.

— Вы!!... сказалъ онъ, пораженный удивленіемъ.

Но она не могла проговорить ни слова.

Онъ вывелъ ее изъ корридора на чистый воздухъ, въ садъ и посадилъ на ступеньку террасы.

— Я принесу воды, сказалъ Артемій.

Слабой рукой она его удержала и проговорила: «Не надо, пройдетъ.»

Дѣйствительно—она стала приходить въ себя, но странная блѣдность не покидала ея лица. Юлія подняла глаза на Артемія, ожидая, чтобъ онъ заговорилъ.

— По какому случаю вы здѣсь? спросилъ онъ холодно.

— А вы? Зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

— Въ своихъ дѣйствіяхъ я не люблю отдавать отчета, отвѣчалъ Артемій.

Юлія опустила голову.

— Я это знала, я на это шла... но теперь намъ не до счетовъ...

Она перевела духъ.

— Но, боже мой, сказала она вдругъ, смотря ему прямо въ глаза:—увели вы не понимаете, что я бросилась сюда только для того, чтобы спросить у васъ, зачѣмъ вы здѣсь?

Туренинъ съ трудомъ сдерживалъ свою досаду; онъ нетерпѣливо гнулъ хвостикъ, выпавшій изъ рукъ Юліи.

— Положимъ, продолжала она:—что я объ васъ никогда не слыхала, не знаю, не видала васъ... но и тогда, еслибъ мнѣ

сказали, что вы сюда приѣхали... съ тѣмъ... съ такими мыслями..

Она очевидно не рѣшалась выговорить какое-то слово, но вздрогнула и, закрывъ лицо платкомъ, сказала:

— О! какой ужасъ!

Артеміи былъ тронутъ этимъ восклицаніемъ.

— *Voilà, mon enfant, parlons raison...* сказалъ онъ ласково.

Ободренная такими словами, она быстро къ нему обернулась; но онъ не спѣшилъ договорить, какъ будто собираясь съ мыслями, и черезъ минуту спросилъ уже совершенно другимъ тономъ:

— Да скажите, пожалуйста, что вы нашли необыкновеннаго въ томъ, что человѣку вздумалось съѣздить въ деревню? Однако... что же тутъ страшнаго? что вы себя вообразили?

Это было сказано такъ естественно и просто, что Юлія была сбита съ толку. Она взглянула на Артемія, желая убѣдиться, что онъ говоритъ правду.

Онъ казался совершенно спокоенъ. Она уже готова была сознаться въ неумѣстности своихъ опасеній, но вдругъ вспомнила о запискѣ, оставленной Артеміемъ у Захара Архипыча. Спросить о ней было неловко, но Юлія рѣшилась.

— Послушайте, сказала она:—меня такъ перепугалъ вашъ неожиданный отъѣздъ, что я послала... что я позволила себѣ послать во флигель узнать, не оставили ли вы какихъ нибудь писемъ, и мнѣ принесли записку, которую я должна была получить гораздо позже. Какъ вы ее объясните?

— Мою записку? Очень просто. Часы, которые я и теперь прошу васъ принять на память о вчерашнемъ вечерѣ, требуютъ поправки, а поправка—времени; по всей вѣроятности, вамъ ихъ доставятъ уже тогда, когда меня не будетъ въ Москвѣ. Записку я долженъ былъ написать заранѣе. Вотъ и все.

Объясненіе было удовлетворительно. Юлія нѣсколько разъ прошла по террасѣ, опаживаясь платкомъ; потомъ остановилась противъ Туренина и сказала:

— Артеміи Ильичъ, вы не сердитесь на меня?

«Надо, однако, положить конецъ этой сценѣ», подумалъ онъ и отвѣчалъ:—Вы понимаете, что мнѣ сердиться невозможно, но, ради Бога, уѣзжайте. Узнаютъ, что вы здѣсь; заговорають... Проводить васъ я не смѣю: заговорають еще больше... Уѣзжайте, это необходимо! прибавилъ онъ съ твердостью, почти повелительно.

— Я поѣду, сказала Юлія.

Онъ довелъ ее до калитки и посадилъ на лошадь Юлія кив-

нула ему головой и доѣхала шагомъ до конца аллеи. Тутъ она осадила лошадь. Такія страшныя предчувствія опять овладѣли бѣдной женщиной, что, простоявъ нѣсколько минутъ въ раздумьи о томъ, что ей дѣлать, она пустилась обратно во весь опоръ, у налетки спрыгнула съ сѣдла и бросилась въ садъ.

Артемій сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ и вспыхнулъ, увидѣвъ опять Юлію; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ подняться на ноги, она стала передъ нимъ на колѣни и залилась слезами.

— Презирайте меня, если хотите, сказала она:—что же мнѣ съ собою дѣлать?... я боюсь...

Онъ взялъ ея холодныя руки и подумалъ: «Бѣдняжка!... она любить.»

— Ну, скажите, чего вы боитесь? спросилъ онъ.

— Не заставляйте меня говорить. Вы сами знаете... но если не вамъ, то другимъ дорога ваша жизнь... вы поняли, не правда ли? что будущее въ вашихъ рукахъ...

И опустивъ голову, Юлія прибавила:

— Богъ наказываетъ меня за гордость.

Туренинъ былъ блѣденъ и молчалъ; въ немъ началась борьба, исходъ которой онъ самъ не угадывалъ...

— Теперь—подумайте, могу ли я уѣхать, не зная, на что вы рѣшилась? спросила Юлія.

— Даю вамъ честное слово, что я ни на что не рѣшился, сказалъ Артемій.

— Честное слово? повторила она съ просіявшимъ лицомъ.

— Да, и вы можете мнѣ вѣрить. Поѣзжайте.

Онъ ей подаль руку, на которую она оперлась обѣими руками. Они прошли нѣсколько шаговъ.

— Я вамъ вѣрю, сказала Юлія.

Вмѣсто отвѣта, онъ судорожно прижалъ ее къ себѣ.

Сѣвши на лошадь, она еще разъ протянула ему руку и поѣхала; но у воротъ оглянулась и послала ему послѣдній привѣтъ.

А для Артемія еще не скоро разрѣшился вопросъ:

Умереть ли ему?—Продать ли себя женщинѣ, которой онъ не любилъ?

Передъ вечеромъ видѣли, какъ послѣдній наслѣдственный владѣлецъ Разказова бродилъ по саду, какъ два раза подходилъ къ калиткѣ, брался за нее и опять опускалъ руку... Что онъ переживалъ прежде, чѣмъ лицо его приняло спокойное выраженіе обдуманнаго рѣшенія?...

Кто знает?...

Напрасными догадками не будемъ тревожить его праха: тайну послѣднихъ мыслей онъ унесъ съ собой.

Солнце уже сѣло, когда въ саду раздался выстрѣлъ.

На Артемій нашли два запечатанныхъ письма: одно—на имя Александра Михайловича, другое—за-границу; на оберткѣ перваго было приписано карандашемъ :

«Скажи ей, что я ее не обманывалъ сегодня; но устоялъ противъ искушенія безчестнаго.»

ЭПИЛОГЪ.

Разсказово продано съ молотка и попало въ руки афериста, который черезчуръ усердно осуществилъ завѣтную мысль Ильи Федоровича. Самый домъ обращенъ въ фабрику, а вѣковыя деревья сада и парка срублены на дрова. Въ бывшемъ театрѣ устроены жилые покои для новаго владѣльца и его семейства; кухню, которую заботливой нѣмкѣ необходимо было имѣть подъ рукой, пришлось помѣстить въ китайской комнатѣ...

Продажа послѣдняго имѣнія нисколько не отозвалась на положеніи Марьи Федоровны. Юлія Николаевна настояла на томъ, чтобъ старушка, которой она, впрочемъ, никогда не любила, была отдана на ея попеченіе, и флигель туренинскаго дома о сю пору остается въ томъ видѣ, въ какомъ былъ за нѣсколько дней до пріѣзда Артемія. Сама Юлія почти не выѣзжаетъ изъ дому: въ ней развилась нервная болѣзнь, и доктора давно посылаютъ ее на воды.

Въ московскомъ свѣтѣ очень немного и безъ особеннаго участія поговорили о смерти Артемія: онъ такъ долго оставался за-границей, что о немъ успѣли забыть. Въ семействѣ—его помнятъ. Марья Федоровна спрашиваетъ иногда, скоро ли онъ пріѣдетъ? При этомъ вопросѣ у Гани навертываются слезы на глаза. Въ буфетѣ туренинскаго флигеля часто заходитъ рѣчь о молодомъ баринѣ.

— Я объ этомъ зналъ, говоритъ Захаръ Архишчычъ: — какъ пріѣхалъ въ Москву, такъ въ тѣ поры мнѣ изволилъ сказать: «Помни, говоритъ, Захаръ, мое слово: папенька такъ меня обидѣлъ, что я на себя руки наложу...»

ОЛЬГА Н.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

Безхарактерность наша въ минувшемъ году. — Неудобства характерности и твердости направленій въ политикѣ и въ политической литературѣ. — Примѣръ изъ австрійской жизни. — Авторъ «Молодой Россіи» — лучший другъ правительства. — Имѣютъ ли право партіи, воюющія во имя общества, подчинять себѣ общество и требовать отъ него, чтобъ оно рабски держалось одной изъ воюющихъ сторонъ? — Значеніе литературныхъ доводовъ и необходимость воздерживаться отъ безхарактерности впредь до упроченія русской печати. — Наступившій годъ и его будущая практическая дѣятельность. — Благоутробное вліаніе практической дѣятельности и превращенія, производимыя ею на прогрессистовъ и крѣпостниковъ. — Мнѣніе наше о томъ, какому наказанію слѣдовало бы подвергать юношей и студентовъ за ихъ политическія увлеченія. — Безхарактерность всей русской націи и неспособность ея къ твердымъ направленіямъ. — Какой изъ звѣриныхъ образовъ наиболее соответствуетъ русскому человѣку. — Сѣмена и всходы русскаго развитія. — Судебная самостоятельность и мировые стѣзды. — Заслуги земскаго отдѣла мин. вн. дѣлъ. — Отъ кого наиболѣе терпитъ наша самостоятельность и кому она наиболѣе обязана своими первыми опытами. — Могущество теоріи, вышедшей изъ практики. — Портретъ практическаго мирового посредника. — Какъ понимаютъ крестьяне слова: «другой води не будетъ». — Нѣмецкіе крестьяне въ 1786 году. — Основательны ли опасенія насчетъ приближающагося 19 февраля нынѣшняго года. — Вопросъ о дворовыхъ людяхъ. — О собственныхъ земляхъ крестьянъ, купленныхъ на имя помѣщиковъ. — Порядокъ нынѣшняго рекрутскаго набора, установленный для временно-обязанныхъ крестьянъ. — Деспотизмъ общества надъ личностью по нашимъ законамъ и удары, наносимые ему судебнымъ преобразованиемъ. — Административный судъ и высылка лицъ изъ столицъ по распоряженію полиціи. — Преобразование тайной полиціи, предсказываемое «С.-Петербургскими Вѣдомостями». — Послѣдовавшее преобразование явной полиціи. — Существующіе способы для разъѣздовъ полицейскихъ чиновъ. — Ходъ работъ въ судебно-преобразовательной комиссіи. — Имена лицъ, участвовавшихъ въ составленіи «Основныхъ положеній». — Общая характеристика будущаго года. —
Послѣднія извѣстія.

Наканунѣ прошлаго 1862 года, сознаясь предъ читателями въ склонности нашей къ безхарактерности, мы никакъ не ожидали, что этой склонности предстояло развиться такъ быстро и принять такіе широкіе размѣры. Безхарактерность, съ какою мы, въ теченіе минувшаго года, попеременно обращали оружіе то противъ одной, то противъ другой изъ преобладающихъ силъ, а

Т. СXLVI. — Отд. II.

чаще противъ обѣихъ вмѣстѣ, извѣстна всѣмъ и составляетъ неопровержимый фактъ. Мы и не намѣрены оспаривать его; мы только оплакиваемъ событія, вызвавшія его къ бытію. Дорого бы мы дали, чтобъ вычеркнуть изъ нашей памяти эти печальныя событія; но еслибъ намъ предложили откупиться отъ нашей безхарактерности и приобрести твердое направленіе хоть на будущее время, мы за это не дали бы ни гроша. Видѣли мы эту хваленую характерность и въ политикѣ, и въ литературѣ, и въ обществѣ: видѣли мы общественныхъ дѣятелей, полагавшихъ всю свою честь въ томъ, чтобъ ни разу не обмолвиться похвалою противной партіи; видѣли, съ другой стороны, людей, считающихъ священною обязанностью противодействовать каждому желанію общества; видѣли, наконецъ, мировыхъ посредниковъ, положившихъ себѣ за правило защищать на повалъ или однихъ только помѣщиковъ, или однихъ только крестьянъ. Но ни въ одномъ изъ этихъ опредѣленныхъ направленій мы не нашли ни малѣйшаго признака твердости; въ основаніи каждаго изъ нихъ лежало или ложное пониманіе обязанностей и выгодъ, или просто упрямство и пристрастіе. Мы имѣемъ, слѣдовательно, полное право сказать теперь всѣмъ этимъ направленіямъ: «видѣли мы, господа, вашу характерность, только у насъ она иначе прозывается».

Характерности обыкновенно предаются люди теоріи, живущіе одною только головою. Они поклоняются формамъ истины, а не ея живому содержанію. Въ теоріи самая совершенная форма есть кругъ, самое твердое направленіе—прямая линія. Но попробуйте заковать жизнь въ заколдованный кругъ или прорѣжьте чрезъ ея живое тѣло прямую линію къ какой бы то ни было высокой цѣли, вами задуманной: въ итогѣ, вы или погубите жизнь, или не найдете вашей цѣли на той точкѣ, къ которой двигались. Точка эта отодвинется далѣе или унесется движущеюся волною жизни куда-нибудь далеко въ сторону. Живая истина не всегда кругла и не любитъ маршировать по прямой геометрической линіи. Она, въ своемъ путешествіи, любитъ часто заглядывать во всѣ закоулки жизни, касаться, хоть мимоходомъ, всѣхъ убѣжденій, и тотъ, кто слѣдуетъ за нею на этомъ пути однимъ только умомъ, по правиламъ геометріи, тотъ осужденъ вѣчно гоняться за нею по кривому пути, никогда не догоняя правды, иди, держась линіи прямой, уходитъ отъ истины въ противоположную сторону. Но кто любитъ въ жизни жизнь, а не геометрію, кто любитъ ее

сердцемъ, а не теоріей, тому нѣтъ надобности искать кратчайшаго пути къ правдѣ, тотъ носитъ въ самомъ себѣ всю правду жизни и каждый шагъ такого человѣка будетъ прямой, куда бы ни направился онъ противъ лжи и насилія.

«Цѣль освящаетъ средства», говорятъ мудрые теоретики, ищущіе кратчайшаго пути къ правдѣ. Съ теоретической точки зрѣнія они правы. Когда правда стоитъ внѣ насъ, то непременно хочется пробраться къ ней поскорѣе, во что бы ни обошлось это путешествіе. А не все ли равно, какія средства будутъ при этомъ избраны? Отъ неправды, куда ни пойдешь, всѣ пути будутъ несправедливы. Поэтому-то іезуиты всѣхъ временъ и всѣхъ сортовъ ни мало не затрудняются въ выборѣ путей къ истинѣ. Они твердо убѣждены, что какъ скоро они достигнутъ цѣли, то одно уже прикосновеніе къ истинѣ въ состояніи освятить путь ихъ и очистить подошвы ногъ ихъ отъ грязи, крови и слезъ, чрезъ которыя они шествуютъ къ правдѣ. И тутъ они опять правы: истина такъ могущественна, что еслибъ въ самомъ дѣлѣ всѣ пути одинаково вѣрно приводили къ ней, то нѣтъ сомнѣнія, что всякое заблужденіе немедленно исчезало бы, добравшись до истины.

Но въ томъ-то и ошибка іезуитовъ, что они воображаютъ себѣ истину въ формѣ неподвижнаго тѣла, пригвожденнаго къ одной точкѣ. Они забываютъ, что она столько же присуща нѣкоторымъ средствамъ, какъ и нѣкоторымъ цѣлямъ, и что живой духъ ея разлитъ по всѣмъ нервамъ жизни, такъ неразумно разсѣкаемымъ іезуитами во имя кратчайшаго пути. И вотъ почему іезуиты, доходя до своей цѣли, никогда уже не находятъ тамъ истины. Зарѣзавъ ея тѣло, они не успѣваютъ прикоснуться къ ея духу, который отлетаетъ прочь отъ всякаго нечистаго прикосновенія.

Мораль, которую мы противопоставляемъ іезуитамъ, стара какъ міръ, но за то справедлива. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, еще никому не удалось опровергнуть ее во всемъ объемѣ. Нѣтъ въ исторіи ни одного частнаго примѣра, который бы подтвердилъ справедливость іезуитскаго девиза. Несостоятельность его испытана іезуитами на самихъ себѣ. Не было въ мірѣ власти прочнѣе той, которою обладалъ этотъ орденъ почти во всѣхъ странахъ земнаго шара, не было случая, чтобъ они, намѣтивъ себѣ цѣль, не достигли ея. И между тѣмъ, въ концѣ концовъ, зданіе ихъ рухнуло и развалины его раньше или позже будутъ сметены съ

лица земли совершенно. Какъ іезуиты никого не привели къ Іисусу, потому что сами не имѣли его въ себѣ, такъ и теоретики, чуждые жизни, никогда не приведутъ насъ къ жизни. Чѣмъ тверже будутъ они слѣдовать по своей прямой линіи, тѣмъ далѣе они будутъ отъ истины, тѣмъ полнѣе будетъ, подь конецъ, ихъ разочарованіе.

Приведемъ въ доказательство примѣры. Положимъ, что въ какомъ нибудь государствѣ, въ Австріи напримѣръ, правительство неискренно, и, давая одной рукой конституцію, другую протягиваетъ къ деспотизму. Положимъ, что не осталось другого средства приобщить австрійцевъ къ свободѣ, какъ доказавъ имъ несостоятельность ихъ правительства и необходимость смѣнить его какъ можно скорѣе. Положимъ, что за такую пропаганду берется самый способнѣйшій изъ австрійскихъ публицистовъ. Онъ выбираетъ кратчайшій путь и неизмѣнно твердое направленіе. Онъ бранитъ наповаль дѣйствія австрійскаго правительства и представляетъ ихъ въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Первые статьи имѣютъ огромный успѣхъ. Австрійское правительство сперва злится, а потомъ начинаетъ побаиваться. Каждая новая статья наноситъ громовые удары Рехбергу и его министрамъ: въ архивѣ ихъ дѣлъ нашлось столько дурныхъ поступковъ, столько нечистыхъ помысловъ, что, отражаясь въ летучихъ листкахъ во всемъ неуываеомомъ безобразіи своемъ, они служатъ министерству живымъ укоромъ, ничѣмъ непобѣдимымъ. Крики восторга и шумъ рукоплесканій несутся на встрѣчу великому публицисту. Общественное мнѣніе начинаетъ формироваться; оно начинаетъ тысячами невидимыхъ путей пробираться въ канцеляріи министровъ, въ головы ихъ докладчиковъ, въ ихъ мысли и сны, въ совѣсть самого Рехберга. Подъ неотразимымъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, министерство начинаетъ колебаться въ своихъ принципахъ и изыскиваетъ средства, какъ бы угодить странѣ и загладить невыгодное впечатлѣніе, произведенное статьями публициста. Но публицистъ неумолимъ. Твердо слѣдуя къ данной цѣли, онъ продолжаетъ клеймить позоромъ всѣ дѣйствія г. Рехберга, какъ дурныя, такъ и хорошія. Тутъ публику какъ будто что-то укулоло, но она пропустила безъ вниманія первую ошибку своего любимаго писателя, приписавъ ее недосмотру. За то Рехбергъ не пропустилъ и улыбнулся ей съ искреннимъ удовольствіемъ. Но чѣмъ далѣе углубляется публицистъ въ свое твердое направленіе, чѣмъ упря-

мѣе повторлетъ онъ свои нападенія на добросовѣстныхъ дѣйствіа правительства, тѣмъ слабѣе и слабѣе становится его дѣйствіе на публику. Она перестаетъ цѣнить не только ошибочные удары его, но и правильные; привыкли черпать въ статьяхъ своего публициста ненависть ко всякой неправдѣ, она не можетъ уже относиться равнодушно и къ собственной его неправдѣ. Въ сердцѣ публики зрѣетъ реакція. Но публицистъ продолжаетъ идти по прямой линіи. Рехбергъ только потираетъ руки отъ удовольствія и на вопросъ: «читали ли вы статью публициста противъ васъ?» отвѣчаетъ, улыбаясь: «Нѣтъ; но вѣдь и не читая можно знать напередъ, что въ ней написано.» Твердое направленіе оканчивается обыкновенно тѣмъ, что публицистъ, вмѣсто того, чтобы подкопаться подъ Рехберга, укрѣпляетъ его сильнѣе прежняго.

Предположимъ теперь, что г. Рехбергъ — просимъ читателей не забывать, что мы говоримъ о воображаемомъ, а не о настоящемъ г. Рехбергѣ, котораго вовсе не имѣемъ чести знать — предположимъ, что Рехбергъ, достигнувъ необыкновенной высоты, на которую вознесли его ошибки сказаннаго публициста, рѣшается самъ принять твердое направленіе. Легкая побѣда вскружила ему голову. Онъ перестаетъ колебаться и возвращается къ старымъ австрійскимъ принципамъ. Онъ увѣряетъ австрійскаго императора, что его подданные не доросли до свободы и не заслуживаютъ ея; въ доказательство онъ указываетъ на то, что общественное мнѣніе страны, или, по крайней мѣрѣ, всѣ лучшіе его представители вовсе не цѣнятъ благодѣяній дарованной конституціи, смѣются надъ нею и клеветаютъ на каждое дѣйствіе правительства, какъ бы благонамѣренно и искренно оно ни было. Въ заключеніе Рехбергъ предлагаетъ или отмѣнить конституцію, или, что все равно, обойти ее и объявить непримиримую войну общественному мнѣнію, такъ какъ все равно, съ нимъ добромъ ничего не возьмешь. Положимъ, что лстыивыя рѣчи министра находятъ доступъ къ благородному сердцу Габсбурга, еще не совсемъ утратившаго нѣжныя воспоминанія о наслѣдственной славѣ предковъ. Положимъ, что австрійская конституція отмѣнена или нарушена, свобода печати изгнана изъ Австріи, правильный судъ забытъ, инквизиція воскресла, костры и плахи пущены въ ходъ. Чѣмъ кончится вся эта комедія? Можно напередъ поручиться, вотъ чѣмъ: на первыхъ порахъ сила министра будетъ велика. Дождемъ посыпятся на него, съ одной стороны милости, съ другой —

проклятія. Но Рехбергъ, принявши опредѣленное направленіе, не можетъ отступить. Онъ идетъ все впередъ и впередъ. Глухіе стоны увеличиваются; общественное мнѣніе, хотя подавленное, находитъ тысячи путей для своего выраженія; общій ужасъ смѣняется общимъ негодованіемъ, которое опять таки находитъ доступъ къ трону. Францъ-Іосифъ — человѣкъ: сердце его дышетъ тѣмъ же воздухомъ, которымъ дышетъ австрійское общество. А воздухъ напоенъ негодованіемъ и ненавистью къ министру!... И вотъ министръ падаетъ съ тѣмъ, чтобъ ужъ никогда не встать. Судьба его была намѣчена въ тотъ самый моментъ, когда онъ принималъ твердое направленіе: чѣмъ болѣе укрывался онъ отъ всеобщей ненависти въ милостяхъ и довѣріи своего монарха, тѣмъ сильнѣе потомъ тяготѣтъ на немъ презрѣніе того же самого монарха. Вся послѣдующая исторія Австріи, каждый новый шагъ въ развитіи общественнаго мнѣнія этой страны, будутъ способствовать только увеличенію общаго презрѣнія. Отъ этого чувства уже некуда будетъ укрыться злополучному министру. Оно будетъ провожать его до могилы; оно и по ту сторону гроба будетъ неотступно слѣдовать за его именемъ по страницамъ австрійской исторіи.

Таковъ неизбѣжный конецъ всякаго исключительнаго направленія въ политикѣ. Мы видѣли, чѣмъ оканчивается оно въ политической литературѣ. На сколько различны цѣли того и другаго направленія, на столько различна участь ихъ представителей. Но участь самыхъ направленій одинакова. Оба приходятъ къ цѣли совершенно противоположной, чѣмъ та, которую они себѣ намѣтили. Въ итогѣ, беспардонный врагъ правительства оказывается наилучшимъ пособникомъ правительства, а непоколебимый другъ—наихудшимъ изъ его враговъ. Никто не сомнѣвается, напримеръ, что неизвѣстный авторъ «Молодой Россіи» принесъ нашему правительству столько пользы, сколько не могло принести ему въ совокупности усердіе всей полиціи. Несомнѣнно, что этотъ писатель, явивъ онъ въ Австріи 1848 года, принесъ бы ея правительству гораздо болѣе пользы, чѣмъ знаменитый Меттернихъ.

Въ прошедшемъ году, наконецъ, и наше общество имѣло несчастіе вкусить отъ плодовъ твердыхъ направленій. Какъ журналъ по преимуществу безхарактерный, «Отеч. Записки» не могли относиться равнодушно ни къ одному изъ нихъ. Гнѣвъ и немилость обѣихъ сторонъ была заслужена нами вполне; на

сколько можно было заслужить ее при нынѣшнихъ цензурныхъ правилахъ. Другой награды мы и не ожидали. Мы очень хорошо знали, что когда двѣ стороны вступаютъ въ битву, то обыкновенно требуютъ, чтобъ третья или не мѣшалась вовсе, или примкнула къ которой нибудь одной. «Будь мнѣ рѣшительнымъ союзникомъ или открытымъ врагомъ, принадлежи мнѣ весь душой и тѣломъ, слѣдуй за мной всюду, или становись противъ меня»— таково требованіе каждой воюющей стороны. И еслибъ въ борьбѣ политическихъ партій дѣло шло объ однихъ только личныхъ интересахъ партій, то мы ничего не имѣли бы возразить противъ такого основательнаго требованія. Но въ томъ-то и заключается вся особенность политической борьбы, что въ ней идетъ дѣло именно объ этой третьей сторонѣ, къ которой взываютъ обѣ воюющія стороны, и которая, слѣдовательно, не можетъ подчиниться исключительно которой нибудь одной изъ нихъ и рабски сносить всѣ ея ошибки. Общественное благо написано на знамени обѣихъ сторонъ; во имя общественнаго блага поднимаютъ онѣ оружіе; слѣдовательно, онѣ сами признаютъ, что въ ихъ борьбѣ есть нѣчто высшее, чѣмъ вопросъ о временномъ успѣхѣ той или другой партіи. Интересъ общества состоитъ не въ томъ, чтобы правительство непременно уступило свое мѣсто другому, а въ томъ, чтобъ оно не дѣлало ошибокъ. Общество не можетъ и не должно разыгрывать роль прекрасной царевны, обязанной рѣшить, котораго изъ двухъ соперниковъ ей слѣдуетъ сдѣлать рабомъ. Обществу нужны не женихи, а слуги, и чѣмъ болѣе соревнованія между соперниками, предлагающими ему свои услуги, тѣмъ для него лучше. Пусть они ревнуютъ, наблюдаютъ другъ за другомъ, пусть каждый изъ нихъ старается затмить другаго блескомъ и ловкостью услугъ—все это послужитъ на пользу общества, лишь бы только дѣло не доходило до потасовки. Тутъ уже общество не можетъ сохранить обычнаго хладнокровія кокетки. По несчастію, оно устроено такъ, что дерущіеся слуги его суть въ то же время живые члены его собственнаго организма. Каждый клочъ волосъ, вырванный ими другъ у друга, каждая капля крови, пролитая ими за прекрасную царевну, все это берется изъ ея же божественнаго тѣла. Нельзя не сознаться, что въ подобныя минуты положеніе этой общей возлюбленной становится весьма непріятнымъ и даже критическимъ: ея русыя кудри треплются безъ милосердія, ея платье забрасываютъ пылью и грязью, изъ ея бѣла-тѣла точатъ алую кровь;

но ей говорить, что все это дѣлается для ея же будущаго благополучія—для того, чтобъ имѣть право зачесать ея головку по послѣдней, наилучшей модѣ, умастить ея тѣло наиблаговоннѣйшимъ елеемъ мира, одѣть ея члены въ наиболѣе мягкія и удобныя одежды. Все это такъ; красавица и сама видитъ, что ея треплуть и колютъ для ея же пользы; но ей больно, и она поневолѣ начинаетъ склоняться къ тому убѣжденію, что ужъ лучше бы ей быть неловко причесанною и дурно одѣтою, чѣмъ переносить побои до тѣхъ поръ, пока не кончится споръ между ея коафѣрами и портвыми. Подобная мысль, какъ извѣстно, очень опасна. Кто знаетъ эту женскую слабость повелительницы и притомъ любить ее искренно, тому нельзя равнодушно смотрѣть на подобныя потасовки, тотъ обязанъ всѣми силами предупреждать ихъ, а если этого сдѣлать нельзя, то, покрайней мѣрѣ, стараться, чтобъ споръ конченъ былъ дѣйствительно въ пользу наилучшаго, наиболѣе надежнаго и наиболѣе вѣжливаго изъ ея слугъ. Предположимъ, что споръ идетъ только между двумя слугами: одинъ изъ нихъ старый, лстивый, испорченный крѣпостнымъ правомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ общающій исправиться и уже усвоившій себѣ нѣкоторые современные манеры; другой—юноша, полный свѣжихъ силъ, но жестокаго нрава, безъ церемоніи объявляющій своей возлюбленной, что будетъ ее бить до тѣхъ поръ, пока не выбьетъ изъ нея всю дурь, напущенную старыми гувернантками, а потомъ возьметъ ее въ наложницы, но и тутъ, *на первый разъ*, будетъ держать ее въ ежовыхъ рукавицахъ, пока мало по малу не пріучитъ къ эманципации. Предположимъ, однимъ словомъ, что споръ идетъ между старымъ русскимъ чиновничествомъ и новою централизацией, предлагаемою авторомъ «Молодой Россіи». Какъ бы вы рѣшили этотъ споръ, любезный читатель?

Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, разрѣшается легко, но это потому, что онъ поставленъ нами неправильно. Ни старое чиновничество не можетъ уже претендовать на исключительное право служенія нашему обществу, ни авторъ упоминаемой брошюры, неимѣющій ничего общаго съ новыми стремленіями и отвергаемый лучшею русскою молодѣью. Чиновниковъ стараго закала осталось немного; немного найдется у насъ и такихъ юношей, на которыхъ рассчитываетъ авторъ злополучной прокламации. Можетъ быть, авторъ одинъ вмѣщаетъ въ себѣ все воображаемое имъ юношество; а можетъ быть, и самъ онъ вовсе

не так безобразенъ, какъ вообразилъ себя въ пылу ложно понятыхъ современныхъ стремлений. Последнее предположеніе всего вѣроятнѣе. Но мы съ умысломъ поставили вопросъ такъ, чтобъ показать всю его неправильность—именно такъ, какъ его поняли старые слуги, непреминушіе воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ выказать свои способности въ полномъ блескѣ. Они вообразили, что борьба одного эксцентрическаго юноши съ нѣсколькими неисправимыми чиновниками заключаетъ въ себѣ смыслъ всей борьбы, распространенной по огромному тѣлу Россіи. Къ счастью, дѣло вовсе не въ томъ, которому изъ этихъ двухъ частныхъ и одинаково безобразныхъ явленій слѣдуетъ отдать преимущество; поднятый современностью вопросъ нѣсколько сложнѣе и забираетъ гораздо глубже.

Но еслибъ и, въ самомъ дѣлѣ, вопросъ шелъ только о преимуществѣ одного изъ двухъ этихъ явленій, предлагающихъ намъ свои услуги; еслибъ даже оба они явились въ другой формѣ—одинъ въ образѣ отвратительнаго чорта, другой—въ образѣ ангеловиднаго юноши, то спрашивается: неужели и тогда вся характеристность общественнаго мнѣнія и его органовъ должна состоять въ томъ, чтобъ порицать каждый шагъ стараго чорта, хотя бы онъ направленъ былъ къ побѣдѣ юноши, и хвалить каждый шагъ юноши, хотя бы онъ велъ къ собственной его гибели и неизбѣжному торжеству сатаны? Если въ этомъ только состоитъ твердость направленія и вѣрность политическимъ принципамъ, то мы чувствуемъ, что навсегда останемся журналомъ безхарактернымъ. Въ нашихъ глазахъ деспотизмъ, какія бы формы онъ ни принималъ, чрезъ какія бы юныя руки ни проходилъ, останется все тѣмъ же старымъ чортомъ, къ которому мы питаемъ неодолимое отвращеніе. Поэтому безхарактерность, съ которою мы готовы бороться со всѣми видами деспотизма, такъ велика въ насъ, что мы глубоко сожалѣемъ только о томъ, что обстоятельства не позволяютъ ей быть еще безхарактернѣе.

Еслибъ деспотизмъ чиновничій и деспотизмъ литературныхъ мнѣній сражались одинакимъ оружіемъ, и еслибъ удары, наносимые тому и другому, влекли за собой одинакія послѣдствія, то наша безхарактерность, по всей вѣроятности, приняла бы самыя широкіе размѣры. Но мы знаемъ, что слово «литературный доносъ», несмотря на сильное злоупотребленіе имъ нѣкоторыми партіями, имѣетъ у насъ серьезное значеніе. Опытъ недавно показалъ, что самый честный и откровенный размѣнъ мнѣній

может послужить орудіемъ уголовныхъ обвиненій. Поэтому, до тѣхъ поръ, пока самостоятельныя убѣжденія и мнѣнія не перестанутъ у насъ считаться преступленіемъ, пока печать не ограждена будетъ серьезными гарантіями правильнаго суда, до тѣхъ поръ, къ прискорбію нашему, мы должны будемъ воздерживаться отъ нашей безхарактерности и отъ всякихъ отвѣтовъ на задираательныя нападки характерныхъ направленій. Мы знаемъ, что они обижены; справедливость требуетъ возста; новленія ихъ чести и твердаго положенія. Мы знаемъ, что реакціонеры готовы теперь придаться къ каждому слову, чтобы унижить и ослабить вліяніе свободномыслящихъ людей. Они владѣютъ теперь страшнымъ пугаломъ, которымъ могутъ махать безъ разбору направо и налево. Это пугало — «Молодая Россія». Ею они готовы занимать ротъ каждому самостоятельному слову. У нихъ теперь каждый прогресистъ — поклонникъ теоріи «Молодой Россіи». Въ рязанской губерніи, по свидѣтельству корреспондента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», прогрессисты уже прямо переименованы въ разбойниковъ (С.п.б. Вѣд. № 1). Мы бы измѣнили нашему знамени, еслибъ хоть однимъ словомъ подали поводъ безобразной реакціи считать насъ своими сотрудниками. Мы шли открыто противъ нѣкоторыхъ увлеченій юношества, пока эти увлеченія составляли силу и угрожали самому юношеству. Теперь увлеченій не стало, да и юношества мало осталось налицо. Съ закрытіемъ университета оно разбредлось во всѣ стороны... Мы этого не желали; мы предвидѣли этотъ печальный конецъ и всѣми силами старались предохранить отъ него юношество. На насъ тогда крѣпко сердились... Но дѣло кончено: минувшаго не воротить.

Новый годъ, по всѣмъ признакамъ, обѣщаетъ значительное измѣненіе въ направленіи нашего развитія. Горючка вопросовъ замѣтно утихаетъ. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшены и готовы вступить въ жизнь, другіе подготовлены на столько, что ихъ рѣшеніе можно предвидѣть заранѣе. Откупъ уже раскланялся съ нами; крестьянскій вопросъ оканчивается свое переходное положеніе; мировымъ учрежденіямъ предстоитъ въ нынѣшнемъ году преобразиться въ постоянную форму; судебныя преобразованія обѣщаютъ тоже осуществиться въ скоромъ времени, на первый разъ хоть въ однихъ столицахъ; вопросъ о распространеніи на всѣхъ права выдачи векселей и сопряженной съ этимъ правомъ ответственности рѣшенъ окончательно; вопросъ о желѣзныхъ доро-

гахъ, какъ слухи носятъ, быстро подвигается впередъ; реформа податной, рекрутской и паспортной системы, отмена тѣлесныхъ наказаній, улучшеніе тюремъ, учрежденіе народныхъ школъ— всѣ эти вопросы также обозначились довольно ясно и выдержали первый огонь тяжелыхъ батарей рутинны и предрассудковъ. Жизни нашей предстоитъ отъ теоретическихъ волненій перейти къ кропотливому труду осуществленія выработанныхъ рѣшеній, основаться съ новыми началами и формами, приладить ихъ къ своимъ потребностямъ, словомъ—ей приходится теперь перенести большую часть борьбы изъ теоріи въ практику. Молодѣжь волея-неволей должна отказаться отъ нѣкоторыхъ прекрасныхъ утопій и спуститься до изученія мелочныхъ нуждъ, отовсюду обступающихъ народную жизнь, вмѣстѣ съ новыми условіями ея быта. Значительная часть молодѣжи готовится занять мѣста присяжныхъ повѣренныхъ, членовъ окружныхъ судовъ, судебныхъ слѣдователей, народныхъ учителей. Горько разставаться съ иллюзіями, мечтами и мѣнять широкій горизонтъ надеждъ на узенькое небо практической жизни; но есть большое утѣшеніе въ мысли, что этотъ клочокъ небесъ отдается вамъ вполнѣ, въ вашу личную собственность, которую вы можете воздѣлывать сами, не дожидаясь невѣрной подмоги, такъ часто насъ обманывающей при усовершенствованіи общиннаго счастья всего человѣчества. Здѣсь, вмѣсто воображаемаго благодѣтельствованія милліоновъ отсутствующихъ братьевъ, вы получаете положительную возможность благодѣтельствовать нѣсколько десятковъ живыхъ существъ, стоящихъ предъ вашими глазами и ожидающихъ отъ васъ справедливости и защиты. Вмѣсто воспаленныхъ надеждъ на благодарныя слезы потомства, ваша грудь увлажнена будетъ нѣсколькими живыми слезами, пролитыми изъ живыхъ глазъ, которыхъ безмолвную благодарность не можетъ нарисовать вамъ никакое воображеніе, пока вы сами не увидите этихъ глазъ. Наконецъ, вмѣсто горячей борьбы съ отвлеченными теоріями и направленіями, вамъ предстоитъ упорная и хладнокровная борьба съ невѣжествомъ, воплощеннымъ въ живыя лица, съ заблужденіями и неправдой, ходящими на ногахъ и дѣйствующихъ руками. Эта маленькая полоска жизни, на которую вы мѣняете широкое поле общечеловѣческихъ надеждъ, не лишена, слѣдовательно, своей доли сладости и горечи. Въ ней, какъ въ каплѣ воды, вы можете отражать все ваше небо, предварительно очистивъ ее вашими личными трудами и подвигами, которые никогда не умрутъ, потому что отразятся на

всѣхъ живыхъ существахъ, населяющихъ этотъ маленькій акваріумъ, на всемъ ихъ бытіи. Невыразимую прелесть имѣть этотъ скромный трудъ у самого корня народной жизни. Въ немъ опадаетъ множество роскошныхъ цвѣтовъ воображенія, опыняющихъ насъ своимъ благоуханіемъ, но за то изъ него же растутъ сочные плоды, утоляющіе жажду похмѣлья. Никакая другая дѣятельность не имѣетъ въ себѣ столько отрезвляющаго и примиряющаго, какъ практическая, въ которой приходится отвѣчать за каждый свой шагъ предъ самимъ собою и предъ обществомъ и гдѣ отвѣтственность тѣмъ болѣе тяжела, что приходится видѣть въ очію послѣдствія каждаго невѣрнаго шага, каждаго фальшиваго мнѣнія своего. Мы знаемъ нѣсколькихъ юныхъ прогресистовъ, которые, попавъ въ мировые посредники, въ короткое время вылечились окончательно и безъ всякой боли отъ несбыточныхъ утопій; мы знаемъ, съ другой стороны, нѣсколькихъ молодыхъ крѣпостниковъ, вступавшихъ въ должность посредника съ твердымъ намѣреніемъ защищать помѣщиковъ и кончившихъ самою горячею и искреннею защитою крестьянъ. Какъ ни чудны кажутся такія превращенія, но они очень просто объясняются сущностью самой дѣятельности, въ которой могутъ сходиться люди самыхъ противоположныхъ политическихъ убѣжденій, и которая, по словамъ Бокля, составляетъ единственную среду, гдѣ они могутъ сдѣлаться для мелкихъ обобщеній. Утопистъ, если въ немъ есть хоть капля здраваго смысла, при встрѣчѣ лицомъ къ лицу съ народомъ, тотчасъ убѣждается, что этотъ матеріалъ вовсе не похожъ на воскъ, изъ котораго можно лѣпить какія угодно фигуры; крѣпостникъ, если въ немъ есть хоть искра совѣсти, при встрѣчѣ съ вопіющими нуждами крестьянъ или вопіющею несправедливостью помѣщика (а кто не встрѣчался съ тѣмъ и другимъ?), невольно проникается расположеніемъ къ несчастнымъ и забываетъ о своемъ *теоретическомъ* презрѣніи къ народу. Намъ рассказывали на дняхъ исторію своего превращенія въ прогресисты одинъ гвардейскій офицеръ, который, два года назадъ, не могъ говорить равнодушно о нарушеніи правъ его собственности Положеніемъ 19-го февраля. Офицеръ этотъ, теперешній мировой посредникъ, прямо отъ петербургскихъ баловъ, театровъ и французенокъ, попалъ на обработку конопли въ свое имѣніе. Его поразила огромная тяжесть труда, употребляемаго на добываніе этого невстрѣчающагося въ петербургскихъ гостиныхъ растенія. Обозрѣвая амбары, куда свозили этотъ злакъ,

добытый барщиною, онъ пожелалъ узнать, сколько же тутъ всего добра и на какую сумму. Мужички отвѣчали, что конопли, ничего, рублей на тысячу будетъ. Тысяча рублей! Гвардеецъ вспомнилъ не одну тысячу, брошенную имъ на французенокъ, на букеты танцовщицамъ, на шампанское и ужины, и ему стало стыдно смотрѣть на своихъ мужичковъ. Вы и не догадываетесь, подумалъ онъ, куда идутъ вашъ тяжкій потъ и мои тысячи, приобретаемыя вашими руками! Съ тѣхъ поръ онъ не могъ пройти мимо коноплянниковъ, не покраснѣвъ до ушей. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ все мягче и мягче относиться къ ненавистнымъ прежде прогресистамъ, а когда вступилъ въ должность посредника, то и самъ сдѣлался горячимъ прогресистомъ. По всей вѣроятности, съ нимъ никогда не произошло бы подобнаго превращенія, еслибъ онъ не встрѣчался, до своего пріѣзда въ деревню, съ этими озлобляющими идеями эманципации и прогресса; но несомнѣнно также и то, что его сердце никогда не излечилось бы отъ этого теоретическаго озлобленія, еслибъ онъ не попалъ въ деревню и не пошелъ въ мировые посредники: Такое же превращеніе, но еще съ гораздо бѣльшимъ ручательствомъ за успѣхъ, происходитъ съ каждымъ утопистомъ, какъ только онъ вступаетъ на практическую почву и вкусить хоть немного сладости власти, приправленной горечью отвѣтственности. Мы глубоко убѣждены, что еслибъ всѣ студенты и юноши, сидѣвшіе въ крѣпости и разосланные по отдѣльнымъ уѣзднымъ городамъ подъ надзоръ полиціи, были, вмѣсто того, сосланы въ волости и мировые участки, подъ надзоръ и руководство посредниковъ, то отъ этого выиграла бы не только молодѣжь, но и правительство. Мы понимаемъ, что эта многимъ мысль можетъ показаться дикою и противогосударственною; это значило бы, по ихъ мнѣнію, «пустить козла въ огородъ». Но тѣ, кто знаетъ нашъ народъ и знаетъ нашу полицію, кто живалъ въ деревняхъ и развращался жизнью уѣздныхъ городковъ, тотъ пойметъ, что это мнѣніе наше какъ нельзя болѣе практично, и что если вообще нужно какое нибудь наказаніе за юношескія увлеченія, то лучшаго и *наиболѣе безопасно* наказанія нельзя и придумать. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлаетъ молодѣжь, перенесенная въ глухіе и безлюдные города изъ университетскихъ кружковъ и сходокъ, гдѣ подчасъ говорилось много горячаго вздору, но гдѣ молодое сердце воспитывалось въ высокихъ идеяхъ самоотверженія и элекtrizовалось благородными стремленіями? Что дано теперь этимъ

юношамъ взаимнѣ благородныхъ утопій и могущественнаго вліянія каеэдры и товарищескихъ кружковъ? Безъ книгъ, безъ всякихъ средствъ къ заработкѣ куска хлѣба, куда пойдетъ теперь этотъ юноша за совѣтомъ, за помощью, за нравственною поддержкой? Чему научить, отъ чего отучить его кварталный надзиратель, которому онъ отданъ въ опеку? Чѣмъ размягчить этотъ чиновникъ сердце юноши, чѣмъ залить его горячій бредъ? Начальство, ссылая молодыхъ *преступниковъ* въ отдаленные сѣверные города, разумѣется, имѣло цѣлью исправить ихъ заблужденія, охладить ихъ увлеченіе, вселить въ нихъ, вмѣсто вражды, любовь къ правительству. Не правда ли? Но мы позволяемъ себѣ поставить вопросъ: достигло ли оно этой цѣли и не вѣрнѣе ли достигло бы ея по тому способу, о которомъ мы сейчасъ завили?

Правда, есть другой способъ, еще болѣе вѣрный, который испытанъ самимъ правительствомъ и о которомъ мы не можемъ вспомнить безъ сердечнаго волненія. Способъ этотъ былъ употребленъ въ началѣ нынѣшняго царствованія по слѣдующему случаю: въ Вильно, при полученіи извѣстія о вступленіи на престолъ нынѣшняго государя, гимназисты высшихъ классовъ взбунтовались: пѣли патріотическія пѣсни, сочиняли nepзoвoлительныя стихи, бранили правительство, воспѣвали будущую свободу поляковъ. По обыкновенію, преступниковъ арестовали, судили и приговорили: кого въ солдаты, кого на Кавказъ, кого въ ссылку. Государь, прочитавши эту конфирмацію, написалъ на ней слѣдующую резолюцію: «не преступники, а дѣти» и повелѣлъ посадить нѣкоторыхъ въ карцеръ, а другихъ оставить *безъ пирожнаго*. Пишущій эти строки жилъ въ то время въ западныхъ губерніяхъ бывшихъ подъ управленіемъ генерал-адъютанта Бибикова. Можно вообразить, какое впечатлѣніе произвела на него эта резолюція, когда онъ узналъ объ ей! Но на этомъ способѣ мы останавливаться не смѣемъ: на милость образца нѣтъ, говорить русская пословица. Право помилованія, во всѣхъ монархическихъ государствахъ, принадлежитъ одной верховной власти, а потому разсчитывать на милость и снисхожденіе по суду, никто не имѣетъ права. Поэтому мы и не думаемъ о снисхожденіи; мы говоримъ только о томъ, чтобъ приговоръ, сдѣланный административнымъ порядкомъ надъ дѣтьми, признанными преступниками, достигалъ, по крайней мѣрѣ, той самой цѣли, которую имѣла въ виду администрація. Мы не хотимъ смягчить ни одной

юты въ этомъ приговорѣ, напротивъ, хотимъ еще усилить его. Признано необходимымъ сослать юношей въ отдаленныя мѣста, подъ надзоръ правительственныхъ лицъ, которыя бы могли исправить ихъ понятія и вылечить ихъ отъ увлеченій. Вопросъ только состоитъ въ томъ, какая именно отдаленная среда и какія именно правительственныя лица болѣе способны произвести на юношей желаемое дѣйствіе. Положа руку на сердце, мы опять утверждаемъ, что нѣтъ для этого лучшей среды, какъ крестьянское дѣло, и лучшихъ наставниковъ, какъ члены мировыхъ учреждений. Но этого мало: мы усиливаемъ приговоръ и замѣняемъ свободную бездѣятельность, на которую юноши осуждены въ городахъ, наказаніемъ обязательной для нихъ дѣятельности въ волостяхъ и мировыхъ участкахъ; за неповиновеніе властямъ мы наказываемъ ихъ собственнымъ ихъ участіемъ въ отправленіи власти. Еслибъ отъ насъ зависѣлъ такой административный приговоръ, мы ни на минуту не задумались бы принять его на полную свою отвѣтственность. И это съ нашей стороны не фраза, не игра въ либеральничанье, а глубокое убѣжденіе, основанное на опытѣ и на нѣкоторыхъ наблюденіяхъ надъ человѣческимъ сердцемъ вообще и надъ русскимъ въ особенности. Мы не станемъ останавливаться надъ вопросомъ: не привела ли бы подобная ссылка къ опасности государство, и не значило ли бы это давать горячимъ головамъ всѣхъ средствъ къ возмущенію крестьянъ и ниспроверженію существующаго порядка? Кто имѣетъ о нашемъ народѣ хоть приблизительно вѣрное понятіе, для того подобный вопросъ будетъ просто смѣшонъ, а кто знаетъ, какъ дѣятеленъ контроль помѣщиковъ надъ каждымъ шагомъ мировыхъ учреждений, тотъ пойметъ, что этотъ контроль гораздо дѣйствительнѣе всякаго полицейскаго надзора. Не останавливался надъ этимъ пустымъ опасеніемъ, мы хотимъ коснуться болѣе серьезнаго вопроса: мы хотимъ отдать себѣ отчетъ, точно ли русское сердце способно къ неумолимой злобѣ, ненависти и мщенію, точно ли русская молодежь, какъ бы велики ни были ея политическія увлеченія, способна была бы почувствовать сумасшедшей программѣ «Молодой Россіи», еслибъ даже народъ не помѣшалъ тому? Припоминая всѣ особенности русскаго характера, въ соединеніи даже съ болѣе сосредоточеннымъ характеромъ малороссіянъ, мы не можемъ безъ смѣха вообразить себѣ коллективное лицо нашего соотечественника, закутанное въ непроницаемый плащъ итальянскаго каммориста, съ улыбкой мщенія на устахъ, съ кинжаломъ въ рукѣ, съ

сердцемъ, горящимъ жаждой крови. Откуда бы явиться такой страшной фигурѣ на нашей мирной равнинѣ, лишенной горъ, ущелій, замковъ и засадъ, неиспытавшей владычества пришлыхъ племенъ, незнавшей феодализма и рѣзкаго сословнаго антагонизма? Откуда вырасти такому красивому чувству среди нашего разудалаго народа, незнакомаго вовсе съ іезуитскими преданіями? Вѣдь что ни говорятъ объ оторванности нашихъ образованныхъ классовъ отъ почвы, но не могутъ же они въ самомъ дѣлѣ расцвѣтать на воздухѣ, безъ всякаго соприкосновенія съ окружающею ихъ землею, и не чувствуя на себѣ никакого вліянія этнографическихъ условій и народнаго характера. Мы видѣли кровавыя страницы въ нашей исторіи, но за исключеніемъ татарско-византійскаго звѣрства Ивана Грознаго, да иноземнаго — двухъ вѣщносныхъ лицъ, испорченныхъ придворными интригами, кознями и понятіями о безотвѣтственной власти — мы не находимъ въ нашей исторіи ни одного страшнаго образа, а встрѣчаемъ только удалыхъ разбойниковъ, занимавшихся своимъ ремесломъ изъ любви къ приволью, но уже никакъ не изъ чувства неутолимой мести. Звѣрство разъяренной страсти, остревенѣлость чувствъ — все это встрѣчалось на нашей почвѣ, какъ и встрѣчается всюду, гдѣ существуютъ человѣческія страсти и невѣжество, но головнаго, теоретическаго терроризма мы рѣшительно не можемъ вообразить себѣ въ качествѣ туземнаго произведенія. Въ современномъ типѣ образованнаго русскаго тоже не видно ни одной черты, изъ которой можно было бы заключить, что мы вскормлены молокомъ тигрицы. Мы иногда бываемъ стойки, умѣемъ, хотъ и не всегда, переносить страданія, умѣемъ хорошо и скромно умирать, способны также къ ссорамъ, дракамъ и клеветѣ; но пырнуть кинжаломъ врага изъ за угла, но взять въ руки топоръ палача — на это образованный русскій рѣшительно неспособенъ. Присмотритесь къ лицамъ нашихъ политическихъ преступниковъ, осужденныхъ за террористическія фразы на каторгу, и скажите по совѣсти: способенъ ли хоть одинъ изъ нихъ исполнить хоть сотую долю того, что говорилъ ихъ языкъ и писало ихъ перо подъ диктовку французскихъ теорій?

Мы убѣждены, такимъ образомъ, вполне, что наша ребяческая игра въ страшные образы и беспощадныя теоріи — дѣло главное, запущенное, ни мало несообразное съ сердечными инстинктами самихъ игроковъ. Какъ только головный чадъ ходитъ, русское сердце тотчасъ сказывается и заявляетъ

номъ, чувашемъ; стѣитъ взглянуть на него, когда онъ набожно снимаетъ шапку и крестится при встрѣчѣ съ гробомъ католика или протестанта, чтобъ убѣдиться разъ навсегда, что въ русскомъ человѣкѣ нѣтъ никакой наклонности къ исключительности и твердымъ направленіямъ. Можетъ быть, этотъ самый недостатокъ и былъ главною причиною медленнаго развитія нашей исторіи, но несомнѣнно, что онъ же служитъ залогомъ широкихъ успѣховъ въ будущемъ. Сліяніе сословій и равенство правъ — эти величайшія блага, которыя достались французамъ цѣною страшныхъ жертвовацій и которыя никакъ не даются имъцамъ — постоянно лежали въ основаніи нашихъ народныхъ понятій и хотя развитіе ихъ долго было замедляемо и уродуемо слятою татарскихъ и другихъ вліяній, но самыя начала никогда не могли быть искоренены или испорчены въ конецъ. Доказательствомъ тому служитъ быстрое развитіе ихъ съ той самой минуты, какъ рухнуло крѣпостное право. Перегородки съ каждымъ днемъ все падаютъ замѣтнѣе и рѣшительнѣе, и недалеко то время, когда не останется отъ нихъ и слѣдовъ. Уничтоженіе сословныхъ судовъ, сліяніе сословныхъ выборовъ земства идутъ уже со дня на день своего осуществленія. Въ ожиданіи ихъ явилось между тѣмъ расширеніе вексельнаго права (высочайше утвержденный законъ 3 декабря 1862 г.), общающее подготовку общественные нравы и привычки къ здоровому пониманію равенства правъ и отвѣтственности по долговымъ обязательствамъ. Это первый шагъ къ уничтоженію чиновъ. Законъ признаетъ ужь одну область, въ которой чины и званія теряютъ отнынѣ всякое значеніе — область кредита. Отнынѣ всякій купецъ, дворянинъ, чиновникъ, всякій крестьянинъ-займодавецъ имѣетъ право посадить въ тюрьму своего должника; будь онъ тайный совѣтникъ, генералъ или самъ губернаторъ, если только онъ не уплатитъ на срокъ по векселю. Неприкосновенность служилаго сословія отъ взысканія долговъ отмѣнена окончательно, и теперь уже никакое званіе и положеніе не спасетъ должника отъ обязанности уважать права собственности обыкновеннаго смертнаго, и никакая полиція не защититъ сильныхъ міра сего отъ этой обязанности: взысканія будутъ производиться по распоряженію суда. Не говоря уже о великой важности этого закона для упроченія частнаго кредита, нельзя не понять, какое значеніе получаетъ онъ для развитія нашей гражданской самостоятельности. Если же взять въ соображеніе обѣщанную независимость будущихъ

нашихъ судовъ, то можно съ увѣренностью сказать, что здравыя гражданскія понятія не заставятъ долго ожидать себя на нашей почвѣ. Начало независимости суда, признанное «Основными Положеніями», такъ велико и общаетъ намъ такъ много хорошаго, что отнынѣ на немъ должно быть сосредоточено преимущественно вниманіе общества. Вотъ что говоритъ объ этомъ профессоръ Спасовичъ, одинъ изъ лучшихъ спеціалистовъ и наиболѣе безпристрастный судья нашихъ судебныхъ преобразованій: «Основными Положеніями» власть судебная не только отдѣлена отъ административной, но и поставлена въ положеніе независимое отъ администраціи. Независимость будущихъ судовъ основана на выборности членовъ юстиціи мира, на участіи присяжныхъ, наконецъ на необыкновенно драгоцѣнной прерогативѣ, даруемой § 67 ч. II Основ. Пол. тѣмъ изъ судей, которые назначаются отъ правительства, и состоящей въ томъ, что они не могутъ быть удаляемы и переводимы съ мѣста на мѣсто безъ ихъ согласія, ни отрѣшаемы отъ должности иначе, какъ по суду, ни удаляемы отъ должности иначе, какъ съ преданіемъ суду. Конечно, этотъ § есть далеко еще не полное осуществленіе начала *несмѣняемости судей*, считаемаго въ государственномъ правѣ европейскихъ государствъ необходимымъ залогомъ достоинства судей, ихъ самостоятельности и добросовѣстности, которою обуславливается нелицепріятное охраненіе ими закона. Судья можетъ быть удаленъ съ преданіемъ суду предварительно разсмотрѣнія дѣла, по которому онъ можетъ быть признанъ невиннымъ и оправданъ; но все же, въ сравненіи съ нынѣшнимъ беззащитнымъ состояніемъ нашей магистратуры, самое удаленіе отъ должности не иначе, какъ съ преданіемъ суду, есть огромный шагъ впередъ и весьма существенная гарантія. Для преданія суду нуженъ предлогъ, необходимы улики и предварительная оцѣнка этихъ уликъ властью, предающею суду; преданіе суду не можетъ не получить большой огласки; оно подвергается толкамъ со стороны общественнаго мнѣнія. Неосновательное преданіе суду повлечетъ невыгодныя послѣдствія для предающей суду власти, въ случаѣ оправданія подсудимаго, такъ что по всей вѣроятности начальство будетъ употреблять это средство съ крайнею разборчивостью. Независимость судовъ сама по себѣ, если только она будетъ осуществлена послѣдовательно, исполнѣ, безъ всякихъ оградителій, должна произвестъ переворотъ громадный, самый коренной во своихъ послѣдствіяхъ, такой только неизвѣстенъ въ исторіи рус-

скаго государства. Она знаменуетъ полный разрывъ въ области государственнаго права Россіи съ Востокомъ и осуществленіе въ дѣйствительности идеальнаго до сихъ поръ требованія, заявленнаго въ 48 ст. основныхъ законовъ (т. I. Свода): Имперія управляется на твердыхъ основаніяхъ положительныхъ законовъ. Въ связи съ независимостью судовъ, какъ необходимое ея послѣдствіе, является опредѣленіе; что никто не можетъ быть наказанъ не по суду и не на основаніи существующаго уже закона (ч. II § I). Суды становятся средствомъ общественнаго порядка и регуляторами жизни общественной, охранителями закона и отъ частныхъ нарушителей, и отъ органовъ правительственныхъ, могущихъ злоупотреблять возлагаемымъ на нихъ довѣріемъ. Образованіе и содержаніе, хотя бы много стоющее, хорошихъ независимыхъ судовъ—то же для всѣхъ членовъ общества, что застрахованіе личной безопасности и имущества отъ всякаго посторонняго произвола и насилія.»

Сѣмена судебной самостоятельности пустили уже ростки въ мировомъ институтѣ, который навсегда останется одною изъ лучшихъ заслугъ текущаго законодательства. Неслыханнымъ дѣломъ было появленіе на Руси такого учрежденія, какъ мировой съѣздъ, рѣшеніе котораго не можетъ быть уничтожено, *по существу*, никакою другою властью. Съ этимъ учрежденіемъ до сихъ поръ не могутъ примириться тѣ, кто привыкъ полагаться на свое вліяніе, значеніе, связи и на возможность всякую правду переработать въ Петербургѣ. Нужно отдать справедливость земскому отдѣлу министерства внутреннихъ дѣлъ, который строго поддерживаетъ принципъ самостоятельности мировыхъ учреждений и не поддается ни на какія сдѣлки со старыми преданіями, несмотря на ежедневную осаду съ ихъ стороны. По старому обыкновенію, каждый богатый и сановный помѣщикъ, недовольный постановленіемъ мѣстныхъ учреждений, спѣшитъ съ жалобою въ министерство и требуетъ немедленнаго перевершенія дѣла; но каждый изъ нихъ получаетъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что министерство ничего не можетъ сдѣлать и не имѣетъ никакого права перерѣшать постановленіе мировыхъ учреждений, а можетъ только касировать его, но и то въ случаѣ несоблюденія ими формы и нарушенія буквы закона. Можно себѣ вообразить, какую нестерпимую обиду наноситъ подобный отвѣтъ людямъ, которые до сихъ поръ не слышали ничего подобнаго. Министры не могутъ передѣлать того, что сдѣлали какіе-то губернскіе секретари и

поручики! Богатство и связи безсильны сдѣлать изъ чернаго бѣлое! Слыхано ли подобное дѣло на святой Руси? можетъ ли быть что нибудь болѣе ненавистно? Одинъ помѣщикъ генеральскаго чина жаловался на мирового посредника, имѣвшаго капитанскій чинъ, но, претерпѣвъ полнѣйшую неудачу и въ губернскомъ присутствіи, и въ земскомъ отдѣлѣ, пришелъ въ такое негодованіе, что воскликнулъ: «Ну, такъ я посажу его на гауптаху собственной моей властью!»

Едва ли существуетъ другое какое либо начало, которому суждено вынести въ нашемъ отечествѣ столько борьбы, какъ началу самостоятельности. Въ какой бы средѣ оно ни появлялось, всюду на него обрушивалось ожесточенное гоненіе той самой среды, для пользы которой оно вызывалось. Въ литературѣ, на примѣръ, на него опровергивались литераторы, съ гораздо болѣе шимъ озлобленіемъ, чѣмъ цензура; въ мірѣ бюрократическомъ пуще всего злились противъ него сами же бюрократы; въ дворянскихъ мировыхъ учрежденіяхъ—сами же дворяне. Но замѣчательно, что въ то же время, первыми проводниками этого великаго начала являлись у насъ люди, менѣе всего ожидавшіе отъ него личной для себя пользы. Въ литературѣ на его сторонѣ были писатели, которымъ стоило только молчать или хотъ немножко похвалить деспотизму моды, чтобъ получить пальму первенства и считаться лучшими беллетристами, журналистами, публицистами и учеными (гг. Тургеневъ, Катковъ, Аксаковъ, Юркевичъ, академикъ Бэръ). Въ мірѣ бюрократическомъ явилось много защитниковъ самостоятельности мировыхъ учреждений. Точно также противъ дворянскихъ прерогативъ выступили лучшіе дворяне; оберегателями крестьянскихъ интересовъ явились лучшіе помѣщики. Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ полнѣйшей безхарактерности русскаго прогресса и отсутствіи всякаго твердаго направленія въ русской жизни? За исключеніемъ одного духовенства, имѣющаго кастовое устройство, есть ли у насъ хотъ одно сословіе, которое имѣло бы наклонность къ исключительности и не имѣло бы въ себѣ задатковъ къ дружелюбному примиренію съ другими сословіями и интересами всего общества? Есть ли у насъ такое рѣзкое раздѣленіе между арміею, народомъ, дворянствомъ, чиновничествомъ и мѣщанствомъ, какъ на примѣръ у нѣмцевъ? Переберите въ памяти лица и сословія, участвовавшія въ устройствѣ воскресныхъ школъ и бывшія въ нихъ преподавателями: тутъ были и офи-

церы, и мѣщане, и дворяне, и купцы и иныхъ чиновъ разные люди. Загляните въ мировыя учрежденія и подведите подъ какую нибудь общую категорію лицъ, поддерживающихъ честь этихъ учреждений. Тутъ вы найдете богатыхъ и бѣдныхъ, военныхъ и статскихъ, отцовъ и дѣтей, аристократовъ и демократовъ, бывшихъ прогресистовъ и бывшихъ крѣпостниковъ, славянофиловъ и западниковъ. Тутъ вы встрѣтите и знаменитаго генерала (графа Сакена), и знаменитаго ученаго (Н. И. Пирогова), и отставнаго офицера конной гвардіи Блохина, и отставнаго камер-юнкера Ю. Самарина, и бывшего профессора астрономіи Драшусова, и бывшего директора тверской гимназіи Ржевскаго, и человека съ громкой фамиліей (г. Нарышкина), и человека съ литературнымъ именемъ (Авдѣева), и сотни лицъ молодыхъ, негромкихъ, неучившихся астрономіи, но полныхъ любви къ народу и справедливости, дружески подающихъ руку людямъ старымъ, опытнымъ, но неменѣе ихъ любящимъ родину. При такой явной общенародной безхарактерности и неменѣе явной наклонности къ судебной самостоятельности, рождается вопросъ: въ состояніи ли теперь совокупныя усилія ярыхъ крѣпостниковъ, ярыхъ бюрократовъ и тому подобныхъ пособниковъ террора, насадить въ русскомъ народѣ расположеніе къ твердому направленію и развить въ немъ непримиримую ненависть къ богатымъ и высшимъ класамъ? Намъ кажется, что нѣтъ. Русскій народъ дѣйствительно всю свою жизнь не любилъ чиновничества, но никогда не доходилъ до крайняго озлобленія противъ него. Онъ прощалъ мелкимъ чиновникамъ взяточничество, зная, что нужно же имъ чѣмъ нибудь кормиться; онъ привязывался къ добрымъ помѣщикамъ и оплачивалъ ихъ дѣтямъ услугами знаменитыхъ нѣкогда нянюшекъ и дядекъ гувернёровъ—двухъ неподражаемыхъ типовъ, которые непонятны были бы ни въ какой другой странѣ. Встарину, несмотря на нелюбовь свою къ боярамъ, онъ любилъ и уважалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и охотно подчинялся ихъ вліянію. Во время пугачовщины, новгородскаго бунта и другихъ народныхъ возстаній онъ миловалъ и защищалъ отъ самого себя честныхъ государевыхъ слугъ и добрыхъ помѣщиковъ. Онъ постоянно умѣлъ различать хорошее отъ дурнаго и никогда не обрушивалъ своего гнѣва на все сословіе. Можно думать, поэтому, что и теперь онъ оцѣнитъ заслуги добрыхъ защитниковъ и оберегателей крестьянскаго дѣла. Можно думать также, что

просвѣщенные помѣщики и члены мировыхъ учрежденій, въ свою очередь, не устанутъ бороться съ крѣпостниками и не перестанутъ оберегать ихъ отъ той радикальной участи, которой они такъ усиленно домогаются. Чѣмъ упорнѣе становится борьба съ ними, тѣмъ болѣе чести будетъ для тѣхъ членовъ мировыхъ учрежденій, которые не покинутъ своего высокаго знамени до конца.

Однако, интересно знать: оцѣнили ли крестьяне заслуги этихъ благородныхъ тружениковъ и успѣли ли хоть сколько нибудь преодолѣть свое старинное недовѣріе къ барамъ? Говорятъ, что въ первое время они не поняли значенія мировой власти и считали ее ни во что предъ властью исправничьей: мужиковъ-де не поретъ, по губамъ не бьетъ—какой же онъ начальникъ? Но съ тѣхъ поръ прошло около двухъ лѣтъ, и много воды утекло; не можетъ быть, чтобъ въ теченіе этого времени сметливый мужичокъ не понялъ, въ чемъ дѣло. Различныя извѣстія съ разныхъ сторонъ свидѣтельствуютъ, что онъ многое понялъ и по свѣдѣму оцѣнилъ значеніе мировой власти и характеръ ея разнообразныхъ представителей. Часто повторялись въ журналахъ отзывы о томъ равнодушіи, съ какимъ отнеслись крестьяне къ своимъ друзьямъ-теоретикамъ — къ мировымъ посредникамъ, расплывавшимся въ высокихъ намѣреніяхъ и галантерейномъ обращеніи съ народомъ. Мы отнюдь не сочувствуемъ насмѣшкамъ надъ этими теоретиками, и сознаемъ хорошо, что не всякая теорія потому только плоха, что не удалась съ перваго разу. Безъ науки и теоріи нельзя двигаться впередъ; но теорія теоріи рознь. Нѣтъ ничего могущественнѣе теоріи, вышедшей прямо изъ жизни. Жизнь всегда относится къ ней съ озлобленіемъ, чувствуя, что только такія теоріи въ состояніи сразу нарушить ея покой и разбудить ея дремлющія силы. Практика относится равнодушно ко всякимъ продуктамъ чистой мысли; она боится и ненавидитъ тѣ только теоріи, которыя рождаются въ ея собственной средѣ и составляются ея же дѣтищами—практиками. Тутъ каждое слово—дѣйствіе, каждое дѣйствіе—ударъ ножомъ въ сердце рутины. Но не слѣдуетъ забывать, что мысли и дѣйствія чистыхъ теоретиковъ также не исчезаютъ безъ слѣда для практики: все, что есть полезнаго въ нихъ, какъ бы ни показалось оно на первый разъ смѣшно, раньше или позже непременно воздѣйствуетъ на честныхъ практиковъ; все, что окажется дѣйствительно смѣшнымъ и неосуществимымъ, будетъ указывать, чего слѣдуетъ остерегаться въ жизни. Во всякомъ слу-

чаѣ вѣрно то, что прочный успѣхъ и непризрачная сила всегда будутъ на сторонѣ той теоріи, которая хорошо знаетъ жизнь и слабыя стороны практики.

Въ доказательство этихъ словъ мы укажемъ на мирового посредника, котораго мы не имѣемъ чести знать лично, но котораго портретъ ярко рисуется предъ нами изъ рассказовъ и извѣстій о его дѣйствіяхъ. Это мировой посредникъ карачевского уѣзда, отставной гвардіи ротмистръ Б—нъ. (*). Онъ имѣетъ двѣ тысячи душъ по старому счету, оставилъ службу шесть лѣтъ назадъ и съ тѣхъ поръ живетъ въ деревнѣ. Мнѣнія о немъ между помѣщиками и въ губернскомъ обществѣ существуютъ самыя противоположныя: одни считаютъ его крѣпостникомъ, другіе—либераломъ. Между тѣмъ, самъ онъ не признаетъ, повидимому, никакихъ подобныхъ партій. На мировомъ сѣздѣ онъ прекратилъ, однажды, споръ о крѣпостникахъ и либералахъ слѣдующими словами: «Я не понимаю этихъ словъ и этихъ прозвищъ. Пока не издано было «Положеніе 19 февраля», до тѣхъ поръ понятно было существованіе между помѣщиками крѣпостниковъ и либераловъ. Но теперь они невозможны. Я полагаю, что теперь, между нами, помѣщиками, могутъ быть только люди честные, которые исполняютъ законъ, или люди безчестные, которые не хотятъ его исполнить.» Дѣйствія г. Б—на столь же просты и энергичны, какъ и эти слова. Онъ мужикамъ не говоритъ *вы*, но за то и мужики говорятъ ему *ты*; онъ не навязывается въ дружбу крестьянамъ, но пріобрѣлъ съ ихъ стороны такое довѣріе, что каждый изъ нихъ приходитъ къ нему прямо въ кабинетъ безъ доклада и разговариваетъ съ нимъ такъ же просто, какъ со своимъ старостою. Даромъ словъ онъ не теряетъ; но когда нужно переговорить съ крестьянами, только онъ одинъ на мировомъ сѣздѣ въ состояніи говорить такъ, чтобъ крестьяне ясно поняли, въ чемъ дѣло. До утвержденія уставныхъ грамотъ, г. Б—нъ проводилъ почти все время въ разъѣздахъ по участку; спалъ только 6 часовъ въ сутки; въ его тройкѣ одна приставная всегда осѣдлана; гдѣ нужно, онъ тотчасъ садится верхомъ и ѣдетъ по лѣсамъ, болотамъ и межамъ, осмотрѣть каждый кло-

(*) Щадя скромность г. Б — на, мы не означаемъ его фамиліи и во всякомъ случаѣ просимъ у него извиненія, если портретъ окажется нейтрнымъ и ошибочнымъ. Мы рисуемъ его по рассказамъ нашихъ знакомыхъ.

чокъ надѣла и, несмотря ни на проливной дождь, ни на мятель, не бросить осмотра, пока его не кончить. Мужикамъ очень правится такая энергія; но еще болѣе полюбилися имъ жесткая правда и простота, съ которой г. Б—нъ рѣшаетъ спорные вопросы. За это онъ пользуется у нихъ названіемъ «посредника надъ посредниками». Вотъ, между прочимъ, образчикъ его рѣшеній. Карачевскій уѣздъ по качеству земли раздѣленъ на двѣ полосы: на черноземную и песчаную; въ первой полагается три десятины высшаго надѣла, во второй — четыре. Между тѣмъ, есть нѣсколько имѣній, и въ томъ числѣ собственное имѣніе г. Б — на, которыя не подходятъ ни къ тому, ни къ другому разряду, въ которыхъ земля — сплошной суглинокъ очень хорошаго качества, но нѣсколько низшаго, чѣмъ въ черноземной полосѣ и гораздо высшаго, чѣмъ въ песчаной. Ясно, что приурочить ихъ къ черноземной полосѣ было бы обидно для крестьянъ, отнести къ песчаной — обидно для помѣщиковъ. Между тѣмъ, они отнесены къ черноземнымъ. Крестьяне собственного имѣнія г. Б — на первые выразили неудовольствіе на подобное распоряженіе. Разсчитывая на справедливость своего бывшего барина, нынче посредника, они явились къ нему съ просьбою прибавить имъ хоть полдесятинки. «Не могу», былъ отвѣтъ посредника: «не могу, потому что такъ положено по закону; а если вы недовольны, жалуйтесь въ губернское присутствіе; какъ оно рѣшитъ, такъ и сдѣлаемъ.» — «Что ты, батюшка», заговорили мужички: «пристало ли намъ на тебя жаловаться? Ты лучше рѣши насъ по душѣ.» Но посредникъ отвѣчалъ, что по душѣ рѣшать можно было тогда, когда они были крѣпостные, а теперь первое дѣло — законъ. «Велитъ законъ — я вамъ прирѣжу съ радостью хотя и цѣлую десятину, а невелитъ — не могу. Идите въ мою канцелярію и пишите на меня просьбу; я самъ прикажу вамъ написать ее.» Крестьяне съ недоумѣніемъ переглянулись между собою: «а гнѣваться на насъ не будешь?» спросили они его. — «Нѣтъ, не буду.» Дѣло кончилось тѣмъ, что просьба была написана и разрѣшена губернскимъ присутствіемъ въ пользу крестьянъ; они получили по 3½ десятины, на основаніи 24 ст. Мѣст. Полож. о позем. устр. крестьянъ, которая допускаетъ изъятія для имѣній, явно неподходящихъ подъ общее свойство мѣстности. Г. Б—нъ съ удовольствіемъ поздравилъ своихъ крестьянъ съ такимъ рѣшеніемъ; но за то нѣкоторые помѣщики, имѣнія которыхъ подходили подъ тѣ же условія, сильно разгнѣва-

лись на г. Б—на. «Дернуть же его чортъ—говорили они—дать этому вопросу законный ход! Подарилъ бы своимъ крестьянамъ полдесятины, наши не имѣли бы права требовать себѣ прибавки; а теперь всѣ они потребуютъ и себѣ полдесятинки.» Предсказанія сбылись: всѣ крестьяне, по примѣру посредничьихъ, потребовали полдесятины и получили ее. Тогда только мужички г. Б—на поняли, отчего онъ не хотѣлъ рѣшить дѣла по душѣ.

Но лучше всего рисуется г. Б—на слѣдующая замѣчательная черта его посреднической дѣятельности. Извѣстно, что добровольное соглашеніе считается идеаломъ крестьянскаго устройства; министерство очень дорожитъ увеличеніемъ цифры добровольныхъ соглашеній; либеральные мировые посредники изъ силъ выбиваются, чтобъ покончить дѣло соглашеніемъ, и многимъ удалось привести добровольное соглашеніе по всѣмъ граматамъ своего участка. Г. Б—нъ, напротивъ, принималъ за правило не добиваться добровольныхъ соглашеній, на томъ основаніи, что на грамату, заключенную по добровольнымъ соглашеніямъ, никакія жалобы отъ крестьянъ не принимаются и, слѣдовательно, никакая ошибка или упущеніе со стороны крестьянъ не можетъ быть исправлено. Опытъ же показалъ, что такія ошибки случаются верѣдко. На этомъ основаніи, во всѣхъ участкѣхъ г. Б—на, одна только грамата заключена по добровольному соглашенію; но это исключеніе допущено было посредникомъ собственно потому, что иначе нельзя было разрѣшить весьма щекотливаго спора, возникшаго въ этомъ имѣніи и рѣшеннаго несправедливо противъ помѣщика. Посредникъ зналъ, что помѣщикъ правъ; крестьяне знали, что они неправы, но имѣли на своей сторонѣ законъ, то-есть: рѣшеніе съѣзда. Тутъ-то понадобилось мировое соглашеніе, и г. Б—нъ успѣлъ устроить такъ, что обѣ стороны остались довольны. Къ характеристической чертѣ этого посредника принадлежитъ еще слѣдующая: окончивъ всѣ граматы, онъ намѣренъ подать въ отставку наканунѣ 19 февраля нынѣшняго года, для того, чтобъ уклониться... вы думаете, отъ тяжелыхъ обязанностей, въ случаѣ волненій? О, нѣтъ, читатель, волненій Г. Б—нъ не боится; онъ боится *награды*... Для него невыносима мысль получить награду за службу обществу; его возмущали тѣ изъ посредниковъ, которые представляли своихъ старшинъ къ почетнымъ кастанамъ и благодарностямъ начальства. Что прикажете дѣлать? Такой ужъ оригинальный характеръ у этого «посредника надъ посредниками!»

Мы могли бы представить еще нѣсколько портретовъ практическихъ мировыхъ посредниковъ, но боимся утомить глаза читателей свѣтлыми красками, которыхъ и безъ того уже много въ этой хроникѣ. Къ сожалѣнію, практика наша до сихъ поръ очень небогата свѣтлыми сторонами, а темныя съ каждымъ днемъ становятся все темнѣе. Газеты навѣщаютъ, что дворянская реакція не унялась еще и выкидываетъ иногда безобразныя изверженія. Но мы на этотъ разъ пройдемъ мимо этихъ частныхъ явленій. На очереди нѣсколько общихъ вопросовъ, къ которымъ мы и спѣшимъ обратиться.

Другой воли не будетъ — сказано крестьянамъ; рѣшеніе это объявляется имъ ежедневно, при всякомъ случаѣ. Губернаторы пишутъ циркуляры и посланія, въ которыхъ стараются разъяснить крестьянамъ, что ждать имъ болѣе нѣчего; мировые посредники усердно толкуютъ имъ, что другой воли не будетъ. А крестьяне какъ будто не слышатъ этого отрицательнаго *не* и стоятъ на своемъ: «будетъ другая воля, да и шабашъ!» Странное упорство! Оно совершенно напоминаетъ упорство нашихъ литературныхъ партій. Чѣмъ бы ни говорила одна партія, какъ бы краснорѣчиво ни объясняла заблужденій другихъ партій, противники не вѣрятъ и не понимаютъ ея словъ: они читаютъ глазами и слушаютъ ушами своей партіи. То же самое и въ крестьянскомъ дѣлѣ. Крестьяне посылаютъ депутатовъ съ кѣбкомъ съ солью къ царю; государь говоритъ имъ, что «другой воли не будетъ», а они, возвращаясь домой, съ восторгомъ говорятъ: «Самъ сказалъ, что другая воля будетъ!» Такіе случаи, говорятъ, бывали нерѣдко. Усердный исправникъ, пожалуй, посадить такого депутата въ тюрьму за ложныя и превратныя толкованія государевыхъ словъ, а между тѣмъ умысленной лжи тутъ и тѣни не было. Депутатъ глядѣлъ съ восторгомъ въ очи своему царю, отъ котораго онъ привыкъ ждать исполненія всѣхъ завѣтныхъ своихъ желаній; слухъ депутата былъ настроенъ на одинъ ладъ съ его сердцемъ. Онъ слышитъ, что другой воли не будетъ; но ему кажется, что это именно значить, что другая воля будетъ. Намъ очень интересуетъ это упорство, или, лучше сказать, эта глубокая вѣра въ другую волю, и мы часто входили въ объясненія съ крестьянами, на довѣріе которыхъ къ нашимъ словамъ могли сколько нибудь рассчитывать. Мы знали, что подъ другою волею крестьяне разумѣютъ не что иное, какъ выкупъ государствомъ ихъ повинностей къ помѣщи-

ку; но намъ хотѣлось разъяснить имъ всю тщету ихъ надеждъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы государство всѣмъ сердцемъ пожелало совершить такой выкупъ. Мы указывали имъ на финансовыя затрудненія и разъясняли всю затруднительность подобной операціи въ настоящее время. «Что и говорить!» отвѣчали намъ мужички: «оно точно, что теперича трудно вато казнѣ выкупить наши земли; да вѣдь будетъ же время, когда она выкупитъ ее!» Такъ или почти такъ оканчивался всегда нашъ разговоръ съ крестьянами, и никакіе аргументы съ нашей стороны не могли разубѣдить ихъ. Что прикажете дѣлать съ такимъ упорствомъ?...

По поводу упорства и вообще характера крестьянъ, помѣщенъ въ одной изъ передовыхъ статей газеты «Очерки» замѣчательный отрывокъ изъ сочиненія Христіана Граве, изданнаго въ Германіи въ 1786 году. Заимствуемъ изъ этого отрывка слѣдующую любопытную замѣтку Граве о характерѣ нѣмецкихъ крестьянъ въ прошедшемъ столѣтіи: «Крестьянъ можно раздѣлить на два разряда. Совершенно угнетенный, подъ игомъ полнаго рабства, крестьянинъ въ своемъ обыкновенномъ состояніи является совершенно безчувственнымъ ко всему, не показывая ни малѣйшаго сопротивленія, не чувствуя даже въ себѣ самомъ желанія къ облегченію лежащаго на немъ гнета: онъ самъ добровольно падаетъ къ ногамъ того, кто хочетъ наступить на него. Но когда отъ этой долговременной спячки пробуждается какимъ нибудь особеннымъ обстоятельствомъ, искуснымъ руководителемъ, тогда онъ дѣлается свирѣпымъ какъ тигръ и вдругъ съ покорностію раба теряетъ даже всѣ человѣческія чувства. Полусвободный крестьянинъ, который имѣетъ собственность и пользуется защитой закона, но подъ болѣе или менѣе тягостными условіями привязанъ къ извѣстному клочку земли, за который онъ обязанъ работать своему владѣльцу-собственнику и подчиненъ его расправѣ—такой крестьянинъ переноситъ лежащую на немъ тяжесть обыкновенно не безъ чувства... Конечно, можно не бояться за возмущеніе отъ него; но онъ будетъ вести постоянную тайную войну съ своимъ владѣльцемъ. Уменьшить его выгоды, увеличить свои — вотъ желаніе, которое онъ постоянно носитъ въ глубинѣ своего сердца, вотъ цѣль, которую онъ постоянно втайнѣ, гдѣ только можетъ, преслѣдуетъ. Обманъ и небольшія кражи, которыя онъ дѣлаетъ въ имѣніи своего владѣльца, онъ почитаетъ дѣломъ вовсе не такъ постыднымъ, какъ почитаетъ постыдными подобныя дѣла въ отношеніи къ своему брату

крестьянину. Онъ не вполне покорный рабъ и не слишкомъ страшный врагъ для своего господина, но отъ всего сердца, со всѣмъ усердіемъ онъ также никогда не будетъ работать для него.» («Очерки» № 7). Такъ говорилъ почтенный Граве 120 лѣтъ тому назадъ; почти такъ можемъ говорить и мы въ нынѣшнемъ году.

Но изъ вышеприведенныхъ объясненій нашихъ съ крестьянами видно, что нѣкоторые изъ нихъ отложили надежды въ долгій ящикъ. Они остаются при своемъ убѣжденіи, что будетъ другая воля, но уже не ждуть ее непременно къ 19-му февраля нынѣшняго года. Это подтверждается и значительнымъ количествомъ добровольныхъ соглашеній. Такимъ образомъ къ 19-му февраля нельзя ожидать какихъ нибудь важныхъ волненій. Слухи носятъ, что большая часть губернаторскихъ отзывовъ успокоительна: они не требуютъ ни войска, ни чрезвычайныхъ мѣръ и даже выражаютъ опасенія, что всякія чрезвычайныя приготовленія могутъ только повредить дѣлу. Тѣмъ неменѣе рутинѣры стоятъ на своемъ и думаютъ, что правительству необходимо озаботиться военными приготовленіями. Неизвѣстно еще, чье мнѣніе будетъ предпочтено: мнѣніе губернскихъ практиковъ, или петербургскихъ теоретиковъ.

Гораздо важнѣе вопросъ о дворовыхъ людяхъ, подступающій къ своей развязкѣ. Съ 19-го февраля оканчивается срокъ обязательной службы дворовыхъ помѣщикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ кончается и для помѣщиковъ обязанность содержать дворовыхъ людей. Очень вѣроятно, что нѣкоторая часть дворовыхъ останется на службѣ прежнихъ своихъ господъ по взаимному съ ними соглашенію; другіе въ состояніи будутъ прискаты себѣ со временемъ вольныя мѣста и заняться ремеслами; но останется значительная часть бездомныхъ старцевъ, малолѣтнихъ, калѣкъ и неспособныхъ, для которыхъ нѣтъ никакой надежды приютиться гдѣ-нибудь и прискаты себѣ пропитаніе даже въ отдаленномъ будущемъ. Это кандидаты на званіе полныхъ, потомственныхъ нищихъ. Правительство, какъ слухи носятъ, очень озабочено участію этихъ несчастныхъ и принимаетъ мѣры, чтобъ 19-го февраля не застигло болѣе полумилліона русскихъ пролетаріевъ подъ открытымъ небомъ и безъ куска хлѣба (*). Сдѣлано, говорятъ,

(*) Въ столицахъ, по послѣднимъ оффиціальнымъ извѣстіямъ, находится болѣе 26 тысячъ дворовыхъ людей, одного мужескаго пола, а именно: въ Петербургѣ 13,337, въ Москвѣ 13,019 человекъ.

распоряженіе, чтобы всѣ дворовые люди, которые не останутся у помѣщиковъ, немедленно получили, до пріисканія себѣ мѣстъ, даровыя помѣщенія тамъ, гдѣ застанетъ ихъ воля. Кромѣ того, ассигновано на первый разъ около милліона рублей для вспомоствованія тѣмъ изъ дворовыхъ, которые обречены на безысходное нищенство. Какъ ни предусмотрительны эти распоряженія, но очевидно, что они недостаточны. Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе рязанскаго корреспондента «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», который говоритъ, что дѣло это не есть дворянское или крестьянское, но общее въ самомъ широкомъ значеніи, и потому, по всей справедливости, должно быть предметомъ особенной заботливости для всѣхъ. «Прежде всего—говоритъ корреспондентъ—нужно открыть повсемѣстную подписку по всѣмъ городамъ и селамъ въ пользу бѣдныхъ и неспособныхъ къ работѣ дворовыхъ людей, потомъ — необходимо пріисканіе дешевыхъ для нихъ квартиръ, распредѣленіе больныхъ и увѣчныхъ по городскимъ богадельнямъ, и назначеніе простыхъ работъ, извѣстныхъ дворовымъ въ прежнемъ ихъ быту, для того, чтобы они могли жить собственнымъ трудомъ. Организациа этого труда, пріисканіе квартиръ, выдача денежныхъ пособій и плата за работы должна быть возложена на выборныхъ въ каждомъ городѣ отъ всѣхъ сословій; нечего говорить о томъ, что искусственнаго переселенія дворовыхъ изъ деревень и селъ въ города не должно быть; сосредоточеніе ихъ должно быть тамъ, гдѣ больше представляется для этого удобствъ. Оставляя же это дѣло безъ разрѣшенія до 19-го февраля едва ли было бы благоразумно, если принять въ соображеніе теперешнее положеніе фабричныхъ работъ, съ прекращеніемъ которыхъ число нуждающихся увеличивается въ большомъ размѣрѣ...» Отъ души желаемъ, чтобы воззваніе рязанскаго корреспондента не осталось гласомъ вопіющаго въ пустыню; но намъ кажется, что во всѣмъ этомъ благоразумнымъ мѣрамъ не мѣшало бы присовокупить еще одну, которая бы дала возможность желающимъ дворовымъ обратиться къ земледѣльческимъ занятіямъ и сопряженнымъ съ нимъ правамъ. Говорятъ, въ самарской губерніи все еще остались свободныя земли; херсонская и таврическая также нуждаются въ людяхъ; предгорія Кавказа громко зываютъ къ охотникамъ на переселеніе. Нельзя ли подумать, какъ бы распространить и на дворовыхъ людей общія правила земледѣльческаго населенія, или, по крайней мѣрѣ, права переселенцевъ на казенный счетъ? Мы

ограничиваемся самыми скромными желаніями, помня неудачу, постигшую прекрасный проект о дворовых людяхъ нашего сотрудника, г. Уманца.

Есть еще нѣсколько темныхъ пятенъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, заслуживающихъ вниманія. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ окончательно смыты законодательствомъ, какъ напримѣръ положеніе объ устройствѣ горнозаводскихъ крестьянъ, которыхъ участь была до сихъ поръ очень незавидна. Ошибки, допущенныя «Положеніемъ» относительно этихъ крестьянъ, произошли, говорятъ, собственно потому, что въ редакціонныхъ комисіяхъ не нашлось ни одного члена, хорошо знавшаго горнозаводскіе порядки. Теперь эти ошибки исправлены и крестьяне этихъ имѣній получили правильное устройство, согласованное съ правами прочихъ крестьянъ. Не удалось еще достигнуть такой же счастливой участи другому вопросу въ крестьянскомъ дѣлѣ— вопросу о собственныхъ земляхъ крестьянъ, купленныхъ на имя помѣщиковъ. Мы уже нѣсколько разъ разъясняли его нашимъ читателямъ...

Вопросъ о порядкѣ нынѣшняго рекрутскаго набора между временно-обязанными крестьянами разрѣшенъ удовлетворительно. Крестьяне эти, во время крѣпостнаго состоянія, не знали ни одной изъ двухъ системъ набора, употреблявшихся между мѣщанами и казенными крестьянами, но отбывали повинности чаще всего по усмотрѣнію начальства. Теперь, когда пришлось освобожденнымъ крестьянамъ въ первый разъ отбывать рекрутскую повинность въ качествѣ полноправныхъ гражданъ, возникъ вопросъ: по какой системѣ отбывать ее — по очереди или жеребьевой? Обѣ эти системы признаны несовершенными и подлежащими измѣненію; вводить ту или другую на одинъ наборъ и преподавать временно-обязаннымъ крестьянамъ подробныя правила которой либо изъ нихъ, было бы дѣломъ непрактичнымъ, особенно, если взять во вниманіе краткій срокъ, назначенный для набора, и усиленные занятія мировыхъ посредниковъ по уставнымъ грамотамъ. Между тѣмъ необходимо же было установить какія нибудь правила какъ для набора, такъ и для разбирательства жалобъ на неправильную отдачу рекрутъ. Правительство, какъ извѣстно, разрѣшило этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: оно предоставило крестьянамъ самимъ опредѣлить на волостномъ сходѣ порядокъ отбытія нынѣшняго набора; на мировыхъ же посредниковъ возложило обязанность разбирать только частныя уклоненія отъ того порядка, который уста-

новленъ будетъ приговоромъ крестьянъ, не касаясь общихъ его принциповъ. Такую мѣру нельзя не признать благоразумною и наиболѣе практичною, какая только могла быть принята въ данномъ случаѣ. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что нѣкоторые мировые посредники слишкомъ буквально поняли это распоряженіе и почли долгомъ воздерживаться нетолько отъ нарушенія общихъ приговоровъ, волостного схода послѣ того, какъ они состоялись, но и отъ всякаго нравственнаго вліянія на то, чтобы эти приговоры составлялись правильно и разумно. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ приговоры составлялись весьма необдуманно, подъ вліяніемъ неопытныхъ, незрѣлыхъ и, можетъ быть, недобросовѣстныхъ соображеній волостныхъ крикуновъ и горлановъ. Въ волости рѣшалась участь деревень, имѣющихъ самыя разнообразныя условія. Принималось, напримѣръ, за правило, отбыть повинность изъ такихъ семействъ, въ которыхъ налицо не менѣе трехъ или четырехъ братьевъ, но при этомъ забывалось, что существуетъ не мало семействъ, гдѣ изъ такого числа братьевъ только одинъ совершеннолѣтній, и съ отдачею его на службу семейство останется безъ работника. Другой сходъ устанавливалъ очередь на одни многорабочія семейства; но такой приговоръ можетъ падать всею тяжестью на одно какое нибудь село или деревню, особенно богатую многорабочими семьями. Этой деревни приходится отдать рекрута изъ каждаго семейства, а другимъ деревнямъ не отдать ни одного. Такимъ образомъ одна деревня приговаривалась къ отбытію повинности за всю волость. Эти и подобныя имъ рѣшенія сходовъ доказываютъ, что мировые посредники слишкомъ уже положились въ этомъ случаѣ на непогрѣшимость общественныхъ приговоровъ. Намъ пріятно думать, что при этомъ имѣлось въ виду поддержать принципъ самостоятельности обществъ, но мы увѣрены, что принципъ этотъ нисколько бы не пострадалъ, еслибъ мировой посредникъ, помня, что никакая самостоятельность не приходитъ вдругъ, безъ борьбы и опыта, помогъ своими совѣтами волостному сходу избѣжать крайней несправедливости въ рекрутскихъ приговорахъ. Дѣло это совершенно новое для крестьянъ и не гдѣ имъ было выработать самостоятельный взглядъ на рекрутскую повинность. Необходимо было имъ помочь разъясненіями и добрыми совѣтами, а это лежитъ на прямой обязанности мировыхъ посредниковъ.

Несправедливость общественныхъ приговоровъ не диковинка и между сословіями, болѣе самостоятельными и просвѣщенными,

чѣмъ крестьянское. Даже приговоры общественнаго мнѣнія цѣлой страны не всегда отличаются трезвостью и справедливостью; не даромъ же Милль, въ книгѣ «О свободѣ», обвиняетъ всю Европу въ стремленіи къ китаизму и предсказываетъ совершенный упадокъ индивидуализма, если не будетъ положенъ предѣлъ нивелирующимъ наклонностямъ общественнаго мнѣнія. Вопросъ о разграниченіи правъ общества и личности особенно важенъ у насъ въ Россіи, гдѣ поминутно наталкиваешься на нестерпимый деспотизмъ то лица надъ обществомъ, то общества надъ лицомъ. Кто не слыхалъ, напримѣръ, про деспотизмъ деревенскихъ кулаковъ и деревенскихъ воровъ и конокрадовъ, которыхъ безнаказанный гнетъ, благодаря дурному состоянію нашего суда и нашей полиціи, переносился крестьянами съ покорностью почти невѣроятною, пока, наконецъ, терпѣніе не лопалось и сельское общество не обращалось къ суду Линча. Преданія увѣряютъ, что были случаи, когда села, съ молчаливаго разрѣшенія приходскаго священника и становаго пристава, составляли заговоръ противъ неуязвимаго вора и съ общаго согласія предавали его умертвію. Свидѣтельство священника и пристава въ томъ, что смерть ему послѣдовала *естественно*, оканчивало дѣло скромно и тихо. Можно надѣяться, что со введеніемъ новаго порядка судопроизводства случаи подобнаго безобразія прекратятся вовсе; но вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ прекратить и безобразіе общественнаго самовластия надъ отдѣльными личностями. Существующій законъ предоставляетъ обществамъ всѣхъ сословій право исключать изъ своей среды порочныхъ членовъ, а податнымъ обществамъ, кромѣ того, даетъ право ссылатъ въ Сибирь на поселеніе тѣхъ членовъ своихъ, которые оставлены по суду «въ подозрѣніи». По проекту судебныхъ преобразованій, оставленіе обвиняемаго въ подозрѣніи вовсе отмѣняется; предъ лицомъ суда остаются только *виновные*, которые получаютъ должное наказаніе, и *невинные*, которыхъ никто наказывать несправѣ. При такихъ условіяхъ, право общества ссылатъ своихъ членовъ послѣ судебного рѣшенія, въ Сибирь на поселеніе, становится анахронизмомъ. Не менѣе уродливымъ дѣлается и право исключенія изъ общества *порочныхъ* и *явно безчестныхъ* членовъ, когда всякій порокъ и безчестіе могутъ и должны быть доведены обществомъ до свѣдѣнія суда. Слухи носятъ, что законодательство обратило уже вниманіе на этотъ вопросъ и склоняется къ отмѣнѣ этихъ деспотическихъ правъ общества, со введеніемъ новаго порядка судопроизводства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, будетъ отнято это право и отъ дворянскихъ собраній, которыя, со времени крестьянской реформы, стали чаще прежняго злоупотреблять имъ, и, что всего прискорбнѣе, позволяютъ себѣ примѣнять его къ мировымъ посредникамъ, почему либо неправящимся большинству дворянства. Такъ, напри- мѣръ кинешемское *уездное* собраніе дворянства, ссылаясь на статью закона, предоставляющую значенное право *губернскимъ* собраніямъ, позволило себѣ осудить мирового посредника Грека за его *служебныя* дѣйствія къ исключенію изъ общества, оговариваясь тѣмъ, что оно судить его *какъ дворянина*. Должно надѣяться, что судебныя преобразованія положить конецъ и этимъ безобразіямъ.

Но это еще не все, что слѣдуетъ сдѣлать судебнымъ преобразованіямъ для личности. Съ отнятіемъ у общества права исключать и ссылатъ своихъ членовъ по собственному усмотрѣнію, личность русскаго гражданина еще не освобождается вовсе отъ произвольнаго исключенія и высылки съ мѣста жительства: право такой высылки остается еще въ рукахъ полиціи. Мы говоримъ: *съ мѣста жительства*, хотя полиція выражается наоборотъ и называетъ такую высылку *на мѣсто жительства*. Очевидно, что это только одна игра словъ; мѣстомъ жительства для каждаго считается то мѣсто, гдѣ онъ живетъ и откуда высылается, а не то, гдѣ онъ родился или прописанъ для отбыванія податей и повинностей. Особенно часто случаются эти высылки въ столицахъ, генерал-губернаторамъ коихъ предоставлено право производить ихъ по однимъ только полицейскимъ дознаніямъ надъ лицами, замѣченными въ пьянствѣ и неимѣніи постоянныхъ занятій. При существованіи крѣпостнаго права, подобныя высылки, примѣняемыя къ помѣщичьимъ, да и вообще ко всѣмъ крестьянамъ, были понятны. Впрочемъ, и теперь каждый крестьянинъ, высылаемый на родину, не осуждается еще на голодную смерть: у него есть земля и возможность заработать кусокъ хлѣба на мѣстѣ приписки. Не то съ лицами, принадлежащими къ мѣщанскому, духовному, дворянскому и инымъ свободнымъ состояніямъ. Высылаемые изъ столицы на *мѣсто жительства*, то-есть туда, гдѣ они родились и гдѣ чаще всего не имѣютъ нетолько никакого имуществва, но и никакихъ связей, лица этихъ сословій подвергаются наказанію болѣе тяжелому, чѣмъ осужденные въ Сибирь на поселеніе, потому что эти послѣдніе получаютъ, по крайней мѣрѣ, землю и способы къ пропитанію. Подмѣчаемое полиціею пьян-

ство и неизмѣнныя постоянныя занятія—понятія очень хрупкія и условныя. Можетъ случиться, на примѣръ, что человѣкъ нигдѣ неслужащій, но снискивающій себѣ пропитаніе поденною работою, ходатайствомъ, или литературою, раза два-три замѣченъ будетъ полиціею возвращающимся навеселѣ отъ пріятелей или изъ трактира. Подобный индивидуумъ очень легко можетъ подвергнуться высылкѣ изъ столицы. Спрашивается: за что? За то ли, что не имѣетъ кареты, за опущенными шторами которой могъ бы скрыть послѣдствія пріятельскаго обѣда? Или за то, что родился человѣкомъ безъ состоянія и не успѣлъ еще пріискать себѣ постоянного занятія? Намъ рассказывали, на примѣръ, такой случай: молодой человѣкъ, сынъ дьячка, родившійся въ какой-то отдаленной сибирской деревнѣ, сдѣлался человѣкомъ ученымъ и талантливымъ писателемъ. Поселившись, противъ собственнаго желанія, въ одной изъ столицъ, онъ занимался сперва службою, а потомъ литературою. Полиція замѣтила его раза два въ веселомъ расположеніи духа и на этомъ основаніи приговорила его къ высылкѣ на родину, то-есть въ Сибирь, въ глухую деревню, гдѣ всѣ родные его давно перемерли и гдѣ также и ему неминуемо угрожаетъ голодная смерть. Анекдотъ этотъ очень похожъ на басню; но, къ сожалѣнію, онъ столько же похожъ и на правду. Спрашивается: приговорилъ ли бы этого ученаго къ подобному наказанію за подобное преступленіе уголовный судъ? И не легче ли была бы для этого ученаго ссылка въ ту же Сибирь на поселеніе? Если подобный судъ надъ личностью останется и при новомъ судопроизводствѣ, то нельзя не согласиться съ тѣми скептиками, которые, говоря о судебныхъ преобразованіяхъ, уныло покачиваютъ головою и поютъ романсъ Глинки:

Не вѣрю, не вѣрю обѣтамъ и т. д.

Но мы склонны вѣрить, мы убѣждены, что подобный анахронизмъ, какъ административная ссылка, недолго продержится при томъ судѣ, который намъ обѣщанъ «Основными Положеніями». Не можетъ же не броситься въ глаза нашему законодательству та очевидная истина, что новое судебное устройство будетъ чистѣйшею фантазмагоріею, пока рядомъ съ нимъ будетъ существовать судъ административный, который можетъ во всякое время исправлять и дополнять судебные приговоры и наказывать всѣхъ тѣхъ, кого не сочтеть вправѣ наказать судъ. Мы не имѣемъ права отчаиваться въ правильномъ отраженіи нашей личности, послѣ

всего того, что сдѣлано и предпринято нашимъ законодательствомъ. Правда, всѣ наши успѣхи, несмотря на ихъ быстроту, мало замѣчаются обществомъ. Всѣ наши права еще впереди. Но съ нынѣшняго года нѣкоторыя изъ нихъ входятъ въ силу; остальные придутъ въ свою очередь. Здѣсь важно уже то, что законодательство усвоило себѣ много новыхъ и совершенно правильныхъ понятій. Особенность нашего прогресса не должна конфузить насъ и приводить въ отчаяніе. Объ этой особенности мы позволяемъ себѣ выписать слѣдующія строки изъ «Спб. Вѣдом.» (№ 1): «Самые интересные продукты нашего прогресса являются или нечаянно и потихоньку, или посреди такой безобразной и нелѣпой обстановки, что вмѣсто удовлетворенія, чувствуется еще бѣдшая напряженность и раздраженіе. Но тѣмъ неменѣе дѣло дѣлается и подвигается впередъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только оторваться на минуту отъ работъ, сосредоточивающихъ на себѣ общее вниманіе, и оглянуться по сторонамъ. Тутъ вы увидите не одну колоду, не одинъ пень, лежавшій поперекъ дороги и неуступавшій прежде самому сильному напору общественного мнѣнія. Теперь эти пни и колоды отброшены далеко и незамѣтно гниютъ среди расчищеннаго валежника и хворосту. Когда они упали, кто ихъ окончательно подсѣкъ, этого никто не слышалъ и не видѣлъ. Понятія и мнѣнія, которыя вчера еще считались непримѣнными къ нашему государству, сегодня усваиваются самимъ государствомъ и проводятся тѣми же лицами, которыя считались прежде противниками всего новаго. Преобразование, котораго безуспѣшно добивалось общественное мнѣние впродолженіе многихъ лѣтъ, которое прежде встрѣчено было бы всеобщою радостью, является само собой, какъ неизбѣжное послѣдствіе другихъ преобразованій. И въ это самое время, какъ-бы наперекоръ всѣмъ улучшеніямъ, какъ-бы въ насмѣшку надъ вновь узаконяемымъ принципомъ, старыя начала и прежній способъ дѣйствій кое-гдѣ поднимаютъ голову и дебютируютъ во всей своей паготѣ, какъ-бы усиливаясь истребить всякое уваженіе къ новымъ преобразованіямъ и всякую надежду на ихъ дѣйствительную прочность. Но во всей этой путаницѣ казущихся случайностей можно подмѣтить постоянные законы, подъ которые можно подвести всѣ отдѣльныя вліянія. Можно, напримѣръ, юрчить на вѣрное, что у насъ, всякій порядокъ, подвергающійся болѣе другихъ нападеніямъ общественного мнѣнія и печати, продержится болѣе другихъ на своемъ мѣстѣ и падетъ только

тогда, когда обществу окончательно надобѣсть возиться съ нимъ. Этотъ же самый законъ, приложенный къ государству, получаетъ совершенно обратное дѣйствіе. Если дружное нападеніе общества на какой нибудь пунктъ содѣйствуетъ еще большему усиленію и укрѣпленію его со стороны поборниковъ, то съ другой стороны несомнѣнно, что это самое усиленіе служить достовѣрнымъ ручательствомъ скорого и неизбѣжнаго паденія слабаго пункта. Какъ только вы замѣчаете чрезмѣрную дѣятельность какого нибудь стараго и всѣми осужденнаго учрежденія и особенный азартъ со стороны его агентовъ — знайте, что это учрежденіе колеблется и исходитъ въ предсмертныхъ судорогахъ. Такъ скончалась откупная система; такое же усиленіе произвольныхъ дѣйствій совершается теперь, накануне отдѣленія судебной власти отъ администраціи; когда воздвигаются новые законы, требующіе допроса обвиняемаго не позже 24 часовъ послѣ арестованія — уничтожающіе всякія чрезвычайныя и постоянныя судебнo-слѣдственныя комиссіи — подвергающіе дѣйствію общихъ судовъ всѣ преступленія и проступки, не исключая политическихъ. Разумѣется, такое противорѣчіе между намѣреніемъ и исполненіемъ, между словомъ и дѣломъ, ослабляетъ то выгодное впечатлѣніе, какое можетъ произвести на общество всякій хорошій законъ, немедленно приводимый въ исполненіе. Но, быть можетъ, это самое обстоятельство, невыгодное для государства, послужитъ въ пользу общества и заставитъ его, при введеніи въ дѣйствіе новыхъ учреждений, дорожить каждою буквою закона, благопріятною для свободы, и оберегать ее отъ всѣхъ покушеній реакціи. Разумѣется, было бы пріятнѣе для насъ, еслибы все лучшее явилось разомъ въ полномъ блескѣ и сіяніи, а не по частямъ и въ раздробь, явилось бы съ открытымъ лицомъ и торжественною рѣчью, а не въ видѣ отдѣльныхъ параграфовъ и отдѣльныхъ преобразованій, разбросанныхъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ; но кто поручится, что тогда за полнымъ удовлетвореніемъ не послѣдовала бы и болѣе полная реакція? Упадокъ скептицизма и строгой критики, какъ неизбѣжное послѣдствіе всякаго полного удовлетворенія, представляетъ иногда серьезное препятствіе для осуществленія новаго закона, особенно у насъ, при нашей безпечности и довѣрчивости. Въ нынѣшнемъ году вышли «Основныя Положенія о судебномъ преобразованіи» и въ одномъ изъ многихъ параграфовъ этихъ положеній мы находимъ слѣдующую коротенькую фразу: *предварительное слѣд-*

ствіе по преступленіямъ государственными производится однимъ изъ членовъ судебной палаты, при личномъ присутствіи ея прокурора. Параграфъ этотъ прошелъ почти незамѣченнымъ и не возбудилъ никакого особеннаго удивленія и радости, а между тѣмъ, кто станетъ оспаривать, что этотъ параграфъ общаетъ болѣе полное и дѣйствительное уничтоженіе тайныхъ судилищъ, и содержитъ въ себѣ болѣе существенныя гарантіи, чѣмъ краснорѣчивый манифестъ 1801 года? Если общество наше, памятуя всю непрочность громкихъ фразъ, обратитъ должное вниманіе на этотъ параграфъ и при введеніи новыхъ судебныхъ учрежденій станетъ вѣрно за каждую букву этой коротенькой и простой фразы, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что громкое учрежденіе падетъ само собою, тихонько, незамѣтно, но тѣмъ неменѣе рѣшительно и безвозвратно, такъ что не только прежнія его дѣйствія, но и самый способъ этихъ дѣйствій преданъ будетъ вѣчному забвенію. Останется тайная полиція, тайное наблюденіе (всякое полицейское наблюденіе въ сущности совершается тайно), но *тайное слѣдствіе* и *тайный судъ*, благодаря означенному скромному параграфу, сдѣлаются рѣшительно невозможными.»

Въ ожиданіи этихъ благъ, мы пока должны довольствоваться нѣкоторымъ улучшеніемъ явной полиціи, получившей на дняхъ новые штаты при прежнихъ правахъ, остающихся за нею *спредъ до введенія судебныхъ и земскихъ преобразованій*. Улучшеніе это обнаружено въ высочайшемъ указѣ 25 декабря минувшаго года, въ видѣ временныхъ правилъ, при чемъ объяснено, что коренное преобразованіе полиціи должно совершиться по составленіи уставовъ судопроизводства и положеній о земскихъ учрежденіяхъ. «На основаніи этого указа, городская полиція сливается съ земскою во всѣхъ городахъ 44 губерній, исключая градоначальствъ, губернскихъ городовъ и 24-хъ, наиболѣе значительныхъ, уѣздныхъ и безъуѣздныхъ городовъ и мѣстечекъ. Эти мѣстности сохраняютъ свою отдѣльную городскую полицію. Составъ какъ уѣздной, такъ и отдѣльной городской полиціи, образуется изъ начальника полиціи (уѣзднаго исправника, или полиціймейстера), его помощника, становыхъ приставовъ, ихъ помощниковъ и надзирателей. Нѣкоторыя, особенно важныя дѣла, поименованныя въ законѣ, разрѣшаются общимъ присутствіемъ полицейскаго управленія, состоящимъ изъ начальника полиціи, ея помощника и засѣдателей отъ сословій. Начальникъ полиціи и его

помощники опредѣляются непосредственно губернаторомъ; пристава и надзиратели губернаторомъ же, но по представленію начальника полиціи. При опредѣленіи, начальнику губерніи дана полная свобода: онъ не стѣсняется ни чиномъ опредѣляемаго, ни правилами о назначеніи на полицейскія мѣста раненыхъ офицеровъ. Содержаніе полиціи положено слѣдующее: начальнику полиціи 1,500 руб., помощнику 1,000 р., становымъ приставамъ 900 р., городскимъ отъ 700 до 900, ихъ помощникамъ 400, надзирателямъ до 500. Сверхъ того, способы помѣщеній и разъѣздовъ оставлены на существующемъ основаніи.» (Спб. В. № 8).

Такое увеличеніе содержанія, хотя и не можетъ быть названо вполне удовлетворительнымъ, особенно если взять въ соображеніе содержаніе, которое до нынѣшняго года получала полиціа отъ откупа, но все-таки оно даетъ возможность честному полицейскому чиновнику, если онъ не обремененъ большимъ семействомъ, обойтись безъ взятокъ. Но нельзя не пожалѣть, что способы разъѣздовъ полицейскихъ чиновниковъ оставлены на существующемъ основаніи. Это можетъ поставить въ крайнее затрудненіе честнаго чиновника и значительно охладить его полицейское усердіе. Извѣстно, что существующія положенія не представляютъ полиціи ровно никакихъ способовъ для разъѣздовъ. Полицейскій чиновникъ, преслѣдуя вора или убійцу по горячимъ слѣдамъ, въ настоящее время не только обязанъ совершать поѣздки на собственный счетъ, но нерѣдко лишенъ надежды получить прогонныя или разъѣздныя деньги и по окончаніи своего путешествія. Откуда онъ ихъ получитъ, изъ какихъ суммъ? Но вообразите себѣ подобное положеніе становаго пристава, получающаго 50 или 60 рублей въ мѣсяцъ, въ ту минуту, когда онъ еще не получилъ жалованья. Ему нужно скакать сейчасъ, сію минуту, а скакать не на чемъ; не заводить же въ эти минуты переписки съ губернскимъ правленіемъ о прогонныхъ деньгахъ, зная навѣрное, что правленіе отвѣтитъ или выговоромъ за неумѣстное домогательство, или ссылкой на *существующія* законоположенія! Во что же, спрашивается, обратится полиція, которая не можетъ преслѣдовать преступниковъ по пятамъ?... Вѣдь съ отдѣленіемъ отъ полиціи судебной и распорядительной власти, наблюденіе и огражденіе общества отъ преступниковъ будетъ ея единственною обязанностью!

Будемъ ждать этого отдѣленія, а до тѣхъ поръ нужно примириться съ нынѣшнею полиціею, временно улучшенною новыми штатами. Слухи ходятъ, что ждать намъ придется не очень долго. Коммисія, высочайше учрежденная для составленія проектовъ новыхъ законовъ по судебной части, приступила къ своимъ занятіямъ тотчасъ

по обнародованіи «Основныхъ Положеній». О ходѣ ея работъ «Журналъ министерства юстиціи» сообщаетъ слѣдующее: «Засѣданія комисіи продолжаются теперь непрерывно и въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, весьма значительная часть работъ ея уже подготовлена. Въ числѣ разныхъ работъ, составляя общій планъ постепеннаго введенія въ дѣйствіе всего вообще преобразованія судебной части, комисія признала нужнымъ начертать особыя соображенія о составѣ двухъ судебныхъ округовъ, с.-петербургскаго и московскаго, съ тою цѣлю, чтобы введеніе въ этихъ округахъ новаго преобразованія, тотчасъ по утвержденіи всѣхъ законоположеній, не встрѣтило затрудненій и препятствій. Но, для правильнаго начертанія этихъ соображеній, комисіи необходимо было имѣть самыя подробныя свѣдѣнія, не только о настоящей дѣятельности разныхъ судебныхъ учреждений въ тѣхъ губерніяхъ, кои могутъ войти въ составъ двухъ означенныхъ выше округовъ, но и о числѣ тѣхъ дѣлъ въ полицейскихъ учрежденіяхъ, которыя должны будутъ изъ вѣдомства полиціи перейти въ вѣдомство суда. Посему, для собранія означенныхъ свѣдѣній на мѣстѣ, командированы, по высочайшему повелѣнію, члены-редакторы комисіи: дѣйствительный статскій совѣтникъ *Ковалевскій*—въ губерніи, которыя войдутъ въ составъ с.-петербургскаго, а статскій совѣтникъ *Равинскій*—въ губерніи, которыя войдутъ въ составъ московскаго судебныхъ округовъ. Сверхъ того, имѣя въ виду, что, съ учрежденіемъ мировыхъ судей, къ нимъ должны перейти и нѣкоторыя обязанности нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ, и что учрежденіе мировыхъ судей предполагается ввести въ концѣ 1863 г. или въ началѣ 1864 года, комисія просила министерство внутреннихъ дѣлъ доставить ей свѣдѣнія: какія именно изъ обязанностей, предстоящихъ мировымъ посредникамъ, въ концѣ 1863 г. или началѣ 1864 года могутъ быть возложены на мировыхъ судей, и не слѣдуетъ ли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по уваженію особенныхъ обстоятельствъ, съ учрежденіемъ мировыхъ судей, или оставить на нѣкоторое время и теперешнихъ мировыхъ посредниковъ, или усилить временно составъ будущихъ мировыхъ учреждений членами, исключительно назначенными для дѣлъ по крестьянскому вопросу. Министръ внутреннихъ дѣлъ, съ своей стороны, 30-го октября, предложилъ означенные вопросы, чрезъ начальниковъ губерній, на предварительное обсужденіе губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ, съ тѣмъ, чтобы мнѣнія ихъ доставлены были не позже конца истекшаго декабря мѣсяца. Между тѣмъ еще вначалѣ, при самомъ обнародованіи «Основныхъ Положеній», комисія признала полезнымъ, для успѣшнаго

исполненія возложенныхъ на нее занятій, имѣть въ виду тѣ практическія свѣдѣнія и соображенія, относительно развитія основныхъ началъ судебного преобразованія, которыя могли бы быть доставлены изъ разныхъ частей Россіи лицами, хорошо знакомыми съ судебною частію вообще и съ мѣстными условіями губерній. Послѣдствіемъ сего было, съ одной стороны — напечатаніе въ разныхъ русскихъ газетахъ приглашенія всѣмъ желающимъ доставить свои соображенія о развитіи основныхъ началъ судебного преобразованія, а съ другой — циркуляръ по этому же предмету министерства юстиціи разнымъ чинамъ судебного вѣдомства. Всѣ желающіе доставить соображенія и чины судебного вѣдомства приглашались прислать ихъ прямо въ государственную канцелярію, съ означеніемъ статей «Основныхъ Положеній», до коихъ они относятся. Къ профессорамъ юридическихъ наукъ въ русскихъ университетахъ и другихъ высшихъ заведеніяхъ комиссія особо отнеслась съ просьбою о доставленіи замѣчаній на «Основныя Положенія». Въ настоящее время, въ государственную канцелярію доставлено со всѣхъ концовъ Россіи отъ разныхъ должностныхъ и частныхъ лицъ множество замѣчаній о развитіи основныхъ положеній судебной реформы. Всѣ поступающія представленія внимательно рассматриваются и принимаются въ соображеніе при изготолвленіи уставовъ, и для лучшаго удобства онѣ печатаются въ особнхъ сборникахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ томовъ, и рассылаются ко всѣмъ членамъ комиссіи. Самая большая часть замѣчаній, какъ и слѣдовало ожидать, поступаетъ отъ разныхъ чиновъ судебного вѣдомства, въ томъ числѣ особенно значительное количество отъ уѣздныхъ стряпчихъ и судебныхъ слѣдователей. Не мало, однакожъ, замѣчаній прислано и отъ другихъ лицъ: чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, предводителей дворянства, мировыхъ посредниковъ, помѣщиковъ, мѣщанъ и т. п.»

Изъ этого же отчета извлекаемъ свѣдѣніе о лицахъ, участвовавшихъ въ составленіи проекта судебной реформы — того самого проекта, который, пройдя соединенные департаменты государственнаго совѣта, получилъ, въ окончательномъ своемъ видѣ, названіе «Основныхъ Положеній». Вотъ имена этихъ лицъ, достойныхъ занять первое мѣсто на памятникѣ втораго тысячелѣтія Россіи: состоящій при государственной канцеляріи тайный совѣтникъ *Плавскій*, обер-прокуроръ общаго собранія *московскихъ* департаментовъ сената *Бушковскій*, исправлявшій должность статс-секретаря государственнаго совѣта (нынѣ товарищъ министра юстиціи) *Стояновскій*, исправляющій должность статс-секретаря государственнаго совѣта *Зарудный*, помощники статс-секретарей *Даневскій* и *Шу-*

былъ, обер-секретарь общаго собранія московскихъ департаментовъ сената *Побѣдоносцевъ*, московскій губернский прокуроръ *Равинскій* и экспедиторъ государственной канцеляріи *Миллибаховъ*.

Когда мы начинали эту хронику, намъ хотѣлось подвести итоги поведенію 1862 года и въ нихъ уловить черты для опредѣленія фizioноміи наступившаго года. Тринадцать мѣсяцевъ назадъ мы предугадывали, что 1862 годъ будетъ попреимуществу дворянскимъ годомъ; мы замѣтили, какъ онъ выступалъ «тихою боярскою поступью, тихимъ обычаемъ» (декабрьская хроника 1861 года); но мы не ожидали, что эта тишина носила во чревѣ своемъ столько силоспособностей производить бурю въ стаканѣ воды. Буря къ концу года стала стихать, какъ только повѣяло новымъ элементомъ — юридическимъ. Изъ непа помяровъ, среди вихря произвола, въ воздухѣ, раздраженномъ враждою, родились два вротіе духа, двѣ примиряющія идеи — идеи независимаго суда и земскаго самоуправленія. Нынѣшній годъ будетъ посвященъ воспитанію этихъ двухъ младенцевъ и приуготовленію ихъ къ будущей дѣятельности. Нынѣшній годъ, слѣдовательно, будетъ попреимуществу годомъ практическимъ, обобщеній и попытокъ свести къ одному знаменателю все, что выработано предыдущими годами. Мы не ручаемся, однако, за его постоянно благонравное поведеніе. Можетъ случиться, что среди мелочныхъ практическихъ занятій, ему захочется освѣжиться общими идеями и стремленіями; но, во всякомъ случаѣ, должно надѣяться, что эти стремленія будутъ болѣе сдержанны и практичны и, слѣдовательно, болѣе успѣшны. Мы должны стараться теперь чтобы элементъ законности пересилилъ всѣ прочіе, бывшіе до сихъ поръ въ ходу. Мы думаемъ, что при общихъ усиліяхъ, направленныхъ къ этой цѣли, наши внутреннія дѣла пойдутъ такъ, что перестанутъ пѣнять собою нашу добрую сосѣдку, Австрію.

— Окончивъ хронику мы получили извѣстіе о волненіяхъ въ царствѣ польскомъ. Записывъ ихъ безъ всякихъ разсужденій въ нашу лѣтопись, не имѣя теперь возможности сказать что нибудь объ этомъ событіи.

О ПРИЧИНЪ СЛАБЫХЪ УСПѢХОВЪ ВЪ НѢКОТОРЫХЪ ДѢЛАХЪ.

Новый годъ во всѣхъ странахъ земнаго шара принято встрѣчать новыми желаніями, новыми надеждами.

Старый годъ привыкли провожать сожалѣніями о неисполнившихся желаніяхъ, о несбывшихся надеждахъ, о безуспѣшно потраченныхъ усиліяхъ.

Все—старыя сожалѣнія, все—новыя желанія—и опять старыя сожалѣнія!

Слѣдуетъ же когда нибудь отдать себѣ отчетъ, отчего желанія не исполняются, отчего безуспѣшны усилія.

Страшно думать, какъ широкъ и какъ труденъ вопросъ! Но если мы ограничимъ его, если мы напередъ облегчимъ трудъ свой предположеніемъ — что и то ужъ будетъ доброе дѣло когда мы найдемъ и объяснимъ хоть одну причину—то отчего же и не отправиться намъ въ длинный путь розысканій.

Всѣ наши дѣйствія выходятъ непосредственно изъ нашихъ желаній. Всякое желаніе показываетъ несовершенство и неудовлетворенное состояніе того, кто его испытываетъ, и возбуждаетъ насъ къ дѣятельности, къ усиліямъ, для того, чтобъ достигнуть цѣли, получить удовлетвореніе.

Человѣческая дѣятельность начинается съ желаній: это—ея исходный пунктъ; оканчивается удовлетвореніемъ: это—ея вѣчный пунктъ. Между началомъ и концомъ стоитъ длинный рядъ усилій, труда, дѣятельности.

Предметы нашихъ желаній могутъ быть разнообразны до безконечности, начиная съ самыхъ простыхъ физиологическихъ потребностей, съ желанія имѣть необходимый кусокъ хлѣба и оканчивая исканіемъ истинны и добра.

Желанія — необходимая принадлежность жизни. Кто желаетъ, тотъ, значить, живетъ — и жизнь немислима безъ желаній. Отсутствие желаній тождественно со смертію.

Желанія могутъ быть болѣе или менѣе просвѣщенными, болѣе или менѣе грубыми: могутъ болѣе или менѣе соответствовать закону жизни, болѣе или менѣе разрушать ее. Свойство желаній опредѣляется, главнымъ образомъ, отношеніемъ ихъ къ закону жизни: тѣ желанія законны, разумны, естественны, которыя ведутъ къ поддержанію, къ сохраненію жизни; желанія, разрушающія жизнь, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть оправданы.

Желанія могутъ быть лучше или хуже направлены, какъ относительно самой цѣли ихъ, такъ относительно средствъ къ ея достиженію. У желаній могутъ быть цѣли, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя достигнуть: такіа желанія называются безумными. У желаній могутъ быть цѣли, достиженіе которыхъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ вознаграждать за сумму потраченныхъ усилій. У желаній могутъ быть цѣли легкодостижимыя, но самое достиженіе ихъ, самое удовлетвореніе желанія вредитъ жизни, разрушаетъ или уменьшаетъ ея силы. Наконецъ, выборъ средствъ для достиженія цѣли желанія можно дѣлать лучше или хуже. Законъ жизни требуетъ выбирать средства такого рода, чтобы они стоили возможно меньшей суммы усилій и съ возможно болѣе совершенствомъ доводили до цѣли.

Для удовлетворенія нашихъ желаній необходимъ трудъ. Кто отказывается отъ труда, тотъ не имѣетъ права желать. Но если отдѣльнаго человѣка до такой степени ограниченъ, что трудъ его, даже для удовлетворенія самыхъ первыхъ, физиологическихъ потребностей, необходимо нуждается въ безчисленномъ множествѣ пособій. Необходимо поэтому, прежде всего, чтобы человѣкъ имѣлъ понятія объ обществѣ, о порядкѣ міра, о законахъ природы, о ея силахъ и безчисленныхъ орудіяхъ, которыя природа отдаетъ въ его распоряженіе. Главнымъ же образомъ силы человѣка увеличиваются взаимными сношеніями людей и образованіемъ обществъ, которыя связываютъ нашу дѣятельность съ дѣятельностью другихъ людей во времени и въ пространствѣ: мы пользуемся трудами тѣхъ, кто намъ предшествовалъ, и собственныя наши труды, связанныя съ трудами нашихъ современниковъ, состав-

ляютъ цѣлое, котораго безчисленныя части зависятъ другъ отъ друга самыми тѣсными образомъ.

Поэтому, человѣческое общество есть, въ-сущности, не что иное, какъ организація трудовъ, стремящихся въ общей цѣли, къ удовлетворенію возможно большаго количества желаній для возможно большаго счастья.

Въ интересѣ всѣхъ и каждого—желать, чтобы ни одинъ трудъ не былъ прерванъ или задержанъ: ибо труды всѣхъ и каждого въ человѣческомъ обществѣ такъ тѣсно связаны между собою, что одинъ не можетъ страдать безъ того, чтобы въ то же время или впоследствии не пострадала другіе. Такъ, если въ обществѣ будетъ задержано образование, то вмѣстѣ съ этимъ будетъ задержана и вся совокупность промышленной дѣятельности. Если въ обществѣ не будетъ обезпеченъ для человѣка результатъ труда, то и самое дѣйствительное количество труда будетъ далеко ниже возможнаго количества.

Но трудъ самъ по себѣ не есть цѣль жизни, не есть ея назначеніе; это—только необходимое условіе жизни, средство, которое мы должны беречь возможно болѣе, для того чтобы возможно болѣе приближаться къ цѣлямъ жизни. Вотъ отчего мы стараемся объ облегченіи труда, о томъ, чтобы найти возможно болѣе могущественныя орудія для нашихъ дѣйствій. Сбереженіе труда въ какойнибудь одной отрасли нашей дѣятельности или въ какомънибудь одномъ дѣйствіи даетъ намъ возможность расширить объемъ и предѣлы нашей дѣятельности. Такимъ образомъ, какоенибудь изобрѣтеніе вовсе не уменьшаетъ суммы труда вообще; оно уменьшаетъ только количество усилій, потребное въ той отрасли дѣятельности, въ которой это изобрѣтеніе прилагается. Сбереженный трудомъ воспользуются наши желанія, которыя всегда идутъ дальше нашихъ силъ — и употребятъ его для другихъ цѣлей. Поэтому, всякое сбереженіе труда въ одной дѣятельности увеличиваетъ сумму желаній, увеличиваетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сумму дѣятельности человѣческой и въ результатъ ведетъ къ тому, что желанія человѣческія все болѣе изъ состоянія неудобноисполнимости переходятъ въ состояніе исполнимости.

Этотъ законъ, весьма ясный и вполне доказанный въ сферѣ экономическихъ отношеній, вполне справедливъ и для всѣхъ другихъ отношеній между людьми въ обществѣ.

Желанія, изъ которыхъ исходитъ вся человѣческая дѣятельность, не составляютъ такимъ образомъ чегонибудь постояннаго; они измѣняются въ своихъ предметахъ и въ степени своего напряженія. Эта измѣняемость, этотъ ростъ желаній происходитъ не только въ каждомъ о-

дѣльномъ человѣкѣ по мѣрѣ того, какъ онъ развивается умственно и нравственно, какъ измѣняются матеріальныя условія его жизни; этотъ ростъ желаній очевиденъ въ цѣломъ обществѣ, такъ что въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ существуетъ и постоянно растетъ извѣстная сумма общихъ желаній, то-есть, болѣе или менѣе принадлежащихъ всѣмъ и каждому изъ его членовъ и объясняемыхъ степенью его матеріальнаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Измѣняется состояніе общества, возвышается степень его матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія — вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и сумма этихъ общихъ желаній; всѣ и каждый въ этомъ обществѣ чувствуютъ болѣе потребностей и желаютъ лучше удовлетворять ихъ.

Мы приведемъ примѣръ, который можетъ показать наглядно все различіе, существующее между суммами желаній двухъ различныхъ обществъ. Мы въ этомъ примѣрѣ ограничимся только тѣмъ разрядомъ желаній, которыя имѣютъ своимъ предметомъ удовлетвореніе необходимыхъ нуждъ человѣка. Безъ сомнѣнія, трудно было бы найти въ этомъ отношеніи разницу между богачемъ англійскимъ и богачемъ русскимъ: цивилизація сдѣлала свое дѣло въ высшихъ классахъ европейскаго общества, провела общій уровень для ихъ первоначальныхъ потребностей, и въ богатомъ русскомъ домѣ, безъ сомнѣнія, ѣли сегодня то же самое и желаютъ завтра ѣсть то же самое, что ѣли и ѣдятъ въ богатыхъ англійскихъ домахъ. Но спустимся нѣсколькими ступеньками ниже. Какая разница! Англійскій работникъ въ Рочдэлѣ (*) желаетъ непременно имѣть за своимъ обѣдомъ кусокъ мясной, здоровой говядины и чувствуетъ себя дурно въ тотъ день, когда ему почему нибудь не удастся пообѣдать ростбифомъ. У насъ есть губернія, гдѣ крестьяне круглый годъ не ѣдятъ инаго хлѣба, какъ съ примѣсью мякины, гдѣ очень часто они довольствуются хлѣбомъ изъ мякины съ примѣсью древесной коры, и гдѣ кусокъ чистаго ржанато хлѣба составляетъ для нихъ предметъ невыполнимыхъ желаній.

Еслибъ можно было опредѣлять сумму желаній витебскаго крестьянина, сравнить ее съ суммой желаній рочдэльскаго или манчестерскаго рабочаго, то по этимъ даннымъ можно было бы составить весьма отчетливое понятіе о степени развитія двухъ обществъ.

А между тѣмъ, въ самомъ послѣднемъ, въ самомъ нисшемъ существѣ изъ человѣческой расы лежатъ всѣ зародыши тѣхъ же самыхъ

(*) Рочдэль — главный пунктъ кооперативныхъ обществъ англійскихъ рабочихъ. Благодаря кооперативнымъ обществамъ, благосостояніе рочдэльскихъ рабочихъ значительно улучшилось въ послѣдніе годы.

желаній, тѣхъ же самыхъ потребностей, которыя испытываютъ высшіе экземпляры этой расы: поставьте витебскаго крестьянина въ другія условія—и онъ вамъ покажетъ, что вполне способенъ усвоить то же самое, чего желаетъ англійскій миллионеръ, и что сѣмъ-бѣе отлично распорядиться своими желаніями.

Желанія человѣческія, это—такая сила, которая способна къ безконечному развитію. Мы теперь даже не можемъ представить себѣ, чего будутъ желать наши потомки во второмъ, въ третьемъ колѣнѣ. Желанія, это—источникъ всей нашей дѣятельности, и чѣмъ шире, чѣмъ выше, чѣмъ неотразимѣе желанія—тѣмъ шире, тѣмъ полнѣе, тѣмъ выше человѣческая дѣятельность. Въ обществѣ болѣе развитомъ—болѣе дѣятельности, оттого что тамъ болѣе разнообразныхъ желаній, которыя стремятся къ удовлетворенію. Въ обществахъ малоразвитыхъ сумма желаній невелика; оттого и мало дѣятельности; желанія преимущественно ограничиваются такими предметами, которые достаются безъ большаго труда. Оттого въ такихъ обществахъ не цѣнятъ труда, и царствуетъ тамъ застой, сонъ, апатія.

Гдѣ сонъ, апатія, тамъ необходимо — слабость. Такое общество живетъ только на доходы съ капитала существующаго, очень часто даже на самый капиталъ, ибо сохраненіе его все-таки требуетъ труда. Оттого такое общество, собственно говоря, пожираетъ только самого себя. Къ счастью для человѣчества, въ настоящее время въ Европѣ, кромѣ Турціи, нигдѣ нѣтъ такого общества; оттого, впрочемъ, о Турціи и говорятъ, что дни ея исчислены, что ея и нѣтъ собственно, а въ Константинополѣ существуетъ только какой-то призракъ власти, поддерживаемый до-тѣхъ-поръ, пока это нужно западнымъ державамъ. Во всей Европѣ нѣтъ теперь нигдѣ бездѣйствія; жизнь кипитъ; возникаетъ ежеминутно безчисленное множество желаній, и безчисленные миллионы головъ и рукъ работаютъ безъ усталости на удовлетвореніе этихъ желаній.

Такимъ образомъ, теперь нѣчего жаловаться на то, что мало желаютъ; безъ сомнѣнія, и въ витебскія пустыни даже проникли желанія, о которыхъ за пять лѣтъ предъ этимъ не имѣли тамъ ни малѣйшаго понятія. Желаютъ теперь повсюду очень сильно и очень много и вслѣдствіе этого работаютъ теперь повсюду очень сильно и очень много. Въ этомъ отношеніи—ислибъ только отъ этого одного зависѣла будущность человѣчества — скорбѣть и заботиться о ней было бы дѣломъ совершенно напраснымъ. Когда такъ возбуждены желанія, то развитіе не можетъ остановиться, жизнь не можетъ заглухнуть.

Но замѣчательно пмѣняется выгодное впечатлѣніе отъ картины, представляемой европейскимъ обществомъ, когда мы отъ исходнаго пункта чловѣческой дѣятельности обратимся въ ея конечному пункту, отъ желаній въ ихъ удовлетворенію. Здѣсь мы замѣчаемъ удивительное явленіе: желанія, кажется, такъ сильны, и дѣятельность такъ велика, а удовлетвореніе далеко не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ.

Въ чемъ можетъ заключаться причина этого?

Причина, воцерныхъ, можетъ заключаться въ самыхъ желаніяхъ; вторыхъ—въ условіяхъ, среди которыхъ стоятъ желающіе. Самыя желанія наши могутъ быть безумны; мы можемъ желать такихъ вещей, которыхъ никогда нельзя достигнуть. Рассказываютъ же сказку о глупой женщинѣ, которая желала птичьяго молока. Безъ сомнѣнія, и въ наше время есть отецъ много людей, которые тоже желаютъ птичьяго молока. Затѣмъ есть желанія, которыми сами по себѣ могутъ быть нисколько небезумны; предметы ихъ могутъ принадлежать къ сферѣ вещей удобно достигаемыхъ; но для удометворенія ихъ нужны извѣстныя условія, которыхъ нѣтъ въ дѣйствительности; а напротивъ, въ дѣйствительности существуютъ такіа условія, при которыхъ эти желанія никакъ не могутъ быть достигнуты. Такимъ образомъ, есть желанія невыполнимыя безусловно и невыполнимыя условно, въ данное время, на данномъ мѣстѣ и при данныхъ условіяхъ.

Какъ же узнать, въ извѣстномъ случаѣ, въ какой категоріи слѣдуетъ отнести невыполнимое желаніе? Тутъ единственнымъ критеріумомъ долженъ служить прѣстой, обыкновенный чловѣческій разумъ; только и взмозженъ этотъ критеріумъ. Да и то надобно сказать, что его приговоры могутъ относиться только къ настоящему, а никакъ не могутъ простираться на будущее. Такъ, что связалъ бы здоровый чловѣческій разумъ за сто лѣтъ предъ этимъ, еслибы кто нибудь прожелалъ тогда въ десять часовъ поребратся изъ Лондона въ Парижъ? Онъ, конечно, призналъ бы такое желаніе безусловно безумнымъ; оно дѣйствительно было такимъ для нашихъ дѣдовъ, а для насъ сдѣлалось совершенно естественнымъ и законнымъ желаніемъ, которому мы можемъ удовлетворять ежедневно. Все это мы говоримъ къ тому, чтобъ показать, какъ осторожно надобно относить неисполнимыя въ данное время желанія къ категоріямъ безусловной неисполнимости.

Съ уничтоженіемъ грубости, съ развитіемъ просвѣщенія безумныя желанія исчезаютъ сами собой. Когда англичане замѣтили, что между работниками разнѣваются желанія, которыя казались имъ безумными, то они посѣтили просвѣтить своихъ работниковъ, настроили для

нихъ школы, завели хорошихъ учителей, начали имъ читать публичныя лекціи. И вотъ случился въ Ланкаширѣ голодъ; триста тысячъ рабочихъ нуждаются въ пособіи; они спокойно дожидаются и благо-родно принимаютъ эти пособія. Что же касается до желаній, которыя казались англичанамъ безумными, то нѣтъ и слѣда этихъ желаній у нынѣшнихъ голодныхъ работниковъ. Англійскія газеты восклицаютъ съ гордостью: «вотъ какъ мы просвѣтили нашихъ работниковъ, которыхъ отцы такъ пугали нашихъ отцовъ. Они теперь скорѣе умрутъ съ голода, чѣмъ пожелаютъ разграбить фабрику, на которой работаютъ».

Да, дѣйствительно, такая это безконечно благотѣльная сила—просвѣщеніе! Брайтъ, отлично знающій положеніе англійскаго рабочаго, рассказываетъ намъ, отчего это, при нынѣшнемъ бѣдствіи въ Ланкаширѣ, не было ни одной попытки со стороны рабочихъ разграбить фабрику. По его словамъ, это—оттого, что англійскіе рабочіе понимаютъ теперь такъ же хорошо, какъ профессоръ политической экономіи, интересы, связывающіе ихъ съ хозяиномъ фабрики; они знаютъ, отчего происходитъ остановка въ работахъ; они знаютъ, что это бѣдствіе—временное, что хозяинъ тутъ невиноватъ; они понимаютъ далѣе, что если чѣмъ нибудь повредятъ интересамъ хозяина, если лишатъ его части капитала, то чрезъ это они усилятъ только свое собственное бѣдствіе: хозяину будетъ трудно начать работы, когда кризисъ вончится; ему нужно будетъ устроить машины вновь, а для этого, можетъ быть, у него не будетъ денегъ—они, значить, дольше останутся безъ работы. Наконецъ, Брайтъ увѣряетъ, что работники хорошо понимаютъ, какъ ничтожна будетъ та помощь, которую они могли бы извлечь для себя, разграбивши двѣ-три фабрики: они понимаютъ, что грабежемъ нельзя существовать. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не радоваться этимъ успѣхамъ просвѣщенія: изъ полудикихъ, изъ полудваровъ тридцатыхъ годовъ оно сдѣлало разумныхъ политико-экономовъ, а еще лучше—разумныхъ гражданъ.

На этомъ фактѣ мы остановились долѣе съ цѣлью показать, какое огромное вліяніе на характеръ и свойство человѣческихъ желаній имѣетъ просвѣщеніе. Оно, съ одной стороны, вызываетъ громадную сумму новыхъ желаній, болѣе человѣческихъ, болѣе возвышенныхъ и разумныхъ; съ другой стороны, уничтожаетъ въ нашихъ желаніяхъ то, что въ нихъ было грубаго, скотскаго, неразумнаго. Желанія грубаго человѣка направлены часто ко вреду общества; желанія человѣка просвѣщеннаго всегда сходятся въ своей цѣли съ высшими интересами общества.

Вотъ отчего для насъ вполне ясно, что вмѣстѣ съ развитіемъ просвѣщенія, вмѣстѣ съ поднятіемъ умственнаго уровня общества, количество желаній, безусловно невыполнимыхъ, должно необходимо уменьшаться, и наконецъ въ развитіи своемъ человѣческія общества достигнутъ дотого, что безумныя желанія будутъ характеризовать уже исчезающаго и полнаго безумца.

Но это вовсе не относится къ разряду желаній, которыя невыполнимы единственно потому, что существуютъ сильныя условія, препятствующія ихъ выполнению. Такія желанія никогда не могутъ исчезнуть; по крайней мѣрѣ не предвидится возможности такого состоянія общества, чтобы въ немъ рѣшительно не было условій, представляющихъ непреодолимыя препятствія для индивидуальныхъ, весьма естественныхъ и при другихъ условіяхъ весьма исполнимыхъ, желаній. Это надобно принять какъ фактъ неизбѣжный, какъ постоянное жизненное явленіе, необходимое для самаго развитія человѣческихъ обществъ.

Но если, пока живетъ человѣчество, до тѣхъ поръ суждено быть такимъ условно невыполнимымъ желаніемъ— то изъ этого еще ни мало не слѣдуетъ, что къ нимъ позволительно относиться съ равнодушіемъ. Равнодушіе тутъ менѣе всего у мѣста. Усилія всѣхъ и каждаго, каждаго отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества, должны быть направлены къ тому, чтобы такія условно невыполнимыя желанія болѣе и болѣе обращались въ желанія выполнимыя. Ибо, если въ какомъ нибудь обществѣ накопится ихъ очень много, то рано или поздно результатъ будетъ все тотъ же, какой бываетъ, когда сумма желаній мала, когда мало дѣятельности. Продолжительное неудовлетвореніе желаній можетъ повести къ апатіи, къ тому, что общество отвыкнетъ желать, что въ немъ уменьшится, слѣдовательно, сумма дѣятельности. Общество, другимъ путемъ только, можетъ дойти все до того же, дочего дошли Турція и Китай. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нынѣшняя Франція могла бы представить намъ доказательства въ подтвержденіе этой мысли.

Вотъ отчего желанія, въ которыхъ собственно нѣтъ ничего безумнаго, но которыя остаются неудовлетворенными единственно потому, то существуютъ для этого болѣе или менѣе сильныя препятствія, такія желанія заслуживаютъ полнаго вниманія философовъ, моралистовъ, политиковъ, государственныхъ людей. Дѣло однихъ—обсудить, въ какой мѣрѣ они связаны со всѣмъ существомъ человѣка, съ его природнымъ и историческимъ существомъ, потому что это—двѣ вещи равныя, хотя и тѣсно связанныя другъ съ другомъ: существо готтента

и англосаксонца—одно и тоже для физиолога и анатома, но различно во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ. Дѣло другихъ — порѣшить вопросъ о силѣ этихъ желаній, о томъ, можно ли, полезно ли оставлять ихъ невыполнимыми, не потерпѣть ли отъ этого жизнь цѣлаго общества, и если отвѣтъ будетъ положительный, то ихъ дѣло—постараться о томъ, чтобы препятствія были сглажены.

Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: чѣмъ слѣдуетъ руководствоваться при опредѣленіи силы желаній и ихъ значенія въ жизни общества? Въ практикѣ этотъ вопросъ представляетъ громадныя трудности, которыя происходятъ преимущественно отъ того, что одно и то же желаніе у различныхъ людей можетъ принимать различныя формы, различнымъ образомъ выказываться: очень часто огромная масса людей желаетъ одного и того же, а заставьте ихъ выказать свои желанія, особенно если они лишены возможности стовариваться между собою—выйдетъ столпотвореніе вавилонское. А между тѣмъ, если все это разнообразіе свести въ простѣйшіе элементы, то, легко можетъ быть, въ желаніяхъ окажется нѣкоторое однообразіе. Желанія человѣческія сами по себѣ—вещь довольно неопредѣленная; человѣку, въ особенности малоразвитому, то, чего онъ вновь желаетъ, чего онъ не видалъ еще и не знаетъ, но безъ чего—онъ понимаетъ—какъ-то нехорошо жить ему, представляется въ расплывающихся, неясныхъ очеркахъ. Нужна значительная степень умственного развитія, чтобы представлять себѣ въ ясныхъ очеркахъ новый, невиданный дотола предметъ желаній. Вотъ отчего происходитъ главная трудность при опредѣленіи силы накопившихся въ обществѣ желаній.

Тѣмъ неменѣе можно выставить нѣкоторые общіе признаки, по которымъ слѣдуетъ заключать, какъ велика сила желаній. Первый такой признакъ—количество желающихъ. Еслибы чего нибудь желали одинъ, двое, десятки, сотни отдѣльныхъ личностей среди милліоновъ, то совершенно позволительно было бы не обращать вниманія на ихъ желанія: это—отдѣльныя личности, а мало ли чего могутъ желать различные экземпляры человѣческой расы? Но обстоятельства значительно перемѣняются, если что нибудь желаютъ всѣ или большинство общества. Такъ, когда предложено было французамъ рѣшить вопросъ о формѣ правленія, и когда изъ восьми милліоновъ французовъ семь милліоновъ пожелали имѣть свою главою Наполеона—Наполеонъ сдѣлался ихъ императоромъ. Такъ, далѣе, итальянцы огромнымъ большинствомъ пожелали соединиться съ Пьемонтомъ—и соединились.

Франція, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, насладились полнымъ сча-

стіемъ: чего желало большинство ея народа, то и было достигнуто. Большая часть Италіи, два года тому назадъ, благодаря Гарибальди и Кавуру, также насладилась полнымъ счастіемъ. Это—случай одного рода; но есть безконечное множество случаевъ другаго рода: чего нибудь точно также желаетъ огромное большинство населенія, но должно оставаться только при желаніяхъ. Такое положеніе дѣла ставить общество въ ненормальное состояніе. Довозательствъ этому мы видимъ множество.

Такъ, есть ли хотя одинъ человекъ въ мірѣ, который назвалъ бы нынѣшнее положеніе Рима нормальнымъ? Самый отчаянный ультрамонтанъ сознается, что дѣла въ немъ идутъ весьма плохо, хотя онъ по-своему объяснитъ причины этого и предложитъ свои особенныя средства для излеченія болѣзни. Въ самомъ дѣлѣ, слыханное ли дѣло, чтобъ государь могъ держаться на престолѣ только потому, что иноземныя войска окружаютъ этотъ престолъ? Въ обыкновенномъ порядкѣ, государи сидятъ спокойно на престолахъ общаго любовью и общимъ желаніемъ народа. Въ Римѣ же—совершенно наоборотъ. Папа царствуетъ до сихъ поръ только потому, что этого желаетъ Наполеонъ. Римляне желаютъ того же, чего желаетъ вся Италія; но французы мѣшаютъ удовлетворенію этихъ желаній. Что же, хорошо ли отъ этого? Кому хорошо?—Папѣ?—Римлянамъ?—Италіи? Всѣмъ равно дурно. Папа—въ рукахъ у французовъ, не имѣетъ свободы, не имѣетъ достоинства, потерялъ уваженіе, которое къ нему имѣли народы, потерялъ, въ особенности, уваженіе итальянцевъ. Интересы римлянъ сосредоточены на одномъ пунктѣ; они не могутъ заниматься никакимъ дѣломъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшено важнѣйшее для нихъ дѣло; гордость ихъ страдаетъ; сознаніе своего безсилія убиваетъ всякую энергію, всякую силу духа—что сказывается во всемъ существѣ римлянина, въ мельчайшихъ подробностяхъ его жизни: онъ живетъ со дня на день и усвоилъ себѣ всѣ качества, неразлучныя съ подобнымъ существованіемъ.—А Италія? Италія безъ Рима, это—тѣло безъ сердца. Тутъ не важенъ вопросъ о мѣстѣ столицы—тутъ важно моральное дѣйствіе того факта, что Италія не даетъ Рима.

Пруссія—тамъ дѣлаются чудныя вещи. Палата выбрана прусскимъ народомъ. Изъ трехсотъ пятидесяти членовъ ея только одиннадцать несогласны съ мнѣніемъ большинства. Значитъ, всѣ остальные—огромнѣйшее большинство, какого только можно ожидать въ многочисленномъ представительномъ собраніи—выражаютъ желанія большинства прусскаго народа, именно большинства той его части, которая на основаніи конституціи имѣетъ политическія права. Это, кажется, ясно

не только для всякаго, сколько нибудь знакомаго съ практикою представительныхъ учреждений; это ясно для самаго темнаго ума. Въ Пруссіи это только не для всѣхъ ясно. Тамъ увѣряютъ, что палата вовсе не выражаетъ желаній большинства, что ея мнѣнія принадлежать ничтожной котеріи агитаторовъ, старающихся разрушить общественный порядокъ; какъ будто народъ, какъ будто представители народа могутъ имѣть подобныя желанія! Всѣ дѣйствія палаты и ея членовъ стараются представить въ ложномъ, въ мрачномъ свѣтѣ; стараются поставить на видъ, будто бы они желаютъ разрушенія монархической власти въ Пруссіи... Странное, безумное было бы это желаніе въ такой странѣ, какъ Пруссія, въ странѣ, созданной монархическою властью. Стараются поставить на видъ, будто бы эти агитаторы не только не радѣютъ о силѣ, чести и достоинствахъ Пруссіи, а—напротивъ, желаютъ, въ минуту опасности, лишить ее всякихъ средствъ защиты; стараются представить ихъ недобрыми гражданами, измѣнниками своему отечеству. Какъ будто возможно, чтобъ умные люди—не утописты, не пустые мечтатели, а положительно умные люди—представители наиболѣе положительныхъ людей между нѣмцами могли имѣть что нибудь подобное на умѣ. Юнкера—партія, ничтожная по числу, но сильная симпатіей къ ней въ высшихъ слояхъ—сочиняютъ депутаціи, сочиняютъ адреса, которые имѣютъ цѣлью убѣдить короля и общественное мнѣніе Пруссіи и всей Европы, что все это дѣйствительно—такъ, что палата безумствуетъ, что народъ прусскій будто бы вовсе не того желаетъ, чего желаетъ палата. Несчастные! заблужденію ихъ нѣтъ мѣры... Общественнаго мнѣнія они никакъ не могутъ переубѣдить въ свою пользу: общественное мнѣніе постоянно относится къ нимъ самымъ оскорбительнымъ для нихъ образомъ; нѣтъ мѣры и конца насмѣшкамъ надъ этими несчастными юнкерами въ англійской журналистикѣ, въ той печати, которую одну во всей Европѣ можно считать вѣрнымъ органомъ общественнаго мнѣнія (*). Общественнаго мнѣнія имъ не удастся обмануть, потому

(*) Процессъ, начатый мистеромъ Гловеромъ, владѣльцемъ недавно скончавшейся газеты «Morning Chronicle», противъ двухъ французскихъ министровъ, гг. Персины и Вилло, раскрываетъ удивительныя вѣщи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, французскіе министры подкупили Гловера: онъ взялся писать въ своей газетѣ, пользовавшейся до тѣхъ поръ (она была похъ другой редакціей) уваженіемъ англійской публики, статьи, пріятныя для французскаго правительства, съ цѣлью настраивать общественное мнѣніе Англіи соотвѣстственно видамъ французской политики. Гловеръ усердно исполнялъ свой контрактъ—и убилъ газету. Оказалось, что общественное мнѣніе въ Англіи настраивается само собою, и никакая продажная газета настраивать его не можетъ. Публика почувствовала вскорѣ нерасположеніе къ статьямъ «Morning Chronicle»,

что обманывать общественное мнѣніе въ Европѣ весьма трудно. Но, въ-несчастію, нынѣшнее прусское правительство стоитъ на сторонѣ этихъ юнкеровъ, слушаетъ ихъ, поддерживаетъ ихъ, отвѣчаетъ имъ, что оно имъ вполне сампатизируетъ, и дѣйствуетъ въ видахъ и стремленіяхъ юнкерской партіи. Мы, можетъ быть, возвратимся еще къ прусскому вопросу и тогда увидимъ, въ чемъ онъ дѣйствительно заключается; теперь же только можемъ высказать наше крайнее убѣжденіе, что въ вопросъ этотъ вовсе не входятъ никакія посягательства и ни на какія права. Все это выдуманно юнкерскою партіею. Мы теперь только предложимъ вопросъ, хорошо ли положеніе той страны, въ которой правительство относится къ представителямъ народа, какъ къ ничтожной ватагѣ злоумышленниковъ, жаждущихъ анархіи и безнорядка? Вѣдь этимъ, значитъ, правительство ставитъ себя въ совершенный разрѣзъ съ огромнымъ большинствомъ народа. Хорошо ли это? И можно ли сказать, что тамъ жизнь идетъ правильно? Какая огромная масса народныхъ желаній остается неудовлетворенною и безъ всякихъ средствъ къ удовлетворенію! Мы говоримъ не о хлѣбѣ, хотя, безъ сомнѣнія, это имѣетъ • влияние и на хлѣбъ также. Мы говоримъ о разныхъ иныхъ благахъ, безъ которыхъ невозможно правильное развитіе государственной и общественной жизни. Мы напомнимъ здѣсь только тотъ фактъ, что когда старая прусская армія, вся наполненная юнкерами, армія стараго юнкерскаго правительства, была разбита старымъ Наполеономъ при Іенѣ; то не только вся Германія, Пруссія этому радовалась: для нея настолько тяжело было внѣшнее пораженіе, сколько пріятно

перестала читать газету и покупать ее. «Истощивъ усилія въ борьбѣ съ нерасположеніемъ публики» и въ достохвальномъ служеніи французскимъ министрамъ, Гловеръ обанкрутился. Теперь за статьи свои онъ требуетъ съ министровъ уплаты 14,000 фунтовъ, около ста тысячъ рублей на наши деньги. Урокъ—весьма поучительный для газетъ и для французскихъ министровъ. Впрочемъ, что касается до газетъ англійскихъ, то для нихъ вовсе не нужно было этого урока. Въ Англій, случай съ Гловеромъ — исключеніе, исключеніе достойно наказанное; значитъ, другимъ не будетъ повадно. Англійскія газеты не продаютъ своихъ мнѣній. Французскіе министры, воображивши, что можно купить англійскую газету, только безполезно израсходовались, да кромѣ того подверглись скандалу. Вотъ на континентѣ—тутъ дѣло другое. Министры, безъ сомнѣнія, вздумали ввести въ Англій континентальныя привычки. Тутъ, дѣйствительно, много газетъ продажныхъ, и даже тѣ, которыя не продаютъ своихъ услугъ за деньги, часто бываютъ не въ силахъ устоять противъ вліяній другого рода. На континентѣ, даже честная газета иногда бываетъ принуждена высказывать такіа мнѣнія, которыя способомъ возбуждать подозрѣнія въ ея честности. Вотъ отчего во всѣхъ страхахъ Европы такъ интересуются тѣмъ, что скажутъ объ ихъ дѣлахъ англійскія газеты, и такъ немного придаютъ значенія тому, что говорится объ этихъ дѣлахъ въ другихъ газетахъ.

внутреннее паденіе юнкерства и юнкерской системы. Ну, каково-то будетъ, если Іена повторится? А, чего добраго, это можетъ случиться: народная деморализація—страшное дѣло, а Пруссія деморализирована, а въ Германіи она быстро, въ какойнибудь годъ, потеряла всякое сочувствіе къ себѣ. Событіе будетъ страшное.

Въ Греціи дѣлаются тоже удивительныя вещи. Тамъ, какъ извѣстно, народъ прогналъ короля Оттона, который—страшное дѣло!—въ двадцатисемилѣтнее владычество свое не успѣлъ приобрѣсти себѣ въ Греціи ни единой симпатіи. Отъ этого никто, ни одинъ человекъ, ни одинъ жандармъ не думалъ защищать его, и октябрьская революція произошла безкровно. Такое единодушіе грековъ изумило Европу; но въ скоромъ времени ей пришлось изумиться еще болѣе. Всегда труднѣе для народа единодушно желать чегонибудь, чѣмъ единодушно не желать. Грекамъ предстояло выбрать себѣ новаго короля. Можно было ожидать, что тутъ-то, въ особенности у такого отсталаго народа, какъ потомки древнихъ эллиновъ, начнутся интриги, распри, неудовольствія, схватки. Къ тому же кандидатовъ на престолъ было много. Временное правительство рѣшило спросить народъ поголовно. Оказалась изумительная вещь: полтораста тысячъ греческихъ избирателей подали голосъ, точно одинъ человекъ, за авгійскаго принца Альфреда—громадное, могущественное доказательство того нравственнаго уваженія, которымъ пользуется въ глазахъ народовъ Англія, авгійская система и авгійская династія. Изъ восьми тысячъ голосовъ въ Аѣнахъ подано за принца Альфреда семь тысячъ-девятьсотъ-двадцать-четыре. Это—фактъ безконечной важности. Но дѣло вотъ въ чемъ. Принцъ Альфредъ не можетъ принять греческой короны: этого не позволяетъ ему Европа, ибо иначе, независимо отъ нравственнаго вліянія Англіи, матеріальное ея вліяніе могло бы сдѣлаться преобладающимъ въ Европѣ; она въ свою исключительную пользу могла бы порѣшить восточный вопросъ. Не дозволяя принцу Альфреду принять греческую корону, Европа, кромѣ того, имѣетъ формальное право: существуетъ старый трактатъ 1830 года, по которому члены владѣтельныхъ домовъ трехъ державъ, покровительствующихъ Греціи, то-есть Россія, Англіи и Франціи, не могутъ носить греческой короны. Какъ же быть теперь съ единодушнымъ желаніемъ грековъ? Альфреда имъ не дадутъ, хотя они и выбрали его. Это значитъ, что королямъ у нихъ будетъ какоенибудь другое лицо, котораго они вовсе не желаютъ.—Что же? хорошо ли это? Каково пойдетъ жизнь этой страны, когда въ ней останутся сожалѣнія о неисполнившихся желаніяхъ—сожалѣнія, которыя будутъ необходимо возбуждать и раз-

дувать чувство неудовольствія ко всякому, имѣющему наступить по-рядку? Не нужно особеннаго дара предвидѣнія, чтобъ предсказать Греціи въ близкомъ будущемъ длинную вереницу безпорядковъ и волненій. Титулованный король Фердинандъ, отецъ нынѣшняго короля португальскаго, Лудовика, имѣлъ благоразуміе отказаться отъ греческой короны, когда ему было предложено заступить мѣсто принца Альфреда; понятно—почему. Но будетъ рѣшительно непонятно, какъ кто нибудь другой рѣшится, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, сѣсть на греческій престолъ и управлять народомъ, который такъ энергично объявлялъ, кого онъ желаетъ имѣть своимъ правителемъ.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду только *количественную* силу желаній. Мы видѣли, что для того, чтобъ желанія, существующія въ обществѣ, составляли важную силу, необходимо, чтобъ на этихъ условіяхъ соединялось возможно большее количество членовъ этого общества. Еслибы мы только этимъ признакомъ и удовольствовались, то въ такомъ случаѣ люди, прочитавшіе нашу статью, помѣщенную въ предшествующей книжкѣ этого же журнала, имѣли бы полное право уличить насъ въ непростительной непослѣдовательности. Тамъ мы такъ сильно возставали противъ господства стихійныхъ силъ, а здѣсь мы стоимъ, повидимому, за количественную силу, за большинство, за массу, то-есть, за ту же самую стихійную силу. Но тѣ изъ читателей, которые будутъ имѣть терпѣніе идти за нами дальше, убѣдятся, безъ сомнѣнія, что противорѣчіе тутъ — только видимое.

Дѣло въ томъ, что есть различные роды желаній по степени ихъ доступности пониманію человѣческому. Есть такіа простые желанія, которыя доступны всѣмъ и каждому, которыхъ предметъ понимается ясно самымъ простымъ здравымъ смысломъ, безъ особеннаго спеціального развитія умственныхъ способностей. Такъ; нѣтъ, конечно, на земномъ шарѣ такого человѣка, который не желалъ бы пріобрѣтать пужныя для него вещи возможно дешевле. Но есть желанія болѣе сложныя, менѣе доступныя обыкновенному пониманію; предметъ ихъ можетъ быть ясно понимаемъ только умомъ сколько нибудь развитымъ. Такъ напримѣръ, общее всѣмъ людямъ желаніе, чтобъ необходимыя для нихъ вещи продавались дешевле, въ человѣкѣ развитомъ разлагается въ безчисленное множество желаній; изъ нихъ каждое въ частности направлено на извѣстный предметъ, достиженіе котораго облегчитъ исполненіе главнаго желанія, приблизитъ къ этому исполненію. Такъ, можно желать проведенія хорошихъ дорогъ, уничтоженія стѣснительныхъ пошлинъ, уничтоженія ненужныхъ формальностей, стѣсняющихъ торговлю и проч. Но понятво само собою, что желать всѣхъ

этихъ вещей можетъ далеко не каждый, а только тѣ, кто хорошо знакомъ съ дѣломъ, кто обладаетъ значительною степенью общаго образованія и специальными свѣдѣніями въ той области, куда направляеть свои желанія.

Мы возьмемъ еще примѣръ. У насъ есть курская, харьковская, полтавская губерніи—губерніи чрезвычайно плодородныя, но расположенныя крайне неудобно относительно путей сообщенія. Для большей части уѣздовъ въ этихъ губерніяхъ доставка хлѣба къ пристанямъ въ высшей степени дорога, затруднительна. Каждый земледѣлецъ въ этихъ губерніяхъ, безъ сомнѣнія, чувствуетъ всѣ эти неудобства, и желаетъ устраненія ихъ. Но можемъ сказать смѣло, что на этомъ, на устраненіи неудобствъ, и оканчиваются желанія девяноста-девяти сотыхъ населенія этихъ губерній. Какими именно способами устранить неудобства объ этомъ думаетъ серьезно одна сотая часть—и желаетъ, безъ сомнѣнія, желаетъ весьма сильно желѣзныхъ дорогъ. Притомъ, безъ сомнѣнія, эти люди, серьезно думающіе о предметѣ, серьезно желающіе желѣзныхъ дорогъ для своего края, знаютъ лучше, чѣмъ кто бы то ни было, потребности мѣстныя; знаютъ, гдѣ лучше всего было бы провести дороги. Теперь мы предложимъ вопросъ: еслибы нужно было узнать желанія того края по части устройства путей сообщенія, то кто именно могъ бы быть лучшимъ, болѣе вѣрнымъ представителемъ желаній и потребностей своего края?

Есть такіе простые вопросы, такіа простыя желанія, что, когда требуется разрѣшить или узнать ихъ, то можно обратиться ко всѣмъ и каждому. Такъ напримѣръ, въ вопросѣ о соединеніи Италіи, весьма естественно было обратиться къ каждому итальянцу и спросить его: хочетъ ли онъ быть итальянцемъ или нѣтъ? Тутъ—дѣло чувства, дѣло простаго здраваго смысла, не требующее никакого особеннаго напряженія умственныхъ силъ, никакого запаса ни знаній, ни развитія. Уже несравненно болѣе трудностей, чѣмъ итальянскій вопросъ, представляетъ вопросъ греческій. Тутъ предстояло народу рѣшить вопросъ объ имени, о личности, которой онъ желаетъ отдать управленіе Народу, предстоялъ здѣсь выборъ между нѣсколькими лицами, которыхъ онъ не зналъ; ему предстояла большая опасность ошибиться. Какъ и дѣйствительно пять изъ копскихъ пэблрателей написали Абдель-Кадера по ошибкѣ, а можетъ быть и по идиотизму. Но тѣмъ не менѣе вопросъ о выборѣ лица правителя, въ особенности, когда съ липой не мало связано система правленія; можетъ и даже, по необходимости, долженъ быть предоставленъ всей массѣ народа; тутъ нельзя отнимать въ правѣ участія даже и стихійной силѣ. Но со-

верипенно другое дѣло, если съ вопросомъ о лицѣ правителя связать вопросъ о правительственной системѣ. Этотъ послѣдній вопросъ — весьма сложный, весьма трудный — несравненно труднѣе, чѣмъ вопросъ о проведеніи желѣзной дороги черезъ тотъ или черезъ другой городъ; мы видѣли, что и въ этомъ послѣднемъ случаѣ плохими судьями дѣла будутъ люди, которые мало думали о дорогахъ, о потребностяхъ своего края, объ условіяхъ мѣстности. Тѣмъ менѣе возможно такимъ людямъ когда бы то ни было поручать рѣшеніе вопроса о правительственныхъ системахъ, спрашивать въ подобныхъ случаяхъ прямо отъ нихъ объ ихъ желаніяхъ. Они имѣютъ неясное представленіе о своихъ собственныхъ нуждахъ, а тѣмъ менѣе способны изяснить нужды всего края. Все это мы говоримъ въ объясненіе того случая, какъ Франція, рѣшая вопросъ о власти Наполеона, рѣшила вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ и о правительственной системѣ. Мы понимаемъ теперь ясно, въ чемъ состояла тогда главная ошибка. Этого одного примѣра Франція совершенно достаточно, чтобы уразумѣть съ полною ясностью, гдѣ долженъ быть предѣлъ для стихійныхъ силъ, и какія могутъ возникнуть послѣдствія, когда этотъ предѣлъ почему либо будетъ нарушенъ.

Прусскія дѣла могутъ также привести въ нѣкоторымъ весьма важнымъ соображеніямъ. Въ «Отеч. Зап.» прошлаго года былъ цѣлый рядъ статей о нихъ; изъ этихъ статей лучше всего можно познаться съ характеромъ и движеніемъ этого важнаго вопроса. Читатели увидятъ отсюда, какъ устроена въ Пруссіи система парламентскихъ выборовъ, и насколько нынѣшнюю прусскую палату можно считать представительницею общественнаго мнѣнія Пруссіи. Мы зѣсь только повторимъ мнѣніе уважаемаго автора, что палата нынѣшняя составлена какъ нельзя лучше, заключаетъ въ себѣ лучшія умственные силы страны и наилучшимъ образомъ представляетъ ея общественное мнѣніе. У палаты съ королемъ вышелъ споръ. Король хочетъ увеличить войско, и министры его потребовали отъ палаты лишнихъ суммъ на войско. Палата была того мнѣнія, что войско увеличивать — не зачѣмъ, что, вмѣсто введенія лишнихъ солдатскихъ полковъ, слѣдуетъ поддерживать старую прусскую систему народнаго ополченія (ландверъ), которою король очень недоволенъ. Она поэтому отказала въ деньгахъ, не утвердила представленнаго бюджета; король закрылъ палату, и его министры безъ бюджета управляютъ теперь страню. Такимъ образомъ возникло весьма прискорбное разединеніе между правительствомъ и представителями народа. Въ юридическое разсмотрѣніе вопроса мы не вдадимся; не станемъ разбирать,

кто правъ, кто виноватъ. Для насъ, въ настоящее время, это совершенно все равно; а кто желаетъ получить вполне основательныя свѣденія для разъясненія этого вопроса, тому рекомендуемъ указанныя статьи. Мы только предложимъ вопросъ: въ какомъ отношеніи, вслѣдствіе этой распри, стоитъ правительство къ народу? Притомъ, къ какой части народа оно стало въ такія отношенія, къ неспособной судить о дѣлахъ, или же къ наиболѣе способной желать, понимать и судить. Вотъ отчего такъ и страшно теперь, чтобъ не повторилась Іена.

Такимъ образомъ, вотъ мы ужъ путемъ анализа отдѣльныхъ явленій дошли до того вывода, что только въ нѣкоторыхъ, малочисленныхъ, совершенно исключительныхъ случаяхъ можно обращаться къ массамъ, чтобъ узнать ихъ желанія; въ большей же части случаевъ, въ обыкновенномъ порядкѣ жизни, имѣютъ особенную важность желанія тѣхъ, кто обладаетъ достаточнымъ умственнымъ развитіемъ, чтобъ понимать, чего слѣдуетъ желать, кто болѣе или менѣе близко знакомъ съ порядкомъ тѣхъ явленій, къ сферѣ которыхъ относятся предметы желаній, и кто, по своему общественному положенію, обладаетъ всѣми качествами, необходимыми для того, чтобъ желать независимо, свободно и сознательно. Такимъ образомъ мы другимъ путемъ пришли все къ тому же, о чемъ говорили въ нашей предшествующей статьѣ, къ вопросу о значеніи высшихъ умственныхъ силъ въ обществѣ, такъ-называемыхъ нами лучшихъ людей. Количественная сила желаній составляетъ, такъ сказать, только общій фонъ всей суммы общественныхъ желаній; она относится къ достиженію цѣли этихъ желаній точно такъ же, какъ народность относится къ политической жизни извѣстнаго общества. Ее нужно принимать во вниманіе и ею пользоваться; въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ нельзя не обращаться къ ней. Но надобно помнить, и очень твердо помнить, что болѣею частью она не столько помогаетъ движенію общества впередъ, сколько задерживаетъ его. Поэтому, на одной этой количественной силѣ было бы совершенно безплодно основывать движеніе. Для движенія, для прогрессивнаго движенія общества, нужны толчи, нужны импульсы; они должны, они могутъ идти только отъ той части общества, въ которой сосредоточена умственная сила, интеллигенція общества.

Вотъ отчего въ особенности важенъ этотъ второй признакъ — *качественная* сила желаній; это — главный признакъ для опредѣленія силы желаній, накопившихся и существующихъ въ обществѣ. На

него нужно обращать преимущественно вниманіе; другими словами, всегда надобно ставить такой вопросъ: кто желаетъ? И если, при разрѣшеніи его, получаемъ въ выводѣ, что весьма сильно и весьма единодушно желаетъ та часть общества, въ которой, нельзя не признать, сосредоточивается въ данное время высшій умственный сила, то нельзя не прийти къ заключенію, что такіа желанія соответствуютъ въ данное время существеннымъ потребностямъ общества, что они имѣютъ на себя всѣ основанія, и ради самой будущности этого общества надобно желать, чтобы они исполнились. Иначе, первымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ будетъ упадокъ умственныхъ силъ въ обществѣ: это—оттого, что каждая общественная сила необходимо нуждается въ дѣятельности и развивается дѣятельностью; если же вы обрекаете ее на бездѣятельность или, просто, не признаете ея правъ на дѣятельность, то она замираетъ. Но что происходитъ въ томъ случаѣ, когда желанія, принадлежащіа представителямъ умственной силы въ обществѣ, сознанныя ими, какъ желанія вполне разумныя, какъ такіа желанія, безъ удовлетворенія которыхъ жить очень дурно, остаются долгое время неисполненными? Это значитъ, ни болѣе, ни менѣе, что въ такомъ обществѣ умственной силы не нужно, что ей тамъ рѣшительно не зачѣмъ работать. Мы имѣли уже случай говорить, что нѣчто въ подобномъ родѣ произошло во Франціи.

Такимъ образомъ, мы показали тѣ главные признаки, которыми определяется сила желаній, возникающихъ въ обществѣ. Кромѣ этихъ признаковъ, можно найти еще множество другихъ; но тѣ будутъ уже не въ такой степени важны, не въ такой степени общи. Такъ напримѣръ, обращая вниманіе на тѣ средства, которыми желанія обладаютъ для своего выполненія, можно говорить, что тѣ желанія сильны, у которыхъ средствъ этихъ достаточно, а тѣ слабы, у которыхъ мало. Какъ ни кажется, съ перваго раза, это мнѣніе могущественнымъ и подавляющимъ, но оно теряетъ много въ своемъ эффектѣ при ближайшемъ анализѣ жизненныхъ явленій. Изъ безконечнаго множества фактовъ, раскрытыхъ исторіей, мы видимъ, что очень часто средства для выполненія желаній являются мгновенно, въ такую минуту, когда никто этого не ожидалъ, такъ что желаніе, которое вчера еще, по имѣвшимся у него средствамъ, казалось очень слабо, нынче вдругъ располагаетъ громадными средствами. Мы этихъ фактовъ не приводимъ, потому что считаемъ это совершенно лишнимъ дѣломъ. Наконецъ, средства, это—дѣло совершенно случайное: отъ случайныхъ причинъ ихъ можетъ не быть, равно какъ отъ случайныхъ причинъ они могутъ явиться. Вотъ почему этотъ признакъ

мы считаемъ далеко уступающимъ въ важности нашему главному признаку, именно — *качественной силѣ желаній*.

Мы старались показать, какъ дурно бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда желанія огромнаго числа людей, въ особенности лучшихъ людей въ обществѣ, остаются долгое время безъ удовлетворенія. Мы старались показать, чѣмъ слѣдуетъ руководствоваться для опредѣленія силы желаній. Теперь намъ слѣдуетъ заняться разсмотрѣніемъ болѣе важнаго и болѣе труднаго вопроса: отъ чего, отъ какихъ причинъ зависитъ неисполненіе желаній, которыя имѣютъ за себя, кажется, всѣ данныя, которыя соединяютъ въ себѣ и качественную, и даже (хоть это, мы видѣли, и не всегда особенно важно) количественную силу, и безъ выполненія которыхъ останавливается или идетъ кривой жизнь общества и замираютъ его живыя силы.

Для разъясненія этого вопроса мы обратимъ вниманіе на то, въ какихъ дѣлахъ вообще вслѣдуютъ больше, а въ какихъ — меньше, и притомъ гдѣ, въ какихъ странахъ, услѣдуютъ больше, а гдѣ — меньше.

Всѣ дѣятелія человѣчества, по-крайней-мѣрѣ въ различныхъ теоріяхъ, юристическихъ, экономическихъ и всѣхъ иныхъ, принято разбивать на двѣ большія категоріи: дѣятелія частныя и дѣятелія общественныя, дѣятельность частную и дѣятельность общественную. Для теорій, для науки такое дѣленіе необходимо; ибо безъ него въ научныхъ основахъ и выводахъ была бы страшная путаница. Обязанность науки — классифицировать явленія, и классификація, принятая въ наукѣ, какъ нельзя болѣе соответствуетъ ея цѣлямъ. Но ровное очертаніе предѣловъ двухъ этихъ сферъ дѣятельности тамъ — въ наукѣ и означивается. Въ жизни мы все видимъ углы, произвольныя изгибы; тутъ въ безконечномъ разнообразіи явленій мы встречаемъ прежде всего огромную массу такихъ дѣятелій, о которыхъ трудно сказать, куда ихъ причислить — въ сферу ли дѣятельности частной, или въ сферу дѣятельности общественной, потому что оба характера смѣшаны въ нихъ, и богъ-знаетъ, который преобладаетъ. Вѣдь мы видимъ, что на извѣстной массѣ дѣятелій, по господствующему характеру совершенно относящихся, кажется, къ дѣятельности частной, сказывается съ непреодолимой силою вліяніе элемента общественнаго. А за то въ другой рядъ дѣятелій, умъ, кажется, wholly принадлежащихъ въ общественную сферу — глядишь — вторгся и живетъ тамъ элементъ совершенно частный. Наконецъ, какъ бы ни старались формировать жизнь, но никакъ нельзя оторвать эти двѣ сферы одну отъ другой, и частная жизнь, и общественная всегда будутъ оказывать могущественное вліяніе другъ на друга.

Все это весьма важно для насъ, для нашихъ будущихъ выводовъ, и мы тотчасъ же будемъ имѣть случай замѣтить, какъ въ самую глубину частной жизни вторгается вліаніе общественной жизни, общественныхъ учрежденій.

Тѣмъ неменѣе мы воспользуемся этимъ дѣленіемъ и спросимъ читателей, гдѣ болѣе успѣваютъ люди—въ дѣятельности частной или въ дѣятельности общественной?

Конечно, никто не задумается отвѣтить на предложенный вопросъ самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу дѣятельности частной. Въ самомъ дѣлѣ, какіе безпримѣрные успѣхи сдѣланы людьми въ сферѣ дѣятельности частной, въ послѣдніе сорокъ, тридцать лѣтъ? Сколько важныхъ открытій въ наукахъ, которыя такъ сильно расширили область человѣческаго вѣденія, разъяснили для насъ столько важныхъ законовъ природы и дали намъ возможность, обладая познаніемъ этихъ законовъ, подчинить своимъ дѣламъ, обратить на службу себѣ такіе могущественныя силы, какъ сила пара, сила электричества, сила теплоты? Человѣкъ — могущественный властелинъ этихъ силъ и ихъ законовъ, благодаря тому, что умы отдѣльныхъ лицъ могли свободно предаваться розысканіямъ въ сферѣ науки, въ сферѣ частной дѣятельности. Въ искусствѣ—какими дивными произведеніями гордится человечество, благодаря тому, что творческой силѣ отдѣльныхъ лицъ была предоставлена свобода въ этой отрасли частной дѣятельности. Затѣмъ, упоминать ли еще о промышленной дѣятельности, которая располагаетъ такими могущественными капиталами, которая соединяетъ въ себѣ такую громадную сумму умственныхъ силъ, которая такъ отлично воспользовалась всѣми изобрѣтеніями и всѣми успѣхами ума человѣческаго, и которая, въ своемъ стремленіи увеличивать сумму удобствъ жизни и уменьшать ихъ цѣнность, не знаетъ почти предѣловъ себѣ. Тамъ, въ этой сферѣ, способности отдѣльнаго человѣка находятъ себѣ свободное поле дѣятельности, и всѣ плоды этой свободной дѣятельности принадлежать ему неоспоримо и безраздѣльно. Что же удивительнаго, если нынѣшній человѣкъ такъ любитъ именно эту отрасль дѣятельности? Лучшія силы идутъ туда; что же страннаго, если тамъ — такіе громадные успѣхи?

Ну, а въ общественной жизни?—Отдѣлимъ тотъ рядъ явленій, на которыхъ прежде всего и ближе всего сказалось вліаніе успѣховъ, принадлежащихъ, по своему происхожденію и по существенному характеру, дѣятельности частной—отдѣлимъ желѣзныя дороги, телеграфы, развитіе финансовыхъ силъ въ странѣ, развитіе общественнаго

миѣнія, развитіе и значеніе журналистики; отдѣлимъ все то, въ чемъ общественная жизнь шла впередъ, только уступая давленію и напору совокупной дѣятельности частныхъ лицъ. Много ли послѣ этого видѣла останется такого, въ чемъ бы ясно былъ виденъ успѣхъ, соотвѣтствующій сколько нибудь безпримѣрнымъ успѣхамъ въ дѣятельности частной? Мы говоримъ объ учрежденіяхъ, о дѣятельности учреждений.

Пусть, далѣе, спроситъ каждый самъ себя: въ какихъ дѣлахъ онъ болѣе мастеръ, болѣе заботится объ успѣхѣ, болѣе желаетъ успѣха и болѣе увѣренъ въ томъ, что будетъ имѣть успѣхъ — въ своихъ ли частныхъ дѣлахъ, или въ дѣлахъ общественныхъ, если приходится участвовать въ этихъ дѣлахъ? Какъ много отличныхъ ученыхъ, художниковъ, фабрикантовъ, купцовъ, банкировъ, портныхъ, сапожниковъ, механиковъ отличныхъ; въ какомъ совершенствѣ они знаютъ свое дѣло; какъ рѣдко ошибаются; какъ глубоко вкладываютъ всю душу свою, все существо въ свои дѣла и какъ удачно успѣваютъ въ нихъ! Картина совершенно перемѣняется, когда мы обратимъ вниманіе на общественныхъ дѣятелей, на тѣхъ людей, черезъ которыхъ приводятся въ движеніе общественныя учрежденія. Говорятъ обыкновенно, что эти дѣла болѣе сложны, болѣе трудны, и этими свойствами ихъ объясняютъ слабые успѣхи въ этой сферѣ дѣятельности. Намъ всегда казалось страннымъ, отчего бы это было труднѣе управлять дѣлами какого нибудь Липпе-Детмольда, чѣмъ дѣлами банкирскаго дома братьевъ Ротшильдовъ. И на сколько сложнѣе операціи управленія въ какомъ нибудь нѣмецкомъ крейзѣ сравнительно съ дѣлами какой нибудь громадной фабрики, работающей на нѣсколько милліоновъ въ годъ?

Остановимся здѣсь. Припомнимъ, давно ли явились такіе громадные успѣхи въ сферѣ частной дѣятельности и давно ли въ этихъ дѣлахъ люди достигли такого удивительнаго совершенства. Впервые, мы видимъ, что это случилось очень недавно; а воторыхъ, прибавимъ ужъ встати, мы замѣчаемъ, что это произошло далеко не вездѣ въ равной мѣрѣ. Было время и долго, очень долго тянулось это время, когда дѣятельность частная находилась точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь дѣятельность общественная? Ученый не могъ свободно заниматься своей наукой: если онъ скажетъ что нибудь такое, что противорѣчило господствовавшимъ понятіямъ, то его за это отлучали отъ церкви, выгоняли изъ города или сажали въ казamatъ; книги его жгли. Не могли ученые безопасно работать надъ наукой и сообщать другимъ результаты своихъ работъ. Вотъ отчего и науки не было,

или же она мѣстами сочилась только, какъ слабый ручеекъ, стравляясь отъ свѣта божьяго подъ камнями. Торговля, промышленность, ремесла были связаны различными регламентаціями по рукамъ и по ногамъ. Все было предписано, чѣмъ гдѣ можно торговать, а чѣмъ нельзя; что можно производить, а чего нельзя; кому можно производить, а кому нельзя. Для различныхъ вещей были назначены узкая мѣра длины и ширины, узкий вѣсъ, узкое количество, чтобы ужь больше никакъ не дѣлать. Стѣсненіямъ, предписаніямъ, наблюденіямъ, опека надъ купцами, фабрикантами, ремесленниками не было конца и мѣры. Оттого человѣкъ не могъ тогда дѣйствовать свободно, не могъ вѣрнѣе стоять на своихъ ногахъ, никогда не могъ быть убѣжденъ, что сумма добытаго будетъ равняться суммѣ его усилій. Не было свободы въ этой дѣятельности; и она поэтому пробиралась только кое-какъ и никакъ не могла развернуться во всей своей силѣ.

Но мѣръ того, какъ внѣшняя опека была снимаема съ различныхъ отраслей человѣческой дѣятельности, жизнь, широкая, раздольная жизнь являлась тамъ—откуда только брались силы, и росла и ввысь, и вширь, и вдоль. Замѣчательно, что съ какой отрасли раньше снята опека—тамъ и успѣховъ больше. Такъ, это можно видѣть изъ сравненія научной дѣятельности въ Германіи съ промышленною: въ первой—нѣмцы начали свободно упражняться весьма рано—и какіе же они мастера въ атомъ дѣлѣ? Промышленная дѣятельность очень долго была у нихъ подлѣ гнетомъ сильной регламентаціи—и вотъ они отстали въ ней даже отъ своихъ соотѣдей, французовъ. Лучше всего можно видѣть вліяніе стѣснительныхъ для частной дѣятельности мѣръ на итальянцевъ: у этого народа, какъ извѣстно изъ исторіи, нѣтъ недостатка въ промышленной и, особенно, въ торговой предпріимчивости—и однакоже, стѣснительныя мѣры старыхъ правительствъ сдѣлали то, что итальянцы значительно отстали отъ другихъ народовъ даже въ этой, издавна знакомой имъ дѣятельности. Далѣе, на успѣхахъ различныхъ наукъ въ самой Германіи можно прослѣдить вліяніе большей или меньшей свободы и большихъ или меньшихъ стѣсненій. Раньше произошла тамъ эманципация науки отъ церковнаго авторитета; позднѣе—и до сихъ поръ неполнѣе—отъ авторитета государственнаго. — Оттого полнѣе, шире и лучше другихъ развиты тамъ тѣ науки, которыя менѣе всего соприкасаются съ политикою и государственными учрежденіями, и которыя, по старымъ предразсудкамъ, считались соприкасающимися съ церковью и ея учрежденіями. Сюда относятся прежде всего науки естественныя; успѣхъ ихъ въ Германіи—безпримѣрный. Противъ такого объ-

сненія успѣшнаго развитія ихъ естествоиспытатели будутъ, конечно, спорить съ нами недолго, хотя имъ и весьма пріятно было бы искать причинъ въ собственномъ своемъ глубокомысліи и особенныхъ дарованіяхъ и въ недостаткѣ этихъ свойствъ у всѣхъ неестествоиспытателей. Съ другой стороны, успѣхами политическихъ наукъ Германія можетъ похвалиться значительно менѣе; это—отъ той, весьма помятой причинъ, что дѣятельность ученыхъ въ этой отрасли наукъ была стѣснена множествомъ различныхъ внѣшнихъ условій, весьма неблагопріятныхъ для науки. Мало того, что ученые этого разряда были отдѣлены китайскою стѣною отъ движенія общественной жизни, что сама эта жизнь двигалась по рутинѣ и не могла дать хорошаго содержанія для ученыхъ работъ—мало этихъ неудобствъ; были другія, которыя могли напомнить этимъ ученымъ судьбу Галлея. Эти же самые выводы подтверждаются примѣромъ Англіи. Что касается до общей суммы научныхъ приобрѣтеній, то англичане въ этомъ отношеніи уступаютъ нѣмцамъ: причина—та, что англичанамъ давнымъ-давно свободнѣе открыты всѣ отрасли человѣческой дѣятельности, между тѣмъ какъ для нѣмцевъ осталась одна—научная. Оттого англійскій умъ и англійская энергія могли разброситься повсюду и вездѣ могли творить великія дѣла; умъ же и энергія нѣмецкіе должны были, по необходимости, долгое время сосредоточиваться въ наукѣ. Но далѣе, у англичанъ естественныя науки развиты слабѣе другихъ и не въ примѣръ слабѣе, чѣмъ у нѣмцевъ. Это—оттого, что какъ ни свободна всякая дѣятельность въ Англіи, но, по старымъ общественнымъ предразсудкамъ, для англійскаго естествоиспытателя положенъ предѣлъ, далѣе котораго его мысль не смѣетъ идти. Англичанинъ, не по высшему принужденію—этого цѣль у нихъ—а по собственному пуританскому предубѣжденію, долгое время боялся раскрывать таинственную книгу природы, воображая, что въ этой книгѣ онъ можетъ прочесть что нибудь такое, что подорветъ его вѣрніи въ Бога. Къ книгѣ устройства человѣческихъ обществъ онъ не питалъ суевѣрнаго страха, не боялся ея; читалъ, размышлялъ, наблюдалъ, изучалъ съ цолною свободой и при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ—и вотъ результатъ; никто не пророчилъ столько великихъ и благотѣльныхъ истинъ, относящихся къ этой сферѣ человѣческаго вѣденія, какъ англійскіе мыслители, начиная съ Мильтона, перваго и до сихъ поръ безпримѣрнаго защитника свободной печати,—и еще недавно рано утраченный челоувѣчествомъ англійскій ученый положилъ начало новому методу, новому направленію, новой школѣ въ сферѣ наукъ, изучающихъ жизнь челоувѣка въ обществѣ.

Мы сказали, что и въ настоящее время успѣхи въ сферѣ частной дѣятельности распространены далеко неравномѣрно въ различныхъ странахъ Европы. Это не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ. Стоять сравнить Англію, Францію, Германію, Италію, наконецъ наше отечество, для того, чтобъ замѣтить страшное различіе, которое на оконечностяхъ нашего ряда почти приближается къ контрасту. Между тѣмъ какъ въ одной странѣ частная дѣятельность создала громадное богатство, между тѣмъ какъ частная дѣятельность доставила этой странѣ экономическое—самое крѣпкое и несокрушимое—преобладаніе во всѣхъ концахъ земнаго шара и притягиваетъ въ метрополию богатства всего міра; между тѣмъ какъ тамъ, благодаря этой свободѣ частной дѣятельности, каждый англичанинъ чувствуетъ себя царемъ въ своихъ дѣлахъ и, получивши отъ своей родины тѣ силы, которыя можетъ дать человеку только вполне свободная страна, возвращаетъ ей сторицею въ видѣ того громаднаго матеріальнаго и нравственнаго вліянія, которое имѣетъ Англія надъ цѣлыми мірами; между тѣмъ какъ Англія пользуется такими блестящими результатами своего политическаго устройства,—въ другой странѣ, во Франціи, гдѣ условія—совершенно иныя, торговая и промышленная дѣятельность, не смотря на всѣ старанія нынѣшняго правительства, далеко не можетъ развиваться до подобныхъ размѣровъ. Можно сказать, что она не можетъ развиваться тамъ именно потому, что правительство всегда старалось развивать ее, поддерживать, благотворить и покровительствовать ей. Такъ какъ частная предпримчивость не привыкла тамъ опираться на однѣ собственныя силы, то ей недостаетъ той смѣлости, энергіи, самоувѣренности, расчетливости и того вѣрнаго пониманія своихъ интересовъ, которыми всегда отличается предпримчивость англійская. Французъ привыкъ къ вѣншей поддержкѣ, привыкъ, чтобъ надъ нимъ постоянно парила какая-то *vis majore*, охраняющая его во всѣхъ трудныхъ случаяхъ жизни. Онъ привыкъ, чтобъ его вытягивали изъ опасности: оттого онъ боится всякой опасности и чувствуетъ предъ нею свое собственное безсиліе. Англичанинъ знаетъ, что изъ опасности онъ можетъ вытянуть только самъ себя: оттого онъ привыкъ довѣрять своимъ силамъ и научился не бояться опасностей. Вотъ отчего французская промышленность носитъ характеръ искусственности: что-то вѣншее для нея даетъ ей толчки и подогрѣваетъ ее. Оттого, случись теперь какойнибудь политическій переворотъ, измѣнился правительство—что во Франціи происходитъ такъ часто—и кто поручится, что съ новой правительственной системой не произойдетъ тамъ кореннаго переворота во всей промышленной машинѣ? Ожидать этого—весьма естественно, потому что

импульсы здѣсь шли большею частью извнѣ, отъ *vis major*. Вотъ отчего такъ боится теперь французъ политическихъ переворотовъ; главная задача Наполеона въ томъ и заключалась, чтобъ внушить ей живой страхъ предъ ними. Ничѣмъ нельзя было сдѣлать этого лучше, какъ завлекши всѣ большіе и малые капиталы въ промышленныя, торговныя, акціонерныя предпріятія, которыя и держатся только искусственнымъ строемъ весьма хитрой машины.

Трудолюбію нѣмцевъ рѣшительно нельзя не отдать должнаго уваженія, когда посмотришь, черезъ какія препятствія суждено было пробиваться здѣсь частной энергіи въ сферѣ промышленности. Въ Баденѣ, напримѣръ, только четыре мѣсяца тому назадъ уничтожены цехи и стѣснительныя для промышленности регламентация; а Баденъ, сравнительно съ другими частями Германіи, считается страной, болѣе развитою въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Въ прусской палатѣ господъ засѣдающіе тамъ пары все еще мечтаютъ о возстановленіи цеховъ во всей ихъ старинной строгости. И не смотря на все это, нѣмцы работали себѣ да работали и пользуются весьма замѣтнымъ и значительнымъ довольствомъ. Почтенный народъ! Но за то это—довольство средней руки, и предпримчивость нѣмца оканчивается тамъ, гдѣ мало одиотрудолюбія, гдѣ нужны энергія, довѣріе къ своимъ силамъ, рѣшимость, широкій горизонтъ для мысли и широкое поле для дѣятельности. Нѣмецъ, еслибъ прожилъ маэусанловы вѣка, то въ общей сложности его дѣятельность значительно уступала бы суммѣ того, что англичанинъ надѣлаетъ въ теченіе года. «*Nur immer langsam voran!*» — лозунгъ нѣмца во всѣхъ дѣлахъ его. И къ такому принципу въ частной дѣятельности воспитало его все общественное устройство его родины, система нравственного попечительства, лежащая на всемъ строѣ нѣмецкаго быта. Она снимается теперь—и вотъ нѣмецъ стряхиваетъ съ себя слонъ наскѣпшей на него вѣками тупости и апатіи.

Италія, именно южная ея половина, представляетъ намъ страну безъ торговли, безъ промышленности, безъ желѣзныхъ дорогъ, безъ всякихъ иныхъ путей сообщенія, кромѣ темно-синяго моря, которое дала ей мать-природа, безъ образованія, безъ школъ, безъ всякихъ иныхъ удобствъ въ жизни, кромѣ тѣхъ, которыя дала ей все таже благодѣтельная природа. Тутъ ни правительство, ни частная энергія рѣшительно ничего не дѣлали въ теченіе всего того времени, когда въ другихъ, болѣе счастливыхъ частяхъ Европы такъ широко развивалась жизнь. Правительство бурбоновъ—теперь это хорошо извѣстно—старалось держать народъ на степени грубаго варварства и не только не за-

ботилось о развитіи частной дѣятельности—напротѣвъ, по принципу подавляло её въ самомъ источникѣ и въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ она только и можетъ развиться. Дорогъ не строили — по принципу; школы не заводили — по принципу; въ судахъ поддерживали неправду — по принципу; полиціи предоставляли произвольную власть — по принципу; даже разбойникамъ и ворахъ давали пощаду — по принципу. Въ странѣ не было безопасности; имущество, наживаемое трудомъ, не было обезпечено отъ официальныхъ и неофициальныхъ мошенниковъ; побужденій къ труду не было, — и вотъ намъ — Неаполь, образъ страны мертвой. Признаки жизни сказывались тамъ только тайными заговорами, политическими убійствами, попытками возстанія; жизнь, ужь конечно, не отъ вліянія вулканической почвы Неаполя, уходила въ какое-то подземное вулканическое броженіе до тѣхъ поръ, пока изрыветъ, неистощимый въ другой странѣ, не унесъ съ собою тѣ силы, отъ которыхъ происходили эта видимая апатія и это невидимое броженіе.

Изъ всего того, что сказано нами до сихъ поръ, видно, что большіе или меньшіе успѣхи въ сферѣ частной дѣятельности зависятъ отъ большей или меньшей степени развитія и совершенства учреждений, существующихъ въ странѣ и вліяющихъ на частную дѣятельность; отъ тѣхъ нападъ, на которыхъ основаны эти учрежденія, и которыми опредѣляется вся система ихъ дѣйствій; отъ того, въ какомъ отношеніи они стоятъ къ частному лицу, и частное лицо — къ нимъ; наконецъ — отъ большей или меньшей доли свободы, признанной и утвердившейся въ обществѣ. Мы видѣли безпримѣрное развитіе частной дѣятельности въ Англіи; мы видѣли полное ничтожество этой дѣятельности въ Неаполѣ; мы видѣли другія страны и вездѣ замѣчали, какъ отъ большей или меньшей доли свободы и, понятно само собою, отъ того или другаго характера учреждений (ибо характеръ учреждений неразрывно связанъ съ существованіемъ свободы или съ отсутствіемъ ея) зависятъ и большее или меньшее развитіе частной дѣятельности, большіе или меньшіе успѣхи ея. Такъ что, гдѣ существуетъ полная свобода и гдѣ дѣйствуютъ свободныя учрежденія — тамъ и частная дѣятельность наиболѣе успѣваетъ; гдѣ вовсе не было свободы, какъ въ Неаполѣ, напримѣръ — тамъ напрасно бы мы искали проявленій личной энергіи въ различныхъ отрасляхъ дѣятельности. Напомнимъ здѣсь также сказанное нами въ другой статьѣ — о тѣсномъ соотношеніи, которое должно существовать между учрежденіями и лучшими, высшими умственными силами общества.

Мы сказали выше, что вліяніе общественныхъ учреждений идетъ въ самую глубину частной жизни. Здѣсь, кажется, время вспомнить объ этомъ.

Существуетъ мнѣніе, будто бы нравы, понятія, чувства людей, будто бы тотъ такъ человѣкъ, который сказывается въ частной жизни, имѣть могущественное, непреоборимое вліяніе на весь ходъ жизни общественной, на характеръ существующихъ учреждений и на способъ, какимъ они дѣйствуютъ. Приводятъ множество фактовъ въ подтвержденіе этого мнѣнія; изъ нихъ обыкновенно выводятъ такъ называемую теорію зрѣлости и незрѣлости. Къ подобнымъ теоріямъ, дѣйствительно, прійдешь по необходимости, лишь только примешь аксіому, лежащую въ ихъ основѣ; но дѣло въ томъ, что это—вовсе не аксіома. Какъ ни стараются въ подтвержденіе ея выставить чрезвычайно сильную батарею фактовъ, но забываютъ, что дѣйствіе ея вполне уничтожается другою батареею, гораздо болѣе могущественною; забываютъ основное положеніе, принятое при изслѣдованіи истины во всѣхъ наукахъ: если противъ одного факта стоитъ другой, ему противоположный, то и никакого заключенія нельзя вывести. А тутъ—противъ весьма сомнительныхъ фактовъ, распадающихся въ бездоказательные призраки при первомъ прикосновеніи къ нимъ анализа, можно выставить такіе факты, какъ всю исторію Еврейн за послѣднее пятидесятилѣтіе, неоспоримо доказывающую, что повсюду учрежденія, соотвѣтствовавшія требованіямъ высшихъ умственныхъ силъ въ обществѣ, вводились на почвѣ, которую съ точнѣе зрѣніемъ этихъ теорій никакъ нельзя назвать вполне готовою, что нравы, понятія, чувства, принципы народа вѣкъ дѣла значительно отставали отъ того общаго умственнаго уровня, котораго, по крайней мѣрѣ, требовали вводимыя учрежденія, и что, однакожъ, при этихъ учрежденіяхъ такъ быстро поднимался уровень, такъ быстро измѣнялись къ лучшему нравы и привычки народа, какъ этого ни въ какомъ случаѣ нельзя было бы ожидать, еслибы въ учрежденіяхъ не произошло перемѣны. Въ высшей степени поучительна исторія Пиемонта за послѣднее пятнадцатилѣтіе; но еще поучительнѣе для различныхъ теоретиковъ и доктринеровъ—если только факты живой дѣйствительности могутъ поколебать доктрину—еще поучительнѣе для всѣхъ нынѣшнее положеніе Неаполя и его ближайшая судьба. Тамъ новому правительству приходится имѣть дѣло съ совершенно грубою массою, и однакожъ оно даетъ ему учрежденія, такъ превосходно дѣйствующія въ Пиемонтѣ, и думаетъ, что лучше и скорѣе всего можно просвѣтить неаполитанцевъ этими самыми учрежденіями. Весьма доучительны также примѣры Греціи, Дунайскихъ Княжествъ и наконецъ равно близкой намъ по крови и по вѣрѣ Сербіи (*).

(*) Въ Сербіи существуетъ представительное учрежденіе, называемое скупщиной. Предѣлы власти скупщины опредѣляются основнымъ закономъ 8 декабря 1858 года.

Вглядываясь въ значеніе, въ смыслъ общественныхъ фактовъ, анализируя жизненные явленія, нельзя не придти къ тому выводу, что въ жизни обществъ учрежденія оказываютъ несравненно болѣе вліянія на человека, чѣмъ человекъ — на учрежденія. Отъ духа и характера учреждений складываются нравы и понятія, господствующія въ обществѣ; духъ и характеръ учреждений, стоящихъ нисколько ниже общаго умственного уровня общества, но даже наравнѣ съ нимъ, задерживаютъ умственное, нравственное, матеріальное развитіе общества и его отдѣльныхъ членовъ, задерживаютъ и даже очень часто положительно препятствуютъ улучшенію въ нравахъ, понятіяхъ и привычкахъ людей.

Есть безвыходные логическіе круги, въ которыхъ привыкли вращаться люди замѣчательнаго ума. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, ученіе о тѣсной зависимости между типами, развивающимися въ двухъ сферахъ жизни — въ жизни семейной и государственной. Государство повторяетъ въ себѣ тотъ типъ власти и отношеній, который развитъ въ семьѣ — и, въ свою очередь, семья въ маломъ видѣ повторяетъ въ себѣ типъ государственныхъ отношеній. Пока это положеніе высказывается въ такой общей формѣ и пока оно остается только на степени теоретическаго ученія — противъ него нечего спорить. Но начните отъ этой взаимной зависимости двухъ сферъ жизни дѣлать дальнѣйшіе выводы — и вы запутаетесь въ заколдованномъ кругѣ неразрѣшимыхъ противорѣчій. Какъ же можетъ идти развитіе? — не иначе, какъ параллельно въ той и другой сферѣ. Надобно, чтобы обѣ онѣ развивались

Характеръ власти скупщины — совѣщательный; это — народный совѣтъ при князѣ. Ея засѣданія продолжаются недолго мѣсяца, и князь, ежели не найдетъ нужнымъ, можетъ не созывать ея три года. Въ законѣ о сербской скупщинѣ наше вниманіе обратилъ на себя въ особенности § 89-й; мы приводимъ его по-сербски и въ нашемъ буквальномъ переводѣ: «Подъ стараніемъ предсѣдателя и секретара скупщины водите и достаточно изводъ свѣдѣла скупщине, кон то со съ концемъ послѣднѣго засѣданія, обычнымъ подписомъ скупщине снабжены, дати печатати тако, да се свакомъ посланику даде по еданъ экземпляръ отъ истого, а тако и свима земальскимъ властима и общинама достави. Срезске и окружне власти созвате срезске и варошке скупщине и ту то имъ овай изводъ дѣланя народне скупщине прочитати, да тако усо народъ добие вѣрно и точно извѣстіе о свему, што е на скупщине ратено». Стараніемъ предсѣдателя и секретара скупщины дѣлается полный сводъ всѣмъ дѣламъ скупщины, который по окончаніи послѣднѣго засѣданія, за обычнымъ подписомъ скупщины, отдается въ печать, такъ чтобы выдано было по одному экземпляру его каждому депутату (посланцу), а также доставлено всѣмъ земскимъ властямъ и общинамъ. Волостныя и окружныя власти созываютъ волостныя и городскія скупщины, на *которыя прочитывается этотъ сводъ дѣламъ народной скупщины, дабы такимъ образомъ весь народъ добывалъ вѣрныя и точныя свѣдѣнія о всемъ, что было обсуждено на скупщинѣ.*

и совершенствовались одновременно. Но гдѣ же развитіе совершается съ большею медленностію, какъ не въ семейной жизни народа? Сколько вѣковъ нужно прожить ему, чтобъ измѣнился характеръ его семьи! Значить, во все это время характеръ учреждений никакъ не можетъ измѣняться. Ему нельзя измѣниться, пока не дождемся коренныхъ измѣненій въ семейной жизни. Но, съ другой стороны, если не произойдетъ переменъ въ учрежденияхъ, то какимъ же образомъ будутъ измѣняться типъ семьи? Они, значить, должны держать другъ друга напривязи. И ни тамъ, ни тутъ нѣтъ движенія, нѣтъ развитія.

Необходимо, однакоже, чтобъ гдѣ нибудь началось движеніе. Гдѣ же легче начаться ему? Безъ сомнѣнія — въ учрежденияхъ. Движеніе въ этой сферѣ необходимо должно предшествовать всякому другому движенію; иначе невозможенъ прогрессъ ни въ какой сферѣ, даже въ такой далекой, повидному, отъ пріамаго вліянія учреждений, какъ семья. Принято восхищаться политическою зрѣлостію англичанъ; но исторія Англіи показываетъ, что предки нынѣшнихъ лордовъ, даже въ третьемъ колѣнѣ, вовсе не были такъ зрѣлы, какъ ихъ правнуки — а между тѣмъ и въ то время англійскія учрежденія были все тѣ же, что теперь. Англичане не думали, чтобы нужно было имъ особенное образованіе или какія нибудь особенныя свойства для того, чтобъ имѣть хорошія учрежденія; они ничѣмъ не отличались отъ другихъ народовъ, стоящихъ на низкой степени образованія, когда получили эти учрежденія; и — вотъ, отъ того, что имѣютъ ихъ, не смотря на страшную грубость своей натуры, сдѣлались первымъ, богатѣйшимъ и образованнѣйшимъ народомъ въ мірѣ. Семья англійская, еще при дѣдахъ и прадедахъ нынѣшнихъ англичанъ, представляла замѣчательные образцы самодурства: власть мужа надъ женою, отца надъ дѣтьми не имѣла предѣловъ и ни мало не умѣрялась фактически мягкостью нравовъ. Семья для младшихъ членовъ была только школою повиновенія, въ которой безумно господствовалъ деспотизмъ старшаго. Въ настоящее время, англійская семья — образцовая школа для воспитанія въ человѣкѣ всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыя составляютъ силу, достоинство, честь англичанина. Изъ семьи своей англичанинъ выноситъ эту силу характера, эту самостоятельность, независимость воли, эту высокоразвитую личность съ полнымъ уваженіемъ ко всякой другой личности.

Образчикъ англійскихъ семейныхъ отношеній намъ пришлось видѣть вблизи, проживши нынѣшнее гдѣто въ англійской деревнѣ, въ домѣ, въ семьѣ, почти, простаго англичанина, ремесломъ — хлѣбника. Случай, который намъ хочется разсказать, хотя и нарушаетъ нить

нашихъ размышленій, но можетъ относиться къ дѣлу. Сыновья моего хозяина ходили въ школу; однажды младшіе братья ушли; старшій, Джемсъ, не двигался съ своего мѣста. «Джемсъ не пойдетъ сегодня въ школу?» спрашиваю я отца. Отецъ спрашиваетъ сына: — «Вы, Джемсъ, не пойдете сегодня въ школу?» Джемсъ отвѣчаетъ: — «нѣтъ, не пойду.» Отецъ и мать молчатъ. Я спрашиваю Джемса: — «Отчего вы не идете сегодня въ школу?» Джемсъ медленно посмотрѣлъ на меня, навѣрное подумалъ: что это онъ вышивается въ мои дѣла? — да потомъ сообразилъ, что это иностранецъ, что ему многое извинительно — и отвѣтилъ: — «Я рѣшилъ не идти сегодня въ школу.» Я продолжалъ свои допросы. «А завтра вы пойдете въ школу?» — «Я не рѣшилъ еще этого», отвѣчалъ Джемсъ, подумавши. Отецъ и мать все время молчали, когда одиннадцатилѣтній Джемсъ такимъ образомъ рѣшалъ свои дѣла. Впоследствии, какъ-то въ разговорѣ, отецъ выразилъ свое убѣжденіе, что Джемсъ — хорошій мальчикъ и знаетъ самъ, когда ему нужно ходить въ школу.

Теперь — другой случай.

Было это нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нашей родной Москвѣ, но отчего же не быть этому и нынче, и завтра? Студентъ проговорился при матери, что на слѣдующій день онъ намѣренъ пропустить лекцію профессора, мало уважаемаго студентами. Я слышалъ, вѣтъ мать, женщина, по нашему весьма образованная, читающая не безъ пользы для себя статьи «Русскаго Вѣстника», сказала на это: «ну, мы посмотримъ еще!» Я видѣлъ, какъ она дѣйствительно посмотрѣла на сына, какъ онъ покраснѣлъ, сконфузился, а на слѣдующій день, въ часъ, когда профессоръ читалъ лекцію, сидѣлъ въ великобританскомъ трактирѣ. Я узналъ объ этомъ отъ него же, хотя мать его никогда не знала этого.

Вотъ — два типа семьи. Одинъ — въ Англіи, другой — въ Россіи. Одна воспитываетъ свободнаго, самостоятельнаго, честнаго гражданина. Другая держитъ взрослого человѣка подъ гнетомъ насилія и произвола, приучаетъ его ко лжи и обману, даетъ обществу негодныхъ, вредныхъ членовъ. Тамъ — въ свободѣ вопросъ мой хлѣбный, и никогда не было надъ нимъ ничего произвола; онъ и въ снѣгъ своею видѣть будущее свободное, самостоятельное существо. Тутъ — откуда у моей барыни могли бы взяться лучшія чувства?

Теперь намъ надобно посматрѣть на систему управленія общественными дѣлами; можетъ быть, тамъ, въ самой этой системѣ, господствующей во всей Европѣ, за исключеніемъ Англіи, мы найдемъ причины паденія, которыя до сихъ поръ мы старались изобразить.

Во всякомъ челоѣческомъ обществѣ необходимо является раздѣленіе занятій. Въ историческомъ процессѣ раздѣленія занятій ясно различаются три главныхъ эпохи. Долгое время въ обществѣ незамѣтно рѣзкаго раздѣленія занятій; специальности не высказываются, и каждый челоѣкъ переходитъ отъ одного дѣла къ другому. Затѣмъ наступаетъ вторая эпоха. Занятія дробятся въ безконечность; челоѣкъ, занимающійся какою нибудь однимъ дѣломъ, ни мало не чувствуетъ потребности знать что нибудь о томъ, что дѣлается въ другихъ родахъ и отрасляхъ занятій; онъ остается чистымъ специалистомъ своего дѣла, и ни до какихъ другихъ дѣлъ ему нѣтъ ни малѣйшей надобности. Ему нѣтъ надобности до общихъ понятій, до той суммы умственныхъ приобрѣтеній, которая составляетъ, въ данное время, общественный капиталъ общества. Такого рода специалистами, весьма обширными въ своемъ дѣлѣ, но весьма ограниченными и тупыми по всемъ, что не идетъ въ ихъ дѣлу, наполненъ въ настоящее время континентъ Европы. Но наступаетъ — и именно въ настоящее время — наступаетъ съ особенною силою — третья эпоха, сказывается новое стремленіе. Раньше всего оно сказалось въ Англіи: мы помнимъ, какъ, лѣтъ десять тому назадъ, изумилась вся Европа, узнавши, что лондонскій банкиръ написалъ отличную книгу объ исторіи Греціи (*). Англичанинъ нисколько не удивило бы, еслибы это сдѣлалъ лондонскій или нингсвскій ремесленникъ. Англичане знаютъ, что ихъ ремесленники уже хорошо понимаютъ и здраво обсуждаютъ самые тонкіе и самые трудные общественные вопросы. Эту новую эпоху и это новое стремленіе можно опредѣлить такимъ образомъ: занятія, безъ сомнѣнія, будутъ дробиться все болѣе и болѣе; неограниченныя и тупыя специальности будутъ исчезать. Новый духъ, новыя возникающія потребности указываютъ на это очень ясно. Впервые, теперь уже нельзя, какъ это было прежде, быть отличнымъ мастеромъ своего дѣла, ничего не смысли въ другихъ сопрягающихся дѣлахъ: философу, исторіку, статистику надобно быть знакомымъ съ естественными науками — и наоборотъ: естественнѣиспытателю надобно имѣть довольно обширныя свѣденія въ философіи; нельзя уже, какъ прежде, лечить больныхъ, не зная химическаго свойства тѣлъ, дающихъ имъ лекарства, и химическихъ процессовъ, происходящихъ въ живомъ организмѣ. Нельзя уже и земледѣльцу приступать къ улучшеніямъ въ своемъ сельскомъ хозяйствѣ, не зная химическаго состава своей

(*) Проф. авторъ знаменитой книги: «The Cultivation of the Forces» английскій ученый.

почвы. Усовершенствованіа въ механикѣ, говорятъ, низвели рабочаго на степень простаго винта въ машинѣ; но не вѣрнѣ ли будетъ заключить, что они его значительно подняли, ибо впустили ему потребность понимать и наблюдать устройство и дѣйствіе машинъ? Они вызвали въ жизни цѣлый рядъ замѣчательныхъ учрежденій для рабочихъ—такъ называемыя *mechanical institutions*. Въ самыя низменныя отрасли труда проходить сознаніе необходимости не довольствоваться знаніемъ одной рутинны своего ремесла. Далѣе, никогда съ такою силою, какъ въ настоящее время, не чувствовалось въ массахъ стремленіе къ приобрѣтенію общаго образованія. При нынѣшнемъ состояніи наукъ и при неразвитости педагогій, общее образованіе достается не безъ особеннаго труда и не безъ тяжелыхъ пожертвованій: оно доступно пока только для людей достаточныхъ. Но къ чему же и направлены, въ настоящее время, главныя усилія наукъ, какъ не къ тому, чтобъ всю массу добытыхъ результатовъ свести къ небольшой суммѣ высшихъ истинъ? () чемъ старается педагогія, какъ не о томъ, чтобъ найти болѣе легкіе и болѣе общедоступныя способы передавать сумму знаній, составляющихъ приобрѣтенный умственный капиталъ? Все направлено къ тому, чтобъ общее образованіе, возможно высшее и обширнѣйшее, сдѣлать доступнымъ массамъ. Наконецъ — и это, можетъ быть, важнѣе всего—общественная жизнь приковываетъ къ себѣ вниманіе массъ и отдѣльныхъ личностей, вливаетъ въ ихъ внутренній міръ струю новой жизни, возбуждаетъ новыя чувства, вноситъ новыя интересы. Вотъ отчего ограниченная, тупая специальность — какъ ни распространена она теперь — должна, съ теченіемъ времени, болѣе и болѣе стираться. Въ специалистѣ будетъ виденъ челоѣкъ, будетъ виденъ гражданинъ. Въ предшествующей нашей статьѣ мы имѣли уже случай замѣтить, какимъ путемъ это происходитъ въ значительной части англійскаго общества.

Въ ту эпоху, когда занятія болѣе и болѣе специализировались, общую судьбу со всѣми другими занятіями раздѣлили и дѣла государственныхъ. Весьма замѣчателенъ процессъ, какъ шло специализированіе ихъ: въ немъ мы видимъ тѣ же самыя вліанія, что и во всѣхъ другихъ отрасляхъ дѣятельности. Вначалѣ, каждый считался равно способнымъ заниматься государственными дѣлами: они не выдѣлялись еще изъ общей массы челоѣческихъ дѣйствій, какъ нѣчто особенное, требующее особенныхъ знаній и особенныхъ способностей. Мало по малу начинается выдѣленіе, но до полной специализаціи—далеко еще: долгое время этотъ родъ занятій смѣшивается еще съ другими; такъ что, напримѣръ, хорошіе архіереи, хорошіе судьи, хорошіе полковод-

ны считались людьми, болѣе всего годными для управленія дѣлами государства. Такъ, долгое время въ Англіи высшими и наиболѣе дѣятельными сановниками были — непремѣнно духовные; во Франціи до XVIII вѣка существовало повѣрье, что первымъ министромъ непремѣнно долженъ быть кардиналъ. Но XVIII же вѣку принадлежитъ полная спеціализація системы управленія. XVIII вѣкъ выработалъ понятіе, что этотъ родъ дѣлъ — совершенно особенный, глубоко отличающійся отъ всякихъ другихъ дѣлъ, неимѣющій съ ними ничего общаго, потому что онъ неизмѣримо выше ихъ. Онъ выработалъ понятіе объ администраціи, какъ объ особомъ родѣ дѣйствій, совершенно отрѣзанномъ отъ всего остальнаго. Для наполненія рядовъ администраціи онъ вызвалъ къ жизни особый разрядъ людей, такъ называемую бюрократію. XIX вѣкъ развивалъ все это съ особенною любовью до настоящаго времени.

Займемся изслѣдованіемъ свойствъ бюрократіи. — Прежде всего посмотримъ, какіе существуютъ способы для наполненія ея рядовъ.

Тамъ, гдѣ общественныя обязанности отправляются лицами по назначенію, существуютъ, большею частью совмѣстно, двѣ великія системы пополненія рядовъ бюрократіи: или система кастъ — египетская и индійская система, или система мандарината — китайская система. — Надобно необходимо, чтобы къ своимъ занятіямъ люди являлись съ необходимымъ запасомъ нужныхъ свѣдѣній, съ нѣкоторымъ приготовленіемъ. Какъ этого достигнуть? Двумя путями — и только эти два пути возможны. Или можно устроить такъ, чтобъ въ семействахъ чиновниковъ воспитывались молодые люди для занятія общественныхъ должностей; съ перваго раза кажется, что это — самое лучшее средство для того, чтобъ имѣть отличныхъ чиновниковъ: отецъ, безъ сомнѣнія, способнѣе всякаго другаго передать сыну всѣ свои спеціальныя знанія, весь свой навыкъ къ дѣлу и даже дарованія. Или же — если окажется, что эта система не удовлетворяетъ ожиданіямъ, что отцы не производятъ подобныхъ себѣ дѣтей — то можно приглашать всѣхъ молодыхъ людей, кто пожелаетъ; готовить ихъ для будущихъ занятій въ особенныхъ заведеніяхъ, по особннымъ правиламъ; производить имъ экзамены, и кто удовлетворитъ требованіямъ — тѣмъ и поручать общественныя обязанности. Это — такъ называемый мандаринатъ. Изобрѣтеніе этой системы принадлежитъ Китаю; но въ новѣйшее время она съ особннымъ успѣхомъ развилась во Франціи и въ разныхъ другихъ европейскихъ государствахъ.

Кромѣ этихъ двухъ системъ формированія бюрократіи, никакая третья немыслима. Если, разбирая явленія, окажется, что суще-

ствуютъ неподходящія ни подъ ту, ни подъ другую, то можемъ увѣрить, что это такъ только кажется, и случилось это, можетъ быть, только отъ того, что, по какимъ нибудь причинамъ, начало, лежащее въ основѣ системы, не проведено послѣдовательно. Но вотъ въ чемъ дѣло: обѣ эти системы представляютъ страшные, существенные недостатки.

Прежде всего надобно сказать о недостаткахъ самаго приготовленія. Это — вполнѣ ложное убѣжденіе, будто какая нибудь школа можетъ приготовить практическаго дѣятеля: школа можетъ дать общее образованіе, можетъ набить человѣка свѣдѣніями въ какой-нибудь специальной наукѣ; но человѣкъ, годный для дѣятельности, и прямишественно—для общественной дѣятельности, такъ прямо изъ школы никогда не можетъ выйти. Онъ можетъ превосходно сдать свой экзаменъ по установленной программѣ, можетъ оказать превосходныя свѣдѣнія въ нужныхъ для службы наукахъ; но все это еще ни мало не служить доказательствомъ, чтобы онъ годился для отправленія общественныхъ обязанностей. Школьная наука можетъ ему пригодиться впоследствии; пособіе ея даже будетъ необходимо для него, когда ему придется стать прямо лицомъ къ лицу съ трудными административными и законодательными вопросами, съ вопросами жизни; но это — только одинъ изъ необходимыхъ элементовъ приготовленія, а далеко — не цѣлое приготовленіе. Лучшее доказательство этому мы можемъ видѣть на примѣрѣ военно-учебныхъ заведеній: тамъ ужь, кажется, сдѣлано все возможное для того, чтобы школа давала наилучшее специальное приготовленіе офицерамъ. Вместе съ обыкновенными предметами общаго образованія, тамъ нѣсколько лѣтъ преподаются военныя науки; тамъ ежедневно упражняютъ молодыхъ людей въ различныхъ военныхъ эволюціяхъ; тамъ все устройство заведенія носитъ военный типъ, и вся жизнь молодаго человѣка въ стѣнахъ заведенія и даже внѣ его подчинена самой строгой военной дисциплинѣ; тамъ два мѣсяца въ году держатъ дѣтей въ лагерныхъ палаткахъ и приучаютъ ихъ ко всѣмъ неудобствамъ и правиламъ лагерной жизни. И—что же, выходятъ ли оттуда готовые офицеры? Полковные командиры ставятъ этихъ офицеровъ иначе, какъ въ замокъ, и каждому изъ нихъ, по выходѣ изъ корпуса, приходится труднымъ опытомъ приобретать познаніе дѣйствительной военной службы. Намъ помнится классификація по способностямъ, которую дѣлали нашимъ офицерамъ послѣ брѣмской войны. Выпущенные изъ кадетскихъ корпусовъ, какъ кажется намъ, вовсе не стояли тамъ въ первомъ ряду. Значительное преимущество надъ ними имѣли офи-

перы изъ студентовъ и гимназистовъ, то-есть именно—тѣ, которыхъ не готовили въ специальной школѣ для военной службы. Отчего бы это такъ? Надъ этимъ стоило бы подумать.

Но мы однако отвлеклись отъ нашего предмета, хоть эта вставка служить къ объясненію его. Мы видимъ отсюда, какъ трудно школѣ готовить офицеровъ, и какъ мало успѣваетъ она въ этомъ дѣлѣ. А между тѣмъ, чья обязанности труднѣе, выше, сложнѣе—офицера или гражданскаго чиновника, администратора? Одинъ имѣетъ дѣло съ довольно опредѣленною и весьма немногочисленною суммою отношеній; командуетъ ротой, батальономъ, полкомъ; имѣетъ подъ своимъ начальствомъ только солдата и видитъ притомъ въ немъ только солдата и ничего болѣе видѣть въ немъ не обязанъ. Другой имѣетъ дѣло со всѣмъ безконечнымъ разнообразіемъ общественной жизни, съ безконечною массою государственныхъ и гражданскихъ отношеній и самыхъ разнородныхъ интересовъ. Онъ ежедневно стоитъ лицомъ къ лицу съ безчисленнымъ множествомъ живыхъ существъ, которыя относятся къ нему всѣми своими сторонами. «Для того, чтобъ хорошо управлять», говоритъ Курсель-Сенейль въ своемъ новомъ сочиненіи, о которомъ мы упоминали въ предшествующей статьѣ (*), «надобно имѣть ясную идею о цѣли, къ которой стремишься, и о средствахъ къ ея достиженію; надобно имѣть энергическую волю и *большое знаніе жизни и людей*. Чтобъ хорошо исполнять общественныя обязанности, надобно обладать здравымъ разсудкомъ, умомъ возвышеннымъ, тонкимъ и терпѣливымъ, способнымъ понимать и хорошо схватывать чрезвычайно сложныя отношенія и законы общественнаго механизма; надобно быть дѣятельнымъ, бодримъ, имѣть силу характера и наконецъ, болѣе всего, надобно обладать живымъ чувствомъ долга, заставляющимъ общественнаго дѣятеля *служить интересамъ другихъ точно такъ же, какъ люди служатъ своимъ собственнымъ интересамъ*.» Большое знаніе жизни и людей нужно и готовность служить общественнымъ интересамъ, какъ своимъ собственнымъ! Гдѣ же та школа, которая можетъ дать будущему администратору это знаніе и это чувство долга?

Но молодыхъ людей, прямо изъ школы, только въ рѣдкихъ случаяхъ ставятъ тотчасъ на постъ администратора или судьи. Прежде этого, подобно молодымъ офицерамъ, они должны побывать въ зѣмлѣ особаго рода, въ канцелярскомъ зѣмлѣ— для ознакомленія съ дѣлами. Будущимъ администраторамъ нужно узнать жизнь и людей: они узна-

(*) См. «Etudes sur la Science Sociales».

ють канцелярскія дѣла и канцелярскую рутину. Будущимъ администраторамъ нужно обладать чувствомъ лежащаго на нихъ общественнаго долга: они научаются понимать только обязанности бюрократической іерархіи. Вліяніе этой канцелярской школы можно лучше всего прослѣдить на типѣ чиновника-нѣмца, на этомъ достойномъ сожалѣнія типѣ, пустившемъ глубокіе корни не въ одной нѣмецкой жизни. Канцелярія имѣетъ удивительное свойство: она нетолько въ Германіи, но даже и въ Англіи убиваетъ въ человѣкѣ способность понимать жизнь, ея отношенія и интересы. Вотъ отчего изъ англійскихъ канцелярій — гдѣ же ихъ нѣтъ? — никогда не выходятъ англійскіе общественные дѣятели, и вотъ отчего англійскіе законодатели и администраторы приобрѣтаютъ свои знанія и развиваютъ свои чувства въ другихъ мѣстахъ, но ужь никакъ не въ канцеляріяхъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что уже вслѣдствіе самыхъ способовъ, которыми необходимо должны пополняться ряды бюрократіи, штатъ ея всегда будетъ состоять изъ людей, которые не могутъ приобрѣсти познаніе жизни и поставлены въ такіе условія, что въ нихъ врядъ ли можетъ развиваться чувство общественнаго долга. Но посмотримъ на эту систему въ дѣйствиі. Въмѣсто собственныхъ нашихъ размысленій объ этомъ предметѣ, приведемъ слова уже цитированнаго нами автора: «Система бюрократіи предполагаетъ, что лицо, занимающее общественный постъ, контролируется силою вещей, что оно подчинено естественной и неизбѣжной отвѣтственности — которой вовсе не существуетъ для него. Напротивъ, существуетъ коренная и постоянная противоположность между обязанностями чиновника и интересами его, какъ индивида или какъ главы семейства: въ каждую минуту своей жизни чиновникъ можетъ пожертвовать общественнымъ интересомъ для своего личнаго интереса. Этотъ послѣдній интересъ, основанный на самыхъ задушевныхъ стремленіяхъ человѣческой личности, необходимо беретъ перевѣсъ надъ чувствомъ долга, которое опирается на стремленія, правда, весьма возвышенныя, но менѣе непосредственныя, менѣе дѣятельныя.»

Бороться противъ этого преобладанія интереса личнаго или семейнаго надъ интересомъ общественнымъ было бы совершенно напраснымъ дѣломъ. Нѣкоторое время чиновникъ можетъ ставить долгъ общественный выше всѣхъ прочихъ побужденій и въ дѣйствіяхъ своихъ оставаться вѣренъ этому началу. Но на долгое время это невозможно. Однако жъ, есть же контроль надъ бюрократією, правда, не общественный, но ея собственный, іерархическій контроль. Неужели онъ остается безъ всякаго вліянія? Вотъ какъ разсуждаетъ Курсель

Сенъаль объ этомъ контролѣ и о совокупномъ вліяніи всего духа бюрократіи на каждаго отдѣльнаго бюрократа. «Это преобладаніе частнаго интереса, весьма вѣроятное, когда мы разсматриваемъ отдѣльнаго индивида, становится несомнѣннымъ, когда существуетъ многочисленный штатъ чиновниковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ одни и тѣ же частные интересы, противоположные ихъ общимъ обязанностямъ; они живутъ въ близкихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ и другъ другу извиняютъ слабости, неизбѣжныя въ тѣсномъ кругу ихъ интересовъ и при ихъ образѣ жизни. Такимъ образомъ, къ наклонностямъ и искушеніямъ личнымъ присоединяется извѣстный *esprit de corps*, который возвышаетъ на степень долга общій интересъ бюрократіи и ставитъ его не въ примѣръ выше служебныхъ обязанностей общественныхъ.»

Вотъ отчего никакой іерархическій контроль надъ чиновниками никогда не можетъ достигать своей цѣли, какъ бы энергично ни принимались за него подъ вліяніемъ временныхъ, случайныхъ причинъ. Энергія, съ которою преслѣдуютъ такъ называемыя злоупотребленія, безпорядки по службѣ (удивительно, какъ это не убѣдили до сихъ поръ, что эти безпорядки и составляютъ собственно порядокъ въ бюрократіи), никогда не можетъ продлиться на долгое время и никогда не можетъ представлять рядъ искреннихъ, правильно и послѣдовательно проведенныхъ мѣръ. Это—оттого, что самыя злоупотребленія и безпорядки, противъ которыхъ эти мѣры употребляются, составляютъ неизбѣжную принадлежность бюрократической системы и, значить, могутъ уничтожиться только вмѣстѣ съ нею. Далѣе — оттого, что и энергія эта, и мѣры эти выходятъ все изъ бюрократіи же, все отъ людей, которые или заражены ея *esprit de corps*, или же, если еще не прониклись имъ вполне по случайнымъ причинамъ (напримѣръ, долгое время стояли внѣ бюрократіи), то непремѣнно проникнутся современемъ. Вотъ отчего такъ трудно ожидать, чтобы бюрократія когда нибудь могла реформировать сама себя; улучшенія въ ней возможны развѣ въ лицахъ, въ отдѣльных лицахъ — на мѣстѣ умнаго человѣка можетъ явиться еще болѣе умный; но улучшенія въ цѣломъ составѣ, въ цѣлой системѣ и характерѣ ея операций — немыслимы. Этому препятствуетъ тотъ сильный духъ, который непремѣнно живетъ въ бюрократіи, и который необходимо становится въ разрѣзъ съ духомъ и интересами общества.

«Въ бюрократіи—говоритъ далѣе нашъ авторъ—складываются традиціи могущественныя и вѣрныя, но неподвижныя; традиціи рутинныя, слѣпыя, противодействующія всякой переменѣ и поэтому—всякому

общественному развитію. Стремленіе, преобладающее у человѣка, поставленнаго вѣ надлежащей отвѣтственности, есть лѣность; лѣность рождаетъ необдуманность, рутину, медлительность, апатію, характеризующія въ такой сильной степени всякую бюрократію. Какъ бы ни старалось правительство очищать ряды бюрократіи, но, при ея господствѣ, общественныя должности всегда будутъ занимаемы людьми недѣтельными, невнимательными, людьми, которые способны дѣйствовать не въ интересѣ общественнаго блага, но преимущественно въ интересѣ своего блага частнаго. Наконецъ, бюрократія отучаетъ народъ отъ участія въ его собственныхъ дѣлахъ, убиваетъ въ немъ общественныя чувства или пренебрегаетъ ихъ развитію.

Вотъ—тѣ неудобства, которыя нашъ авторъ нашелъ въ системѣ бюрократическаго управленія. Къ тому, что онъ сказалъ, мы прибавимъ еще слѣдующее. Бюрократія есть проявленіе высшей спеціализаціи занятій. Она присвоила себѣ всю сферу общественныхъ дѣлъ, выходя изъ той мысли, что въ этихъ дѣлахъ спеціализація такъ же возможна, необходима и полезна, какъ во многихъ другихъ дѣлахъ. Всѣмъ, кто не замыкается въ ея рамкахъ, она говоритъ: не ваше дѣло заниматься этимъ и даже думать объ этомъ; я все это знаю лучше васъ, думаю за васъ и дѣлаю за васъ. Она себя только считаетъ высшею умственной силою въ обществѣ, забывая, что она только — маленькая частица этой силы. Къ несчастію, общественныя дѣла, это—безконечный міръ человѣческихъ отношеній, это—вся жизнь народа, или, крайней мѣрѣ—половина жизни, имѣющая могущественное вліяніе и на другую половину ея. Какъ можно спеціализировать это занятіе? Какъ можно думать какому нибудь одному класу людей, хотя бы и довольно многочисленному, что онъ имѣетъ право забрать всю жизнь народную въ свои руки и ворочать ея, какъ токарь кускомъ дерева, давая ему ту или другую форму? Когда дѣлами общественными управляютъ спеціалисты, то это необходимо ведетъ къ тому, что всему теченію общественной жизни дается особое, спеціальное направленіе, что весь естественный порядокъ этой жизни ломается соотвѣтственно цѣлямъ и стремленіямъ этихъ спеціалистовъ. Мы уже видѣли, какъ теперь спеціальность во всѣхъ родахъ занятій, даже довольно низменныхъ, даже по сущности своей, казалось бы, наиболѣе спеціальныхъ, оказывается несостоятельною, какъ вездѣ сильно чувствуется потребность во вліяніи общаго элемента. Можетъ ли, поэтому, оставаться подъ исключительнымъ вліяніемъ спеціализма такая широкая, такая всеобъемлющая сфера, какъ дѣла общественныя?

Мы думаемъ, что спеціализмъ бюрократіи не нуждается въ объясне-

нии послѣ представленнаго нами анализа ея свойствъ. Вліяніе спеціализма сказывается сильнѣе всего въ особенности *esprit de corps*, въ способности смотрѣть на все съ своей исключительной точки зрѣнія. Мы видѣли уже, какой духъ господствуетъ въ бюрократіи, и съ какой точки зрѣнія она смотритъ на предметъ своихъ занятій, на дѣла общественныя.

Что же? значить, спеціализмъ вовсе ненуженъ? Значить, вы рѣшительно отвергаете надобность въ немъ? Еслибы кто нибудь вывелъ подобное заключеніе изъ всего сказаннаго нами, то это значило бы только, что мы не сумѣли ясно выразить нашу мысль. Кто же когда нибудь рѣшится отвергать пользу спеціализма, необходимость въ немъ? Кто же когда нибудь станетъ утверждать, чтобъ государству воее не нужно было безчисленное множество спеціалистовъ по различнымъ отраслямъ военнаго и гражданскаго управленія? Мы хотѣли только сказать, что происходитъ, когда въ обществѣ *преобладаетъ* спеціализмъ; когда онъ беретъ на себя веденіе такихъ дѣлъ, въ которыхъ необходимѣе всего участіе общаго элемента. Каждый долженъ стоять на своемъ мѣстѣ и дѣлать свое дѣло: этотъ основной для общества законъ нарушается болѣе всего въ дѣлахъ общественныхъ.

Здѣсь, по настоящему, должна кончиться наша статья, потому что намъ кажется, мы объяснили, на сколько могли, *причину слабыхъ успѣховъ въ некоторыхъ дѣлахъ*, причину того, отчего такъ періодически повторяются все одиѣ и тѣ же желанія, такъ періодически слѣдуютъ за ними все одни и тѣ же сожалѣнія. Но чувствуемъ потребность сказать еще нѣсколько словъ.

Самъ собою представляется вопросъ: удаляются ли эти причины? Въ виду предстоящихъ реформъ позволительно питать убѣжденіе, что онѣ удаляются, что онѣ будутъ удалены. Судебная реформа разрушитъ исключительное господство спеціализма въ нашихъ судахъ; въ лицѣ присяжныхъ засѣдателей она внесетъ туда тотъ общій элементъ, безъ участія котораго наша юстиція страдала всѣми недостатками ограниченнаго спеціализма. Объявленное учрежденіе губернскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ изъ выборныхъ ото всѣхъ сословій разрушитъ исключительное господство спеціализма въ нашей мѣстной администраціи, поставитъ органы исполнительной власти въ тѣсное отношеніе съ органами общаго элемента. Наконецъ, новое законодательство отчасти, безъ сомнѣнія, доставитъ возможность общему элементу расширить предѣлы и степень своего значенія: всѣ желанія, всѣ потребности, всѣ интересы будутъ, безъ сомнѣнія, имѣть возможность высказываться, а вмѣстѣ съ тѣмъ все яснѣе и яснѣе бу-

дуть опредѣляться и самыя средства, съ помощью которыхъ разумныя желанія могутъ находить себѣ удовлетвореніе! Такъ различными путями, которые отыскиваются для насъ новыми реформами, общій элементъ придетъ на помощь специализму.

Гдѣ же и въ комъ этотъ общій элементъ?—Тутъ мы встрѣчаемся съ нашимъ роднымъ, столь знакомымъ намъ, скептицизмомъ. Въ-виду этого скептицизма намъ предстояло бы разсмотрѣть различные классы нашего общества по степени ихъ годности или солидности быть проводниками общаго элемента. Дѣло—трудное: за него мы не беремся теперь. Мы, впрочемъ, можетъ быть, пришли бъ къ тому результату, что убѣжденіе, лежащее въ основѣ скептическаго взгляда, заключается въ себѣ часть истины, но далеко не всю и не полную истину. Мы пришли бы, можетъ быть, къ тому заключенію, что ни крупные, ни мелкіе землевладѣльцы, ни люди промышленные, ни люди торговые, ни отставные, ни служащіе военные и гражданскіе чиновники, ни ученые, ни литераторы, ни церковные старосты — ни одинъ изъ этихъ классовъ не можетъ, въ частности, быть названъ полнымъ проводникомъ общаго элемента; но, взятые въ совокупности, они представляютъ то, что называется разумомъ страны въ данное время, ея высшими умственными силами. Мы, безъ сомнѣнія, согласились бы со скептиками, что всѣмъ имъ недостаетъ навыка къ общественнымъ дѣламъ, къ новому порядку общественныхъ дѣлъ, вводимому реформами; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы поставили бы имъ на видъ, что навыку не откуда было взяться, когда не было упражненія; а громадная способность русскаго человѣка укрѣпили бы въ насъ вѣрованіе, что необходимый навыкъ—для участія въ судѣ, на примѣръ—будетъ приобрѣтенъ ими очень легко и скоро. Ко всему этому дай-богъ вернуться когда нибудь со временемъ.

И. АЛЬБЕРТИНИ.

Гейдельбергъ, 25 декабря.
1862 г.

О ЛИЦАХЪ, ОТВѢТСТВУЮЩИХЪ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ ЗА ПРЕ- СТУПЛЕНІЯ, СОВЕРШАЕМЫЯ ПЕЧАТНЫМЪ СЛОВОМЪ.

Въ одной изъ статей нашихъ о Пруссіи (*), мы имѣли случай коснуться вопроса о литературной анонимности, возбужденнаго недавно въ прусской палатѣ депутатовъ. Сознавая всю важность этого вопроса, въ виду предстоящаго преобразованія нашихъ законовъ о печати мы рѣшились разобрать его подробно въ отдѣльной статьѣ (**); но тѣсная, неразрывная связь его съ вопросомъ объ отвѣтственности авторовъ, редакторовъ и издателей заставила насъ расширить нашъ первоначальный планъ и высказать нѣсколько общихъ мыслей о томъ, кто именно и въ какомъ случаѣ долженъ подлежать отвѣтственности передъ судомъ за преступленія, совершаемыя печатнымъ словомъ.

Вопросъ этотъ былъ уже затронутъ въ нашей литературѣ г. Аксаковымъ («День» №№ 32 и 34) и г. Н.—енемъ («Современникъ» № 3). Гг. Аксаковъ и Н.—енъ согласны между собою въ главной мысли; они полагаютъ освободить автора, *какъ автора*, отъ всякой отвѣтственности передъ судомъ и возложить ее исключительно на *издателя*, или (по мнѣнію г. Аксакова), если имя издателя неизвѣстно, на *содержателя типографіи*, въ которой напечатано сочиненіе; г. Н.—енъ безусловно освобождаетъ типографа отъ всякаго взысканія. За статьи, напечатанныя въ газетѣ или журналѣ, отвѣчать, по мнѣнію г. Аксакова, долженъ одинъ только *отвѣтственный редакторъ*, безъ котораго не можетъ выходить ни одно періодическое изданіе. При такомъ

(*) «Отеч. Записки» № 8: «Оппозиція въ прусской палатѣ депутатовъ».

(**) Тѣмъ болѣе, что, на сколько намъ извѣстно, коммисія составившая проектъ устава еще не разработала этого вопроса. Нѣкоторые же статьи проекта даютъ предчувствовать, что законъ будетъ привлекать къ отвѣтственности и редактора, и автора, и издателя, и даже типографію.

Ред.

взглядѣ на дѣло, вопросъ о литературной, анонимности разрѣшается самъ собою. Преслѣдованіе всегда обращается къ *известному* лицу — къ отвѣтственному редактору, имя котораго выставляется на каждомъ номерѣ журнала; къ издателю, если имя его выставлено на книгѣ, или известно въ типографіи; къ типографу, если имя издателя неизвестно. Авторъ остается въ сторонѣ, и слѣдовательно правительство не имѣетъ ни повода, ни основанія разыскивать, гдѣмъ написана безымянная статья или книга, кто скрывается подъ маскою литературнаго анонима или псевдонима. Въ этомъ заключается одно изъ главныхъ достоинствъ системы, предлагаемой гг. Аксаковымъ и Н.—енемъ; но можно ли признать ее правильною во всѣхъ отношеніяхъ, можно ли согласиться съ основаніями, на которыхъ она построена?

Обращеніе отвѣтственности на одного издателя или редактора, съ освобожденіемъ отъ нея какъ автора, такъ и типографа, представляетъ рѣзкую противоположность съ порядкомъ, принятымъ въ большей части западно-европейскихъ государствъ — порядкомъ, по которому отвѣчаютъ передъ судомъ и авторъ, и издатель или редакторъ, и типографъ. Мнѣніе гг. Аксакова и Н.—ена можетъ быть названо реакціею противъ этого порядка — реакціею, какъ мы увидимъ, въ основаніи своемъ совершенно понятною и законною. Пораженные недостатками системы, распространяющей отвѣтственность на возможно-большее число лицъ и привлекающей къ суду всѣхъ сколько-нибудь прикосновенныхъ къ дѣлу, гг. Аксаковъ и Н.—енъ выставили противъ нея другую систему, ограничивающую отвѣтственность однимъ лицомъ, тѣмъ именно, которое и за-границей признается главнымъ виновнымъ. «Типографа — говоритъ г. Н.—енъ — слѣдуетъ совершенно исключить изъ числа отвѣтственныхъ лицъ. Въ большей части случаевъ онъ даже и не читаетъ произведеній, которыя печатаетъ; очень часто не понялъ бы ихъ, еслибы и читалъ, а главное — и не долженъ бы вовсе читать ихъ. Чуть только на него будетъ падать тѣнь отвѣтственности за то, что печатается въ его типографіи, онъ станетъ трусить, обезпечивать свои матеріальныя выгоды, то-есть, увеличивать цѣны на печатаніе и, безъ великой пользы для правительства, соваться въ сужденія о книгахъ.» «Основательно ли — спрашиваетъ далѣе г. Н.—енъ — призывать автора къ отвѣту за сочиненіе, которое правительство считаетъ вреднымъ? Нѣтъ. На образъ мыслей, невысказываемый публично, никакое правительство посягать не можетъ. Только сочиненіе напечатанное и выпущенное въ свѣтъ можетъ почитаться вреднымъ. Значитъ навазаніе должно падать исключительно на того, кто его обнародовалъ, то-есть на издателя, а на

автора только въ случаѣ, когда онъ самъ является и издателемъ.» Далѣе г. Н.—енъ ссылается на то, что дѣло автора—дѣло труда, часто упорнаго, убѣжденія, часто глубокаго, дѣло издателя—чисто-коммерческое, «Писатель часто не даетъ себѣ отчета, что выходитъ изъ той сферы, границы которой указываетъ ему законодательство. Издатель рѣдко руководствуется пользою того, что издаетъ, а руководствуется только требованіями публики.» Наконецъ, по мнѣнію г. Н.—ена, экономія талантовъ и знаній у насъ еще слишкомъ важна, чтобы можно было обращать отвѣтственность на самихъ авторовъ. «Все—такъ заключаетъ г. Н.—енъ—все, значить, говорить за то, чтобы на издателя падала отвѣтственность за появленіе книги: и юридическія понятія, и здравый смыслъ». Доводы г. Аксакова противъ отвѣтственности авторовъ изложены въ его «Отвѣтъ г. Виктору Фуку», напечатанномъ въ № 34 «Дня». «Преслѣдовать автора за сочиненіе—говорить г. Аксаковъ—все равно, что преслѣдовать кого-либо за мысли и мнѣнія. Мысль и слово человеческое должны быть совершенно свободны, какъ-скоро они не перешли въ область общественнаго дѣйствія. Опаснымъ для общества можетъ быть только распространеніе вредныхъ мыслей и мнѣній посредствомъ печати. Преступленіе въ этомъ случаѣ состоитъ не въ томъ, что такой-то NN думаетъ несогласно съ правительствомъ и излагаетъ свои мысли на письмѣ (до этого частнаго, личнаго дѣйствія никому не должно быть дѣла), а въ томъ, что оно напечатано, въ самомъ актѣ напечатанія. Если авторъ самъ издалъ свое сочиненіе, то онъ самъ и отвѣчаетъ, но не за то, что онъ такъ мыслить, а за то единственно, что напечаталъ.»

И такъ, по мнѣнію гг. Аксакова и Н.—ена, система, принятая и дѣйствующая въ Западной Европѣ, основана на вопіющей несправедливости, противорѣчитъ какъ юридическимъ понятіямъ, такъ и здравому смыслу. Разсмотримъ сперва юридическую сторону дѣла. Въ составъ преступленія, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ смыслѣ этого слова, входитъ всѣ дѣйствія, ведущія къ достиженію преступной цѣли; участниками преступленія признаются всѣ тѣ, которые, конечно сознательно, содѣйствовали его осуществленію, которые могли бы остановить, предупредить его, безъ которыхъ оно бы не удалось или не состоялось. Подговорщикъ, давшій только идею преступленія; начертавшій планъ его или указавшій средства его исполненія, есть преступникъ; пособникъ, приготовившій орудія преступленія, или снабдившій ими главнаго виновнаго, есть также преступникъ. Общество преступной цѣли и участіе, хотя бы косвенное, хотя бы отрицатель-

ное, хотя бы даже не необходимое (*), въ преступномъ дѣйствіи— вотъ два условія, при соединеніи которыхъ возможна и съ строго-юридической точки зрѣнія даже неизбежна виновность и наказуемость лица, прикосновеннаго къ дѣлу. Въ случаѣ, насъ занимающемъ, преступленіе состоитъ въ напечатаніи и распубликованіи статьи или книги, несогласной, въ цѣломъ или въ части, съ законами, ограничивающими свободу печати. Мы согласны съ гг. Аксаковымъ и Н.—еномъ— да и кто же въ этомъ отношеніи не согласенъ съ нимъ?—что написание, составленіе статьи, какого бы то ни было содержанія, не есть преступленіе, что преступленіемъ можетъ быть признано только распубликованіе ея. Доводы гг. Аксакова и Н.—ена были бы вполне убѣдительны, еслибы статья была напечатана и распубликована безъ воли, безъ согласія автора; тогда преслѣдованіе его дѣйствительно было бы преслѣдованіемъ мысли, тиранническимъ вмѣшательствомъ въ свободу мнѣній. Но дѣло идетъ вѣдь не о похищеніи статьи у автора, не объ употребленіи во зло его довѣрія, напечатаніемъ ея противъ его воли, а о томъ гораздо болѣе обыкновенномъ случаѣ, когда статья или книга печатается съ согласія автора, даже по его желанію, по его порученію или просьбѣ. Развѣ авторъ не принимаетъ, въ этомъ случаѣ, прямаго, непосредственнаго участія въ распубликованіи, въ томъ именно дѣйствіи, которое, и по мнѣнію г. Аксакова, и по мнѣнію г. Н.—ена, составляетъ *corpus delicti*? Развѣ безъ его воли, выраженной сознательно и обдуманно, было бы возможно совершеніе преступленія? Одного его слова было бы достаточно, чтобы остановить приготовленія къ преступленію, чтобы предупредить осуществленіе его. Условія книгопечатанія таковы, что самъ авторъ рѣдко имѣетъ возможность взять на себя изданіе, еще рѣже—напечатаніе своей книги. Онъ принужденъ обращаться для этого къ постороннимъ лицамъ, которые и исполняютъ то, чего не можетъ сдѣлать самъ авторъ. Издатель и типографъ являются какъ-бы уполномоченными автора, дѣйствующими по довѣренности его. Они служатъ посредниками между нимъ и публикою, и посредничество это не такого рода, чтобы оно могло снять отвѣтственность съ автора. Положимъ, что въ головѣ

(*) Наши законы различаютъ пособничество необходимое и не необходимое (Уложен. о Наказ. ст. 133), и наказываютъ послѣднее только одною степенью слабѣе, чѣмъ первое. Если, напримѣръ, во время совершенія убійства лицомъ А, лицо Б держитъ жертву преступленія В и заглушаетъ его крики, то лицо Б должно быть признано участникомъ преступленія, хотя бы и было доказано, что бѣгство для В было невозможно, или что никто не пришелъ бы на его крики, и что, слѣдовательно, пособничество Б не было необходимымъ для совершенія преступленія.

моей родилась мысль, которую я хочу сдѣлать по возможности известною и гласною. Для достиженія этой цѣли, мнѣ предстоитъ выборъ между нѣсколькими средствами. Я могу изложить свою мысль на словахъ, въ публичномъ мѣстѣ; могу развить ее на бумагѣ, и составленную такимъ образомъ статью переписать собственноручно въ двадцати, тридцати экземплярахъ; могу налитографировать статью, безъ помощи литографа, въ еще большемъ количествѣ экземпляровъ. За каждый изъ этихъ способовъ распространенія моей мысли, если она будетъ признана преступною (*), я могу подвергнуться отвѣтственности, могу подвергнуться ей и по теоріи г. Аксакова, допускающаго, что мысль и слово перестаютъ быть свободными, какъ скоро они перешли въ область общественнаго дѣйствія (**). Но если я выберу самый могущественный способъ гласности, если я обращусь къ печати, и не имѣя достаточно денегъ на покрытие издержекъ печатанія, найду человѣка, который возьметъ на себя изданіе статьи моей, то по теоріи г. Аксакова, я буду свободенъ отъ всякой отвѣтственности, или лучше сказать, за меня будетъ отвѣчать другое лицо! Мы не думаемъ, чтобы это было согласно съ юридическими понятіями; въ послѣдствіи мы постараемся доказать, что это несогласно и съ общимъ чувствомъ справедливости, и съ интересами литературы. «Преступленіе—говоритъ г. Аксаковъ—состоитъ не въ томъ, что такой-то NN думаетъ несогласно съ правительствомъ и излагаетъ свои мысли на письмѣ, а въ самомъ актѣ напечатанія.» Въ этихъ словахъ—разгадка ошибки, въ которую, какъ намъ кажется, впали гг. Аксаковъ и Н—енъ. Они думаютъ, что авторъ предается суду за *самое составленіе, самое написаніе* статьи или книги, и находя, какъ нельзя болѣе справедливо, что никто не подлежитъ отвѣтственности за непубличное выраженіе своихъ мнѣній, заключаютъ, что нѣтъ основанія судить автора, что вся отвѣтственность должна упадать на издателя книги или редактора журнала. Они забываютъ, что авторъ не только написалъ статью, но и отдалъ ее для напечатанія редактору или издателю, и что въ этой именно отдачѣ и заключается законное и рациональное (***) основаніе для отвѣтственности автора. «Преступленіе—

(*) Мы вполне сознаемъ всю *странность* выраженія (впрочемъ, общепринятаго): *преступная мысль* и употребляемъ его только для избѣжанія перифразы: «мысль, публичное выраженіе которой признается, по закону, преступнымъ, и т. и.»

(**) Никто, конечно, не станетъ отрицать, что излагая мою мысль публично, передъ многочисленнымъ собраніемъ, я провозжу ее *въ область общественнаго дѣйствія*.

(***) То-есть рациональное на столько, на сколько вообще рациональна отвѣтственность за печатное слово.

повторимъ и мы вслѣдъ за г. Аксаковымъ—состоить не въ томъ, что такой-то NN излагаетъ на письмѣ мысли, несогласныя съ закономъ, а въ томъ, что NN принимаетъ мѣры къ опубликованію этихъ мыслей, въ томъ, что онъ вызываетъ или допускаетъ появленіе ихъ въ печати.

Признавая юридическую отвѣтственность автора, мы далеко однако отъ полного согласія съ системой, принятой въ иностранныхъ законодательствахъ о печати. Мы считаемъ ее фальшивую и вредною, но исходямъ при этомъ не отъ того начала, во имя котораго осуждаютъ ее гг. Аксаковъ и Н—енъ. Они видятъ въ ней отступленіе отъ юридическихъ понятій; по нашему мнѣнію, съ строго-юридической, формальной точки зрѣнія ее можно упрекнуть развѣ въ томъ, что она не доведена до крайнихъ своихъ послѣдствій. Непослѣдовательно, въ нашихъ глазахъ, не то, что она привлекаетъ къ отвѣтственности типографа, а то, что она не привлекаетъ къ отвѣтственности наборщика и печатника. Подводя преступленія, совершенныя печатнымъ словомъ, подъ общую норму преступныхъ дѣйствій, нельзя не признать типографа пособникомъ преступленія; онъ приготовляетъ орудіе преступленія, облачаетъ преступную мысль въ ту форму, въ которой она становится достояніемъ общества. Но вѣдь то же самое дѣлаютъ наборщикъ и печатникъ; подъ ихъ руками статья принимаетъ тотъ видъ, въ которомъ она разнесется по свѣту. Печатникъ можетъ еще, пожалуй, оправдаться безграмотностью, или тѣмъ, что онъ не читалъ статью; наборщикъ совершенно лишенъ этого оправданія. Отчего же не подвергнуть наборщика и печатника отвѣтственности наравнѣ съ типографомъ? Это было бы логично, а между-тѣмъ, всякій сознаетъ, что это было бы какъ нельзя болѣе пѣтло. Итакъ, система, о которой идетъ рѣчь, приводитъ ad absurdum; и для этого не нужно никакихъ натяжекъ, никакихъ парадоксальныхъ толкованій—нужно только уравненіе, de jure, лицъ, принимающихъ, de facto, одинаковое или по-крайней-мѣрѣ однородное участіе въ преступномъ дѣйствіи (*). Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ самой системѣ есть нѣчто ошибочное, что основанія ея не вполне справедливы и раціональны. Дѣло въ томъ, что преступленія, совершаемыя печатнымъ

(*) Какъ могутъ возразить, что отвѣтственность наборщика и печатника покрывается отвѣтственностью типографа, по приказанію котораго они дѣйствуютъ; но извѣстно, что въ дѣлахъ уголовныхъ приказаніе, данное высшимъ лицу, не оправдываетъ послѣдняго, а развѣ только уменьшаетъ вину его—и это совершенно справедливо, потому что приказаніе, исполненіе котораго было бы преступленіемъ, не можетъ и не должно имѣть никакой обязательной силы.

словомъ, слишкомъ своеобразны, слишкомъ отличны отъ другихъ преступныхъ дѣйствій, чтобы можно было судить о нихъ по общей мѣрѣ, примѣнять къ нимъ со всею строгостью общія начала уголовного права. Нарушеніе законовъ о печати далеко не всегда предполагаетъ въ нарушитель тѣ злую волю, тотъ *animus delinquendi*, которымъ обуславливается субъективная сторона преступления. Оно можетъ быть совершенно, и совершается весьма часто, безсознательно, невольно, даже противъ воли автора. Я могу высказать мысль въ полномъ убѣжденіи, что она согласна съ требованіями закона, могу высказать ее въ такой формѣ, которая, по крайнему моему разумѣнію, не содержитъ въ себѣ ничего оскорбительнаго и рѣзкаго; но въ моихъ словахъ могутъ уидѣть другой смыслъ, предположить другую цѣль, открыть *дерзость* тамъ, гдѣ, по моему мнѣнію, была только откровенность. Извѣстно, какъ различно можетъ быть понята одна и та же фраза двумя лицами, одинаково безпристрастными, одинаково нерасположенными читать, во что бы то ни стало, между строками. Тѣмъ болѣе возможно, тѣмъ болѣе вѣроятно такое разногласіе, когда извѣстное лицо приступаетъ къ чтенію статьи съ предубѣжденіемъ противъ автора, съ предвзятою мыслью, что статья должна быть преступна, даже просто съ намѣреніемъ посмотреть, не представляетъ ли она повода къ судебному преслѣдованію. Самые законы о проступкахъ печати, какъ бы тщательно они ни были составлены, служатъ постояннымъ источникомъ недоумѣній, разнообразныхъ и противоположныхъ толкованій. Они могутъ только указать предметъ преступления, опредѣлить въ общихъ чертахъ нѣкоторые существенныя условія его, но не могутъ быть формулированы такимъ образомъ, чтобы дозволенное ярко и рѣзко отдѣлялось отъ запрещеннаго, чтобы предѣлъ, дальше котораго нельзя идти, обозначался для всѣхъ рельефно и ясно. Обиняя собою отвлеченную сферу, сферу мыслей и словъ, а не дѣйствій, они не могутъ имѣть того характера конкретности и точности, какимъ отличаются другіе отдѣлы уголовного законодательства. Общежитейскія понятія не приходятъ здѣсь на помощь къ закону, общепринятый смыслъ слова не разъясняетъ юридическое значеніе его. О томъ, что такое убійство, подлогъ, вражда, не можетъ быть никакого сомнѣнія и спора: о томъ, что такое неуваженіе къ правительству, выраженное печатнымъ словомъ, можетъ быть столько отдѣльныхъ мнѣній, сколько отдѣльныхъ лицъ будетъ призвано въ разрѣшенію этого вопроса. Отъ легкаго, деликатнаго намека на нецѣлѣвильное распоряженіе какого нибудь второстепеннаго правительственнаго агента, до прямого, рѣзкаго, неприлично выраженаго нападе-

нія на высшія установленія государства есть тысяча степеней, тысяча оттънковъ, и каждый изъ нихъ можетъ быть признанъ гранью, съ которой *начинается неуваженіе*, возникаетъ отвѣтственность автора. Положимъ, что авторъ и судья расходятся въ понятіяхъ объ этой грани, расходятся въ нихъ хотя бы на одинъ оттънокъ—и авторъ будетъ осужденъ за фразу, которую онъ совершенно добросовѣстно считалъ законною и безобидною. Недостатокъ закона часто восполняется судебною практикою; но въ дѣлахъ о проступкахъ печати судебная практика скорѣе можетъ запутать, нежели разъяснить примѣненіе закона. Правительство, или лучше сказать тѣ правительственные органы, которымъ будетъ ввѣрено преслѣдованіе этихъ проступковъ, не будутъ держаться въ своей дѣятельности никакихъ точныхъ, определенныхъ, постоянныхъ правилъ. Сегодня они будутъ поступать не такъ какъ вчера, завтра не такъ какъ сегодня, въ одной мѣстности не такъ какъ въ другой, въ отношеніи къ однимъ журналамъ не такъ какъ къ другимъ. Въ эпоху общаго спокойствія они будутъ снисходительнѣе, нежели въ эпоху смутъ и волненій; въ столицѣ они будутъ осторожнѣе, но за то и строже, нежели въ отдаленномъ уѣздномъ городѣ; журналамъ своей партіи они будутъ позволять гораздо болѣе, нежели журналамъ оппозиционнымъ, и между самыми оппозиционными журналами будутъ дѣлать различіе, смотря по степени вліянія и слѣдовательно опасности ихъ. Чтò же изъ этого выйдетъ? Я выскажу извѣстную мысль и останусь безъ преслѣдованія; черезъ нѣсколько времени я повторю ее, можетъ быть даже въ смягченной формѣ—и буду призванъ за то въ судъ. Въ журналѣ одной со мною партіи я встрѣтилъ мысль, возбудившую полное мое сочувствіе. Проходитъ нѣсколько дней—государственный обвинитель не начинаетъ преслѣдованія. Тогда я развиваю ту же самую мысль въ моемъ журналѣ, привожу въ ея защиту новые аргументы, но не иду ни на шагъ далѣе той черты, передъ которою остановился мой предшественникъ; государственный обвинитель находитъ мою статью преступною и требуетъ меня въ судъ. Въ обоихъ приведенныхъ мною случаяхъ я былъ вполне увѣренъ въ законности моихъ дѣйствій, и увѣренность моя была основана на безмолвномъ признаніи самой государственной прокуратуры; между-тѣмъ, обстоятельство это далеко не всегда будетъ принято въ соображеніе судомъ, далеко не всегда послужитъ къ оправданію, даже къ извиненію моему. Судъ можетъ не обратить вниманія на то, отъ кого я заимствовалъ свою мысль; онъ можетъ ограничиться однимъ только предметомъ обвиненія, то-есть самымъ содержаніемъ моей статьи, не сличая ее съ другими статья-

ми, на которыя вовсе не распространяется обвиненіе. Притомъ, ссылаться въ свое оправданіе на бездѣйствіе государственнаго обвинителя по другимъ статьямъ, однороднымъ съ моею—способъ защиты довольно опасный, потому-что онъ можетъ заставить обвинителя выйти изъ своего бездѣйствія и привлечь къ суду авторовъ тѣхъ статей, на которыя я сослался.

Не меньше особенностей представляетъ и объективная сторона преступленій, совершаемыхъ печатнымъ словомъ. Объективная сторона преступленія—это вредъ, приносимый имъ, матеріальное зло, заключающееся въ преступномъ дѣйствіи. Мы не будемъ говорить о томъ, можетъ ли быть какой-нибудь вредъ отъ печатнаго слова, отъ употребленія и злоупотребленія свободы печати: это отвлекло бы насъ отъ нашей главной темы. Допустимъ, что такой вредъ возможенъ; но какъ опредѣлить, совершился ли онъ, могъ ли онъ совершиться въ каждомъ данномъ случаѣ? Вредъ, причиняемый преступленіемъ, совпадаетъ, обыкновенно, съ самымъ преступнымъ дѣйствіемъ, или по крайней мѣрѣ проистекаетъ изъ него прямо, неизбѣжно; нельзя сказать того же самаго о проступкахъ печати. *Преступная* мысль не всегда бываетъ вредною; она содержитъ въ себѣ, пожалуй, зародышъ вреда, но для того, чтобы зародышъ этотъ могъ созрѣть и принести плоды свои, нужно множество условій, независящихъ отъ воли автора и не входящихъ въ составъ преступнаго дѣйствія, то-есть распубликованія статьи или книги. Для того, чтобы статья могла принести *дѣйствительный* вредъ, нужно, чтобы она подействовала на читателей, произвела на нихъ прочное, сильное впечатлѣніе, побудила или приготовила ихъ къ поступкамъ, противнымъ нравственности или закону. Статья, написанная тяжело, неясно, безтолково, не будетъ имѣть такихъ послѣдствій; много зависить также и отъ того, кто будетъ читать статью, въ какой степени она приспособлена къ понятіямъ среды, для которой предназначалась. Авторъ, недостаточно даровитый или недостаточно знакомый съ воззрѣніями своей публики, совершаетъ, говоря языкомъ юридическимъ, покушеніе негодными средствами, а такое покушеніе, по мнѣнію многихъ юристовъ, не заслуживаетъ наказанія.

Если преступленіе, совершаемое печатнымъ словомъ, не всегда содержитъ въ себѣ матеріальное зло, а лицо, совершающее его, не всегда дѣйствуетъ съ злостью волей, съ преступнымъ умысломъ, то наказуемость подобныхъ преступленій, очевидно, не можетъ быть выводима ни изъ теоріи возмездія, ни изъ теоріи исправленія, ни изъ соединенія этихъ теорій, на которыхъ обыкновенно зиждутся уголов-

Т. СXLVI. — Отд. III.

ные законы. Основываясь не столько на справедливости, сколько на государственной пользѣ, она имѣетъ характеръ преимущественно *предупредительный*, превентивный; главная, если не единственная цѣль ея—предупредить публичное (печатное) выраженіе мнѣній, которыя правительство почему нибудь признаетъ для себя опасными и вредными (*). Для достиженія этой цѣли, вполне достаточно, ограничить отвѣтственность за каждый проступокъ *однимъ лицомъ*—какимъ именно, это мы рассмотримъ ниже. Наказаніе сообщниковъ, пособниковъ, попустителей преступленія, неизбѣжное съ строго-юридической точки зрѣнія, становится излишнимъ и ненужнымъ, коль скоро рѣчь идетъ не объ удовлетвореніи требованій правды, а о сохраненіи общественнаго порядка. Средства не должны превышать своей цѣли, предупрежденіе не должно переходить въ притѣсненіе; оно можетъ быть оправдано лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно *необходимо*. Кто нибудь долженъ отвѣчать за каждую строку, появляющуюся въ печати; но въ двухъ-трехъ отвѣтственныхъ лицахъ не представляется никакой надобности. Одновременное привлеченіе къ суду автора, издателя (или редактора) и типографа бесполезно, а слѣдовательно и несправедливо. Все сказанное нами выше о добросовѣстности, съ которою можетъ дѣйствовать авторъ, о причинахъ, могущихъ *завлечь* его въ преступленіе противъ его воли, примѣняется вполне, и даже съ большимъ еще основаніемъ, къ редактору, издателю и типографу. Издатель можетъ издать книгу, редакторъ—принять статью, не читая ея, вполне довѣряясь таланту и осторожности автора; типографъ почти никогда не знаетъ содержаніе того, что печатается у него въ типографіи. Если они и читали статью, то могли убѣдиться въ ея законности тѣмъ же путемъ, какимъ убѣдился въ томъ самъ авторъ. Дѣйствіе совершенно; государственныя соображенія требуютъ, чтобы оно не осталось безнаказаннымъ; между-тѣмъ, есть основаніе думать, что всѣ лица, прикосновенныя къ дѣлу, дѣйствовали безъ преступнаго умысла, безъ намѣренія совершить преступленіе. *Всѣмъ* освободить отъ отвѣтственности нельзя, по вышеупомянутымъ соображеніямъ; осужденіе *одного* будетъ имѣть такое же значеніе, какъ и осужденіе *всѣхъ*—оно покажетъ, что правительство намѣрено не

(*) Въ статьяхъ, посвященныхъ нашею литературою вопросу о преобразованіи нашихъ законовъ о печати, новый, ожидаемый порядокъ вещей часто обозначается названіемъ «карательной цензуры». Названію это не совсемъ правильно и точно, но оно вѣрно въ томъ смыслѣ, что цѣль, теперь достигаемая цензурой, при новомъ порядкѣ вещей будетъ достигаться уголовными законами, опредѣляющими наказанія за проступки печати.

допускать въ печати извѣстнаго образа мыслей, или извѣстнаго способа выраженій; къ чему же подвергать отвѣтственности всѣхъ, когда *справедливо* было бы не подвергать ей никого, и *возможно* ограничить ее однимъ лицомъ?

Переходимъ теперь къ главному вопросу: кто же именно долженъ быть этимъ единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ за проступки печати? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно обратить вниманіе на степень участія каждаго лица въ дѣйствіи, составляющемъ предметъ обвиненія; нужно рассмотреть, въ какой мѣрѣ это участіе существенно, необходимо, сознательно, въ какой мѣрѣ вѣроятна его виновность; нужно принять въ соображеніе практическій интересъ правительства и литературы — интересъ первого, заключающійся въ томъ, чтобы всегда имѣть передъ собою отвѣтственное лицо за каждое печатное слово, интересъ послѣдней, требующій свободныхъ и правильныхъ отношеній между авторами, издателями, редакторами и типографами. Очевидно съ перваго взгляда, что отвѣтственнымъ лицомъ не можетъ и не долженъ быть типографъ, *какъ типографъ*. Въ этомъ отношеніи мы вполне согласны съ соображеніями, приводимыми г. Н.—енемъ. Сдѣлать типографа не существенно и не необходимо, потому что за тѣ же (приблизительно) деньги статья или книга могла бы быть напечатана и во всякой другой типографіи; въ большей части случаевъ, оно не можетъ быть признано сознательнымъ, потому что типографъ рѣдко читаетъ печатаемое имъ сочиненіе, еще рѣже понимаетъ его и замѣчаетъ опасность высказываемыхъ въ немъ мыслей. Если подвергать отвѣтственности типографа, то съ большимъ еще основаніемъ, повторяемъ, слѣдовало бы подвергать отвѣтственности рабочихъ, набравшихъ статью. Далѣе, обращеніе отвѣтственности на типографовъ сдѣлало бы ихъ, *de facto*, цензорами печатаемыхъ ими сочиненій, цензорами не мало неприготовленными и неспособными къ своему дѣлу, и тѣмъ болѣе строгими, что за каждую ошибку имъ пришлось бы поплатиться своимъ карманомъ. По справедливому замѣчанію г. Н.—ена, отвѣтственность типографовъ увеличила бы продажную цѣну книгъ и журналовъ, потому что къ обыкновеннымъ издержкамъ печатанія типографы стали бы прибавлять страхованіе за рискъ, вознагражденіе за понесенные уже или могущіе быть понесенными судебные штрафы и убытки. Остается, слѣдовательно, сдѣлать выборъ между издателемъ (когда дѣло идетъ о книгѣ) или редакторомъ (когда дѣло идетъ о журнальной или газетной статьѣ) и авторомъ.

Иностранная законодательства о проступкахъ печати, признаван

издателя—главнымъ виновнымъ, автора—сообщникомъ его, исходятъ, безъ сомнѣнія, отъ той мысли, что главная роль въ преступномъ дѣйствіи, то-есть въ распубликованіи сочиненія, принадлежитъ издателю, что безъ него преступленіе осталось бы или по крайней мѣрѣ могло бы остаться несовершеннымъ. Но сообщество автора представляется, съ своей стороны, такимъ важнымъ, такимъ существенно необходимымъ элементомъ преступленія, что судебная практика, сколько намъ извѣстно, часто ставитъ сообщника на одинъ рядъ съ главнымъ виновнымъ, а иногда (например, въ дѣлѣ Вапро, автора осужденной въ 1860 г. парижскимъ императорскимъ судомъ книги «La Démocratie») поступаетъ съ первымъ даже строже, чѣмъ съ послѣднимъ. И дѣйствительно, если авторъ въ большей части случаевъ пужается въ издателѣ, то издатель *всегда* нуждается въ авторѣ: дѣятельность издателя предполагаетъ согласіе автора и обуславливается, какъ мы уже говорили, полномочіемъ его. То же самое должно замѣтить и о редакторѣ, съ тою разницею, что гораздо легче найти редактора, согласнаго напечатать статью, нежели издателя, согласнаго напечатать книгу, и что, слѣдовательно, участіе редактора въ распубликованіи статьи менѣе существенно, нежели участіе издателя въ распубликованіи книги. Далѣе, какъ издатель, такъ и редакторъ, могутъ не знать содержанія напечатанной ими статьи или книги, или, зная его, могутъ упустить изъ виду основную мысль, настоящее namѣреніе автора. Намъ могутъ возразить, что это не оправданіе, что издатель и редакторъ *должны* понимать значеніе своихъ поступковъ. Съ юридической точки зрѣнія это совершенно справедливо, но мы говоримъ теперь не о томъ, что должно быть, а о томъ, что бываетъ на самомъ дѣлѣ. Пока одно имя автора будетъ достаточнымъ побужденіемъ къ покупкѣ книги, до тѣхъ поръ будутъ находиться издатели, нечитающіе издаваемыхъ ими сочиненій; пока у журналовъ и газетъ будутъ постоянные сотрудники, до тѣхъ поръ въ періодическихъ изданіяхъ будутъ появляться статьи, неприсмотрѣнныя редакторамъ. Однимъ словомъ, изъ всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ распубликованію статьи или книги, объ одномъ только авторѣ можно сказать съ полною увѣренностью, что онъ читалъ печатаемое и понимаетъ его; въ авторѣ съ наибольшею вѣроятностью можно предположить namѣреніе совершить преступленіе; отъ автора скорѣе всего можно ожидать, что онъ предвидѣлъ послѣдствія своего поступка. Вотъ почему мы думаемъ, что отвѣтственнымъ лицомъ за преступленіе, совершенное печатнымъ словомъ, долженъ быть не издатель и не редакторъ, а самъ авторъ.

Къ числу причинъ, заставляющихъ желать уничтоженія предварительной цензуры, принадлежитъ та неполноправность, на которую она обрекаетъ литераторовъ, та опека, которую она устанавливаетъ надъ ними. Отвѣтственность снимается съ литератора и возлагается вся нераздѣльно на цензора. Много разъ было уже говорено, какъ вредна эта безотвѣтственность для литературы, какъ неестественно это право, предоставляемое литераторамъ противъ ихъ воли и избавляющее ихъ отъ одного, меньшаго зла, чтобы подвергнуть ихъ другому, гораздо большому. Но возложить отвѣтственность на издателя или редактора, освободивъ отъ нея автора, значило бы сохранить тѣ неудобства, отъ которыхъ теперь страдаетъ литература, значило бы подчинить ее цензурѣ другого рода, менѣе тяжелой, менѣе строгой, *но все-таки цензурѣ*. Издатель или редакторъ, зная, что ему придется отвѣчать за каждое неосторожное слово автора, поневолѣ сталъ бы подвергать статью или книгу самому внимательному, самому подробному разбору, и, встрѣтивъ сомнѣнiе въ томъ, что она пройдетъ безъ преслѣдованiя, отказывалъ бы автору въ напечатанiи ея. Въ этомъ отношенiи, отвѣтственность издателя и редактора имѣла бы тѣ же самыя послѣдствiя, какъ и отвѣтственность типографа: и мы удивляемся, что этого не замѣтилъ г. Н.—енъ. Онъ говоритъ, что типографъ, опасаясь отвѣтственности, будетъ «трусить, обезпечивать свои выгоды, соваться въ сужденiя о книгахъ»; но не то же ли самое будетъ дѣлать и издатель? (*). Издатель, какъ и типографъ, прежде всего человѣкъ коммерческiй; онъ берется за изданiе книгъ, ожидая отъ того денежной выгоды; если это ожиданiе будетъ уравниваться ожиданiемъ отвѣтственности, если ко всѣмъ рискамъ, сопряженнымъ съ изданiемъ, присоединится рискъ штрафа и судебныхъ убытковъ, да пожалуй еще тюремнаго заключенiя, то издатель или отступитъ назадъ, или постарается обезпечить себя, заплативъ автору гораздо меньше, чѣмъ бы слѣдовало, за право изданiя. Конечно, бываютъ случаи, когда издатель дѣйствуетъ не столько для своей собственной, сколько для общественной пользы, или по крайней мѣрѣ для пользы своей партiи; бываютъ случаи, когда онъ готовъ идти на вѣрную отвѣтственность, лишь бы

(*) Намъ могутъ замѣтить, что выраженiе «соваться въ сужденiя о книгахъ», примѣнимое къ типографу, нельзя относить къ издателю или редактору, такъ какъ отъ обсужденiя ими статьи или книги зависитъ принатiе или непринатiе ея къ печатанiю. Это совершенно справедливо; но мы желали бы, чтобы издателю и редактору можно было судить только о достоинствѣ сочиненiя, о направленiи его (то-есть о томъ, согласно ли оно съ направленiемъ журнала или образомъ мыслей издателя), а не о значенiи его съ точки зрѣнiя законовъ о книгопечатанiи.

провести въ публику мнѣніе, которому онъ сочувствуетъ—но такіе случаи составляютъ не правило, а исключеніе, на которое нельзя рассчитывать при постановленіи общаго закона. Отъ редактора можно ожидать большей рѣшимости, чѣмъ отъ издателя, большей готовности рискнуть, если только статья стоитъ риска; но изданіе журнала, какъ бы то ни было, есть между прочимъ и дѣло коммерческое, и редакторъ не можетъ не охранять, до извѣстной степени, своихъ матеріальныхъ интересовъ или интересовъ того лица, кому принадлежитъ собственность журнала. Вотъ почему мы думаемъ, что нормальныя, свободныя отношенія между авторомъ и редакторомъ или издателемъ возможны только при безотвѣтственности послѣднихъ.

Поставимъ себя на мѣсто автора, при дѣйствіи той системы, которую предлагаютъ гг. Аксаковъ и Н.—енъ. Я написалъ статью, въ которой изложилъ мысль, давно занимавшую меня, изложилъ ее съ глубокимъ, полнымъ убѣжденіемъ, забоясь болѣе о правильномъ развитіи, нежели объ осторожномъ выраженіи ея. Положимъ, что статья моей удалось пройти черезъ цензуру редактора или издателя; она появляется въ печати безъ всякихъ измѣненій, за мою подписью. Прокуроръ находитъ въ ней нарушеніе закона и начинаетъ противъ нея судебное дѣло. Мнѣніе, о которомъ будетъ идти рѣчь передъ судомъ, принадлежитъ мнѣ; оно напечатано по моему настоянію, я хотѣлъ дать ему всевозможную гласность; убѣжденный въ правотѣ его, я готовъ защищать его противъ всѣхъ и каждого и принять отвѣтственность за него; я выразилъ эту готовность, подписавъ мое имя подъ статью. И что же? меня оставляютъ всторонѣ, какъ лицо, вовсе непричастное къ дѣлу; за мое мнѣніе требуютъ отъ меня отъ другаго; призываютъ къ суду редактора, который можетъ быть только бѣгло просмотрѣлъ мою статью, издателя, который напечаталъ ее можетъ быть только потому, что другая, прежняя моя статья понравилась публикѣ. Спрашивается, что долженъ чувствовать при этомъ авторъ? Что долженъ чувствовать онъ, когда его признаютъ какъ-бы несовершеннолѣтнимъ, неспособнымъ отвѣчать за себя, когда за него отвѣчаетъ и терпитъ другой, ни въ чемъ невинный? Не представляется ли положеніе его въ высшей степени неестественнымъ, ненормальнымъ, не противорѣчитъ ли оно тому безусловно справедливому началу, выраженному самимъ г. Аксаковымъ (въ той же статьѣ, гдѣ онъ излагаетъ свой взглядъ на законы о печати), что «каждый долженъ нести отвѣтственность за свое слово такъ же, какъ несетъ отвѣтственность и за всякое общественное дѣйствіе?» Когда г. Аксаковъ предлагалъ возложить отвѣтственность

на редактора или издателя, освободивъ отъ нея автора — онъ былъ еще редакторомъ «Дня»; теперь, когда онъ перешелъ въ категорію *авторовъ*, онъ, можетъ быть, не сталъ бы защищать безотвѣтственность ихъ. Мы понимаемъ побужденія, по которымъ такіе редакторы, какъ г. Аксаковъ, готовы принять на себя отвѣтственность за все печатаемое въ ихъ журналѣ; но когда такіе редакторы дѣлаются авторами, то эти же побужденія заставляютъ ихъ желать для автора той отвѣтственности, противъ которой они прежде возставали. Мы желали бы знать, что сказалъ бы г. Аксаковъ, елибы за одну изъ перешедшихъ статей, помѣщаемыхъ имъ въ «Днѣ», былъ потребованъ въ отвѣтъ (конечно, при дѣйствіи новыхъ законовъ о печати) не онъ самъ, а редакторъ «Дня»?— Въ каждомъ почти періодическомъ изданіи главный, отвѣтственный редакторъ раздѣляетъ свои занятія съ частными редакторами или постоянными сотрудниками по разнымъ отдѣламъ изданія. Эти сотрудники не только помогаютъ главному редактору, но и заступаютъ, до известной степени, его мѣсто, дѣйствуютъ самостоятельно, независимо отъ него. Статьи, доставляемыя ими, не всегда прочитываются главнымъ редакторомъ, или прочитываются имъ въ корректурѣ, когда уже почти нѣтъ времени (особенно въ ежедневной газетѣ) остановить печатаніе ихъ. Каково же будетъ положеніе такихъ сотрудниковъ, когда за ихъ статьи главному редактору придется просидѣть нѣсколько недѣль, нѣсколько мѣсяцевъ подъ стражей? Одна возможность подобнаго исхода стѣснить свободу дѣйствій ихъ, заставить ихъ прибѣгать къ полусловамъ, къ намекамъ, останавливаться на среднихъ разсужденіяхъ, жертвовать полнотою и убѣдительною статью заботамъ о безобидности ея. Для всякаго честнаго писателя, увѣренность въ безнаказанности будетъ отъсѣченіемъ болѣе тяжелымъ, нежели опасеніе отвѣтственности передъ судомъ. Наконецъ, кто, какъ не авторъ статьи, можетъ защитить ее передъ судомъ, оправдать тенденцію, доказать благонамѣренность ея? Ему известенъ смыслъ каждой фразы, известна цѣль каждаго аргумента; онъ можетъ объяснить одно выраженіе другимъ, одну статью — ссылкой на другія, восстановить взаимную связь мыслей, нарушенную обвиненіемъ; онъ можетъ убѣдить судей, что мнѣніе его понято совершенно превратно, или понято правильно, не заслуживаетъ того порицанія, съ которымъ отнесся къ нему обвинитель. Защита издателя или редактора не можетъ замѣнить собою защиту автора. — Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ экономіи силъ, на которую указываетъ г. Н.—енъ. Чѣмъ меньше кругъ лицъ, могущихъ подлежать отвѣтственности за проступки печати, тѣмъ тяжелѣе,

тѣмъ чувствительнѣе упадетъ эта отвѣтственность на каждое изъ нихъ—и наоборотъ. Положимъ, что извѣстный журналъ подвергнется въ продолженіе года шести обвинительнымъ приговорамъ, за статьи, изъ которыхъ одна написана самимъ редакторомъ, остальные пять—посторонними сотрудниками. При системѣ гг. Аксакова и Н.—ена, за всѣ шесть статей, слѣдовательно шесть разъ, пострадаетъ одно и то же лицо; при системѣ, предлагаемой нами, пострадаютъ шесть различныхъ лицъ, каждое по одному разу. Если среднюю нормою наказанія будутъ два мѣсяца тюремнаго заключенія (что весьма-возможно), то при системѣ гг. Аксакова и Н.—ена отвѣтственному редактору придется просидѣть въ тюрьмѣ цѣлый годъ, при системѣ, предлагаемой нами, редакторъ и каждый изъ сотрудниковъ просидятъ въ тюрьмѣ только по два мѣсяца. При какой системѣ будетъ большая экономія силъ? Намъ кажется, что вопросъ разрѣшится въ нашу пользу. Годъ тюремнаго заключенія можетъ совершенно разстроить обстоятельства заключеннаго; два мѣсяца заключенія могутъ быть перенесены, сравнительно, съ самой ничтожной потерей. Не говоримъ уже о томъ, съ какими чувствами издатель или редакторъ возвратился бы, послѣ годоваго заключенія, къ своей прежней дѣятельности (еслибы онъ только рѣшился возвратиться къ ней); не говоримъ о томъ, сколько рукописей было бы отвергнуто имъ, сколько статей осталось бы безъ напечатанія. Число издателей у насъ и теперь невелико; при системѣ гг. Аксакова и Н.—ена, оно могло бы уменьшиться еще на половину.

Все сказанное нами до сихъ поръ относится къ тому случаю, когда авторъ извѣстенъ, когда статья или книга появилась въ печати подъ настоящимъ именемъ его. Но кто долженъ отвѣчать за статью или книгу, неподписанную вовсе, анонимную, или подписанную вымышленнымъ именемъ, псевдонимомъ? Здѣсь слѣдуетъ различать два случая: когда авторъ назоветъ себя *самъ* во время производства дѣла (*), и когда имя его до конца останется неизвѣстнымъ. Въ первомъ случаѣ отвѣтственность, само собою разумѣется, должна упасть на автора; во второмъ случаѣ, возникаетъ вопросъ о литературной анонимности—тотъ самый вопросъ, который былъ недавно поднятъ въ Пруссіи и о которомъ мы упомянули въ началѣ этой статьи. Въ иностранныхъ государствахъ вопросъ этотъ разрѣшается различно: во Франціи лите-

(*) Мы говоримъ: «назоветъ себя самъ», потому что объявленіе имени автора, безъ его согласія, редакторомъ или издателемъ, не должно, по нашему мнѣнію, имѣть никакихъ послѣдствій.

ратурная анонимность немислима, по крайней мѣрѣ для газетъ, потому что всякая газетная статья, за силою такъ называемаго закона Tinguu (съ 1850 г.), должна быть подписана авторомъ; въ Пруссіи редакторы, издатели и типографы обязаны называть передъ судомъ автора статьи или книги, противъ которой пачато преслѣдованіе (*), въ Австріи — необязаны. Неудобства системы, принятой во Франціи, очевидны. Она уменьшаетъ значеніе газетъ, даетъ журнальнымъ преніямъ характеръ личностей и перебранокъ, и притомъ не достигаетъ своей цѣли, потому что вмѣсто автора, желающаго скрыть свое имя, всегда можетъ подписаться редакторъ или другой сотрудникъ журнала. Примѣръ такой хитрости нѣсколько разъ былъ подаваемъ выше; извѣстно, что подъ именемъ Боинфаса въ «Constitutionnel» и подъ другими именами въ другихъ офиціозныхъ журналахъ часто появлялись статьи, исходившія изъ императорскаго кабинета и, можетъ быть, даже отъ самого императора. Недостатки прусской системы еще чувствительнѣе и важнѣе. Какъ и французская система, она не достигаетъ своей цѣли. Редакторъ или издатель всегда можетъ обойти предписаніе закона; онъ можетъ сказать, что статья написана имъ самимъ, можетъ назвать авторомъ ея умершее или подставное лицо. Если даже и предположить, что онъ не прибѣгнетъ къ этимъ средствамъ, если онъ ограничится простымъ заирательствомъ, простымъ отказомъ объявить имя автора, то какъ принудить его къ отвѣту? Посадить его въ тюрьму и держать тамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ требуемаго (**)? Но продолжительное заключеніе было бы слишкомъ несправедливо, а кратковременное не устраситъ редактора, сколько нибудь дорожающаго добрымъ именемъ своимъ. Incognito автора можетъ быть вызвано самыми важными, самыми уважительными причинами. Онъ можетъ скрывать свое имя не изъ страха наказанія, а для избѣжанія такихъ послѣдствій, которыя могли бы причинить ему невознаградимый вредъ, испортить всю его жизнь. Таково, на примѣръ, положеніе автора, раскрывающаго недостатки обществен-

*) Прусская палата депутатовъ приняла законъ, которымъ отмѣнялось это обязательство, но законъ, принятый ею, былъ отвергнутъ верхней палатой.

(**) Такъ и было сдѣлано въ Пруссіи въ этомъ году съ Гагеномъ, редакторомъ «Insterburger Zeitung». Черезъ нѣсколько времени его выпустили, не добившись отвѣта; и въ числѣ мотивовъ къ его освобожденію судъ привелъ то обстоятельство, что до ареста Гагена денежные дѣла его были въ самомъ плачевномъ положеніи, а теперь добровольныя приношенія въ его пользу поправили и постоянно направляютъ ихъ въ такой степени, что болѣе продолжительное содержаніе въ тюрьмѣ обратилось бы ему не во вредъ, а въ прибыль. По рѣшенію высшей инстанціи, Гагенъ опять заключенъ подъ стражу.

ной среды, отъ которой онъ вполне зависить, изобличающаго злоупотребленія могущественной, замѣнутой корпораціи — въ особенности если онъ самъ принадлежитъ къ числу ея членовъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ интересъ правительства знать имя автора ничтоженъ въ сравненіи съ интересомъ автора скрыть свое имя. Для правительства, какъ мы уже говорили, важно только то, чтобы кто нибудь отвѣчалъ за каждое слово, появляющееся въ печати; въ чему же разискивать имя автора, когда редакторъ или издатель, напечатать неподписанную статью или книгу, этимъ самымъ принялъ на себя отвѣтственность за нее? Анонимность, нераскрытая и впоследствии времени, при судебномъ производствѣ дѣла, предполагаетъ соглашеніе между издателемъ (или редакторомъ) и авторомъ — соглашеніе, по которому первый подчинился всѣмъ послѣдствіямъ, обыкновенно упاداющимъ на послѣдняго. Раскрытіе анонима противъ воли автора представляется намъ до такой степени опаснымъ и преднымъ, что даже въ томъ случаѣ, когда издатель (или редакторъ) объявилъ бы имя автора, но послѣдній не подтвердилъ бы добровольно этого объявленія, оно должно было бы, по нашему мнѣнію, быть оставлено безъ всякаго вниманія, и отвѣтственность тѣмъ не менѣе должна была бы упасть на издателя (или редактора). Издатели и редакторы не имѣли бы такимъ образомъ никакого повода раскрывать анонимъ автора.

Въ прусской палатѣ депутатовъ законъ, требующій раскрытія анонима, былъ защищаемъ, между прочимъ, слѣдующими доводами: на основаніи общаго закона, всякій обязанъ открывать извѣстныхъ ему виновниковъ и сообщниковъ преступленія; авторъ статьи, преслѣдуемой передъ судомъ, есть сообщникъ преступленія; слѣдовательно, редакторъ или издатель, которому всегда должно быть извѣстно имя автора, долженъ объявить его по первому требованію суда. Въ этой аргументаціи есть одна очень важная ошибка — ошибка, пронемающаяся отъ примѣненія къ проступкамъ печати общихъ понятій о преступленіи. Въ глазахъ редактора или издателя преслѣдуемая статья, въ большей части случаевъ, не есть преступленіе, и авторъ ея не есть преступникъ. Понятіе о преступленіи, въ дѣлахъ о проступкахъ печати, устанавливается, если можно такъ выразиться, только судебнымъ приговоромъ; во время производства дѣла, нѣтъ, собственно говоря, даже *подозрѣваемыхъ* въ преступленіи, потому-что нѣтъ еще самого преступленія. Но если даже и признать приведенные выше доводы вѣрными теоретически, то на практикѣ они не могутъ и не должны имѣть никакого значенія; мы уже старались доказать, что въ дѣлахъ о проступкахъ печати задача правительства состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы

открыть и наказать *всѣхъ* участниковъ преступленія, а въ томъ, чтобы подвергнуть отвѣтственности одного изъ нихъ, для предупрежденія подобныхъ проступковъ на будущее время.

Наряду съ анонимными статьями должны быть поставлены статьи, подписанныя умершими или безвѣстно отсутствующими авторами (то есть не бывшими уже въ живыхъ или отсутствовавшими уже въ моментъ напечатанія статьи). Не имѣя возможности обратить отвѣтственность на автора, правительство и здѣсь должно обратить ее на издателя или редактора, который, печатаая подобную статью, зналъ, каковыя послѣдствія она можетъ его подвергнуть. Наконецъ, если на книгѣ не выставлено ни имя издателя, ни имя автора, и если ни тотъ, ни другой не назоветъ себя во время производства дѣла, то отвѣтственность, какъ предполагаетъ и г. Аксаковъ, должна быть обращена на типографа, который, печатаая книгу безъ означенія имени издателя и автора, тѣмъ самымъ принялъ на себя всю отвѣтственность за нее.

Итакъ мы пришли къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Если статья или книга подписана настоящимъ именемъ автора, или авторъ самъ добровольно назоветъ себя во время производства дѣла, то отвѣчать передъ судомъ за статью или книгу долженъ одинъ только авторъ.

2) Если статья или книга подписана умершимъ или безвѣстно отсутствующимъ авторомъ, то отвѣтственность обращается на редактора или издателя.

3) Если статья или книга не подписана вовсе или подписана вымышленнымъ именемъ (псевдонимомъ), и авторъ не назоветъ себя самъ добровольно, во время производства дѣла; то отвѣтственность равномѣрно обращается на редактора или издателя и судъ не входитъ ни въ какия разысканія объ имени автора, не принимаетъ даже показаній о томъ редактора или издателя.

4) Если на книгѣ не выставлено ни имя издателя, ни имя автора, и ни тотъ, ни другой не назоветъ себя во время производства дѣла, то отвѣтственность обращается на типографа, безъ всякихъ разысканій объ имени издателя и автора.

Взключеніе замѣтимъ, что система, защищаемая нами, была введена въ Пруссіи конституціею, октроированною королемъ 5-го декабря 1848 г., но отмѣнена конституціею 31-го января 1850 г., нынѣ дѣйствующею въ Пруссіи. Въ статьѣ 26-й конституціи 1848 г. было сказано слѣдующее: *«Ist der verfasser einer Schrift bekannt und im Bereiche der richterlichen Gewalt des Staates, so dürfen Verleger, Drü-*

cker und Vertheiler, wenn deren Mitschuld nicht durch andere That-
sachen begründet wird, nicht verfolgt werden» (если авторъ сочиненія извѣ-
стенъ и находится въ предѣлахъ вѣдомства судебной власти государ-
ства, то издатели, типографы и распространители сочиненія не под-
лежатъ никакому преслѣдованію, развѣ если соучастіе ихъ въ пре-
ступленіи основано на какихъ нибудь другихъ данныхъ). Въ статьѣ не
договорено, какъ поступать, если авторъ неизвѣстенъ; но смыслъ статьи
очевидно, не допускаетъ насильственного раскрытія анонима. Порядокъ,
теперь существующій по этому предмету въ Пруссіи — произведеніе
мантейфельской эпохи.

В. АРОВНЬЯВЪ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

САЛАМБО, НОВЫЙ РОМАНЪ ФЛОБЕРА.

Salambô, par M. Gustave Flaubert. Un vol. Paris. 1862.

Густавъ Флоберъ выступилъ на литературное поприще пять лѣтъ назадъ, какъ новый талантъ, хотя ему было уже болѣе сорока лѣтъ отъ роду. Его первый романъ: *Госпожа Бовари*, изобразившій нравъ средняго сословія во французской провинціи, произвелъ сильное впечатлѣніе и имѣлъ большой успѣхъ. Критика отмѣтила въ немъ чрезвычайную силу наблюдательности, рѣзкую яркость красокъ и поразительную истинность образовъ; но въ то же время она не могла не возстать противъ того матеріализма, которымъ проникнуто все воззрѣніе Флобера на человѣческую природу, и противъ порожденной этимъ матеріализмомъ свободы и откровенности, съ которою онъ изображаетъ разныя чувственныя движенія въ человѣкѣ. Прошло пять лѣтъ; продолженіе ихъ Флоберъ ничего не печаталъ, но было извѣстно, что онъ работаетъ надъ большимъ и серьезнымъ произведеніемъ. Оказалось, что это историческій романъ изъ нравовъ древняго Карфагена; подъ заглавіемъ «Саламбô». Наконецъ, около новаго года, книга появилась въ продажѣ и на нѣсколько времени приковала къ себѣ вниманіе французской публики. И ожиданія, съ которыми встрѣчено было это произведеніе, и успѣхъ его настолько значительны, что заставляютъ насъ рассмотреть его по возможности подробно.

Дѣйствіе романа происходитъ въ ту эпоху карфагенской исторіи, которая послѣдовала за первою пуническою войною: въ это время, какъ извѣстно, карфагеняне отказались платить жалованье своимъ наемникамъ, которые служили имъ въ войнѣ съ Римомъ. Наемники возмущались, а вслѣдъ за ними поднялись и туземцы карфагенской области, въ которой сами карфагеняне были неболѣе, какъ при-

пельцы-побѣдители. Сперва мятежники имѣли успѣхъ и побѣждали кареагеняпъ, выходившихъ съ ними на бой. Но, наконецъ, Гамилькаръ ловкимъ маневромъ стѣснилъ возмущившіеся народы между двухъ горъ и почти все ихъ войско выморилъ голодомъ. Предводители возстанія, рабъ Спендій и африканецъ Мато, погибли насильственной смертью. Вообще, въ теченіе всей войны, продолжавшейся четыре года, жестокостямъ съ обѣихъ сторонъ не было предѣла. «Дрались не люди, а дикіе звѣри», замѣчаетъ Полибій. Во время этихъ-то кровавыхъ событій разспрѣвается романъ Флобера. Сдѣлаемъ обзоръ его содержанія и нѣсколькими выписками покажемъ самый способъ изложенія Флобера.

Наемники, наводнившіе Кареагенъ и беспокоящіе его народонаселеніе и правительство, празднуютъ годовщину побѣды, одержанной ими въ Сициліи; для пира имъ предоставили сады Гамилькара, прежняго ихъ предводителя, пользовавшагося въ ту эпоху расположеніемъ согражданъ и отсутствующаго изъ Кареагена. Среди оргій, пирующіе освобождаютъ рабовъ Гамилькара, и въ числѣ ихъ находится Спендій, которому впослѣдствіи предстоитъ быть однимъ изъ предводителей наемниковъ. Едва явившись среди пирующихъ и изъяснивъ имъ благодарность за освобожденіе, онъ возбуждаетъ наемниковъ къ раздору, обративъ вниманіе воиновъ на то, что имъ не дали для пира чашъ священнаго легіона. Воины, принимая это обстоятельство, какъ знакъ презрѣнія къ нимъ кареагеняпъ, тотчасъ же требуютъ почетныхъ чашъ, хранящихся въ храмѣ; но получаютъ отказъ. Въ себя отъ бѣшенства, не внимая объясненіямъ кареагенскаго полководца Гискона, варвары бросаются къ бассейнамъ, полнымъ рыбокъ съ драгоценными камнями и кольцами у рта, и начинаютъ убивать этихъ священныхъ пенатовъ фамиліи Барка. Услышавъ смятеніе, изъ верхняго этажа своего дворца, въ садъ является дочь Гамилькара, Саламбѣ, сестра Аннибала. Эта дѣва посвятила себя богамъ; съ дѣтства проводить она жизнь свою въ созерцаніи и обожаніи богини Таниты, нѣчто въ родѣ кареагенской Венеры; живя около жрецовъ-евнуховъ, посвященныхъ богинѣ, и часто бесѣдуя съ ними, Саламбѣ создала себѣ цѣлый міръ мечтавій и мистицизма, обожая роскошную богиню въ самомъ прозрачномъ, чистомъ ея образѣ, въ образѣ луны.

«Нѣкто еще не апалъ ея (т. е. Саламбѣ). Извѣстно было только, что она ведетъ жизнь уединенную и благочестивую. Воины увидѣли ее ночью, на колѣнахъ, въ созерцаніи звѣздъ, среди елимама зурдильницъ. Она была блѣдна отъ луннаго свѣта и что-то божественное, какъ будто легкій паръ, окружало ее. Глаза ея, казалось, глядѣли

дальше земного пространства. Она шла, наклонив голову и держа въ правой рукѣ маленькую лиру изъ чернаго дерева.»

Медленною поступью идетъ она къ варварамъ, сопровождаемая жрецами, которые поютъ гимнъ богинѣ, и совершается объ истребленіи священныхъ рыбокъ. Она грозитъ — если безпорядокъ не прекратится — увести съ собою домашнего духа: чернаго амѣя, который спитъ на листьяхъ лотуса: «Онъ пойдетъ на мой свистъ, и если я сяду на галеру, онъ поплыветъ за мной по пѣнистымъ волнамъ.» Несмотря на то, что варвары не понимаютъ ея пѣсенъ, они удивляются и прельщаются ею.

«Но вотъ Саламбô окончила священный гимнъ. Она обращается къ варварамъ на ихъ нарѣчіяхъ — тонкая деликатность женщины, которую она употребляетъ, чтобы смягчить ихъ гнѣвъ. Она говорила къ грекамъ по-гречески, къ лигурійцамъ, кампанцамъ, неграмъ — на ихъ нарѣчія, и для каждаго изъ нихъ голосъ ея напоминалъ прелести родины. Увлеченная воспоминаніями о Карфагенѣ, она пѣла о битвахъ съ римлянами, и варвары рукоплескали. Она воспламенялась блескомъ обнаженныхъ мечей и, простирая руки, произносила различные воззванія. Лира ея упала; Саламбô замолчала — и, прижавъ обѣ руки къ сердцу, закрыла глаза и нѣсколько минутъ оставалась такъ, наслаждаясь волненіемъ всѣхъ этихъ людей.» Тогда невольно африканецъ Мато приблизился къ ней. Въ свою очередь, Саламбô чувствуетъ внезапное, непреодолимое влеченіе подойти къ нему и быстро наливаєтъ вина въ золотую чашу; это знакъ ея примиренія съ арміей. «Пей!» — говоритъ она Мато. Но въ это время одинъ воинъ изъ племени галловъ произноситъ какія-то слова на своемъ языкѣ. Мато хочетъ знать, что онъ говоритъ, и Спендіи объясняетъ африканцу, что галлъ спросилъ: «скоро ли свадьба», такъ какъ, по обычаю галльскаго племени, если женщина заставляетъ война пить, то тѣмъ самымъ она предлагаетъ ему свое ложе.

Едва кончилъ галлъ, какъ Гарр-Авасъ, предводитель нумидійцевъ, влюбленный уже въ Саламбô и ревнивый какъ тигръ, выхватилъ изъ-за пояса дротикъ, пригвоздилъ имъ къ столу руку Мато. Саламбô исчезаетъ. Несмотря на рану, Мато, руководимый Спендіемъ, который хорошо знаетъ дворецъ, потому что былъ въ немъ рабомъ, видается искать Саламбô, но тщетно. Между тѣмъ ночь прошла.

«Они (Мато и Спендіи) стояли на верхней послѣдней террасѣ. Огромная масса тѣни растопилась передъ ними и, казалось, заключала въ себѣ неопредѣленные громады, словно гигантскія волны чернаго океана. Но вотъ свѣтлая полоса обозначилась на востокѣ;

пальмо вверху—капалы Мегары бѣлыми извилинами своими начинали обозначать зеленъ садовъ. Конпческія кровли семиугольныхъ храмовъ, террасы, лѣстницы, ограды, постепенно, все болѣе и болѣе начинали обозначаться на блѣдномъ небосклонѣ, а вокругъ полуострова—катился пѣнистый поясъ, между тѣмъ какъ изумрудное море, казалось, застыло отъ утренней свѣжести. Мало по малу розовый небосклонъ распрямился, высокіе дома, склоненные къ землѣ, выросли, громоздились, какъ стадо черныхъ козъ, спускающихся съ горъ. Длинные и длинные становились безлюдныя улицы; недвижно стояли пальмы, мѣстами возвышающіяся изъ за стѣнъ; наполненные водой цистерны казались цитами, забытыми на дворахъ; маякъ гермейскаго мыса начиналъ блѣднѣть. Надъ акрополемъ, въ кипарисовыхъ лѣсахъ, лошади Ешмуна, чуя свѣтъ, становились на мраморные парапеты и жали по направленію къ солнцу.» Мало по малу Кароагенъ просыпается.

«Все было облято красноватымъ цвѣтомъ, какъ будто богъ изливалъ на Кароагенъ золотой дождь, раздирая свои жилы. Блестали украшенія галерей; кровля Каммопа, казалось, объята пламенемъ, и изъ отворившихся храмовъ видѣлся слабый свѣтъ. По мостовой улицъ слышался стукъ колѣсъ большихъ телегъ, прибывающихъ изъ окрестностей; нагруженные верблюды спускались съ укрѣпленій. Въ переулкахъ мѣнялись отпирала ставни своихъ лавокъ, аисты улетали, бѣлые паруса колышались. Изъ лѣса Танити слышались тамбурины священниковъ жрицъ-прелестницъ, а на вершинѣ Маппаловъ начинали дымиться печи, предназначенныя для обжиганія глиняныхъ гробницъ.»

Послѣ пира, посредствомъ раздачи каждому наемнику золотой монеты, кароагенянамъ удается удалить ихъ изъ столицы и убѣдить расположиться въ долину Сиккѣ, паходящейся на нѣсколько дней пути отъ Кароагена. На пути въ Сикку Спендіи не покидаетъ Мато, предугадывая выгоды, которыя онъ можетъ извлечь изъ отношеній съ могучимъ, грубымъ, суевѣрнымъ и храбрымъ африканцемъ; самъ Спендіи трусливъ въ дѣлѣ, но храбръ на все другое и чрезвычайно изобрѣтателенъ. Мато гнететъ тайная грусть: этотъ богатырь упалъ духомъ и, когда армія располагается лагеремъ въ долину, онъ по цѣлымъ днямъ бродитъ или лежитъ въ бездѣйствіи. Что съ нимъ?

«Онъ обращался за совѣтомъ ко всѣмъ мудрецамъ своей арміи, и къ тѣмъ, которые гадаютъ по движеніямъ змѣевъ, и къ тѣмъ, которые читаютъ по звѣздамъ, и къ тѣмъ, которые вѣщаютъ по праху мертвецовъ. Онъ лечился отъ своей болѣзни смолой камеди, горнымъ укропомъ и ядомъ эхидны, ледяющимъ сердце; негритянки при лунномъ свѣтѣ наклоняли ему лобъ золотыми пожатиями, сопровождая этотъ обрядъ за-

влинаніями, надѣвалъ на себя ожерелья, и ладони, призывалъ Ваал-Камона, Молоха, семь Кабировъ, Таниту и Венеру грековъ. Онъ вѣшалъ на мѣдной доскѣ какое-то имя и зарылъ ее въ песокъ, у входа своей палатки.»

Однимъ словомъ, дочь Гамильвара овладѣла сердцемъ Мато. Гарр-Авасъ, нашедшій возможность присоединиться къ арміи, зорко слѣдитъ за Мато, ищетъ случая убить его, и вѣроятно бы исполнилъ свое намѣреніе, еслибъ Спендіи не охранялъ того, кого рѣшился сдѣлать своимъ орудіемъ. Суффетъ Ганнонъ является въ лагерь, чтобъ уплатить военную часть долга кароагенянъ. Этотъ Ганнонъ и смѣшонъ, и гадовъ: все тѣло его покрыто проказой: онъ ведетъ себя какъ глупецъ, и Спендіи, взявшись быть его толмачемъ, такъ переводитъ слова его, что армія начинаетъ волноваться. На бѣду Ганнона, въ лагерь является бѣглецъ изъ Кароагена и говоритъ, что онъ остался одинъ изъ всѣхъ баlearскихъ прашниковъ, высадившихся въ Кароагенъ послѣ выступления изъ него наемниковъ, а что всѣ другіе перебиты кароагенянами. Воины, раздраженные уже рѣчами, которыми, по увѣренію Спендіи, говоритъ Ганнонъ, при этомъ извѣстіи приходятъ въ изступленіе, начинаютъ грабить пожитки Ганнона, едва успѣвающаго спастись бѣгствомъ на ослѣ, и предводительствуемые Мато, или лучше сказать, Спендіемъ, идутъ въ Кароагену. Тамъ Саламбд ночью, на террасѣ, пребываетъ въ обожаніи здѣздъ и луны, свѣтила, которому она служитъ и которое имѣетъ вліаніе на ея природу. Она повѣряетъ кормилницѣ Танаахъ скуку и томленіе, ее гнетущее.

«...Иногда, Танаахъ, говоритъ она своей рабѣ:— что-то такое, что тяжело паровъ волкана, дѣшитъ меня. Мнѣ слышатся какіе-то голоса, огненный шаръ катится по груди, давитъ меня—я чувствую, что умираю; и потому что-то пріятное проходитъ по моему тѣлу, отъ головы до ногъ... Какая-то ласка обнимаетъ меня, и я изнемогаю, какъ будто какой нибудь богъ простирается надо мной. О! я хотѣла бы затеряться въ туманѣ ночей, въ струѣ фонтановъ, въ соку деревьевъ; выйти изъ моего тѣла, быть только дуновеніемъ, лучемъ и подняться до тебя, о мать — богиня!

«Она высоко подняла руки и потянулась, какъ луна вся блѣдная и легкая въ своей длинной одеждѣ, потомъ опять упала, трепещущая, на ложе изъ слоновой кости; но Танаахъ надѣла ей на шею ожерелье изъ амбры съ зубами дельфина, чтобъ отогнать ужасы, ее обуявшіе, и Саламбд слабымъ голосомъ говоритъ: «позовите мнѣ Шахабарима.» Шахабаримъ—евнухъ, верховный жрецъ Таниты, который воспитывалъ и который до сихъ поръ наставляетъ Саламбд. Въ бе-
Т. СХLVI. — Отд. III.

сѣдѣ съ нимъ она хочетъ разсѣять свое томленіе и думаетъ, что ей будетъ легче, если она постигнетъ тайны богини; ей бы хотѣлось видѣть богиню въ ея святилищѣ, посмотрѣть на древняго идола, покрытаго великолѣпной мантией, священнымъ покрываломъ, отъ котораго зависятъ судьбы Карѳагена; ей кажется, что еслибъ она дотронулась до этого покрывала, прикосновеніе къ которому стѣитъ жизни, то къ ней бы перешла часть его удивительныхъ свойствъ. Шахабаримъ, зная отъ Гампльбара, что Саламбô не предназначено быть жрицей, и что она можетъ выйти замужъ, отказывается исполнить ея желаніе и тѣмъ еще болѣе раздражаетъ ее. Впрочемъ, это раздраженіе, эти восторги молодой дѣвы, въ которыхъ Саламбô видитъ только религіозный экстазъ, въ сущности имѣютъ и другую причину: невольно образъ Мато мелькаетъ передъ нею, такъ что покрывало, котораго она такъ жаждала, скрываетъ для нея еще нѣчто другое, вромѣ богини. Между тѣмъ грозная армія наемниковъ пришла къ Карѳагену. Мато, у котораго одна только мысль, или бродить около стѣнъ города, или влѣзаетъ на деревья, чтобъ имѣть возможность смотрѣть вдаль, или плаваетъ около утесовъ, составлявшихъ естественное укрѣпленіе Карѳагена, и старается вскарабкаться на нихъ. Африканецъ повсюду ищетъ какой нибудь ходъ, какой нибудь проломъ, чрезъ который онъ могъ бы пробраться въ городъ, гдѣ сокрыто его сообровище.

«Его безсиліе выводило его изъ себя. Онъ ревновалъ Саламбô къ Карѳагену, заключившему ее въ стѣнахъ своихъ, какъ къ кому нибудь, кто бы обладалъ ею. Взамѣнъ прежняго расслабленія, имъ овладѣла какая-то безумная и постоянная жажда дѣятельности. Щеки его горѣли, глаза блистали, голосъ былъ дикъ и онъ быстро ходилъ по лагерю; или же, сидя на берегу, онъ теръ пескомъ свой большой мечъ* и металъ стрѣлы въ пролетающихъ ястребовъ. Состояніе души его вырывалось наружу въ бѣшеной рѣчи.»

Спендію, однако, удалось нѣсколько успокоить Мато, и онъ начинаетъ готовить свою армію къ битвѣ. Члены великаго совѣта Карѳагена стараются отклонить бѣду и посылаютъ къ варварамъ для переговоровъ Гискона, которому удастся нѣсколько укротить непріятелей уплатой имъ долга карѳагенянъ; но являются и недовольные, и братья умерщвленныхъ балеарцевъ не хотятъ простить карѳагенянамъ смерть соотечественниковъ, да и Спендій употребляетъ въ дѣло интриги—а потому Гискона съ товарищами, по приказанію Мато, схватываютъ и бросаютъ въ ровъ. Надежда на миръ рушится. Тогда Спендій предлагаетъ Мато пробраться ночью въ Карѳагенъ черезъ водопроводы; Мато, разумѣется, соглашается. То ползкомъ, то вплавъ

пробираются они по трудному пути, совершаютъ на немъ чудеса ловкости и, наконецъ, проникаютъ въ городъ. Едва выбравшись изъ-подъ мрачныхъ сводовъ водопровода, Мато хочетъ идти въ домъ Гамплькара; но Спендй, до начала предпріятія заставившій Мато появляться себѣ въ слѣпомъ повиновеніи, удерживаетъ его отъ намѣренія идти туда, гдѣ Саламбѣ, и направляется съ своимъ спутникомъ къ храму богини Таниты. Онъ хочетъ, чтобъ Мато похитилъ изъ храма священное покрывало богини, и хотя трудно ему уговорить предводителя, который страшится гнѣва боговъ за такое святотатство, но Спендй, не боящійся чужеземныхъ боговъ и вѣрующій только въ сватыни своей страны, внушаетъ Мато мысль, что какъ скоро это покрывало будетъ въ его рукахъ, то онъ сдѣлается непобѣдимъ и бессмертенъ, и будетъ обладать Саламбѣ. Мато, наполовину черезъ силу, наполовину изъ желанія обладать Саламбѣ, схватываетъ покрывало *заимфъ*, которое Спендй снялъ съ идола, надѣваетъ его на себя и, полный вѣры въ свою непобѣдимость, не слушая увѣщаній Спендіа, направляется къ дому Гамплькара, съ твердой рѣшимостью увидѣть Саламбѣ.

Дѣйствительно, онъ безпрепятственно проникаетъ въ покой, гдѣ молодая дѣва спитъ на ложѣ въ родѣ гамака. «Она спала, положивъ голову на руку. Кольцы ея волосъ такъ роскошно падали вокругъ нея, что казалось, будто она лежитъ на черныхъ перьяхъ, и ея широкая бѣлая туниза, мягкими складками облекая ея тѣло, ниспадала до ногъ. Сквозь полуоткрытыя вѣки виднѣлись глаза ея. Отвѣсно натянутыя занавѣси окружали ея голубоватой атмосферой, и дыханіе ея, сообщаясь шнурамъ постели, казалось, качало ее въ воздухѣ.» Прожужжалъ москитъ... Мато приблизился къ красавицѣ... Она просыпается отъ слишкомъ яркаго свѣта загорѣвшей и тотчасъ же потухшей тлани; она сначала думаетъ, что видитъ призракъ: это покрывало, столь желанное, у ней, и Мато, какъ будто угадавшій ея мечты, принесъ его, показываетъ талисманъ во всемъ его блескѣ и готовъ уже накинуть его на нее. Вдругъ она приходитъ въ себя и съ крикомъ: «святотатство!» зоветъ слугъ къ себѣ на помощь. Они прибѣгаютъ, но, видя Мато, облаченнаго въ сіяющую твань, страшатся тронуть его. Онъ выходитъ изъ дворца Гамплькара, идетъ по городу сопровождаемый угрозами, проклятіями жителей, узнавшихъ уже о похищеніи имъ священной твани, до которой, однако, никто не смѣлъ дотронуться, достигаетъ городскихъ воротъ и въ виду всѣхъ величественно выходитъ изъ Карфагена, унося съ собой его сокровище. Спендй хотя съ трудомъ, но также успѣлъ выбраться изъ непріятельскаго города.

Затѣмъ начинаются военныя дѣйствія: главный предводитель—Мато, идетъ осаждать Утику, на помощь которой отправляется Ганнонъ и одерживаетъ побѣду, но вслѣдъ за тѣмъ потерпѣваетъ поражение, благодаря хитрости Спендія, который пустилъ горящее стадо свиней на слоновъ Ганнона и чрезъ это рѣшилъ побѣду въ пользу наемниковъ. Кароагенъ, уstraшенный ихъ успѣхами, вызываетъ Гамилькара спасти родной ему городъ, и предводитель возвращается на родину.

«Лунный гадатель, наблюдавшій ежедневно съ кровли храма Ешмуна за измѣненіями свѣтила и дававшій знать о нихъ трубнымъ звукомъ, однажды утромъ замѣтилъ на востокѣ что-то похожее на птицу, слегка касающуюся морской поверхности своими длинными крыльями.

«То былъ корабль въ три ряда весель; на его носу изваяна была лошадь. Солнце всходило; гадатель прикрылъ глаза руками и, схвативъ трубу, громко затрубилъ.

«Изъ всѣхъ домовъ стали выходить люди; не хотѣли вѣрить разсказамъ, слышалась брань, пристань была покрыта народомъ. Наконецъ всѣ признали трех-ярусную галеру Гамилькара.

«Гордо и свирѣпо подвигалась она, разрѣзывая вокругъ себя пѣну; рея стояла прямо, парусъ выгибался по всей длинѣ мачты; мѣрно стучали по водѣ гигантскія весла; время отъ времени показывался ея киль, устроенный какъ сошникъ плуга, и находившаяся на ея носу лошадь, съ головой изъ слоновой кости, поднимая обѣ ноги, казалось, бѣжала поравнивъ моря.

«Близъ мыса вѣтеръ стихъ, парусъ упалъ, и рядомъ съ коричнымъ толпа увидѣла человѣка съ открытой головой: то былъ онъ, сфетъ Гамилькаръ! Его желѣзные набедренники блистали; красивый плащъ, прикрѣпленный на плечахъ, открывалъ руки; длинныя жемчужины висѣли у него въ ушахъ и на грудь его спускалась густая черная борода.

«Между тѣмъ галера, качаясь среди скалъ, шла около пристани, и толпы слѣдовали за ней, крича:

«— Привѣтъ, благословеніе тебѣ, око Каммона! Спаси насъ! То вина богатыхъ! Они хотятъ умертвить тебя! Берегись, Барка!»

«Онъ не отвѣчалъ, какъ будто оглушенный шумомъ океана и битвъ. Но, спустившись съ лѣстницы акрополя, Гамилькаръ поднялъ голову и, скрестивъ руки на груди, посмотрѣлъ на храмъ Ешмуна. Взоръ его устремился еще выше, на голубое, ясное небо; строгимъ голосомъ отдалъ онъ приказаніе своимъ матросамъ. Галера заколыхалась, задѣвъ за идолъ, поставленный на углу пристани, чтобъ утишать бури; и въ купеческомъ портѣ, полномъ нечистотъ, обломковъ и кожи пло-

довъ, она отталкивала, ломала суда, прирѣпленные канатами къ сва-
ямъ и съ кроводильными челюстями на носу. Народъ сбѣгался; нѣко-
торые бросались вплавь. Но галера была уже около воротъ, усажен-
ныхъ гвоздями; ворота отворились и она исчезла подъ глубокимъ
сводомъ...

«Никто, кромѣ морскаго суффета, не имѣлъ права входить въ адми-
ральскій домъ...

«Суффетъ вступилъ въ пустые покои; на каждомъ шагу ему попа-
дались оружія, разные предметы, ему знакомые; въ сѣняхъ, въ куриль-
ницѣ лежалъ еще пепелъ благовоиѣ, зажженныхъ при его отъѣздѣ
для заклинанія Мелькарта. Не такъ надѣялся онъ возвратиться! Все
сдѣланное, все видѣнное имъ пришло ему на память: осады, пожа-
ры, легіоны, бури, Дрепанумъ, Сиракузы, Дилибей, Этна, Эриксъ, пять
лѣтъ сраженій — все, до того печальнаго дня, когда карфагеняне
положили оружіе и отдали Сицилію. Далѣе онъ опять видѣлъ лѣса
лимонныхъ деревьевъ, пастуховъ и стада на сѣрыхъ горахъ—и сердце
его трепетало при мысли о другомъ Карфагенѣ, основанномъ въ иномъ
мѣстѣ. Его планы, воспоминанія, какъ шумныя волны, носились у
него въ головѣ, оглушенной еще качкой корабля; опасенія удручали
его и, вдругъ ослабѣвъ, онъ почувствовалъ необходимость обратиться
къ богамъ...»

Гамильбаръ принимаетъ начальство надъ войскомъ и разбиваетъ
Мато; но побѣда эта не приноситъ карфагенянамъ существенной выго-
ды, ибо варвары сосредоточиваютъ всѣ свои силы и принуждаютъ
Гамильбара отступить въ укрѣпленный лагерь.

Эта новая неудача заставляетъ карфагенянъ думать, что бѣдствія
ихъ происходятъ отъ потери священнаго покрывала—и вотъ они об-
виняютъ дочь Гамильбара въ сообщничествѣ съ похитителемъ. Въ на-
родѣ является мысль принести ребѣнка въ умиловительную жертву
Молоху. Съ своей стороны, Саламбд, горя желаніемъ увидѣть Мато и
уступая внушеніямъ верховнаго жреца Шахабарима, рѣшается идти
за священнымъ покрываломъ въ лагерь варваровъ. Ночью выходитъ
она изъ города, проникаетъ въ лагерь варваровъ и, пробывъ нѣ-
сколько времени въ палатѣ Мато, она выходитъ оттуда съ священ-
нымъ покрываломъ на своихъ бѣлыхъ плечахъ; но, выходя, она не мо-
жетъ сказать, подобно Юдифи: «Господь не допустилъ безчестія рабы
своей; Онъ дозволилъ мнѣ вернуться къ вамъ безгрѣшной, полной
радости, что Онъ побѣдилъ, а вы освобождены...»

Съ возвращеніемъ въ храмъ священнаго покрывала, возвращается
и карфагенянамъ и побѣда: Гарр-Авасъ передается Гамильбару и

вслѣдствіе этого, наемники терпятъ страшное пораженіе. Поле битвы устлано трупами. «Греки роютъ могилы концами своихъ мечей; спартанцы заворачиваютъ мертвыхъ соотечественниковъ въ свои красные плащи; афиняне погребаютъ ихъ лицомъ въ солнечному восходу; кантабры громоздятъ надъ трупами груды камней; надамоны перегибаютъ ихъ на двое и связываютъ ремнями, а гарамандійцы погребаютъ трупы на берегу моря, чтобъ они были постоянно омываемы волнами. Латинцы печалятся, что не могутъ сокрыть въ урнахъ пепла своихъ соотечественниковъ; кочевники жалѣютъ о горячихъ пескахъ, гдѣ трупы превращаются въ муміи, а кельты — о трехъ камняхъ подъ дождливымъ небомъ, въ глубинѣ залива, полного островковъ...»

Но наемники не теряютъ надежды на счастье; они идутъ къ Карфагену и начинаютъ его осаду. Спендій разрушаетъ водопроводъ карфагенянъ и отводитъ отъ города рѣку, которая какъ водопадъ низвергается въ долину. Карфагеняне, лишены воды, въ ужасѣ; народъ требуетъ умиловительныхъ жертвъ и сенатъ соглашается предать въ жертву Молоху дѣтей, изъ которыхъ одно должно принадлежать знатной фамиліи. Выборъ падаетъ на десятилѣтняго сына Гамильбара—Аннибала; но отецъ ребенка находитъ средство замѣнить его сыномъ раба. Четырнадцать жертвъ принесены Молоху; боги принимаютъ жертвы и посылаютъ на Карфагенъ обильный дождь. Успѣхъ войны начинается клониться на сторону карфагенянъ; сорокотысячная армія варваровъ окружена въ ущеліи «Топора»: со всѣхъ сторонъ горы и утесы; среди ея открывается голодъ, принуждены ѣсть животныхъ, затѣмъ муловъ, и наконецъ войско находится въ страшной необходимости пожирать своихъ мертвецовъ; каждый ждетъ смерти со съѣда, чтобъ съѣсть его потомъ; сильный убиваетъ для этого слабого; слоны, львы и шакалы уменьшаютъ и безъ того уменьшившуюся армію варваровъ... Она не существуетъ. Несчастный Мато съ небольшимъ отрядомъ попадаетъ въ плѣнъ и подвергается страшной казни въ Карфагенѣ, на глазахъ Саламбô, которая уже невѣста Гарр-Аваса. Саламбô съ ужасомъ смотритъ на эту казнь, вспоминая ихъ свиданіе въ палаткѣ: «она какъ бы снова видѣла его у своихъ ногъ, обнимающаго ея станъ, шепчущаго сладкія слова. Она снова хотѣла ихъ слышать, ихъ прочувствовать; она не хотѣла его смерти.» Изнемогая отъ этихъ впечатлѣній, Саламбô умираетъ, но народъ говоритъ, что она умерла потому, что осмѣлилась дотронуться до священной ткани богини.

Изъ этого очерка читатель можетъ замѣтить, что исторія широкой долей входитъ въ романъ Флобера. Очевидно, чтобы остаться вѣр-

нимъ исторической истинѣ, онъ долженъ былъ тщательно изучить древнюю карфагенскую жизнь. Флоберъ храбро взялъ на себя этотъ нелегкій трудъ, даже предпринималъ путешествіе въ сѣверную Африку и, дѣйствительно, подробно познакомился съ карфагенскимъ бытомъ. Но все это знакомство—чисто внѣшнее. И въ рукахъ самой науки нѣтъ богатаго матеріала для изученія карфагенской народности, а тѣмъ болѣе мало данныхъ для художественнаго ея воспроизведенія. Въ пониманіи этой народности Флоберъ, если не ошибаемся, руководствовался общою характеристикой семитическаго племени, слѣланною знаменитымъ Ренаномъ—источникъ, несомнѣнно прекрасный, но слишкомъ широкій, слишкомъ общій для художника. Поэтому, Флоберъ недостатокъ подробностей, или, лучше сказать, недостатокъ связи въ подробностяхъ долженъ былъ восполнять изъ своего воображенія, а чтобы въ тоже время не оторваться, по возможности, отъ истины, онъ старался пользоваться всѣми археологическими мелочами. Вслѣдствіе этого явилось у него, съ одной стороны, тщательное, чуть не ученое описаніе внѣшняго быта карфагенянъ, а съ другой—нѣсколько общихъ, но скучныхъ чертъ ихъ племеннаго типа. Частностей же ихъ внутренней, духовной жизни, которыя должны были дать смыслъ и фонъ всей картинѣ, не оказалось. Это лишило живости его описанія, а между тѣмъ Флоберъ придирается къ каждому случаю, чтобы представить читателю картину порта, осады, религиозныхъ обрядовъ и пр., переполняя все это множествомъ археологическихъ подробностей—и читатель чувствуетъ наконецъ утомленіе. Тоже впечатлѣніе выноситъ читатель и изъ тѣхъ сценъ, гдѣ авторъ заставляетъ дѣйствовать народную массу. Сперва онѣ нравятся, какъ, на примѣръ, первая сцена пира, но потомъ вы замѣчаете повтореніе: да кромѣ того ваше непріятное впечатлѣніе усиливается тѣмъ болѣе, что тутъ дикая жестокость и животный разгаръ страстей являются на каждомъ шагѣ и кровь льется широкою рѣкою. Подъ конецъ это становится не только скучно, но и отвратительно.

Болѣе удались автору нѣкоторыя отдѣльныя личности, болѣе или менѣе извѣстныя намъ изъ исторіи. Особенно хорошо очерчены у него Гамилькаръ—этотъ купецъ-вождь, типъ полководца въ торговомъ государствѣ, и бездарный вельможа, обжора, суфетъ Ганнонъ. Гамилькаръ знакомъ читателямъ изъ прежнихъ выписокъ, а вотъ нѣсколько строкъ изъ характеристики Ганнона:

«Какъ только суфетъ (Ганнонъ) прибылъ въ Карфагенъ, начальники города явились къ нему съ привѣтомъ. Онъ пожелалъ отправиться въ бани и позвалъ своихъ поваровъ.

«Три часа спустя онъ сидѣлъ еще въ коричномъ маслѣ, которымъ была наполнена ванна, и, купаясь, ѣлъ гусинные языки съ маковыми сѣменами, приправленные медомъ и поставленные передъ нимъ на бычачьей кожѣ. Подлѣ него безмолвно стоялъ его врачъ, грекъ, въ длинномъ желтомъ платѣ, отъ времени до времени подогрѣвая ванну, а двое мальчиковъ, наклонясь на ступеняхъ бассейна, терли ему ноги.

«Ладонь курилась въ кадилъницахъ, и голые втиральщики, съ которыхъ потъ катился, какъ вода изъ губки, начали тереть ему члены мазью, составленную изъ пшеницы, сѣры, чернаго вина, молока суки, мирры, камедистой смолы и амбры. Его мучила постоянная жажда...»

Женскихъ личностей въ романѣ только одна—сама героиня Саламбô. Но что это за характеръ? Въ созданіи его, кажется, авторъ опять старался быть какъ можно ближе въ исторической истинѣ; но эту историческую истину, повидимому, онъ понималъ такъ, что сѣметическая женщина не болѣе какъ самка мужчины. Не входя въ ученый споръ объ этомъ предметѣ, замѣтимъ однако, что — личность Саламбô не составляетъ никакого цѣльнаго характера: это какое-то странное существо, съ страшно узкимъ внутреннимъ міромъ; религія ея тупа, лишена всякаго энтузіазма; истинной и полной любви въ ней не видно—въ ней только и есть что чувственные порывы; они только и создаютъ ея внутреннюю борьбу, въ нхъ удовлетвореніи предѣлъ всѣхъ ея стремленій. Мы не могли бы не подивиться созданію этого лица, еслибы не знали, что Флоберъ—матеріалистъ. Это обстоятельство поясняетъ намъ и тѣ пространныя описанія разныхъ шекотливыхъ предметовъ и положеній, которыя встрѣчаются и въ новомъ его романѣ. Мы считаемъ Флобера писателемъ серьезно-мыслящимъ и потому увѣрены, что онъ дозволилъ себѣ эту свободу изображенія, конечно, не съ цѣлью раздражить чувственные инстинкты читателя соблазнительными картинами въ родѣ пошлостей Фоблаза; но нельзя не упрекнуть его за такое рѣзкое пренебреженіе къ нравственнымъ понятіямъ общества и еще болѣе за то, что пною нескромною картиною онъ рискуетъ доставить своему произведенію тотъ позорный успѣхъ скандала, на который онъ вовсе не рассчитывалъ, но который такъ не рѣдокъ въ нынѣшнемъ французскомъ обществѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

An Inquiry into the Theories of History, with Special Reference to the Positive Philosophy. (*Введеніе въ теорію исторіи, съ спеціальнымъ обзоромъ положителной философіи*). London. 1862.

Признавая существованіе извѣстныхъ законовъ какъ въ явленіяхъ природы, такъ и въ исторіи, неизвѣстный авторъ имѣетъ цѣлью помирить положительную философію съ религіознымъ ученіемъ. Онъ старается доказать, что самая идея закона, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ явленій, есть выраженіе воли Божества. Въ положительной философіи онъ видитъ односторонность направленія и всего больше нападаетъ на Канта.

Psychologie aus Friedrich Schleiermacher's handschriftlichem Nachlasse und nachgeschriebenen Vorlesungen herausgegeben. Von L. George. (*Психологія, по рукописи и лекціямъ Фридриха Шлейермахера*.) Изд. Георге, 1862.

Въ своихъ лекціяхъ Шлейермахеръ, не вдаваясь въ споръ между матеріалистами и спиритуалистами—такъ какъ этотъ споръ всего болѣе касается фیزیологій—останавливался преимущественно на различіи человѣка отъ животныхъ. По его мнѣнію, это различіе всего болѣе заключается въ томъ, что у человѣка есть сознаніе своего я (*das Ich-setzen*), всегда проявляющееся въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ отличаетъ себя отъ предмета мысли. Сознаніе своего я, по Шлейермахеру, есть начало всѣхъ способностей, которыя всѣ группируются около него.

Religïöse Charaktere. Dargestellt von Heinrich Lang. Erster Band. (*Религіозные характеры, соч. Гейнриха Ланга. 1-й томъ.*) 1862.

Лангъ въ своей книгѣ составилъ мастерскія біографіи св. Павла, Цвингли, Лессинга и Шлейермахера, какъ людей по преимуществу занимавшихся вопросами религіи. Источникомъ біографіи св. Павла служили его посланія. Цвингли авторъ изображаетъ, какъ человѣка, который, несмотря на то, что дѣйствія его не имѣли такого громаднаго вліянія, какъ дѣйствія Лютера, не уступалъ, однако, послѣднему въ твердости воли и даже превосходилъ его умомъ. Лессингъ же характеризуется у Ланга тѣмъ, что онъ старался ниспровергнуть строгій духъ стариннаго лютеранства.

La Sorcière par Jules Michelet. Колдунья, соч. Мишле). Paris. 1862.

Эта книга заключаетъ въ себѣ историческую характеристику того оригинальнаго явленія, которое называется колдовствомъ и играетъ такую видную роль преимущественно въ народной жизни среднихъ вѣковъ. Происхожденіе колдуній на западѣ Мишле объясняетъ изъ того глубо-

каго нравѣства и порабощенія, въ которомъ находились нисшіе классы въ сказанную эпоху, и которое доводило, наконецъ, простонародную женщину до такъ называемыхъ «договоровъ съ сатаною». Эта мысль въ основаніи своемъ, быть можетъ, и вѣрная, но она развита у Мишле не столько путемъ ученой разработки, сколько въ радѣ догадокъ и неосновательныхъ фантастическихъ соображеній, дѣлающихъ книгу его скорѣе романомъ, чѣмъ сочиненіемъ ученымъ. Къ сожалѣнію, какъ романъ или книга популярнаго чтенія она не удовлетворяетъ своимъ дикимъ, страшно надутымъ слогомъ. Увлеченный вихремъ своихъ теорій, Мишле впадаетъ въ мистицизмъ, и это особенно имѣетъ вліяніе на ясность его изложенія. Лучшую часть книги составляетъ рассказъ о замѣчательнѣйшихъ процессахъ о французскихъ колдуньяхъ.

Во Франціи книга Мишле показалаcя очень глубокомысленною и имѣла большой успѣхъ, но правительство нашло нужнымъ запретить второе ея изданіе.

Intellectual Education and its Influence on the Character and Happiness of Women. By *Emily Shirreff*. (*Умственное воспитаніе и его вліяніе на характеръ и счастье женщины.* Соч. *Эмили Ширреффъ*.) London. 1862.

Авторъ по преимуществу обращаетъ вниманіе на умственное воспитаніе и предлагаетъ средства для осуществленія того высокаго идеала, который долженъ служить цѣлью жизни. Положеніе женщины въ обществѣ очерчено прекрасно. Вообще эту книгу можно порекомендовать всякому, кто интересуется наукою воспитанія.

Infanticide; its Law, Prevalence, Prevention, and History. By *W. B. Ryan*. (*Дѣтоубійство; законы объ немъ, его вліяніе, его предупрежденіе и исторія.* Соч. *Райана*. London.) 1862.

Самая лучшая часть этого сочиненія, небогатаго выводами, есть взглядъ автора на англійскій законъ о дѣтоубійствѣ и исторія этого закона. Дѣтоубійство находится въ обратномъ отношеніи къ нравственности; оно можетъ быть истреблено только при уменьшеніи бѣдности и всеобщемъ прогрессѣ въ цѣломъ народѣ.

Histoire ancienne des peuples de l'Orient mise au niveau des plus récentes découvertes, par Félix Robiou. (*Исторія древнихъ народовъ по новейшимъ открытіямъ; соч. Феликса Робіу*). Paris. 1862.

Уже пришло время внести въ связанное историческое описаніе результаты знаменитыхъ археологическихъ открытій Шамполиона, Лепсіуса и Мариетта — въ Египтѣ, и Ботти и Лейярда — въ Ниневіи и Вавлонѣ. Робіу, первому изъ французовъ, пришла смѣлая мысль выполнить такую задачу. Онъ самъ — знающій египтологъ, и, стало быть, знаетъ, какъ взяться за работу. Особенно полна египет-

ская часть его маленького тома; этого, впрочем, нужно было ожидать, потому что изучение Египта въ настоящее время достигло ^{огромной} большей полноты. Совсѣмъ тѣмъ, для народовъ западной Азіи, Робіу то же суждѣлъ прекрасно воспользоваться послѣдними учебными трудами.

Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. Von Ludwig Friedländer, professor in Königsberg. 1-er Theil. (Картины изъ исторіи римскихъ нравовъ, соч. Лудвига Фридлендера). 1862.

Фридлендеръ представляетъ картину римскихъ нравовъ въ періодъ имперіи отъ Августа до Константина. Царствованіе Коммода раздѣляетъ исторію римскихъ нравовъ на два рѣзкіе періода; на этомъ основаніи и авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на двѣ части. Императорскій дворъ, вліяніе его на нравы, общественная жизнь, положеніе сенаторовъ, рабовъ и простаго народа, жизнь римскихъ женщинъ — все это изображено очень живо.

Histoire de l'amour dans l'Antiquité, par M. Cénac-Moncaut. 1 vol. (Исторія любви въ древности, соч. Сенака-Монко). Paris 1862.

Любовь, какъ чувство общечеловѣческое, конечно, присуща всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ. Однако, нельзя не замѣтить, что, смотря по времени, мѣстности, народности и образованію, она проявляется различно, различно выходитъ наружу. Поэтому-то и можно наблюдать любовь въ древности, какъ то сдѣлалъ авторъ предлагаемой книги. Авторъ изучаетъ видоизмѣненія любви у грековъ и римлянъ, и обнаруживаетъ въ себѣ знаніе и умѣнье пользоваться хорошими источниками. Нравы древняго міра оживаютъ предъ нами, при помощи поэтовъ, которые особенно хорошо или разнообразно воспѣвали и выражали любовь, и которые описали положеніе женщины въ древности.

Histoire de la femme, par Martin. Premier volume: Antiquité (Исторія женщины; соч. Мартена, часть первая: Древность). Paris. 1862.

Содержаніе этой книги близко къ сочиненію Сенака Монко. Мартенъ поставилъ себѣ цѣлью исторически разсмотрѣть положеніе женщины въ древнемъ и новомъ мірѣ. Вышедшій нынѣ томъ касается положенія женщины у евреевъ, грековъ и римлянъ, и имѣетъ то достоинство, что при небольшомъ объемѣ заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ фактовъ.

Saint Irénée et l'éloquence chrétienne dans la Gaule pendant les deux premiers siècles, par l'abbé Freppel. (Св. Ириней и христіанское красноречіе въ Галліи въ первые два вѣка, соч. аббата Фреппеля) 1862.

Это сочиненіе есть рядъ лекцій, читанныхъ аббатомъ Фреппелемъ въ Сорбоннѣ, въ 1860 — 61 г.: въ нихъ систематически, ясно и уче-

разомъ, хотя и съ католической точки зрѣнія, выставлено нымъ знаменитаго епископа, автора разсужденія о ересьхъ. Лучшее изъ него изложено главы о гностикахъ.

Deutsche Geschichte von der ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Von Max Wirth. Erster Band. (Нѣмецкая исторія съ древнѣйшаго до настоящаго времени. Соч. Макса Вирта. Томъ первый). 1862.

Эта книга отличается серьезнымъ, научнымъ интересомъ; авторъ осмысляетъ факты и старается отыскать законы историческаго развитія. Въ первомъ отдѣлѣ онъ описываетъ первоначальныя поселенія германцевъ, ихъ войны съ Римомъ, введеніе христіанства и образованіе королевства франкскаго. Внутренняя жизнь германцевъ составляетъ предметъ втораго отдѣла перваго тома и изложена превосходно.

Les chevaliers-poètes de l'Allemagne. (Minnesinger) par Octave d'Assailly. (Нѣмецкіе поэты-рыцари, соч. Октава д'Ассальи). Paris. 1862.

Октавъ д'Ассальи выбралъ очень любопытную тему для своего труда. Миннезингеры составляютъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ нѣмецкой литературѣ XII, XIII и XIV вѣковъ, между наивною романскою эпохою искусства и утонченнымъ періодомъ возрожденія; это—первые нѣмецкіе лирики, возникшіе на волнѣ народной почвѣ. Д'Ассальи представляетъ характеристики этихъ поэтовъ и выборку изъ ихъ произведеній. Главный источникъ, которымъ онъ пользовался, есть старинный рукописный сборникъ стихотвореній миннезингеровъ, хранящійся въ парижской императорской библіотекѣ.

Histoire de la Terreur. 1791—1794. D'après des documents authentiques et inédits. Par M. Mortimer-Ternaux. 2-й vols. (Исторія терроризма отъ 1791—1794 года, составленная по подлиннымъ документамъ. Соч. Мортимера-Терно. 2-й томъ). Paris 1862 г.

Въ прошломъ году мы упоминали о первомъ томѣ этого сочиненія. Какъ тамъ, такъ и во второмъ томѣ его, богатые, неизданные еще до сихъ поръ, матеріалы, которыми пользуется Мортимеръ-Терно, дѣлаютъ его книгу очень любопытною. Авторъ мрачными красками описываетъ не только Дантона и Робеспьера, но и такія личности, какъ Роландъ и Дюмурье.

Die Uebervältigung Hanover durch die Franken. Vom Ompteda. (Покореніе Ганновера французами. Соч. Омштеда). 1862.

Книга эта представляетъ живой разсказъ о покореніи Ганновера французами. Кромѣ памятниковъ, хранящихся въ архивахъ, источникомъ сочиненія Омштеда служили также воспоминанія и записки его отца, который былъ министромъ въ Ганноверѣ и бѣжалъ вовремя нашествія французовъ.

Italy under Victor Emmanuel, a Personal Narrative. By Count Charles-
Arrivabene. (Италія при Викторѣ Эммануилѣ; записки графа Карла Арривабене-
на). London 1862.

Въ этой книгѣ можно найти очень живыя характеристики всѣхъ современныхъ дѣятелей Италіи. Въ первомъ томѣ авторъ съ подробностію описываетъ войну, окончившуюся вилла-франкскимъ миромъ; во второмъ томѣ—сардинскій парламентъ въ 1860 году, свое собственное заключеніе, Неаполь въ 1860 году; въ заключеніи авторъ высказываетъ свои предположенія о будущности Италіи.

Histoire de l'Archipel hawaïen, par Jules Rémy. (Исторія гавайскаго архипелага, соч. Жюль Реми). Paris. 1862.

На гавайскомъ архипелагѣ, открытомъ капитаномъ Кукомъ и названнымъ имъ Сандвичевымъ Островами, царитъ впродолженіе многихъ лѣтъ конституціонная свобода; король Камеамеа IV кротко править въ Гонолулу, при содѣйствіи двухъ палатъ, всеобщей подачи голосовъ и полной религіозной свободѣ, словомъ, со всѣми условіями, необходимыми для развитія просвѣщенія. Между тѣмъ, еще въ 1819 году на Сандвичевыхъ Островахъ приносилась человѣческія жертвы, и населеніе находилось въ состояніи полной дикости. Вся честь такой поразительной перемены принадлежитъ протестантскимъ миссіонерамъ. Туземцы, еще въ 1820 году непознѣвавшіе о существованіи письменъ, издали книгу подъ заглавіемъ: *Мулю-Гаваи*. Это сборникъ преданій и исторія сандвичанъ. Нелишнимъ будетъ сказать, что они сами отпечатывали ее своими руками на станкахъ, принадлежащихъ миссіонерамъ. Жюль Реми предлагаетъ переводъ этой любопытной книги. Конечно, нельзя и думать смотрѣть на нее, какъ на образчикъ художественнаго изложенія; это—повѣствованіе, отличающееся простотой совершенно первобытной. Весьма любопытно наблюдать на страницахъ ея первые порывы мысли у народа, который христіанство заставило сдѣлать такой быстрый поворотъ отъ варварства въ просвѣщенію.

La Nouvelle Calédonie et ses habitans, par le docteur Victor de Rochas. (Новая Каледонія и ея жители, соч. г. доктора Роша). Paris 1862 г.

Только въ 1853 г. Франція воздвигла свое знамя въ Новой Каледоніи, и европейцы еще весьма поверхностно знакомы съ этимъ отдаленнымъ островомъ Океаніи. Это придаетъ особенный интересъ сочиненію доктора Роша. Авторъ прожилъ три года въ описываемой имъ странѣ. Результатомъ его внимательнаго и терпѣливаго изученія является полное и отчетливое сочиненіе, въ которомъ не упу-

ны изъ виду ни измѣненія почвы, ни геологическое строеніе, ни флора, ни царство животныхъ, ни этнографія.

L'Afrique nouvelle, récents voyages, etc par M. Alfreds Jacob. (Новая Африка, новейшія путешествія и проч., соч. Альфреда Якобса). Paris. 1862.

Сочиненіе Якобса объ Африкѣ заключаетъ въ себѣ полную картину шестидесятилѣтнихъ усилій европейскихъ путешественниковъ ознакомить Европу съ таинствами жизни чернаго народонаселенія. Авторъ пользуется сочиненіями Ливингстона, Ричардсона и др. Относительно изложенія должно сказать, что различные вопросы, касающіеся неизвѣстныхъ странъ Африки, являются въ этихъ очеркахъ не только предметомъ полнаго ученаго разсужденія, но и облечены въ чрезвычайно занимательную форму.

Tableau de la Cochinchine. par. E. Cortembert de L. de Rosny (Картина Кокчинины, соч. Кортамбера и Рони). Paris. 18 2.

Сочиненіе это, составленное подъ руководствомъ французскаго этнографическаго общества, есть сводъ всѣхъ географическихъ и историческихъ данныхъ о Кокчининѣ, которыя только могли быть собраны до сихъ поръ. Для этого изданія авторы умно воспользовались трудами миссіонеровъ и разсказами немногихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ берега аннамской имперіи. Книга эта приобретаетъ тѣмъ болѣе значенія, что въ Кокчининѣ въ настоящее время основана французская колонія.

Unto this last. Four Essays on the principles of political-Economy. By J. Ruskin. (Включеніе. Четыре опыта о началахъ политической экономіи. Соч. Рёскина). London. 1862.

Сочиненіе Рёскина построено на совершенно ложныхъ началахъ: во первыхъ потому, что Рёскинъ даетъ слишкомъ широкое опредѣленіе политической экономіи, а вовторыхъ потому, что онъ признаетъ принципъ вѣшателства государственной власти въ экономическіе вопросы.

Les chemins de fer et le crédit en France, par Poujard'hieu. (Французскія желѣзныя дороги и кредитъ, соч. Пужардіе). Paris. 1862.

Пужардіе—впродолженіе многихъ лѣтъ секретарь одной изъ важнѣйшихъ кампаній французскихъ желѣзныхъ дорогъ; слѣдовательно, ему весьма удобно наблюдать общій ходъ экономическихъ явленій въ этой сферѣ. Въ этомъ новомъ сочиненіи обширный вопросъ о тождественности кредита и желѣзныхъ дорогъ разобранъ у автора съ разныхъ точекъ зрѣнія.

ВЪ МАГАЗИНѢ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ.

Коммиссіонера Императорскихъ университетовъ: Св. Владимира,
Дерптскаго и Харьковскаго, Археографической Коммиссіи и
Археологическаго Общества,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербурѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной
Библіотеки, въ домѣ Демидова,

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ТОЛЬКО-ЧТО ОТПЕЧАТАННЫЯ:

СВЕРНОРУССКІЯ НАРОДОПРАВСТВА

во времена удѣльно-вѣчеваго уклада: *Новгородъ, Псковъ, Вятка.*
Соч. Н. И. Костомарова, изд. Д. Е. Кожанчикова. Два тома.
Спб. 1863. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 50 к.

Графы Никита и Петръ Панины. Опытъ разработки новейшей русской исторіи по неизданнымъ источникамъ. Соч. П. С. Лебедева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Чтенія изъ русской исторіи (съ исхода XVII вѣка) П. Щербальскаго. Выпускъ IV (царствованіе Елизаветы I.—Петра II.—Анны Іанновны. — Іоанна III и Елизаветы Петровны). Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Домашній бытъ русскихъ царей. Томъ I, съ портретомъ великаго князя Василія Іоанновича и IX видами и планами дворца въ селѣ Коломенскомъ и Сольвычегодскихъ старинныхъ хоромъ Строгановыхъ. М. 1862 г. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Дѣло патріарха Никона. Историческое изслѣдованіе по поводу IX т. исторіи Россіи Соловьева, съ приложеніемъ актовъ и бумагъ, относящихся къ этому дѣлу. Н. Субботина. М. 1862 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Семейство Монсовъ (1688—1724). Очеркъ изъ русской исторіи. М. Семева. Спб. 1862. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 60 к.

Земство и расколъ. Соч. А. Шапова; изд. Д. Е. Кожанчикова. Выпускъ I. Спб. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Маркизь де-ла-Шетарди въ Россіи (1740—1842 годовъ).

Переводъ рукописныхъ депешъ французскаго посольства въ Петербургъ, съ примѣчаніями и дополненіями П. Пекарскаго. Томъ въ 660 стр. Спб. 1862. Ц. 1 р. 75 коп., съ перес. 2 р. 50 к.

Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Исслѣдованія. П. Пекарскаго. Два большіе тома (оба продаются) Спб. 1863 г. Ц. 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Соч. Ѳ. И. Буслаева; изд. Д. Е. Кожанчикова. Два большіе тома. Великолѣпное изданіе на веленовой глазированной бумагѣ, съ 212 рисунками съ древнихъ рукописей. Спб. 1861 г. Ц. за оба тома 7 р., съ пер. 8 р. 50 к.

Толковый словарь живаго великорусскаго языка В. Даля. Выпускъ V. М. 1862 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. тоже первые четыре выпуска. Ц. по 1 р. за выпускъ, съ пер. по 1 р. 50 к.

Исторія французской литературы Юліана Шмидта. Два тома болѣе 50 печатныхъ листовъ. Она будетъ издана въ 5 выпускахъ (1-й выдается). Спб. 1863 г. Ц. за оба тома 4 р., съ пер. 5 р.

Всеобщая исторія литературы І. Шера, перев. А. Пыпина. Она будетъ издана въ 3 выпускахъ около 50 печатныхъ листовъ (1 выпускъ выдается). Спб. 1863 г. Ц. за полное изданіе 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.

Обзоръ современныхъ конституцій. Часть I, сост. А. Лохвицкій. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Часть II Ц. 60 к., съ пер. 90 к.

Исторія войны 1813 года за независимость Германіи, по достовѣрнымъ источникамъ; сост. по Высочайшему повелѣнію М. Богдановичемъ. Два большіе тома съ картами и планами. Спб. 1863 г. Ц. за оба тома 7 р. 50 к., съ пер. 10 р.

Исторія отечественной войны 1812 года. Сост. М. Богдановичемъ, 4 большіе тома, съ картами и планами. Спб. 1861 г. Ц. 10 р., съ пер. 13 р.

- Engrais et amendements, par G. Fouquelt 2-e édit., 274 pages.
Fumiers de ferme et composts, par Fouquet. 2-e édit., 200 pages et gravures.
Noir animal, par Bobierre, 156 pages et 7 gravures.
Plantes racines, par Ledocte, 232 pages et 20 gravures.
Prairies, par de Moor, 212 pages et 67 gravures.
Vaches laitières (Choix des), par Magne, 3-e édition, 144 pages et 39 gravures.
Cheval (Choix du), par Magne. 150 pages et 5 planches.
Bêtes bovines (l'Eleveur de), par Villeroy, 438 pages et 60 gravures.
Races bovines, par de Dampierre, 2-e édition, 192 pages et 28 gravures.
Médecine vétérinaire, par Verheyen, 2-e édition, 2 vol.
Basse-cour, Pigeons et Lapins, par M-me Millet-Robinet, 4-e édit., 180 pages et 31 gravures.
Economie domestique, par M-me Millet-Robinet, 234 pages et 21 gravures.
Le Jardin du cultivateur, par Naudin, 187 pag. et 34 gravures.
Biens fonds (Manuel de l'Estimateur de), par Noirot, 360 pages.

BIBLIOTHÈQUE DU JARDINIER.

10 vol. in-12 à 40 cop. le vol.

- Jardins (Tracé et Ornémentations des), par Bona, 172 pages et 104 gravures.
Arbres fruitiers, taille et mise à fruit, par Puvis, 2-e édit., 220 pages.
Pépinières, par Carrière, 144 pages et 16 gravures.
Asperge, culture naturelle et artificielle, par Loisel. 2-e édit., 108 pages et gravures.
Melon, culture sous cloche, sur butte et sur couche, par Loisel, 4-e édit. 112 pages et 3 gravures.
Dahlia, par Pepin, 2-e édit., 156 pages et 36 gravures.
Oeillet, par le baron de Ponsart, 2-e édit., 196 pages et 1 planche.
Pelargonium, par Thibault, 108 pages et 10 gravures.
Rosier, violette pensée, primevère, auricule, balsamine, pétunia, pivoine (espèces), cultures, variétés par Marx Lepelletier, 104 pag.
Chimie et physique horticoles, par Deherain, 120 pages et 11 grav.

EN VENTE A LA LIBRAIRIE DE LA COUR IMPÉRIALE,

S. DUFOUR,

Perspective de Nevsky, au pont de Police.

CATALOGUE

DES

OEUVRES LITTÉRAIRES ET HISTORIQUES

DES AUTEURS MODERNES

ÉDITÉES PAR LES PREMIERS LIBRAIRES DE PARIS.

COLLECTON IN-12°.

- WABREN.** — Le Whist rendu facile suivi de Traité du whist de Gand, du boston de Fontainebleau et du boston russe. 2-e édit., revue et en partie refondue. Paris, 1855. 1 vol. 1 r.
- ZACGONE (Pierre).**—Nouveau langage des fleurs avec leur valeur symbolique et leur emploi pour l'expression des pensées; avec 18 sujets coloriés. Paris, 1858. 1 vol. 1 r.
- ZELLER (Jules).** — L'Année historique ou Revue annuelle des questions et des événements politiques de la France, de l'Europe et des principaux États du monde. Paris. 3 vol. (avec des restrictions). 2 r.
- Episodes de l'histoire d'Italie. — Les vèpres siciliennes. — Nicolas Rienzi. — La prise de Rome par le connétable de Bourbon. — Masaniello. Paris, 1856. 1 vol. 1 r.

BIBLIOTHÈQUE DU CULTIVATEUR.

19 vol. in-12 à 40 cop. le vol.

Travaux des champs, élémens d'agriculture, par Borie, 230 pages et 130 gravures.

Fermage, guide des propriétaires de biens affermés, par de Gasparin, 3-e édit., 384 pages,

Métayage (contrats, effets, améliorations), par de Gasparin, 2-e édit. 166 pages.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М. БЕРНАРДА,

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТѢ, ПРОТИВЪ
МАЛОЙ МОРСКОЙ, № 10.

Для фортепіано.

APLETSCHIEIEFF. La gracieuse. Polka de salon 75 к.

ARDITI. Il bacio. Любимый вальсъ (75 к.). Легкая аранжировка 75 к.

BADARZEWSKA. La prière d'une vierge (50 к.). Edition facilitée 40 к.

BAUMFELDER. Clara. Polka élégante (60 к.).

BEETHOVEN. Sonates. Nouvelle édition (по 75 к., 1 р. 15 к. и 1 р. 45 к.).

BENDEL. Mozart. Andante favori (60 к.). Nocturne (60 к.).

BERNARD A. Marche zouave. op. 14 (60 к.).

BERNARD M. Альбомъ самыхъ любимѣйшихъ русскихъ романсовъ

Булахова, Варламова, Гр. Висльорскаго, Глинки, Гурилева,

Дарюмыжскаго, Дерфельдта, Дюбука, кн. Кочубей, Пау-

флера, Яковлева и др., переложенныхъ для одного фортепіано

Тетради 1 и 2 (въ каждой по 10 романсовъ), (каждая тетрадь по 1 р.). Тетр. 3 печатается и выйдетъ въ непродолжительномъ времени.

— Хуторокъ. Chanson favorite de Klimoffsky transcrite (75 к.),

Hommage à la jeunesse. Six romances russes transcrites, 6 № (по 50 к.).

BEYER. Bouquets de mélodies d'opéras favoris: Stradella, Martha.

Ballo in maschera, la Traviata, il Trovatore, I Puritani, le bar-
bier de Séville, (по 1 р.).

CAPSON. Barcarolle (50 к.). La gracieuse. Impromptu (50 к.). Valse
brillante (75 к.).

EGGHARD. Topsy. Polka des nègres (60 к.). Echo du cœur (60 к.)

Chanson de chaudronnier. Morceau de salon (75 к.).

JÆLL. Près du berceau. Morceau de salon (60 к.).

IDÉ. Chant d'automne (50 к.).

JUNGMAN. Sérénade espagnole (60 к.). Le mal du pays. Mélodie (40 к.).

La même facilitée (40 к.). Loin d'elle. Romance (40 к.). Har-
monies éoliques (75 к.).

KONTSKI. Souvenir de St.-Petersbourg; № 1. Larmes d'une jeune fille.

Méditation (1 р.). № 2 Mazurka di Bravura (85 к.). Valentine-

Polka (60 к.). Souvenir de Petrowsky. Duo sans paroles (75 к.).

Souvenir de Wiesbaden. Polka (76 к.). Чародѣйка. Любимый
вальсъ (85 к.).

KUHÉ. Fête bohémienne. Morceau de salon (75 к.).

KULLAK. La violette. Idylle (50 в.).

LOESCHHORN. Galop de bravoure (50 в.).

MAYER. 24 préludes d'amateurs dans tous les tons les plus usités.

2 тетр. (кажд. : 1 п.). Rayons et ombres. Nocturne (60 к.). La gracieuse. Valse sentimentale (60 к.). Polka militaire (60 к.). Mélodie gracieuse (40 к.). Polka burlesque (60 к.).

MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Lieder ohne Worte. Chansons sans paroles. Знаменитыя пѣсни безъ словъ. Новое изданіе. 7 тетрадей, (каждая 1 п. 30 в.).

MOZART. Fantaisie et sonate. Nouvelle édition (1 п. 30 к.).

THALBERG. *L'art du chant appliqué au piano*. Six transcriptions des célèbres œuvres des grands maitres. op. 70. Série III. № 1. Sérénade du Barbier de Séville. № 2 Duo de la flûte enchantée. № 3 Barcarolle de Gianni di Calais. № 4 Trio et duettino de Don Juan. № 5. Sérénade de l'amant jaloux. № 6 Romance du saule d'Othello, (каждая 1 п.).

PACHER. Tendresse. Morceau mélodieux (60 к.). La belle fileuse. Etude caractéristique (85 к.). Sérénade du troubadeur (60 к.). Echo. Bluette (40 к.). Hommage à Rossini. Andantino de l'opéra Semiramis (75 в.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣ трехъ руб. сер. получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ за пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го января 1-я тетрадь музыкальнаго журнала «НУВЕЛЛИСТЪ» (годъ XXIV), содержащая въ себѣ 7 пьесъ для фортепiano, соч. Тальберга, Эггарда, Волленгаушта, Магнуса, Шмидта, Эстена и др., 2 новые танца, 1 русскій романсъ, фантазія изъ оперы Лукренія Борджіа въ 4 руки соч. Фосса и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.).

Вновь получены: иностранныя *рояли и пиано* лучшаго достоинства, *скрипки, виолончели и смычки* различныхъ цѣнъ и достоинствъ, *флейты, гармонифлейты, гитары, метрономы, камертоны и пр.* по умѣреннымъ цѣнамъ.

Депю лучшихъ итальянскихъ струнъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1863-мъ году

ВЫХОДЯТЪ ежемѣсячно книжками, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

БЕЗЪ КАРТИНОКЪ МОДЪ.

Въ С. Петербургѣ и Москвѣ:

15 руб. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 руб. 50 коп. сереб.

СЪ 18-ю ПАРИЖСКИМИ КАРТИНКАМИ ДАМСКИХЪ И МУЖСКИХЪ МОДЪ.

Въ С. Петербургѣ и Москвѣ:

16 рублей серебромъ.

Съ пересылкою:

17 руб. 50 коп. сереб.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домъ Демидова, при книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, у И. В. Базунова, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типографіи, въ домъ Замятскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.

Digitized by Google